ISSN 2077-4885

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Республиканского
института высшей школы

Исторические и психолого-педагогические науки

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 18

В трех частях
Часть 1

Минск
РИВШ
2018

УДК 082

В сборник, включенный ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований, вошли статьи по историческим и психолого-педагогическим наукам.

Адресован аспирантам, научным работникам, преподавателям высшей школы.

Рекомендовано
редакционно-издательской комиссией
ГУО «Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 6 от 21 декабря 2017 г.)

Редакционная коллегия:
пред. редкол., д-р физ.-мат. наук проф. *В. А. Гайсёнок;*
д-р филос. наук проф. В. Ф. Берков; д-р ист. наук доц. *Г. Я. Голенченко;*
д-р ист. наук проф. В. С. Кошелев; д-р филос. наук проф. *В. В. Позняков;*
д-р филос. наук проф., чл.-кор. НАН Беларуси *П. А. Водопьянов;*
д-р пед. наук проф. В. Ф. Володько; д-р пед. наук проф. *В. В. Чечет;*
д-р психол. наук проф. И. А. Фурманов; д-р психол. наук проф. *В. А. Янчук;*
д-р экон. наук проф. А. В. Данильченко; д-р экон. наук проф. *В. А. Воробьёв;*
д-р полит. наук проф. В. А. Мельник; д-р ист. наук проф. *О. Г. Слука;*
д-р полит. наук, проф. каф. политологии *Л. Е. Земляков*

© ГУО «Республиканский
институт высшей школы», 2018

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

К. В. Андрэйчык
Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт, Полацк

K. Andreichyk
Polotsk State University, Polotsk

УДК 94(477.74):351.853

ЗАХАВАННЕ І АДРАДЖЭННЕ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ ГОРАДА ВІЦЕБСКА Ў 1991–2001 ГГ.

PRESERVATION AND REVIVAL OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF VITEBSK, IN THE 1991–2001

Артыкул прысвечаны аналізу асноўных напрамкаў дзейнасці дзяржаўных органаў і ўстаноў горада Віцебска па захаванню і адраджэнню гісторыка-культурнай спадчыны ў перыяд з 1991 па 2001 гг. Важнымі крокамі на гэтым шляху стала распрацоўка і рэалізацыя праграмных дакументаў, а таксама праца Камісіі па адраджэнні і захаванні гістарычнай спадчыны Віцебска, дзейнасць гарадской тапанімічнай камісіі, наладжванне міжнароднага супрацоўніцтва ў гэтай сферы і інш.

Ключавыя словы: Віцебск; помнікі; гісторыка-культурная спадчына; даследаванне спадчыны; заканадаўства.

The article analyzes the main directions of activities of state bodies and institutions of the city of Vitebsk for the conservation and Adrianna historical and cultural heritage in the period from 1991 to 2001, an Important step in this direction was the development and implementation of policy documents and the work of the Commission on the revitalization and preservation of the historical heritage of Vitebsk, the activities of the city toponymic Commission, international cooperation.

Key words: Vitebsk; monuments; historical and cultural heritage; research heritage; legislation.

Складаны і супярэчлівы перыяд апошняга дзесяцігоддзя XX ст., звязаны з этапам станаўлення нацыянальнай сістэмы аховы гісторыка-культурных помнікаў у Рэспубліцы Беларусь, у справе вывучэння айчыннай гісторыка-культурнай спадчыны, застаецца адным з маладаследаваных, але маючых вырашальнае значэнне нават для сённяшняга дня. Актывізацыя інтарэсу і трансфармацыя стаўлення да помнікаў уласнай гісторыі і культуры з'яўляецца сведчаннем росту духоўнага ўзроўню беларускага грамадства і сталення беларускай дзяржаўнасці. У гэты перыяд асаблівае значэнне набывае ў гэтай сферы дзейнасць органаў улады, устаноў і арганізацый па захаванні і трансляцыі шматвекавой гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі. Пэўныя меры па адраджэнні і захаванні аб'ектаў спадчыны выступаюць як механізмы трансляцыі, спрыяюць распаўсюджванню ведаў аб гісторыі краіны і яе асобных рэгіёнаў, фарміраванню нацыянальнага светапогляду, заснаванаму на агульначалавечых гуманістычных каштоўнасцях, культурных традыцыях беларускага народа, адлюстроўвае супольныя інтарэсы ў гэтай сферы асобы, грамадства і дзяржавы.

Віцебск з'яўляецца адным са старажытнейшых гарадоў Беларусі, мае багатую гісторыю і культурныя традыцыі. Сёння горад пазіцыянуе сябе як цэнтр выяўленчага мастацтва, працягвае лепшыя традыцыі, закладзеныя яшчэ такімі выдатнымі дзеячамі, як М. Шагал, А. Бембель, С. Селіханаў, В. Кароль і інш. Вялікая праца па захаванні і аднаўленні гісторыка-культурных каштоўнасцей у горадзе вядзецца ў апошняе дзесяцігоддзе. Але працы ў гэтым кірунку былі распачатыя яшчэ ў першае дзесяцігоддзе незалежнасці Беларусі. У перыяд 1991–2001 гг. у Віцебску былі зроблены значныя крокі па аднаўленні страчаных помнікаў, вяртанні забытых імёнаў і памяці пра гістарычныя падзеі. Дзейнасць мясцовых органаў улады, устаноў і арганізацый – гэта базавая і найбольш дзейная форма рэалізацыі дзяржаўнай палітыкі ў сферы аховы, захавання, трансляцыі і папулярызацыі гісторыка-культурнай спадчыны. Рэалізацыя мерапрыемстваў па гэтых напрамках у горадзе ў першую чаргу была пакладзена на аддзел культуры выканкама Віцебскага гарадскога Савета народных дэпутатаў. Першаснае значэнне мела прыняцце праграмных дакументаў, стварэнне профільных структурных адзінак – камісій і спецыялізаваных сектараў аховы помнікаў гісторыі і культуры.

У 1991 г. аддзелам культуры Віцебскага гарвыканкама была прынята Праграмма асноўных напрамкаў дзейнасці ўстаноў культуры горада па адраджэнні нацыянальнай культуры і ўмацаванні яе матэрыяльна-тэхнічнай базы. Праграмма была разлічана на перыяд з 1991 па 2000 гг. і ўключала працу ў наступных кірунках: стварэнне і дзейнасць гарадской камісі па адраджэнні і захаванні гістарычнай спадчыны Віцебска; мерапрыемствы, звязаныя з аховай і папулярызацыяй беларускай нацыянальнай культуры; мерапрыемствы, звязаныя з ушанаваннем памяці знакамітых землякоў, гістарычных падзей, выданне часопісаў па пытаннях культуры і мастацтва, садзейнічанне развіццю гісторыка-краязнаўчай працы (у т.л. актывізацыя збору матэрыялаў для выдання серыі кніг «Памяць») [1, л. 3; 2, л. 7].

У 1992 г. пры аддзеле культуры і інфармацыі Віцебскага гарвыканкама ў адпаведнасці з Праграмай была ўтворана камісія па адраджэнні, захаванні і развіцці культурнай і гістарычнай спадчыны. Сярод яе членаў былі прадстаўнікі выканаўчых органаў, будаўнічых і рэстаўрацыйных арганізацый, супрацоўнікі музеяў, прадстаўнікі жыллёва-камунальнай сферы. Пасяджэнні камісіі адбываліся некалькі разоў на год. Камісія складалася з 21 асобы, у яе склад уваходзілі: старшыня В. У. Акуневіч, намеснік старшыні камісіі – загадчык аддзела культуры В. Д. Кібісаў, галоўны архітэктар горада В. В. Дубік, адказны сакратар гарадскога аддзялення таварыства аховы помнікаў С. С. Аборын, намеснік старшыні прэзідыума абласнога савета таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры Н. А. Сулецкая, археолаг праектна-рэстаўрацыйных майстэрняў «Белрэстаўрацыі» І. А. Цішкін, гісторык праектна-рэстаўрацыйных майстэрняў «Белрэстаўрацыі» Л. В. Хмяльніцкая, дацэнт кафедры педагогікі педагагічнага інстытута М. С. Рыўкін і інш. [1, л. 7; 2, л. 8].

Сярод пытанняў, якія знаходзіліся ў кампетэнцыі камісіі, былі наступныя: вяртанне ранейшых гістарычных назваў плошчам горада, вуліцам, аўтобусным прыпынкам і інш., удасканаленне практыкі прысваення назваў прадпрыемствам, арганізацыям, установам, захаванне культурнай і гістарычнай спадчыны, ушанаванне памяці знакамітых землякоў, гістарычных падзей і інш. Так, вынікам працы камісіі стала перайменаванне шэрагу вуліц горада: у 1992 г. была вернута ранейшая назва вуліцы Пакроўскай – былой вул. Дзяржынскага; музычнаму вучылішчу прысвоена імя музыказнаўцы І. І. Салярцінскага [1, л. 3; 2, л. 7] і інш.

21 мая 1992 г. гарвыканкамам было прынята рашэнне № 200 «Аб стане і мерах па далейшым утрыманні помнікаў у гістарычнай частцы горада». У адпаведнасці з ім аддзел культуры, выконваючы ўмовы палажэнняў Закона аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны, утварыў у сваім штатным раскладзе 2 адзінкі пастаянных спецыялістаў па ахове помнікаў. Разам з тым у снежні 1993 г. пры аддзеле культуры быў утвораны сектар па ахове помнікаў архітэктуры і археалогіі, задачамі якога былі арганізацыя і кантроль за ўлікам і аховай помнікаў усіх відаў, арганізацыя і правядзенне навуковых і ахоўных археалагічных даследаванняў і мерапрыемстваў у гістарычнай частцы горада, падрыхтоўка па выніках даследаванняў актаў тэхнічнага стану нерухомых каштоўнасцяў, вызначэнне парадку аб'ектаў, якія падлягалі першачарговай рэстаўрацыі і капітальнаму рамонту, унясенне прапаноў па гаспадарчым выкарыстанні помнікаў архітэктуры ў адпаведнасці з іх гістарычнай каштоўнасцю, па ўдасканаленні іх катэгарыйнасці і інш. Кантралюючым органам выступала Дзяржаўная інспекцыя па ахове гісторыка-культурнай спадчыны (ДзІнАС). У снежні 1993 г. адбылося зацвярджэнне ахоўных абавязацельстваў, згодна з якімі аддзел культуры павінен быў праводзіць пераафармленне ахоўнай дакументацыі з уласнікамі і арандатарамі помнікаў архітэктуры. Да снежня 1994 г. працэдура была амаль выкананая. У выпадку выяўлення помніка, які ўяўляў сабой каштоўнасць, уласнік або арандатар павінен быў правесці рэстаўрацыйныя работы за асабісты кошт альбо страчваў права арэнды ці ўласнасці [3, л. 23].

У рамках ажыццяўлення Праграмы будаўніцтва, рэканструкцыі і капітальнага рамонту ў перыяд з 1991 па 2000 гг. планавалася правядзенне раскопак і рэстаўрацыі руінаў Дабравешчанскай царквы (адноўлена ў 1998 г.), планавае правядзенне першай чаргі рэгенерацыі гістарычнай часткі вул. Л. Талстога, Я. Купалы, У. Леніна; правядзенне раскопак і рэстаўрацыі ў Васкрасенскай царкве (адноўлена ў 2009 г.); рэканструкцыя помніка архітэктуры XIX ст. «Духаўскі круглік» ці кансервацыя рэштак з мэтай экспазіцыі (рэканструяваны ў 2007 г.). У 1996–1997 гг. планавалася распачаць працы па Успенскім саборы, Аляксееўскім манастыры (колішнім іезуіцкім кляштары); у 1994–1995 гг. – правесці капітальны рамонт пл. Перамогі, аднак планы засталіся толькі на паперы, рэканструкцыя адбылася толькі ў 2009–2010 гг., тады ж адбылося і добраўпарадкаванне поймы ракі Віцьбы ў раёне

могілак ахвяр фашызму, замена абеліска на брацкіх магілах савецкіх воінаў і партызан па вул. Ленінградскай [5, л. 45–47].

Паказчыкам паспяховасці ў ажыццяўленні праграмных мерапрыемстваў можна лічыць колькасць помнікаў, якія падлягалі ахове (табл. 1).

Табліца 1

Колькасць помнікаў гісторыі і культуры мясцовага значэння ў г. Віцебску ў перыяд з 1988 па 1990 гг. і з 1991 па 1992 гг. [5, л. 45–47]

Тып помніка	Гады				
	1988	1989	1990	1991	1992
Помнікі археалогіі	315	312	297	306	306
Помнікі гісторыі	1939	1981	1980	1975	1851
Помнікі архітэктуры і горадабудаўніцтва	164	382	382	380	372
Помнікі мастацтва	10	12	12	12	10

Параўноўваючы і аналізуючы прыведзеныя этапы наяўнасці помнікаў гісторыі і культуры мясцовага значэння пачынаючы з 1988–1998 гг. і з перыядам 1991–1992 гг., можна падсумаваць, што апошні перыяд характарызуецца змяншэннем колькасных паказчыкаў, што абумоўлена зняццем з уліку асобных помнікаў па прычыне іх зносу, самавольнай перабудовы без захавання аўтэнтычных рыс, камерцыялізацыі і прыватызацыі.

Выконваючы рашэнне гарвыканкама № 128 ад 24.03.1994 г. «Аб археалагічных раскопках у гістарычнай частцы горада», аддзел культуры распачаў даследаванні культурнага слою. Службы і арганізацыі, зацікаўленыя ў правядзенні будаўніцтва, і тыя, хто меў намер правядзення земляных работ, узгаднялі іх з сектарам аховы помнікаў і археалогіі, усе працы выконваліся за ўласны кошт. Аднак мела месца невыкананне арганізацыямі ахоўных абавязацельстваў. Так, ВТУ сувязі самавольна правялі будаўнічыя працы і тым самым знішчылі культурны слой. Справу разглядала пракуратура [6, л. 34–35].

У 1992–1997 гг. упраўленнем культуры аблвыканкама ў Віцебску планавалася адкрыць шэраг музеяў і выставачных залаў. У адпаведнасці з праграмным дакументам па папулярызацыі дзейнасці прафесійных калектываў і дзеячаў мастацтва мінулага і сучаснасці перад упраўленнем ставіліся наступныя задачы: адкрыццё музея-сядзібы «Здраўнёва», музея прыватных калекцый, мастацкага і літаратурнага музеяў [1, л.17].

У перыяд з 1992 па 1994 гг. планавалася адкрыць музей-сядзібу І. Рэпіна «Здраўнёва». Адкрыццю музейнай экспазіцыі папярэднічала дасканалая навуковая, а таксама праектная дзейнасць, таму што ад рэпінскіх часоў захаваліся толькі рэшткі скляпенняў, падмуркі дома, перасохлая сажалка, ліпавая алея і асобныя дрэвы парку. Захады з мэтай аднаўлення сядзібы рабіліся яшчэ з 1982 г., калі былі распрацаваны генеральны план і выраблена поўная рабочая дакументацыя. Напярэдадні адкрыцця музея была праведзена канфе-

рэнцыя ў гонар 150-годдзя з дня нараджэння мастака. Пры рэканструкцыі сядзібы былі выкарыстаны навуковыя артыкулы Д. Яцкевіча «Матэрыялы, звязаныя з І. Я. Рэпіным, у Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь» і Я. Тэркель «І. Я. Рэпін і Здраўнёва». У апошнім знаходзіліся фатаграфіі «Сад у Здраўнёве», «Дом І. Я. Рэпіна ў Здраўнёва», «Уборка жыта ў Здраўнёва» і іншыя каштоўныя матэрыялы. Аднак у 1995 г. музей быў значна пашкоджаны падчас пажару [11, с. 43–44].

Яшчэ адным яскравым прыкладам музеефікацыі культурнай прасторы горада Віцебска ў гэты перыяд стала адкрыццё музейнага комплексу М. Шагала па вул. Пакроўскай і вул. Савецкай. У часы БССР імя майстра было несправядліва забыта. У 1991 г. Віцебскім гарадскім выканаўчым камітэтам было прынята рашэнне аб стварэнні ў Віцебску музея М. Шагала, для якога перадалі будынак выставачнага цэнтра. Тады ж пад кіраўніцтвам А. Падліпскага была адкрыта экспазіцыя ў адным з пакояў дома на вул. Пакроўскай. На працягу наступных гадоў на сродкі Віцебскага гарвыканкама пры ўдзеле «Кола садзейнічання «Дому-музею Шагала ў Віцебску» г. Нінбурга (ФРГ, Ніжняя Саксонія) была праведзена рэстаўрацыя бацькоўскага дома. У адпаведнасці са сметай ад 1992 г. на спецыяльныя навукова-даследчыя і праектна-сметныя работы па рэстаўрацыі помніка архітэктуры з прыстасаваннем пад музей памер коштаў склаў 92 235 руб. Правядзенне рэстаўрацыі прадугледжвала наступныя напрамкі работ: падрыхтоўка гістарычнай спраўкі, гісторыка-архіўныя даследаванні, архітэктурна-археалагічныя абмеры помніка першай катэгорыі складанасці, закладванне зандажоў і шурфоў, інжынернае даследаванне помніка, састаўленне эскізнага праекта і інш. Такім чынам, найбольш затратнымі сталі гісторыка-архіўныя даследаванні (кошт 5012 руб.), архітэктурна-археалагічныя абмеры (кошт 7596 руб.) і распрацоўка дакументацыі па прыстасаванні помніка архітэктуры для патрэб музея (35 403 руб.). Фінансаванне рэканструкцыі помніка адбылося пры ўдзеле нямецкага грамадскага аб'яднання «Кола садзейнічання «Дому-музею Шагала ў Віцебску» з г. Нінбург. Значны ўнёсак у справу вяртання творчай спадчыны Шагала на радзіму таксама зрабілі замежныя даследчыкі і родзічы мастака. Урачыстае адкрыццё музея М. Шагала адбылося 6 ліпеня 1997 г. у год 110-годдзя з дня нараджэння мастака пры падтрымцы замежнага аб'яднання «Кола садзейнічання» [10, с. 54].

У адпаведнасці з задачай па ўвекавечванні імёнаў выдатных беларускіх дзеячаў былі ўстаноўлены мемарыяльныя знакі і дошкі ў гонар М. Я. Нікіфароўскага, заснавальніку музейнай справы ў Віцебску, аўтару навуковых прац па старажытнай архітэктуры і горадабудаўніцтву Беларусі У. Г. Краснянскаму, народнаму мастаку СССР З. І. Азгуру [1, л. 24].

З 1994 г. распачаліся працы па адраджэнні традыцыйных рамёстваў і промыслаў, праграмныя дакументы ў гэтай сферы прадугледжвалі выяўленне і падтрымку майстроў народнай творчасці і самадзейных мастакоў, стварэнне аб'яднанняў па традыцыйных рамёствах. Акрамя таго, увага надавалася

і прапагандзе творчасці прафесійных дзеячаў культуры і мастацтва мінулага і сучаснасці [1, л. 28].

З лютага 1998 г. пры аддзеле культуры Віцебскага гарвыканкама пачала сваю дзейнасць тапанімічная камісія, у склад якой уваходзіла 8 членаў: Б. В. Лядэнка, І. Р. Герасімаў, В. М. Кунцэвіч, М. Я. Ізафатаў, А. А. Маркоўскі, В. М. Ціценка, Р. А. Чумакова, Л. С. Якаўлеў. Старшынёй быў абраны Б. В. Лядэнка. Склад удзельнікаў быў зацверджаны рашэннем гарвыканкама ад 29.01.1998 г. «Камісія займалася перайменаваннем вуліц, найменаваннем новых вуліц у раёнах навастроек, а таксама на далучаных да горада тэрыторыях, аўтобусных прыпынкаў і інш. Прымаліся рашэнні аб увекавечанні памяці аб выдатных дзеячах культуры і мастацва, абаронцах горада і інш. У адпаведнасці з пастанаўленнем № 1238 ад 03.08.1998 г. «Аб зацвярджэнні нарматыўных актаў для рэалізацыі закона "Аб адміністрацыйна-тэрытарыяльным падзеле і парадку рашэння пытанняў адміністрацыйна-тэрытарыяльнага ўладкавання Рэспублікі Беларусь"» прысваенне назваў аб'ектам адбывалася з улікам геаграфічных, гістарычных, нацыянальных, побытавых і іншых мясцовых умоў. Аб'ектам маглі давацца найменаванні, звязаныя з гістарычнымі падзеямі, а таксама імёнамі выдатных дзеячаў. Канчатковае рашэнне ўсё ж было за гарвыканкамам. Прапановы прымаліся ад працоўных калектываў, жыхароў горада, ветэранаў вайны, устаноў адукацыі, культуры, рэлігійных абшчын, а таксама ваеннага ведамства. Так, ад Віцебскага гарнізона на разгляд камісіі паступіла пытанне аб назве вуліцы ў гонар Героя Грамадзянскай вайны І. С. Куцякова. Члены камісіі падрыхтавалі гістарычную даведку, згодна з якой прынялі рашэнне ў прапанове адмовіць, бо І. С. Куцякоў не з'яўляўся ні ўраджэнцам Віцебска, ні Віцебшчыны і не меў асабістых заслуг перад горадам. У 2001 г. на пасяджэнні тапанімічнай камісіі разглядалася пытанне аб найменаванні назвай «Ніжні замак» аўтобуснага прыпынку каля амфітэатра. Камісія не падтрымала такую прапанову, абгрунтаваўшы гэта тым, што на мясцовасці дадзены аб'ект не фігуруе і будзе толькі блытаць жыхароў і гасцей горада, аднак была абмеркавана прапанова вярнуцца да гэтага пытання, калі будзе адноўлена вежа «Духаўскі круглік» («Нарожная»), якая была рэканструявана ў 1997 г. [2, л. 12]

Такім чынам, адраджэнне і захаванне гісторыка-культурнай спадчыны горада Віцебска ў 1991–2001 гг. адбывалася ў адпаведнасці з прынятай Праграмай асноўных напрамкаў дзейнасці ўстаноў культуры горада па адраджэнні нацыянальнай культуры і ўмацаванні яе матэрыяльна-тэхнічнай базы, якая прадугледжвала аднаўленне і рэстаўрацыю помнікаў архітэктуры, мемарыялізацыю імёнаў вядомых жыхароў і ўраджэнцаў г. Віцебска, адкрыццё музеяў і інш. Дзейнасць камісій і сектара па ахове помнікаў і археалогіі стала крокам на шляху вяртання страчаных помнікаў, аднаўлення і аховы існуючых, такіх як сядзіба І. Рэпіна «Здраўнёва», бацькаўскі дом М. Шагала. Мерапрыемствы па захаванні гістарычнай часткі горада прадугледжвалі

не толькі рэстаўрацыйныя работы, але і поўнае аднаўленне помнікаў архітэктуры. Так, да іх ліку адносяцца Васкрасенская царква, Духаўскі круглік і інш. Разам з тым аднаўленчыя работы над шэрагам аб'ектаў былі зацягнуты (рэканструкцыя Плошчы Перамогі) ці нават не распачаты. Найменаванне і перайменаванне вуліц і іншых геаграфічных аб'ектаў адбывалася ў Віцебску толькі пасля дасканалага вывучэння звестак аб заяўленых асобах, былых назвах і ў адпаведнасці з нарматыўна-прававымі актамі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 2222. – Оп. 5. – Д. 29.
2. ГАВО. – Ф. 2222. – Оп. 5. – Д. 33.
3. ГАВО. – Ф. 2222. – Оп. 5. – Д. 111.
4. ГАВО. – Ф. 2222. – Оп. 5. – Д. 15.
5. ГАВО. – Ф. 2222. – Оп. 5. – Д. 169.
6. ГАВО. – Ф. 2222. – Оп. 5. – Д. 170.
7. ГАВО. – Ф. 2852. – Оп. 5. – Д. 45.
8. ГАВО. – Ф. 2852. – Оп. 5. – Д. 86.
9. *Хмельницкая, Л.* Витебск за один день / Л. Хмельницкая. – Минск: Рифтур, 2016. – 84 с.
10. *Хмельницкая, Л.* Марк Шагал и Витебск / Л. Хмельницкая. – Минск: Рифтур, 2013. – 94 с.
11. *Шышанаў, Л. С.* Здраўнёва. Гістарычнае аблічча і музеефікацыя сядзібы. / Л. С. Шышанаў // Матэрыялы І Міжнароднай канферэнцыі па праблемах музеефікацыі ўнікальных гістарычных тэрыторый ды грамадскасці і кіраўніцтва Рэспублікі Беларусь. – Полацк, 1998. – С. 89–92.

(Дата падачы: 08.02.2018 г.)

М. М. Атрушкевич
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

M. M. Atrushkevich
Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 947.083(476)

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОРОДОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1892 Г. И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

GENERAL CHARACTERISTICS OF THE CITY STATE OF THE RUSSIAN EMPIRE 1892 AND ITS IMPLICATIONS

Статья посвящена изучению изменений в городском законодательстве Российской империи в 90-е гг. XIX в. В ней идет речь об особенностях реализации Городового положения 1892 г. на территории Беларуси в данный период. Автор статьи раскрывает основные положения данной городской реформы, действовавшей в белорусских городах в конце XIX в., а также делает сравнительный анализ городской реформы 1892 г. с городской реформой 1870 г.

Ключевые слова: белорусские земли; город; законодательство; право; городская дума; суд; городская управа; Российская империя.

The article is devoted to the study of changes in the city legislation of the Russian Empire in the 90s of the XIX century. The work deals with the peculiarities of the implementation of the City Regulations of 1892 on the territory of Belarus in this period. The author of the article reveals the main provisions of this urban reform, which operated in Belarusian cities at the end of the 19th century. It also does a comparative analysis of the urban reform of 1892 with the urban reform of 1870.

Key words: belarusian land; city; legislation; law; City Council; court; city government; Russian empire.

В 80-е гг. XIX в. в Российской империи после убийства «царя-освободителя», реформатора Александра II, его приемник, император Александр III, начал проводить крайне реакционный курс, который был направлен на существенное ограничение либеральных реформ, принятых в 60-е гг. XIX в. В Российской империи начался процесс усиления административного контроля за всеми сторонами общественной жизни, в том числе и городского управления. Как было отмечено в Высочайшем указе Александра III от 11 июня 1892 г., «городовое положение от 16 июня 1870 г. принесло большую пользу в период своего существования, но вместе с тем содержало и отрицательные черты, которые требовали исправления. Поэтому министру внутренних дел было поручено начать пересмотр Городового положения 1870 г.» [1, с. 430].

В середине 80-х гг. XIX в. еще сенаторские ревизии констатировали несовершенство избирательной системы по городской реформе 1870 г., главной проблемой которой было недостаточное количество выборщиков в отношении к общему числу всех жителей города. Затем были организованы губернские комитеты, которые должны были подготовить материалы для разработки нового Городового положения Российской империи. Все эти комитеты предлагали включить в число городских выборщиков нанимателей квартир. Однако Государственный совет Российской империи не поддержал данное предложение [2, с. 67–75].

Новое Городовое положение было принято 11 июня 1892 г. Оно еще больше уменьшило избирательные права, которые существовали по городской реформе 1870 г. Изменения, которые были внесены городской реформой 1892 г. в городское управление Российской империи, шли, в основном, в двух направлениях: 1) сокращение контингента выборщиков путем увеличения имущественного ценза; 2) усиление контроля за государственными органами и учреждениями, за городским общественным управлением. Затем из нового Городового положения 1892 г. было убрано понятие «городское общество» как субъект права и осталось лишь понятие «городское население» как объект управления. Таким образом, избирательные права в Российской империи были предоставлены только незначительному меньшинству населения: 1) тем, кто имел российское подданство, а также правительственным, учебным, научным и благочинным учреждениям, которые

владели недвижимым имуществом не менее одного года в границах города и были обложены оценочным сбором в губернских городах и столицах (Москва, Санкт-Петербург) – не менее чем на три тысячи рублей; 2) учреждениям, которые не менее чем один год имели в границах города торгово-промышленные предприятия: в столицах – первой гильдии, а в остальных городах – первой или второй гильдии [1, с. 437]. Особы, которые имели право голоса, но не достигли 25-летнего возраста, и женщины пользовались этим правом не лично, а через уполномоченных.

Новое Городовое положение 1892 г. исключало из числа выборщиков всех тех, кто имел недоимки по городским сборам более чем на половину от городового оклада, владельцев винных лавок и питейных домов. Священнослужители христианской веры не могли быть ни выборщиками, ни гласными. Их мог представлять в городской думе только депутат от духовного ведомства [3, с. 47]. Еще более сокращалось общее количество выборщиков в городах Российской империи, где был установлен более высокий избирательный ценз и оценка недвижимого имущества была менее высокой. Особенно это касалось белорусских губерний, где проходила черта еврейской оседлости и большинство городских жителей составляли евреи, которые по Городовому положению 1892 г. не допускались к участию в городских избирательных собраниях и к избранию на должности городского общественного управления. Только в городах губерний, где существовало постоянное место жительства евреев, им разрешалось выполнять обязанности городских гласных [1, с. 432]. Таким образом, от участия в городском управлении оказался «отодвинут» весь третий и значительная часть второго разряда, а вся основная масса городского населения и власть в городах Российской империи была передана в руки самой небольшой, но зажиточной части, от которой хотело защитить Городовое положение 1870 г.

Таким образом, лишенными права голоса по новому Городовому положению 1892 г. оказались не только малоимущие землевладельцы, но и большая часть промышленников «средней руки». В некоторых, в том числе и белорусских губерниях соотношение количества выборщиков от всего населения составило: в Белостоке – 0,2 %, Минске – 0,3 %, Витебске и Гродно – 0,4 % вместе взятых, в Одессе и Екатеринбурге – 0,5 % и др. [2, с. 438]. По этой причине отпала необходимость в городах Российской империи деления выборщиков на три разряда, которое существовало по Городовому положению 1870 г. Городовое положение 1892 г. полностью ликвидировало такое деление. Так, все выборщики в городах теперь составляли одно избирательное собрание, которое при большом количестве могло быть поделено на участки [1, с. 438]. При таком делении выборщики каждого участка могли выбирать в состав гласных только тех, кто именно на этом участке имел право голоса. В соответствии с Городовым положением Российской империи 1892 г. городские выборщики одного разряда могли выбирать в гласные особ другого разряда.

Городовым положением 1892 г. предусматривалось, что когда при двухразовом голосовании в избирательных собраниях будет избрано менее чем две трети от необходимого количества гласных, то существующее их количество пополнится согласно распоряжения министра внутренних дел из состава гласных предыдущего созыва [1, с. 440].

Городская дума, согласно городской реформе 1892 г., должна была собираться на собрания не менее чем 4 и не более чем 24 раза в год, причем раскладка их созывов составлялась на год вперед. Затем городская дума была лишена права устанавливать порядок своего выполнения дел и вся ее деятельность регламентировалась согласно специальным правилам. Так, в целом, состав городских дум в Российской империи был сокращен в 2–3 раза по сравнению с предыдущим (от 20 до 16 гласных в зависимости от количества населения и ранга городов) [1, с. 437], но при слабой активности выборщиков полный состав столичных дум почти никогда не собирался.

Так, Городовое положение 1870 г. наделяло органы городского управления правами попечительства и распоряжения городским хозяйством, а губернатора – правами контроля за законным ее использованием. В рамках своей же компетенции органы городского управления действовали самостоятельно. В Городовом положении 1892 г. не оговаривалось право самостоятельности городского управления, а было предоставлено полное право губернаторам осуществлять надзор и следить за правильностью и законностью действий городского общественного управления. Губернатор сам мог отменить выполнение распоряжений городской думы, когда считал, что они: 1) противоречат закону или принимаются с нарушением границ власти и порядка действия государственного управления; 2) не совпадают с общегосударственными или местными интересами [1, с. 445]. Городовым положением 1892 г. устанавливался широкий круг вопросов, по которым в постановлениях городской думы требовалось обязательное подтверждение их губернатором. Так, например, это все решения городской думы, которые подлежали обязательному выполнению населением. В сфере финансового хозяйства городская дума подчинялась не только губернатору, но и председателю казенной палаты. Здесь полным хозяином являлась правительственная администрация. По новой городской реформе 1892 г. городская дума только составляла проекты городских приходно-расходных росписей, а губернская администрация могла отказать ей в своих санкциях.

Согласно городской реформе 1892 г., произошли изменения внутри органов городского управления. Так, за городской управой по-прежнему оставались исполнительные функции, однако сейчас управа была поставлена в более зависимое от городской думы положение. Число членов городской управы (по-прежнему избираемых думой) определялось для губернских городов и составляло не более трёх человек [7], не считая городского головы.

Члены городской управы, даже не будучи избранными гласными, отныне не участвовали в собраниях думы, то есть автоматически причислялись к гласным. Так, права городского головы, как председателя городской думы и управы, были расширены. Он мог своей властью снимать вопросы, которые ставились на заседаниях думы на повестку дня (по городской реформе 1870 г. для этого требовалось согласие городской думы), приказать гласным входить в думу с заявлениями только с согласия городского головы, лишить гласных права созыва чрезвычайного собрания. Таким образом, по новой городской реформе городская дума утратила право отдавать под суд членов управы, как это было предусмотрено городской реформой 1870 г. Теперь она могла сделать лишь представление, а отдача под суд зависела от губернской канцелярии по городским вопросам. Городской голова и заменяющее его лицо по-прежнему утверждались министром внутренних дел. Однако и они, и другие члены управы отныне приобретали статус государственных служащих. Члены городской управы подлежали утверждению в должности губернатором. С одной стороны, несомненно, вырастал авторитет членов управы в глазах городского общества и повышалась их ответственность, а с другой – исключалась возможность появления на ключевых постах городского самоуправления «неблагонадежных» лиц.

Городская реформа 1892 г. уравняла выборных лиц городского управления с правительственными чиновниками и поставила их в дисциплинарную ответственность от губернской администрации, чем нанесла еще один удар по независимости городского управления [4, с. 387]. Таким образом, городская «верхушка» и члены управы считались государственными служащими, а губернатор мог сделать им замечания и предписания.

В соответствии с городской реформой 1892 г. вводились следующие сборы в пользу городской казны: 1) оценочные с недвижимого имущества; 2) с промысловых свидетельств; 3) с карчмовых промыслов и пивных лавок. Городская дума могла также вводить сборы с лошадей и экипажей, с перевозных промыслов и др. В пользу города поступали и различные сборы промыслового характера: 1) от исполнения и предъявления до «отыскания» различных актов; 2) за клеймение системы мер и весов; 3) за использование мер и весов в торговых местах; 4) с аукционной продажи движимого имущества; 5) с привозных товаров; 6) за проход и проезд по городу [1, с. 453–454].

В некоторых городах собирались и иные сборы: больничные с тех, кто приезжал на лечение и отдых и др. Использование этих источников городских доходов значительно ограничивалось. С основного городского оценочного сбора исключалось наиболее ценное городское имущество: 1) императорские дворцы и их имущество; 2) недвижимое имущество кабинета министров; 3) здание главного управление уделов; 4) казённые строения; 5) военные здания; 6) здания благочинных и учебных учреждений; 7) имущество духовного ведомства; 8) земли, которые отданы под железные

дороги; 9) малодоходное имущество и др. [1, с. 454]. Размер сбора с недвижимого имущества определялся городской думой в процентах с чистого дохода этого имущества, определённого городским управлением путем оценки, или согласно цене имущества. Этот размер не мог превышать 10 % чистого дохода с имущества, или 1 % от его стоимости. Сборы с промысловых свидетельств определялись городской думой в процентах со стоимости, которая выплачивалась за эти свидетельства в казну в следующих размерах: с цены промысловых свидетельств 1-го и 2-го разрядов, промысловых предприятий первых 5-ти разрядов, а также с цены промысловых свидетельств, выбираемых на пароходные и золотоплатиновые промысловые предприятия – не более 15 %, а с цены всех остальных свидетельств – не более 10 % и собирались вместе с казенной пошлиной [5].

Согласно городской реформе 1892 г., предусматривались следующие обязательные казенные расходы: 1) содержание городского управления; 2) общественных зданий и памятников; 3) улиц, площадей, дорог и др.; 4) воинского постоя, а также арестованных помещений; 5) пожарных команд; 6) ветеринарного надзора; 7) чинов полиции; 8) выплат сумм по займам; 9) помощи различным ведомствам на содержание учебных, благочинных и иных учреждений; 10) за наем помещений для местного полицейского управления [1, с. 454].

Новая городская реформа 1892 г. ограничивала права городской думы по финансовым вопросам. В частности, в определении и планировании доходов и расходов. А городская реформа 1870 г. не разрешала вносить изменения в принятые городской думой решения, а тем более предусматривать превышение расходов. По новой городской реформе 1892 г. губернская канцелярия признавала необходимым изменить финансовые раскладки, которые предлагались думским губернаторам к выполнению, с указанием причин, которые вызвали их изменение. Городская дума могла не согласиться с требованиями губернского правления и имела право подать жалобу [3, с. 54]. Порядок рассмотрения этих жалоб, установленный в статьях 84–88 Городового положения 1892 г., продолжался около 4–6 месяцев и не гарантировал выполнения интересов органов городского самоуправления.

В соответствие с городской реформой 1892 г. все наиболее важные постановления городской думы подлежали утверждению министром внутренних дел: «I. Во всех городских поселениях: 1) о переводе натуральных земских повинностей в денежные; 2) о принятии на общие средства городского поселения: а) о содержании мостовых и тротуаров; б) очистки дымовых труб и др.; 3) об отходе принадлежащего городу недвижимого имущества; 4) о займах или гарантиях от имени городского поселения; 5) о размерах различных видов оплаты. II. В столицах и губернских городах, которые входили в состав градоначальства: 6) о размерах оплаты за зимовку судов в затонах и гаванях; 7) о правилах управления комитетами и разным имуществом городского поселения; 8) о новых планах городского поселения.

III. В столицах: 9) о инструкциях и правилах для городской управы и иных исполнительных органов; 10) об инструкциях членам торговой палаты и органам городского управления» [1, с. 444].

В целом отметим, что инициатива городских дум часто сдерживалась бюрократизмом административных органов, которые утверждали их постановления. Сотни думских постановлений по самым неотложным вопросам годами ждали своего утверждения. Часто оно приходило тогда, когда само постановление теряло всякий смысл.

Таким образом, новое Городовое положение Российской империи 1892 г. было направлено на укрепление в городском управлении контроля со стороны царской администрации и резкое сокращение количества выборщиков путем повышения имущественного ценза [6].

На территории белорусских губерний произошло фактическое отстранение от участия в выборах в органы городского управления лиц еврейской национальности. Так, например, в Минске по этим причинам общее количество городских выборщиков в 1893 г. сократилось в 14 раз (с 3545 до 248) и составило менее 1 % горожан [7].

По городской реформе 1892 г. происходил процесс сужения власти городского управления, а городское самоуправление лишалось самостоятельности и после городского закона 1892 г. практически совсем перестало существовать. Не одна должность в органах городского управления не могла быть замещена без согласия центральной администрации. Такого подхода не было ни в одной стране Западной Европы. Так, например, в Германии бургомистры и члены магистрата утверждались администрацией, а лица, нанятые на службу магистратами, администрацией не утверждались [4, с. 42].

Новое Городовое положение, введенное в действие именным «высочайшим» указом Александра III в 1892 г., сохранило весь комплекс вопросов, которыми городские думы занимались ранее. Почти нетронутой осталась и прежняя организация общественного управления. Однако в результате проведения городской реформы коренным образом менялся характер отношений между административной властью и городскими думами, усиливалась опека над ними, резко сокращались пределы их самостоятельных действий. Ни одна из статей нового Городового положения 1892 г. не содержала даже декларативного признания самостоятельности общественного управления.

Таком образом, можно сделать вывод о том, что Городовое положение 1892 г. откинуло городское самоуправление в Российской империи назад. Так, если Городовое положение 1870 г. в целом соответствовало тому порядку, который существовал в городах Западной Европы, то Городовое положение 1892 г. внесло в избирательные право такие ограничения, которых не знала ни одна цивилизованная страна того времени. В этой связи Городовое положение 1892 г. скорее можно назвать не реформой, а контрреформой го-

родского управления Российской империи. Так, по Городовому положению 1892 г. в сопоставлении с Городовым положением 1870 г. существенно сокращался круг избирателей, число гласных в думе было также уменьшено, значительно сокращалось поле самостоятельных действий думы, заметно расширялись рамки контроля за деятельностью органов городского общественного управления со стороны губернской администрации. Все это свидетельствует о том, что учреждения городского самоуправления были поставлены в большую зависимость от коронной администрации, которая имела возможность по своему усмотрению оказывать влияние на муниципальную власть. Следовательно, в движении российского общества к созданию полноценных органов городского самоуправления в рамках реформ 90-х гг. XIX в. был сделан шаг назад.

Вопрос о степени влияния Городового положения 1892 г. на городское управление немаловажен, ведь по этому закону самоуправление в России функционировало на протяжении почти четверти века вплоть до революционных изменений в государстве в 1917 г. Как правило, в историографии встречаются две наиболее распространенные оценки Городового положения 1892 г.: 1) эта одна из реакционных «контрреформ», главной целью которой была максимальная подчиненность общественных учреждений бюрократическому аппарату; 2) эта реформа вызвала некоторое ограничение самостоятельности органов самоуправления, но одна из основных ее целей все же была иной – улучшить систему самоуправления, устранить несовершенство Городового положения 1870 г. путем его коррекции. Если до 1990-х гг. в советской историографии преобладала первая точка зрения, то в настоящее время все больше укореняется вторая.

Список использованных источников

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – СПб., 1885. – Собр. 3. – Т. 12. – № 8708.

2. *Семенов, Д. Д.* Городское самоуправление. Очерки и опыты / Д. Д. Семенов. – СПб., 1901. – 257 с.

3. *Калинин, В. Д.* Из истории городского самоуправления в России (XVII – начало XX вв.) / В. Д. Калинин. – М.: Ин-т экономики РАН. Отд. статистики и эконом. анализа, 1994. – 92 с.

4. *Пажитнов, К. А.* Городское и земское самоуправление / К. А. Пажитнов. – СПб., 1913. –115 с.

5. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М.,1987. – Т. 8. – 324 с.

6. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 т. / М. П. Касцюк [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 1994. – Т. 1. – 327 с.

7. *Шибеко, З. В.* Минск в конце XIX – начала XX в.: Очерк социально-экономического развития / З. В. Шибеко. – Минск, 1985. –128 с.

(Дата подачи: 19.02.2018 г.)

І. М. Аўласенка
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск
I. M. Aulasenka
Belarusian State University, Minsk

УДК 327.7

ДЫПЛАМАТЫЧНАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ М. Ц. ЛЫНЬКОВА НА СЕСІЯХ ГЕНЕРАЛЬНАЙ АСАМБЛЕІ ААН

DYPLOMATIC ACTIVITY OF M. T. LYNKOV AT THE SESSIONS OF THE UN GENERAL ASSEMBLY

У артыкуле раскрыта роля беларускага пісьменніка М. Ц. Лынькова ў дзейнасці дэлегацыі БССР на сесіях Генеральнай Асамблеі ААН. Устаноўлена, што палітычныя абставіны і змена міжнароднай сітуацыі аказвалі ўплыў на дыпламатычную дзейнасць пісьменніка, на тэксты яго прамоў, нарысаў і апавяданняў. Нягледзячы на афіцыйную зададзенасць сваіх выступленняў, М. Ц. Лынькоў змог прыдаць ім мастацкую глыбіню, таму што закранутыя праблемы знайшлі сваё адлюстраванне ў лёсе і ў творчасці пісьменніка.

Ключавыя словы: Генеральная Асамблея ААН; БССР; міжнародныя адносіны; беларускія пісьменнікі.

The role of the Belarusian writer M. T. Lynkov in activity of the BSSR delegation to the UN General Assembly sessions is revealed in the article. It was found that the political circumstances and changes in the international situation directly influenced on the diplomatic activity of the writer, on the texts of his speeches, essays and short stories. Nevertheless, despite the political predestination of his addresses, M. T. Lynkov has given them an artistic depth and emotionality, because the problems that were mentioned by him had some parallels in his own life and works.

Key words: UN General Assembly; Byelorussian SSR; international relations; Belarusian writers.

У савецкі час беларускія літаратары неаднаразова прымалі ўдзел у сесіях Генеральнай Асамблеі ААН. У гэтым шэрагу можна назваць П. Панчанку, М. Танка, А. Куляшова, А. Макаёнка і многіх іншых паэтаў і пісьменнікаў. Але першым літаратарам, які быў удастоены такога гонару, стаў Міхась Ціханавіч Лынькоў. Яму давялося пабываць на ўстаноўчай канферэнцыі Арганізацыі Аб'яднаных Нацый у Сан-Францыска, а таксама на чатырох сесіях Генеральнай Асамблеі ААН, з 1952 па 1955 г.

Мэта артыкула – раскрыць ролю беларускага пісьменніка М. Ц. Лынькова ў дзейнасці дэлегацыі БССР на сесіях Генеральнай Асамблеі ААН.

Дыпламатычная дзейнасць Міхася Лынькова ў гістарыяграфіі падрабязна не асветлена. Асобныя ўзгадванні маюцца толькі ў работах гісторыкаў, якія займаюцца праблемай удзелу БССР у рабоце ААН (С.Ф. Свілас, У. Е. Снапкоўскага, В. Г. Шадурскага [1–4]), ці літаратуразнаўцаў, якія даследавалі творчы і жыццёвы шлях пісьменніка (М. П. Кенькі, Ф. І. Куляшова [5; 6]).

Разам з тым існуе даволі багатае кола крыніц, якое асвятляе дыпламатычную дзейнасць літаратара. Па-першае, гэта тэксты яго афіцыйных

выступленняў на сесіях Генеральнай Асамблеі ААН (змешчаныя ў фондзе 907 Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь) [7–15]. Па-другое, гэта артыкулы, напісаныя М. Ц. Лыньковым падчас працы ўстаноўчай канферэнцыі ААН у Сан-Францыска [16–19]. Па-трэццяе, гэта дакументы асабістага паходжання, перш за ўсё эпісталярная спадчына [20]. Чацвёртую групу крыніц складаюць нарысы і апавяданні, напісаныя пад уражаннем падарожжаў у Злучаныя Штаты. Яны ўвайшлі ў зборнік «За якіянам», што быў апублікаваны ў 1962 г., а таксама былі размешчаныя ў часопісах «Маладосць» і «Беларусь» [21–23]. Пятую групу складаюць успаміны калег і спадарожнікаў М. Ц. Лынькова ў складзе дэлегацый БССР (А. П. Ус, К. В. Кісялёва) [24; 25].

Першым міжнародным форумам, у якім прыняла ўдзел дэлегацыя БССР, была ўстаноўчая канферэнцыя ААН у Сан-Францыска. Уключэнне ў яе склад пісьменніка М. Ц. Лынькова сведчыла пра аўтарытэт і вялікую ролю, якую надавала літаратарам партыйнае кіраўніцтва. На той момант Лынькоў займаў пасаду старшыні Саюза пісьменнікаў БССР, а таксама быў дырэктарам Інстытута літаратуры, мовы і мастацтва Акадэміі навук БССР. З 1936 г. ён меў званне члена-карэспандэнта АН БССР [26, с. 449].

Беларускую дэлегацыю на ўстаноўчай канферэнцыі ААН у Сан-Францыска ўзначальваў наркам замежных спраў БССР К. В. Кісялёў. У яе склад уваходзілі прадстаўнікі навуковай і педагагічнай сферы, у тым ліку акадэмікі У. М. Перцаў і А. Р. Жэбрак. М. Ц. Лынькоў быў членам тэхнічнага персаналу дэлегацыі і працаваў у якасці карэспандэнта [2, с. 143]. Ён рабіў аператыўныя паведамленні і быў аўтарам газетных артыкулаў, якія накіроўваліся ў Беларусь падчас работы Сан-Францыскай канферэнцыі для публікацыі ў газеце «Звязда».

Прадстаўнікі Беларускай ССР прысутнічалі ў Злучаных Штатах на працягу больш за паўтара месяцы, у маі – чэрвені 1945 г. Але прыбылі яны праз два тыдні пасля пачатку работы самой канферэнцыі, таму што ўдзел дэлегацый Беларускай ССР і Украінскай ССР да апошняга моманту заставаўся пад пытаннем з-за супраціўлення Вялікабрытаніі і Злучаных Штатаў [2, с. 143]. За час працы ў ЗША М. Ц. Лынькоў апублікаваў 6 артыкулаў. У яго матэрыялах знайшлі адлюстраванне такія падзеі, як прэс-канферэнцыя кіраўніка беларускай дэлегацыі К. В. Кісялёва, работа другой камісіі ААН, гутарка беларускіх дэлегатаў з прэзідэнтам Амерыкана-рускага інстытута прафесарам Робертсам, працэдура падпісання беларускай дэлегацыяй Статута ААН і шэраг іншых. Беларускі пісьменнік імкнуўся асабліва падкрэсліць цікавасць да беларускай дэлегацыі сярод амерыканскай грамадскасці. У прыватнасці, расказываючы пра адносіны жыхароў Сан-Францыска да канферэнцыі, М. Лынькоў адзначаў: «Ёсць сярод гэтага народа і прагныя збірацелі аўтографаў, якія наладжваюць форменную пагоню за дэлегатамі. Беларускія дэлегаты не пазбаўлены агульнага лёсу і часта падвяргаюцца атакам гэтых своеасаблівых калекцыянераў» [16, с. 2]. У матэрыяле пра

прэс-канферэнцыю К. В Кісялёва Міхась Лынькоў імкнуўся падкрэсліць цікавасць замежных журналістаў да Беларусі. Даволі падрабязна (без купюр) ён пералічыў пытанні, якія задавалі амерыканскія і еўрапейскія карэспандэнты (аб свабодзе і роўнасці веравызнанняў, аб праве рэспублік на выхад з Савецкага Саюза, аб далейшых эканамічных і культурных сувязях амерыканскага і беларускага народаў, аб магчымасці для амерыканскай і еўрапейскай прэсы мець сваіх карэспандэнтаў у Беларусі, аб гісторыі беларускага народа і яго ўзаемаадносінах с польскім). Але адказы наркама замежных спраў ён не перадаў, пазначыўшы толькі: «Тав. Кісялёў сваімі адказамі задаволіў прысутнічаўшых карэспандэнтаў, часам перарываўшых яго дружаскімі апладысментамі» [17, с. 1].

Падчас работы Сан-Францыскай канферэнцыі М. Ц. Лынькоў наведаў Галівуд і Універсітэт у Берклі [5, с. 85]. 17 чэрвеня ён разам з членамі дэлегацыі У. Перцавым і Ф. Шмыгавым зрабіў візіт у Амерыканска-рускі інстытут і меў двухгадзінную гутарку з яго прэзідэнтам – прафесарам Робертсам. Дэлегаты ад БССР прапанавалі пасылаць у Амерыку творы беларускай мастацкай літаратуры, навуковыя манаграфіі, запісы народных песень. Са свайго боку прафесар Робертс паабяцаў арганізаваць пасылку кніг амерыканскай мастацкай літаратуры, педагагічных выданняў, адпаведных слоўнікаў. Ён выказаў гатоўнасць садзейнічаць накіраванню ў БССР амерыканскіх навукова-тэхнічных фільмаў [18, с. 4].

На старонках артыкулаў адлюстравалася пазітыўнае стаўленне М. Ц. Лынькова да амерыканцаў і да прадстаўнікоў беларускай дыяспары ў ЗША: «Павінен адзначыць, што колькасць амерыканцаў беларускага паходжання ў Злучаных Штатах Амерыкі вельмі вялікая. Паяўленне беларускай дэлегацыі ў Сан-Францыска абудзіла ў іх велізарную цікавасць да Беларусі. … Яны бясконца рады сустрэчы з прадстаўнікамі беларускай зямлі, прагна слухаюць расказы аб жыцці ў Беларусі, аб барацьбе і перамогах беларускага народа ў дні Айчыннай вайны, аб нашых дасягненнях у эканоміцы і культуры» [19, с. 4]. Прыкладна такія ж матывы сустракаюцца і на старонках яго нарыса «З падарожжа ў Амерыку», апублікаванага на старонках часопіса «Беларусь» у ліпені 1945 г. «Пачынаючы з салдата і канчаючы маршалам Эйзенхауэрам, прадстаўнікі амерыканскай арміі пасылаюць к чорту ўсе выступленні прафашысцкай прэсы, якая імкнецца выставіць Савецкі Саюз як галоўнага ворага амерыканскага народа» [21, с. 23]. У гэтым жа артыкуле пісьменнік звярнуў увагу на якасныя дарогі ЗША, а таксама зазначыў, што «ў справе механізацыі можна было б павучыцца ў амерыканцаў» [21, с. 21].

Такім чынам, артыкулы М. Ц. Лынькова, яго дыпламатычныя крокі ў наладжванні амерыкана-беларускіх культурных і навуковых сувязей сведчаць пра тое, што першапачаткова дэлегацыя БССР была пазітыўна настроена да ўсталявання амерыкана-беларускіх кантактаў. Але хуткае пагаршэнне савецка-амерыканскіх адносін у 1946 г. адбілася і на стане амерыкана-беларускіх кантактаў, на знешнепалітычнай дзейнасці БССР

у цэлым і адлюстравалася ў рыторыцы дыпламатаў. На працягу наступных 7 гадоў дзеячы навукі і культуры амаль не прымалі ўдзелу ў сесіях Генеральнай Асамблеі ААН у складзе беларускай дэлегацыі. Выключэннем стаў удзел К. К. Атраховіча (Кандрата Крапівы) на першай сесіі ААН. Магчымасць імправізацый была зведзена да мінімуму. Рыторыка выступленняў дыпламатаў набыла выкрывальніцкі характар.

У наступны раз М. Ц. Лынькоў прыняў удзел у VII сесіі Генеральнай Асамблеі ААН восенню 1952 г. На гэты раз ён працаваў як паўнапраўны член дэлегацыі, якому было даручана выступіць на пасяджэннях Пятага камітэта Генеральнай Асамблеі, дзе разглядаліся пытанні адміністрацыйнага і бюджэтнага характару. На пасяджэннях гэтага камітэта М. Лынькоў прымаў удзел, галоўным чынам, у вырашэнні фінансавых пытанняў. У рамках сваіх выступленняў ён разам з прадстаўнікамі УССР, Польшчы, Чэхаславакіі падтрымаў прапанову дэлегата СССР аб скарачэнні бюджэта ААН на 1953 г. да 35 мільёнаў долараў. Беларускі пісьменнік выказаўся супраць павелічэння бюджэту і за больш рацыянальнае выкарыстанне сродкаў [7, л. 262].

Значна больш эмацыяльнальным атрымалася выступленне 13 лістапада 1952 г., прысвечанае абмеркаванню шкалы ўзносаў у бюджэт Арганізацыі Аб'яднаных Нацый. М. Лынькоў выступіў катэгарычна супраць павелічэння памераў узносаў для БССР і запатрабаваў вярнуць іх на ўзровень 1950 г. Беларускі пісьменнік выказаў абурэнне тым, што ў 1952 г. памер узносаў для БССР вырас на 40 %, а ў наступным яго прапанавалася падняць яшчэ на 25 %. «Народная гаспадарка за гады вайны і часовай акупацыі зведала жахлівае разбурэнне і драпежніцкае разрабаванне. Прамысловасць была разбураная дашчэнту» [8, л. 271]. Прывёўшы шматлікія лічбы і адзначыўшы, што агульны ўрон гаспадарцы Беларусі склаў каля 75 млрд рублёў, пісьменнік спаслаўся на тое, што за 7 гадоў немагчыма аднавіць цалкам разбураную гаспадарку [8, л. 272].

Яшчэ адно арганізацыйнае пытанне, па якому было даручана выступіць М. Ц. Лынькову, тычылася надання іспанскай мове статуса «рабочай» мовы Эканамічнага і Сацыяльнага Савета ААН і яго функцыянальных камісій. Падтрымаўшы гэтую прапанову, беларускі пісьменнік дадаў, што «нельга забываць і пра правы на прызнанне ў якасці рабочай мовы і такой афіцыйнай мовы, як руская, нельга дапускаць яе дыскрымінацыі» [9, л. 265].

Падчас VII сесіі М. Ц. Лынькоў прысутнічаў і на пленарных пасяджэннях Генеральнай Асамблеі ААН, дзе быў сведкам выступленняў прадстаўнікоў афрыканскіх краін. Адзін з выпадкаў быў пакладзены ў аснову апавядання «Агні Танганьікі», апублікаванага пісьменнікам у пачатку 1953 г., адразу пасля вяртання ў Беларусь. У жніўні 1951 г. племя ва-меру падало петыцыю ў Савет па апецы са скаргай на тое, што жыхары племені зганяюцца са сваіх месцаў пражывання. Зямля на схілах гары Меру (сучасная Танзанія), на якой пражывалі тубыльцы, была надзвычай багатая каштоўнымі металамі, і англійскія каланіяльныя ўлады пачалі гвалтоўнае перасяленне на менш

прыдатныя землі. Пры гэтым англічане дзейнічалі надзвычай жорсткімі метадамі: палілі хаты, знішчалі ўраджай і выганялі скот [27, с. 28]. Пасля падачы скаргі прадстаўнікоў племені ў ААН была створаная спецыяльная камісія, якая, аднак, дзвюма трэцямі галасоў прагаласавала супраць задавальнення скаргі [28]. Асаблівую эмацыянальнасць апавяданню надало і тое, што ў трагедыі племені ва-меру можна было пасачыць паралелі з лёсам самога пісьменніка: падчас Вялікай Айчыннай вайны ў акупацыі загінулі яго жонка і сын [5, с. 75].

У наступныя тры гады, з 1953 па 1955 гг., прымаючы ўдзел у пасяджэннях VIII, IX і X сесій Генеральнай Асамблеі ААН, Міхась Лынькоў удзельнічаў у рабоце Чацвёртага камітэта Генеральнай Асамблеі ААН, у якім разглядаліся спецыяльныя палітычныя пытанні і пытанні дэкаланізацыі. Падчас абмеркавання ў камітэце фактараў, якія сведчылі б пра дасягненне той ці іншай тэрыторыяй незалежнасці, ён перадаў афіцыйную пазіцыю БССР, адзначыўшы, што «дэлегацыя ў гэтым пытанні прытрымліваецца таго меркавання, што пытанне пра несамакіруемыя тэрыторыі не з'яўляецца ўнутранай справай метраполій, што гэта пытанне міжнароднага характару…» [10, л. 141].

М. Ц. Лынькову неаднаразова даручалася выступіць па праблеме інфармавання міжнароднай супольнасці аб становішчы на несамакіруемых тэрыторыях. У сваім выступленні 19 кастрычніка 1953 г. ён спыніўся на цяжкім становішчы насельніцтва залежных тэрыторый, звярнуў асаблівую ўвагу на надзвычай нізкі ўзровень пісьменнасці: у многіх частках Афрыкі школы наведвае каля 10 % дзяцей тубыльцаў [11, л. 156]; на астравах Джыльберта Эліс пісьменнымі лічацца тыя, хто можа напісаць толькі сваё ўласнае імя [11, л. 158–159]. Крытыку беларускай дэлегацыі выклікаў намер урада Нідэрландаў спыніць інфармаванне міжнароднай супольнасці аб становішчы ў валоданнях на Антыльскіх астравах і Сурынаме, грунтуючыся на тым, што для гэтых тэрыторый быў прыняты новы Статут, які замацаваў іх аўтаномію. М. Лынькоў адзначыў, што ўнесеныя ў Статут папраўкі ні ў якім разе не азначаюць значнае паляпшэнне становішча для насельніцтва Антыльскіх астравоў [12, л. 174].

Крытычную пазіцыю БССР М. Ц. Лынькоў адлюстраваў і ў дачыненні да дзейнасці Савета па апецы. «Кіруючыя ўлады ігнаруюць асноўную сваю задачу: усімі сіламі і сродкамі дапамагаць тубыльнаму насельніцтву ў яго развіцці ў напрамку да поўнага самакіравання і незалежнасці» [13, л. 206]. М. Ц. Лынькоў звярнуў увагу на тое, што задавальняецца толькі малая колькасць петыцый з тых, што былі пададзеныя на разгляд у Савет. «Калі Савет па Апецы рашучым чынам не палепшыць справу разгляду і сам характар разгляду петыцый, то гэтым ён нанясе вялікі ўрон усёй сваёй дзейнасці», – папярэдзіў пісьменнік [14, л. 162].

Самае вострае пытанне, што разглядалася на пасяджэннях Чацвёртага камітэта, тычылася Паўднёва-Заходняй Афрыкі, якая знаходзілася пад кант-

ролем Паўднёва-Афрыканскага саюза, дзе існаваў рэжым апартэіду. Такая палітыка выклікала вострую крытыку з боку Савецкага Саюза ў цэлым і дэлегацыі БССР у прыватнасці. М. Лынькоў, выступаючы па гэтым пытанні на працягу некалькіх год (1953–1955 гг.), неаднаразова звяртаў увагу на тое, што Паўднёва-Афрыканскі саюз не выконвае падтрабаванняў ААН аб перадачы Паўднёва-Заходняй Афрыкі пад апеку міжнароднай супольнасці. Выступаючы ў 1955 г. на пасяджэнні Спецыяльнага палітычнага камітэта Генеральнай Асамблеі ААН, М. Ц. Лынькоў востра падняў праблему сегрэгацыі ў Паўднёвай Афрыцы, звярнуў увагу на палітычнае бяспраўе каляровага насельніцтва, на заканадаўчыя і адміністратыўныя бар'еры (паміж каляровым і белым насельніцтвам). М. Ц. Лынькоў прывёў словы аднаго з герояў рамана паўднёва-афрыканскага пісьменніка П. Абрахамса «Сцежкаю грому»: «Трагедыя ў тым, што ў нас усялякі перадусім кафр, ці каляровы, ці яўрэй, ці араб, ці англічанін, ці кітаец, ці грэк. Ніхто не мае права быць перш за ўсё чалавекам» [15, л. 5]. Гэтая праблема мела пэўныя паралелі і ў творчасці М. Ц. Лынькова, а менавіта ў апавяданні «Гой», дзе пісьменнік закрануў узаемныя стэрэатыпы, што панавалі ў свядомасці беларусаў і яўрэяў.

Удзел М. Лынькова ў пасяджэннях Генеральнай Асамблеі не абмяжоўваўся афіцыйнымі выступленнямі. 21 лістапада 1953 г., падчас VIII сесіі, пісьменнік выступіў з чытаннем урыўкаў з рамана «Векапомныя дні» перад работнікамі Прадстаўніцтва СССР пры ААН [5, с. 121]. Праз год, 5 лістапада 1954 г., М. Лынькоў прадставіў даклад аб 37-й гадавіне Кастрычніка перад супрацоўнікамі Прадстаўніцтва ААН [5, с. 123]. А 7 снежня 1954 г. ён выступіў з расказам аб савецкай літаратуры перад супрацоўнікамі Прадстаўніцтва ААН [5, с. 123]. Паводле ўспамінаў А. П. Ус, якая была членам дэлегацыі БССР, «бывалі выпадкі, калі пры сустрэчах або на прыёме замежныя журналісты літаральна засыпалі нас даволі складанымі, іншы раз нават правакацыйнымі, пытаннямі. Міхась Ціханавіч чуйна рэагаваў на такую сітуацыю і ўмеў тактоўна, далікатна ўключыцца ў размову, каб прыняць "агонь на сябе"» [24, с. 346].

Рост напружанасці ў міжнародных адносінах адлюстраваўся ў творчасці М. Ц. Лынькова. Апублікаваны ў 1953 г. нарыс «Па вуліцах горада жоўтага д'ябла» істотна адрозніваецца ад нарыса «З падарожжа ў Амерыку», надрукаванага васьмю гадамі раней. Новы твор быў напісаны амаль суцэльна чорнымі фарбамі: «Адзінаццаць мільёнаў жыхароў горада – гэта нявольнікі долара, гэта людзі, з якіх выціскаецца пот і кроў, каб ператварыць іх у чыстае золата. … Верай і праўдай служыць гэты горад залатому ненажэрнаму мяшку і ўсім тым, чые думкі і пачуцці сканцэнтраваны на Уол-стрыце – «вуліцы ля сцяны», вуліцы Жоўтага Д'ябла» [22, с. 18]. Нават апісанне горада ў нарысе суцэльна змрочнае: «Квадратныя, пазбаўленыя жадання быць прыгожымі, тупыя, цяжкія будынкі ўздымаюцца ўгару панура і сумна. У кожным доме адчуваецца надзьмутая пышлівасць сваёй вышынёй, сва-

ёй пачварнасцю… Горад Нью-Йорк – гэта сапраўдная заўчасная магіла для мільёнаў чалавечых душ. Няма ў ім нічога, што сведчыла б аб клопатах пра чалавека, аб яго дабрабыце, аб яго шчасці…» [22, с. 18].

У зборніку нарысаў і апавяданняў «За якіянам», што выйшаў у 1962 г., М. Ц. Лынькоў істотна змякчыў акцэнты (сказалася «адліга», якая наступіла ў савецка-амерыканскіх адносінах у другой палове 1950-х гг.). Але крытычныя матывы ў апавяданнях і нарысах захаваліся. Пісьменнік звяртаў значную ўвагу на сацыяльную няроўнасць (апавяданне «Бізнесмены»), на расавую сегрэгацыю, якая мела месца ў Злучаных Штатах у 1940-я і 1950-я гг. («Чорная пляма»). Маецца і ўзгадванне пра макартызм («Джыявані»). У нарысах, нататках, апавяданнях найбольш выразна адлюстраваўся талент Міхася Лынькова як майстра кароткіх навел. Нарысы пра пасяджэнні Генеральнай Асамблеі ААН – «асамблейныя замалёўкі» – былі зробленыя з гумарам, хоць часам у іх гучалі і драматычныя матывы (апавяданне «Агні Танганьікі»). У дарожных нататках «Аб чалавечай усмешцы» аўтар імкнуўся падкрэсліць павагу да савецкага чалавека з боку прадстаўнікоў еўрапейскіх народаў (апавяданні «Кацюша» ў акіяне», «Прыгоды з чамаданам», «Не палітык…», «У булачнай») [23].

Такім чынам, змены ў міжнароднай-палітычнай сітуацыі (пачатак «халоднай вайны») істотна паўплывалі на дыпламатычную дзейнасць М. Ц. Лынькова і на яе адлюстраванне ў творчай спадчыне літаратара. Калі ў 1945 г. М. Ц. Лынькоў прыняў актыўны ўдзел у наладжванні амерыкана-беларускіх навуковых і культурных сувязей, то у першай палове 1950-х гг., з пачаткам «халоднай вайны», яго абавязкі звяліся, галоўным чынам, да афіцыйных выступленняў па праблемах дэкаланізацыі. Але нягледзячы на тое, што тэматыка і танальнасць яго выступленняў была зададзеная афіцыйна, у іх адлюстравалася мастацкая вобразнасць і эмацыянальнасць. Выступаючы па тэме дэкаланізацыі, ён акцэнтаваў увагу на цяжкім сацыяльна-эканамічным становішчы несамакіруемых тэрыторый, на нізкі ўзровень пісьменнасці на гэтых тэрыторыях. Адлюстраванне гэтых праблем можна знайсці ў лёсе і ў творчасці самога літаратара. Паспяховыя выступленні М. Ц. Лынькова паспрыялі ўключэнню ў склад дэлегацыі БССР іншых літаратараў на наступных сесіях Генеральнай Асамблеі ААН.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Свилас, С. Ф.* Деятельность Белорусской ССР в ЮНЕСКО (1954–1964 гг.) / С. Ф. Свилас. – Минск: БГУ, 2013. – 463 с.

2. *Снапковский, В. Е.* Путь Беларуси в ООН: 1944–1945 гг. / В. Е. Снапковский; под. ред. А. С. Протопопова. – Минск: Навука і тэхніка, 1994. – 141 с.

3. *Снапкоўскі, У. Е.* Знешнепалітычная дзейнасць БССР (1945–1953 гг.) / У. Е. Снапкоўскі. – Мінск: Беларус. навука, 1997. – 207 с.

4. *Шадурский, В. Г.* Культурные связи Беларуси со странами Центральной и Западной Европы. (1945–1990-е гг.) / В. Г. Шадурский. – Минск: БГУ, 2000. – 285 с.

5. *Кенька, М. П.* Міхась Лынькоў: Летапіс жыцця і творчасці / М. П. Кенька. – Мінск: Універсітэцкае, 1987. – 173 [2] с.

6. *Куляшоў, Ф.* Міхась Лынькоў: Нарыс жыцця і творчасці / Ф. Куляшоў. – Мінск: Нар. асвета, 1979. – 191 с., 4 л., іл.

7. Выступление представителя БССР М. Лынькова в пятом комитете в общей дискуссии по вопросам бюджетной сметы ООН на 1953 год (27 октября 1952 г.) // НАРБ. – Ф. 907. – Оп. 1. – Д. 99. – Л. 260–262.

8. Выступление М. Лынькова в V комитете при обсуждении шкалы взносов (13 ноября 1952 года) // НАРБ. – Ф. 907. – Оп. 1. – Д. 99. – Л. 268–274.

9. Выступление М. Лынькова при обсуждении вопроса о признании Экономическим и Социальным советом испанского языка в качестве рабочего языка (10 ноября 1952 года) // НАРБ. – Ф. 907. – Оп. 1. – Д. 99. – Л. 265–267.

10. Выступление представителя Белорусской ССР М. Т. Лынькова на заседании 4 комитета по вопросу о факторах, которые должны быть приняты во внимание при решении вопроса о том, достигла ли та или иная территория независимости (5 октября 1953 года) // НАРБ. – Ф. 907. – Оп. 1. – Д. 126. – Л. 138–143.

11. Выступление представителя Белорусской ССР М. Т. Лынькова на заседании 4 комитета по вопросу об информации о несамоуправляющихся территориях (19 октября 1953 г.) // НАРБ. – Ф. 907. – Оп. 1. – Спр. 126. – Л. 146–165.

12. Выступление представителя Белорусской ССР М. Т. Лынькова на заседании 4 комитета 8 сессии Г. А. ООН по вопросу: «Прекращение передачи информации, предусмотренной ст. 73-ей Устава: Нидерландские владения на Антильских островах и Суринам» (28 октября 1953 г.) // НАРБ. – Ф. 907. – Оп. 1. – Спр. 126. – Л. 166–176.

13. Выступление представителя Белорусской ССР М. Т. Лынькова на заседании 4 комитета 8 сессии Г. А. ООН по докладу Совета по Опеке (1 декабря 1953 г.) // НАРБ. – Ф. 907. – Оп. 1. – Спр. 126. – Л. 197–208.

14. Выступление представителя БССР Лынькова М. Т. на заседании Четвёртого комитета по докладу Совета по Опеке (26 ноября 1954 г.) // НАРБ. – Ф. 907. – Оп. 1. – Д. 151. – Л. 152–167.

15. Выступление представителя Белорусской ССР М. Т. Лынькова на заседании специального политического комитета X сессии Генеральной Ассамблеи по вопросу: «Расовый конфликт в Южной Африке, вызванный политикой сегрегации, проводимой политикой Южно-Африканского Союза» (3 ноября 1955 г.) // НАРБ. – Ф. 907. – Оп. 1. – Д. 184. – Л. 1–6.

16. *Лынькоў, М.* Паседжанне другой камісіі / М. Лынькоў // Звязда. – 2 чэрвеня 1945 г. – № 102. С. 2.

17. *Лынькоў, М.* Беларуская прэс-канферэнцыя / М. Лынькоў // Звязда. – 26 мая 1945 г. – № 97.– С. 1.

18. *Лынькоў, М.* Аб культурных сувязях / М. Лынькоў // Звязда. – 16 чэрвеня 1945 г. – № 114. – С. 4.

19. *Лынькоў, М.* Работа беларускай дэлегацыі на канферэнцыі ў Сан-Францыска / М. Лынькоў // Звязда. – 25 мая 1945 г. – № 96. – С. 4.

20. *Лынькоў, М.* Збор твораў / М. Лынькоў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981–1985. Т. 8: Лынькоў, М. Пісьмы, 1935–1975 / рэд. тома І. Я. Навуменка. – 1985. – 621, [1] с., [4] л іл., партр.

21. *Лынькоў, М.* З падарожжа ў Амерыку / М. Лынькоў // Беларусь. – 1945. – № 9. – С. 20–23.

22. *Лынькоў, М.* Па вуліцах горада жоўтага д'ябла / М. Лынькоў // Маладосць. – 1953. – № 1. – С. 17–18.

23. *Лынькоў, М.* За акіянам: нататкі, апавяданні, нарысы / М. Лынькоў. – Мінск: Дзярж. выдавецтва БССР, Рэдакцыя маст. літ-ры, 1962. – 288, [2] с.

24. *Ус, А. П.* Штрыхі да партрэта / А. П. Ус // Святло яго душы: успаміны пра Міхася Лынькова / [склад.: С. Лынькова-Куспіц, Ю. Пшыркоў]. – Мінск: Маст. літ-ра, 1979. – 365, [1] с., [9] л. іл., партр.

25. *Киселёв, К. В.* Записки советского дипломата / К. В. Киселёв. – М.: Политиздат, 1974. – 527 с.; 17 л. ил.

26. *Казлова, В. В.* Лынькоў, Міхась / В. В. Казлова // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя: [у 12 т.] / Акад. навук БССР, гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыкл. – Мінск: Гал. рэд. БелСЭ, 1969–1975. – Т. 6: Кішынёў–Манцэвічы. – 1972. – С. 449–450.

27. *Уоддис, Д.* Африка. Причины взрыва / Д. Уоддис; пер. с англ. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. – 349 с.

28. Petitions from the representatives of the Wa-Meru tribe (T/PET.2/99 and Adds. 1–7) and from Gamaliell Sablak (T/PET.2/143) concerning Tanganyika // UN. Trusteeship Council (11th sess.: 1952). – Adopted at the 452nd plenary meeting, 22 July 1952. – Official Documents. – P. 4–8.

(Дата падачы: 27.02.2018 г.)

Д. А. Безмацерных
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

D. A. Bezmatsernykh
Belarusian State University, Minsk

УДК 930.2(476.5)«16/18»

БРАСЛАЎСКІ ЗЕМСКІ СУД ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XVI–XVIII СТСТ. У ГІСТАРЫЯГРАФІІ ЦЭНТРАЛЬНАЙ І ЎСХОДНЯЙ ЕЎРОПЫ XIX – ПАЧАТКУ XXI СТ.

BRASLAW ZEMSKY COURT 16-18TH CENTURY IN HISTORIOGRAPHY CENTRAL AND EASTERN EUROPE XIX – EARLY XXI CENTURY

Артыкул прысвечаны разгляду распрацоўкі праблемы дзейнасці Браслаўскага земскага суда ў другой палове XVI–XVIII ст. у гістарыяграфіі Цэнтральнай і Усходняй Еўропы. На сучасным этапе не было створана ніводнай комплекснай працы, прысвечанай гэтай судовай інстанцыі, аднак яе дзейнасць закраналася ў рамках вывучэння гісторыі як Браслаўскага павета, так і агульнай судовай сістэмы Вялікага Княства Літоўскага. Аналіз гістарыяграфіі дадзеных кірункаў дазваляе вылучыць некалькі этапаў у даследаванні пытання артыкула, а таксама параўнаць гістарыяграфію, створанную на ніве гістарычных і юрыдычных навук.

Ключавыя словы: гістарыяграфія Вялікага Княства Літоўскага; Браслаўскі земскі суд; земскі суд; Браслаў; Браслаўскі павет; земская судовая сістэма.

This article is devoted to the problems of activity and development Braslaw Zemsky court in the second half of the 16-18th century in the historiography of Central and Eastern Europe. At the present day it was not created any comprehensive work devoted to this court, but its activity was addressed in the study of history as Braslaw Powiat, and the general judicial system of the Grand Duchy of Lithuania. According to the directions of historiography analysis can distinguish several stages in the study of the question of this article, and compare historiography established in the field of historical and legal sciences.

Key words: the historiography of the Grand Duchy of Lithuania; the Braslaw zemski court; zemsky court; Braslaw; the Braslawa powiat; zemska court system.

Браслаўскі павет Вялікага Княства Літоўскага (далей – ВКЛ) уваходзіў у Віленскае ваяводства, ахопліваў тэрыторыю, якая ляжала на мяжы Рэчы Паспалітай з Інфлянтскім княствам, таму яго вывучэнне з'яўляецца ключавым у асэнсаванні гісторыі памежжа. Пра палітычнае і сацыяльнае развіццё засталося небагата комплексаў крыніц, менавіта таму даследаванне дзейнасці земскага суда на дадзенай тэрыторыі грае важную ролю.

Тэрытарыяльна-геаграфічнае размяшчэнне Браслаўскага павета абумовіла яго сацыяльны склад і гістарычнае развіццё. Маленькі па памерах, ён быў яшчэ і дастаткова маланаселеным (так, на попіс войска ВКЛ ў 1567 г. было выстаўлена 97 почтаў уладароў маёнткаў [1]). Часткова землі яго адносіліся да каралеўскага дамена, складалі надзелы віленскіх ураднікаў ці з'яўляліся валоданнямі Віленскай епархіі. Гэта стала не толькі прычынай для нешматлікасці шляхты, якая стала пражывала ці валодала зямлёй ў павеце, але і спрыяла імкненню да адміністрацыйнага цэнтру – Вільні. Такое своеасаблівае становішча шляхты мела свой адбітак і ў дзейнасці мясцовага земскага суда.

Трэба ўлічваць, што судовая сістэма як частка палітычнага ладу дзяржавы дае магчымасць глыбейшага аналізу самаго ладу і яго непасрэднага ўплыву на насельніцтва дзяржавы праз паўсядзённую судовую практыку. Земскі суд, які з'яўляўся дастаткова незалежным ад адміністрацыі элементам (яго ўраднікі выбіраліся зямянамі павета з далейшым зацвярджэннем каралём), і яго развіццё з'яўляюцца адлюстраваннем тых правоў, што набыло зямянства дзяржавы ў вызначаны перыяд.

Дзейнасць судовай земскай сістэмы, відавочна закранаючы сацыяльную сферу жыцця тагачаснага грамадства, дазваляе прасачыць не толькі ўзаемаадносіны ўнутры саслоўя шляхты, але і з іншымі саслоўямі (напрыклад, сялянамі, мяшчанамі, слугамі панцырнымі, яўрэямі і інш. [2]). Земскі суд разам з гродскім часам з'яўляўся арбітрам вырашэння мясцовых канфліктаў, а таксама кантраляваў злоўжыванні мясцовай улады. Справы, якія разглядаў земскі суд, і дакументы, якія гэты суд фіксаваў для надання ім юрыдычнай сілы, робяць яго не толькі часткай гісторыі права, але і іншых кірункаў гістарычнага даследавання, такіх як эканамічны, сацыяльны і інш.

Даследаванні па гісторыі Браслаўскага земскага суда другой паловы XVI–XVIII ст. у асноўным адбываліся на ніве двух больш шырокіх сумежных кірункаў. Першы кірунак уключае даследаванні па гісторыі функцыянавання земскай судовай сістэмы на тэрыторыі ВКЛ (гэтая тэма распрацоўвалася ў агульных працах па земскаму суду, ці ў даследаваннях судовай земскай сістэмы іншых паветаў). Другі – па гісторыі рэгіёна ў вызначаны перыяд (у рамках гэтай тэмы закраналіся пытанні, непасрэдна звязаныя з земскім судом (судовыя ўраднікі і г. д.)), а таксама праблемы па гісторыі рэгіёна, якія мелі ўплыў на функцыянаванне земскай сістэмы (склад шляхты і г. д.). І толькі ў апошнія дзесяцігоддзі распачаўся разгляд непасрэдна дзейнасці Браслаўскага земскага суда.

Гісторыя земскай судовай сістэмы на тэрыторыі ВКЛ пачала вывучацца гісторыкамі і юрыстамі ў XIX ст. Першым грунтоўна за вывучэнне судоў у ВКЛ узяўся рускі гісторык Іван Іванавіч Лапа. Сярод шэрагу даследаванняў, прысвечаных розным судам, быў напісаны і артыкул «Земскі суд у Вялікім Княстве Літоўскім на прыканцы XVI ст.», апублікаваны ў 1897 г. [3]. На момант напісання гэтага артыкула ў Актах Віленскай камісіі было выдадзена шэсць тамоў, прысвечаных земскім судам (Брэсцкаму, Віленскаму, Слонімскаму і Гродненскаму), да кожнага з якіх была напісана прадмова, дзе ў кароткай апісальнай форме прапісвалася праца земскага суда. Аднак нельга не адзначыць, што галоўнай задачай публікацыі дадзеных дакументаў і іх выбаркі была дастаткова вузкая мэта: вярнуць і абгрунтаваць пануючы стан праваслаўя на тэрыторыях былога ВКЛ, што дастаткова скажала гістарычную карціну, а вывучэнне саміх земскіх судоў заставалася на памежжы фокуса ўвагі даследчыкаў [4]. Таксама да Лапы тэма судовай сістэмы ВКЛ закраналася і ў шэрагу даследаванняў правазнаўцаў, прысвечаных развіццю заканадаўства і права ў ВКЛ. Прыкладам можа служыць праца кіеўскага прафесара права Г. В. Дземчанкі, які разглядаў пакаранні паводле літоўскіх статутаў. Аднак, улічваючы, што, як і ў іншых працах прававедаў, прадметам даследавання быў не земскі суд, дадзеная судовая сістэма закраналася там дастаткова ўскосна [5].

Артыкул І. І. Лапы разглядаў заканадаўчыя нормы Бельскага прывілея 1564 г. і статутаў ВКЛ 1566 і 1588 гг., паводле якіх дзейнічаў земскі суд, а таксама выкананне гэтых нормаў на практыцы паводле рукапісных актавых чатырох кніг Віцебскага і адной кнігі Полацкага земскага суда, матэрыялаў Літоўскай метрыкі ды апублікаваных у Актах Віленскай камісіі і Актах Паўднёвай і Заходняй Расіі. Гісторык акрэсліў шырокі спектр пытанняў функцыянавання земскай судовай сістэмы. Пачынаючы ад апісання крыніц, на падставе якіх быў напісаны артыкул, даследчык паказаў месца і ролю, якія адыгрываў земскі суд у тагачасным жыцці не толькі шляхты, але і ўсёй дзяржавы. Ён падкрэсліваў таксама і ролю даследаванняў на падставе вывучэння дадзенага аб'екта – земскага суда. У артыкуле закраналіся ўсе працэдурныя пытанні: элекцыя судовых ураднікаў, іх прысяга, праходжанне судовых сесій ці кадэцкі альбо рочкаў з апісаннем не толькі тэрмінаў, калі адбываліся, але парадку засяданняў, закрыццё гэтых сесій і далейшае захаванне актавых кніг. Разглядаюцца судовыя ўраднікі (суддзя, падсудак і пісар): іх функцыі, магчымыя кандыдаты на іх ролі, іх фінансавы стан, часовая замена. У кола ўвагі даследчыка трапляюць таксама і падпіскі з вознымі разам з іх абавязкамі і прызначэннем. Аналізуюцца і іншыя ўдзельнікі судовага працэса – асобы, якія ўстаюць перад судом (зыскоўцы, адказчыкі, іх прадстаўнікі (умацаваныя ці прыяцелі), сведкі, асобы, якія падаюць дакументы для юрыдычнай фіксацыі і інш.), на падставе чаго робіцца выснова пра непублічны (пры прысутнасці непасрэдных удзельнікаў і іх сведкаў, колькасць якіх не павінна перавышаць шасці чалавек) характар суда. Указваючы на ўдзел час ад часу ў судзе мяшчан, слуг панцырных і путных і інш., гісторык выказвае думку, што судовая інстанцыя, якая ім разглядаецца,

не з'яўлялася строга шляхетнай. «Усе адкланенні земскага суда ў бок ад гэтага тыпа чыста шляхецкага суда здзяйсняюцца пад уплывам жыцця, якое не падпарадкоўваецца рамкам статута ў дадзеным выпадку» [3, с. 285] Адзначаецца і ўдзел жанчын у судовым працэсе. Сярод тэм, якія закрануў І. І. Лапа, было і кола спраў, якія разглядаў і фіксаваў у сваіх запісах земскі суд: ад запісаў каралеўскіх прывілеяў, юрыдычнага завярэння здзелак і іншых дакументаў да дэкрэтаў самаго земскага суда і кантроля гродскага. Акрамя вышэй апісанных аспектаў дзейнасці, аўтар апісвае яшчэ і асноўныя пакаранні, якія звычайна прызначаў суд, іх выкананне, прычыны неадпраўлення сесій (войны, маравыя паветрыя, смерць судовага ўрадніка, часы бескаралеўя). Згадваюцца і выпадкі парушэння Статута ці разгляд спраў, якія былі заканадаўча не прадугледжаныя. Асобная частка артыкула была прысвечана генезісу земскага суда, які адводзіцца аўтарам ад судовых структур, што узніклі на Падляшшы ў першай палове XVI ст., праз змены, уведзеныя Бельскім прывілеем у 1564 г., Статутам 1566 г. і далейшае заканадаўчае замацаванне земскага суда паводле Статута 1588 г. Храналагічна агляд земскага суда спыняецца напрыканцы XVI ст. Менавіта гэты артыкул на доўгі час стаў асновай для напісання энцыклапедычных і вучэбных тэкстаў па гісторыі, якія выдаваліся ў Беларусі [6]. Праца была напісана ў часы панавання пазітывіскай метадалогіі, велізарным плюсам якой было – карпатлівая праца з крыніцамі. Лапа ўзняў дастаткова шырокі спектр сацыяльных пытанняў, а таксама штодзённай арганізацыі працы суда, якая ўключала шырокае кола мясцовай шляхты [3].

Дзейнасць судовай сістэмы ВКЛ закраналі ў кантэксце сваіх прац і іншыя даследчыкі перыяду Расійскай імперыі (М. К. Любаўскі, Ф. І. Леантовіч і інш.). Так, М. К. Любаўскі ў сваёй манаграфіі «Литовско-русский сейм», якая пабачыла свет у 1900 г., закрануў пытанне ўтварэння і фарміравання складу земскіх судоў. Аднак дадзеная праца дае хутчэй апісальныя звесткі пра суды, не характарызуючы іх [7]. У 20-я гг. XX ст. у сваёй «Гісторыі Беларусі» М. В. Доўнар-Запольскі прысвяціў маленькі параграф судовай рэформе, якая там апісана таксама дастаткова абмежавана [8].

Такім чынам, у гэты перыяд быў напісаны шэраг прац, якія закраналі земскую судовую сістэму ВКЛ, большасць з якіх разглядалі яе ў рамках больш шырокіх тэм, таму адводзілі ёй няшмат увагі. Толькі адно даследаванне гэтага часу ставіла перад сабой задачу разгледзець непасрэдна земскі суд. Гэтая праца І. І. Лапы і заклала фундамент для далейшага вывучэння і стала асновай для далейшай распрацоўкі тэмы.

З 20-х і да 80-х гг. земская судовая сістэма перастала вывучацца з-за пераводу вектара зацікаўленасці на іншыя праблемы. Земскі суд з'яўляўся саслоўным шляхецкім органам, што выходзіла за межы запатрабаваных даследаванняў і інтарэсаў новага дзяржаўнага ладу Цэнтральнай і Усходняй Еўропы і іх пануючых ідэалогій.

Аднак у гэты перыяд атрымала развіццё іншая неад'емная частка ў вывучэнні пытання Браслаўскага земскага суда – гэта вывучэнне агуль-

най гісторыі Браслаўскага павета. Асноўнай працай па гісторыі дадзенага рэгіёна з'яўляецца манаграфія польскага гісторыка Отана Гедэмана, якая пабачыла свет у 1930 г. у Вільні. Крыніцы, якімі карыстаўся даследчык для напісання сваёй працы, з большасці ахопліваюць перыяд XVII–XIX ст., але часткова закранаюць і больш ранні час. Гэта дазволіла яму не толькі напісаць агульную гісторыю Браслаўскага павета, але і скласці спісы вядомых яму ўраднікаў павета, у тым ліку і браслаўскага земскага суда, ад пачатку яго заснавання да канца дзейнасці [1].

У канцы XX ст. гісторыкі права ізноў звярнуліся да заканадаўства і права ВКЛ. Аднак разгляд земскай судовай сістэмы напачатку заставаўся дастаткова ўскосным, засноўваючыся на даследаванні І. І. Лапы [6]. Але ў хуткім часе з'явіліся працы беларускіх правазнаўзцаў Таісіі Іванаўны Доўнар і Юліі Пятроўны Гаўрыльчэнка (Доўнар). [9] Працы апошніх разгледзелі судовую рэформу 1560-х гг., падчас якой і былі створаны земскія суды на тэрыторыі ВКЛ. У кантэксце іх даследаванняў была адведзена значная роля утварэнню земскай судовай сістэмы і яе функцыянаванню паводле тагачаснага заканадаўства, а таксама ахарактарызавана яе роля ў агульнай судовай сістэме ВКЛ, аднак у сувязі з галоўнай задачай дадзеныя працы закраналі толькі прававы аспект дзейнасці земскіх судоў.

Паралельна з правазнаўцамі да пытання земскіх судоў звярнуліся і гісторыкі. Асноўнай праблематыкай, якая пачала разглядацца, стала роля судовых земскіх ураднікаў у агульнадзяржаўным прадстаўніцтве і абмежаванні манаршага права на шляхецкіх элекцыйных соймiках у прызначэнні павятовых земскіх судовых ураднікаў праз выбар кандыдатаў на земскія павятовыя пасады суддзі, падсудка і пісара. На значнасць земскіх судовых пасад звярнулі ўвагу і прысвяцілі шэраг артыкулаў такія гісторыкі, як беларусы Віталь Галубовіч і Андрэй Радаман, палякі Анджэй Закжэўскі, Анджэй Рахуба, літовец Дарыус Вілімас [11–19]. Пачаў даследавацца ўдзел гэтых самых земскіх судовых ураднікаў у надзвычайных судах часоў першых бескаралеўяў, што вывучалі вышэй названыя Д. Вілімас і А. Радаман, а таксама польскія гісторыкі Генрык Люлевіч, Дыяна Канечна і беларускі даследчык Зінаіда Васільеўна Антановіч [20–25].

Разам з ростам цікавасці да лакальнай гісторыі і мікрагісторыі быў напісаны шэраг артыкулаў, прысвечаных земскім судам асобных паветаў. Асобныя артыкулы былі прысвечаны браслаўскаму (Г. Люлевіч [26]), упіцкаму (Д. Вілімас – штодзённая практыка і чыноўніцкі састаў, эліта і паўсядзённасць у парэформенны перыяд (1566–1588) [27]), ваўкавыскаму (А. Залівака [28]), слонімскаму (С. Капыскі – увядзенне судовай рэформы 1565–1566 гг. на тэрыторыі павета [29]), полацкаму (А. Радаман – арганізацыя і склад суда ў другой палове XVI – першай трэці XVII ст. [30; 31], гарадзенскаму (А. Шаланда – 1555–1564 гг. [32], Л. Іванова – у кантэксце статутаў напрыканцы XVI ст. [33]) і ашмянскаму (Д. Вілімас – 1564–1588 гг.[34]) земскім судам. У сааўтарстве А. Радамана, В. Галубовіча і Д. Вілімаса былі напісаны працы па земскіх урадніках другой

паловы XVI – першай паловы XVII ст. розных частак ВКЛ: Віцебскаму і Полацкаму ваяводствах [35; 36], Гарадзенскаму і Ваўкавыскаму паветах [37].

Браслаўскі земскі суд асобна вывучаў напрыканцы 90-х гг. XX ст. польскі даследчык Генрых Люлевіч, які правёў аналіз васьмі актавых кніг браслаўскага земкага суда, якія ахопліваюць перыяд 1603–1632 гг. У сваім артыкуле гісторык прыводзіць крыніцазнаўчы агляд дадзеных крыніц, якія прадстаўляюць дакументы непасрэднай дзейнасці земскага суда дадзенага павета, што дазваляе яму апісаць не толькі фізічны стан вышэй названых матэрыялаў, мову іх напісання і г. д., але і зрабіць некаторыя высновы пра функцыянаванне суда не толькі як элемента судовай сістэмы павета, але як часткі агульнапавятовага жыцця таго перыяду. Прааналізаваныя матэрыялы польскі навуковец падзяліў на тры асобныя групы: 1) дэкрэты земскага суда; 2) дакументы цякучага функцыянавання дадзенага суда (рэляцыі, інтрамісіі, позвы і г. д.); 3) дакументы іншай шляхты для натарыяльнага завярэння (тэстаменты, акты куплі-продажу, арэндныя лісты, акты маёмаснага падзелу спадчыны і іншыя). Але, як пазначае навуковец, некаторыя запісы ў гэтыя групы не ўпісваюцца (напрыклад, рэгістр збору срэбрашчызны ў 1628 г. і г. д.). Дадзенай класіфікацыяй, улічваючы характар крыніц, Г. Люлевіч закранае кампетэнцыю земскага суда.

Праз аналіз частаты, тэрміну дзеяння сесій Браслаўскага земскага суда ў вызначаны перыяд і гіпотэзу пра асноўныя магчымыя прычыны неправядзення кадэцый (войны і вакацыі ўрада, па прычыне зменаў у асабовым складзе апошняга з-за смерці ці пераназначэння на іншыя пасады судовых ураднікаў) гісторык робіць выснову пра поўную захаванасць дакументацыі за 1603–1632 гг. Паводле яе ў суме з нешматлікасцю матэрыялаў актавых кніг Г. Люлевіч пацвердзіў звесткі пра памеры шляхецкай лакальнай супольнасці ў Браслаўскім павеце. Разгляд біяграм судовых земскіх ураднікаў даў магчымасць казаць пра сфарміраванасць мясцовай эліты праз стабільнасць ураду, уплыў магнатэрыі на браслаўскую шляхту, а таксама, узяўшы пад увагу вопыт земскіх судовых ураднікаў на іншых пасадах, польскі даследчык робіць выснову пра важнае палажэнне ўраднікаў дадзенага суда на сацыяльнай лесвіцы. [26]

А браслаўскіх судовых земскіх ураднікаў у сваім артыкуле, прысвечаным элекцыйным соймікам Браслаўскага павета ў другой палове XVI ст., разглядае А. Радаман [15]. Беларускі гісторык разглядае кар'ерны рост павятовых ураднікаў пасля рэформы 1565 г. і да 1620 г. Падобнае пытанне закранаў і В. Галубовіч [38] у сваім артыкуле па кнігах запісаў метрыкі ВКЛ першай паловы XVII ст. як крыніцы па гісторыі Браслаўшчыны. Паводле прывілеяў на наданне пасад ён выводзіць асноўныя роды Браслаўскага павета, прадстаўнікі якіх займалі большасць асноўных месцаў, і ўказвае на тое, што ў асноўным павятовыя пасад, у тым ліку і судзебных земскіх ураднікаў, з'яўляліся плацдармам для далейшага кар'ернага росту.

Земская судовая сістэма на працягу ўсяго вывучэння даследавалася як гісторыкамі, так і правазнаўцамі. У фокусе ў гісторыкаў права былі

заканадаўчы і прававы бок дзейнасці земскіх судоў, у той час як гісторыкі звярталі ўвагу на паўсядзённую практыку судоў, асобы ўраднікаў, іх месца ў сацыяльнай лесвіцы і г. д. Так, і гісторык І. І. Лапа, і правазнаўца Г. В. Дземчанка разглядалі пакаранні ў ВКЛ, але Дземчанка даследуе заканадаўства, у той час як Лапу больш цікавіць непасрэднае выкананне пакаранняў на прыкладах, якія адбіліся ў актавых крыніцах [3; 5]. Правазнаўца Ю. П. Доўнар і гісторык Л. С. Іванова вывучаюць земскія суды парэформеннага перыяду: першая – утварэнне земскіх судоў у рамках агульнадзяржаўнай судовай рэформы, другая – непасрэднае ўтварэнне Гарадзенскага земскага суда другой паловы XVI ст. і яго дзейнасць на практыцы, хоць і праз прызму статутаў. Такім чынам, даследаванні і гісторыкаў, і правазнаўцаў маюць адзіны аб'ект – земскі суд, але яны адрозніваюцца прадметам вывучэння і крыніцамі, якімі карыстаюцца даследчыкі.

Падсумоўваючы, трэба адзначыць, што ў гістарыяграфіі браслаўскага земскага суда можна вылучыць тры этапы. Першы – XIX – пачатак XX ст.: вывучэнне заканадаўства ВКЛ і земскай судовай сістэмы як агульнадзяржаўнага інстытута судовай улады. У гэты час была напісана праца І. І. Лапы, якая заклала аснову ў даследаванні земскіх судоў. Астатнія вучоныя закраналі судовую земскую сістэму дастаткова павярхоўна. Другі этап, які распачаўся ў 20-я гг. XX ст., стаў лакунай у вывучэнні земскіх судоў, даследаванне якіх з-за саслоўнай шляхецкай прыналежнасці выхадзіла з кола інтарэсаў вучоных таго часу. Аднак у гэты перыяд польскім даследчыкам О. Гедэманам было распачата вывучэнне гісторыі Браслаўскага павета, у рамках якога былі сабраныя звесткі пра судовых земскіх ураднікаў дадзеннага павета. Трэці этап – 80-я гг. XX ст. – пачатак XXI ст – распачаўся вяртаннем даследчыцкай цікаўнасці да заканадаўства і права ВКЛ і Рэчы Паспалітай. Разам з тым былі вызначаны роля і месца земскай судовай сістэмы ў агульнадзяржаўным палітычным развіцці, што прывяло да ўзрастання навуковага інтарэсу да дзейнасці земскіх судоў. З'яўляюцца працы па вывучэнні судоў асобных рэгіёнаў. Не апошняе месца адводзіцца судовым земскім ураднікам. Менавіта на гэтым этапе з'яўляюцца першыя працы, непасрэдна прысвечаныя Браслаўскаму земскаму суду (Г. Люлевіч) і браслаўскім павятовым ураднікам (А. Радаман, і В. Галубовіч). Аднак, нягледзячы на некаторыя крокі ў дадзеным кірунку, гісторыя дзейнасці Браслаўскага земскага суда ў ВКЛ разгледжана дастаткова ўрывачна, што стварае перспектыўнае поле для далейшага больш грунтоўнага яго даследавання айчыннай гістарыяграфіяй.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Hedemann, O.* Historja powiatu Brasławskiego. / O. Hedemann. – Wilno: Polska Druk. Nakładowa «Lux», 1930. – 484 s.

2. *Лойка, П. А.* Шляхецка-сялянскія міжсаслоўныя адносіны на беларускіх землях у другой палове XVI – першай палове XVII ст. / П. А. Лойка // Российские и славянские исследования: сборник научных статей / Белорусский государственный университет. – Минск, 2009. – Вып. 4. – С. 67–74.

3. *Лаппо, И.* Земский суд в Великом княжестве Литовском в конце XVI века / И. Лаппо // Журнал Министерства Народного Просвещения. Часть CCCXI. – СПб.: Тип. В. С. Балашова, 1897. – № 6. – Отд. 2. – С. 263–301.

4. Предисловие // Акты, издаваемые Комиссией, высочайше учрежденной для разбора древних актов в Вильне: [в 39 т.]. – Вильна: Тип. А. К. Киркора, 1865–1915.

5. *Демченко, Г. В.* Наказание по Литовскому статуту в его трех редакциях (1529, 1566 и 1588 гг.). Исслед. Г. В. Демченка. Ч. 1. – Киев: Тип. Имп. ун-та Св. Владимира, 1894. – [2], V, 273, II с.

6. *Юхо, Я.* Земскі суд. / Я. Юхо // Вялікае княства Літоўскае: ВКЛ: энцыклапедыя: у 2 т. / Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы, Выдавецтва «Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі». – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2005. – Т. 1. – С. 656; Вішнеўскі, А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі / А. Вішнеўскі. – Мінск: ВП «Экаперспектыва», 2000. – С. 107.

7. *Любавский, М.* Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства / М. Любавский. – Москва, 1900. – 850 с.

8. *Доўнар-Запольскі, М. В.* Гісторыя Беларусі / М. В. Доўнар-Запольскі. – Мінск: БелЭн, 1994. – 510 с.

9. *Довнар, Т.* Судебная реформа в Великом княжестве Литовском и Статут 1566 г. / Г. Довнар // 1566 metų Antrasis Lietuvos Statutas. Respublikinės mokslinės konferencijos, skirtos Antrojo Lietuvos Statuto 425 osioms metinėms pažymėti, medžiaga (Vilnius, 1991 m. Rugsėjo 19–20 d.). – Vilnius, 1993. –P. 56–64.

10. *Доўнар, Ю. П.* Судовая рэформа XVI стагоддзя ў Вялікім Княстве Літоўскім / Ю. П. Доўнар. – Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 2007. – 173 с.

11. Г*алубовіч, В.* Намінацыйныя прывілеі на павятовыя земскія пасады з кніг запісаў Метрыкі Вялікага княства Літоўскага першай паловы 17 ст. як крыніца па гісторыі Беларусі / В. Галубовіч // Гістарычны альманах / рэд. А. Краўцэвіч. – Горадня, 2001. – Т. 5. – С. 135–148.

12. *Радаман, А.* Элекцыйныя лісты як крыніца вывучэння дзейнасці соймікаў Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага другой паловы XVI – пачатку XVII ст. / А. Радаман // Архіварыус: зборнік навуковых паведамленняў і артыкулаў / Дэпартамент па архівах і справаводству Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь, Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Мінск: БелНДІДАС, 2004. – Вып. 2. – С. 99–104.

13. *Радаман, А.* Элекцыйныя соймікі Навагародскага павета ў другой палове XVI ст. / А. Радаман // Гісторыя Беларусі: новае ў даследаванні і выкладанні: матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі (Менск, 27 сакавіка 1999 г.): у 2 ч. – Мінск: БДПУ імя М. Танка, 1999. – Ч. 2. – С. 109–115.

14. *Радаман, А.* Шляхецкія соймікі і з'езды як структурная адзінка сістэмы ўлады ў Менскім павеце ў другой палове XVI ст. / А. Радаман // Магдэбургскае права на Беларусі: матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 500-годдзю выдачы гораду Менску граматы на магдэбургскае права (Менск, 26 сакавіка 1999 г.). – Мінск: Право и экономика, 1999. – С. 79–87.

15. *Радаман, А.* Элекцыйныя соймікі Браслаўскага павета ў другой палове XVI ст. / А. Радаман // Браслаўскія чытанні: матэрыялы V-й навукова-краязнаўчай канферэнцыі, прысвечанай 935-годдзю першай згадкі Браслава ў пісьмовых крыніцах (Браслаў, 27–28 красавіка 2000 г.) / рэд. рада: К. Шыдлоўскі [і інш.]. – Браслаў, 2001. – С. 75–83.

16. *Zakrzewski, A. B.* Ograniczenie przez sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego monarszego prawa mianowania urzędników sądowych XVII–XVIII w. / A. B. Zakrzewski // Lietuvos valstybė XII–XVIII a.: mokslinis leidinys: straipsnių rinkinys – Vilnius, 1997. – P. 173–186.

17. *Zakrzewski, A. B.* Sejmik elekcyjny / A. B. Zakrzewski // Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI–XVIII w. Ustrój i funkcjonowanie: sejmik trocki / A. B. Zakrzewski. – Warszawa: Liber, 2000. – S. 154–170.

18. *Рахуба, А.* Элекцыі на пасады / А. Рахуба // Вялікае Княства Літоўскае ў парламенцкай сістэме Рэчы Паспалітай (1569–1763 г.) / А. Рахуба. – Мінск: Медысонт, 2008. – С. 222–223.

19. *Вилимас, Д.* Принцип справедливости и судебная власть в историческом процессе (земские суды Великого княжества Литовского конца XVI в. и их роль в разрешении общественных противоречий) / Д. Вилимас // Разнастайнасць моў і культур у кантэксце глабалізацыі: матэрыялы Міжнар. сімпозіума, Менск, 9–10 ліпеня 2002 г.: у 2 кн. / рэдкал.: А. Мальдзіс (гал. рэд.) [і інш.]. – Минск: БелСаЭС «Чарнобыль», 2003. – Кн. 2. – С. 137–142.

20. *Вилимас, Д.* Врядники земских судов Великого княжества Литовского – участники сеймов Речи Посполитой и Главных съездов ВКЛ (1569–1588 г.). / Д. Вилимас // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях: матэрыялы Міжнар. навук. канферэнцыі (Менск – Наваградак, 23–24 лістапада 2007 г.) – Мінск: БІП-СПлюс, 2008. – С. 91–95.

21. *Radaman, A.* Samorząd sejmikowy w powiatach województwa nowgródzkiego Wielkiego Księstwa Litewskiego w latach 1565–1632 / A. Radaman // Praktyka życia publicznego w Rzeczypospolitej Obojga Narodów w XVI–XVIII wieku / pod red. U. Augustyniak i A. B. Zakrzewskiego. – Warszawa, 2010. – S. 55–103.

22. *Радаман, А.* Шляхецкія з'езды і соймікі Новагародскага павета і праблема ўзнікнення каптуровых судоў ў Вялікім княстве Літоўскім, Рускім і Жамойцкім ў час бескаралеўяў другой паловы XVI ст. / А. Радаман // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – Мінск, 2004. – № 1 (7). – С. 132–136.

23. *Lulewicz, H.* Funkcjonowanie sądownictwa szlacheckiego w WKsL w okresie pierwszych bezkrólewi (1572–1576) / H. Lulewicz // Z dziejów kultury prawnej. Studia ofiarowane Profesorowi J. Bardachowi w dziewięćdziesięciolecie urodzin. – Warszawa, 2004. – S. 361–367

24. *Konieczna, D.* Wpływ sejmiku brzesko-litewskiego na działalność sądu kapturowego w okresie 1572– 1764 / D. Konieczna // Studia historyczno-prawne. Księga poświęcona pamięci Profesora J. Seredyki. – Opole, 2008. – S. 177–187.

25. *Антановіч, З.* Гарадзенскі каптуровы суд у XVII–XVIII ст. / З. Антановіч // Гарадзенскі палімпсест III. 2010. Дзяржаўныя і сацыяльныя структуры. XVI–XX ст. / Пад рэд. А. Смаленчука, Н. Сліж. – Мінск: Зміцер Колас, 2011. – С. 57–83.

26. *Lulewicz, H.* Sąd ziemski brasławski w świetle zachowanych ksiąg ziemskich z lat 1603–1632 / H. Lulewicz // Miscellanea Historico-Archivistica. – Warszawa, 1998. – T. X. – S. 151–161.

27. *Вилимас, Д.* Элита и повседневность земских судов Упитского повета в 1566–1588 г. (по материалам упитских земских судов) / Д. Вилимас // Соціум. Альманах соціальної історії. – Київ, 2005. – Вип. 5. – С. 41–50.

28. *Залівака, А.* Гісторыя дзяржустаноў ВКЛ: артыкулы / А. Залівака. – Мінск: Энциклопедикс, 2011. – 88 с.

29. *Капыскі, С.* Увядзенне земскіх судоў паводле земскай рэформы 1565–1566 г. (на прыкладзе Слонімскага павета) / С. Капыскі // Леў Сапега (1557–1633 гг.) і яго час: зборнік навуковых артыкулаў / Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, УА «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Я. Купалы». – Гродна, 2007. – С. 106–110.

30. *Радаман, А.* Полацкі земскі суд у другой палове XVI – першай трэці XVII ст. / А. Радаман // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 1140-годдзю Полацка (Полацак, 23–24 кастрычніка 2002 г.) / уклад. Т. А. Джумантаева. – Полацк: НПГКМЗ, 2003. – С. 216–227.

31. *Радаман, А.* Арганізацыя і склад полацкага земскага суда ў другой палове XVI – першай трэці XVII ст. / А. Радаман // Герольд Litherland: навуковы геральдычны часопіс. – 2011. – № 18. – С. 21–36.

32. *Шаланда, А.* Земскі суд Гарадзенскага павета ў 1555–1564 гг. / А. Шаланда // Гарадзенскі палімпсест. 2009. Дзяржаўныя ўстановы і палітычнае жыццё, XV–XX ст.: зборнік матэрыялаў II Міжнароднай навуковай канферэнцыі, лістапад 2009 г., г. Гродна / пад рэд. А. Ф. Смаленчука, Н. У. Сліж. – Гродна, 2009. – С. 35–64

33. *Іванова, Л.* Гарадзенскі земскі суд у канцы XVI ст. у кантэксце Статутаў Вялікага Княства Літоўскага 1566 і 1588 гг. / Л. Іванова // Гарадзенскі міленіум: зборнік артыкулаў / уклад.: Н. Сліж. – Мінск: Гайсак, 2014. – (Arche Пачатак ; № 11 (132)). – С. 106–122.

34. *Вилимас, Д.* Ошмянский земский суд в 1564–1588 гг. / Д. Вилимас // Ашмяншчына: праблемы рэгіянальнай гісторыі Беларусі: зборнік навуковых артыкулаў. – Мінск, 2011. – С. 128–135.

35. *Радаман,* А. Земскія ўраднікі Полацкага ваяводства (другая палова XVI – першая палова XVII ст.) / А. Радаман, Д. Вілімас, В. Галубовіч // Commentarii polocenses historici= Полацкія гістарычныя запіскі: навуковы часопіс. – Наваполацк: Tomus Primus, 2004. – Том I. – С. 73–80.

36. *Радаман, А.* Земскія ураднікі Віцебскага ваяводства ў другой палове XVI – першай палове XVII стст. / А. Радаман, Д. Вілімас, В. Галубовіч // Commentarii polocenses historici = Полацкія гістарычныя запіскі: навуковы часопіс. – Наваполацк: Tomus Primus, 2005. – Т. II. – С. 51–61.

37. *Радаман, А.* Земскія ураднікі Гарадзенскага павета ВКЛ (другая палова XVI – першая палова XVII ст.) / А. Радаман, Д. Вілімас, В. Галубовіч // Павятовая шляхта ВКЛ: гісторыя, геральдыка, генеалогія, культура (XVI—XVIII ст.): матэрыялы навуковай канферэнцыі, Горадня, 18 лютага 2005 г. / рэд. А. Шаланда. – (Герольд Litherland; № 17). – Горадня, 2006. – С. 98–109.

38. *Галубовіч, В.* Кнігі запісаў метрыкі Вялікага Княства Літоўскага першай паловы XVII стагоддзя як крыніца па гісторыі Браслаўшчыны / В. Галубовіч // Браслаўскія чытанні: матэрыялы V навукова-краязнаўчай канферэнцыі, прысвечанай 935-годдзю першай згадкі Браслава ў пісьмовых крыніцах (Браслаў, 27–28 красавіка 2000 г.). – Браслаў, 2001. – С. 22–25.

(Дата падачы: 27.02.2018 г.)

П. Ю. Булаты
Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, Мінск

P. Bulaty
Republican Institute of Higher Education, Minsk

УДК 94(4)

УЗНІКНЕННЕ І ЭТАПЫ ЭВАЛЮЦЫІ ТЭРМІНАЎ «ГРАФ» І «ГРАФСТВА» Ў ЗАХОДНЯЙ ЕЎРОПЕ

ORIGIN AND STAGES OF EVOLUTION OF THE TERM «COUNT» AND «COUNTIES» IN WESTERN EUROPE

Артыкул прысвечаны тэме ўзнікнення тытула «граф» у Заходняй Еўропе. Паказаны працэс трансфармацыі паняцяў «граф» і «графства» ў еўрапейскай прасторы. У дадзеным працэсе можна вылучыць тры этапы: бюракратычны, феадальны, тытулярны. Кожны з іх мае свае адметнасці ў разуменні сэнсу арыстакратычнага тытула.

Ключавыя словы: тытул; граф; графства.

The article is dedicated to the history of establishment of counties in the territory of Western Europe. The transformation process of earldom in European area is shown. This process can be divided into three stages: the bureaucratic, feudal, titular. Each of them has its own characteristics in the understanding of the meaning of an aristocratic title.
Key words: title; count; county.

Цягам стагоддзяў у Заходняй Еўропе знаць адыгрывала значную ролю ў жыцці грамадства розных краін. У гістарыяграфіі тэмы, звязаныя з даследаваннем прывілеяванага саслоўя, не згубілі сваёй значнасці і актуальнасці, што абумоўлена важнай роляй асэнсавання палітычных і эканамічных формаў арганізацыі жыцця мінулых эпох у працэсе сучаснага дзяржаўнага будаўніцтва. Адметнай рысай арыстакратыі Заходняй Еўропы з'яўлялася наяўнасць тытулаў, якія выбудоўвалі складаную прыступкавую саслоўную іерархію. Адным з тытулаў, які быў распаўсюджаны ў саслоўных лесвіцах розных еўрапейскіх краін, з'яўляўся тытул «граф» і злучаная з ім назва маёнтка «графства».

У айчынай гістарычнай традыцыі набылі распаўсюджанне формы «граф» і «графства», якія прыйшлі на землі Вялікага Княства Літоўскага са Святой Рымскай імперыі. Карані слова «граф» (старабеларускія формы, якія падаюцца ў гістарычным слоўніку беларускай мовы: *«кграбя»*, *«грабя»*, *«кграбе»*, *«крабя»*, *«кграфъ»*, *«кгрофъ»* [1, с. 337]) паходзяць ад нямецкага слова «Graf», якое ў сваю чаргу мае дачыненне да старажытнаверхненямецкай формы «grafio» і «gravo». Германскае слова ўжывалася для перакладу лацінскага «comes» (спадарожнік; у Сярэднявеччы абазначала «спадарожнік караля»). Самі ж нямецкія формы паходзяць ад сярэднелацінскага слова «graffio» і грэчаскага «γραφεύς (grapheus)», што азначае «пісар, рэгістратар» [2–6]. Лацінскі тэрмін «graffio», пераняты ў нямецкую мову, упершыню сустракаецца ў разнастайных артыкулах прававога кодэксу «Салічная праўда» [7, с. 192, 194, 195, 292]. Першапачатковае значэнне тэрмінаў «граф» і «графства» тлумачыцца іх сэнсавай трансфармацыяй, якая адбывалася ў Заходняй Еўропе цягам стагоддзяў. У дадзеным працэсе можна вызначыць тры этапы.

Першы этап у развіцці тэрмінаў «граф» і «графства» акрэслім як «бюракратычны». Тэрмін «граф» у гэты час ужываецца ў якасці вызначэння пэўных дзяржаўных пасад, а «графства» – адміністрацыйна-тэрытарыяльных адзінак. Вылучаны перыяд ахоплівае эпохі позняй Антычнасці і ранняга Сярэднявечча – ад 312 г. н.э. да IX ст. Упершыню ў бюракратычным сэнсе тытул «граф» (лац. «comes») з'яўляецца ў Рымскай імперыі ў 312 г. н. э. [8, с. 485]: ён абазначае асабістага дарадцу ці падначаленага імператара. Дадзенае афармленне адбылося ў часы кіравання імператара Канстанціна I. Сэнсавае напаўненне гэтага тэрміну падкрэслівае сувязь носьбіта тытула з імператарам ці яго дваром. З другой паловы III ст. н. э. тэрмін «comes» выкарыстоўваўся для вызначэння ўрадавых асоб розных рангаў, ахопліваючы розныя сферы дзяржаўнага ўладкавання. Напрыклад, *Comes palatinus* – суддзя вышэйшага рангу. У якасці ганаровай пасады тытулам «comes» былі ўшанаваныя некаторыя з прадстаўнікоў дзяржаўных чыноўнікаў высокага рангу – *Magister officiorum*

(загадчык палацавай адміністрацыі) і *Quaestor* (дапаможнікі консулаў). У той жа час у дзяржаўным апараце існавалі такія бюракратычныя наміналы, як *Comes sacrarum largitionum* (Коміт святых шчадротаў; фінансавы ўраднік) і *Comes rerum privatarum* (чыноўнік, які кіраваў эксплуатацыяй і зборам даходаў з дзяржаўнай і прыватнай маёмасці імператара) і інш. Да вышэйшага эшалону ўлады былі залічаныя і іншыя *Comes*-пасады, якія не ўваходзілі ў склад Кансісторыя (адміністрацыйна-дарадчы орган пры імператары). Сярод іх можна адзначыць, напрыклад, *Comes Africae* і *Comes Aegypti* – правінцыяльныя адміністратары, якія выконвалі фіскальныя і эканамічныя функцыя, дзейнічалі ў якасці кантралёраў. У больш позні час (IV–V стст. н. э.) выкарыстоўвалася грэчаская форма тэрміна (γραφεύς (grapheus)) для вызначэння пэўных дзяржаўных пасад з рознымі функцыямі [9, 10, с. 104–106, 11].

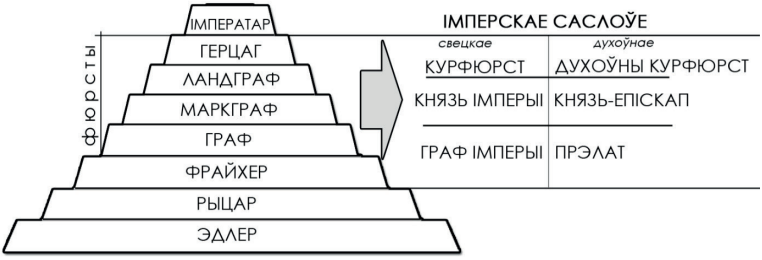
У Сярэднявеччы графствы з'яўляліся адзінкамі абласнога падзелу ў Франкскай дзяржаве і ў Англіі. Каралі дынастыі Меравінгаў, усталёўваючы лад сваёй дзяржавы, карысталіся абласнымі дзяленнямі, якія ўжо існавалі за часамі Рымскай імперыі (гарадскія акругі, або *civitates*) [3]. Падобныя ж гарадскія акругі ўтвараліся і ў чыста германскіх землях, або ў аснову дзяленняў закладваліся тэрыторыі, раней занятыя асобнымі дробнымі плямёнамі. Усе гэтыя акругі паступова прымалі характар аднастайных адміністрацыйна-судовых, фінансавых і ваенных адзінак дзяржавы, на чале якіх стаяў граф. На пачатку IX ст. граф вызначаўся як службовая асоба, якая прадстаўляла ўладу караля на падначаленых землях [4, 5]. Тэрміны «граф» і «графства» асабліва пашырыліся і ўвайшлі ва ўжытак у IX ст. у эпоху караля Карла Вялікага. Дадзеныя дэфініцыі згадваюцца ў знакамітых каралеўскіх Капітулярыях (параграфе 27 Капітулярыя аб маёнтках [12]). Створаная Карлам Вялікім Імперыя франкаў патрабавала рэарганізацыі і наяўнасці трывалага адміністрацыйнага апарата. Кароль імкнуўся стварыць моцную цэнтралізаваную дзяржаву, якой кіраваў разгалінаваны апарат чыноўнікаў. Цэнтр апарата кіравання знаходзіўся пры Карле I у яго рэзідэнцыі. У складзе апарата, сярод іншых, узгадваецца пасада дварцовага графа (*Comte du palais*) – службоўцы, які дапамагаў каралю ў судовых справах, а таксама загадваў канцылярыяй [13]. Натуральна, што цэнтральны апарат не мог кіраваць усёй імперыяй дыстанцыйна. Таму па ўсёй краіне прысутнічалі мясцовыя чыноўнікі, якія складалі пэўную феадальную іерархію падобна той, што была сфармаваная ў цэнтры. На чале буйной адміністрацыйнай акругі стаяў граф, у яго былі памочнікі-вікарыі (віцэ-графы). На месцах граф меў шырокія паўнамоцтвы, яму таксама былі нададзены судовыя функцыі [14, 15].

Другі этап у развіцці паняццяў «граф» і «графства» можна акрэсліць як «феадальны» (IX–XV стст.). Іншае асэнсаванне гэтых паняццяў адбылося на фоне працэсу феадальнай раздробленасці, які, распачаты яшчэ пры Меравінгах, працягваўся ў канцы IX ст. Фармальнай кропкай адліку новага этапу ў разуменні тэрмінаў «граф» і «графства» з'яўляецца прыняцце

ў 877 г. Карлам II Лысым К'ерзійскага капітулярыя (*Capitulaire de Quierzy*). Гэты дакумент юрыдычна замацоўваў і санкцыянаваў палітычную самастойнасць графа, ператвараючы яго з дзяржаўнай урадавай асобы ў сеньёра сваёй акругі. Адным з важных палажэнняў К'ерзійскага капітулярыя было ўсталяванне спадчыннасці тытула графа [16, с. 355–361]. З цягам часу і з далейшым развіццём феадальных адносін графствы страцілі значэнне адміністрацыйных адзінак дзяржавы: пад гэтай назвай сталі разумець сукупнасць зямель, якімі валодала асоба з тытулам графа. Так, у Заходняй Еўропе ў X–XII стст. склаліся сярэднявечныя графствы (таксама княствы і герцагствы), якія з'яўляліся часта асобнымі феадальнымі адзінкамі, што прыйшлі на змену буйным палітычным дзяржаўным арганізацыям. Пасля распаду Імперыі франкаў у значэнні адасобленых феадалаў і феадальных адзінак тэрміны «граф» і «графства» распаўсюдзіліся на пераемныя дзяржавы.

Трэці этап у эвалюцыі тэрмінаў «граф» і «графства», які пачаўся ў XV ст., – «тытулярны». З заняпадам феадалізму і развіццём нацыянальных дзяржаў графствы, якія траплялі пад юрысдыкцыю цэнтральнага кіруючага апарата, натуральна, страцілі сваё значэнне як асобныя феадальныя адзінкі і трансфармаваліся ў буйныя маёнткі. Пад «графам» (роўна як і пад іншым тытулам) разумелася спадчыннае (або прысвоенае пажыццёва асобным людзям) ганаровае званне. Яно падкрэслівала асаблівае, прывілеяванае становішча носьбіта, што патрабавала адпаведнага тытулавання. У сувязі з гэтым у саслоўна-феадальным грамадстве Заходняй Еўропы сфармавалася складаная саслоўная іерархія, аснову якой складалі тытулы. Значэнне спадчынных тытулаў паступова нівеліравалася і яны саступалі месца дзяржаўным пасадам. На прыкладзе Святой Рымскай імперыі як краіны, з якой графскі тытул быў пераняты ў Вялікае Княства Літоўскае, разгледзім саслоўную іерархію тытулаў (у іншых краінах Заходняй Еўропы структура была падобная, але з некаторымі нязначнымі нацыянальнымі асаблівасцямі).

У Святой Рымскай імперыі існавала дзве тытульныя іерархіі, сістэма якой прадстаўленая на мал. 1. Тытулы падзяляліся на саслоўныя і імперскія (мелі свецкую і духоўную галіны).



Мал. 1. **Іерархія тытулаў Святой Рымскай імперыі**

На вяршыні саслоўнай лесвіцы знаходзіўся *імператар*. Адразу пасля імператара ў іерархіі кіравання стаяла саслоўе *фюрстаў* (Fürst), у якое ўваходзілі:

• герцаг (Herzog) – вышэйшы арыстакратычны тытул. Першапачаткова герцаг вызначаўся як ваенны правадыр, які абіраўся родаплемяннoй знаццю. У раннім Сярэднявеччы герцаг – буйны тэрытарыяльны валадар, які займае першае месца пасля караля ў ваенна-леннай іерархіі, якому падпарадкоўваліся графы. У перыяд феадальнай раздробленасці на чале герцагстваў, якія працягвалі захоўваць свае этнічныя асаблівасці, паўсталі найбуйнейшыя феадалы; у далейшым яны ператварыліся ў найбольш значных тэрытарыяльных валадароў;

• ландграф (Landgraf). Становішча ландграфаў было падобна да становішчам герцагаў: на іх ляжаў абавязак не толькі ў сваім графстве, але і ў больш шырокай вобласці падтрымліваць мір, а ў выпадку вайны даваць каму трэба ўзброенае прыкрыццё;

• маркграф (Markgraf) – кіраўнік пагранічнай зямельнай акругі (маркі). На сваіх тэрыторыях маркграфы мелі ўладу ўзроўню герцага, за адзіным выключэннем: падчас ваенных паходаў маркграфы ішлі за герцагскім сцягам;

• граф (Graf) – найбольш распаўсюджаны арыстакратычны тытул; уладар пэўнай адміністрацыйнай адзінкі. Да канца XV ст. у імперыі існаваў шэраг форм графскага тытула – Фрэйграф (Freigraf), Бургграф (Burggraf), Рэйнграф (Rheingraf), Альтграф (Altgraf), Вільдграф (Wildgraf), Раўграф (Raugraf) – якія ў больш позні час пачалі знікаць і канчаткова выходзіць з ужытку.

За саслоўем фюрстаў у іерархія змяшчаліся *фрайхеры* (Freiherr), якія даслоўна абазначалі «свабодных грамадзян» імперыі, адпавядаюць тытулу барон у іншых еўрапейскіх тытулярных сістэмах. За імі змяшчалася ваеннае землеўласніцкае саслоўе *рыцараў* (Ritter). Завяршаў арыстакратычную лесвіцу тытул *эдлер* (Edler) – дробныя ўладары спадчыннай зямлі [17].

Апроч тытулаў саслоўных, у Святой Рымскай імперыі існавалі тытулы імперскія, з якіх фарміравалася імперскае саслоўе, – суб'екты, якія валодалі правам голасу ў рэйхстагу. У сацыяльным плане імперскае саслоўе ўяўляла з сябе вышэйшае дваранства (пераважная большасць – прадстаўнікі саслоўя фюрстаў), вышэйшае духавенства і патрыцыят імперскіх гарадоў, якія ўтваралі ў сукупнасці найважнейшую сацыяльную базу імперыі. Права на прысваенне імперскага тытула меў імператар. У імперскае саслоўе ўваходзілі:

• курфюрсты (Kurfürsten) – вузкая група ўладароў найбольш магутных нямецкіх тэрытарыяльных адзінак, якія мелі выключнае права выбару імператара;

• імперскія князі (Reichsfürsten) – вышэйшае дваранства Святой Рымскай імперыі, у склад якога ўваходзілі ўладары тэрытарыяльных адзінак, якія мелі тытул, вышэй за графскі (былі выключэнні);

• імперскія графы (Reichsgrafen) – найбольш шматлікае імперскае саслоўе, якое ўтварала масу сярэдняга нямецкага дваранства, у склад якога ўваходзілі ў тым ліку і прадстаўнікі фрайхераў (баронаў). У склад імперскага графскага саслоўя ўваходзілі тыя графы і бароны, якія з'яўляліся суверэнамі невялікіх тэрытарыяльных адзінак, іншыя ж, якія заставаліся пад сюзерэнітэтам больш магутных фюрстаў, у кіраванні імперыяй не ўдзельнічалі.

Імперскае саслоўе падзялялася на свецкае і духоўнае, якое мела падобную іерархію. На вяршыні знаходзіліся духоўныя курфюрсты – архібіскупы, за імі ішлі духоўныя імперскія князі (князі-біскупы), пасля якіх стаялі імперскія прэлаты.

У склад імперскага саслоўя ўваходзілі не толькі персаналіі, але вылучаліся і асобныя тэрытарыяльныя адзінкі – свабодныя імперскія гарады, якія, у адрозненне ад іншых гарадскіх цэнтраў імперыі, не знаходзіліся пад сюзерэнітэтам тэрытарыяльных фюрстаў, а падпарадкоўваліся непасрэдна імператару і з'яўляліся самастойнымі дзяржаўнымі ўтварэннямі [18].

Імперская саслоўе было канчаткова сфарміравана ў пачатку XVI ст. Яго склад (канкрэтны пералік суб'ектаў імперыі) строга фіксаваўся імперскімі матрыкуламі, якія зацвярджаў рэйхстаг. Так, згодна з Вормскім матрыкулам 1521 г., у рэйхстаг уваходзіла 388 суб'ектаў імперыі (з іх 135 прыходзілася на духоўныя асобы, 85 – на свабодныя імперскія гарады). Свецкі склад рэйхстага выглядаў наступным чынам:

• курфюрсты: кароль Чэхіі, курфюрсты Пфальца, Саксоніі, Брандэнбурга;

• імперскія князі (32 суб'екты): кароль Даніі, эрцгерцаг Аўстрыі, 20 герцагаў, 3 князя, 2 ландграфы, 3 маркграфы, 1 граф, 1 бургграф;

• імперскія графы (132 суб'екты): 1 маркграф, 95 графаў, 2 бургграфы, 31 барон, 3 крайчых (прыдворная пасада; адказны за стольнікаў, якія падаюць ежу і напоі) [19, с. 313].

Так, у Святой Рымскай імперыі існавала складаная іерархія тытулаў, у якую уваходзілі і тытулы імперскія. Апошнія давалі іх носьбітам права голасу ў рэйхстагу. На дадзеным прыкладзе бачна, як адбылася трансфармацыя тытулаў у еўрапейскім грамадстве. Пры захаванні спадчынных саслоўных тытулаў большы ўплыў мелі тытула імперскія з канкрэтнымі палітычнымі правамі. З прыведзенага вышэй матрыкула бачна, што носьбіт, напрыклад, тытула «маркграф» у імперскім саслоўі мог быць прыналежным як да князя імперыі, так і да графа імперыі.

Такім чынам, тэрміны «граф» і «графства» прайшлі доўгую эвалюцыю, у выніку якой цалкам змяніўся іх змест і разуменне. Першапачаткова тэрмін «граф» з'яўляецца ў перыяд позняй Антычнасці і сустракаецца ў 312 г. н. э. пры апісанні дзяржаўнага апарата імператара Канстанціна I. У значэнні службовай асобы тэрмін «граф» сустракаецца і ў раннім Сярэднявеччы. У той жа час у Імперыі франкаў з'яўляецца тэрмін «графства» ў значэнні гаспадарча-адміністрацыйнай адзінкі, на чале якой стаяла службовая асо-

ба – граф, які ад імя манарха ажыццяўляў у межах гэтай адзінкі ўладныя функцыі. З наступленнем феадальнай раздробленасці ўмоўныя ўладанні (у тым ліку графствы) ператвараюцца ў спадчынныя феоды. Спадчыннымі становяцца і тытулы: граф з дзяржаўнага чыноўніка ператвараецца ў феадала, звязанага з манархам асабістай клятвай. З XV ст. у выніку зніжэння сацыяльнай мабільнасці насельніцтва Заходнееўрапейскіх дзяржаў набіліраванае саслоўе закрываецца. Адбываецца працэс структурызацыі: тытулы гуртуюцца ў адпаведнасці з уяўленнямі пра годнасць. Графствы трансфармаваліся ў буйныя маёнткі, а пад графам разумелася спадчыннае ганаровае званне. Менавіта ў такім разуменні тэрміны «граф» і «графства» трапляюць у Вялікае Княства Літоўскае. Сам тэрмін, які ў выніку прамога перакладу распаўсюдзіўся ў Княстве, запазычаны з нямецкай мовы ад слова «Graf», якое паходзіць ад сярэднелацінскага слова «graffio» і грэчаскага «γραφεύς» (grapheus).

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Кароткі гістарычны слоўнік беларускай мовы / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Філ. «Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы»; склад. А. М. Булыка. – Мінск: Беларуская навука, 2015. – 1038 с.

2. *Krüger, S.* Studien zur Sächsischen Grafschaftsverfassung im 9. Jahrhundert / S. Krüger. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1950. – 97 s.

3. *Sprandel, R.* Dux und comes in der Merowingerzeit / R. Sprandel // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abtheilung. –Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 1957. – S. 41–84.

4. *Borgolte, M.* Die Grafen Alemanniens in merowingischer und karolingischer Zeit: Eine Prosopographie / M. Borgolte. – Sigmaringen: Thorbecke, 1986. – 341 s.

5. *Schulze, H.* Die Grafschaftsverfassung der Karolingerzeit in den Gebieten östlich des Rheins / H. K. Schulze. – Duncker und Humblot, 1973. – 389 s.

6. *Zotz, T.* Grafschaftsverfassung und Personengeschichte zu einem Werk über das karolingerzeitliche Alemannien / T. Zotz. – Stuttgart: Kohlhammer, 1988. – 16 s.

7. Monumenta Germaniae Historica. Legum nationum Germanicarum T. IV. P. I. – Hannoverae: Impensi Bibliopolii Hahniani, 1962. – 327 p.

8. Comes // The Oxford Dictionary of Byzantium. V. 1. – New York: Oxford University Press, 1991. – P. 484–485.

9. *Seeck, O.* Comes / O. Seeck // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft V. 4 – Stuttgart, 1900. – S. 629–679.

10. *Jones, A. H. M.* The Later Roman Empire, 284–602; a social, economic, and administrative survey. V. 1 / A. H. M. Jones. – Johns Hopkins University Press, 1986. – 1518 p.

11. *Bonfils, G.* Il comes et quaestor nell'età della dinastia costantiniana / G. Bonfils. – Napoli: Pubblicazioni della Facoltà giuridica dell'Università di Bari, 1981. – 227 p.

12. Капітулярый Карла Вялікага [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://www.le.ac.uk/hi/polyptyques/capitulare/latin.html. – Дата доступу: 13.12.2016.

13. Comte du palais // Carolingiens Encyclopédie. – Bibliothèque nationale de France [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://www.larousse.fr/encyclopedie/groupepersonnage/Carolingiens/111832#392608. – Дата доступу: 13.12.2016.

14. *Depreux, P.* Charlemagne et les Carolingiens, 687–987 Relié / P. Depreux. – Tallandier, 2002. – 160 p.

15. *Favier, J.* Charlemagne Relié / J. Favier. – Fayard, 1999. – 769 p.

16. Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum Frankorum T. II. – Hannoverae: Impensi Bibliopolii Hahniani, 1897. – 726 p.

17. Count // Encyclopædia Britannica Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://www.britannica.com/. – Дата доступу: 13.12.2016.

18. *Zoepfl, H.* Grundsätze des gemeinen deutschen Staatsrechts: mit besonderer Rücksicht auf das allgemeine Staatsrecht und auf die neuesten Zeitverhältnisse / Heinrich Zoepfl. – Leipzig: C. F. Winter, 1863. – 781 s.

19. *Zeumer, K.* Quellensammlung zur Geschichte der Deutschen Reichsverfassung in Mittelalter und Neuzeit / K. Zeumer. – Tübingen: J. G. B. Mohr (Paul Siebeck), 1913. – 614 s.

(Дата падачы: 15.01.2018 г.)

Е. Н. Бухал
Республиканский институт высшей школы, Минск
A. Bukhal
National Institute of Higher Education, Minsk

УДК 94

ХРИСТИАНЕ, МАВРЫ, ИУДЕИ, ИСПАНЦЫ: ПОЛЕМИКА КАСТРО И САНЧЕСА ВОКРУГ ГЕНЕЗИСА ИСПАНСКОЙ НАЦИИ

CHRISTIAN, MAURUS, JEWISH, SPANISH: CASTRO AND SANCHEZ POLICE CROSSROADS AROUND THE GENESIS OF THE SPANISH NATION

Сложное переплетение отношений трех религиозных общин характеризует испанское Средневековье и отличает Испанию от других европейских стран. Арабское вторжение 711 года обособило её историческое развитие на семь столетий до тех пор, пока не произошло взятие Гранады христианами в 1492 г. Вопрос о том, как сосуществовали религиозные общины в Средние века на территории Испании и какой вклад внесла каждая из них в формирование испанского национального характера, привел в последней четверти XX века к развитию пылкой полемики, которая разделила не только испанский интеллектуальный мир, но даже рядовых испанцев на два лагеря, противостоящих друг другу непримиримым образом. Начало этой полемики положили работы А. Кастро и К. Санчес-Альборноса, основные тезисы которых рассмотрены в данной статье.

Ключевые слова: испанская историография; иудеи; мавры; христиане; история Испании; Средние века.

The intertwined relations of three religious communities characterize the Spanish Middle Ages and distinguish Spain from other European country. Spanish historical development was postponed for seven centuries by invasion in 711, until 1492 when Christians conquered Granada. There were questions «How did religious communes coexist in the Middle Ages on Spanish territories» and «What was contributed to the formation of Spanish national character». This questions caused beginning of polemic in last quarter of twentieth century, polemic separated not only intellectual world of Spain, but also separated ordinary citizens into two groups. A. Castro and C. Sanchez-Albornoz started this polemic, main thesis elucidate in the article.

Key words: Spanish historiography; jews; mussulman; christian, Spanish history, Middle Ages.

Целью данной статьи является определение характеристики дискуссии в испанской историографии, известной как «полемика Кастро и Санчес-Альборноса», которая заложила основы «большого поворота» испанской исторической науки.

Возможно, покажется удивительным, почему проблема, которая восходит к Средневековью и вначале, кажется, носит узкоспециальный чисто исторический характер, взволновала широкие круги испанского общества настолько, что вылилась в одну из самых ярких полемических дискуссий в истории Испании. Вообще испанская интеллектуальная традиция сама по себе богата полемикой. Чтобы понять это явление, следует с самого начала отметить историографическую особенность испанской самооценки: отношения, которые связывают испанских мыслителей с их прошлым, в большом количестве случаев, построены на проблемных вопросах и пронизаны глубоким беспокойством о том, что есть Испания и что она пережила в ходе своей истории. Параметры этого беспокойства многообразны: воспоминания о потере страной позиции великой державы XVI века, утрата ею ведущих позиций в международной политике, гражданская война и ее последующее разделении испанцев, «Черная легенда», жестокость инквизиции и испанских завоевателей в ходе колонизации Латинской Америки, отсталость испанской науки. Безусловно, эти вопросы не актуальны на современном этапе развития испанской исторической науки. Но они занимали так называемое «поколение 1898 года», которое воспитало и породило интересующую нас полемику. После поражения республиканцев в Гражданской войне и эмиграции части либеральной интеллигенции, споры вокруг узловых пунктов истории Испании выходит за пределы страны и продолжается в испаноязычном пространстве. Полная эмоций дискуссия затрагивает не только прошлое Испании, но также и в связи с этим весьма конкретный образ ее будущего. Этот удивительный факт требует особого акцента: ученые полагают, что Средневековая Испания и происхождение испанской нации связаны в то же время с вопросом о пути Испании к будущему и именно поэтому заслуживают особенного внимания.

Противоречивая полемика, связанная с вкладом мусульман, христиан и иудеев в формирование Испании, была развязана двумя представителями либеральной интеллигенции в эмиграции. Один из них – великий филолог Америко Кастро (1885–1972). Другой – Дон Клаудио Санчес-Альборнос и Мендуньи (1893–1984), который на протяжении всей своей жизни был исследователем средневекового прошлого, обеспокоенным настоящим. Создатель Института средневековых исследований в Мадриде и глава республиканского правительства в эмиграции – «историк профессионал и политик любитель». Оба происходили из одного и того же политического поля. Однако их интерпретации истории Испании в период Средневековья различаются почти во всех пунктах.

Полемика была открыта Америко Кастро в его по-настоящему сенсационной книге «Историческая реальность Испании» («España en su historia»),

1948 г.). Исходная позиция Кастро поставила под сомнение всю традиционную концепцию истории Испании.

Чтобы понять, какое потрясение внесла работа филолога Кастро в область исторической науки, следует представить себе, как писали историю Испании до этого. Господствующая в науке концепция испанских традиционалистов была основана на фундаментальной идее «Вечной Испании» и «вечного испанца». Он появился еще в пещерах Альтамиры, пережил римское, вестготское, арабское вторжение и стал современным испанцем, сохранив испанское величие и закалив свой характер в бессчетных сражениях за выживание. В глазах традиционалистов-националистов Реконкиста была борьбой христиан Севера против арабского господства. Высылка мавров и иудеев с полуострова оценивалась в этой концепции положительно, потому что считалась спасением национального единства страны. Идеалом была целостная Католическая империя XVI–XVII веков. Все, что следовало за этим, расценивалось как предательство имперской идеи в результате иностранных вмешательств во имя Реформации, либерализма или коммунизма. В эту концепцию укладывалась все испанское прошлое. В ее пределах достоинства римской и вестготской Испании, а также Реконкисты превозносились, в то время как заслуги семитов (как мавров, так и евреев) либо категорически отрицались, либо трактовались как незначительные.

В этом контексте книга Кастро «Историческая реальность Испании» означала колоссальный поворот. Его новая интерпретация истории Испании начинается с вопроса о моменте, с которого можно достоверно говорить об Испании в современном смысле. В то время как традиционная историография защищала вечную испанскую идентичность, допускающую самые незначительные переходы между иберами, римлянами и вестготами, Кастро четко фиксирует первое появление испанцев в XII веке. Его тезис выглядит следующим образом: «В 1100 году галисийцы, леонцы, кастильцы и арагонцы постепенно приобретали привычку называть себя испанцами». Таким образом, вдруг стало очевидно, что древних иберийцев нельзя сравнивать с современными испанцами и что не существует никакой преемственности между ними. Основой концепции истории Кастро, что важно для нас, является тезис, согласно которому особенность Испании определяется главным образом мирным сосуществованием трех религиозных общин: христиан, мавров и евреев. Эти три этнические и религиозные группы жили единой общественной жизнью. Для Кастро Реконкиста не является религиозной войной. Это попытка христиан севера восстановить королевство Толедо и освободить его от мавританской оккупации. Для обоснования этого тезиса Кастро использует довольно тенденциозную подборку цитат из средневековых источников. Он ссылается на суру 99 Корана, в которой насильственное обращение верующих других религий прямо отвергается. Взятие Гранады католическими монархами в 1492 году означало конец общей жизни трех религий и начало великой катастрофы в истории Испании. Покорив мавров

и изгнав иудеев, христиане настолько усилились, что захватили Америку и навязали Испании имперский курс, к которому она была не готова экономически. В Средневековье существовала четкая специализация: мавры были портными, каменщиками, ремесленниками; иудеи специализировались на финансах, медицине и переводах; христиане были земледельцами или воинами. Таким образом, существовала тесная связь между религией и профессией. Торговля и промышленность были парализованы с изгнанием мавров и евреев. Эти занятия презирались воинами-христианами. Мавры передали остальной Европе греческую философию, в первые столетия после вторжения в Испанию они превосходили в науках и искусствах христиан Севера, которые находились в изумлении от богатства и изысканности таких городов, как Кордова или Севилья. Реконкиста кажется Кастро отчаянной попыткой испанского Севера противостоять маврам. В процессе борьбы происходило заимствование христианами у мусульман многих элементов общественной жизни – административной системы, архитектурной техники и так далее, вплоть до формул вежливости и моды.

В соответствии с новой оценкой арабского влияния Кастро переходит к еще более решительной переоценке еврейского культурного вклада. Для Кастро испанские евреи до своего изгнания в конце XV века – интеллектуалы Испании, наставники христианских королей, а также руководители экономики и финансов. Среди особенностей испанской жизни – постоянная забота о чистоте крови. Кастро видит в этой одержимости отражение еврейской заботы о знатной родословной. Навязчивое стремление испанских христиан считаться чистым от чужой крови стало расти, когда еврейские соседи вынуждены из-за погромов обращаться в христианство. Это четко видно по религиозной практике «конверсос». Однако, учитывая, что евреи в основном представляли интеллектуальные профессии, Кастро полагает, что неотъемлемая часть испанского Золотого века была порождена новыми христианами, «новообращенными». В работе и жизни самых выдающихся испанских авторов, философов и богословов Кастро ищет еврейских предков и подозревает их там, где нет документальных данных. Первые четыре инквизитора объявляются типичными представителями новообращенных. Даже обнаруживается дедушка иудей в родословной святой Терезы Авильской! Христиане-воины презирали, согласно тезису Кастро, еврейскую интеллектуальную элиту. И после того как евреи были изгнаны это презрение выродилось в полное равнодушие и усталость по отношению к культуре, которые привела к отсталости Испании по сравнению с другими странами Европы.

Таким образом, четко видны расхождения А. Кастро с традиционной историографией. Во-первых, согласно его тезису, испанцы появились XII веке. Во-вторых, доказывается мирное существование трех религий в период Средневековья, как большая опора национального рождения Испании. И, наконец, в-третьих, упадок Испании в XVII веке происходит после того, как равновесие трех религий было нарушено в пользу христиан.

Работа Кастро была настолько интеллектуально ошеломительна, так ярко, сочно, живо и страстно написана, что многие не обращали должного внимания на спорные обобщения, сомнительные источники, вырванные из контекста цитаты и жонглирование фактами. В конце концов – и на отсутствие должной профессиональной подготовки. Все испанское общество раскололось на два лагеря, и дискуссия вышла из академических кругов на улицы городов.

В 1956 году вышла в свет книга Санчеса-Альборноса «Испания: историческая загадка» («España: un enigma histórico»). Это была очень сложная и серьезная работа как в профессиональном, так и в личном смысле. Пришлось упрекнуть своего близкого друга в отсутствии должного образования, в искажении исторической правды. Санчес-Алборнос потратил несколько лет, чтобы выстроить свою позицию и подготовить аргументированный ответ историка.

Очень взвешенно и последовательно Дон Клаудио излагает непоколебимые факты, эффективно разрушающие внешне стройную теорию Кастро. Нищета сельского хозяйства – это естественный результат наличия только 10 % плодородных земель. Завоевание Америки – дело рук голодного мелкого дворянства, а не имперских амбиций. Реконкиста имеет не только религиозный характер, но и экономический. История народа никогда не начинается в определенный момент, это результат медленного процесса развития. И самое главное, Санчес-Альборнос бросает вызов тезисам Кастро о мирном сосуществовании трех религий во времена испанского Средневековья. Если произошло взаимное проникновение культурных влияний, то, по его словам, это произошло в лучшем случае на юге, но никогда не имело место на севере полуострова. По словам Санчеса-Альборноса, степень, в которой произошло мавританское вторжение, преувеличена. Если в центре Пиренейского полуострова наблюдался расцвет арабской культуры, он не затрагивал христианские земли до завоевания Толедо и Сарагосы, когда оставшиеся в городах арабы передали христианам архитектурное мастерство. В остальном – и в этом утверждении завершается ответ Санчес-Альборноса – никогда не было реального симбиоза между тремя религиозными общинами. Возможно, в тени богатых городов, таких как Кордова, Гранада, Севилья, расцветали еврейские общины, но это не оказывало никакого влияния на север Испании. Реконкиста была многовековой войной, которую обе стороны вели с большой жестокостью. По этой причине историк Санчес-Альборнос считает арабское вторжение решающим моментом испанской истории, но скептически оценивает вклад арабов в становление Испании. Семисотлетняя война с обеих сторон, прерываемая лишь короткими периодами мира, наложила неизгладимый отпечаток на всю историю Испании, привела к стагнации общественных и экономических отношений. Между землями христиан и мусульман образовались мертвые зоны, которые были заселены снова лишь после победы Реконкисты. В итоге на территории Испании так и не сформировался феодализм в классическом смысле

(кроме территорий Каталонии). Свободные крестьяне, которые были опорой Реконкисты, были вассалами самого короля, а не феодального сеньора. До конца эпохи Средневековья они оставались свободными земледельцами, а не слугами феодала.

Окончательное изгнание морисков Дон Клаудио рассматривает не как экономическую катастрофу, из-за которой страна была лишена трудолюбивых ремесленников, а как политическую необходимость.

С большой страстью Санчес-Альборнос выступает против чрезмерно позитивной оценки Кастро еврейского вклада, рассматривая влияние евреев на общественную жизнь Испании как не очень заметное и по существу отрицательное. Вначале он намекает на скудное количество еврейских общин на христианском севере Испании. Большие общины евреев были только в крупных городах Андалусии. До XI века еврейские общины оставались настолько маленькими, что от них не могло исходить хоть сколько-нибудь заметное влияние на христианских соседей. Только в XII веке сформировались крупные еврейские общины в Толедо и вдоль реки Тахо. Санчес-Альборнос не отрицает, что образованные представители испанского иудаизма выступали в качестве интеллектуальных посредников между Востоком и Западом, как переводчики философских и научных работ. Однако он выступает против чрезмерной переоценки еврейского влияния со стороны Кастро.

Ошибки и провалы внешней политики Испанского королевства, по мнению Санчеса-Альборноса, не являются следствием внезапного распада симбиоза трех религий. За это ответственна Австрия, которая втянула Испанию в империалистическую политику и сильно истощила ее финансовые возможности. Три национальных банкротства (в 1557, 1575 и 1596 гг.) значительно ослабили экономику Испанию и привели к стагнации общественной жизни.

Если коротко резюмировать позицию Санчес-Альборноса, получается следующее. Во-первых, современная Испания не была сформирована в XII веке, это страна, которая прошла долгий путь исторического развития. Во-вторых, сосуществование трех религий не отрицается, однако оно имело характер вынужденного выживания, а в иные периоды принимало формы открытого конфликта. В-третьих, мавританское вторжение способствовало упадку, а не расцвету полуострова. В-четвертых, значимость вклада евреев в общественную и культурную жизнь Испании преувеличена. И, наконец, упадок Испании в Новое время не имеет ничего общего с нарушением баланса трех религий, а произошел в результате династической политики Габсбургов и кризиса экономики.

Так, в самых общих чертах, выглядят работы, которые определили ход исторических и общественных дискуссий в последнюю четверть XX века. Будучи выходцами из романтической школы испанской историографии, оба автора пытались описать основные параметры исторического развития Испании. Полемика между двумя историками вызвала большой резонанс в обществе, оба антагониста смогли мобилизовать своих единомышлен-

ников, чтобы опровергнуть друг друга и продемонстрировать свои тезисы и аргументы. Многие из положений этих авторов в настоящее время признаны устаревшими или несостоятельными, однако отрицать их большое влияние на развитие историографии и общественных дискуссий невозможно. Бесспорным остается то, что две эти работы заложили новые направления исторических исследований и не утрачивают своей значимости и сегодня. Свидетельством этому является тот факт, что на основе их полемики появилось немалое количество исследований, большая часть из которых начинается как попытка примирить обе теории.

Список использованных источников

1. Américo Castro, España en su historia. Cristianos, moros y judíos. Editorial Losada, S. A. – Buenos Aires, 1948

2. José Luis Gómez Martínez, Américo Castro y Sánchez-Albornoz: Dos posiciones ante el origen de los españoles.

3. José Luis Martín, Claudio Sánchez-Albornoz en la Historiografía sobre la Edad Media Hispana

4. La obra de Américo Castro y la España de las tres culturas, sesenta años después coordinado por Martin Baumeister y Bernardo Teuber.

5. Sánchez-Albornoz, Claudio,España: Un enigma histórico. – Buenos Aires, 1957.

(Дата подачи: 27.02.2018 г.)

А. Бялы
Научное Общество в Остроленке, Польша

A. Bialy
Scientific Association of Ostroleka, Poland

УДК 94(476); 94(470)«16/18»

СОТРУДНИЧЕСТВО В ПОЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ МЕЖДУ ВКЛ И ПОЛЬСКИМ КОРОЛЕВСТВОМ ВО ВРЕМЕНА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ I, II ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДУМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

RELATIONS IN POLISH CIRCLE BETWEEN GREAT DUCHY OF LITHUANIA AND THE KINGDOM OF POLAND CALLED THE CROWN DURING I, II AND DUMA

Статья показывает положение польских помещиков в Великом Княжестве Литовском, их приспособленность к новым условиям капиталистического хозяйства. Приводится информация об отношениях в польском обществе между восточными и коренными поляками в Государственном совете и думах первого и второго созывов.

Ключевые слова: Дума; Государственный совет; Польский круг; Конгрессный круг; Окраинный круг; Западные губернии; Великое Княжество Литовское; Эдуард Войнилович; Ипполит Корвин-Милевский; Столыпин.

The article is showing the situation of Polish land owners in Great Duchy of Lithuania after the January's upprisal and adjusting to new economic conditions of capitalism. It's also showing relations within Polish Circle between people of borderland and crown in the state's council and duma in I and II Duma.

Key words: Duma; State s Council; Polish Circle; Congress Circle; Borderland Circle; Western Governorate; Great Duchy of Lithuania; Edward Woyniłłowicz; Hipolit Korwin-Milewski; Stołypin.

После январских событий 1863 г. большие репрессии были направлены царским правительством на присоединенных землях – в Великом Княжестве Литовском, причем больше, чем в Короне. Охватили они особенно польское шляхетское население, землевладельцев и католические костелы. Были введены ограничительные указы, конфискующие имущество участников восстания, закрывались монастыри, а католические костелы преобразовывались в православные церкви. Царское правительство искореняло польскость, выселяло в административном и служебном порядке повстанцев и их семьи «на жительство» во внутренние губернии государства. От ссылки не предохраняли недостаток доказательств, судебное оправдание, достаточно было быть подозреваемым в сочувствии или симпатии к этому движению. Религиозные преследования католического костела были особенно сильными во время службы Кауфмана, который был лютеранином [3, с.48].

Следующим мероприятием царского правительства, сильно ударившим по полякам, было запрещение покупки земли. Известно, что польские помещики Литвы и Беларуси фанатично были привязаны к родной земле. Поэтому царский указ стал причиной, по которой удержание земли в польских руках стало не только моральным требованием, но и патриотическим долгом. Никто из поляков в Литве, кроме законченного подлеца, земли не продал, потому что ее никогда он больше не купит. Исходя из того, что единственной неразрушимой частью польского статус-кво на былых землях Речи Посполитой Двух Народов была земля, помещики поставили перед собой задачу развития современного сельского хозяйства, создавая рентабельное сельскохозяйственное производство [2, с.10].

Эта финансовая независимость была для них заменителем свободы. Они соответствующим образом были подготовлены, закончили сельскохозяйственные вузы в России и в Европе, а затем стажировались в Германии, Англии, Франции и других странах с высоким уровнем сельского хозяйства. Вводили в посев новые высокопроизводительные сорта хлеба, корнеплодов и выводили новые благородные породы скота. Мероприятия не ограничивались только Польшей, а были распространены на все Великое Княжество Литовское. К тому же были созданы Сельскохозяйственные Общества и Земские Кредитные Банки, укруплялись земельные наделы, велась мелиорация, облагораживалась земля. Свои достижения в производстве они показывали на сельскохозяйственных выставках (Минск), где «тешились, показывая изумленным Москалям, а также полякам из Короны зажиточность Белорусской Земли, какой никто не ожидал» [5, с.106].

Следует подчеркнуть, что капиталистическому сельскому хозяйству сопутствовал страх перед развалом, который воспитывал у людей трудолюбие, расторопность, умение приспособиться в данный момент, что принесло пользу в будущем [5, с. 32].

На рубеже XX века на Дальнем Востоке, Маньчжурии и Корее соперничали между собой Царская Россия и Японская Империя. Это соперничество окончилось войной в 1904–1905 годы. После серии унижающих поражений, каких еще не знала российская армия, был подписан Портсмутский мир 5 сентября 1905 года. Поражение Царской России стало результатом неэффективности ее системы исполнительной власти. Она могла продолжить войну, потому что располагала значительными резервами. Однако решающим аргументом для России, чтобы быстро окончить войну, были внутренние тревоги и общественное недовольство, появившееся на родине. Внутреннее беспокойство переросло в вооруженные выступления крестьян и рабочих. На юге России, чтобы охранять имущество, пользовались демобилизованными с японской войны сотнями осетинцев, кавказцев и т. д. В Минске похожие предложения помещики возмущенно отбросили. Было заявлено, что между господским двором и деревней в Белоруссии никто чужой не должен устанавливать свой порядок [4, с.105, 106].

Попытка вооруженного восстании в Москве была подавлена гвардейским Семеновским полком, присланным из Петербурга. Личный состав полка состоял по большей части из крессовых поляков, которые имели возможность «резать Москаля» [3, с.153]. Недовольство и революционные выступления, которые появились после японско-русской войны, уже раньше предвидел граф Виттэ, министр финансов, а затем премьер-министр царского правительства. Он утверждал, что если не нейтрализовать подрывных течений, грозящих государству и династии через установление либеральных реформ, может произойти переворот [4, с.101].

Неудача японской войны, съезды земцев, решения и совещания дворянства, рабочие беспорядки вынуждали тогдашнее правительство к установлению реформ. Быстро начали выходить разные манифесты: 6 августа 1905 года, 17 октября 1905 года, 26 февраля 1906 года [4, с.108]. Терпимый указ разрешал свободный переход из одной веры в другую. В западных губерниях были отменены указы 1865 и 1887 гг. о запрещении пользоваться местными языками. Эти изменения стали причиной перехода из православной в католическую веру в очень большом количестве [4, с.144].

В эту пору министр внутренних дел Булыгин получил приказ подготовить проект и принципы функционирования Государственной думы [3, с.144]. Разработанный министерством избирательный закон был задуман так, что давал перевес дворянскому элементу в Литве и на Подолье, Волыни и назначал открытие законодательских собраний на 27 апреля 1906 года [5, с.152]. Минская губерния имела возможность послать в Правительство только одного члена, непосредственно избранного съездом землевладельцев, имеющих ценз точно

определенным правом. В Думу губерния посылала 9 депутатов, из которых 8 представляло население без разбора состояния, и одного крестьянина. Выборы в Думу проходили в губернском городе, не непосредственно, а через предвыборную акцию, когда избирались выборщики на местах [4, с.111].

Зная из практики, что российская бюрократия всегда с подозрением присматривалась ко всякой солидарности Восточных Кресов с Короной, а депутаты были уверены, что со временем может отметиться своеобразие этих дел на обе части Речи Посполитой Двух Народов, единогласно решили, что должны существовать два круга, каждый со своим председателем, солидаризироваться только одним уставом и лицом одного общего председателя.

В состав Государственного совета (все поляки) из 9 западных губерний вошли: от киевской губернии – Станислав Сырочыньский: от Подольской губернии – Вацлав Яловецкий; от Волынской губернии – граф Ян Олизар; от Виленской губернии – Ипполит Корвин-Милевский; от Гродненской губернии – Дмитрий Корыбут-Дашкевич; от Ковенской губернии – граф Александр Тышкевич; от Могилевской губернии – Александр Выковский (кадет, скоро из Государственного совета ушел и на его место был избран Владислав Войнич-Сяножецкий); от Витебской губернии – Станислав Лопатинский; от Минской губернии – Эдуард Войнилович. Депутатами в Государственном совете из Короны были: Евстахий Добецкий, барон Леопольд Кронэнбэрг, граф Юзеф Островский, Антон Напиорковский, Константин Пжевлацкий и Станислав Гарвонский, из города Варшавы Станислав Ротванд [4, с.120, 121].

На основании воспоминаний двух представителей Великого Княжества Литовского в Государственном совете (Эдуарда Войниловича и Ипполита Корвин-Милевского) можно узнать, как понимали, переживали, какие имели внутренние стремления, что обещали избирателям и как будут осуществлять обязательства. Эдуард Войнилович, сын минской земли, утверждал: «Я буду независимый от влияния с Невы или Москвы, как и от указаний с под Вислы, и никаких императив не буду принимать, я буду как и до сих пор идти в направлении, показанном только через собственную совесть и собственное понимание о потребностях этой страны, которая меня посылает. Если такого вы мне желаете, то я готов» [4, с.114]. Следующий делегат в Государственный совет, Ипполит Корвин-Милевский, представитель виленской губернии, на собрании Польского круга говорил: «Я прошу гг. Членов Союза, иметь в виду, это то, что когда за меня голосовало виленское землячество, то они голосовали по исчерпывающему предвыборному совещанию … примечательно выслушали и приняли мою программу … это мне дало мандат проведения насколько мне удается, той самой программы и то среди Верхней Палаты, а не среди Круга (Польского) … я заявляю … что буду руководствоваться в ней моей программой» [3, с. 234].

В высказываниях делегатов отчетливо видно, кто будет представлять страну, с какой походят и которая их посылает, и на их поведение не будет иметь влияния ни Россия, ни Корона. Делегаты чувствуют себя представи-

телями ВКЛ, хотя и поляки, но своей родиной считают именно ВКЛ и ее благополучия будут добиваться во время своего срока полномочий. С самого начала в частных собраниях Польского круга, или в служебных выступлениях в Думе, удалось почувствовать возникшие расхождения между взглядами представителей Литвы, Руси и Польской Короны.

Принимая во внимание проблему владения, а не продажи земли, поставленную как основной политический катехизис Литвы и Руси, польские помещики были готовы пожертвовать все наиболее дорогое, чтобы свое состояние и владения сохранить, потому что земля, которая из польских рук исчезла, уже более к ним не вернулась. Это дело для депутатов Короны имело второстепенное значение в национальном отношении. В Польше, когда какой-то дворянин делил семейное гнездо, земля оставалась в польских руках. Программа кадетской партии заключала принудительное экспроприирование, а для Польши давала обманчивые надежды автономии, что для поляков было поощрением, чтобы ее поддержать. Вторым делом, влияющим на отличие обоих Кругов, были главные стремления в политике Речи Посполитой Двух Народов. Для Великого Княжества Литовского и Руси в те времена было мечтой равноправие с другими губерниями государства. Приобретя опыт и закалку во время исключительных прав, помещики сознавали необходимость выработки более доброй доли для своей страны, даже при существующем государственном порядке [4, с.148, 149]. Зато представительство Короны, ссылаясь на венский договор, ограниченный устав, реформы великого князя Велепольского, считало широкий автономный строй только возможностью развязывания польского дела.

Различия во взглядах возникали не только на частных заседаниях, но показали себя в речах депутатов обоих государств на заседаниях Думы. На частных заседаниях депутат Владислав Грабский доказывал, что экспроприация – это вещь нормальная. Забыл, что это подрывает наиболее ценное приобретение культуры: собственность на Кресах. На эту тему выступал депутат из Польши Стэцкий, но лавировал, чтобы не сказать, что поддерживает экспроприацию [4, с.149].

Поляки с Короны в обмен за туманные пустые обещания автономии пренебрегали состоянием имений у поляков на Востоке и отказывали в польскости Востоку, который столько терпел за свою солидарность с Польшей. Это Кресы бросились в безнадежную повстанческую борьбу 1863 года, чтобы перелитые кровью прежние границы Ручи Посполитой Двух Народов отметить. Это Кресы дали нации Костюшку, Рэйтана, Мицкевича, Словацкого, Сырокомлю, Одынца, Монюшку, Кожана, Спасовича и т. д. Такое поведение депутатов Короны до глубины сердца возмущало избранников Западного края во время I Думы. Во время II Думы председатель депутатов Польского круга с Короны Роман Дмовский совершенно отчетливо выдвинул вопрос, представляя, что «западные периферии», как в то время называли Восточные Кресы, надо считать за потерянное для Польши. Польша в Кресах свое будущее видеть не может, и поэтому периферии сами себе должны советовать.

Такие взгляды начали воздействовать на депутатов Думы с Западного края, которые привыкли раньше слушать лозунги, идущие из Варшавы [4, с.150].

Следующий акт расхождения между концепцией депутатов Короны и депутатами с Востока имел место во время II Думы. Польские депутаты не осудили террора правых партий, например, кадетов. Только депутат Станислав Ванькович с минщины вразрез решениям Польского круга запротестовал, поднимая тем самым этику, сшибленную на уровень улицы, к правильному уровню законодательного дела. Это расхождение проявилось на собрании в Варшаве, которое произошло в зале техников во время перерыва между сроками полномочий законодательских палат. В своих выступлениях Роман Дмовский и граф А. Красиньский отчетливо показали своеобразие точки зрения Короны и ее прежних Кресов. Эти взгляды одних удивляли, вторых возмущали, но скоро к этому привыкли.

Во время Первой мировой войны Войнилович встретился в Европейской гостинице в Петрограде с Дмовским. Роман Дмовский, руководитель партии национал-демократов, рассказывал о меморандумах, которые вместе с графом З. Велепольским сложили в российских правительственных кругах. На вопросы, почему в меморандуме Дмовский совершенно не упомянул о западных перифериях, проблема которых в переговорах 1863 года была яблоком раздора между представителями Королевства и правительством, Дмовский ответил, что в то время считали, что страна такая, какая ее интеллигенция, и в Западном крае она была польская, потому что Польша привязала право к этой стране, подкрепляя несколькими столетиями совместного государственного существования, теперь мир демократизировал себя; страна такая, какой есть народ; на Краю Западном не польский, поэтому в меморандуме о Литве и Руси нет речи.

По разговору с Романом Дмовским Войнилович сделал вывод, что со времени I Думы, за следующие годы, взгляды партии национал-демократов так изменились, что он на многие ее меморандумы иногда свою подпись не мог бы положить. Такого расхождения между взглядами депутатов Совета Правительства с Короны и Кресов не существовало. Благодаря большому политическому опыту депутаты Совета принадлежали к умеренной партии реалистов или ей симпатизировали [4, с.152]. Большинство депутатов Думы и Западного края придерживались национал-демократической (эндэцкой) программы, не всегда совмещаемой с делами Кресовых перифирий. Поэтому начала выделяться в кругу помещиков мысль организовать «отечественную» партию. Программа партии была выработана и подписана кругом организаторов и сторонниками на съезде 1907 года в Вильнюсе. Отечественная партия была зачислена через эндэцкую печать, местную администрацию и возникающие националистические веяния, потому исчезла без серьезных следов своего существования. [4, с.274, 275]

В это время в Варшаве представители разных партий формировали Национальный комитет – будущее польское правительство. Представители из Восточных кресов (название «Западный край» преобразовали в «Восточ-

ные кресы») не были лично призваны и не участвовали, чтобы не давать правительственным сферам причин для тревоги. В это время наступал среди варшавских политических деятелей уход от ягеллонской идеи, а самое важное – провозглашалась автономия Королевства. Дмовский, председатель эндэцкой партии и главной партии поляков, назначал границу будущего польского государства, охватывающую литовско-беларуские районы, в которых польское население, или, по крайней мере, католики представляло собой серьезную численность, а оставшуюся часть Беларуси оставил на включение через российскую общественность [4, с.181]. Как показала практика, сотрудничество Литвы с Короной не всегда соответствовало реалиям. Корона отвернулась от Великого Княжества Литовского, раздел Беларуси, как видно, был запланирован значительно раньше.

Список использованных источников

1. *Czapska, M.* Europa w rodzinie. – Warszawa: Res Publica, 1989.
2. *Jałowiecki M.* – Na skraju Imperium. – Warszawa: Czytelnik, 2005.
3. *Korwin-Milewski, H.* – Siedemdziesiąt lat wspomnień (1855–1925). – Warszawa: Warszawska Oficyna Wydawnicza «Gryf», 1993.
4. *Woyniłłowicz, E.* Wspomnienia 1847–1928. – Skład Główny w Księgarni Józefa Zawadzkiego w Wilnie. – Wilno, 1931.
5. *Żółtowska z Puttkamerów, J.* – Inne czasy inni ludzie. – Londyn: Polska Fundacja Kulturalna, 1998.

(Дата подачи: 28.02.2018 г.)

Л. А. Василицына
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Витебск

L. A. Vasilitsyna
Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk

УДК 94(476)«1944/1958»+271.2:27–788

ПОЛОЖЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ БССР В 1944–1958 ГГ.

POSITION AND ACTIVITY OF THE ORTHODOX MONASTERY OF THE BSSR IN 1944-1958.

В статье рассматривается деятельность монастырей Русской православной церкви в БССР в 1944–1958 гг. Анализируется правовое положение обителей, характеризуются основные направления их хозяйственного развития и социальной коммуникации. Раскрывается значимость монастырей как центров религиозной жизни послевоенной Беларуси. Сделан вывод о том, что изменения в советском религиозном законодательстве создали правовую основу для положительной динамики монастырской жизнедеятельности.

Ключевые слова: Русская православная церковь; БССР; монастыри; монашество; хозяйственная деятельность; образование.

The article examines the activities of the monasteries of the Russian Orthodox Church in the BSSR in 1944-1958. The legal status of the monasteries is analyzed, the main directions of their economic development and social communication are characterized. The significance of monasteries as centers of religious life of post-war Belarus is revealed. It is concluded that changes in Soviet religious legislation have created a legal basis for the positive dynamics of monastic life.

Key words: Russian Orthodox Church; BSSR; monasteries; monasticism; economic activity; education.

Современное общество немыслимо без устойчивых ориентиров, которые определяют его движение. Традиционно потенциал духовного развития определялся сферой государственно-церковных отношений. Среди церковных институтов значимая роль принадлежала монастырям, которые формировали, хранили и передавали духовные ценности. Достижению гражданского согласия в обществе будет способствовать изучение опыта государственно-церковных отношений и деятельности церковных структур на различных этапах исторического развития. Цель данной работы – раскрыть основные аспекты правового положения и хозяйственной деятельности православных монастырей в БССР в 1944–1958 гг.

Проблематика развития монастырского хозяйства нашла отражение в исследованиях современных отечественных авторов. Изменения в положении обителей в первые послевоенные годы рассматривали М. В. Шкаровский [1], Ф. П. Кривонос [2], Т. А. Чумаченко [2]. Авторы указали на принятые в законодательстве поправки, которые внесли в работу монастырей эффективность. Исследование В. Н. Черепицы [4] направлено на систематизацию сведений о настоятелях Жировичского мужского и Гродненского женского монастырей, монахах, преподавателях Духовной семинарии. Автор обращал внимание на следственные действия властей в отношении монашествующих. В издании Н. И. Дорош «Православный Гродно» [5] отдельный раздел посвящен женскому монастырю Рождества Богородицы и судьбе его настоятельницы игуменьи Гавриилы (Рисицкой). Отмечалось, что в 1950-е гг. в обители были организованы ремесленные мастерские, открыт приют для детей-сирот [5, с. 237]. Г. Н. Шейкин в работе «Полоцкая епархия» [6] представил общие сведения из послевоенной истории Полоцкого монастыря. Перечисленные исследования указывают на то, что тема монастырского жительства и экономического положения являлась предметом исследовательского интереса. Вместе с тем в науке отсутствует комплексное исследование по проблеме.

Источниковую базу работы составили документы фонда уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Народных Комиссаров (СНК) СССР по БССР (Фонд 951) Национального архива Республики Беларусь. Наиболее информативными оказались текущие и итоговые материалы областных и республиканского уполномоченных: ежегодные отчеты, докладные записки, переписка. Ценные сведения о монастырях Гродненской области представлены в фонде уполномоченного Совета по делам

Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Гродненской области (Фонд Р-478) Государственного архива Гродненской области.

Методологическую основу исследования составили принципы историзма и научной объективности. В работе применялись общенаучные методы анализа, синтеза, индукции, дедукции.

Поворот в государственно-церковных отношениях, произошедший в годы Великой Отечественной войны, изменил политику советского государства к структурам Русской православной церкви. Во многом предпосылками этому были патриотическая деятельность и активная позиция церкви, которая выразилась в широкой помощи фронту.

Характерной чертой, свидетельствовавшей о смене курса, были особенности правоприменительной практики, когда некоторые нормативно-правовые акты, принятые в довоенное время и ограничивавшие положение церковных институтов, фактически перестали действовать. В начале 1945 г. правительство СССР приняло решение до принятия постановлений, которые определят правовое положение монастырей в будущем, сохранить существующую ситуацию. В пользовании монастырей оставляли всю собственность, которая принадлежала им на 1945 г., а монашествующих было запрещено выселять из занимаемых ими помещений [7, л. 18–19].

Правовое и имущественное положение монастырей определялось постановлением СНК СССР от 22 августа 1945 г. «По вопросам, относящимся к православным церквям и монастырям». Обителям, как и всем церковным структурам, возвращалось право производить и продавать предметы религиозного культа, строить, брать в аренду и приобретать дома, транспортные средства. Необходимо отметить, что право собственности включали отношения владения и пользования, но исключали распоряжения [1, с. 144]. Таким образом, монастыри получили ограниченные права юридического лица, за ними признавалось право получения дохода от своей деятельности, которого они были лишены постановлением СНК ССРБ от 1922 г. [8, л. 8]. Это давало им возможность улучшить жилищно-бытовые условия монашества и клира, укрепить монастырское хозяйство.

На освобожденной в 1944 г. году от немецко-фашистских захватчиков территории БССР действовало три православных монастыря: Успенский мужской монастырь в п. Жировичи Слонимского района Барановичской области, и два женских: Рождества Богородицы в г. Гродно и Спасо-Евфросиниевский в г. Полоцке [7, л. 75]. Первые две обители до 1939 г. находились на территории Польской Республики и действовали без перерыва. Что же касается полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря, закрытого в 1928 г., то его возрождение произошло в период оккупации [6, с. 72].

К началу 1945 г. общее количество учтенных насельников трех монастырей достигало 150 человек. На протяжении исследуемого периода в Жировичском монастыре проживало от 16 до 32 монахов и послушников, соотношение которых было примерно равным. Более половины из них были старше

55 лет [9, л. 72; 10, л. 36]. Численность насельниц Гродненской обители составляла в разные годы от 60 до 65 человек [11, л. 122]. В Полоцком Спасо-Евфросиниевском монастыре проживало около 50 монахинь. При этом большую часть насельниц женских монастырей составляли монахини в постриге, большинство из них были старше 55 лет. Например, к 1958 г. в Полоцке насчитывалось 36 монахинь, 2 схимницы, 3 рясофорные и 7 послушниц [12, л. 151–155]. В каждой обители находились на содержании инвалиды и пожилые насельники, количество которых достигало 40–60% . В 1945 г. 30 из 63 сестер Гродненского монастыря считались нетрудоспособными, 9 из них не могли обходиться без посторонней помощи [13, л. 164].

Динамика количества монашествующих была обусловлена несколькими факторами. Происходили естественные социально-демографические процессы: поступление в монастыри новых насельников, смерть престарелых. В Свято-Успенский Жировичский монастырь с 1945 по 1959 г. поступило 28 человек [10, л. 36]. Вторым фактором, субъективным, стала политика местных властей, которые, руководствуясь правительственными указаниями, запрещали прописывать на монастырской территории вновь прибывших кандидатов. Так, настоятельнице Гродненского монастыря в 1946 г. было запрещено принять в обитель 4 новых послушниц, а в 1958 г. городские власти приостановили прописку в монастырском жилом доме в Полоцке [14, л. 37; 12, л.154].

Одним из основных показателей, характеризующих положение монастырей, можно считать их хозяйственную деятельность. Постановление Совета Министров от 29 августа 1945 г. № 1130–463с «О православных монастырях», в котором указывалось на необходимость возвращения монастырям изъятых земель и выведение с монастырских территорий государственных предприятий, создало предпосылки для активизации сельскохозяйственной деятельности [1, с. 57].

Наиболее крепким в хозяйственном отношении был Свято-Успенский мужской монастырь в п. Жировичи. По состоянию на июль 1946 г. в его пользовании находилось около 36 га земли, из них: 22 га пашни, 9 га сенокоса и пастбищ, около 5 га усадебной территории, занятой двором, аллеями, фруктовым садом, огородами. Монастырское хозяйство включало инвентарь, тягловый и крупный рогатый скот (около 15 голов), птицу. Обитель имела в пользовании рыбные пруды, пасеку [15, л. 137].

Общая площадь земли в пользовании Гродненского женского монастыря была небольшой, около 0,3 га. В начале 1946 г. руководство города по просьбе настоятельницы отвело обители 5,07 га пахотной земли из бывшей монастырской, изъятой в 1939 г. Это позволило монастырю основную часть доходов (56,75 %) получать от земледелия. Но в 1950 г. согласно генеральному плану реконструкции Гродно весь участок отошел под городской парк. Обители земля была выделена в другом месте и значительно уступала по качеству. Крупного рогатого скота обитель не имела [13, л. 165–166; 11, л. 123].

Хозяйство Полоцкого женского монастыря составлял приусадебный участок площадью 3 га, занятый под огородные культуры, который обрабатывался трудом монахинь и не мог полностью обеспечить обитель продуктами. Скота и сельхозинвентаря обитель не имела [16, л. 41].

Хотя основной доход монастыри получали от ведения сельского хозяйства, значительную часть прибыли давали работа мастерских и занятия промыслами. По окончании сезонных работ, сестры рукодельничали: пряли лен, вязали, вышивали, шили одеяла, нательное белье, священническое облачение и головные уборы, а также писали иконы. При Гродненском монастыре работала золотошвейная мастерская и свечной цех. Монастырем был приобретен переплетный станок, на котором реставрировали церковную литературу. Три монахини работали в городской больнице сиделками. Женские обители получали ежемесячную финансовую помощь на содержание от епархии в размере от 150 до 1000 рублей [12, л. 154–155]. Значимой статьей дохода являлись пожертвования от прихожан, в том числе, за требоисполнение. Насельники Жировичского монастыря совершали выезды на приходы для совершения треб. Годовой доход Жировичской обители за 1953 г. от продажи свечей, просфор, тарелочного сбора, других пожертвований и от земельных угодий составил 118 877 рублей. Годовой доход гродненского монастыря составлял около 95 000 рублей [17, л. 135; 18, л. 138].

Наравне с другими хозяйствами монастыри облагались налогами и платежами. При участии Совета по делам РПЦ Наркомфин СССР в течение 1944–1946 гг. принял ряд поправок в порядок налогообложения духовенства, храмов и монастырей. В соответствии с постановлением СНК СССР от 29 августа 1945 г. № 2215 «О порядке обложения доходов монастырей и предприятий при епархиальных управлениях» обители освобождались от земельной ренты и уплаты налога со строений, монашествующие – от налога на холостяков, одиноких и малосемейных граждан [7, л. 91]. За общинами сохранялось обязательства уплаты страховых взносов. Согласно постановлению Совета Министров СССР от 3 декабря 1946 г. «О порядке обложения налогами служителей религиозных культов» монастыри платили налог как некооперированные кустари [18, с. 331]. Гродненский монастырь был освобожден от уплаты земельной ренты, но выплачивал ежегодно 1389 рублей 80 копеек подоходного налога и страховку в сумму 440 рублей [18, л. 138].

С 1946 г. монастыри привлекались к обязательным поставкам государству сельскохозяйственной продукции по нормам, установленным для подсобных и пригородных хозяйств. За 1948 г. Жировичская обитель внесла 575 кг ржи, 480 кг мяса, 65 кг молока и масла, 25 кг сала и 13 783 руб. денежного налога. Кроме того, вносили суммы в Фонд обороны страны, в пользу раненых воинов и сирот воинов Красной Армии [20, л. 120].

Важной оставалась проблема принадлежности и использования монастырской недвижимости. По обновленному законодательству в бесплатное пользование монастырям отводились только церковные здания. На террито-

рии Жировичского монастыря находилось 4 церкви. Крестовоздвиженский храм, который был передан монастырю по ходатайству архиепископа Василия (Ратмирова) в 1945 г., нуждался в ремонте и использовался как склад для зерна и овощей. В 1957 г. начался ремонт Никольской, Явленской и Крестовоздвиженской церквей. Работы проводились в основном на пожертвования паломников. Храмы были выкрашены, покрыты жестью. В Крестовоздвиженской церкви был установлен иконостас, в Успенском соборе расписаны стены [21, л. 27; 22, л. 137, 159].

В Полоцкой обители действовал Спасо-Преображенский храм, построенный около 1160 г., и являвшийся памятником архитектуры. Эта церковь обслуживала прихожан г. Полоцка и ближайших деревень. На территории также находился Воздвиженский собор, пострадавший в годы войны. По ходатайству игуменьи Елевферии (Новиковой) управляющий Минской епархией Питирим (Свиридов) обратился к республиканскому уполномоченному Г. Семенову с просьбой о передаче собора монастырю. При оценке технического состояния здания собора комиссия отметила, что здание к восстановлению не пригодно. Принятое специалистами решение во многом было обусловлено позицией городских властей, которые последовательно возражали против восстановления церковного здания. 13 ноября 1958 г. игуменья Елевферия предприняла последнюю попытку спасти собор от разрушения и подала в Совет по делам РПЦ заявление, подписанное 514 жителями города, но вернуть его так и не удалось [23, л. 72–74; 24, л. 86].

Жилые помещения и хозяйственные постройки передавались монастырям по договорам в долгосрочную аренду. Некоторые из них после закрытия обителей были заняты учреждениями и организациями, что теперь создавало спорные ситуации. Так произошло с жилым корпусом Спасо-Евфросиниевского монастыря, который с 1924 г. находился в пользовании воинской части, а в 1946 г. по инициативе городских властей был передан педагогическому училищу, несмотря на распоряжение руководства республики передать его обители. Ходатайства игуменьи о возврате здания облисполком оставил без удовлетворения, и сестры были вынуждены проживать в небольшом корпусе [25, л. 60].

Братия Жировичского монастыря занимала двухэтажный каменный жилой корпус общей площадью 5200 м^2, на втором этаже которого размещалась Минская духовная семинария. На территории также находилось одноэтажное каменное здание, в котором размещались кухня, столовая и спальня учеников семинарии [26, л. 1]. В 1950-е гг. было завершено трехэтажное здание для учащихся и комплекс хозяйственных построек.

Монашествующие в Гродно проживали в двух кирпичных корпусах площадью 350 и 240 м^2. Хозяйственные постройки обители состояли из каменного и деревянного сараев [13, л. 165–166].

Все три обители являлись общежительными, их внутренняя жизнь подчинялась строгому распорядку и регулировалась уставами. Ежедневно совершался суточный круг богослужений. После назначения настоятелем

архимандрита Антония (Мельникова) в Жировичах в обиход были введены полунощница и чин Панагии. Все праздничные службы совершались в Успенском соборе, а в холодное время года – в теплой Никольской церкви. По праздничным и воскресным дням совершалось две литургии [27, л. 1–2]. Это давало возможность прихожанам посещать храм перед началом рабочего дня. Эти нововведения повысили посещаемость богослужений, появилась традиция распевать акафисты всем народом.

Монастыри Беларуси являлись традиционными центрами паломничества. Наибольшее количество паломников посещали обители в дни престольных и чтимых праздников. Знаменательными событиями в жизни Жировичского монастыря являлись празднования в честь иконы Божией Матери Жировичской 20 мая и Успения Богородицы 28 августа. По традиции в эти дни происходили торжественные богослужения при многочисленном стечении богомольцев из разных областей БССР и других республик. Например, в мае 1949 г. в день праздника присутствовало около 15 тысяч паломников, а в 1950 г. до 20 тысяч верующих и 120 священников из БССР, а также Черниговской, Ровенской, Житомирской областей Украины [28, л. 16]. Верующие прибывали в Слоним на протяжении нескольких дней.

Значимым событием в жизни Полоцкой обители был день памяти основательницы монастыря преподобной Евфросинии Полоцкой, который ежегодно отмечался 5 июня. Традиционно богослужения в этот день возглавлял управляющий Минской и Белорусской епархией. В 1947 г. во время богослужения присутствовало 2 тысячи человек. В 1953 г. на праздник собралось 2,5 тысячи человек из Ленинградской, Великолукской, Смоленской, Витебской областей, городов Невеля и Лепеля [29, л. 253].

Такая популярность монастырских торжеств среди населения не устраивала власти. Областным уполномоченным давались указания принимать меры к снижению посещаемости праздничных мероприятий. Начиная с 1951 г. приезжему духовенству было запрещено посещать празднования. А в 1952 г. уполномоченный Г. И. Семенов обратился с просьбой в Министерство торговли не проводить в Жировичах ярмарки во время праздников, как это было в прошлые годы [29, л. 235].

Образовательно-просветительская и социальная деятельность монастырей выразилась в организации в Жировичах пастырско-богословских курсов, которые 16 сентября 1947 г. были преобразованы в Минскую духовную семинарию. До 1957 г. семинария вела с монастырем совместное хозяйство. Учащиеся проживали на территории обители и пользовались огородами. Ректором семинарии, как правило, являлся настоятель монастыря. В 1956 г. на территории монастыря был построен новый учебный корпус на 150 семинаристов, который позже стал монашеским корпусом [29, л. 25; 31, л. 92].

Изменения во взаимоотношениях между советским государством и РПЦ создали условия для конструктивного развития церковных структур. Законодательно были определены имущественные права, хозяйственные возможно-

сти и налоговые обязательства монастырей. В пользовании обителей сохранялась земля, движимое и недвижимое имущество, которое принадлежало им на момент освобождения территории Беларуси.

Ведущую роль в хозяйстве занимало земледелие. Дополнительным источником дохода являлось кустарное ремесло: шитье, вышивка, иконопись, изготовление свечей. В целом хозяйственная деятельность монастырей была направлена на решение вопросов самообеспечения и выполнения государственных поставок. Налогообложение обителей производилось по ставкам некооперированных кустарей, одновременно с них был сняты налоги на землю, недвижимое имущество. Монастыри выполняли поставки государству сельскохозяйственной продукции и участвовали в сборе средств в Фонд обороны. В рассматриваемый период обители не смогли восстановить в полном объеме права на изъятую до войны недвижимость. В их пользовании сохранилось только то, что был занято ими в годы оккупации.

Социальная роль монастырей выразилась в массовом паломничестве, приуроченном к праздничным датам, и образовательной деятельности, которую на базе Жировичского монастыря проводила Минская духовная семинария.

Список использованных источников

1. *Шкаровский, М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. / М. В. Шкаровский. – М.: Общество любителей церковной истории, 2000. – 400 с.
2. *Кривонос, Ф.* (свящ.). Белорусская Православная Церковь в XX столетии: спецкурс лекций для Минской Духовной Семинарии / Ф. Кривонос. – Минск: Врата, 2008. – 255 с.
3. *Чумаченко, Т. А*. Правовая база государственно-церковных отношений в 1940-е – первой половине 1960-х годов: содержание, практика применения, эволюция / Т. А. Чумаченко // Вестн. Челябин. гос. ун-та. История. Вып. 24. – 2008. – № 15. – С. 138–149.
4. *Черепица, В. Н.* Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней) / В. Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 1999. – Ч. 1. – 320 с.
5. *Дорош, Н. И*. Православный Гродно / Н. И. Дорош. – Гродно, 2000. – 266 с.
6. *Шейкин, Г. Н*. Полоцкая епархия: историко-статистическое обозрение / Г. Н. Шейкин. – Минск: Свято-Петропавловский собор, 1997. – 96 с.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 951. – Оп. 1. – Д. 1.
8. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 2. – Д. 1.
9. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 1. – Д. 2.
10. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 28.
11. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 2. – Д. 23.
12. НАРБ. – Ф. 4131. – Оп. 1. – Д. 13.
13. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 1. – Д. 7.
14. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 2. – Д. 5.
15. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 2. – Д. 30.
16. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 2. – Д. 10.
17. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 2. – Д. 34.
18. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 2. – Д. 29.
19. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. Ю. И. Мандельштам – Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1956. – 500 с.
20. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 2. – Д. 7.
21. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 1. – Д. 3.

22. Государственный архив Гродненской области (ГАГр). – Ф. 478. – Оп. 1. – Д. 10/1.
23. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 1. – Д. 46.
24. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 3. – Д. 25.
25. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 1. – Д. 49.
26. ГАГр. – Ф. 478. – Оп. 1. – Д. 105.
27. ГАГр. – Ф. 478. – Оп. 1. – Д. 85.
28. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 2. – Д. 21.
29. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 2. – Д. 8.
30. НАРБ. – Ф. 951. – Оп. 1. – Д. 39.
31. ГАГр. – Ф. 478. – Оп. 1. – Д. 77.

(Дата подачи: 16.02.2018 г.)

В. В. Волкава
Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, Мінск

V. Volkava
Republican Institute of Higher Education, Minsk

УДК [94(476) + 338.22(=112.2)(476)(091)]«1915/1918»

АКУПАЦЫЯ БЕЛАРУСІ Ў ГАДЫ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ Ў ДАСЛЕДАВАННЯХ НЯМЕЦКІХ ГІСТОРЫКАЎ: ГІСТАРЫЯГРАФІЧНЫ АГЛЯД

THE OCCUPATION OF BELARUS DURING WORLD WAR I IN THE WORK OF THE GERMAN HISTORIAN: HISTORIOGRAPHICAL REVIEW

Праводзіцца аналіз нямецкамоўнай навуковай літаратуры аб акупацыі Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны. Аўтар прыходзіць да высновы, што нямецкая акупацыя найбольш актыўна даследавалася ў перыяд самой вайны і ў першыя гады пасля яе. Другая хваля цікаўнасці даследчыкаў да тэмы звязана з падрыхтоўкай Другой сусветнай вайны. Змена парадыгмы вывучэння вайны толькі з боку ваеннай гісторыі да вывучэння пытанняў функцыянавання грамадства і штодзённага жыцця насельніцтва ў ваенны час звязана з кнігай Ф. Фішэра (1960-я). Характэрнай асаблівасцю сучаснай нямецкай гістарыяграфіі сталі калектыўныя працы. Беларускія тэрыторыі падчас Першай сусветнай вайны застаюцца па-за межамі навуковай цікаўнасці даследчыкаў Германіі.

Ключавыя словы: Першая сусветная вайна; гістарыяграфія; немецкая ўсходняя палітыка; нямецкая акупацыя; Обер Ост; ваенныя адміністрацыі «Літва» і «Беласток – Гродна».

The author addresses the work of the German historians about the occupation of Belarus during World War I. She comes to conclusion that the German occupation was most actively researched during the period of war and first post-war years. The second wave of researches interest was triggered by the World War II preparations. The switch of the scope of war research from military history to social structures and the history of everyday life during the war related to the book of F. Fischer (1960s). The prominent feature of the modern German historiography is the collective works. The Belarusian lands during WWI remain largely out of academic interests of the German researches.

Key words: World War I; historiography; German East Europe policy; German occupation; Ober Ost; military administrations «Lithuania» and «Białystok-Hrodna».

У савецкай гістарыяграфіі Першая сусветная вайна ўспрымалася ў непарыўнай сувязі з рэвалюцыйнымі падзеямі Лютаўскай і Кастрычнічкай рэвалюцый. Пазней «Вялікая вайна» была заслонена падзеямі Другой сусветнай вайны, вывучэнню якой у СССР надавалася вялікае патрыятычнае значэнне.

У адрозненне ад нацыянальных гістарыяграфій краін Усходняй Еўропы, цікавасць да тэмы вайны 1914–1918 гг. у Германіі заўжды заставалася высокай. На працягу ста гадоў у сваіх даследаваннях нямецкія гісторыкі выкарыстоўвалі вялікі масіў архіўных крыніц, заканадаўчых і дакументальных крыніц, дакументаў асабістага паходжання, а менавіта ўспамінаў і крыніц эпісталярнага характару, публітыстыкі, шматлікай перыёдыкі па шырокім коле праблем ваеннай і сацыяльна-эканамічнай гісторыі беларускіх тэрыторый перыяда акупацыі 1915–1918 гг., якія на працягу дзесяцігоддзяў не былі даступны айчынным гісторыкам.

Перад вайной 1914–1918 гг. у Германіі не было выдадзена ніводнай манаграфіі ці грунтоўнай публікацыі, прысвечанай беларускім землям. У нямецкіх навуковых і палітычных колах гэты край звычайна трактавалі як гаспадарча і культурна адсталую частку Расійскай імперыі, якая мела свае этнічныя і культурныя асаблівасці. Сучасны нямецкі даследчык Р. Ліндэнэр у працы «Гісторыкі і ўлада» ацэньвае стан нямецкамоўнай гістарыяграфіі гісторыі Беларусі так: «Слабае веданне гістарычных крыніц садзейнічала таму, што Беларусь перад 1918 г. у нямецкамоўнай гістарыяграфіі мела схематычны і абцяжараны міфамі вобраз»[1, S. 146].

Усталяванне летам 1915 г. акупацыйнага рэжыму на заходнебеларускіх землях паставіла перад нямецкім кіраўніцтвам задачу вывучэння занятых тэрыторый. Неабходнасць даследавання гаспадаркі, прыродных і людскіх рэсурсаў тлумачылася ў першую чаргу ваенна-эканамічнымі мэтамі. Падчас вайны былі выдадзены працы, прысвечаныя ваенным дзеянням на ўсходнім фронце [2–4]. Беларускія тэрыторыі трапілі ў поле зроку нямецкіх навукоўцаў і падтрыманых вайсковым ведамствам этнографаў, а таксама стала аб'ектам вывучэння для карэспандэнтаў перыядычных выданняў. На працягу 1915–1918 гг. выдадзены некалькі прац этнаграфічнага характару [5–13], якія былі падрыхтаваны па загаду адміністрацыі Обер Ост. Яны ўтрымлівалі інфармацыю гістарычнага, эканамічнага і краязнаўчага характару аб занятых землях. У кнізе «Польшча: развіццё і сучаснасць» асобны параграф быў прысвечаны гісторыі беларускага нацыянальнага пытання [14]. Найбольш вядомай у беларускай гістарыяграфіі стала праца «Беларусь: краіна, насельніцтва, гісторыя, гаспадарка, культура, мастацкая літаратура», выдадзеная пад рэдакцыяй В. Егера ў 1919 г. [15]. У снежні 1916 г. асобным зборнікам выйшаў збор артыкулаў з газеты «Grodnoer Zeitung» па гісторыі Гродна, які быў прысвечаны першаму году нямецкай улады ў горадзе (3 верасня 1915 – 3 верасня 1916 г.). У кнізе прадстаўлены невялікія артыкулы пра герб, замак, нямецкую царкву і могілкі, а таксама пра яўрэяў горада [16].

Першай абагульняючай працай, прысвечанай акупіраваным тэрыторыям, стала «Краіна Обер Ост. Нямецкая праца ў Курляндыі, Літве і Беластоку – Гродна», падрыхтаваная аддзелам прэсы пры Галоўнакамандуючым на Усходзе ў маі 1917 г. [17]. Нягледзячы на прапагандысцкія мэты выдання, кніга стала класічнай і да нашага часу не страціла сваёй навуковай значнасці. Яна ўключае гістарычную частку, дзе дастаткова падрабязна пададзены падзеі часоў Вялікага Княства Літоўскага, Рэчы Паспалітай, Расійскай імперыі, і частку, у якой апісваюцца акупацыйная адміністрацыя, судовая, фінансавая і грашовая сістэмы, асноўныя мерапрыемствы ў сельскай і лясной гаспадарках, транспартнай палітыцы, гандлі і прамысловасці. Праца ўтрымлівае раздзелы пра царкоўныя справы, школьную адукацыю і культуру, а таксама статыстычныя даныя і карты. Частка кнігі «Замалёўкі з вобласці Обер Ост» аўтарства К. Румкера выйшла асобным выданнем пад назвай «Пытанні дэмаграфіі і населеных пунктаў у краіне Обер Ост» у 1918 г. [18]. Пазней выйшла яшчэ некалькі кніг, падрыхтаваных на аснове працы «Краіны Обер Ост» [19].

У 1917–1918 гг. групай нямецкіх навукоўцаў было падрыхтавана даследаванне ў 5 сшытках «Белавежская пушча ў нямецкай адміністрацыі», у якім ахарактарызавана выкарыстанне тэрыторыі, лясных багацця ў, праведзены аналіз жывёльнага, раслінага свету і геалогіі [20].

Гістарыяграфія перыяду вайны паўплывала на эвалюцыю вобраза Беларусі ў нямецкай навуковай прасторы. Калі да вайны беларускі народ альбо не выдзяляўся ў асобны, альбо надзяляўся ў навуковых працах паблажлівай ацэнкай як «народ беларусаў, заціснуты паміж палякамі, літоўцамі, вялікаросамі і маларосамі», які «не меў магчымасцей для свайго далейшага развіцця» [21, S. 67], дык падчас акупацыі сярод некаторых нямецкіх навукоўцаў з'явілася разуменне беларусаў як «адной з найстаражытнейшых культурных дзяржаў» [15, S. 51].

У 1920-х – першай палове 1930-х гг. афіцыйная нямецкая гістарыяграфія «Вялікай вайны» пісалася ў асноўным былымі ваеннымі, што прадвызначыла яе кансерватыўны характар. Работа Р. Хэпке «Нямецкая адміністрацыя ў Літве ў 1915–1918 гг.» была падрыхтавана на аснове справаздачы аб акупіраваных тэрыторыях для службовага карыстання [23–25]. У 1935 г. В. Каліндар абараніў дысертацыю «Адносіны паміж Літвой і Германіяй падчас акупацыі 1915–1918» [22]. Г. Крон даследаваў гісторыю і арганізацыю нямецкай арміі ў гады Першай сусветнай вайны [26; 27].

Падрыхтоўка гітлераўскай Германіі да вайны з Савецкім Саюзам шмат у чым абумовіла зварот нямецкіх гісторыкаў да пытанняў, звязанных з акупацыйнай палітыкай падчас папярэдняга канфлікту. Так, у кнізе Г. Цемке прадстаўлены працэсы станаўлення адміністрацыі і тэрытарыяльнага падзелу, акрамя таго, у ёй змешчаны афіцыйныя заканадаўчыя дакументы, паводле якіх фарміравалася новая школьная сістэма на тэрыторыі Обер Ост [29]. Ф. Берткаў даследаваў перыядычны друк зоны Обер Ост [28]. Э. Энгельгарт

у рабоце «Беларусь: краіна і людзі», якая выйшла ў 1943 г., даў агляд гісторыі беларускага народа ў кантэксце развіцця яго дзяржаўнасці [30]. Асобную групу даследаванняў прадстаўляюць абагульняючыя працы гісторыкаў, прысвечаныя падсумаванню ведаў аб усходнееўрапейскіх землях часоў акупацыі ў Першую сусветную вайну [31–34]. У 1937–1941 гг. у Ляйпцыгу выдаваўся квартальнік «Ёмсбург. Народы і краіны на Усходзе і Поўначы Еўропы», дзе, сярод іншых, друкаваліся артыкулы аб развіцці беларускай палітычнай думкі і станаўленні дзяржаўнасці, а таксама аб тэрыторыях, якія знаходзіліся ў складзе зоны Обер Ост [35–37].

Пачаткам новага этапу вывучэння Першай сусветнай вайны стала праца гамбургскага гісторыка Ф. Фішэра «Памкненне да сусветнага панавання» [38], якая пабачыла свет у 1961 г. і выклікала ў ФРГ актыўныя дыскусіі [39–41]. У гэтым даследаванні даказвалася пераемнасць палітыкі Германіі з канца 80-х гг. XIX ст. праз Першую сусветную вайну да Другой. У кнізе Ф. Фішэр засяродзіўся на паглыбленым аналізе ўнутрыпалітычных прычын і асноў германскага экспансіянізму, яго рухаючых сіл і палітычных функцый [42]. Гісторык акцэнтаваў увагу на тым, што мэтай нямецкай «сусветнай палітыкі» было пераўтварэнне Германіі ў сусветную дзяржаву, і на гэтым шляху Германія планамерна рыхтавала вайну і сама распачала яе ў ліпені 1914 г. Галоўным вынікам дэбатаў вакол кнігі Ф. Фішэра стала абгрунтаванне неабходнасці вывучэння гісторыі Першай сусветнай вайны на аснове крытычнага аналізу шырокага спектра палітычных, эканамічных і сацыяльных прычын і фактараў, адлюстраваннем якіх была знешняя палітыка Германіі. У выніку ў заходнегерманскай гістарыяграфіі ў 1980-я гг. афармілася новая гістарыяграфічная парадыгма, паводле якой у цэнтр даследавання праблем вайны былі вынесены пытанні функцыянавання грамадства і штодзённага жыцця насельніцтва ў ваенны час. Адзначым, што адзін з артыкулаў Ф. Фішэр прысвяціў разгляду нямецкіх ваенных мэтаў на Усходзе і праблеме сепаратнага міру з Расіяй [43]. Упершыню спроба даследаваць нямецкую акупацыйную палітыку на Усходзе з пазіцый гісторыі штодзённасці была зроблена Г. Ліндэ ў манаграфіі «Германская палітыка ў Літве падчас Першай сусветнай вайны», якая выйшла ў 1965 г. [44]. Асноўным дасягненнем працы стала пастаноўка пытання пра рабаўнічы характар эканамічнай палітыкі ваеннага кіраўніцтва, а таксама характарыстыка становішча насельніцтва ва ўпраўленнях Літва і Беласток – Гродна акупацыйнай зоны Обер Ост. Даследчык В. Баслер у кнізе «Нямецкая анексіянісцкая палітыка ў Польшчы і Прыбалтыцы» асвятліў планы Германіі на Усходзе, палітыку ў Польшчы і Балтыцы [45]. Але ні ў гэтай, ні ў іншых працах 1960-х гг. беларускія землі у складзе Обер Ост асобна не вывучаліся. Даследчыкі рабілі акцэнт на разглядзе агульных тэндэнцый усходняй палітыкі Германіі, а гісторыкі ГДР – на падзеях рэвалюцый у Расіі і пытаннях Брэст-Літоўскага мірнага дагавору [46–49].

У 1970-я гг. у зборніках па гісторыі Першай сусветнай вайны друкаваліся артыкулы ці дакументы, прысвечаныя пераважна гісторыі ваенных дзеянняў на

Заходнім фронце [50]. Выключэннем стала выданне матэрыялаў калоквіума «Да гісторыі БССР і нямецка-беларускіх адносін», які адбыўся 30–31 кастрычніка 1979 г. у г. Ена (Германія). У ім прымалі ўдзел гісторыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта і універсітэта ім. Фрыдрыха Шылера. Сярод дакладаў вылучаюцца «Беларусь у планах нямецкага імперыялізма» (К. Рэмер), «Ваенная і ваенна-палітычная сітуацыя ў Беларусі ў 1916–1917 гг.» (Х. Герч) [51].

Р. Цылых у сваім даследаванні «Акупацыя і грашовае абарачэнне ў Першую сусветную вайну: нямецкая акупацыйная палітыка ў Бельгіі і Рускай Польшчы» (1994 г.) прыходзіць да высновы, што нямецкая палітыка дыктавалася эканамічнымі інтарэсамі ваеннага кіраўніцтва, якое разглядала акупіраваныя тэрыторыі выключна пад вуглом эксплуатацыі людскіх і матэрыяльных рэсурсаў. У аснове планаў нямецкай каланізацыі ляжала ідэя поўнага кантролю над усімі гаспадарчымі і транспартнымі шляхамі. Гісторык сцвярджаў, што ва ўмовах акупацыі ў сферу татальнага кантролю ваеннай улады траплялі гандаль, прамысловая вытворчасць, сельская і лясная гаспадаркі, але перш за ўсе фінансавыя аперацыі, поўны кантроль над якімі ажыццяўляўся праз ўвядзенне новай валюты. Гэта дазваляла кіраўніцтву на Усходзе ў некаторай ступені быць незалежнымі ад Берліна, што неабходна было для забеспячэння арміі і адміністрацыі на акупіраваных тэрыторыях.

Змены ў тэматыцы даследаванняў у сучаснай нямецкай гістарыяграфіі апісаў Б. Тос у артыкуле «Першая сусветная вайна як падзея і перажытае. Змена парадыгмы ў заходнегерманскім даследаванні Першай сусветнай вайны з часоў дыскусіі Фішэра» [53, S. 1012 – 1043]. Б. Тос падзяляе заходнегерманскую гістарыяграфію на чатыры этапы. Для першага з іх, які пачаўся ў міжваенныя гады, была характэрна ўвага да прычын вайны, падзей на франтах і вынікаў вайны. У 1960-я гг. у цэнтры грамадскай дыскусіі і навуковых даследаванняў апынуліся пытанні «ваеннай віны» і ваенных мэт Германіі. Трэці этап характарызуецца пачаткам даследавання сістэмнага крызісу Германіі ў перыяд кіравання Вільгельма II на аснове аналізу ўнутраных, эканамічных і грамадскіх перадумоў і наступстваў нямецкай палітыкі. Галоўнай тэндэнцыяй заключнага этапу стаў зварот да гісторыі штодзённасці і гісторыі грамадства.

У 1990–2000 гг. актуальнай формай вывучэння памераў і наступстваў «катастрофы дваццатага стагоддзя» сталі калектыўныя працы ў межах універсітэцкіх праектаў, у якіх аб'яднаны артыкулы аўтараў па вузкаму кірунку [53–56]. Многія сучасныя нямецкія аўтары аб'ядноўваюць трыццаць гадоў (1914–1945) у адзін перыяд глыбокага крызісу. Характэрнай асаблівасцю сучасных нямецкамоўных работ вялікіх і малых формаў стаў комплексны аналіз вывучаемай праблемы, які заключаецца ў разглядзе ваеннай гісторыі ва ўзаемасувязі з грамадскімі, сацыяльна-палітычнымі і эканамічнымі фактарамі.

Важнай навуковай праблемай для сучаснай нямецкай гістарыграфіі стала даследаванне ўплыву вайны для грамадства і палітыкі будучага развіцця Еўропы і света, а таксама яе ролі ў развязванні Другой сусветнай вайны.

Значнай падзеяй стаў выхад зборніка «Першая сусветная вайна. Другая сусветная вайна. Параўненне. Вайна, ваенныя вынікі і вопыт вайны ў Германіі», падрыхтаваны ваенна-гістарычным упраўленнем Бундэсвера пад рэдакцыяй Б. Тоса і Х. Э. Фолькмана [55; 57]. Нямецкія даследчыкі пачалі распрацоўваць новыя тэмы: К. Вестэрхоф – праблему прымусовай працы ва ўсходніх абласцях [58; 59], Р. Нахцігаль, Ё. Олтмэр, У. Хінц – выкарыстання працы ваеннапалонных на Усходнім фронце [60–62]. Да 100-гадовага юбілею «Вялікай вайны» нямецкімі гісторыкамі было падрыхтавана некалькі манаграфій аб пераасэнсаванні прычын, падзей і вынікаў вайны за апошняе стагоддзе [63–67]. У 2004 і 2014 гг. была выдадзена, а потым дапрацавана і перавыдадзена «Энцыклапедыя Першай сусветнай вайны» [72; 73]. Адзначым, што працы па выданні асобнай энцыклапедыі, прысвечанай Першай сусветнай вайне, не было праведзена ў іншых краінах-удзельніцах.

Шэраг артыкулаў і манаграфій прысвечаны гістарыяграфіі і метадалагічным праблемам ваеннай гісторыі [68–71]. Так, кніга М. Пёльмана «Ваенная гісторыя і гістарычная палітыка: Першая сусветная вайна: афіцыйная нямецкая гістарыяграфія 1914–1956 гг.» асвятляе ваенна-гістарычныя даследаванні і дзейнаць гісторыкаў перыяду вайны, адносіны паміж армейскімі структурамі і адэмічнай навукай, асаблівасці міжваеннага перыяду і перыяду Другой сусветнай вайны, асноўныя канцэпцыі і метадалагічныя падыходы. Змена метадалагічных падыходаў у нямецкай ваеннай гістарыяграфіі адбілася нават на назве самой галіны навукі. Да канца Другой сусветнай вайны выкарыстоўваўся тэрмін «гісторыя войн» («Kriegsgeschichte»), а ваенная гісторыя развівалася ў якасці раздзела ваеннай навукі, у якім даследаваліся выключна ваенныя падзеі і асобныя аперыцыі, біяграфіі выбітных ваенных дзеячаў. У рэчышчы гістарычнай навукі ваенная гісторыя актыўна пачала вывучацца толькі пасля 1945 г. Змяніліся метадалагічныя і крыніцазнаўчыя падыходы, кардынальна змяніўся прынцып падыходу да праблематыкі. Вайна перастала быць толькі канфліктам дзяржаў за тэрыторыю і рэсурсы, яна стала сацыяльным і культурным феноменам. У гістарыяграфіі паступова на першы план пачала выходзіць тэма чалавека на вайне і яго паўсядзённага жыцця. У той жа час пачаў выкарыстоўвацца тэрмін «ваенная гісторыя» («Militärgeschichte») [70, S. 15–17].

Асобныя даследаванні прысвечаны непасрэдна Беларусі. Так, у артыкуле «Ober Ost і нямецкая акупацыя Гародні ў Першую сусветную вайну паводле Дзённіка Курта Кламрота» М. Баціс на аснове дзённіка чыноўніка гарадской адміністрацыі вывучаў паўсядзеннае жыццё насельніцтва. Артыкул быў перакладзены на беларускую мову і стаў вядомы шырокаму колу беларускіх гісторыкаў [74]. Беларускі гісторык А. Смалянчук падрыхтаваў да публікацыі частку дзённіка [75].

Такім чынам, нямецкая гістарыяграфія займае значнае месца ў сістэме ведаў пра акупацыю Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны. Найбольш актыўна праблема даследавалася непасрэдна ў перыяд вайны і ў першыя гады пасля яе. Вывучаліся гісторыя і культура, рэлігія і нацыянальныя

ўзаемадачыненні, дэмаграфічныя характарыстыкі насельніцтва, а таксама прыродазнаўства, эканоміка акупіраваных тэрыторый. Сярод навейшых прац нямецкіх гісторыкаў пакуль адсутнічаюць спецыяльныя навуковыя даследаванні, прысвечаныя Беларусі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Lindner, R.* Historiker und Herrschaft. Nationsbildung und Geschichtspolitik in Weißrussland im 19.und 20. Jahrhundert / R. Lindner. – München: R. Oldenbourg, 1999. – 540 S.

2. *Niemann, H.* Hindenburg Siegeszug gegen Russland / H. Niemann. – Berlin: E. S. Mittler& Sohn, 1917. – 82 S.

3. *Wertheimer, F.* Hindenburgs Mauer im Osten / F. Wertheimer. – Stuttgart & Berlin: Deutsche Verl.-Anst., 1916. – 173 S.

4. Wie wir die westrussischen Festungen erobert haben: ein Beitrag zur Geschichte des Weltkrieges / von Oberst F. Immanuel. – 3. Aufl. – Berlin: E. S. Mittler& Sohn, 1916. – 66 S.

5. Das Litauen-Buch: eine Auslese aus der Zeitung der 10. Armee. 1918. – Wilna: Zeitung der 10. Armee, 1918. – 195 S.

6. *Eulenberg, H.* , Struck, H. Skizzen aus Litauen, Weissrussland und Kurland / H. Eulenberg, H. Struck. – Berlin: Drukerei des Oberbefehlshabers Ost G. Stilke, 1916. – 60 S.

7. *Gaigalat, W.* Litauen: das besetzte Gebiet, sein Volk und dessen geistige Strömungen / W. Gaigalat. – Frankfurt a. M.: Frankfurter Vereinsdrukerei, 1917. – 179 S.

8. *Kessler, O*. Die Baltenländer und Litauen / O. Kessler. – Berlin: Puttkammer & Muhlbrecht, 1916. – 237 S.

9. *Müller, E. F.* Statistisches Handbuch für Kurland und Litauen. Es sind statistische Mitteilungen über Westrußland: Brest–Grodno–Wilno–Wilejka–Lida–Slonim–Pruћany–Kobryn.– Jena: Gustav Fischer, 1918. – 209 S. – (Schriften des Instituts für Ostdeutsche Wirtschaft in Königsberg in Preußen).

10. *Ostmann, E*. Russlands Fremdvölker seine Stärke und Schwäche / E. Ostmann. – München, 1915. – 28S.

11. *Revelstein, H*. v. Die Not der Fremdvölker unter den russischen Jochen / H. v. Revelstein. – Berlin: G. Reimer, 1916. – 100 S.

12. *Schlichting, R*. Bilder aus Litauen: im Auftrage des Chefs und unter Mitarbeit zahlreicher Herren der Militärverwaltung Litauen / R. Schlichting. – Kowno: Kownoer Zeitung, 1917. – 168 S.

13. *Werbelis, K*. Russisch-Litauen: Statistisch-ethnographische Betrachtungen / K. Werbelis. – Stuttgart: J. Schrader, 1916. – 108 S.

14. Die Nationalitätenfragen: die Weissruthenen und die weissruthenische Frage // Polen: Entwicklung und gegenwärtiger Zustand. – Bern: Hallersche Buchdruckerei, 1918. – Kapitel XXIV. – S. 880–889.

15. *Jäger, W.* Weißruthenien: Land, Bewohner, Geschichte, Volkswirtschaft, Kultur, Dichtung / W. Jäger. – Berlin: Karl Curtius, 1919. – 143 S.

16. *Eisemann, H.* Druck- und Zeitungswesen in Grodno: nebst einem Anhang: Die älteste Ansicht von Grodno / H. Eisemann. – Grodno: Grodnoer Zeitung, 1916. – 15 S.

17. Das Land Ober Ost. Deutsche Arbeit in den Verwaltungsgebieten Kurland, Litauen und Bialystok-Grodno. – Berlin – Stuttgart: Verlag der Presseabteilung Ober Ost, 1917. – 472 S.

18. *Rümker, K*. v. Bevölkerungs- und Siedelungsfragen im Land Ob. Ost / K. v. Rümker. – Berlin: P. Parey; Verlag für Landwirtschaft, Gartenbau und Forstwesen, 1918. – 36 S.

19. *Häfner, E.* Wie werden die im Osten besetzten Teile verwaltet?: nach dem Buch «Das Land Ober-Ost» / bearb. von E. Häfner. – Berlin: Siegismund, 1918. – 48 S.

20. Bialowies in deutscher Verwaltung/ hrsg. von der Militärforstverwaltung Bialowies. – H. 1–5. – Berlin: P. Parey, 1917. – 351 S.

21. *Hettner, A.* Rußland: eine geographische Betrachtung von Volk, Staat und Kultur / von A. Hettner. – 2.Aufl. – Leipzig [u.a.]: Teubner, 1916. – 356 S.

22. *Colliander, B.* Die Beziehungen zwischen Litauen und Deutschland während der Okkupation, 1915–1918, Ph. D. Diss., Universität Abo, 1935 / B. Colliander. – 241 S.

23. *Häpke, R.* Die deutsche Verwaltung in Litauen 1915 bis 1918 / R. Häpke. – Berlin: Reichsdruckerei, 1921. – 225 S.

24. *Häpke, R.* Die geschichtliche und landeskundliche Forschung in Litauen und Baltenland, 1915–1918. / R. Häpke // Hansische Geschichtsblätter. – 1919. – № 45. – S. 17– 34.

25. *Skalweit, B.* Die Landwirtschaft in den litauischen Gouvernements: ihre Grundlagen und Leistungen / B. Skalweit. – Jena: G. Fischer, 1918. – 219 S.

26. *Cron, H.* Die Organisation des Deutschen Heeres im Weltkriege / H. Cron – Berlin: E. S. Mittler & Sohn, 1923. – 208 S.

27. *Cron, H*. Geschichte des Deutschen Heeres im Weltkriege 1914–1918 / H. Cron. – Berlin: K. Siegismund, 1937. – 407 S. – (Geschichte der Königlich Preußischen Armee und des Deutschen Reichsheeres. Bd. 5).

28. *Bertkau, F.* Das amtliche Zeitungswesen im Verwaltungsgebiet Ober Ost / F. Bertkau. – Leipzig: Emmanuel Reinucke,1928. – 105 S.

29. *Zemke, H.* Der Oberbefehlshaber Ost und das Schulwesen im Verwaltungsbereich Litauen während des Weltkrieges / H. Zemke. – Berlin: Junker und Dünnhaupt Verlag, 1936. – 120 S. – (Schriften der Kriegsgeschichtlichen Abteilung im Historischen Seminar der Friedrich – Wilhelms – Universität Berlin).

30. *Engelhardt E.* Weissruthenien: Volk und Land / E. Engelhardt. – Amsterdam–Prag–Wien–Berlin: Volk und Reich Verlag, 1943. – 496 S.

31. *Conze, W.* Agrarverfassung und Bevölkerung in Litauen und Weißrußland. T. 1. Die Hufenverfassung im ehemaligen Großfürstentum Litauen / W. Conze. – Leipzig: S. Hirzel,1940. – 247 S.

32. *Hölzle, E.* Der Osten im ersten Weltkrieg / E. Hoelzle. – Leipzig: Koehler & Amelang, 1944. – 243 S.

33. *Nithack, H.* Deutsche Arbeit in Polen und Litauen während des Weltkrieges / H. Nithack. – Berlin: Bund Deutscher Osten, 1939. – 29 S.

34. *Thielecke, A*. Deutsche landeskundliche Arbeit im Weltkriege an den europäischen Ost – und Südost-Front und in den anschließenden Etappengebieten, Ph. D. Diss., Friedrich-Schiller-Universität, Jena,1936 / A. Thielecke. – Eisfeld: C. Beck, 1936. – 185 S.

35. *Scheibert, P.* Der weissrussische politische Gedanke bis 1919 / P. Scheibert // Jomsburg. Volker und Staaten im Osten und Norden Europas: Vierteljahrschrift / hrsg. von J. Papritz u. W. Koppe. – Leipzig. – 1938. – H. 3. – S. 335–354.

36. *Scheibert, P.* Der Weg der Weissruthenen zur Weissruthenischen Sowjetrepublik / P. Scheibert // Jomsburg. Volker und Staaten im Osten und Norden Europas. – 1940. – H. 1–4. – S. 191–196.

37. *Stupperich, R.* Sieglungspläne im Gebiet des Oberbefehlshabers Ost (Militärverwaltung Litauen und Kurland) während des Weltkrieges / R. Stupperich // Jomsburg. Volker und Staaten im Osten und Norden Europas. 1941. – H. 3–4. – S. 348–367.

38. *Fischer, F.* Griff nach der Weltmacht: die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland, 1914/18 / F. Fischer. – Düsseldorf: Droste, 1984. – 575 S.

39. *Fischer, F.* Kontinuität des Irrtums. Zum Problem der deutschen Kriegszielpolitik im Ersten Weltkrieg / F. Fischer. – Historische Zeitschrift. – 1961. – Bd. 191, H. 1. – S. 83–100.

40. *Fischer, F.* Weltmacht oder Niedergang: Deutschland im Ersten Weltkrieg / F. Fischer. – Frankfurt a. M.: Europäische Verlags-Anstalt, 1965. – 109 S.

41. *Lynar, E.* W. Deutsche Kriegsziele: 1914–1918; eine Diskussion / E. W. Lynar. – Frankfurt a. M.; Berlin: Ullstein, 1964. – 197 S.

42. В*иноградов, К. Б.* Фриц Фишер и его труды / К. Б. Виноградов // Новая и новейшая история. – 1988. – № 4. – С. 175–179.

43. *Fischer, F.* Deutsche Kriegsziele, Revolutionierung und Separatfrieden im Osten 1914–1918 / F. Fischer. – Historische Zeitschrift. – 1959. – Bd. 188. – H. 2. – S. 249–310.

44. *Linde, G.* Die deutsche Politik in Litauen im Ersten Weltkrieg / G. Linde. – Wiesbaden, Harrassowitz, 1965. – 265 S.

45. *Basler, W.* Deutschlands Annexionspolitik in Polen und im Baltikum 1914–1918 / W. Basler. – Berlin: Rütten&Loening, 1962. – 441 S.

46. *Baumgart, W.* Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges / W. Baumgart. – Wien: R. Oldenbourg, 1966. – 462 S.

47. *Baumgart, W.* Brest-Litowsk / W. Baumgart, K. Repgen. – Gottingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1969. – 136 S.

48. *Epstein, F. T.* Die deutsche Ostpolitik im Ersten Weltkrieg / F. T. Epstein // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – Stuttgart, 1962. – Bd. 10. – S. 381–394.

49. *Weber, H.* Ludendorff und die Monopole: deutsche Kriegspolitik 1916–1918 / H. Weber. – Berlin: Akademie-Verl., 1966. – 174 S.

50. Der Erste Weltkrieg. Dokumente. Schriften des Militärgeschichtlichen Institutes der DDR. Kleine Militärgeschichte. Kriege. Ausgewählt und eingeleitet von H. Otto und K. Schmiedel. – Berlin: Militärverlag der DDR,1977. – 416 S.

51. Zur Geschichte der BSSR und der deutsch–belorussischen Beziehungen. – Jena: Fridrich–Schiller–Universität, 1981. – 138 S.

52. *Zilch, R.* Okkupation und Währung im Ersten Weltkrieg: die deutsche Besatzungspolitik in Belgien und Russisch–Polen 1914–1918 / R. Zilch. – Goldbach: Keip,1994. – 431 S.

53. Der Erste Weltkrieg. Wirkung. Wahrnehmung. Analyse. Im Auftrag des Militärgeschichtlichen Forschungsamtes hrsg. von W. Michalka. – München: Pieper Verlag, 1994. – 1062 S.

54. Die vergessene Front – der Osten 1914/15: Ereignis, Wirkung, Nachwirkung / im Auftrag des Militärgeschichtlichen Forschungsamtes hrsg. von G. P. Groß. – Paderborn; München [u.a.]: Schöningh, 2006. – 414 S.

55. Erster Weltkrieg. Zweiter Weltkrieg. Ein Vergleich. Krieg, Kriegergebnis, Kriegserfahrung in Deutschland. Im Auftrag des Militärgeschichtlichen Forschungsamtes hrsg. von Br. Thoß, H. E. Volkmann. – Paderborn; München [u.a.]: Schöningh, 2002. – 771 S.

56. *März, P.* Der Erste Weltkrieg: Deutschland zwischen dem langen 19. Jahrhundert und dem kurzen 20. Jahrhundert / P. März. (Berlin & Muenchen: Studien zu Politik und Geschichte; Bd. 1). – Stamsried: Ernst Voegel, 2004. – 308 S.

57. *Reimann, A.* Der Erste Weltkrieg – Urkatastrophe oder Katalysator?/ A. Reimann // Aus Politik und Zeitgeschichte. – 2004. – Bd. 29– 30. – S. 30–38.

58. *Westerhoff, C.* Deutsche Arbeitskraftpolitik in den besetzten Ostgebieten / C. Westerhoff // Zeitschrift für Regionalgeschichte über den Weltkrieg hinaus: Kriegserfahrungen in Osteuropa 1914–1918. – Lüneburg: Institut für Kultur und Geschichte der Deutschen in Nordosteuropa – Nord-Institut, 2009. – S. 83–107.

59. *Westerhoff, C.* Zwangsarbeit im Ersten Weltkrieg: deutsche Arbeitskräftepolitik im besetzten Polen und Litauen 1914–1918 / C. Westerhoff. – Paderborn; München [u.a.]: Schöningh, 2012. – 377 S.

60. *Hinz, U.* Gefangen im Großen Krieg: Kriegsgefangenschaft in Deutschland 1914–1921 / U. Hinz. – Essen: Klartext-Verl., 2006. – 392 S.

61. Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs / hrsg. von J. Oltmer. – Paderborn; München [u.a.]: Schöningh, 2006. – 308 S.

62. *Nachtigal, R.* Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914 bis 1918: Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld / R. Nachtigal. – Frankfurt am Main [u.a.]: Lang, 2005. – 162 S.

63. Der Erste Weltkrieg 1914 – 1918: der deutsche Aufmarsch in ein kriegerisches Jahrhundert / hrsg. M. Pöhlmann. – München: Bucher, 2014. – 382 S.

64. Erster Weltkrieg: globaler Konflikt – lokale Folgen; neue Perspektiven / hergst. St. Karner. – Innsbruck [u.a.] Studien Verl., 2014. – 488 S.

65. *Leonhard, J.* Die Büchse der Pandora: Geschichte des Ersten Weltkriegs / J. Leonhard. – München [u.a.]: Beck, 2014. – 1157 S.

66. *Mommsen, W. J.* Der Erste Weltkrieg. Anfang vom Ende des bürgerlichen Zeitalters / W. J. Mommsen. – Bonn: Fischer, 2004. – 220 S.

67. *März, P.* Nach der Urkatastrophe: Deutschland, Europa und der Erste Weltkrieg / P. März. – Köln [u.a.]: Böhlau, 2014. – 285 S.

68. *Hirschfeld, G.* Der Erste Weltkrieg in der deutschen und internationalen Geschichtsschreibung / G. Hirschfeld // Aus Politik und Zeitgeschichte. – 2004. – Bd. 29–30. – S. 3–12.

69. *Mommsen, W. J.* Der große Krieg und die Historiker: neue Wege der Geschichtsschreibung über den Ersten Weltkrieg / W. J. Mommsen. – 1. Aufl. –Essen: Klartext-Verlag, 2002. – 40 S.

70. *Pöhlmann, M.* Kriegsgeschichte und Geschichtspolitik: Der Erste Weltkrieg: die amtliche deutsche Militärgeschichtsschreibung 1914 – 1956. / M. Pöhlmann. – Paderborn; München [u.a.]: Schöningh, 2002. – 421 S. – (Krieg in der Geschichte; Bd. 12).

71. Was ist Militärgeschichte? / hrsg. von T. Kühne und B. Ziemann. – Paderborn; München [u.a.]: Schöningh, 2000. – 359 S.

72. Enzyklopädie Erster Weltkrieg / hrsg. von G. Hirschfeld [et al.]. – Paderborn; München [u.a.]: Schöningh, 2004. – 1001 S.

73. Enzyklopädie Erster Weltkrieg / hrsg. von G. Hirschfeld [et al.]. – 2. Aufl. – Paderborn; München [u.a.]: Schöningh, 2014. – 1113 S.

74. *Баціс, М.* Ober Ost і нямецкая акупацыя Гародні ў Першую сусветную вайну паводле Дзённіка Курта Кламрота / М. Баціс // Гістарычны альманах. – Гродна, 2012. – Т. 18. – С. 42–73.

75. *Смалянчук, А. Ф.* Горадня 1916 г. на старонках Дзённіка ротмістра Курта Кламрота / А. Ф. Смалянчук // Горад Святога Губерта: зб. краязн. арт. / рэдкал.: А. Смалянчук [і інш.]. – Гродна, 2012. – Вып. 6. – С. 41–85.

(Дата падачы: 19.02.2018 г.)

Т. В. Воронич
Белорусский государственный экономический университет, Минск

T. V. Voronich
Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 336.14(476-21)(091)«18/19»

БЮДЖЕТЫ ГУБЕРНСКИХ ГОРОДОВ БЕЛАРУСИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.[1]

BUDGETS OF THE PROVINCIAL CITIES OF BELARUS AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES

Впервые на основе статистических документов Российской империи рассмотрены и проанализированы бюджеты пяти губернских городов – Вильны, Минска, Витебска, Гродно и Могилева на рубеже XIX–XX вв. Изучена динамика городских бюджетов с 1896 по 1913 гг. Детально исследованы доходные и расходные статьи бюджета, их удельный вес к общей сумме бюджета. Выбранные губернские города обладали крупными финансовыми средствами. Вместе с тем обремененность городов многочисленными казенными повинностями не позволяла решать ряд жизненно важных для городского населения проблем.

[1] Текст подготовлен в рамках исследовательского проекта «Экология и санитарно-гигиеническая система Вильно, Ковно и Гродно в контекстах модернизации европейских городов в 1870–1914 годах», выполняемого при поддержке научного совета Литвы по программе «Модерновость в Литве» (Modernybė Lietuvoje). Проект № S-MOD-17-9.

Ключевые слова: город; бюджет; доходы и расходы городов; финансы городов.

For the first time, based on the statistical documents of the Russian Empire, the budgets of five provincial cities – Vilna, Minsk, Vitebsk, Grodno and Mogilev at the turn of the 19th and 20th centuries were reviewed and analyzed. The dynamics of city budgets during the period from 1896 to 1913 was studied. Details of the revenue and expenditure items of the budget, their specific weight to the total budget. Selected provincial cities had large financial resources. At the same time, burdening of cities with numerous state duties did not allow solving a number of vital problems for the urban population.

Key words: city; budget; incomes and expenditures of cities; finance of cities.

Стремительный рост городов и городского населения во второй половине XIX – начале XX в. определяет научный интерес к вопросам становления и развития городского хозяйства, составляющей частью которого была финансоая деятельность городских самоуправлений. В данной работе рассмотрены городские бюджеты, проанализированы их доходные и расходные статьи. В качестве объекта исследования выбраны пять губерний, территории которые полностью либо преимущественно входят в состав современной Беларуси, и, соответственно, этим был определен выбор пяти губернских городов: Вильна, Минск, Витебск, Гродно и Могилев.

Пять губернских городов обладали существенными финансовыми средствами. По данным 1909 г. они входили в число 110 крупных городов Российской империи с бюджетом свыше 200 тыс. р. А Вильна обладала бюджетом в 1185 тыс. р. и входила в 20 крупнейших городов Российской империи с годовым бюджетом свыше 1 млн. Минск в этом списке занимал 42 место с бюджетом 586 тыс. р., Витебск – 59 место (417 тыс. р.), Могилев – 62 место (354 тыс. р.) и Гродно – 98 место (249 тыс. р) [1, с. 283].

Согласно статистическим сведениям, сумма городских бюджетов, превышающих 200 тыс. р., с 1904 по 1909 гг. выросла на 45 % [1, с. 284]. Аналогичный показатель по пяти рассматриваемым городам с 1903 по 1913 гг. составил 205 %, т. е. более чем в два раза, а за период с 1896 по 1913 гг. – 375 %, т. е. почти в четыре раза (табл. 1).

Таблица 1

Бюджеты Вильны, Витебска, Гродно, Минска и Могилева в 1896, 1903 и 1913 гг.[1]

	1896 г.		1903 г.		1913 г.	
Город	**Доход, руб.**	**Расход, руб.**	**Доход, руб.**	**Расход, руб.**	**Доход, руб.**	**Расход, руб.**
Вильна	431 983,31	467 677,71	821 375,11	804 613,41	1 716 390,00	1 716 393,00
Витебск	129 074,78	122 547,67	274 064,92	255 086,42	576 751,00	576 751,00
Гродно	137 298,60	137 281,44	257 223,07	222 617,96	325 180,00	325 180,00
Минск	282 907,08	282 391,70	460 050,58	460 050,58	963 540,00	963 542,00
Могилев	105 492,96	105 629,54	173 448,31	172 521,21	496 777,19	445 147,30

[1] Подсчитано по: [2–18].

Россия вступила в фазу появления «больших городов» [1, с. 284]. Такого сильного прироста городских бюджетов, который происходил в Российской империи, в других странах не наблюдалось. Вместе с тем, по сумме годовых бюджетов российские города значительно отставали от городов передовых стран мира. Самыми крупными бюджетами в Российской империи обладали Санкт-Петербург и Москва – свыше 30 млн р. Но даже эти города не достигали мирового уровня. Бюджет Нью-Йорка составил в 1908 г. 135 млн долларов, примерно 270 млн рублей, бюджет Парижа в 1911 г. составил 380 млн франков, примерно 140,6 млн р. [19, с. 224–225]. Бюджеты двух российских столиц приближались к бюджетами только лишь больших городов Италии [1, с. 287].

В соответствии с Городовым положением 1892 г., в пользу города взимался ряд обязательных сборов: оценочный сбор с недвижимого имущества, с документов на право торговли и промыслов, с трактирных заведений, постоялых дворов и съестных лавок. Кроме того, город имел право взимать при необходимости сборы: с извозного промысла, с лошадей и экипажей, содержимых частными лицами, с собак, с перевозного промысла. Независимо от этих налогов, в пользу города поступали сборы с аукционных продаж, за употребление общественных мер и весов, за клеймение мер и весов и ряд других.

Существенное место в бюджете занимал оценочный сбор с городского недвижимого имущества (табл. 2). Размер городского сбора с недвижимых имуществ был ограничен 1 % от стоимости имущества или 10 % от чистого дохода от этого имущества. Городская дума могла лишь изменять размер налога в указанных пределах. Городские управления, чтобы избежать повышения налоговых сборов, оценивали недвижимое имущество гораздо ниже его реальной стоимости и всячески тормозили его переоценку. В Санкт-Петербурге в 1913 г. оценочный сбор составлял 16 %, в Москве – 15 %, в Киеве – 23 %, в Вильне – 22 %, в Минске – 18 %, в Витебске – 16 %, в Могилеве – 11 %, в Гродно – 21 %, в Ковно – 25 %, а в Белостоке – 40 %.

Следующую статью доходов составляли налоги с городских имуществ и оброчных статей. В 1913 г. в Санкт- Петербурге они давали всего 7 %, в Москве – 5 %, в Киеве – 28 %, занимая первое место, в Вильне – 11 %, в Минске – 7 %, в Витебске – 12 %, в Могилеве – 33 %, в Гродно – 10 %, в Ковно – 13 %, в Белостоке – 6 %.

Важное место занимали сборы с торговли и промыслов, главными из которых были сборы с торгово-промышленных документов и трактирного промысла. Размер налога определялся Думой. В Витебске, например, его размер в 90-е гг. XIX в. составлял 15 % с купеческих и 10 % с остальных видов документов. Этот вид дохода составлял в 1913 г.: в бюджете Санкт-Петербурга – 8 %, в Москве – 8 %, в Киеве – 7 %, в Вильне – 9 %, в Минске – 6 %, в Витебске – 7 %, в Могилеве – 3 %, в Гродно – 7 %, в Ковно – 11 %, в Белостоке – 9 %.

Таблица 2

Смета доходов Вильны, Минска, Витебска и Гродно на 1913 год[1]

Наименование доходных статей бюджета	Город			
	Вильна	Витебск	Гродно	Минск
Сборы с недвижимых имуществ, руб.	377 884	93 944	67 056	170 000
Сборы с торговли и промыслов, руб.	151 810	38 253	21 368	61 623
Сборы с лошадей, экипажей и собак, руб.	20 150	1300	1200	2400
Пошлины, руб.	10 200	5525	2500	15 780
С городских имуществ и оброчных статей, руб.	192 880	70 771	32 687	66 626
С городских предприятий, руб.	520 127	87 602	71 960	486 483
Пособия городу и возврат расходов, руб.	436 839	88 513	118 173	151 028
Разные поступления, руб.	6500	190 843	10 236	9600
Итого	1 716 390	576 751	325 180	963 540

Значительную роль играли в бюджетах пособия городам, предназначенные для компенсации расходов по расквартированию войск, в качестве возмещения потерь города от введения казенной винной монополии и др. В 1913 г. пособия составляли: в Санкт- Петербурге – 6 %, в Москве – 20 %, в Киеве – 27 %, в Вильне – 25 %, в Минске – 16 %, в Могилеве – 14 %, в Витебске – 15 %, в Гродно – 36 %, в Ковно – 42 %, в Белостоке – 17 %. Однако пособия из казны не покрывали полностью всех материальных затрат городов, связанных с выполнением казенных повинностей.

Незначительную роль (1–2 %) в бюджете большинства всех российских городов играли различные пошлины. В Санкт-Петербурге – 2,1 %, в Москве – 0,8 %, в Киеве – 1,2 %, в Вильне – 0,6 %, в Минске – 1,6 %, в Витебске – 1,0 %, в Гродне – 0,8 %, в Могилеве – 3 %, в Ковне – 0,4 %, в Белостоке – 1,3 %.

Сборы с лошадей, экипажей и собак, так называемый налог на роскошь, также были незначительны: в Санкт-Петербурге – 0,7 %, в Москве – 1,9 %, в Киеве – 0,3 %, в Вильне – 1,2 %, в Минске – 0,2 %, в Витебске – 0,2 %, в Гродно – 0,4 %, в Ковно – 0,9 %, в Белостоке – 1,4 %. В Могилеве данный сбор в 1913 г. не взимался вообще.

Графа в смете доходов «разные поступления» составляла: в Санкт-Петербурге – 2,4 %, в Москве – 1,0 %, в Киеве – 1,4 %, в Вильне – 0,4 %,

[1] Подсчитано по: [2; 3]. Данные по Могилеву в таблице не представлены, поскольку источник не позволяет произвести соответствующую их группировку.

в Минске – 1,0 %, в Витебске – 33,1 %, в Гродно – 3,1 %, в Ковно – 0,8 %, в Белостоке – 16,2 %.

Одной из серьезных статей доходов были поступления с городских предприятий. Под городским предприятием подразумевалось предприятие, «сооруженное или принадлежащее … городскому управлению, эксплуатируемое им хозяйственным способом за свой счет» [1, с. 282]. Прежде всего, это трамвай, электростанция, водопровод, канализация и пр. Эти предприятия, решающие самые главные вопросы благоустройства города, являлись самыми удобными объектами, в том числе и с финансовой точки зрения, для муниципализации. Однако к 1909 г. в Российской империи эти предприятия «во всей своей совокупности» не были муниципализированы ни в одном городе. Как правило, возникали они по частной инициативе.

В 1913 г. валовый доход от городских предприятий в Санкт Петербурге составил 58 %, в Москве – 48 %, в Риге – 40 %. В менее крупных городах доходы от городских предприятий были меньше: в Киеве – 12 %, в Вильне – 30 %, в Витебске – 15 %, в Гродно – 22 %, в Ковно – 7 %, в Белостоке – 8 %. Исключение составлял Минск, где доход от городских предприятий по смете планируемых доходов составил 50 %. Минск имел широкую сеть коммунальных предприятий, принадлежавших непосредственно городу, что и приносило значительный доход. В собственности города находились водопровод, скотобойня, ассенизационный обоз, дезинфекционная камера, электростанция и конно-железная дорога. В 1913 г. эти предприятия дали валовый доход даже выше запланированного – 501 тыс. р. вместо 486 тыс., хотя удельный вес в общей сумме доходов снизился до 38 %.

В Вильне в 1913 г. валовый доход от городских предприятий (водопровод, скотобойни, скотопригонные дворы и учреждения для освидетельствования битого мяса, ассенизационный обоз, дезинфекционная камера, электростанция, торговые ряды и аптека) составил 546 945,25 р. (30 %).

Доходы городов определяли общие возможности городских расходов. В соответствии с Городовым положением 1892 г. к первоочередным расходам города были отнесены: выплаты на содержание правительственных учреждений, полиции, освещение и отопление тюрем, воинский постой, содержание пожарных команд, органов общественного управления, выплата пособий казне, содержание общественных памятников и зданий, и наконец, благоустройство.

После выполнения всех перечисленных выше расходов «и вообще указанных законом потребностей, средства городского поселения могут быть употребляемы и на другие, относящиеся к пользам сего поселения, предметы». К «другим», непервоочередным, потребностям города оказались отнесены народное образование, «благотворительные и иные общеполезные учреждения», включая медицинские, санитарные и т. д. [20, с. 58–59] (табл. 3).

Таблица

Смета расходов Вильны, Минска, Витебска и Гродно на 1913 год[1]

Наименование расходных статей бюджета	Город			
	Вильна	Витебск	Гродно	Минск
Содержание городских предприятий, руб.	221 515	55 473	33 565	209 137
Медицинская, ветеринарная и санитарная части, руб.	89 714	39 824	13 586	46 406
Народное образование, руб.	87 073	31 670	17 336	63 321
Содержание войска и полиции, руб.	418 908	108 133	134 203	177 512
Содержание пожарной команды, руб.	57 636	23 024	12 257	34 901
Участие в расходах правительственных учреждений, руб.	3800	11 436	1488	31 464
Содержание городского управления и сиротского суда, руб.	202 010	46 674	34 825	111 992
Благоустройство города, руб.	161 963	29 571	29 890	77 010
Общественное призрение, руб.	50 133	4 060	7 170	14 490
Содержание и устройство городских имуществ, руб.	41 028	16 163	7 528	23 035
Уплата долгов, руб.	340 184	72 183	19 690	162 036
Остальные расходы	42 429	138 540	13 642	12 238
Итого, руб.	1 716 393	576 751	325 180	963 542

Важной статьей в бюджете были расходы на те самые городские предприятия, которые приносили доход городу. Так, по данным 1913 г., если в Санкт-Петербурге эти расходы составили 27 %, в Москве – 26 %, в Киеве – 3 %, в Риге – 20 %, то в Вильне – 13 %, в Минске – 22 %, в Витебске – 10 %, в Гродно – 10 % и в Ковно – 1 %, в Белостоке – 0 %. Это была практически единственная статья расходов, размер которой так сильно колебался в разных городах, что обусловлено разным уровнем развития коммунальных инфраструктур.

Важными непосредственно для самих городов были расходы на благоустройство, куда относились содержание городских улиц, набережных, бульваров, общественных садов, скверов и мостов, освещение города и пр. Так, по данным 1913 г., в Санкт-Петербурге эти расходы составили 8 %, в Москве – 5 %, в Киеве – 11 %, в Риге – 10 %, в Вильне – 9 %, в Минске – 8 %, в Витебске – 5 %, в Гродно – 9 %, в Могилеве – 6,7 %, в Ковно – 8 %, а в Белостоке – 17 %.

Расходы на медицинскую, санитарную и ветеринарную часть в пяти исследуемых городах были значительно меньше на фоне других российских городов. В 1909 г. в большинстве российских городов расходы на эту часть

[1] Подсчитано по [2; 3]. Данные по Могилеву в таблице не представлены, поскольку источник не позволяет произвести соответствующую их группировку.

составляли 20 % и занимали второе место в бюджете. По данным 1913 г., если в Санкт-Петербурге эти расходы составили 16 %, в Москве – 18 %, в Киеве – 15 %, в Риге – 14 %, то в Вильне – 5,2 %, в Минске – 4,8 %, в Витебске – 6,9 %, в Гродно – 4,2 %, в Могилеве – 1 % (в Могилеве в эту графу включены только расходы на «содержание городового врача и других лиц медицинского персонала»), а в Ковно – 3,9 % и в Белостоке – 1,9 %.

Следующее место в бюджете российских городов занимали расходы на народное образование. В городах нашего региона этот показатель опять был значительно ниже. По данным 1913 г., если в Санкт-Петербурге эти расходы составили 9,2 %, в Москве – 11 %, в Киеве – 15 %, в Риге – 10 %, то в Вильне – 5 %, в Минске – 6,6 %, в Витебске – 5,5 %, в Гродно – 5,3 %, Могилеве – 2,7 % а в Ковно – 4,6 % и в Белостоке – 5,7 %.

В определенной степени низкий удельный всех этих категорий расходов был обусловлен гораздо большими, нежели в остальных центральных российских городах, расходами по другим статьям бюджета, в том числе на содержание войск, полиции и пожарной команды, которые составляли отдельные параграфы в городских сметах. Так, по данным 1913 г., если в Санкт-Петербурге суммарные расходы по этим трем пунктам составили 7 %, в Москве – 6 %, в Киеве – 18 %, в Риге – 9 %, то в Вильне – 28 %, в Минске – 22 %, в Витебске – 23 %, а в Гродно – 45 %, в Могилеве – 25,4 %, в Ковно – 45 %, в Белостоке – 22 %. Как уже отмечалось, эти расходы компенсировались в определенной степени пособиями из казны, однако не покрывали полностью всех финансовых затрат города. Они были продиктованы стратегическими соображениями российского правительства и тяжелым бременем ложились на городские бюджеты.

Расходы на содержание правительственных учреждений также были обременительной обязанностью городов, однако составляли незначительную часть бюджета как белорусских, так и в целом всех российских городов. Так, по данным 1913 г., в Санкт-Петербурге эти расходы составили 2 %, в Москве – 2 %, в Киеве – 0,1 %, в Риге – 0,2 %, в Вильне – 0,2 %, в Минске – 3,3 %, в Витебске – 2 %, в Гродно – 0,5 %, в Могилеве – 0,6 %, в Ковно – 2,1 % и в Белостоке – 1,3 %.

Видное место среди расходов занимала уплата городских долгов, составляя по данным 1913 г. в бюджете вышеназванных росийских городов от 12 до 19 %. В пяти губернских городах этот показатель был почти таким же – от 13 до 20 %. Исключение составлял лишь город Гродно – 6 %. В большинстве случаев в российских городах этот расход был связан с покрытием расходов, связанных с решением вопросов городского благоустройства, с развитием городских предприятий и, соответственно, с выплатой по займам, предназначенным для финансирования муниципальных нужд.

Следующую статью составляли расходы на содержание городского управление и сиротского суда. По данным 1913 г., они составляли в бюджетах Санкт-Петербурга, Москвы, Киева и Риги от 5 до 11 %. В бюджетах

Вильны, Минска, Витебска, Гродно, Могилева и Ковно эти суммы были несколько выше – от 8 до 12 %, а в Белостоке – 17 %.

Отдельной статьей расходов было «Общественное призрение», которое поглощало в 1913 г. от 9 до 15 % всех расходов Санкт-Петербурга, Москвы, Киева и Риги. В Вильне, Минске, Витебске, Гродно и Могилеве этот показатель составлял от 0,6 до 3 %. Серьезные заботы о нищих проявлялись в крупных городах, что обусловлено большой концентрацией этой категории населения.

Содержание и устройство городских недвижимых имуществ, которые давали городам довольно ощутимый доход, обходилось немного. По данным 1913 г., они составляли в бюджетах Санкт-Петербурга, Москвы, Киева и Риги от 1 до 4 %. В бюджетах Вильны, Минска, Витебска, Гродно эти суммы были примерно одинаковы – в среднем 2,5 %.

Уплата налогов составляла в 1913 г. также незначительную часть бюджета и колебалась от 0,1 до 1 %. Значительными были выплаты лишь в Витебске – 7 %.

Незначительными были расходы на образование городских капиталов по всем городам в 1913 г. – от 0,1 до 2,5 %. Выделялись лишь Санкт-Петербург – 5,6 % и Белосток – 9,8 %.

И наконец, «разные» расходы также были невелики – от 0,5 до 2,1 %. Исключение составлял лишь Минск – 15, 6 %.

Таким образом, примерно одна треть всех городских расходов была направлена на удовлетворение казенных повинностей. Другой важной статьей были расходы на городское самоуправление и эксплуатацию городских предприятий. Третье место занимали расходы на благоустройство, учебные заведения, медико-санитарные нужды города. Обремененность городов многочисленными казенными повинностями не позволяла решать многие жизненно важные для городского населения проблемы.

Список использованных источников

1. *Васильев, А*. Хозяйственные и коммерческие предприятия городов России в связи с городскими бюджетами /А. Васильев // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1910. – № 7. – С. 282–287.

2. Сметы доходов городов на 1913 год // Календарь-справочник городского деятеля на 1914 год. – СПб., 1913. – С. 184–195.

3. Сметы расходов городов на 1913 год // Календарь-справочник городского деятеля на 1914 год. – СПб., 1913. – С. 196–211.

4. Памятная книжка Виленской губернии на 1898 год. – Вильна: Губернская типография, 1897. – XIX, 53, 336, 298 с.

5. Обзор Виленской губернии за 1903 год. – Вильна: Губернская типография, 1904. – Ведомость № 5. О городских доходах, расходах и недоимках.

6. Обзор Витебской губернии за 1896 год. – Витебск: Губернская типография, 1897. – Ведомость о доходах, действительно поступивших в города Витебской губернии за 1896 год.

7. Обзор Витебской губернии за 1903 год. – Витебск: Губернская типография, 1904. – Ведомость о доходах, действительно поступивших в города Витебской губернии за 1903 год.

8. Обзор Гродненской губернии за 1896 год. – Гродна: Губернская типография, 1897. – Ведомость № 6 о городских доходах и расходах.

9. Обзор Гродненской губернии за 1903 год. – Гродна: Губернская типография, 1904. – Ведомость № 10 о городских доходах и расходах.

10. Обзор Минской губернии за 1896 год. – Минск: Губернская типография, 1897. – Ведомость о доходах и расходах городов Минской губернии за 1896 год.

11. Обзор Минской губернии за 1903 год. – Минск: Губернская типография, 1904. – Ведомость о городских доходах и расходах.

12. Обзор Могилевской губернии за 1896 год. – Могилев: Губернская типография, 1897. – Ведомость № 25 о доходах городов Могилевской губернии за 1896 год.

13. Обзор Могилевской губернии за 1896 год. – Могилев: Губернская типография, 1897. – Ведомость № 26 о расходах городов Могилевской губернии за 1896 год.

14. Обзор Могилевской губернии за 1903 год. – Могилев: Губернская типография, 1904. – Ведомость № 18 о доходах городов Могилевской губернии за 1903 год.

15. Обзор Могилевской губернии за 1903 год. – Могилев: Губернская типография, 1904. – Ведомость № 19 о расходах городов Могилевской губернии за 1903 год.

16. Обзор Могилевской губернии за 1903 год. – Могилев: Губернская типография, 1904. – Ведомость № 19 о расходах городов Могилевской губернии за 1903 год.

17. Обзор Могилевской губернии за 1913 год. – Могилев: Губернская типография, 1915. – Ведомость о доходах городов в Могилевской губернии за 1913 год.

18. Обзор Могилевской губернии за 1913 год. – Могилев: Губернская типография, 1915. – Ведомость о расходах городов в Могилевской губернии за 1913 год.

19. Бюджет Парижа на 1911 год //Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1911. – № 18. – С. 224-225.

20. *Нардова, В. А.* Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века / В. А. Нардова. – СПб.: Наука. С.-Петерб. изд. фирма, 1994. –159 с.

(Дата подачи: 28.02. 2018 г.)

Л. В. Гавриловец
Мозырский государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина, Мозырь

L. V. Gavrilovets
Mozyr State Pedagogical University Named after I. P. Shamyakin, Mozyr

УДК 94(438:430)«1958–1962»

ПОЗИЦИЯ ПОЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ВОПРОСУ МИРНОГО ДОГОВОРА С ГЕРМАНИЕЙ В УСЛОВИЯХ ВТОРОГО БЕРЛИНСКОГО КРИЗИСА

POSITION OF THE POLISH GOVERNMENT ON THE PEACEFUL CONTRACT WITH GERMANY UNDER THE CONDITIONS OF THE SECOND BERLIN CRISIS

В статье анализируется проект мирного договора с Германией, подготовленный на основе советских предложений, и позиция польского правительства по вопросу внесения изменений в договор. Польское правительство определило ряд важных вопросов, которые следовало урегулировать в мирном договоре. Среди них вопрос о польско-германской границе, материальной компенсации, «правах поляков в Германии».

Ключевые слова: мирный договор; берлинский кризис; правительство; германские государства; западногерманская проблема.

The article analyzes the draft of the peace treaty with Germany, prepared on the basis of Soviet proposals and the position of the Polish government on the issue of amending the treaty. The Polish government identified a number of important issues that should be settled in a peace treaty. Among them are the question of the Polish-German border, material compensation, «the rights of the Poles in Germany».

Key words: Peace treaty; The Berlin crisis; government; German states; the West German problem.

В 1958 г. правительство ГДР подняло проблему подготовки мирного договора с двумя германскими государствами. В ноте правительству ФРГ от 4 сентября 1958 г. правительство ГДР предложило создать комиссию, состоящую из представителей двух государств, которая бы занялась вопросом, связанным с подготовкой мирного договора с Германией. Правительство ПНР 14 декабря 1958 г. поддержало предложение ГДР. Советское правительство 10 января 1959 г. представило проект мирного договора с Германией, сформулированный на основе предложений 1952, 1954 гг., который предусматривал подписание договора с двумя германскими государствами, а не как раньше с объединенной Германией.

Правительство ПНР однозначно поддержало советский проект договора. Польская нота от 20 января 1959 г. утверждала, что «проект договора, представленный советским правительством, может и должен стать основой мирного урегулирования германской проблемы и нормализации отношений в Европе» [1, s. 23]. Польское правительство утверждало, что «отказ от заключения мирного договора под предлогом стремления к объединению Германии означал бы не только сохранение небезопасной для мира ситуации в Европе, но также затруднял бы процесс сближения между двумя германскими государствами – необходимое условие объединения Германии на мирных и демократических основах» [2, s. 127].

Польское правительство было заинтересовано в заключении мирного договора с Германией и определило ряд вопросов, которые должны быть урегулированы в данном документе. Прежде всего, это вопрос о польско-германской границе, которая должна была проходить по линии Одер-Нейсе. Во-вторых, Польше должны быть возвращены вывезенные с ее территории культурные, исторические, археологические и др. ценности. В-третьих, должен быть решен имущественный вопрос: возвращение вывезенного имущества или соответствующая компенсация, выплата пенсий и пособий польским гражданам, угнанным на принудительные работы в Германию, в концлагеря. В-четвертых, немцы должны были вернуть исторические, судебные, административные и технические документы вместе с картами, планами и оборудованием, которые касались возвращенных Польше земель. В-пятых, мирный договор должен был гарантировать преимущества Польши в таможенных и экономических делах. В-шестых, рассматривался вопрос о «правах поляков в Германии»: польские граждане наравне с не-

мецкими гражданами должны были обладать равными правами и возможностями, т. е. право на участие в организациях, собраниях, выпуск польской прессы, возможность получить начальное и среднее образование на польском языке [3, l. 1–5].

Кроме того, польское правительство отметило, что в мирном договоре нет некоторых постановлений, в которых именно Польша была бы заинтересована больше всего. Советскому МИД были предоставлены первые замечания, касающиеся проекта, и польское правительство оставило за собой право внести в него некоторые поправки. В основном замечания были высказаны по вопросу материальной компенсации Польше. Польское правительство отметило, что рассматривает материальную компенсацию не как выплату репараций, а как оплату долгов и возвращение государственного и частного имущества, вывезенного в ФРГ, а также выплату индивидуальных компенсаций. Рассматривался вопрос о судоходстве, водных и сухопутных сообщениях, а именно снятие ограничений на передвижения морским и железнодорожным транспортом, преимущества Польши в решении вопросов судоходства.

В июле 1959 г. Министерством обороны ПНР также было принято решение добиваться включения в договор положения о количественном ограничении германских вооруженных сил, а также признания решений Потсдамского соглашения. Наиболее трудным, по мнению польского правительства, было выдвижение требований выплаты компенсаций польским гражданам, вывезенным на принудительные работы в Германию, рассмотрение вопроса ответственности за военные преступления и наказания членов военных и полицейских организаций, ограничения по уходу за могилами немецких солдат, вопрос свободного судоходства Польши по Кильскому каналу, который остался открытым для дальнейшего обсуждения. Таким образом, как отмечало правительство ПНР, мирный договор должен быть сформулирован так, чтобы удовлетворить интересы Польши в отношении ФРГ и не затрагивать отрицательные моменты в отношении ГДР [4, l. 44].

Правительство ПНР выразило готовность участвовать в конференции по подготовке мирного договора и предложило провести ее в Варшаве. В результате 27–28 апреля 1959 г. состоялось совещание министров иностранных дел стран Варшавского договора и КНР, на котором состоялся обмен мнениями в связи с предстоявшими в Женеве переговорами между государствами Востока и Запада, касавшимися Германии, включая мирный договор и берлинский вопрос. Участники заявили, что вопросы о заключении мирного договора с Германией и ликвидации оккупационного режима в Западном Берлине являются наиболее острыми и важными и их положительное решение «поставит на прочную основу дело мира в Европе» [5, с. 432]. Кроме того, отмечалось, что «мирное урегулирование с Германией явилось бы важным шагом вперед по пути к воссоединению Германии на мирной основе» и «воссоединение Германии является внутригерманской

проблемой, которая может быть решена только самими немцами путем сближения и соглашения между ГДР и ФРГ без какого-либо вмешательства извне» [5, с. 433].

Впервые на международное совещание в качестве официальных представителей были приглашены министры иностранных дел ГДР и ФРГ, что означало признание западными державами ГДР де-факто и невозможности решать германский вопрос без представителей этих государств и несостоятельность претензий ФРГ выступать от имени всей Германии. Польша не смогла принять участие в Женевском совещании, но поддержала позицию СССР рассмотреть на нем проект мирного договора с Германией, который предусматривал ее нейтрализацию.

Фиаско конференции министров иностранных дел четырех государств в Женеве активизировало реваншистские силы на территории ФРГ. Об этих событиях в июле 1960 г. упоминалось в ноте правительства ПНР к правительствам стран НАТО, и был поставлен вопрос об их отношении к территориальным претензиям правительства ФРГ к Польше. Правительства стран-участниц НАТО уклонились от занятия определенной позиции в этом вопросе [6, с. 69]. Подчеркивая необходимость решения германского вопроса путем заключения мирного договора с Германией и разумного соглашения по вопросу Западного Берлина, ПНР неоднократно заявляла о своей решимости заключить мирный договор с ГДР, если переговоры с западными державами окажутся безрезультатными [4, l. 44].

В результате 20 января 1960 г. председатель Совета Министров ПНР Ю. Циранкевич созвал межведомственную комиссию (в состав вошли представители министерства финансов, внешней торговли, обороны и др.) по вопросу мирного договора с Германией. Комиссия предусматривала возможность заключения мирного договора как с двумя германскими государствами, так и только с ГДР, была рассмотрена концепция Министерства обороны ПНР количественного и организационного ограничения вооруженных сил Германии, которую, по мнению межведомственной комиссии, следовало представить на рассмотрение СССР.

Однако польские предложения, разработанные межведомственной комиссией, не были представлены ни СССР, ни другим заинтересованным социалистическим государствам. IV Департамент МИД ПНР дважды выносил этот вопрос на рассмотрение. Каждый раз руководство МИД отмечало, что нет подходящей ситуации для представления польских предложений другим государствам [7, l. 51–52]. Дело в том, что СССР не представил польское предложение о внесении изменений в мирный договор другим социалистическим странам, т.к. оно, по мнению советского правительства, не соответствовало уже принятым изменениям. По мнению же польской стороны это могло создать невыгодную ситуацию для Польши во время подписания мирного договора. Посольству ПНР в Москве было предписано в краткие сроки ознакомить МИД СССР с результатами работы межведомственной

комиссии и выяснить позицию советской стороны, чтобы принять решение довести ли эти сведения до остальных государств [8, l. 23–24].

6 июля 1961 г. ГДР внесла новые предложения по вопросу о мирном договоре, отраженные в «германском плане мира». Среди них отказ атомного оружия, всеобщее и полное разоружение, запрещение военной пропаганды, подтверждение существующих границ Германии и гарантия неприкосновенности территории обоих германских государств, признание полного суверенитета и прав немецкого народа на самоопределение, в том числе на воссоединение Германии, право вступления в ООН и другие организации [9, с. 135–136]. Таким образом, предложения ГДР полностью совпадали с советским проектом мирного договора, но были отклонены ФРГ на том основании, что подписав договор, федеральное правительство признавало существование ГДР как суверенного государства.

Правительство ГДР в этом же году повторно обратилось к правительству ФРГ и бундестагу с предложением рассмотреть вопрос о создании конфедерации двух германских государств как реального пути для постепенного воссоединения Германии. «План мира» ГДР предполагал выход германских государств из военных союзов, заключение соглашения о нейтралитете ГДР и ФРГ, расширение внутригерманских отношений в области экономики, торговли, науки, техники, культуры и спорта, подготовка и проведение в Германии всеобщих выборов в общегерманский парламент и формирование общегерманского правительства [10, s. 2]. Однако предложения правительства ГДР каждый раз наталкивались на сопротивление Бонна и в этот раз не были рассмотрены федеральным правительством.

В 1960-е гг. изменились некоторые аспекты отношения Польши к вопросам разделения и объединения двух немецких государств. Так, в 1965 г. в одном из своих выступлений В. Гомулка утверждал, что «объединенное германское государство может возникнуть как мирное государство, демократическое ... Дорогу к такому государству указывает ГДР …» [11, s. 271]. В заявлении правительства ПНР от 29 апреля 1966 г. на ноту правительства ФРГ от 24 марта 1966 г. говорилось, что, не отрицая прав немецкого народа на объединение своей страны, оно может быть эффектом длительного исторического процесса и соглашений обоих немецких государств [12, l. 11]. Таким образом, в 1959–1960 гг. польские правящие круги поддерживали проект ГДР 1957 г. о «немецкой конфедерации», советский план от января 1959 г., требующий мирного договора с двумя немецкими государствами, но их позиция носила противоречивый характер. Вначале польское руководство поддерживает советский проект мирного договора, затем предлагает внести изменения, касающиеся интересов Польши, но не добивается никаких значительных результатов в силу нерешительных действий руководства МИД ПНР.

В августе 1960 г. в Берлине состоялся обмен мнениями между министрами иностранных дел А. Рапацким и Л. Больцем по вопросу об усиленной милитаристской деятельности в Западной Германии. Еще в меморандуме от

18 ноября 1958 г. правительство ГДР представило многочисленные доказательства использования Западного Берлина «западногерманским милитаризмом для вмешательства во внутренние дела ГДР» [13, s. 1]. В сентябре 1961 г. в очередном меморандуме говорилось, что Западный Берлин используется со стороны Западной Германии при поддержке оккупационных властей для разжигания «холодной войны» и для подготовки войны против ГДР, поэтому необходимо установить в Берлине нормальный пограничный режим [14, с. 133].

13 августа 1961 г. правительство ГДР установило строгий контроль на границах с Западным Берлином. Польша поддержала мероприятия ГДР по обеспечению своих границ в Берлине. В. Гомулка в начале августа 1961 г. заявил: «…Стоит ли ждать принятия мер, целью которых является закрытие доступа с территории ГДР в Западный Берлин. Не принять ли уж сегодня решающие меры в этой области». Он считал, что эти меры должны были носить временный характер, но стена задумывалась как постоянный элемент [15, с. 187]. Следовательно, В. Гомулка выступил против «открытой границы между Восточным Берлином и Западным Берлином», но подчеркивал, что стена перестанет существовать с той минуты как будет подписан мирный договор с Германией. Выступления польского руководства были направлены на то, чтобы ослабить опасения польского общества, убедить его в шансах мирного урегулирования берлинского вопроса. Кроме того, чтобы нейтрализовать негативную реакцию поляков на решение восточногерманских властей приводились доводы признания ГДР границы на Одер-Нейсе.

Польское правительство отмечало, что мирное урегулирование западноберлинской проблемы, основывалась на следующих принципах. Во-первых, Польша считала пережитком сохранение оккупационного статуса в Западном Берлине. Во-вторых, западные страны нарушили созданную в Потсдаме систему международных отношений и тем самым потеряли все основания ссылаться на права, вытекающие из нее. В-третьих, проблема Западного Берлина может быть решена путем создания на его территории свободного демилитаризованного города, неприкосновенность которого подтверждали бы заинтересованные государства в согласованной ими форме. В-четвертых, при решении берлинского вопроса должно учитываться суверенное право ГДР, если речь идет о доступе в Западный Берлин [16, s. 129].

Польша в 1962 г. поддержала советское предложение о временном пребывании на территории Западного Берлина иностранных войск под флагом ООН, что, по мнению советского правительства, гарантировало бы населению Западного Берлина развитие общественно-политического строя, отвечавшего их интересам. Однако западноберлинская проблема приобрела новый характер. Польша столкнулась с трудностями в транзите польских товаров в Западный Берлин. ГДР не давала разрешения на перевоз некоторых товаров. В связи с этим Польша вынуждена была их ввозить в ФРГ, а оттуда экспортировать в Западный Берлин, затрачивая дополнительные средства (около 2,5 долл. за тонну). В последующие месяцы и это стало

невозможным, так как федеральное правительство запретило перевоз польских товаров на трассе ФРГ – Западный Берлин. Заключение 9 сентября 1962 г. соглашения ФРГ-ГДР об увеличении поставок товаров из ФРГ в Западный Берлин позволило ежедневно отправлять 14 поездов с западногерманскими товарами [17, l. 184]. Таким образом, отказавшись экспортировать польские товары, правительство ФРГ добилось незначительных уступок со стороны ГДР по вопросу транзита своих товаров в Западный Берлин.

Вторым вопросом, который необходимо было решить в отношениях Западный Берлин – Польша – ГДР, были научно-культурные и молодежные контакты ПНР с Западным Берлином. Как отмечало польское правительство, культурные деятели ПНР не могли принять участие в престижном и конкурентном для столицы ГДР западноберлинском фестивале недели (Berliner Festwochen). С одной стороны, по мнению правительства ПНР, ГДР признавала Западный Берлин свободным городом, с которым все соцстраны могли развивать культурные и экономические отношения, с другой стороны, восточногерманское правительство создавало ограничения для развития этих отношений, выдвигая различные аргументы и условия [17, l. 185]. Таким образом, ГДР не желала допустить развития прямых экономических и культурных отношений с Западным Берлином.

Предпринятая попытка изоляции Западного Берлина отрицательно повлияла на развитие международных отношений. Берлинский кризис продемонстрировал уязвимость геостратегического положения ФРГ, показал необходимость усиления сотрудничества правительства и оппозиции по вопросам политики безопасности и внешней политики. Стал очевидным и отрицательный баланс политики односторонней ориентации ФРГ на Запад, замораживание всякой инициативы, рассчитанной хотя бы на частичное решение спорных проблем. ГДР и ФРГ после 13 августа 1961 г. согласились признать статус-кво на немецкой земле, и с этого момента перспектива объединения Германии еще больше отдалилась. Потерпела фиаско и концепция ГДР мирного решения германского вопроса, а также концепция ФРГ объединения Германии при помощи Запада.

Список использованных источников

1. *Klafkowski, A.* Proekt traktatu pokoju z Niemcami z dnia 10 stycznia 1959 roku // Przegląd Zachodni. – 1962. – Nr. 1. – S. 3–26.

2. *Tomala, M.* Warszawa – Berlin – Bonn (1944–1980) / M. Tomala. – Szczecin: Wyd-wo Glob, 1987. – 399 s.

3. Notatka określająca szczególne zainteresowania Polski w aspekcie traktatu pokojowego z Niemcami // Archiwum Ministerstwa Spraw Zagranicznych (AMSZ). – Z. 26. – W. 16. – T. 99. – L. 1–5.

4. Notatka informacyjna w sprawie prac przygotowawczych do zawarcia traktatu pokojowego z Niemcami // AMS Z. – Z. 23. – W. 14. – T. 165. – L. 44–46.

5. Международные отношения и внешняя политика СССР (1917–1960) / Ф. Г. Зуев [и др.]. – М.: Высш. парт. шк. при ЦК КПСС, 1961. – 608 с.

6. *Томашевский, Д. Г.* Внешняя политика ПНР / Д. Г. Томашевский. – М.: Междунар. отношения, 1963. – 87 с.

7. Notatka, Warszawa, dnia 4 listopada 1960 r. // AMS Z. – Z. 23. – W. 14. – T. 165. – L. 51–52.
8. Notatka,Warszawa, dnia 30.I X. 1961 r. // AMS Z. – Z. 26. – W. 2. – T. 14. – L. 23–24.
9. *Восленский, М. С.* Внешняя политика и партии ФРГ / М. С. Восленский. – М.: ИМО, 1961. – 343 с.
10. Die Aktion Walters Ulbrichta am 31. Dezember 1966 // Neues Deutschland. – 1967. – 1 januar. – S. 2.
11. *Gomulka, W.* O problemie niemieckim. Artykuły i przemowienia / W. Gomulka. – 2 wyd. rozsz. – Warszawa: KiW, 1971. – 449 s.
12. Nota rządu polskiego z 29 kwietnia 1966 r. // AMS Z. – Z. 17. – W. 35. – T. 35. – L. 10–15.
13. Antypolska demonstracja w Berlinie Zachodnim // Trybuna Ludu. – 1968. – 14 marca. – S. 1.
14. *Акопов, Г. М.* Западный Берлин. Проблемы и решения / Г. М. Акопов. – М.: Междунар. отношения, 1974. – 264 с.
15. *Филитов, А. М.* Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение / А. М. Филитов. – М.: Междунар. отношения, 1993. – 240 с.
16. *Skowroński, A.* Polska a problem Niemiec / A. Skowroński. – Warszawa: KiW, 1967. – 311 s.
17. Stosunki bilateralne: sprawy związane z Berlinem Zachodnim // AMS Z. – Z. 26. – W. 5. – T. 42. – L. 184–186.

(Дата подачи: 19.01.2018 г.)

И. М. Грачева
Старший помощник прокурора Брестской области

I. M. Hrachova
Senior Assistant Attorney of Brest Region

УДК 347.963(476)(091)

ИСТОРИОГРАФИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОЙ ПРОКУРАТУРЫ

HISTORIOGRAPHY OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE BELARUSIAN PROSECUTOR'S

Рассмотрены основные этапы историографии органов белорусской прокуратуры, структура исследований по вопросу формирования и деятельности прокуратуры на территории Беларуси в 1922–1991 гг. Описано основное содержание исследований и проанализированы их особенности в зависимости от исторических условий, в которых они проводились. Опубликованные исследования затрагивали вопросы становления прокуратуры в общесоюзном масштабе без учета региональных особенностей республиканских прокуратур. Исследование истории белорусской прокуратуры началось лишь после 1991 г. и строилось на основе изучения выборочных вопросов. На основе собранной информации констатируется необходимость проведения комплексного исследования истории белорусской прокуратуры, без чего невозможно ее дальнейшее оптимальное функционирование.

Ключевые слова: прокуратура; законность; государственные органы; административно-территориальное деление; судебная реформа; историография; надзор; правоохранительные органы; перестройка.

The main stages of the historiography of the prosecutor's offices in the Belarusian lands are considered. The structure of research on the formation and activities of the prosecutor's office in the territory of Belarus from 1922–1991 is considered. The main content of studies is

described and their features are analyzed depending on the historical conditions in which they were conducted. The published studies touched upon the establishment of the prosecutor's office at the all-Union scale without taking into account the regional peculiarities of the republican prosecutor's offices. The study of the history of the Belarusian prosecutor's office began only after 1991 and was built on the basis of studying selective issues. On the basis of the collected information, it is stated that it is necessary to study the history of the Belarusian prosecutor's office in an integrated manner, without which its further optimal functioning is impossible.

Key words: prosecutor's office; legality; state bodies; administrative-territorial division; judicial reform; historiography; supervision; law enforcement agencies; restructuring.

События 1917 г. привели к коренному слому государственной системы Российской империи. Логика институализации новых государственных органов советской власти вскоре потребовала организации такого необходимого для функционирования государства органа, как прокуратура. В советский период развитие прокуратуры прошло достаточно долгий путь эволюции, на который значительное влияние оказали идеологический фактор, военные события, специфика социальной политики БССР и ряд других факторов внешне- и внутреннеполитической ситуации.

И как в период становления советской власти невозможно было организовать эффективную деятельность прокуратуры без учета опыта ее функционирования в Российской империи, так и в современной Республике Беларусь для оптимизации и повышения эффективности работы прокуратуры определе нную роль может сыграть изучение и анализ опыта ее существования в БССР. Это обстоятельство определяет актуальность заявленной темы и ее потенциальную высокую практическую значимость. Поэтому совершенно закономерно, что изучение истории белорусской прокуратуры становится объектом пристального внимания все большего количества исследователей. Безусловно, это связано с возрастанием той роли, которую прокуратура играет в современных условиях. Укрепление авторитета прокуратуры неразрывно связано с развитием нашего государства.

Детальное исследование историографии вопроса позволяет сделать вывод о том, что вопрос становления и развития органов прокуратуры БССР как предмет отельного комплексного исследования не формулировался до последнего времени в отечественной и зарубежных исторических науках. С другой стороны, определенные вопросы исследовались в рамках истории развития и становления советской прокуратуры как исторической дисциплины и в контексте истории государства и права Беларуси как правовой дисциплины.

Активизации исследований по данной тематике способствовало учреждение в 2006 г. печатного издания Генеральной прокуратуры Республики Беларусь «Законность и правопорядок». С первых номеров в журнале стали публиковаться очерки по истории органов прокуратуры.

Уровень развития государственных органов Республики Беларусь подоше л к той фазе, когда глубокий анализ истории этого вопроса является необходимым.

Указанные выше обстоятельства определили основную цель статьи – анализ историографии становления и развития прокуратуры в БССР.

Историографию становления и развития прокуратуры на белорусских землях можно разделить на четыре хронологических периода.

Первый период связан с трудами российских историков Н. В. Муравьева, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, В. И. Веретенникова, А. Д. Градовского, В. М. Грибовского, Ф. В. Благовидова. После присоединения белорусских земель к Российской империи в результате трех разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795 гг.) на территории Витебской, Виленской, Гродненской, Минской, Могилевской губерний была учреждена система органов прокурорского надзора, которая соответствовала аналогичной системе Российской империи. В работах перечисленных выше историков исследуются предпосылки формирования института прокуратуры в связи с включением белорусских земель в систему нового государственного образования. Наиболее подробно историю прокуратуры дореволюционного периода описал прокурор и государственный деятель Российской империи Н. В. Муравьев, который первым в российской историографической науке собрал материал по истории российской прокуратуры и дал анализ возникновения и развития этого государственного института начиная с античного периода [1].

Таким образом, в работах того периода авторы сравнивали реалии деятельности прокуратуры в Российской империи с другими государствами, пытались проводить исторические аналогии используя характерный для того периода развития исторической науки методологический аппарат.

В целом для историков того времени было характерно описывать деятельность прокуратуры как закономерную и органичную часть государственного аппарата Российской империи.

Второй период в историографии изучаемого вопроса ограничен 1917–1941 гг. В этот период происходит становление прокуратуры в рамках системы советского государства и законодательства. Начиная с 1917 г. в советском обществе происходили события, которые привели руководство страны к убеждению о необходимости восстановления института прокуратуры для укрепления законности социалистического общества. В этот период сформировалась нормативно-правовая база, которая закрепила организационные формы прокуратуры. Однако, учитывая нестабильную социально-политическую обстановку, отсутствие четкого административно-территориального деления, а также поочередную, сменявшую одна другую, оккупацию, говорить о формировании на территории Беларуси централизованной структуры органов советской власти до 1920 г. не приходится.

В 1920-х – первой половине 1930-х гг. появились первые исторические исследования о советском суде, прокуратуре и других правоохранительных органах. С учетом происходивших в государстве процессов исследования того периода строились на идеях классового характера и необходимости подчеркнуть отличие советского общества от буржуазного. Вопросы клас-

совой политики и революционной законности подавались в неразрывной связи с описанием роли прокуратуры и суда, выполняющих возложенные на них советским государством задачи. Сами прокуроры и следователи рассматривались лишь как исполнители партийно-классовых задач. Первыми советскими авторами, изучавшими становление суда и прокуратуры, стали П. И. Стучка, Е. Б. Пашуканис, Я. Л. Берман, М. А. Рейснер, И. П. Разумовский. Показательны идеи Я. Л. Бермана, который, исследуя институты советских суда и прокуратуры, сделал акцент на том, что данные органы призваны к охране интересов пролетариата. Он считал допустимым классовые расправы не только судебными, но и административными органами. В данный период не допускалась критика любых органов советской государственной власти. Пролетарский суд позиционировался как самый справедливый и объективный [2].

Со второй половины 1930-х гг. в историографии по исследуемой проблеме стали преобладать труды, в которых вместо восхваления партии, стала активно подчеркиваться личность И. В. Сталина. Его политика стала равнозначна понятиям законность и справедливость. Такие труды публиковались довольно часто. Среди авторов можно назвать таких ученых, как М. Д. Шаргородский, В. П. Ефимочкин, М. П. Кожевников, В. С. Тадевосян, К. П. Горшенин, Д. С. Карев, Н. И. Савицкий и др. [3].

Вместе с тем следует отметить, что в 1920–1941 гг. не появились комлексные исследования, обобщающие и анализирующие проведенную судебную реформу, что отразилось и на отсутствии анализа работы органов прокуратуры. Возможно, это объясняется тем, что проблема еще не перешла из практической плоскости в сферу внимания исторической науки того периода. Кроме того, процесс переустройства правоохранительной системы был достаточно противоречивым, сопровождался сменой кадров по политическим причинам, и его истинные причины были закрыты для широкой общественности. Как отмечали Г. Р. Юнчик, Ю. В. Курьянович, В. В. Романович, «…созданная прокуратура не была самостоятельным независимым органом несмотря на свой правовой статус. Долгое время, а именно до 1933 года она находилась в составе Наркомюста РСФСР или при Верховном Суде СССР, осуществляя надзор за законностью в стране в тесном взаимодействии с судами и органами юстиции» [4, с. 28].

В зарубежных исследованиях советской истории периода 1920–1930-х гг., вопрос развития прокуратуры не исследовался, но исследовался аспект политической истории в истории советского государства. В работах Ю. Хаски, Н. Верта, Д. Боффа, Э. Карра, Ст. Коэна, Р. Конквеста, П. Соломона раскрыты вопросы влияния власти на систему правоохранительных органов, рассматривается деятельность прокуратуры и суда в свете идеологических и политических процессов, происходящих в стране [5]. Авторы дают негативную оценку отсутствию, по их мнению, демократических принципов в системе судоустройства и судопроизводства советской системы.

Третий период в историографии становления и развития органов прокуратуры – 1945–1991 гг. В послевоенное время происходит активное изучение исследуемого вопроса. В определенной мере это можно объяснить своего рода либерализацией политического климата в советском государстве. Расширило предмет изучения истории прокуратуры изучение судоустройства, судопроизводства и систем суда и прокуратуры на юридических факультетах высших учебных заведений. Значительно расширилась источниковая база. Прежде всего, это стало возможным благодаря публикации сборников законов, иных нормативно-правовых документов, в том числе локального характера, которые ранее были закрыты для изучения.

Основное внимание исследователей этого периода концентрировалось на изучении системы и функций суда и прокуратуры, основных принципах их организации и деятельности. Наиболее серьезной работой по истории советского суда того периода является монография М. В. Кожевникова «История советского суда», опубликованная в 1946 г., в которой дан краткий исторический анализ роли суда и прокуратуры [6].

Отдельно в этом периоде историографии следует обозначить время после смерти И. В. Сталина в 1953 г. Запущенные этим событием перемены в восприятии истории в целом, а также в осмыслении развития органов прокуратуры продолжались до конца 90-х гг. В научной литературе роль прокуратуры стала впервые анализироваться вне политической системы общества.

В середине 70-х – начале 80-х гг. появились фундаментальные труды об организации и деятельности органов прокуратуры, среди которых можно выделить работу М. П. Молярова и К.С. Павлищева «На страже закона и законности» 1978 года издания, где авторы раскрыли историю прокурорского надзора, вопросы обучения прокуроров, отразили основные проблемы в их деятельности [7].

Историография прокуратуры стала быстро и активно развиваться во второй половине 80-х гг. в связи с начавшейся широкой публикацией материалов аналитического характера о деятельности прокуратуры. Появились обзоры о принципах профессиональной подготовки прокуроров и кадровой политике [8].

В 1970–1980-е гг. над историей прокуратуры работали такие исследователи как И. М. Гальперина, Г. А. Мурашкина, С. Г. Новикова, В. М. Семенова, С. Г. Березовской, М. Ю. Рагинского, Г. А. Терехова. Заслуга этих авторов состоит в том, что, кроме введения в оборот исторической науки обширного фактологического материала, они дали анализ особенностей взаимодействия государственных органов и общественности в борьбе с преступностью; выделили надзорную роль органов прокуратуры в государственной системе СССР; описали процесс централизации прокурорского надзора и его последствия и т. д. [9; 10].

Нельзя не отметить, что в 1970–1980-х гг. были опубликованы юбилейные издания, так или иначе затрагивающие историю региональных проку-

ратур и представляющие особый интерес для исследователя с точки зрения их самобытности. Фактически данные издания отразили зарождающиеся процессы распада СССР и осознания республиками своей самобытности.

Не отрицая определенной значимости упомянутых изданий советского периода, необходимо отметить, что они отражают историю органов прокуратуры неполно. Находясь под серьезным идеологическим прессом, отечественные авторы идеализировали советское государство и его правоохранительные органы, не освящали вопросы «политизированных» процессов. В итоге природа изменений, произошедших в правоохранительных органах в годы хрущевской «оттепели», не была критично освещена.

Это произошло лишь в годы перестройки, когда популярной стала тема разоблачения сталинизма, в связи с чем исследователи стали активно обращаться к проблемам общественно-политической жизни в СССР, развенчивались идеалы той эпохи. Вместе с тем, разоблачающие исследования затронули тему истории прокуратуры весьма поверхностно лишь в рамках общегосударственных процессов.

Четвертый период историографии прокуратуры связан с событиями 1991 г., разрушившими целостность СССР, и продолжается до настоящего времени.

В научный оборот в этот период была введена огромная масса ранее не доступных архивных источников, в том числе рассекреченных, что позволило немалому количеству российских историков (А. А. Данилов, Р. Г. Пихоя, Е. А. Зубкова и др.) написать в начале 1990-х гг. весьма информативные труды по хрущевскому периоду истории СССР.

Следует также отметить вклад в изучение истории прокуратуры ряда современных авторов-юристов, историков права, политологов, которые исследовали теорию, содержание и функции органов прокуратуры, ее значение в механизме государства, исторические предпосылки и последствия ее реформирования. Это прежде всего А. А. Данилевич, Ю. П. Мартынюк, С. В. Зубков, А. А. Кеник.

Несмотря на многочисленные исследования становления и развития органов прокуратуры, на современном этапе развития общества единое комплексное исследование по истории прокуратуры в БССР отсутствует.

29 января 1993 г. Верховный Совет Республики Беларусь принял первый Закон «О прокуратуре Республики Беларусь», подробно регламентировавший деятельность прокуратуры страны, направленный на успешное выполнение задач по укреплению законности, обеспечению верховенства закона, защиту прав и свобод граждан, законных интересов государства, субъектов хозяйствования, учреждений, организаций, общественных объединений.

С этого периода в Республике Беларусь органами прокуратуры стали издаваться работы, как правило, выходившие к юбилейным датам создания органов прокуратуры. Одно из первых таких изданий – «Органы прокурату-

ры Республики Беларусь 1922–1997» – вышло в 1997 г. под редакцией Генерального прокурора Республики Беларусь О. А. Божелко [11]. Следующим изданием стала работа «Прокуратуре Республики Беларусь 90 лет. Посвящая себя служению закону», составителями которой стали Г. Р. Юнчик, Ю. В. Курьянович, В. В. Романович, А. А. Якимов, Т. Н. Прончак, Н. В. Кудрейко) [4]. В данном издании более детально исследовано становление органов прокуратуры на белорусских землях.

Нельзя не отметить и региональные издания территориальных прокуратур, которые создавались под авторством и редакцией работников органов прокуратуры (О. Н. Дмитрук, В. А. Сироша, С. В. Скарулиса, М. В. Снегиря, О. Я. Пимашкова, А. М. Кузнецовой, В. А. Игнатика и др.).

Отдельно следует выделить труды белорусских ученых, занимавшихся изучением истории становления государства и права Беларуси (И. А. Юхо [12], Т. И. Довнар [13], И. И. Мартинович [14]), которые изучали в своих трудах институт прокуратуры с правовой точки зрения.

Таким образом, на сегодняшний день комплексные исследования, посвященные вопросу истории прокуратуры на белорусских землях, отсутствуют. Обозначенная выше проблема изучалась в двух аспектах: историческом (в рамках истории развития и становления советской прокуратуры) и правовом (в контексте истории государства и права Беларуси), в развитие которой существенный вклад внесли белорусские историки права. Советская историческая наука осуществляла изучение института прокуратуры без учета региональных различий республиканских прокуратур и с учетом заранее поставленных теоретических задач по обоснованию правильности социалистической идеологии.

Вместе с тем развитие органов прокуратуры в независимой Республике Беларусь подошло к той грани, когда эффективное и оптимальное их функционирование без уче та исторического опыта представляется проблематичным. Очевидно, что построение правового демократического общества требует глубокого изучения становления истории институтов государственной власти, особенно прокуратуры, что невозможно без уче та имеющегося исторического опыта.

Список использованных источников

1. *Муравьев, Н. В*. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности / Н. В. Муравьев. – М., 1889. – 552 с.

2. *Берман, Я. Л.* Учение о пролетарской диктатуре и советском праве / Я. Л. Берман. – 2-е изд., стер. – М.; Л.: Госиздат, 1929. – 228 с.

3. *Карев, Д. С*. Советское судоустройство / Д. С. Карев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Госюриздат, 1966. – 312 с.

4. Посвящая себя служению закону и справедливости / сост.: Г. Р. Юнчик, Ю. В. Курьянович, В. В. Романович. – Минск: Друк-С, 2012. – 320 с.

5. *Коэн, С.* Бухарин: политическая биография, 1888–1938 / С. Коэн; пер. с англ. Е. Четвергова, В. Козловского; общ. ред. и послесл. И. Е. Горелова. – 2-е изд. – М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. – 572 с.

6. *Кожевников, М. В.* История советского суда / М. В. Кожевников. – М.: Юрид. изд-во Минюста СССР, 1946. – 376 с.

7. *Моляров, М.* На страже закона и законности / М. Моляров, К. Павлищев. – М., 1978. – 208 с.

8. История советской Прокуратуры в важнейших документах. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952.

9. *Мурашкин, Г. А.* Органы прокуратуры в механизме советского государства / Г. А. Мурашкин. – Киев, 1972. – 178 с.

10. *Рагинский, М.* Деятельность прокуратуры в освобожденных районах / М. Рагинский // Советская юстиция, 1985. – № 9. – С. 32–38.

11. Прокуратура Республики Беларусь, 1922–1997 / сост.: О. А. Божелко, В. М. Валюшко. – Минск: Белфранс, 1997. – 213 с.

12. *Юхо, Я. А.* Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: вучэб. дапам. / Я. А. Юхо. – Мінск: РіВШ БГУ, 2000. – 352 с.

13. *Довнар, Т. И.* Особенности исторической эволюции белорусской государственности / Т. И. Довнар // Теоретико-методологические и конституционные основы развития системы права Республики Беларусь: сб. ст. / Белорус. гос. ун-т. – Минск: Право и экономика, 2011. – С. 14–37.

14. *Мартинович, И. И.* Избранные труды / И. И. Мартинович. – Минск: Ред. журн. «Промышленно-торговое право», 2016. – 560 с.

(Дата подачи: 28.02.2018 г.)

А. А. Денисевич
Республиканский институт высшей школы, Минск

A. A. Denisevich
Republican Institute of Higher School, Minsk

УДК 94 (411)«20»:378.1

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ИСТОРИКОВ ПО ИНТЕГРИРОВАННЫМ МАГИСТЕРСКИМ ПРОГРАММАМ В ШОТЛАНДСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

THE PROFESSIONAL TRAINING OF THE HISTORIAN ON INTEGRATED MASTER'S PROGRAMMS AT THE SCOTTISH UNIVERSITIES AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Статья посвящена профессиональной подготовке историков в интегрированной магистратуре в шотландских университетах в начале XXI века. Описаны особенности интегрированных магистерских исторических программ, шотландская система начисления кредитов, организация академической мобильности студентов-историков.

Ключевые слова: Шотландия; университеты; высшее историческое образование; интегрированная магистратура; модуль; академическая мобильность.

The article devoted to the professional training of the historians in integrated magistracy at the Scottish universities at the beginning of the XXIst century. The features of integrated

historical master's programs, the Scottish credit system, the organization of academic mobility of the student-historians are described.

Key words: Scotland; universities; higher historical education; integrated magistracy; module; academic mobility.

На современном этапе большинство университетов в Великобритании осуществляют подготовку кадров историков по модели «бакалавр – магистр – доктор». Однако в Шотландии есть группа университетов, которая готовит историков по модели «интегрированный магистр – магистр – доктор». Интегрированная программа подготовки магистра (или непрерывная образовательная программа высшего образования) занимает важное место в системе высшего исторического образования в Шотландии. Степень интегрированного магистра в Шотландии соответствует 11 уровню Шотландской рамки кредитов и квалификаций (SCQF) и 6 уровню Европейской рамки квалификаций (EQF) и приравнивается к степени бакалавра в Англии, Северной Ирландии и Уэльсе [4, p. 5; 16].

В чем же преимущество интегрированной программы подготовки магистра в области истории? В такой программе объединены курсы бакалавриата и магистратуры. Обучение является непрерывным. Студент-историк вместо бакалаврской диссертации пишет магистерскую. Выпускник по окончании обучения сразу получает степень магистра. Важно отметить, что выпускники такой программы могут поступить на более продвинутый уровень магистратуры (соответствует 7 уровню EQF) и пройти обучение по исследовательской или обучающей программе подготовки магистра в течение 1–2 лет [4, p. 5].

Подготовка интегрированных магистров в области истории организована шотландскими университетами в соответствии с болонскими рекомендациями. Республика Беларусь присоединилась к Болонскому соглашению в 2015 году. Интеграция в систему Европейского пространства высшего образования – одна из важнейших задач для нашей страны на современном этапе. Изучение особенностей профессиональной подготовки интегрированных магистров в области истории в шотландских университетах представляет большую ценность для реформирования высшего исторического образования в Республике Беларусь.

На начало 2017 года профессиональная подготовка историков по интегрированным магистерским программам была организована в пяти университетах: Абердине, Глазго, Данди, Сент-Эндрюсе и Эдинбурге. Срок обучения составляет 4–5 лет для студентов дневного отделения. По пятилетней программе обучаются только студенты, получающие историческое образование вместе с иностранным языком. Данная программа обязывает студента-историка пройти обязательную зарубежную практику по иностранному языку в течение одного учебного года.

Выпускнику интегрированной магистерской программы присваивается степень «магистр искусств (с отличием)» («Master of Arts (with Honours»).

Следует отметить, что в университете Глазго выпускникам такой программы присваивают степени «магистр искусств (с отличием)» и «магистр искусств (социальные науки) (с отличием)» («Master of Arts (Social Sciences) (with Honours)»).

Интегрированная магистерская программа состоит из обязательных учебных модулей и модулей по выбору студента. Модуль представляет собой учебный курс, рассчитанный обычно на 1 семестр. Учебные модули посвящены шотландской, британской, европейской, американской, африканской и азиатской истории. За изучение учебных модулей и написание магистерской диссертации студенту-историку начисляются зачетные единицы – кредиты. За изучение одного учебного модуля студенту интегрированной магистерской программы может быть начислено от 10 до 30 шотландских кредитов. Важно отметить, что Шотландская система начисления кредитов отличается от Европейской системы перевода и накопления кредитов (ECTS). Так, 2 шотландских кредита приравниваются к 1 европейскому кредиту. Все студенты на последнем курсе пишут магистерскую диссертацию. Объем диссертации составляет от 10 000 до 15 000 слов. Однако в школе истории в Сент-Эндрюсском университете для студентов, обучающихся по специальности «Средневековые исследования», объем диссертации определен от 5000 до 12 000 слов [7]. За написание магистерской диссертации студенту начисляется от 30 до 40 шотландских кредитов. Согласно требованиям интегрированной программы студент обязан каждый год набирать 120 шотландских кредитов (60 европейских) для аттестации. Трудоемкость четырехлетней программы подготовки интегрированного магистра составляет 480 шотландских кредитов (= 240 европейских), трудоемкость пятилетней программы – 540–600 шотландских кредитов (=270–300 европейских).

Анализ содержания интегрированных магистерских программ показал, что каждый исторический департамент (или школа истории) сам определяет в каких хронологических границах изучать историю. В Абердинском университете студентам специальности «История» предлагается изучить учебные курсы в хронологической последовательности от Античности до современности, а студентам остальных исторических специальностей – от Средневековья до наших дней. В университете Данди все студенты-историки, обучающиеся по интегрированной программе, начинают изучение истории с 1500 года. В Сент-Эндрюсе подготовка интегрированного магистра организована в области древней, средневековой, новой, шотландской, ближневосточной истории. Для каждой из данных специальностей применяется своя хронология изучения истории. Студенты одиночной специальности «История» изучают историю в хронологических рамках от Античности до наших дней. Студенты, обучающиеся по специальности «Древняя история», осваивают

только модули, посвященные Античности, а студенты специальностей «Средневековая история», «Средневековые исследования», «Шотландская история», «Исследования Ближнего Востока» проходят обучение по модулям, охватывающим период с 400 г н. э. до современности. Все студенты, обучающиеся в Сент-Эндрюсе по специальности «Новая история», изучают историю в хронологических рамках с 1450 года до наших дней. В Эдинбурге студентам, получающим образование по интегрированной магистерской программе в области социальной и экономической истории, предлагается изучить учебные модули в хронологических рамках с 1450 года до современности. Студенты, обучающиеся в Эдинбургском университете по специальностям «История», «Шотландская история», осваивают учебные курсы, охватывающие период от Средневековья до наших дней, а студенты специальности «Древняя история» – только курсы по древней истории (от бронзового века до конца III века н. э.). В университете Глазго большинство программ подготовки интегрированного магистра в области истории состоят из модулей, охватывающих период от Средневековья до современности. Важно указать, что программы по специальностям «Классическая цивилизация», «Исследования Центральной и Восточной Европы», «Социальная и экономическая история» предполагают изучение истории в другой хронологической последовательности. Так, студенты специальности «Исследования Центральной и Восточной Европы» изучают только курсы, посвященные истории России, СССР и стран Восточной и Центральной Европы в XX веке. Все студенты, обучающиеся по специальности «Классическая цивилизация», изучают только курсы, посвященные истории Древней Греции и Древнего Рима в период с VIII века до н. э. до конца V века н. э. Студенты, получающие образование в области экономической и социальной истории, начинают изучение истории с 1750 года. Таким образом, в пяти шотландских университетах применяется разная хронология изучения истории при обучении студентов по интегрированной магистерской программе.

Представляется интересным рассмотреть структуру программы подготовки интегрированного магистра в области истории. Проанализировав содержание интегрированных магистерских программ в Абердине, Глазго, Данди, Сент-Эндрюсе и Эдинбурге можно сделать вывод о том, что каждый исторический департамент (или школа) предлагает свой перечень обязательных учебных модулей. Как правило, большинство обязательных модулей в программе посвящены изучению определенной исторической эпохи, региона, страны или личности. Однако важное место в программе подготовки интегрированного магистра занимают учебные курсы по историографии, источникам, методике проведения исследования. Как правило, каждая программа содержит от 1 до 4 подобных курсов. Эти учебные модули знакомят студента с предметом

исторической науки, основными направлениями историографии, развивают у студента-историка навыки работы с источниками, написания эссе, рефератов и докладов. В Абердине студенты всех исторических специальностей должны изучить такие обязательные курсы как «Создание истории», «Профессиональные навыки»», «Осмысление истории», «Академическое письмо в богословии, истории и философии». В Сент-Эндрюсе обязательными для изучения в интегрированной магистратуре являются курсы «Запись прошлого» и «Проект в истории». В Эдинбурге студентам, обучающимся по специальностям «История» и «Шотландская история», необходимо овладеть знаниями по учебным курсам «Инструментарий историка», «Введение в историографию», «Навыки и методы в истории».

Каждая интегрированная программа предполагает изучение студентом-историком на последнем курсе обязательного учебного модуля «Специальный предмет». Этот учебный курс посвящен изучению важного исторического события или проблемы. Студенту предоставлено право самому выбрать тему специального предмета. Следует отметить, что в университете Данди студент-историк на последнем курсе обязан сделать выбор между диссертацией и специальным предметом. Если студент выбирает специальный предмет, то он не пишет магистерскую диссертацию [9].

Важной особенностью интегрированной программы является наличие в ней исторических модулей по выбору. Перечень модулей меняется каждый год. Каждый исторический департамент (или школа) сам устанавливает количество учебных модулей по выбору, которые должен изучить студент.

В интегрированных магистерских программах много внимания уделено шотландской истории. Абсолютное большинство программ предлагает студентам для изучения множество тем по самым разным областям шотландской истории. В Абердине студенты-историки, обучающиеся по интегрированной магистерской программе, могут выбрать для изучения учебные модули «Шотландские войны за независимость в 1286–1328 гг.», «Просвещение в Ирландии, Шотландии и Центральной Европе: сравнительная характеристика», в Глазго – модули «Шотландская популярная культура», «Первая шотландская война за независимость», в Данди – модули «Шотландская диаспора в 1700–1945 гг.», «Шотландское нагорье и острова: здравоохранение, политика и общество в 1759–1948 гг.», в Сент-Эндрюсе – модули «Шотландия и Английская Империя в 1070–1500 гг.», «Шотландия, Британия и Империя в 1500–2000 гг.», в Эдинбурге – модули «Темы в шотландской истории с 1560 года», «Просвещение в Шотландии в 1690–1800 гг.». На начало 2017 года подготовка интегрированного магистра в области шотландской истории была организована в четырех университетах: Глазго, Данди, Сент-Эндрюсе и Эдинбурге.

В Глазго шотландская история изучается с 843 года, в Данди – с XVI века, в Сент-Эндрюсе – с 1070 года, в Эдинбурге – с VI века [10–13].

Подготовка интегрированного магистра в области древней истории организована в университетах Глазго, Сент-Эндрюса и Эдинбурга. Основное внимание в программе уделено изучению истории Древней Греции и Древнего Рима. Программа по древней истории предусматривает не только знакомство с литературой, искусством, материальной культурой древних греков и римлян, но и также предлагает студентам-историкам изучить греческий и латинский языки [1–3].

Заслуживает внимания программа подготовки интегрированного магистра в области начального образования и истории, реализуемая в Эдинбургском университете. Данная программа была разработана для повышения профессионального потенциала будущих шотландских учителей. Университет принял решение закрыть данную специальность с 2018 года, поэтому последний набор на специальность был произведен в сентябре 2017 года. Подготовка организована для студентов дневного отделения. Срок подготовки – 4 года. Программа предполагает, что обучающийся изучает историю в хронологических границах от Средневековья до современности. В течение первых двух лет обучения студент каждый год осваивает 4 модуля по образованию и 2 модуля по истории. Студенты первого и второго курса проходят обязательную восьмидневную практику в начальной школе. На третьем курсе студент проходит обязательную практику в школе с августа по июнь и изучает 2 модуля по образованию. На четвертом курсе студенты осваивают 2 модуля по образованию, 2 по истории и двойной модуль, включающий подготовку и написание диссертации. Важно указать, что студент пишет магистерскую диссертацию не по истории, а по теме, посвященной образованию. Студенты, обучающиеся по данной специальности, сами выбирают темы исторических модулей. Студентам предлагают изучить не только модули по истории Британии и Европы, но и курсы по шотландской истории. После защиты диссертации и получения степени магистра искусств в области начального образования и истории, выпускники данной программы (граждане Великобритании и ЕС) проводят 1 год в школе [8].

Основными формами организации учебного процесса по интегрированной магистерской программе являются лекции и семинарские занятия. На первом и втором курсах лекции организуются для большой студенческой аудитории (100–300 человек), семинары – для малых групп (5–7 человек). На третьем и четвертом курсах лекции и семинары проводятся для студенческих групп численностью от 5 до 15 человек. Основными формами контроля знаний студентов по учебным модулям являются курсовая работа, экзамен, эссе, устные презентации.

На современном этапе исторические департаменты и школы истории шотландских университетов много внимания уделяют академической

мобильности обучающихся. Университеты Абердина, Глазго, Данди, Сент-Эндрюса и Эдинбурга осуществляют студенческие обмены по программе Erasmus +.

Все студенты-историки, обучающиеся по интегрированной магистерской программе, могут оформить заявку на обучение в другом европейском университете сроком как на один семестр, так и на целый второй (или третий) учебный год. Основными партнерами шотландских университетов являются: университет Бонна (Германия), Тринити-колледж (Дублин, Ирландия), Копенгагенский университет (Дания), университет Осло (Норвегия), университет Упсала (Швеция), Институт политических исследований (Страсбург, Франция), Лионский университет (Франция). Лиссабонский университет (Португалия), Лейденский университет (Нидерланды). Шотландскими университетами налажены контакты с учреждениями высшего образования в Северной Америке и Азии [14; 15; 18]. Следует указать, что некоторые интегрированные магистерские программы предусматривают обязательные зарубежные стажировки для студентов-историков. В университете Глазго студенты, обучающиеся по специальности «Классическая цивилизация», во время летних каникул после третьего года обучения проводят минимум три недели в Италии и Греции, где посещают археологические памятники и музеи. При этом университет Глазго оказывает студентам-историкам полную финансовую поддержку [2]. В университетах Абердина, Глазго и Сент-Эндрюса студенты-историки, выбравшие в качестве дополнительной специальности иностранный язык, обязаны пройти зарубежную языковую практику продолжительностью 1 год. Как правило, студент проходит практику в качестве ассистента по иностранному языку в школе или проходит обучение, как студент, в университете [5; 6; 17, p. 79, 83, 86, 92].

Таким образом, в начале XXI века профессиональная подготовка интегрированных магистров в области истории организована шотландскими университетами на высоком уровне. Интегрированная магистерская программа включает в себя как обязательные модули, так и модули по выбору студента. Важное место в интегрированных программах отведено истории Шотландии. Студентам большинства исторических специальностей предлагается изучить модули по шотландской истории. Интегрированная магистерская программа предлагает всем студентам-историкам принять участие в студенческих обменах на втором или третьем курсах. Шотландские университеты осуществляют обмены студентами с университетами из Европы, Северной Америки, Азии.

Список использованных источников

1. Ancient History MA (Hons) 2017 [Электронный ресурс] // University of St. Andrews. School of Classics. – Режим доступа: https://www.st-andrews.ac.uk/subjects/ancient-history/ancient-history-ma. – Дата доступа: 19.06.2017.

2. Classics (Classical Civilisation) MA / MA (SocSci) (Hons) [Электронный ресурс] // University of Glasgow. – Режим доступа: http://www.gla.ac.uk /undergraduate/degrees/classics. – Дата доступа: 22.06.2017.

3. Degree Programme Table: Ancient History (MA Hons) [Электронный ресурс] // University of Edinburgh. School of History, Classics and Archaeology. – Режим доступа: http://www.drps.ed.ac.uk/current/dpt/ utanhis.htm. – Дата доступа: 17.06.2017.

4. Education United Kingdom. The British education system described and compared with Dutch system / EP-Nuffic, 2nd edition, December 2010, version 3, January 2015. – 40 p.

5. French and History (5 years) MA (Hons) [Электронный ресурс] // University of Aberdeen. – Режим доступа: https://www.abdn.ac.uk/study/undergraduate/degree-programmes/632/RV11/french-and-history-5-years. – Дата доступа: 15.10.2017.

6. Integrated year abroad [Электронный ресурс] // University of St. Andrews. – Режим доступа: https://www.st-andrews.ac.uk/subjects/study-options/ug /degree-routes/integrated-year-abroad. – Дата доступа: 11.07.2017.

7. Mediaeval Studies MA (Hons) 2017 [Электронный ресурс] // University of St. Andrews. School of History. – Режим доступа: https://www.st-andrews.ac.uk/subjects/history/mediaeval-studies-ma. – Дата доступа: 08.04.2017.

8. Primary Education with History MA (Hons) [Электронный ресурс] // University of Edinburgh. School of History, Classics and Archaeology. – Режим доступа: http://www.ed.ac.uk/education/undergraduate/degree-programmes/primary-educ/history. – Дата доступа: 20.06.2017

9. Research Dissertation [Электронный ресурс] // University of Dundee. School of Humanities. – Режим доступа: https://www.dundee.ac.uk/hum anities/modules/moduledetails/index.php?id=138532. – Дата доступа: 11.05.2017.

10. Scottish History MA / MA (SocSci) (Hons) [Электронный ресурс] // University of Glasgow. – Режим доступа: http://www.gla.ac.uk/undergraduate /degrees/scottishhistory. – Дата доступа: 04.05.2017.

11. Scottish Historical Studies Degree Pathway (2016/17) [Электронный ресурс] // University of Dundee. School of Humanities. – Режим доступа: https://www.dundee.ac.uk/media/dundeewebsite/humanitiesmark2/documents/pathways/history.pdf. – Дата доступа: 19.06.2017

12. Scottish History MA (Hons) 2017 [Электронный ресурс] // University of St. Andrews. School of History. – Режим доступа: https://www.st-andrews.ac.uk/subjects/history/scottish-history-ma. – Дата доступа: 10.04.2017.

13. Scottish History MA (Hons) [Электронный ресурс] // University of Edinburgh. School of History, Classics and Archaeology. – Режим доступа: http://www.ed.ac.uk/history-classics-archaeology/undergraduate/programmes /history/single-honours/scottish. – Дата доступа: 30.04.2017.

14. Studying Abroad in Your Third Year [Электронный ресурс] // University of Glasgow. – Режим доступа: http://www.gla.ac.uk/sc hools/humanities/studentstaff/informationforcurrentstudents/historystudents/currentundergraduates/studyingabroad/#d.en.52342. – Дата доступа: 04.05.2017.

15. Study Abroad opportunities in the School of History [Электронный ресурс] // University of St. Andrews. School of History. – Режим доступа: https://www.st-andrews.ac.uk/history/studyabroad/index.htm. – Дата доступа: 11.04.2017.

16. The Scottish credit and qualifications framework [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.scqf.org.uk/framework-diagram /Framework.htm – Дата доступа: 07.07.2017

17. Undergraduate Prospectus 2018. University of Glasgow / University of Glasgow, February 2017. – 176 p.

18. Undergraduate Study. Studying abroad [Электронный ресурс] // University of Dundee. School of Humanities. – Режим доступа: https://www.dundee.ac.uk/history/prospective/ug/ – Дата доступа: 11.05.2017.

(Дата подачи: 06.12.2017 г.)

Т. В. Долгач
Институт истории НАН Беларуси, Минск

T. Dauhach
Institute of History of NAS of Belarus, Minsk

УДК [325+332.2.021.8](476+474.5)(091)«1861/1903»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГУБЕРНСКИХ ПО КРЕСТЬЯНСКИМ ДЕЛАМ ПРИСУТСТВИЙ ПО РЕАЛИЗАЦИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ (1861–1903 ГГ.)

THE ACTIVITIES OF THE PROVINCIAL ON PEASANT AFFAIRS PRESENCE REALIZATION PEASANT REFORM (1861–1903)

В статье отмечается, что в ходе реализации реформы 1861 г. была создана новая система управления деревней, во главе которой находились губернские по крестьянским делам присутствия. «Положением о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях» определялись функции институций, но в действительности спектр их деятельности был значительно шире. Им приходилось реагировать на все жалобы, споры и недоразумения, которые могли возникать в ходе реализации реформы между всеми участниками аграрных отношений. Деятельность губернских по крестьянским делам присутствий в том числе была направлена на административное сопровождение реформы.

Ключевые слова: аграрная политика; местное управление; отмена крепостного права; Российская империя; губернские по крестьянским делам.

It is noted that during the preparations for the Reform of 1861 the new system of rural governance was being built. In this system the local issues were resolved under the supervision of province offices of peasant affairs. «Provisions for the province and uezd offices of peasant affairs» had assigned the staff and functions of the offices, although the real field of their duties was much broader than the document would suggest. The activities of the provincial presence on country affairs, including focused on administrative reform support.

Key words: Agrarian policy; local government; abolition of serfdom; Russian Empire; provincial offices for peasant affairs.

Реформа 1861 г. повлекла за собой глубокие перемены во всех сферах жизни общества. Изменения коснулись и системы местного управления. Для разбора споров, жалоб и недоразумений, которые могли возникать в ходе реформы, создавались новые органы крестьянского управления – губернские по крестьянским делам присутствия. Проблема деятельности этих учреждений по реализации крестьянской реформы не раз попадала в поле зрения историков, правоведов и общественных деятелей. Особый интерес к этой теме проявился еще в 1861 г. Тогда в периодических изданиях Российской империи развернулась полемика по вопросам отмены крепостного права и деятельности органов местного управления. Выразителем мнения общественности в этой полемике стал М. Е. Салтыков-Щедрин, который сводил деятельность учреждений по крестьянским делам к угнетению крестьян и выбиванию из них повинностей [1].

В советский период исследования были направлены в первую очередь на изучение положения крестьян после реформы. Учреждения по крестьянским делам редко становились самостоятельным предметом научных исследований. Тем не менее, некоторые историки в ходе изучения крестьянского вопроса уделяли внимание также различным институтам власти в деревне. Так, в трудах П. А. Зайончковского проанализирован личный состав губернской администрации [2; 3], в работах В. Г. Чернухи раскрыт вопрос правительственной политики по отношению к мировым посредникам [4]. В целом советские историки внесли значительный вклад в изучение устройства пореформенной деревни. Однако особенностью всех исследований советского периода является отношение к присутствиям по крестьянским делам как к реакционным учреждениям, имевшим сословный характер, а их деятельность, по мнению советских историков, сводилась к защите интересов помещиков в борьбе с крестьянами.

Вопросы деятельности органов местного управления и самоуправления нашли отражение в трудах современных белорусских исследователей. Так, проблеме крестьянского самоуправления после отмены крепостного права посвящен ряд работ С. А. Толмачевой [5–7]. Историк затрагивает взаимоотношения между органами волостного правления, мировыми посредниками и губернскими по крестьянским делам присутствиями, что косвенно отражает некоторые аспекты деятельности местной власти в деревне после отмены крепостного права.

Несмотря на проявленный в последнее время интерес к системе управления пореформенной деревней, пока не получила должного освещения работа административных учреждений по крестьянским делам, а именно губернских по крестьянским делам присутствий – органов, которые находились во главе новой системы управления крестьянами. В их поле зрения попадали все процессы, которые проходили в пореформенной деревне, поэтому особый интерес сегодня представляет изучение деятельности этих учреждений.

В данной статье анализируется деятельность губернских по крестьянским делам присутствий белорусско-литовских губерний по реализации крестьянской реформы. Особое внимание уделено разбору жалоб, споров и недоразумений, которые возникали между участниками аграрных отношений в ходе преобразований.

Губернские по крестьянским делам присутствия приступили к работе сразу после обнародования нового законодательства в виде Временных комиссий [8, с. 74]. Уже накануне реформы был определен состав и структура учреждений по крестьянским делам. Структура Присутствий разрабатывалась с учетом основных направлений их деятельности и в ходе дополнения полномочий институций адаптировалась под новые вызовы [8]. Так, Присутствия состояли из канцелярии и распорядительного, выкупного, люстрационного, чиншевого, продовольственного отделений или столов. В 1867 г. в учреждениях по делам крестьян появилось новое структурное подразделе-

ние – страховое. Все отделения имели непосредственное отношение к деятельности Присутствий, направленной на сопровождение реформы. Например, введением уставных грамот, утверждением планов имений, деревень и крестьянских наделов, контролем над выкупными операциями и взысканием выкупных платежей и ссуд занималось выкупное отделение; геодезическое описание земель, выкупаемых крестьянами из помещичьих имений, осуществляло люстрационное отделение; рассмотрение и реагирование на жалобы, касающиеся затруднений, вызванных исполнением реформы входило в сферу деятельности распорядительного отделения. Все эти вопросы решались в ходе текущей работы Присутствий. Однако были проблемы, которые требовали коллективного обязательного обсуждения на заседаниях губернских по крестьянским делам присутствий. К таким вопросам относились: составление урочных положений, утверждение кандидатур мировых посредников, реализация национальной и конфессиональной политики самодержавия в белорусско-литовских губерниях.

Несмотря на то, что полномочия губернских по крестьянским делам присутствий были четко очерчены в «Положении о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях» от 19 февраля 1861 г., в действительности спектр их обязанностей был значительно шире. С самого начала своей деятельности Присутствиям приходилось разбираться во всех деталях крестьянских дел, определять сроки начала летних и зимних работ в губерниях, а также составлять смету расходов, необходимую для своего собственного содержания и найма частных землемеров.

Уже на первом этапе работы учреждения столкнулись с проблемой недостаточного законодательного сопровождения реформы. Так, при распределении имений на волости возник вопрос о судьбе поиезуитских и ленных имений. Поскольку этот вопрос не регламентировался законодательством, Присутствия в его разрешении обладали определенной самостоятельностью. Например, Виленское губернское по крестьянским делам присутствие журнальным постановлением от 28 марта 1861 г. приняло решение включить эти имения в волости наравне с помещичьими землями [9, л. 16]. Еще одним самостоятельным решением Виленского губернского по крестьянским делам присутствия стало разрешение вопроса о создании волостей в густонаселенных имениях Плятеров в Богине (2000 ревизских душ) и Тизенгаузов в Поставах (4000 ревизских душ). При этом некоторые деревни в этих имениях находились в 35 верстах от дворовых управлений. Волость как низшая единица крестьянского самоуправления создавалась из смежных сельских обществ с численностью населения от 300 до 2000 ревизских душ мужского пола. Наибольшее расстояние отдаленных селений волости от центра управления в среднем не должно было превышать 12 верст. Однако Присутствие, ввиду обстоятельств, приняло решение не дробить имения и не присоединять к ним другие селения [10]. С похожими сложностями на первых этапах деятельности сталкивались и другие Присутствия белорусско-литовских губерний. Это

свидетельствует о недостаточном законодательном сопровождении реформы, повлекшем за собой необходимость функционирования органов, обладавших полномочиями для решении подобных проблем.

Первостепенной своей задачей Присутствия белорусско-литовских губерний считали скорейшее утверждение списка мировых посредников. Предполагалось, что споры и жалобы, которые будут возникать в деревне с самого начала реализации реформы, вызовут затруднения у уездных предводителей дворянства (до назначения мировых посредников следить за ходом реформы в уездах должны были именно они) [11, л. 3]. Исходя из этого, уже с первых дней работы Присутствий чиновники приступили к составлению списка кандидатов на должность мировых посредников. Среди установочных документов, которые описывают функции Присутствий, не было четких указаний о том, как именно должна проходить процедура составления списка кандидатов на должность мировых посредников. Таким образом, в этом вопросе чиновники данных институций могли проявлять определенную самостоятельность. Журналы заседаний учреждений свидетельствуют о разных подходах к процессу составления списков в разных губерниях. Так, чиновники Виленского губернского по крестьянским делам присутствия дожидались созыва уездных депутатских собраний для предварительного обсуждения кандидатов на должность мировых посредников [12, л. 16]. В Минской губернии приступили к составлению списков уже на первом заседании 13 марта 1861 г. [13, л. 2]. Сведения о начале работы в других Присутствиях белорусско-литовских губерний фрагментарны и не позволяют сделать вывод о том, как эта процедура проходила там.

После утверждения списков кандидатов в мировые посредники и после непосредственного включения их в работу губернские по крестьянским делам присутствия взаимодействовали с ними по вопросам реализации реформы. Как вышестоящие органы, они осуществляли контроль над деятельностью мировых посредников, а также выступали в качестве связующего звена между мировыми посредниками и чиновниками Министерства внутренних дел.

На первых этапах реформы главной задачей мировых посредников стало составление уставных грамот – документов, в которых фиксировалось количество земли, предоставляемой крестьянам в постоянное пользование, а также размер повинностей в пользу помещика. Уставные грамоты составлялись отдельно для каждого имения и утверждались в течение двух лет со дня издания Манифеста [13, л. 7]. Разработка образцов уставных грамот для каждой губернии, а также последующее их утверждение ложилось на губернские по крестьянским делам присутствия. Процедура разработки образцов отражала механизм работы губернских по крестьянским делам присутствий и подтверждала коллегиальность в принятии решений: проекты уставной грамоты в каждом Присутствии были напечатаны по количеству членов учреждения и после прочтения и проработки, сотрудники могли высказать свои замечания и рекомендации [14, л. 18].

В ходе реализации реформы губернским по крестьянским делам присутствиям приходилось вникать в процесс формирования и полномочия органов крестьянского самоуправления. Например, в мае 1861 г. в Присутствия поступило циркулярное требование от Министерства внутренних дел ускорить процесс образования сельского и волостного общественного управления [14, л. 22]. Председатели присутствий также настаивали на скорейшем образовании сельских обществ и выборе сельских должностных лиц. Например, в Виленской губернии в тех уездах, для которых проекты распределения селений на волости уже были составлены, предлагалось срочно открывать сельские общества и приступать к избранию сельских должностных лиц, с тем, чтобы они немедленно приступили к своим обязанностям [9, л. 13]. В течение июня 1861 г. были произведены выборы волостных старшин, судей и других должностных лиц, после чего началась деятельность волостных правлений. Губернские по крестьянским делам присутствия должны были разъяснить волостным начальникам их обязанности [15].

Событием, повлиявшим на деятельность администрации в белорусско-литовских губерниях и взаимоотношениях между всеми участниками аграрной сферы, стало восстание 1863 г. Оно в значительной степени отразилось на жизни крестьян, а в результате и на губернских по крестьянским делам присутствиях. В ходе и после восстания произошли изменения не только в кадровом составе учреждений по крестьянским делам, но и в их деятельности. Губернские по крестьянским делам присутствия становились частью механизма реализации национальной и конфессиональной политики самодержавия в белорусско-литовских губерниях. В деревнях из крестьян создавались сторожевые отряды, которым вменялись в обязанность поимка повстанцев и сдача их властям, наблюдение за благонадежностью шляхтичей. Губернские по крестьянским делам присутствия должны были проследить за исполнением крестьянами их новых временных обязанностей. После восстания 1863 г. за содействие волосного правления в поимке повстанцев предусматривались награды для участников крестьянского самоуправления [16]. Так, за усердную службу, примерную деятельность во время мятежа были награждены волостной старшина Берестовской волости Борисовского уезда, старшина Березинской волости Игуменского уезда и старшина Лясковицкой волости Мозырьского уезда [17].

После восстания 1863–1864 гг. стали очевидными особенности губернских по крестьянским делам присутствий белорусско-литовских губерний в сравнении с подобными учреждениями других губерний Российской империи. Начиная с 1863 г. происходили изменения в кадровом составе органов сельского управления региона – в белорусско-литовские губернии на службу были направлены чиновники из центральных регионов Российской империи. Непосредственно губернские по крестьянским делам присутствия не подвергались тотальной замене кадров, поскольку уже в момент формирования институций в их состав в основном вошли чиновники, пользовавшиеся до-

верием правительства. Изменения в кадровом составе коснулись в большей степени нижестоящих органов, – например, института мировых посредников. Это повлияло на деятельность самих губернских по крестьянским делам присутствий и стало важным отличием институций белорусско-литовских губерний от подобных учреждений других регионов Российской империи. Так, если в состав учреждений по крестьянским делам повсеместно входили представители местного дворянства, то в белорусско-литовских губерниях чиновники, управляющие аграрной сферой, назначались правительством и зачастую присылались в регион из центральных регионов империи. Это сказывалось на работе учреждений, так как в таком случае члены присутствий и мировые посредники были мало знакомы с ситуацией в регионе [18, с. 13].

После восстания 1863 г. к вопросам деятельности присутствий добавились обязанности обеспечить служащих уездной и губернской администрации, прибывших из центральных регионов Российской империи всем необходимым. Наиболее очевидно участие губернских по крестьянским делам присутствий в реализации национальной и конфессиональной политики самодержавия в белорусско-литовских губерниях проявлялось через организацию крестьянского самоуправления.

Одной из первостепенных задач губернских по крестьянским делам присутствий стал разбор недоразумений, которые появлялись в ходе реализации реформы. Жалобы, поступавшие чиновникам по крестьянским делам, имели разное содержание: об имуществе, об отказе принять в сельское общество, на незаконное взыскание с крестьян повинностей. Подавляющее большинство жалоб принадлежит крестьянам. Все крестьянские жалобы, поступающие в Присутствия можно разделить на группы:

- об имуществе (о наследстве, инвентаре, лишении земли и т. д.);
- о неправильных взысканиях (о взыскании убытков, повинностей, о невыплате денег);
- об отказе принять крестьянина в сельское общество;
- на сдачу в рекруты;
- на злоупотребления волостных и сельских старшин;
- на невыдачу паспортов.

Так, анализ жалоб крестьян Минской губернии показал, что из 4868 жалоб, которые выявлены в фонде Минского губернского по крестьянским делам присутствия, большинство касается вопросов о неправильных взысканиях средств с крестьян (29 % жалоб); много жалоб посвящено имущественным спорам (16 %). Большое количество жалоб крестьян на сельскую и волостную администрацию (14 %) и на отказы принять их в сельское общество (18 %) показывают, что взаимоотношения волостного правления и крестьян не были однозначными и зачастую требовали дополнительного вмешательства вышестоящих инстанций.

В среде волостного начальства случались злоупотребления властью, пьянство, коррупция. Многие волостные начальники действовали вразрез

с интересами и крестьян, и чиновников по крестьянским делам. Например, мировой посредник 1-го участка Речицкого уезда Минской губернии ставил в известность Присутствие о том, что вследствие нетрезвого поведения и неисполнения своих обязанностей необходимо отстранить от должности волостного старшину Деражицкой волости Александра Шинкаренко, передав при этом управление кандидату на должность волостного старшины Ивану Макарову. Кроме того, как отмечается в документе, волостной старшина агитировал крестьян к самовольным парубкам помещичьего леса [19]. Такие ситуации были не редкостью, поэтому между волостным начальством и вышестоящими институциями возникала ситуация конфронтации. Реакция губернских по крестьянским делам присутствий на подобное поведение не заставила себя ждать. Согласно распоряжению Минского губернского по крестьянским делам присутствия от 10 июля 1862 г., члены волостной администрации за проступки должны подлежать замечаниям, выговорам, денежным штрафам, арестам или удалению от должности [17, л. 13].

Как показывает большинство документов, после отмены крепостного права крестьяне не были готовы исполнять функции самоуправления в деревне. Находившиеся многие столетия в зависимом положении крестьяне, не знали, что такое личная свобода и что такое ответственность. Вся система управления пореформенной деревней во главе с губернскими по крестьянским делам присутствиями была направлена на помощь крестьянам в организации определенной модели крестьянского самоуправления, которая устроила бы и крестьян, и правительство Российской империи.

В советской историографии получило распространение мнение о том, что губернские по крестьянским делам присутствия были проводниками интересов помещиков в деревне. Однако анализ жалоб и прошений, на которые реагировали учреждения, показал, что чаще всего в ходе реализации реформы споры и недоразумения возникали не между крестьянами и помещиками, а именно в среде крестьян. Так, из 200 жалоб, поступивших в распорядительное отделение Минского губернского по крестьянским делам присутствия за период с 1861 по 1863 г., 177 посвящены имущественным и территориальным спорам между крестьянами (рис. 1).

Таким образом, губернские по крестьянским делам присутствия в качестве административного сопровождения реформы занимались введением уставных грамот, утверждением планов имений, деревень и крестьянских наделов, контролем над выкупными операциями и взысканием выкупных платежей и ссуд. В сферу их деятельности входило составление геодезического описания земель, выкупаемых крестьянами из помещичьих имений, рассмотрение и реагирование на жалобы, касающиеся затруднений, вызванных исполнением реформы. К вопросам, которые входили в сферу деятельности присутствий по крестьянским делам, относилось также составление урочных положений, утверждение кандидатур мировых посредников, участие в реализации национальной и конфессиональной политики

самодержавия в белорусско-литовских губерниях, которое в большей степени проявлялось через сотрудничество с органами местного управления и организацию волостного самоуправления. Анализ архивных источников показал, что чаще всего вмешательство во внутренние дела волостных сходов было вызвано стремлением чиновников по делам крестьян навести порядок в деревне. Волостное правление в большинстве случаев показывало свою полную неготовность к ведению самостоятельной деятельности и нуждалось во всесторонней помощи чиновников по крестьянским делам. Содействуя улучшению быта крестьян, а также выполняя распоряжения вышестоящих органов, губернские по крестьянским делам зачастую влияли на волостное правление, тем самым препятствуя развитию крестьянского самоуправления.

Рис. 1. **Жалобы крестьян Минского губернского по крестьянским делам присутствия**

Пореформенное законодательство имело ряд пробелов и недоработок, что часто вызывало недоразумения и споры у участников аграрных отношений и актуализировало необходимость функционирования органов, наделенных полномочиями для безотлагательного разрешения любых проблем. Губернские по крестьянским делам присутствия реагировали на жалобы крестьян на помещиков, мировые съезды, священнослужителей, мировых посредников и других чиновников. Решения Присутствий не всегда удовлетворяли интересы крестьян, но жалобы являлись законным инструментом защиты от произвола в отношении крестьянского сословия.

Список использованных источников

1. *Салтыков-Щедрин, М. Е.* Критика и публицистика 1856–1864. – Т. 5: Газетные статьи / М. Е. Салтыков-Щедрин [Электронный ресурс]. – М., 1966. – Режим доступа: http://rvb.ru/saltykov-shchedrin/tocvol_05.htm. – Дата доступа: 23.01.2018.

2. *Зайончковский, П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. – М.: Мысль, 1978. – 288 с.

3. *Зайончковский, П. А.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. / П. А. Зайончковский. – М., 1958. – 473 с.

4. *Чернуха В. Г.* Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70-е годы XIX в.) / В. Г. Чернуха. – Ленинград: Наука, 1972. – 226 с.

5. *Талмачова, С. А.* Дзейнасць губернскіх па сялянскіх справах прысутнасцяў у Віцебскай, Магілеўскай і Мінскай губернях па рэалізацыі аграрнай палітыкі ўрада (1878–1901 гг.) / С. А. Талмачова // Беларускі гістарычны часопіс. – 2015. – № 11. – С. 29–38.

6. *Талмачова, С. А.* Міравыя пасрэднікі ў сістэме сялянскага самакіравання / С. А. Талмачова // Актуальныя праблемы станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці (Да 90-годдзя ўтварэння БССР): матэрыялы Рэсп. навук.-тэарэт. канф., г. Мінск, 27 лют. 2009 г.: у 2 ч. Ч. 1. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ад старажытнасці да 1918 г. / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка; рэдкал.: А. І. Андарала [і інш.]. – Мінск: БДПУ, 2009. – С. 103–108.

7. *Талмачова, С. А.* Эвалюцыя дзейнасці органаў сялянскага самакіравання (1861–1914 гг.) / С. А. Талмачова // Гісторыя Беларусі перыяду капіталізму: дапаможнік: у 5 ч. Ч. 2. Актуальныя праблемы аграрнай гісторыі / склад. А. П. Жытко [і інш.]; пад агул. рэд. А. П. Жытко. – Мінск: БДПУ, 2007. – С. 5–106.

8. *Долгач, Т. В.* Формирование, состав и функции губернских по крестьянским делам присутствий белоруско-литовских губерний (1861–1903 гг.) / Т. Долгач // Гуманитарно-экономический вестник. – 2016. – Вып. 1–2. – С. 73–78.

9. Lietuvos Valstybes Istorijos Archivas (LVIA). – Ф. 385. – О. 1. – Д. 1.

10. LVIA. – Ф. 385. – О. 1. – Д. 2 «в».

11. LVIA. – Ф. 391. – О. 6. – Д. 15.

12. LVIA. – Ф. 391. – О. 6. – Д. 17.

13. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 242. – О. 1. – Д. 1.

14. НИАБ. – Ф. 242. – О. 1. – Д. 67.

15. НИАБ. – Ф. 242. – О. 1. – Д. 68.

16. НИАБ. – Ф. 242. – О. 1. – Д. 76.

17. НИАБ. – Ф. 242. – О. 1. – Д. 78.

18. *Полевой, Н. К.* Два года, 1864 и 1865, из истории крестьянского дела в Минской губернии / Н. К. Полевой // Русская старина. – 1910. – № 4. – С. 3–25.

19. НИАБ. – Ф. 242. – О. 1. – Д. 127.

(Дата подачи: 27.02.2018 г.)

А. М. Дулаў
Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск

A. M. Dulau
Vitebsk State University Named after P. M. Masherov, Vitebsk

УДК 94(476.5)«18»

ВІЦЕБСК І ВАКОЛІЦЫ Ў ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XIX СТ.: ПА СТАРОНКАХ УСПАМІНАЎ М. МАРКСА

VITEBSK AND ITS SUBURBS IN THE FIRST HALF OF XIX CENTURY: THROUGH THE PAGES OF THE MEMOIRS OF M. MARX

У артыкуле раскрыты інфармацыйны патэнцыял успамінаў М. Маркса «Записки старика» як крыніцы па гісторыі Віцебска і ваколіц у першай палове XIX ст. Аўтар прыйшоў да высновы, што мемуарысту ўдалося зрабіць, здавалася б, фрагментарныя замалёўкі памятнай яму рэчаіснасці, якія, аднак, дазваляюць узнавіць даволі поўную карціну жыцця ў 1820–1840-я гг. Успаміны з'яўляюцца каштоўнай крыніцай звестак пра ўрадавую

палітыку і рэакцыю на яе мясцовых жыхароў, пра канфесійныя працэсы, сацыяльную структуру грамадства, пра насельніцтва Віцебска і яго ваколіц, пра этнаканфесійныя стэрэатыпы, сацыякультурную сітуацыю, штодзённасць.

Ключавыя словы: успаміны; М. Маркс; крыніца; Віцебск; мемуарыст; палітыка; сацыяльная структура; этнаканфесійныя групы.

The article disclosed the information potential of the memories of M. Marx «Записки старика» as a source for the history of Vitebsk and its suburbs in the first half of the XIX century. The author concluded that the memoirist managed to do the seemingly fragmentary sketches of a memorial to him reality, which, however, allow to recreate a fairly complete picture of life in the 1820–1840-ies. Memories are a valuable source of information on government politics and the response of local residents to it, religious processes, the social structure of society, the population of Vitebsk region, ethnic and religious stereotypes, social and cultural situation, everyday life.

Key words: memories; M. Marx; source; Vitebsk; memoirist; politics; social structure; ethnic and religious groups.

Максіміліян Маркс (1816–1893) – удзельнік вызваленчага руху, этнограф і прыродазнавец – пражыў доўгае і насычанае на падзеі жыццё, вынікам асэнсавання якога на схіле гадоў сталі ўспаміны. Рускамоўны іх тэкст пад назвай «Записки старика» напісаны ў 1887–1888 гг. у Енісейску, захоўваецца ў аддзеле рукапісаў Львоўскай нацыянальнай навуковай бібліятэкі імя В. Стэфаніка Нацыянальнай акадэміі навук Украіны (фонд Асалінскіх, № 3454). Крыніца была выяўлена беларускім гісторыкам С. Шчарбаковым яшчэ ў 1960 г. і да гэтага часу цалкам не друкавалася. Невялікі артыкул успамінам М. Маркса як крыніцы гісторыі Беларусі прысвяцілі М. Зайцаў і С. Шчарбакоў [1]. Мову твора даследуе В. Гарнак [2].

Паколькі дзяцінства мемуарыста прайшло ў Віцебску, ён прысвяціў гэтаму перыяду асобную главу свайго твора. Тэкст яе быў надрукаваны віцебскім гісторыкам і краязнаўцай І. Абрамавай у навукова-папулярным часопісе «Віцебскі сшытак» у 1995–1997 гг. [3–5]. У кантэксце развіцця такіх гістарыяграфічных кірункаў, як гістарычная ўрбаністыка, лакальная гісторыя, мікрагісторыя, уяўляецца актуальным даследаванне дадзенай крыніцы.

Мэта артыкула – раскрыць інфармацыйны патэнцыял успамінаў М. Маркса як крыніцы па гісторыі горада Віцебска і яго ваколіц.

Тыпалагічна ўспаміны М. Маркса адносяцца да «мемуараў-“сучасных гісторый”» [гл.: 6, с. 354–357]. Аўтар быў, несумненна, чалавекам назіральным і дасціпным, валодаў вобразным мысленнем, добрай памяццю і дарам літаратара. Відавочна, узяцца за пяро М. Маркса падштурхнула жаданне пакінуць звесткі пра эпоху, пра тых людзей, падзеі і працэсы, сведкам і відавочцам якіх ён быў. У першай главе ўспамінаў выявілася настальгія аўтара па Віцебску часоў яго юнацтва, імкненне захаваць памяць пра яго для будучых пакаленняў: «Где-то разнообразие народностей, сословностей, костюмов, разговорной речи – всё теперь смылось, изгладилось и слилось в какое-то безразличное однообразие. <…> Все это прошло, минуло и никогда не возвратится!» [3, с. 74] Амаль даслоўна апошняя фраза рэфрэнам паўтараецца ў канцы главы [5, с. 147].

Асноўнымі крыніцамі інфармацыі для М. Маркса паслужылі: дзіцячыя ўражанні (ад паніхіды па Т. Касцюшку, наладжанай з дазволу ўлад кандытарам Чаплінскім, былым касінерам; ад «эксперыментаў» айцоў-езуітаў, якімі яны здзіўлялі абываценяў; ад палкавога свята кірасіраў ці кавалергардаў, пераведзеных за нейкія правіны з Пецярбурга ў Віцебск); успаміны часоў юнацтва і маладосці, у тым ліку пра падзеі і здарэнні, удзельнікам якіх быў мемуарыст (пра рэкруцкі яўрэйскі набор; пакупку кантрабаднага тавару ў Шклове; перавод уніятаў у праваслаўе ў в. Лужасна; «цуд» са з'яўленнем ліку Іасафата Кунцэвіча на камені ў раёне Пескаватыка; эпідэмію халеры ў Віцебску і інш.); апавяданні відавочцаў, а таксама чуткі, вулічныя размовы, байкі (пра забойства памешчыка грэка Зараяні сялянкай за тое, што «попсув всех дзевух и опоганив всех дзецюков (мальчиков)»; пра легендарнага памешчыка Астроўскага; «гераічную» гібель паліцэйскага прыстава падчас дэгустацыі спіртнога ў склепе езуіцкага кляштара; экстравагантныя паводзіны доктара Гюбенталя і інш.).

Вядома, не заўсёды пра крыніцу інфармацыі можна меркаваць з усёй пэўнасцю. Да таго ж развітыя сюжэты ўключаюць у сябе звесткі, атрыманыя з розных крыніц (пра смерць ад халеры ў Віцебску вялікага князя Канстанціна Паўлавіча; лёс гімназіста Фёдара Грыбачова). Безумоўна, выбіральнасць памяці, а таксама светапогляд мемуарыста паўплывалі як на адбор ім інфармацыі, так і на характар прыведзеных звестак. Звяртаючыся да аналізу «Записок старика», неабходна памятаць, што, хоць аўтар піша пра падзеі першай паловы XIX ст., з таго часу мінулі дзесяцігоддзі.

Змест «віцебскай» главы ўспамінаў М. Маркса шматпланавы і разнастайны. Найперш мемуарыст характарызуе ўрадавую палітыку і грамадска-палітычную сітуацыю на далучаных да Расійскай імперыі землях. Лаканічна падкрэсліваецца асаблівы прававы статус Беларусі (Віцебскай і Магілёўскай губерняў) і іншых далучаных тэрыторый у перыяд праўлення Аляксандра I: «Царские указы, Литовский Статут и Магдебургское право, при всем их противоречии, совмещались каким-то чудным образом. Гражданское судопроизводство шло по Литовскому Статуту и Магдебургскому праву, и во втором департаменте (гражданской палате) и в ратуше (думе) говорились адвокатами, при стечении публики, обвинительные и защитительные речи, а в первом департаменте (уголовной палате) все решалось по указам и с глубочайшею канцелярскою тайной, легкомысленное нарушение которой вело виновного прямо на восток, за Уральские горы» [3, с. 74]. Кароткая і дакладная характарыстыка дадзена таксама палітыцы ў адукацыйнай сферы [3, с. 74; 4, с. 100, 102].

Аўтар піша, што ў сувязі з паўстаннем 1830–1831 гг. Віцебская губерня была пераведзеная на ваеннае становішча, праз горад пастаянна праходзілі войскі. Салдаты спявалі песні. «Особенно типична была песенка "Идем Польшу разорять", которая начиная со второго стиха вся состояла из непечатной ругани, хотя в ней было 6 или 7 куплетов по шести стихов. Брань и угрозы панам, паням, а более всех несчастным паненкам сыпались градом, с присви-

стом, прищёлкиванием и особенным усилением трескучего звука “рр”. Угрозы же, однако, к чести русских солдат, оставались тогда только угрозами…» [5, с. 138] «В самом Витебске не произошло ничего особенного. Привезли только двух ксендзов и забрили им лбы. <…> Да еще прошла чрез город партия ребятишек, набранных в Царстве Польском в кантонисты…» [5, с. 143]

Намеснік імператара ў Царстве Польскім вялікі князь Канстанцін Паўлавіч разам з жонкай на шляху з Польшчы ў Пецярбург спыніўся ў Віцебску і правёў агляд войскаў. Але знаходжанне яго ў горадзе супала з жахлівай эпідэміяй халеры [5, с. 137–138], якая не пашкадавала і Канстанціна Паўлавіча.

Мемуарыст звяртае ўвагу на разбор шляхты, рэакцыяй на які стала падробка дакументаў на шляхецтва. У выніку многія спадчынныя шляхцічы не змаглі пацвердзіць свой шляхецкі статус з-за адсутнасці неабходных дакументаў і былі залічаны ў аднадворцы. «В подмен их многие мещане (Белохи, Бледухи, Гацюки преобразовавшиеся из Силивурок-Чербышевичей и пр.) сделались дворянами sans reproche» [4, с. 97].

Паказаў М. Маркс і мерапрыемствы па далучэнні ўніяцкай царквы да праваслаўнай, а таксама рэакцыю на гэта насельніцтва. Мемуарыст адзначыў, што «…эта добрая воля единичных пастырей никак не была волею всей паствы» [4, с. 99], успамінаючы пра тое, што яшчэ ў 1860 г. у Смаленск з’язджаліся для гавення Вялікім постам больш за дваццаць уніяцкіх святароў, адміністрацыйна сасланых у Смаленскую губерню.

У доказ сваёй думкі мемуарыст прыводзіць некалькі гісторый. Першая – пра п’яніцу Лебядзеўскага, які выказаў жаданне прыняць праваслаўе (па мясцовым выразе – «перевернуться»), за што атрымаў ад протаіерэя Іаана Рэмезава авансам пяць рублёў. Наступнай раніцай Лебядзеўскі з’явіўся нецвярозым, кульнуўся і сказаў: «Ну теперь мы квиты», – за што быў пакараны і ўсё-ткі ўпісаны «в список сынов церкви» [4, с. 99]. Другая гісторыя – аб масавым «переворачивании» сялян у в. Лужасна непадалёк ад Віцебска, відавочцам якога быў аўтар. Святар завяршыў сваю пропаведзь на царкоўнаславянскай мове выразам: «О вы, агнцы, возвращающиеся на лоно призывающей вас матери вашей – церкви, идите о десную, вы же, козлища, оставающиеся во смрадных гресех своих и во власти сатаны и аггелов его, ступайте о иную». Чыноўнікі і святары сталі тлумачыць сялянам сэнс сказанага. «Толпа заволновалась и устремилась сперва кто вправо, кто влево, но вскоре все слева, как отраженная волна, отбросились обратно и устремились за правыми. Налево в незначительном отдалении стояли два воза с розгами, а при них несколько полицейских сотских и десятских с блестящими бляхами на фуражках, а о десную – две бочки утешительнейшей сивухи! Проповедь возымела полный успех, и обращение совершилось мирно и любовно» [4, с. 99–100]. Гісторыя трэцяя – пра сустрэчу мемуарыста з дзядком-панамаром Свята-Духава жаночага ўніяцкага манастыра, які гараваў пра тое, што яго жонка разам з манашкамі і некалькімі пажылымі

віцяблянкамі адмовілася перайсці ў праваслаўе. За гэта жанчын трымалі пад замком, пераконвалі постам. «Каждую пятницу в воспоминание страданий Спасителя их отечески посекали розгочками» [4, с. 100]. Аўтар робіць выснову, што ўжо ў 1835 г. унія ў Віцебску «…сделалась только преданием».

У сувязі з гэтым М. Маркс апісвае праяву народнай рэлігійнасці: у 1848 г. на вымытым вясновым раўчуком камені на Пескаватыку забабонныя мясцовыя жыхары ўбачылі выяву святога і неразборлівы надпіс. Цікавасць да «цуду» падагравалася ўладальнікам карчмы «Разуваеўка» за Пескаватыкам, памешчыкам Лянкевічам. Навіна распаўсюдзілася далёка за межамі горада, паглядзець на камень прыязджалі цікаўныя, асабліва жанчыны. Адна з віленскіх дам – мадам Міровіч – звярнулася да аўтара з просьбай намаляваць лік святога. Але М. Маркс на камені аблічча не ўбачыў. Узніклі дзве версіі: адны лічылі, што гэта вобраз полацкага архіепіскапа Іасафата Кунцэвіча, забітага ў 1623 г. віцяблянамі за гвалтоўнае насаджэнне ўніі, іншыя – што лік св. Мікалая. Спрэчкі наведвальнікаў «Разуваеўкі» аднойчы перараслі ў бойку. «Произошла настоящая баталия, которую уняла только команда гарнизонных солдат, прибывших из города. Человек с десяток были доставлены в больницу на излечение. Калечества и смертного случая вовсе не было. Поклонников Иосафата, отшлёпавши, отпустили по домам. Это было последнее дыхание унии в Витебске», – з характэрнай іроніяй адзначыў М. Маркс [4, с. 101].

Шэраг кірункаў расійскай палітыкі акрэслены толькі пункцірам: прызначэнне на вышэйшыя пасады рускіх чыноўнікаў, насаджэнне расійскага памешчыцкага землеўладання і ўзмацненне прыгонніцкага гнёту, знаходжанне ў горадзе ваеннага кантынгенту, атмасфера паліцэйскага кантролю і даносаў. Хіба што рэкруцкі яўрэйскі набор паказаны даволі падрабязна [4, с. 95–96].

«Записки старика» ўтрымліваюць характарыстыкі сацыяльных і этнаканфесійных груп насельніцтва Віцебска і ваколіц, у якіх зафіксаваныя іх адметныя рысы, аўтарскае стаўленне, а таксама стэрэатыпы, характэрныя для жыхароў горада. Аўтар піша пра чыноўнікаў, падкрэсліваючы, што вышэйшае чынавенства накіроўвалася з Расіі і доўга ў Віцебску не затрымлівалася. Асабліва каларытнае апісанне дробных чыноўнікаў: «Низшая же, писчая тварь, состояла из разного сброду (кроме евреев), и пользовалась очень некрасивою репутациею. Кличка им была «крючки» и не один порядочный человек в самых крайних обстоятельствах не желал поступить писцом ни в полицейское управление, ни в нижний земский суд» [3, с. 74]. Мемуарыст характарызуе іх як «пропойцев и прощелыг», якіх начальнікі прымушалі «… работать в канцеляриях под караулом, снимая им сапоги с ног, и привязывая за ноги к столам…», а мясцовыя жыхары часцяком пакалочвалі.

У асяроддзі памешчыкаў Маркс умоўна вылучае дзве партыі: польскую і рускую. Пры гэтым ён падкрэслівае лаяльнасць прадстаўнікоў першай і разнастайную этнічную прыналежнасць прадстаўнікоў другой (велікарусы, маларосы, сербы, чэхі, немцы, грэкі), якія, атрымаўшы землі былых каралеўскіх і парадзівілаўскіх маёнткаў, у большасці «…блистали, как гово-

рится, своим отсутствием, редко навещая свои поместья и останавливаясь в городе только проездом» [3, с. 75].

У сюжэце пра «проческу дворянства» (разбор шляхты) Маркс дае характарыстыку дробнай беззямельнай беларускай шляхты, побыт і заняткі якой не адрозніваліся ад сялянскіх. «Между собой говорили все они по-белорусски, только каждый хозяин звался пан, хозяйка – пани, сыновья их были паничи, а дочери – паненки» [4, с. 97].

З вялікім спачуваннем піша мемуарыст аб прыгонных сялянах, пералічваючы іх павіннасці і паказваючы ўладу памешчыкаў. «И бедному крестьянскому люду жутко жилось на свете, совсем для него не белом», – зрабіў выснову аўтар успамінаў [3, с. 75]. У прыватнасці, прыводзіцца прыклад палкоўніка Гурко, які завёў у сваім маёнтку парадкі на ўзор ваенных пасяленняў, што прыводзіла ў захапленне суседніх памешчыкаў, многія з якіх шкадавалі, што не могуць зрабіць таго ж [3, с. 75].

Пішучы пра мяшчанства, аўтар адзначае значную колькасць яўрэяў: ад багатых, якія жылі з азіяцкай раскошай, да беднякоў, што зараблялі дробным гандлем. Маркс падкрэслівае, што ў руках яўрэяў знаходзіўся гандаль спіртнымі напоямі, а таксама сцісла апісвае кагальную сістэму. Беларускіх мяшчан-уніятаў мемуарыст характарызуе як «…народ тёмный и с крайне ограниченным кругозором, послушливый, боязливый, уступчивый, смирный, суеверный, одним словом, ничем не отличавшийся от сельского своего собрата-мужика» [3, с. 76].

Уніяцкія прыходскія святары, як гарадскія, так і сельскія, на думку М. Маркса, адрозніваліся ад простых людзей выключна веданнем трэбніка і абрадаў набажэнства. Толькі манахі-базыльяне мелі высокі ўзровень адукацыі. Мемуарыст параўноўвае ўніяцкіх святароў з праваслаўнымі: «Они (уніяцкія святары – А. Д.) довольствовались хижинкою при церкви и небольшим огородишком при хижинке. Не то было с наехавшими из России священниками. Они стали требовать себе руги полей, лугов и приличных, да и со службами ещё, домов. Морщились помещики, а должны были удовлетворять их требования» [4, с. 102].

Вельмі каларытныя звесткі прыведзены пра стараабраднікаў-беспапоўцаў («філіпонаў», як называлі іх у Віцебску і на землях былой Рэчы Паспалітай наогул). Філіпоны займаліся гандлем і агародніцтвам. «Почти все они имели собственные свои деревянные домики и огороды, а некоторые владели и каменными лучшими в городе домами. Слава об них шла по городу очень нехорошая, и все прочие жители, без различия народностей и вероисповедания, по возможности чуждались их. Церкви своей они не имели, а священников православных избегали и ненавидели. Тёмные и невероятные рассказы об них носились по всему городу» [3, с. 76]. М. Маркс прыводзіць тры такія гісторыі, якія адлюстравалі некаторыя рэаліі, а таксама этнаканфесійныя стэрэатыпы ўспрымання стараверaў: пра смерць старога старавера Кумачова, ад якога нібыта мог нарадзіцца антыхрыст;

аб прачытаным жывапісцам Лохавым лісце сына-старавера бацьку аб разбойніцкім «лесном промысле» ва Уладзімірскай губерні; аб «красивенькой филипонке» Машы, якая выконвала падчас святочных набажэнстваў ролю Багародзіцы [3, с. 76–77].

Поліэтнічнасць і шматмоўнасць насельніцтва Віцебска М. Маркс імкнецца паказаць, уключаючы ў тэкст іншамоўныя ўкрапленні [2, с. 160–161]. Мемуарыст адзначае ўздзеянне на мясцовую моладзь ідэй рамантызму, з яго ўвагай да народнай культуры, узаемапранікненне і ўзаемаўплыў польскай, беларускай і рускай культур. «Мазурки и краковяки сочинялись на польском языке. Вновь же явившиеся русские и даже белорусские песенки (а их было не мало), распевались на готовые уже народные мотивы. Народности мирно сближались. Русские барышни играли на фортепианах краковяки и мазурки, польские панны восхищались «Лучинушкой», любовались «Каринушкой». Солдатских песен только не пел никто, и русская молодежь стыдилась их. Старики, смотря на это, самодовольно улыбались, морщились, но молчали одни только доробковичи (новыя дваране сумніўнага паходжання. – *А. Д.*) – им неприятно было сближение с белорусским народом» [5, с. 143].

М. Маркс стварыў яркія партрэты жыхароў Віцебска розных саслоўяў, этнасаў, чыноў і званняў. На старонках успамінаў згадваюцца як прадстаўнікі шляхты і вышэйшага чынавенства, так і простыя людзі («пьяница и прощелыга» Лебядзеўскі, яго распусніца дачка, кульгавы фактар Янкель). З вялікай цеплынёй аўтар апісвае дабрачынную дзейнасць спадарыні Пестэль. Але найбольш каларытна ахарактарызаваныя доктар Карл Гюбенталь (Гібенталь) і магістр філасофіі Ів.Ів. Вірло.

М. Маркс быў не надта высокага меркавання аб прафесійных якасцях Гюбенталя. Верагодна, антыпатыя мемуарыста была выкліканая эксцэнтрычнымі ўчынкамі апошняга [4, с. 89–90]. Гюбенталь праславіўся сваімі гіпнатычнымі вопытамі і эксперыментамі ў галіне транспланталогіі: «…то обрежет ноги поросенку и пришьет к нему утиные лапы, то обрубит хвост коту с целью прирастить к нему петушиный гребешок…» [4, с. 90] Сучасныя гісторыкі медыцыны, у прыватнасці В. Грыцкевіч, даюць дзейнасці доктара станоўчую ацэнку [7].

Магістр філасофіі Ів.Ів. Вірло, які здымаў кватэру па суседстве з М. Марксам, характарызуецца як асоба вельмі загадкавая: чалавек без сталага занятку жыў нябедна і нават дапамагаў людзям, якія мелі ў гэтым патрэбу. Выйграўшы ў карты ў рэманцёра, які аказаўся пляменнікам генерал-губернатара Хаванскага, і адмовіўшыся вярнуць грошы, Вірло быў сасланы ў Вяземскую губерню, адкуль даслаў Хаванскаму «в знак признательности» пуд цукатных пернікаў з надпісам «сия ковришка вяземская есть». Хутка пасля вяртання ў Віцебск Вірло быў знойдзены пад яслямі для кармлення коней рамізнікаў, што стаялі ля гарадской плошчы, скалечаным. Ён памёр у той жа дзень. Таямніца гэтага чалавека адкрылася М. Маркса, калі ён убачыў масонскія значкі [4, с. 93].

Такім чынам, М. Марксу ўдалося зрабіць фрагментарныя, здавалася б, замалёўкі памятнай яму рэчаіснасці, якія, аднак, дазваляюць узнавіць даволі поўную карціну жыцця ў 1820–1840-я гг. «Записки старика» з'яўляюцца каштоўнай і разнапланавай крыніцай звестак пра ўрадавую палітыку і рэакцыю на яе мясцовых жыхароў, пра канфесійныя працэсы, сацыяльную структуру грамадства, пра насельніцтва Віцебска і яго ваколіц, пра этнаканфесійныя стэрэатыпы, сацыякультурную сітуацыю, штодзённасць.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Зайцаў, М.* Гістарычныя замалёўкі вяцябчаніна / М. Зайцаў, С. Шчарбакоў // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1984. – № 3. – С. 31–32.

2. *Горнак, В. В*. Витеблянин М. Маркс и его «Записки старика» // В. В. Горнак // Белорусское Поозерье: язык и духовная культура / под ред. А. М. Мезенко и А. В. Русецкого. – Минск: Белорус. наука, 2001. – С. 152–164.

3. *Маркс, М.* Записки старика / М. Маркс; текст к печати подготовила И. Абрамова // Віцебскі сшытак. – Віцебск, 1995. – № 1. – С. 74–77.

4. *Маркс, М.* Записки старика / М. Маркс; текст к печати подготовила И. Абрамова // Віцебскі сшытак. – Віцебск, 1996. – № 2. – С. 87–102.

5. *Маркс, М.* Записки старика / М. Маркс; текст к печати подготовила И. Абрамова // Віцебскі сшытак. – Віцебск, 1997. – № 3. – С. 137–147.

6. Источниковедение: учеб. пособие / И. Н. Данилевский [и др.]; отв. ред. М. Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. – 685 с.

7. *Грыцкевіч, В.* Урач Карл Гібенталь / В. Грыцкевіч // Віцебскі сшытак. – Віцебск, 1997. – № 3. – С. 3–16.

(Дата падачы: 28.02.2018 г.)

С. А. Елизаров
Гомельский государственный технический университет
имени П. О. Сухого, Гомель

S. A. Elizarov
Pavel Sukhoi State Technical University of Gomel, Gomel

УДК 94(476)«1930/1931»:352.075.1

РЕОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ССР (1930–1931 ГГ.)

REORGANIZATION OF LOCAL BODIES OF STATE POWER AND ADMINISTRATION OF THE BELARUSSION SSR (1930–1931)

В статье рассмотрены вопросы реорганизации органов местной власти и управления в начальный период осуществления политики форсированного строительства социализма. Создавалась система, позволявшая сконцентрировать управленческие функции

стратегического и тактического характера в союзных органах власти и управления, ограничить сферу самостоятельности нижестоящих управленческих структур, создать механизм, позволявший эффективно проводить решения верховной власти на местах.

Ключевые слова: Белорусская ССР; советская система управления; местные Советы; исполкомы; местные бюджеты.

In the article the questions of reorganization of local government and management bodies are considered in the initial period of realization of politics of a force building of socialism. The system allowing to concentrate administrative functions of strategic and tactical character in allied and government and management bodies was created, to limit the sphere of independence of lower-level administrative structures, create a mechanism allowing effectively to conduct the decisions of sovereignty on places.

Key words: Belarusian SSR; the soviet system of governance; local Soviets; executive committees; local budgets.

В советской парадигме развития всегда (независимо от конкретных условий) исключительно важная роль в построении нового общества отводилась организационному фактору. Вся система власти и управления в СССР находилась в состоянии постоянной трансформации, приспосабливалась к менявшимся властным приоритетам. Очередное кардинальное изменение на рубеже 1920–1930-х гг. тактики реализации стратегической задачи построения коммунистического общества, выразившееся в отказе от нэповских механизмов и актуализации новой редакции прежней, военно-коммунистической мобилизационной, модели, с неизбежностью привело к новой ее перестройке.

В данной статье представлена попытка исследования процессов реорганизации органов местной власти и управления в начальный период осуществления политики форсированного строительства социализма. В современной белорусской историографии эта проблема остается на периферии внимания исследователей, которые первоочередное внимание обращают анализу репрессивного характера массовой коллективизации, а также ее технико-технологической и социальной сторон [см. подробнее: 1].

Для анализа проблемы использованы научные принципы историзма и системности. Принцип историзма предполагает рассмотрение механизма реорганизации местных Советов в контексте общих тенденций политического развития советского общества в 1920–1930-х гг., смены властных приоритетов и моделей социалистического строительства. Системный подход в данной работе реализуется через изучение органов местной власти и управления как элемента системы организации и построения властной вертикали в СССР и БССР.

С конца 1920-х гг. в истории СССР начался новый качественный этап – этап форсированного строительства социализма. Ужесточилась государственная политика по ограничению и вытеснению частника, свертыванию рыночных отношений в пользу государственного централизованного управления обобществленным народным хозяйством. В связи с этим неизбежно меняется и сущность деятельности органов власти – централи-

зованное планирование становится основным методом государственного управления, что повлекло перестройку всей структуры государственного аппарата, системы соподчинения и новое разграничение функций разных его звеньев. Главной задачей органов государственного управления всех уровней становится максимальное выполнение планов индустриализации и массовой коллективизации сельского хозяйства.

Переход к массовой форсированной коллективизации сельского хозяйства прежде всего вызвал значительную корректировку административно-репрессивных функций сельсоветов: в августе 1929 г., в январе-феврале 1930 г. постановлениями ЦИК и СНК БССР расширились «штрафные» права сельсоветов [2, с. 4]. 21 апреля 1930 г. Президиумом ЦИК БССР было утверждено новое Положение о сельских Советах, фактически дублировавшее аналогичное союзное [3; 4]. Главной задачей сельсоветов объявлялось руководство «широко развернувшейся коллективизации сельского хозяйства и связанной с этим ликвидацией кулачества как класса». Новое положение было пронизано духом классовой борьбы: сельсоветам вменялось в обязанности вести борьбу «со всеми искривлениями классовой пролетарской линии», «решительно пресекать и ликвидировать антисоветскую борьбу кулацких и нэпмановских элементов», организовывать «батрацкие, бедняцкие и середняцкие массы для борьбы с кулачеством, добиваясь хозяйственного вытеснения капиталистических элементов».

Вводилась норма, позволявшая вышестоящим органам власти оперативно менять состав сельского Совета в случаях, если он не удовлетворял требованиям нового курса на массовую сплошную коллективизацию. Постановлением райисполкома в случае обнаружения «полной бездеятельности сельсовета или искривления им классовой пролетарской линии» эти Советы могли быть распущены с последующим проведением досрочных перевыборов. Степень такой «бездеятельности» определяло партийно-советское районное руководство исходя не только из общей стратегии форсированного строительства социализма, но и из собственных ее интерпретаций.

Фактически ликвидировался последний институт крестьянского самоуправления – сельский сход. Его место окончательно заняло общее собрание членов сельсоветов, механизм функционирования которого уже полностью контролировался сельсоветовским и районным руководством.

Формально положение давало право сельсоветам рассматривать все вопросы местного значения. В области административной они могли издавать обязательные постановления, привлекать население к трудовой, транспортной и гужевой повинностям, взыскивать штрафы, выдавать удостоверения личности и регистрировать акты гражданского состояния, разрешать или запрещать проведение религиозных процессий и т. д. В сфере сельского и лесного хозяйства вполне предсказуемо главной задачей определялось «социалистическое переустройство сельского хозяйства путем

коллективизации бедняцко-середняцких хозяйств и проведении других кооперативных объединений».

Впервые во всех сельсоветах вводились самостоятельные бюджеты. Из них финансировались расходы на содержание сельсовета, местных учреждений образования и здравоохранения, имуществ и предприятий сельского подчинения, дорог, мостов и переправ местного значения, связь, благоустройство. К традиционным доходным источникам относились неналоговые доходы от имуществ и предприятий местного значения, местные налоги и сборы, отчисления от единого сельскохозяйственного налога (не менее 30 % его поступления) и от государственных доходов (размеры определялись решеним вышестоящих органов), средства самообложения. Дополнительно сельсоветовский бюджет пополнялся поступлениями от колхозов: отчисления и целевые доходы, передаваемые постановлениями колхозов, а также часть средств колхозных фондов улучшения бытовых и культурно-просветительских учреждений.

Уже первые месяцы осуществления массовой форсированной коллективизации в 1930 г. выявили недостатки в работе местных (районных и сельских) органов в деле форсирования колхозного строительства, нехватку подготовленных для выполнения такой задачи кадров. Это привело руководство СССР к идее прямого подчинения местных органов управления (прежде всего районов как «узловых пунктов осуществления директив партии и Советской власти») центру, укрепления низового аппарата работниками, способными эффективно проводить на местах новую партийно-государственную политику в деревне. С этой целью 15 июля 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О ликвидации округов», в котором подчеркивалось: «Во всей работе по ликвидации округов необходимо исходить из основной задачи – максимального приближения партийного, советского, хозяйственно-кооперативного и профсоюзного аппарата к району и деревне» [5, л. 14]. 23 июля 1930 г. данное решение было оформлено Постановлением ЦИК и СНК СССР [6, с. 73–75].

Главным образом ликвидация округов и окружного аппарата управления дала возможность (в финансовом и кадровом отношениях) расширить штаты райисполкомов, которые в реальности уже к концу 1920-х гг. не справлялись с новым объемом возложенных на них задач. С августа 1930 г. впервые в составе каждого райисполкома появляются по четыре отдела (до этого за каждым направлением работы закреплялся один из членов райисполкома): общий (текущая канцелярская работа и документооборот), земельный, финансовый, административный (вопросы охраны общественного порядка: милиция и уголовный розыск), районная РКК–РКИ (на правах отдела).

В штаты райисполкома входили также планово-статистическая часть, инспекторы по коммунальному хозяйству, дорожному строительству, социальному воспитанию, политпросвещению и ликвидации неграмотности,

охране здоровья (он же районный санитарный врач), по труду. В среднем в БССР на один райисполком в 1930 г. приходилось от 36 до 42 штатных единиц [7, л. 38об.].

15 февраля 1931 г. ЦИК и СНК БССР приняли положение о районных съездах Советов и райисполкомах, фактически (как и сельсоветовское) копировавшее аналогичное союзное [8]. Нормы представительства на районный съезд по-прежнему были нацелены на обеспечение в их составе «пролетарского большинства»: один делегат на 500 жителей сельских и местечковых советов, от горсоветов, совхозов (работники которых относились к категории «рабочие») и промышленных предприятий, находившихся за городской чертой, – один на 100 избирателей.

В период между съездами высшим органом советской власти на территории района являлся исполком. Как и ранее, главным в деятельности райисполкомов оставалось «проведение в жизнь законов и распоряжений советской власти». Практические задачи райисполкомов были скорректированы соответственно новым властным приоритетам: «организация рабочих, колхозников, батраков, бедноты и середняцкого крестьянства для выполнения плана индустриализации страны и социалистического переустройства сельского хозяйства на основе коллективизации, кооперирования и строительства советских хозяйств», «неуклонное проведение политики наступления на капиталистические элементы города и деревни и ликвидация кулачества как класса на базе сплошной коллективизации». Расширялись административные возможности райисполкомов. Как указывалось выше, они получили право досрочного роспуска и назначение новых досрочных выборов сельских, местечковых и городских Советов, за ними закреплялось право налагать дисциплинарные взыскания на районных, сельских, местечковых и городских работников согласно действовавшего законодательства.

Специальный раздел посвящался планово-статистической работе райисполкомов. Переход к директивно-плановому развитию общества, составляющему принципиально новую черту советского варианта модернизации, выводил эту сферу деятельности местных органов власти из второразрядных в число приоритетных. На райисполкомы возлагалась обязанность разработки «на основе директив вышестоящих органов власти» планов развития сельского хозяйства «по пути коллективизации», промышленности, других отраслей экономики и социально-культурной сферы района.

Однако говорить о законодательном закреплении декларировавшегося высшими партийными и советскими органами власти СССР значительного расширения сфер ответственности райисполкомов в социально-экономической и культурной областях в связи с ликвидацией округов оснований нет – далее управленческих реорганизаций 1927–1929 гг. дело не пошло. Доказательством может служить сравнение Положения 1931 г. с проектом,

подготовленным ранее применительно к перспективе сохранения окружной системы. Структура Положения 1931 г. фактически повторяет структуру указанного проекта, существенных отличий по функциям районных съездов и исполкомов обнаружить не удалось (кроме их адаптации к условиям массовой форсированной коллективизации) [9, л. 8–25об.].

В Положении 1931 г. закреплялось райисполкомовская структура: четыре отдела (общий, земельный, финансовый, вместо административного отдела – управление милиции и уголовного розыска), планово-статистическая часть, районная РКИ, инструктор по советскому строительству, 8 инспекторов по различным направлениям работы. В районах с развитой местной промышленностью и коммунальным хозяйством разрешалась организация отдела местного хозяйства и дорожного строительства.

Постановлением ЦИК и СНК СССР «О ликвидации округов» райисполкомам передавались права и обязанности окрисполкомов, а также их «материальные средства и культурные силы» для того, чтобы сделать из них «крепкие и близкие к населению органы власти по руководству всей политической, хозяйственной и социально-культурной жизни районов» [6, с. 74].

Фактически же произошел значительный «передел собственности» в пользу центральных органов – в ведение раийисполкомов передавались только предприятия местного значения, а все более-менее крупные предприятия закреплялись «за краевыми (областными) исполнительными комитетами и центральными органами союзных республик» [6, с. 74]. В 1931 г. в БССР из общего объема промышленной продукции в 836 711,5 тыс. р. на местную промышленность пришлось 42 306,9 тыс. р. (5 %), а на «наркоматовскую» – 586 023,7 тыс. р. (70 %), в первом полугодии 1932 г. из 509 388,8 тыс. р. – соответственно 28 490,7 тыс. р. (5,6 %) и 345 042,7 тыс. р. (68 %) (подсчитано по [10]).

К тому же реальное руководство Советами работой местной промышленности также было ограничено. Первоначально в январе 1931 г. для непо-средственного управления предприятиями местной промышленности были созданы районные и городские (в Минске, Витебске и Гомеле) промысловые комбинаты, которые подчинялись райисполкомам и горсоветам. Но уже 3 сентября 1931 г. Постановлением СНК БССР для «планового развития» местной промышленности, подчиненной райисполкомам и горсоветам, создавалось Управление местной промышленности при республиканском ВСНХ, решения которого объявлялись «обязательными для районных комбинатов и предприятий местной промышленности». Управление получило широкие права в области планирования, кадровых назначений, распределения бюджетных ассигнований и банковских кредитов, фондов на топливо, сырья и технического оборудования, регулирования вопросов сбыта продукции и т. п. [11, л. 241, 393–393об.].

В условиях нарастания централизации и жесткой регламентации управления всеми процессами развития советского общества, расширения

сферы государственного регулирования социально-экономическими процессами и ростом объемов этого регулирования прежняя функциональная система построения советского и хозяйственного аппарата управления уже не отвечала новым требованиям форсированного строительства социализма, являясь «нэповским атавизмом». Сама идея перехода к функциональной системе управления (децентрализация управленческих функций, отсутствие специализированных отделов, большая самостоятельность самих работников госаппарата – ответственных исполнителей-инспекторов, целиком отвечавших за порученный участок работы и отчитывавшихся только непосредственно перед руководителем учреждения – председателем исполкома) была вызвана стремлением распространить нэповскую децентрализованную систему на советский и хозяйственный государственный аппараты, дать ему больше самостоятельности в принятии и реализации управленческих решений. Появилась она на самом пике новой экономической политики и стала официальной линией в реорганизации аппарата государственного управления с конца 1927 г. В новых же условиях все большей унификации советской действительности, усиления централизации такая ситуация выглядела нонсенсом и в начала 1930-х гг. выбор в пользу возврата к полноценной отраслевой системе был вполне очевиден. Хотя официально от «функционалки» отказались в 1934 г., но ее ликвидацию на уровне районных органов власти фактически осуществили в 1931 г. В сентябре 1931 г. постановлением ЦИК и СНК СССР разрешалось вместо инспекторов по направлениям работы в составе райисполкомов создавать отделы народного образования, местного хозяйства и дорожного хозяйства. Планово-статистические части райисполкомов преобразовывались в районные плановые комиссии [12, л. 76].

Таким образом, в годы первой пятилетки произошли существенные изменения в структуре и функциях местных органов власти и управления. Если в формально-правовом аспекте фактически основные функции и сельсоветов, и райисполкомов оставались прежними, фактически же произошла их значительная корректировка. Властные структуры искали вариант организации системы управления, которая позволила бы с наибольшей степенью эффективности решать задачи форсированной индустриализации и сплошной коллективизации. Наиболее простым и понятным вариантом стал отказ от проводившейся во второй половине 1920-х гг. линии на реальное расширение функций, прав и финансово-материальных возможностей местных Советов в пользу усиления централизации управленческой деятельности, создания жесткой вертикали власти. Такая система предполагала, во-первых, концентрацию управленческих функций не только стратегического, но и тактического характера в союзных органах власти и управления, сокращение сфер самостоятельности нижестоящих управленческих структур и их первоочередную ориентацию на исполнение указаний сверху, во-вторых, создание механизма, позволяющего наи-

более эффективно проводить решения высшей власти на местах. Ликвидация округов в 1930 г. упростила процесс передачи решений центральных органов по вертикали и проверку их выполнения.

В результате значительного ослабления материальной базы передачей большей части предприятий местной промышленности в ведение республиканских органов район перестает рассматриваться как низовая комплексная экономико-территориальная единица, а предстает как административно-политическое образование, выделенное с учетом ряда экономических соображений местного характера (преимущественно сельскохозяйственных и транспортных). Основными в деятельности местных Советов становятся административные функции, направленные на осуществление задач массовой коллективизации в деревне, усиление оперативности руководства и контроля всеми сторонами жизни населения.

Все это позволило местным властям при ограниченном использовании экономических рычагов с помощью широкого применения административных мер решать поставленные перед ними задачи социалистической реконструкции (прежде всего в деревне) и осуществлять постоянный и жесткий контроль за всеми процессами на местах.

Список использованных источников

1. *Ходзін, С. М.* Беларуская вёска ў міжваенны час: шляхі і формы савецкай мадэрнізацыі (1921–1939) / С. М. Ходзін. – Мінск: БДУ, 2014. – С. 11–39.

2. Матэрыялы да справаздачы Урада Х з'езду Саветаў БССР. – Мінск: Выд. Кіраўн. спраў СНК і Эканам. нарады БССР, 1931. – 249 с.

3. Собрание Законов и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Белорусской Социалистической Советской Республики Белоруссии (СЗ БССР). – 1930 – Отд. 1. – № 23. – Пост. 153.

4. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик (СЗ СССР). – 1930 – № 16. – Ст. 172.

5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 101. – Оп. 1. – Д. 3773. Решения ЦК ВКП(б), ЦИК и СНК СССР, ЦКК КП(б)Б и НК РКИ БССР по вопросам ликвидации округов. 1930 г.

6. Административно-территориальное устройство БССР: справочник: в 2 т. / Гл. арх. упр. при Совете Министров БССР, Ин-т философии и права АН БССР; редкол.: В. А. Круталевич [и др.]. – Минск: Беларусь, 1985–1987. – Т. 1 (1917–1941 гг.) / сост.: Т. А. Воробьева [и др.]. – 1985. – 390 с.

7. НАРБ. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 1932. Протоколы зседаний Президиума ЦИК БССР. 1929-1930.

8. СЗ БССР. – 1930. – № 15. – Пост. 134.

9. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). Ф. 208. – Оп. 1. – Д. 796. Положение о районных съездах Советов, райисполкомах и сельсоветах. 1930–1931 гг.

10. Картотека районов БССР 1932 г. / Кіраўн. нар.-гасп. вучоту БССР; рэд. З. Кацнельсон. – Мінск: Галоўлітбел, 1933 (страницы не пронумерованы).

11. ГАГО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 186. Протоколы заседаний президиума и секретариата ЦИК БССР, СНК БССР 1930–1931 гг.

12. ГАГО. – Ф. 208. – Оп. 1. – Д. 892. Протоколы заседаний ЦИК и СНК БССР. 1931 г.

(Дата подачи: 20.02.2018 г.)

А. У. Ерашэвіч
Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, Мінск

A. Yerashevich
Belarus state economic university, Minsk

УДК [94(476)+338.054.23(476)(091)]«18»

ПРЫЧЫНЫ ГАСПАДАРЧАГА ЗАНЯПАДУ І СПОСАБЫ ПАЛЯПШЭННЯ САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНАГА СТАНУ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ У ТЛУМАЧЭННІ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТАРАЎ (30–50-Я ГГ. XIX СТ.)

THE CAUSES OF ECONOMIC DECLINE AND WAYS TO IMPROVE THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF THE BELARUS PROVINCES IN THE INTERPRETATION OF THE GOVERNORS-GENERAL (30-50TH OF THE XIX CENTURY)

Артыкул прысвечаны праблеме вызначэння прычын і фактараў гаспадарчага заняпаду і спосабаў паляпшэння сацыяльна-эканамічнага становішча Віцебскай і Магілёўскай губерняў у інтэрпрэтацыі генерал-губернатараў беларускага краю ў 30–50-я гг. XIX ст. Вынікі даследавання грунтуюцца на вывучэнні і аналізе малавядомых неапублікаваных дакументаў і матэрыялаў фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі. Асаблівая ўвага нададзена ўмовам і наступствам назапашвання прыватных даўгоў і дзяржаўных нядоімак як у памешчыцкай, так і ў сялянскай гаспадарках. Прааналізаваны меры, прапанаваныя ўрадам для пагашэння недабораў, паказаны магчымыя сродкі паляпшэння плацежаздольнасці насельніцтва. Праз аналіз прапаноў генерал-губернатараў аўтар ахарактарызаваў ключавыя праблемы, якія запавольвалі тэмпы і перашкаджалі стабільнаму сацыяльна-эканамічнаму развіццю Усходняй Беларусі ў 30–50-я гг. XIX ст., абумоўлівалі памяншэнне дабрабыту беларускага краю і яго жыхароў. Прыводзяцца аўтарскія разважанні адносна мэтазгоднасці, магчымасці рэалізацыі і ступені эфектыўнасці антыкрызісных мер, прапанаваных генерал-губернатарамі.

Ключавыя словы: гаспадарчы заняпад; беларускія губерні; генерал-губернатары; сацыяльна-эканамічнае становішча; дзяржаўныя нядоімкі; плацежаздольнасць насельніцтва; эканамічны дабрабыт; антыкрызісныя меры.

The article is devoted to the problem of determining the causes and factors of economic decline and ways to improve the social and economic situation of the Vitebsk and Mogilev provinces in the interpretation of the governors-general of the Belarus edge in the 30–50th of the XIX century. The results of the research are based on the study and analysis of little-known unpublished documents and materials of the National Historical Archive of Belarus. Particular attention is paid to the conditions and consequences of the accumulation of private debts and state arrears both in landowners and peasants. The article analyzes the measures proposed to governments for repayment of shortages, shows possible means to improve the solvency of the population. By analyzing the suggestions of the governors-general, the author has characterised key problems which slowed down the pace and impeded the stable socioeconomic development of Eastern Belarus in the 30–50th of the XIX century, caused a decrease in the welfare of the Belarusian region and its inhabitants. The work contains author's reflections concerning expediency, possibilities of realisation and degree of efficiency of the anti-crisis measures proposed by the governors-general.

Key words: economic decline; the Belarus provinces; governors-general; socio-economic situation; state arrears; solvency of the population; economic welfare; anti-crisis measures.

Цыклічны характар развіцця сучаснай міравой эканомікі і неабходнасць вырашэння мэт і задач па рэалізацыі канцэпцыі ўстойлівага развіцця Рэспублікі Беларусь актуалізуюць неабходнасць выкарыстання гістарычнага вопыту вырашэння сацыяльна-эканамічных праблем мінулага для адэкватнага асэнсавання сучасных працэсаў у эканамічнай сферы, для разумення і прадухілення пагрозаў і выклікаў эканамічнай бяспецы Беларусі.

Адным з першых зацікавіўся прычынамі заняпаду сельскай гаспадаркі Беларусі ў першым трыццацігоддзі XIX ст. І. А. Варанкоў. Савецкі гісторык прыйшоў да высновы, што глыбокі заняпад сельскай гаспадаркі ў Віцебскай і Магілёўскай губернях пачаўся раней, чым у многіх іншых губернях Расійскай імперыі. Да агульных прычынаў крызісу ён адносіў панаванне паншчынна-фальваркавай сістэмы гаспадарання, малаўрадлівасць глебы, а да спецыфічных абставінаў, якія ўзмацнялі эканамічную неўладкаванасць – павелічэнне эксплуатацыі сялян у сувязі з ростам таварна-грашовых адносінаў, надзвычай цяжкія земскія павіннасці і падаткі, пашырэнне вольнага вінакурэння, шырокае распаўсюджванне арэнды, наступствы напалеонаўскіх войнаў, падзенне цэн на прадукты сельскай гаспадаркі ў 20-я гг. XIX ст. Асноўная прычына заняпаду сельскай гаспадаркі заключалася ў панаванні паншчынна-фальваркавай сістэмы і ўзмацненні эксплуатацыі сялян [2, с. 64].

Мэта артыкула – вызначыць прычыны і фактары эканамічнага заняпаду дабрабыту беларускага края і жыхароў Віцебскай і Магілёўскай губерняў у 30–50-я гг. XIX ст., а таксама разгледзіць сродкі паляпшэння сацыяльна-эканамічнага стану беларускіх губерняў на аснове меркаванняў вышэйшых службовых асобаў мясцовай адміністрацыі – генерал-губернатараў. Асаблівая ўвага звернута на прычыны накаплення прыватных даўгоў, дзяржаўных нядоімак у памешчыцкай і сялянскай гаспадарках, на высвятленне ступені эфектыўнасці прапанаваных царскімі саноўнікамі мераў да іх пагашэння, паказе магчымых сродкаў паляпшэння плацежаздольнасці насельніцтва і ўладкавання беларускага краю.

Артыкул базуецца на вывучэнні аўтарам шырокага кола неапублікаваных матэрыялаў з фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі. Нягледзячы на тое, што ў савецкі час у зборніках дакументаў былі апублікаваны асобныя вытрымкі з запісак і справаздач беларускіх генерал-губернатараў і губернатараў Віцебскай і Магілёўскай губерняў за 20–50-я гг. XIX ст. [1; 3; 4], у падобных фрагментарных матэрыялах прысутнічала шмат пропускаў і недакладнасцей, што абумоўлівае неабходнасць праверкі даных архіўнымі першакрыніцамі, іх дапаўненні і ўдакладненні.

Гаспадарчы дэпартамент Міністэрства ўнутраных спраў 5.04.1831 г. ад імя графа А. А. Закрэўскага па запісцы статс-сакратара імператара М. Н. Мураўёва давёў да ведама генерал-губернатара віцебскага, магілёўскага, смаленскага

і мінскага князя М. М. Хаванскага, што Мікалай I звярнуў увагу на цяжкаваты стан беларускіх (Віцебскай і Магілёўскай) губерняў. М. М. Хаванскі загадаў сабраць ад губернатараў падначаленых яму губерняў дакладныя і падрабязныя звесткі аб агульных і прыватных патрэбах і спосабах уладкавання беларускіх губерняў (аб ураджаі ў 1830 г., гандлёвых абаротах, ступені плацяжу падаткаў і выканання павіннасцей, стане саслоуяў), даць уласныя меркаванні аб мерах эфектыўнасці аказанай урадавай дапамогі пасля вайны 1812 г., прычынах заняпаду дабрабыту насельніцтва. Пасля прадстаўлення сабраных даных на разгляд у Камітэт міністраў і Міністэрства фінансаў у заключэнні ён павінен быў сфармуляваць сродкі, неабходныя для паляпшэння сацыяльна-эканамічнага стану краю [6, арк. 1–2].

Прапануючы разнастайныя меры для паляпшэння дабрабыту беларускіх губерняў, генерал-губернатар М. М. Хаванскі ў пачатку 1830-х гг. выдзеліў наступныя прычыны заняпаду дастатку края і памяншэння багацця жыхароў: 1) пастаянныя (неўрадлівая глеба, вынікам чаго былі нізкія ўраджаі; злучэнне паштовых трактаў і іншых дарог, што абумоўлівала цяжкасці з выкананнем натуральных і грашовых земскіх павіннасцей; шэраг натуральных павіннасцей па рамонту паштовых, ваенных і транспартных дарог, даванне фурманак, пешых і інш.; 2) выпадковыя ці часовыя (спусташэнне ад вайны 1812 г.; неўраджаі і голад 1818, 1820, 1821, 1822 гг.; памяншэнне падатнаабавязанага насельніцтва; падзёж з 1825 г. жывёлы [6, арк. 164–169; 5, арк. 48 адв. –50]; цяжар выканання земскай павіннасці (аклады якой у Віцебскай губерні даходзілі да 99 кап., а Магілёўскай – да 97 кап. з душы) [5, арк. 50–50 адв.]. У цэлым генерал-губернатар М. М. Хаванскі вылучыў 13 агульных прычын гаспадарчага заняпаду краю, якія ён адносіў да агульных перадумоў нястачы беларускіх губерняў: 1) разбуральныя наступствы вайны 1812 г.; 2) неўраджаі і голад; 3) змяншэнне падатнага насельніцтва; 4) падзяжы жывёлы (эпізаотыі); 5) абмежаванне магчымасцей замежнага гандлю; 6) высільванне («оскуднение») грашовых капіталаў унутранага гандлю і паўсюднае збядненне насельніцтва; 7) абцяжарванне яго земскімі павіннасцямі; 8) беднасць памешчыцкіх сялян, якія адыходзілі ў іншыя аддаленныя расійскія губерні на заробкі; 9) існаванне ў судаводстве старадаўніх нормаў Статута Вялікага Княства Літоўскага і былых польскіх правоў, па якім у прыватнасці здзяйсняўся разбор даўгавых прэтэнзій, а судовыя справы вяліся па ранейшых польскіх правах фармальным судом ці праз так званыя позвы і актараты); 10) распаўсюджванне арэнды і застаўнога права; 11) асадніцтва яўрэяў у вёсках, якія садзейнічалі распаўсюджванню п'янства сярод сялян; 12) наяўнасць значнай колькасці шматлікай няслужачай шляхты, якая не задавальняла грамадскія патрэбы, паколькі не была абцяжарана ніякай дзяржаўнай службай і павіннасцямі; 13) неабмежаванае права памешчыкаў на вольнае вінакурэнне і танны продаж віна [6, арк. 225–226 адв., 251–252]. Апроч гэтых агульных заўваг і меркаванняў аб фактарах заняпаду гаспадаркі краю і пагаршэння маёмаснага стану жыхароў, князь

М. М. Хаванскі ахарактарызаваў перадумовы ўскладнення ўмоў жыцця асобных саслоўяў. У заключэнні генерал-губернатар прыйшоў да правільнай высновы, што неабходна трывалая аснова для паляпшэння дабрабыту краю, а не толькі меры часовай урадавай дапамогі.

Ужо 27.11.1831 г. князь М. М. Хаванскі накіраваў ў Гаспадарчы дэпартамент Міністэрства ўнутраных спраў да ведама міністра ўнутраных спраў і імператара аналітычную запіску, у якой выдзеліў найбольш складаныя, на яго думку, праблемы, якія ўскладнялі сацыяльна-эканамічнае развіццё беларускіх губерняў, і прапанаваў спосабы паляпшэння дабрабыту насельніцтва. М. М. Хаванскі раіў ажыццявіць наступныя арганізацыйна-фінансавыя меры для паляпшэння плацежаздольнасці жыхароў падначаленага яму края: часова паменшыць аклады падушных падаткаў з сялян і мяшчан, скараціць гільдзейскія зборы, растэрмінаваць сумы нядоімак грашовых спагнанняў, дараваць пені, ліквідаваць прапінацыйнае права памешчыкаў і скасаваць пошліну за права вінакурэння, не дазваляць трымальнікам гарадскіх адкупоў пакупаць віно ў іншых губернях, ураўнаваць памеры натуральных і грашовых земскіх павіннасцей з іншымі губернямі і перакласці іх частку на кошт агульнадзяржаўных выдаткаў, забараніць спусташальны продаж закладзеных у дзяржаўных крэдытных установах памешчыцкіх маёнткаў за несвоечасовы плацёж даўгоў і дазволіць іх перазаклад, заснаваць аддзяленні Камерцыйнага банка, праводзіць рэгулярныя рэвізіі грашовых льгот дзяржаўных падаткаў і павіннасцей і інш., а ў цэлым урэгуляваць правы і абавязкі станаў, парадак і памеры спагнання асабістых і рэчавых павіннасцей [4, с. 326–330; 6, арк. 1–10].

Для паляпшэння дабрабыту беларускіх губерняў царскі ўрад у 1832 г. дараваў напалову спагнанне падаткаў, паменшыў пені, плацёж земскага грашовага збору, дазволіў перазакладваць маёнткі ў Апякунскім савеце з 12 на 24 гады, а з 24-гадовага ў 37-гадовы тэрмін, залічваць так званыя ліквідацыйныя сумы за пастаўкі 1812–1813 гг. для пагашэння нядоімак дзяржаўных падаткаў і земскіх павіннасцей [8, арк. 17 адв. –18 адв.].

Нягледзячы на заклапочанасць урада, працэс падзення плацёжаздольнасці падатнага насельніцтва і накаплення хранічных нядоімак працягваўся. Па ступені штогоднай нядоімкавасці (у працэнтах да акладу на рэвізскую душу) у 40-я гг. XIX ст. у памешчыцкай і дзяржаўнай вёсках Віцебская губерня займала першае, а Магілёўская – другое месца з ліку 47–48 губерняў Расійскай імперыі. Сярод гарадскіх станаў па ўзроўні запазычанасцей Магілёўская губерня высунулася на першае, а Віцебская – на другое месца сярод 49 губерняў Расійскай імперыі [9].

У 1854 г. у чарговы раз Камітэт міністраў прызнаў, што для паляпшэння сацыяльна-эканамічнага стану беларускіх губерняў патрэбны не прыватныя ці нейкія часовыя меры, а карэнныя пераўтварэнні і ўдасканаленні, якія павінны былі абмежаваць сельскае насельніцтва ад сваволу і прыгнёту землеўладальнікаў і часовых трымальнікаў маёнткаў [7, арк. 3]. У пачатку

1854 г. беларускі генерал-губернатар, генерал-ад'ютант П. М. Ігнацьеў падаў дакладную запіску імператару наконт эканамічнага ўладкавання Віцебскай і Магілёўскай губерняў. Ён падкрэсліў, што існуючыя нядоімкі падаткаў і збораў перавышаюць каштоўнасць памешчыцкіх маёнткаў. Сапраўды, казённы доўг Віцебскай і Магілёўскай губерняў дасягаў 41 416 888 руб. серабром (больш 145 млн руб. асігнацыямі), у тым ліку на памешчыцкіх маёнтках лічылася 33 792 473 руб. серабром (больш 118 млн руб. асігнацыямі), ці ў сярэднім па 86,22 руб. серабром (больш 300 руб. асігнацыямі) на кожную душу, а ў некаторых маёнтках нават больш за 150 руб. серабром на душу [7, арк. 7 адв.]. Нягледзячы на тое, што большая частка нядоімак была растэрмінавана на 20 год, аднак выплата і 1/20 часткі нядоімак пры штогодных бягучых плацяжах пераўзыходзіла сродкі ўладальнікаў [7, арк. 8]. Даўгавы капітал Віцебскай і Магілёўскай губерняў, за выключэннем банкаўскіх даўгоў, з 1848 да 1853 г. павялічыўся на 6 784 795 руб., ці на 48 %, а калі да яго далучыць пратэрмінаваныя працэнты па банкаўскіх пазыках і дараваныя сумы па розных выпадках, сума запазычанасцей даходзіла да 11 743 634 руб., ці ў сярэднім складала 2 350 000 руб. серабром штогодных плацяжоў. Традыцыйныя меры ўздзеяння на неплацельшчыкаў шляхам прызначэння ў маёнткі апекуноў і іх продаж з публічных таргоў былі немагчымыя: мясцовых сродкаў было недастаткова для вопісу, ацэнкі і кіравання шматлікімі маёнткамі, апякунамі прызначаць было няма каго, а паступленне ў продаж значнай колькасці маёнткаў канчаткова б панізіла іх каштоўнасць. Адным словам, гэтым спосабам нельга было вярнуць казённыя даўгі [7, арк. 8 адв. –9].

У дакладзе ад 20.01.1855 г. імператару генерал-губернатар П. М. Ігнацьеў паспрабаваў вытлумачыць прычыны накаплення казённых нядоімак і даўгоў, якія абцяжарвалі ўсе памешчыцкія маёнткі ў Віцебскай і Магілёўскай губернях. Нават пры спрыяльных абставінах з даўняга часу большая частка памешчыцкіх маёнткаў не выплочвала цалкам падаткаў і нядоімак. Спагнанне іх звычайнымі сродкамі праз продаж рухомасці і шляхам здачы маёнткаў у апеку не прыносіла належных вынікаў. П. М. Ігнацьеў прапанаваў Міністэрству ўнутраных спраў устанавіць апошнюю мяжу нядоімкі ў памеры поўнага двухгадовага плацяжу падаткаў у агульнай іх сукупнасці з дадаткам да гэтай сумы наступнай за два гады па растэрміноўцы нядоімкі, г. зн. 1/10 часткі з агульнай даўгавой растэрміноўкай сумы. Аднак адначасовае паступленне многіх памешчыцкіх маёнткаў у продаж выклікае цяжкасці, паколькі будзе недастаткова мясцовых сродкаў для іх вопісу і ацэнкі, а шматлікія маёнткі не знойдуць у дастатковай колькасці пакупнікоў. Таму неабходна прызначаць у законны продаж маёнткі самых злосных неплацежаздольных памешчыкаў у апошнюю чаргу перад іншымі, якія мелі больш сродкаў для ўплаты падаткаў і нядоімак. Урадлівасць глебы наўпрост залежыла ад угнаенняў, аднак узмацненню і паляпшэнню жывёлагадоўлі перашкаджалі беднасць кармавой базы, штогодныя падзяжы жывёлы і асабліва суцэльны недахоп капіталаў. Таму належыла прыцягнуць у край недастатковыя ў ім капіталы для развіцця сельскай гаспадаркі

і прамысловасці. Адным з надзейных сродкаў для паляпшэння дабрабыту краю было б увядзенне такой часовай і выключнай меры, як даванне ганаровым грамадзянам праваслаўнага веравызвання права набываць нерухомыя дваранскія маёнткі ў Віцебскай губерні на пасесійным праве для заснавання там фабрык і заводаў памерам не менш за 100 душ і тысячы дзесяцін зямлі. Гэтая мера, на думку генерал-губернатара, павялічыць колькасць пакупнікоў пры продажы за нядоімкі памешчыцкіх маёнткаў, падтрымае іх каштоўнасць і, акрамя несумненных матэрыяльных карысцей, будзе садзейнічаць у далейшым перавазе сярод землеўласнікаў «рускага элемента». Іншым спосабам прадухілення казённых стратаў з мэтай спагнання нядоімак і для паляпшэння дабрабыту саміх памешчыцкіх сялян было паступленне прыватных маёнткаў у казённае ведамства па цэнах на публічных таргах. Імператарскі намеснік звярнуў увагу, што пастаяннае дамагальніцтва ўрадавых льгот і дапамогі перарасло ў звычку, якую «выкараніць можа толькі час» [3, с. 125, 126, 127].

Такім чынам, наступствы напалеонаўскіх войнаў, неўраджаі і выкліканы імі голад з далучэннем абавязку памешчыкаў карміць сваіх сялян, хістанні цэнаў і іх упадак на галоўныя земляробчыя культуры ў беларускіх губернях у другой палове 1820-х гг. прывялі да таго, што землеўладальнікі пазычылі грошы ў дзяржаўных крэдытных установах пад заклад уласных нерухомых маёнткаў і сталі неаплатнымі даўжнікамі, паколькі выплаты штогодных працэнтаў па крэдытам і падаткаў за ўласных сялян былі часам больш земляробчых даходаў. Памешчыкі, выконваючы патэрналісцкую функцыю ў адносінах да ўласных сялян, выплочвалі не толькі працэнты і пагашалі сумы пазычанага капіталу па прыватных і дзяржаўных даўгах, але былі вымушаны карміць сялян у час частых няўродаў і выплочваць за іх казённыя падаткі і зборы земскіх павіннасцяў. Недахоп абаротных капіталаў перашкаджаў землеўладальнікам, асабліва дробным і сярэднім, арганізоўваць новыя галіны памешчыцкай прадпрымальніцкай дзейнасці ў вёсцы з выкарыстаннем вольнанаёмнай працы, рабіў немагчымым істотнае ўдасканаленне земляробчай вытворчасці. Нізкія цэны на сельскагаспадарчыя тавары залежалі пераважна не ад колькасці прадуктаў, а ад недахопу пакупнікоў і канкурэнцыі суседніх губерняў, якія маглі збываць хлеб па больш танным цэнам. Такім чынам, з беларускіх губерняў вывозіўся капітал. Настойлівыя патрабаванні ўрада да неадкладнага ўзносу бягучых падаткаў у поўным аб'ёме і ў вызначаны законам тэрмін і пагашэння цалкам нядоімак яшчэ больш паніжалі б цэны на зерневыя, паколькі неабходна было атрымаць у кароткі час шмат грашовых сродкаў для выканання грашовых дзяржаўных абавязацельстваў. Іпатэка памешчыцкіх маёнткаў, якія выключаліся з камерцыйнага абароту, рабіла дзяржаву гарантам непарушнасці пераважна буйнога землеўладання, і такім чынам казна ўскосна абмяжоўвала развіццё прыватнапамешчыцкай гаспадаркі і замаруджвала фарміраванне свабоднага зямельнага рынку і мабілізацыю зямлі. Рэзкае і істотнае памяншэнне выплат працэнтаў па пазыках азначала і памяншэнне ўзнагод ўкладчыкам,

магло спыніць прыток у дзяржаўныя крэдытныя ўстановы капіталаў, частка якіх выкарыстоўвалася ў выглядзе пазыкаў для задавальнення экстраных дзяржаўных выдаткаў.

У цэлым, патрабаванні ўраду памешчыкаў беларускіх губерняў базаваліся на агульным прынцыпе магчымага аслаблення дзяржаўнага ўмяшчальніцтва ў маёмасныя справы дваранскай карпарацыі, пашырэнні прыватнаўласніцкай ініцыятывы і заключаліся ў ажыццяўленні мераў, неабходных для паляпшэння эканамічнага і маёмасна-фінансавага стану памешчыцкай і сялянскай гаспадарак (павелічэнне цэн, памяншэнне выплат працэнтаў і павелічэнне тэрмінаў звароту пазыкаў у крэдытныя ўстановы, скарачэнне акладаў і растэміноўка плацяжоў падаткаў і збораў, перавод часткі збораў з грашовай у натуральную форму, палягчэнне дзяржаўных сялянскіх павіннасцей). Знамянальна, што ў гэтых прапановах нічога не згадвалася аб абмежаванні ці ліквідацыі інстытута прыгоннага права. У тых умовах захаванне аб'ёмаў збораў і адноснай таннасці асноўных земляробчых культур пры тэмпах росту сельскага насельніцтва здзяйснялася шляхам узмацнення вотчыннай улады памешчыкаў над сялянамі, кансервацыі сацыяльных адносін і аховы ў нерарушнасці асноваў існуючага сацыяльнага ладу. Канешне, вызваленне сялян ад прыгоннай залежнасці было неабходным, але ў той час не было магчымым. Для найму рабочых і выкарыстання вольнанаёмнай працы патрабаваліся значныя грашовыя капіталы, а пры адносна нізкіх цэнах на сельскагаспадарчую прадукцыю памешчыкам была патрэбна дармавая праца сялян.

Аналіз эканамічна-фінансавага стану сельскай гаспадаркі дазволіў генерал-губернатарам абагульніць у аналітычных запісках патрабаванні дваран і мясцовых улад, выдзеліць прычыны заняпаду дабрабыту беларускага краю і яго жыхароў, сфармуляваць праблемы і прапанаваць сродкі для ўладкавання і паляпшэння сацыяльна-эканамічнага стану падначаленых ім губерняў. Зборныя з месцаў і абагуленыя царскімі адміністратарамі звесткі адлюстроўвалі настроі, надзеі, патрабаванні, прэтэнзіі і дамагальніцтвы мясцовай дваранскай карпарацыі, якія знаходзілі агульнае спачуванне і падтрымку большай часткі вышэйшага саслоўя беларускіх губерняў. Характэрна, што генерал-губернатары беларускіх губерняў прызналі, што для павелічэння плацежаздольнасці насельніцтва былі патрэбны не прыватныя ці нейкія часовыя меры ўрадавай дапамогі і падтрымкі, а карэнныя пераўтварэнні і ўдасканаленні, але без істотных зменаў асноў існуючай сацыяльна-гаспадарчай сістэмы.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Белоруссия в эпоху феодализма: сб. документов и материалов: в 4 т. / Ин-т истории АН БССР, Арх. упр. при Совете Министров БССР. – Минск: Изд-во акад. наук БССР, 1959–1979. – Т. 3: Воссоединение Белоруссии с Россией и её экономическое развитие в конце XVIII – первой половине XIX века (1772–1860) / сост.: В. В. Чепко, В. В. Шатилло. – 1961. – 626 с.

2. *Воронков, И. А.* К вопросу об упадке сельского хозяйства Белоруссии в первом тридцатилетии XIX века / И. А. Воронков // Вестник Московского государственного университета. Историко-филологическая серия. – 1959. – № 4. – С. 41–64.

3. Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі: у 4 т. / Акад. навук БССР, Ін-т гісторыі; пад рэд. Н. М. Нікольскага [і інш.]. – Мінск: Выд-ва Акад. навук БССР, 1940. – Т. 2: (1772–1903 гг.). – 938 с.

4. Матэрыялы да гісторыі мануфактуры Беларусі ў часы распада феадалізма: у 2 ч. – Менск: Выд. Бел. АН, 1934–1935. – № 2: Статыстыка 1841–1864 і ўрадавыя мерапрыемствы 1793–1861 / прадм. В. К. Шчарбакова. – 1935. – XXIII, 380 с.

5. НГАБ. – Ф. 1297. – Воп. 1. – Спр. 4723.

6. НГАБ. – Ф. 1297. – Воп. 1. – Спр. 5952.

7. НГАБ. – Ф. 1297. – Воп. 1. – Спр. 24643.

8. НГАБ. – Ф. 2001. – Воп. 1. – Спр.128.

9. *Неупокоев, В. И.* Государственные повинности крестьян в России в середине XIX века / В. И. Неупокоев // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 г. – Таллин: Изд. АН Эстонской ССР, 1971. Приложения. Таб. № 4, 5, 6.

(Дата падачы: 26.02.2018 г.)

Ю. Г. Ермак
Гродненский государственный университет имени Я. Купалы, Гродно

Y. Yarmak
Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno

УДК 26-8(476)«18-19»

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ЖЕНЩИН ИУДЕЙСКОГО ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

TO A QUESTION OF THE PARTICIPATION OF JEWISH WOMEN IN POLITICAL MOVEMENT IN THE TERRITORY OF BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

В статье раскрываются особенности участия женщин иудейского вероисповедания в политическом движении на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX века. В качестве источников используются архивные документы из Национального исторического архива Беларуси в Гродно и Минске. Социальный состав женщин иудейского вероисповедания, участвовавших в политическом движении, был неоднороден и включал в себя как женщин из привилегированных классов, так и выходцев из пролетариата. Наличие образования способствовало вовлечению женщин в политическое движение. Выявлены основные формы политической деятельности, доступные женщинам. Женское партийное членство выражалось в реализации на практике принятых мужчинами политических решений и фактическом выполнении их указаний, что подтверждает мнение о выраженной гендерной асимметрии, присущей российскому обществу второй половины XIX – начала XX века.

Ключевые слова: женщины иудейского вероисповедания; политическое движение; еврейские партии.

The article examines particularities of the participation of Jewish women in political movement in the territory of Belarus in the second half of the XIXth– the beginning of the XXth century. Archival documents from the National Historical Archive of Belarus in Grodno and Minsk are used as sources. The social composition of Jewish women who participate in the political movement was not heterogeneous and includes both women from privileged class and from the proletariat. The education promote women's involvement to the political movement. The main forms of political activity available to women have been revealed. Women's party membership was expressed in the implementation in practice of men's political decisions and the actual implementation of their instructions, which confirms the view of the expressed gender asymmetry inherent in Russian society in the second half of the XIXth – the beginning of the XXth century.

Key words: women of the Jews; political movement; Jewish parties.

Конец XIX – начало XX века стал важным этапом общественно-политической жизни на территории Беларуси. Произошла трансформация традиционного уклада жизни белорусского еврейства, изменение гендерно обусловленных сфер деятельности. Актуальность темы объясняется причинами как научного, так и социально-политического характера, позволяет по-новому взглянуть на события, изучив вопрос сквозь призму гендерного восприятия. Особенно возрастает интерес к данной теме в связи с общемировыми тенденциями, связанными с ростом влияния женщин в политической и экономической сферах.

Введение в научный оборот новых архивных источников повышает научную значимость работы. Научная новизна заключается в выявлении участия женщин иудейского вероисповедания в политическом движении Беларуси во второй половине XIX – начале XX века. Исследование имеет практическую ценность, поскольку позволяет использовать выявленный в процессе работы материал в преподавании исторических и социо-гуманитарных дисциплин, исследованиях в области истории политики и гендера.

Объект исследования – политическое движение на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX века. Предмет – участие женщин иудейского вероисповедания в политическом движении Беларуси в указанный хронологический период.

Цель исследования заключается в определении формы участия женщин иудейского вероисповедания в политическом движении Беларуси во второй половине XIX – начале XX века.

В качестве источников использовались документы из фондов 295, 300, 705, 1416, 1430, 2499 Национального исторического архива Беларуси (НИАБ) в Минске, а также документы из НИАБ в Гродно – фонды 366, 369, 536, 587, содержащие следственные и «наблюдательные» дела жандармерии по обвинению жителей в принадлежности к политическим партиям, хранении и распространении нелегальной антиправительственной литературы и т. д. В качестве дополнительных источников по теме

использовалась женская мемуарная литература: воспоминания С. Гуревич [1] и П. Раковски [2].

Современная историография по теме отличается большим разнообразием. Ряд диссертационных работ (О. Н. Кондакова, Н. К. Мартыненко и др.), посвященных участию женщин в политических движениях второй половины XIX – начала XX века, были защищены в 2000-е годы XXI века в Российской Федерации. Особенность этих работ – рассмотрение политической деятельности женщин без учета их национальной принадлежности. Среди белорусских историков, занимающихся историей еврейских политических движений, следует назвать Э. Иоффе, И. Яцкевича, М. Бича, В. Томашевича, О. Щуку, П. Стецкевича и др. Однако в фокусе их исследовательского внимания находятся собственно политические движения, а не гендерная составляющая данного вопроса. По справедливому замечанию профессора Э. Иоффе, несмотря на значительное количество работ по истории белорусских евреев, «белых пятен» все еще немало [3, с. 399].

Одним из политических движений, возникших во второй половине 70-х гг. XIX века, было народничество. Согласно А. Туну, «среди привлеченных к ответственности с 1870 года по 1875 года было 612 мужчин и 158 женщин (следовательно, одна пятая)» [4, с. 149]. Среди белорусских евреек, участниц движения народников, выделяется фигура Геси Гельфман (1855–1882). Она родилась в городе Мозырь. Политические взгляды Г. Гельфман были сформированы под воздействием романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». С середины 70-х годов она включилась в революционную деятельность, с 1879 года стала членом партии «Народная воля» [5, с. 45].

Значительное влияние на умонастроения еврейских масс оказали погромы 80-годов XIX века. Одним из последствий этого явления стало размежевание людей на тех, кто пошел путем аккультурации в российское общество, среди них было немало принявших крещение, и тех, для кого главным жизненным приоритетом стала принадлежность к еврейству. Среди последних были ортодоксы, которые вопреки общественным переменам, стремились сохранить традиционный уклад и радикально настроенные круги, которые видели в политической борьбе способ решения пресловутого «еврейского вопроса». Для них он решался либо через создание собственного еврейского государства на исторической Родине (сионисты), либо через идею национально-культурной автономии в России (Бунд).

Возникшее палестинофильское движение (сионизм) особенно активное развитие получило на территории северо-западных губерний Российской империи [6, с. 11]. Губернские жандармские управления следили за деятельностью кружков сионистов и участниками этого движения. В фонде НИАБ в Минске «Канцелярия минского губернатора» аккумулировались сведения о работе кружка сионистов за 1898–1900 гг. [7]. Фамилии участников Полоцкого кружка сионистов были известны Витебскому жандармскому управлению [8, л. 20–21, 25].

Активной участницей сионистского движения была П. Раковская. В своих мемуарах она называла себя радикальной еврейской женщиной, выступала за образование женщин иудейского вероисповедания, призывала их взять судьбу в свои руки и бороться за права [2, с. 15]. Можно утверждать, что П. Раковская была предшественницей феминисток. Она была убеждена, что женщины получат политическое влияние, если объединятся и будут совместно лоббировать свои интересы.

Среди лиц, которые принадлежали к сионистам в Гродненской губернии в 1910–1911 гг., известны 23 человека, из них 7 женщин. Это 18-летняя Хана Полонецкая, проживающая с родителями, Сорка и Голда Лапидус 24 и 19 лет, первая замужняя, вторая жила с родителями, 26-летняя замужняя Фейга Маркус из Лидского уезда, 21-летняя Ента Елин, и еще две девицы (не поименованные в документе. – *Ю. Е.*) [9, л. 1369].

Всех этих женщин объединяет мещанское происхождение и молодость: возраст большинства не превышал 25 лет. Что касается образования, то тут имеется некоторая закономерность: чем выше образовательный уровень, тем активнее женщина проявляла себя в политической сфере. Данное утверждение подтверждают документы о женщинах-революционерках из фондов 295, 705, 1416, 1430, 2499 в НИАБ в Минске. Из них большинство имело профессиональное медицинское образование – акушерки, дантистки и т. д.

С ростом рабочего движения связано создание наиболее многочисленной еврейской партии Бунд, активными участницами которой были еврейские женщины. Хранение и распространение нелегальной литературы, содержание конспиративных квартир, агитация на фабриках и заводах, тайные типографии, участие в съездах, митингах, забастовках,– вот основные направления их деятельности. Женщины нередко содержали конспиративные квартиры и участвовали в перепечатывании нелегальной литературы.

Например, как следует из доклада гродненскому полицмейстеру, в доме Хайки Бишкевич в квартире, занимаемой мещанкой Фейгой Директович, происходили подозрительные собрания молодых евреев. «При обыске обнаружен гектограф с оригиналом текста преступного содержания с датой “апрель 1904 г.”, и небольшое количестве антиправительственных брошюр и журналов “Рабочий”» [10, кадр 3]. Неоднократно за агитацию среди рабочих и распространение нелегальной литературы привлекалась гомельская мещанка С. Иткина [11, л. 7].

Членами Бунда были женщины различного социального происхождения, в том числе относящиеся к привилегированным сословиям. Так, Ита Рапопорт, потомственная почетная гражданка, за принадлежность к Бунду содержалась в Витебской тюрьме, а затем была выслана в Вологодскую губернию на 2 года под гласный надзор полиции [12, л. 7]. Среди членов Бунда было немало представительниц интеллигенции, например,

учительниц. Лиознянская Сора, 21-летняя учительница из города Велиж, дочь купца, подвергалась аресту за принадлежность к Бунду [13, л. 27]. Учительница из Бобруйска Хая Шапиро за связь с Бундом находилась под наблюдением полиции [14, л. 109]. На аптекарскую помощницу Р. Канторович был составлен рапорт бобруйского полицеймейстера, с сообщением, что указанная мещанка состоит членом партии Бунд и участвует в организации забастовок рабочих [15, л. 618–619].

Распространение листовок, в котором активно участвовали женщины, проходило не только на работе и собраниях. Во время спектакля по пьесе М. Горького «На дне» в Бобруйском театре были разбросаны прокламации Бунда [16, л. 28–30]. Р. Гуревич из Могилева была привлечена по делу о распространении прокламаций в Новозыбковской синагоге [17, л. 26].

Женщины занимались сбором средств для участников рабочего движения и арестованных. Среди них была дантистка С. Ханелес, которая собирала деньги для передачи их нуждающимся участникам рабочего движения в Витебске [18, л. 42].

Бунд привлекал женщин, обладающих навыками секретарей, к исполнению их профессиональных обязанностей при проведении партийных съездов. Подполковник Гибер фон Грейфенфельс при проведении в ночь на 19 октября 1910 года акции по ликвидации гродненской организации «Бунд» докладывал: «У мещанки Хаи Кошевник обнаружены три письма из города Одессы за подписью “Ревекке”, в которых она просит, чтобы Гродненская организация «Бунд» выставила ее кандидаткой в качестве стенографистки на предстоящем за границей съезде РСДРП и о том, что она хлопочет попасть в качестве стенографистки на 8-ю конференцию “Бунда”» [19, л. 18].

Еврейские женщины были задействованы Бундом и в практическом осуществлении процесса политической коммуникации. Так, Хая Гольдрей, работница гродненской табачной фабрики, вела партийную переписку с Варшавой. Рива Капульская, работница типо-литографии Лапина, поддерживала переписку с членом житомирской организации Бунда Я. Левинштейном [20, л. 116].

Участницей социал-демократического движения была уроженка Брест-Литовска Мария Эссен (1872–1956). Она родилась в семье мелкого железнодорожного служащего Моисея Берцинского. По образованию М. Эссен была медсестрой. Примкнув к революционному движению в начале 1890-х годов, она впоследствии продолжила деятельность за пределами белорусских губерний.

Еще одна активная участница политического движения – Вера Слуцкая (1874–1917) (настоящее имя Берта) происходила из еврейской мещанской семьи Минска, была дантисткой. Архивный документ сообщает: «26 июля 1898 года в Минске произведен обыск в квартире акушерки Перлы Гордон, отобраны рукописи на 5 страницах большого формата “Развитие револю-

ционного движения в России", тетрадь с началом той же статьи и брошюра под названием "Война польской социалистической партии против Еврейского Рабочего Союза", у мещанки Берты Слуцкой – письмо с шифрованными записями» [19, л. 1].

Малка Лифшиц (1880–1941), более известная под фамилией Фрумкина, была уроженкой Минска. Она происходила из богатой просвещенной купеческой семьи. До 11-летнего возраста М. Лифшиц получала домашнее еврейское образование, а затем поступила в Минскую женскую гимназию. Как указывает Р. Г. Ратчилд, политические взгляды М. Лившиц сформировались в период ее жизни в Минске [21, с. 297]. В 1901 году М. Лившиц вступила в Бунд, где занималась пропагандистской работой, позже вошла в центральный комитет Бунда. За принадлежность к центральному комитету Бунда она попала под полицейский надзор. Когда Минский военный округ был переведен на военное положение, М. Лившиц подлежала выселению [22, л. 17–20].

Видной участницей политического движения была Мария Вильбушевич (1879–1961), родившаяся в поместье Лососно возле Гродно в зажиточной и образованной семье. М. Вильбушевич получила домашнее образование. В конце 1890-х годов М. Вильбушевич вступила в Бунд. В марте 1900 года она была арестована после провала подпольной типографии и кружков Бунда в Минске, возглавляемых Евгенией Гуревич. В сентябре 1902 года М. Вильбушевич добилась разрешения и проведения Минской конференции российских сионистов [23, с. 4].

Некоторое представление о мотивах, побуждавших еврейских девушек примкнуть к политическим движениям, дает мемуарная литература. С. Гуревич, жительница Могилевской губернии, в своих воспоминаниях упоминает про гимназию в городе Чериков. Там сосредотачивались революционные идеи, велась активная деятельность по вовлечению учащейся молодежи в марксистские кружки [24, с. 40]. Интерес к революционным идеям подогревался в первую очередь ощущением таинственности и пониманием того, что делается нечто запрещенное. «А вечерами сходки, хотя, по правде сказать, я мало понимала, когда читали Маркса или другие политические статьи. Но привлекала эта таинственность: расходились по одному, ночь, непогода часто, так как это происходило зимой» [1, с. 29].

Архивные данные указывают, что активная политическая деятельность не относилась к приоритетным сферам жизни еврейских женщин конца XIX – начала XX века. Анализ списков дознаний, производившихся помощником начальника Гродненского губернского жандармского управления в Бресте с 1902 по 1907 год показал, что из 187 лиц, привлекавшихся к дознаниям по политическим делам, женщин иудейского вероисповедания было только 15 [25, л. 2–50]. В списках лиц, высланных за пределы места жительства в связи с неблагонадежностью, составленных Департаментом

полиции в 1913 году по Гродненской губернии, еврейские женщины отсутствуют [9, л. 148–156].

Циркуляры Департамента полиции и переписка с начальником Гродненского губернского жандармского управления за 1910-1911 гг. упоминает только 26 женщин, привлеченных к дознаниям (всего лиц, о которых имеется переписка – 456 человек) [9, л. 6–170]. При этом не все они участвовали в политических движениях по велению сердца, некоторыми двигал материальный интерес. К примеру, «предлагающая свои услуги в качестве секретной сотрудницы Витебская мещанка Идес Боградовская доверия не заслуживает и занимается вымогательством денег» [9, л. 172].

Таким образом, развитие капиталистических отношений, расширение прав и свобод и, как следствие, эмансипация и ассимиляция еврейских женщин способствовали увеличению женской активности в сфере политики. Среди женщин иудейского вероисповедания, жизнь которых была связана с Беларусью, присутствовали выдающиеся социально активные личности, внесшие весомый вклад в историю политических движений. Тем не менее, они оставались меньшинством в общей массе еврейских женщин той поры, строивших свою жизнь в соответствии с традиционными гендерными стереотипами. Как свидетельствуют документы, в социально-политической сфере им принадлежала второстепенная роль помощниц руководителей-мужчин, выступавших в качестве, как лидеров, так и новаторов. Еврейские женщины были задействованы в простых формах политической работы, а именно: они работали в качестве стенографисток, выступали в роли содержательниц конспиративных квартир, распространителей политической литературы. Социальный состав женщин иудейского вероисповедания, участвовавших в политических движения, был неоднороден и включал в себя как женщин из привилегированных классов, так и выходцев из пролетариата. Наличие образования способствовало вовлечению женщин в политические движения. Женское партийное членство выражалось в реализации на практике принятых мужчинами политических решений и фактическом выполнении их указаний, что подтверждает мнение о выраженной гендерной асимметрии, присущей российскому обществу второй половины XIX – начала XX века.

Список использованных источников

1. *Гуревич, С. А.* Мои воспоминания / С. А. Гуревич. – Иерусалим, 2002. – 195 с.

2. *Rakovsky, P.* My life as radical Jewish woman / P. Rakovsky. – Indiana University Press, 2002. – 204 p.

3. *Иоффе, Э.* Историография евреев Беларуси досоветского периода / Э. Иоффе // Сб. материалов X междунар. междисципл. конф. по иудаике 30 янв. – 1 февр. 2002 г., Москва. – М.: Академическая сер. – Вып. 12. – 2003. – С. 391–402.

4. *Тун, А.* История революционных движений в России / А. Тун. – СПб.: Библиотека для всех, 1906. – 392 с.

5. Імёны вядомыя і невядомыя // Беларускі гістарычны часопіс. – Мінск: Пачатковая школа, 2005. – № 3. – С. 45.

6. *Томашевич, В. М.* Зарождение и развитие сионизма в северо-западных губерниях Российской империи (начало 80-х гг. XIX–1907 г.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.03 / В. М. Томашевич; БГУ. – Минск, 2003. – 22 с.

7. Сведения о работе существовавшего в Минской губернии кружка сионистов 1898-1900 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в Минске (НИАБ в Минске). – Ф. 295. – Оп. 1. – Д. 6459.

8. Список членов Полоцкого революционного кружка сионистов 1904 г. // НИАБ в Минске. – Ф. 2499. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 20–21, 25.

9. Циркуляры Департамента полиции и переписка с начальником Гродненского губернского жандармского управления, унтер офицерами дополнительного штата этого управления и др. о розыске членов политических партий, проверке «политической благонадежности» жителей Гродненского, Волковыского и Слонимского у. 1910–1911 гг. // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБ в Гродно). – Ф. 369. – Оп. 1. – Д. 55. – 1578 л.

10. НИАБ в Гродно. – Коллекция № 6. – Ф. 102. – Ед. хр. 3. – Ч. 2. – 8 кадров.

11. Дело по обвинению гомельских мещан Ш. Л. Любиной, С. М. Иткиной и др. в принадлежности к Бунду и распространении нелегальной литературы. Февр.-нояб. 1903 г. // НИАБ в Минске. – Ф. 705. – Оп. 2. – Д. 4. – 32 л.

12. Дело по принадлежности к партии Бунд Рапопорт Иты 1910 г. // НИАБ в Минске. – Ф. 1416. – Оп. 3. – Д. 19733. – Л. 7.

13. Дело по обвинению Лиознянской Соры за принадлежность к велижской организации Бунда 1906 г. // НИАБ в Минске. – Ф. 2499. – Оп. 1. – Д. 84. – Л. 27.

14. Список членов Виленской, Гродненской, Варшавской организации Бунд. 1906 г. // НИАБ в Минске. – Ф. 2499. – Оп. 1. – Д. 39. – Л. 109.

15. Рапорт бобруйского полицмейстера минскому губернатору от 24.06.1909 г. о принадлежности к Бунду и участии в организации забастовок аптекарской помощницы Р. Ш. Канторович // НИАБ в Минске. – Ф. 295. – Оп.1. – Д. 7933. – Л. 618–619.

16. Дело о распространении прокламаций «Бунда» во время постановки пьесы Горького «На дне» в Бобруйском театре 26.07.1903 г. // НИАБ Минск. – Ф. 705. – Оп. 2. – Д. 3. – 62 л.

17. Дело по привлечению могилевской мещанки Р. И. Гуревич 1903 г. // НИАБ в Минске. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 53584. – Л. 26.

18. Дело по привлечению Ханелес Софьи к дознанию по обвинению 1905–1906 гг. // НИАБ в Минске. – Ф. 2499. – Оп. 1. – Д. 292. – Л. 42.

19. НИАБ в Гродно. – Коллекция № 5. – Ф. 405. – Оп. 530. – Д. 1026. – 18 л.

20. НИАБ в Гродно. – Ф. 366. – Оп. 1. – Д. 178. – 345 л.

21. Женщины на краю Европы / под ред. Е. Гаповой. – Мн.: EHU, 2003. – 433 с.

22. Дело об учреждении полицейского надзора над возвратившейся из-за границы Фрумкиной Малкой Янкелевой за принадлежность к центральному комитету организации БУНД и о выселении ее из пределов Минского военного округа на период состояния округа на военном положении 16.07.1914–31.01.1915 гг. // НИАБ в Минске. – Ф. 300. – Оп. 1. – Д. 73.28 л.

23. *Гельман, З.* Любимая женщина полковника Зубатова / З. Гельман // Беларусь сегодня. – 2008. – 23 окт. – Прилож.: Союз. – С. IV.

24. *Ермак, Ю. Г.* Отражение революционных событий начала XX века в мемуарах С. А. Гуревич / Ю. Г. Ермак // Материалы 5 межвузовской науч.-практ. конф., Гродно, 29 апр. 2015 г.: в 2 ч. – Гродно, 2015. – Ч. 2. – С. 39–40.

25. НИАБ в Гродно. – Ф. 587. – Оп. 2. – Д. 19. – 51 л.

(Дата подачи: 30.01.2018 г.)

О. В. Забельникова
Республиканский институт повышения квалификации
и переподготовки работников Министерства труда
и социальной защиты Республики Беларусь, Минск

V. Zabelnikova
Republican Institute of advanced training and retraining
of workers of Ministry of labour and social protection
of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 94

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В ДИСКУССИЯХ КРУПНЕЙШИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ И УЧЕНЫХ

CIVILIZATIONAL PROCESSES OF LATIN AMERICA IN THE DISCUSSIONS OF LARGEST PHILOSOPHERS AND SCIENTISTS

Латинская Америка – самая молодая региональная цивилизация. Ее уникальность обусловлена рядом факторов. Это расовое и межэтническое смешение народов, аналогов которому история не знала. Уникальность латиноамериканской цивилизации заключается в том, что она образовалась из элементов культурных традиций не только европейцев, но также индейцев и африканцев. Статья затрагивает проблему специфики цивилизационных процессов в Латинской Америке и освещает позиции крупнейших мыслителей и ученых касательно сущности латиноамериканской цивилизации.

Ключевые слова: Латинская Америка; синкретическая цивилизация; метисация; европоцентризм; латиноамериканизм; индеанизм; примирительная концепция.

Latin America is the youngest regional civilization. Its uniqueness is conditional upon a number of factors. One of them is race and ethnic mixture of peoples, which wasn't known before. The uniqueness of Latin American civilization is that it was formed from the elements of cultural traditions not only European, but also Indian and African. The article addresses the problem of the specifics of civilizational processes in Latin America and highlights the positions of the largest philosophers and scientists regarding the essence of Latin American civilization.

Key words: Latin America; syncretic civilization; cross-breeding; europocentrism; latinoamericanizm; indianism; reconciliatory concept.

Современная Латинская Америка представляет собой регион планеты, расположенный в Западном полушарии и занимающий 15 % планетарной суши, с населением порядка 600 млн человек. Являясь на сегодняшний день самой молодой региональной цивилизацией, Латинская Америка представляет собой обширный (в географическом плане) и многонаселенный (в демографическом плане) макрорегион, имеющий многовековую историю и уникальную культуру. Свое название – Латинская Америка или Иберо-Америка – регион получил благодаря европейскому завоеванию и колонизации латинскими странами (Испанией и Португалией).

За открытыми в 1492 г. Х. Колумбом землями прочно утвердилось название «Новый Свет». Впервые это словосочетание употребил мореплаватель и исследователь А. Веспуччи в своих письмах, написанных в 1503 г., к Л. Медичи, представителю богатого и влиятельного рода, правившего во Флоренции. Новый Свет – название, фигурирующее в отношении Южной и Северной Америки, которое обозначает четвертую часть света после Европы, Азии и Африки.

Основоположником дискуссии XX в. о самобытности латиноамериканской цивилизации можно назвать немецкого историософа О. Шпенглера, заложившего основы культурологического взгляда на всемирную историю. В своем фундаментальном труде «Закат Европы» философ рассматривает всемирно исторический процесс как циклическую историю сменяющих друг друга и независимых локальных культур, проходящих в своем развитии стадии зарождения, развития и умирания. Умирание всякой культуры завершается переходом к цивилизации. К числу «великих культур» мыслитель относит, наряду с египетской, античной, китайской и др., культуру индейцев майя, считая, что она смогла в полной мере реализовать весь свой потенциал [1, с.148]. Общий вывод книги о закате Европы и надвигающемся кризисе западной цивилизации подтолкнул ученых и мыслителей середины и второй половины XX в. к переосмыслению роли Запада во всемирной истории. Впервые идея вторичности Латинской Америки как самостоятельной цивилизации, ее ущербности по сравнению с западной цивилизацией стала подвергаться критике. Заслуга О. Шпенглера в том, что он поставил под сомнение деление всемирной истории на периоды (Древний мир, Средние века, Новое время), высказав идею о том, что подобное деление справедливо только в отношении Европы и не имеет никакого значения для неевропейских обществ.

Долгое время мировая историческая наука не признавала самостоятельность латиноамериканской цивилизации, считая ее периферией западного мира. Подобное заключение вытекало из поверхностного анализа истории латиноамериканского региона, начало которой традиционно относили к открытию Нового Света и испано-португальскому завоеванию Американского континента, тем самым отрицая значение наследия доколумбовых культур и цивилизаций. В первоначальных своих взглядах крупнейший историк XX в. А. Дж. Тойнби также склонялся к такой мысли. Так, в первых томах фундаментального исследования «Постижение истории» он рассматривает Латинскую Америку как преимущественно западное общество [2, с.48], доказывая, что падение доколумбовых цивилизаций было предопределено утратой ими творческого импульса и неспособностью ответить на вызовы истории. В более поздних своих исследованиях английский ученый полностью пересмотрел свои взгляды в отношении Латинской Америки, признав объективную реальность культурного и религиозного синтеза, межрасовой и межэтнической метисации (смешения), выделив ее в самостоятельную цивилизацию [3,

с. 453]. Следует отметить, что, несмотря на противоречивость взглядов историка, концепции, высказанные им, оказали существенное влияние на латиноамериканскую мысль и мировую историографию в целом.

Одним из ученых с мировым именем, наряду с А.Дж. Тойнби, выделивших Латинскую Америку как самостоятельное цивилизационное образование, был американский социолог и политолог С. Ф. Хантингтон, автор концепции этнокультурного разделения цивилизаций. В статье «Столкновение цивилизаций?» он разграничивает понятия «западная цивилизация» и «латиноамериканская цивилизация» [4, с.12]. В одноименном труде ученый утверждает, что хотя Латинская Америка и является «отпрыском» европейской цивилизации, она эволюционировала совершенно другим путем, чем Северная Америка и Европа. Принципиальное отличие Латинской Америки заключается в том, что она ассимилировала местные индейские культуры, которые не существовали в Европе и были полностью уничтожены в Северной Америке. С. Ф. Хантингтон убежден, что Латинскую Америку можно рассматривать либо как субцивилизацию внутри западной цивилизации, либо как отдельную цивилизацию, близко связанную с Западом и не определившуюся во мнении, принадлежит ли она к Западу или нет [5, с. 56–57]. Последний тезис подтверждают бесчисленные дискуссии мировой общественности, исследователей-латиноамериканистов, политических и культурных деятелей, в том числе в самой Латинской Америке.

Одна из оригинальных точек зрения на роль латиноамериканской цивилизации во всемирной истории, которая нашла свое отражение в философском трактате «Роза мира», принадлежит Д. Андрееву – русскому писателю и мистику. В трактате автор рассматривает завоевание Америки на примере покорения испанцами империи инков и приходит к весьма спорным выводам. Государство инков он называет «теократическим социализмом», первой в истории авторитарно-тоталитарной диктатурой, характеризующейся предельным порабощением личности, потерей человеческого «Я» и беспрекословным подчинением безликой массе. Не оправдывая злодеяния конкистадоров, писатель, тем не менее, приходит к выводу, что если бы инкам удалось дать отпор иноземцам, освоить их военные и технические достижения, то через некоторое время они смогли бы создать мощную, непоколебимую, централизованную тиранию, перед которой дрогнуло бы все человечество. В конкистадорах писатель видит спасителей мира, предотвративших общечеловеческие катаклизмы [6, с. 454–455].

В своих метаисторических видениях Д. Андреев созерцал установление на Земле в XXIII в. «Розы Мира» – Всемирной Федерации государств, гармонично управляющей человечеством, регулирующей экономические, политические и общественные движения в интересах духовного расцвета человека. Предсказывая грядущие изменения в мире, писатель полагал, что местом рождения величайшего гения мировой науки, злодея и тирана анти-Логоса станет одно из государств Латинской Америки [7, с. 763]. Так

образ Латинской Америки – цивилизации, сформировавшейся в результате скрещения этносов, рас, культур и цивилизаций, стал у Д. Андреева местом будущего рождения Князя Тьмы.

Одним из крупнейших ученых современности, кто по-новому взглянул на процесс развития традиционных обществ, которые мировая историческая наука исключила из списка высокоразвитых цивилизаций, стал британский историк Ф. Фернандес-Арместо. В своем труде «Цивилизации» он излагает свой взгляд на историю «низкоразвитых» народов, считая их стоящими на ступеньку выше многих высокоразвитых обществ. Цивилизацию майя он причислил к числу величественных по всем меркам цивилизаций, а Мексику и Анды назвал «плодовитыми инкубаторами цивилизаций», тем самым признав, что Латинская Америка имела свою историю задолго до конкисты, а доколумбовы народы Америка смогли достичь уровня цивилизации [7, с. 231–232, 343].

В современной науке не утихают споры вокруг латиноамериканской цивилизации, ее роли и месту в мировом историческом процессе. Ученые всего мира занимаются всесторонним изучением Латинской Америки как примера синкретической цивилизации, отличной от традиционных цивилизаций Востока и Запада. Латинская Америка являет собой цивилизацию с единой синкретической основой, специфика которой обусловлена формированием уникальной культуры и расово-этнической картины, в основе которых лежит метисация различных рас, народов и культур, протекающая в регионе уже более пятисот лет. Синкретические процессы характеризуют цивилизационное состояние региона, сложившееся в результате соединения и смешения разнородных этнокультурных и религиозных элементов.

Среди исследователей сущности латиноамериканской цивилизации нет единой точки зрения. Так, можно выделить три концептуальных подхода:

1. Латинская Америка – это эманация, т. е. порождение и продолжение, Западной Европы. Своим возникновением и существованием в качестве субъекта мировой истории латиноамериканская цивилизация обязана исключительно Европе, в первую очередь странам Пиренейского полуострова – Испании и Португалии, а также европейским завоевателям, которые в период конкисты принесли на американскую «почву» европейские модели социально-экономической, политической, культурной и религиозной жизни. Этот подход получил название «европоцентризм» или «испанизм» (в более узком его толковании) и был чрезвычайно популярен вплоть до середины XX в.

2. Латинская Америка – это цивилизация индейцев в новых конкретно-исторических реалиях. Индейцы являются коренным населением американского континента, поэтому, несмотря на все привнесенные европейские и африканские элементы, латиноамериканская цивилизация является в первую очередь цивилизацией с индейской спецификой. Без автохтонного элемента, который и определяет сущность Латинской Америки, она стала

бы частью западной цивилизации наряду со странами Европы и США. Такой подход назван «индеанизмом» («индихенизмом»). Он очень популярен среди апологетов теории «исконной Америки», согласно которой истинная Америка в результате завоевания была насильственно включена в ареал европейского влияния, но при этом сумела сохранить свою индейскую суть, определяющую уникальность Латинской Америки.

3. Латинская Америка представляет собой синкретическую цивилизацию, образовавшуюся в результате «встречи цивилизаций», в основе которой лежит синтез трех этнокультурных элементов: один из них автохтонный (индейский) и два привнесенных (европейский и африканский). Каждый из них привнес свои элементы материальной и духовной культуры. Согласно третьему подходу Латинская Америка представляет собой формирующуюся цивилизацию, в которой до сих пор происходят процессы метисации не только разных расово-этнических групп, но и метисация культур. Именно культурная метисация определяет уникальность, «особость» Латинской Америки как цивилизационного образования, отличает ее от существующих традиционных цивилизаций. Данный подход получил название «латиноамериканизм». Националистически настроенную часть приверженцев данного подхода, которая считает, что в силу исторически сложившихся условий нации Латинской Америки являют собой особую человеческую расу, отличную от остальных народов, относят к сторонникам так называемого «латиноамериканского национализма».

Каждый из этих подходов, направленных на выявление сущностных характеристик латиноамериканской цивилизации, обусловлен мировоззренческими и в некоторой степени геополитическими установками исследователей. Сторонник европоцентризма мексиканский историк Э. О'Горман постулирует концепцию тотального преобладания европейской традиции в формировании латиноамериканской цивилизации и культуры и считает, что действительность Латинской Америки изначально вторична по отношению к европейской культуре, что было обусловлено господствующим положением испанской и португальской культуры, занятым в ходе победной конкисты [8, с. 80].

Следует отметить, что в странах Латинской Америки, особенно среди идеологов индеанизма и защитников самобытной латиноамериканской цивилизации, превалируют второй (индеанизм) и третий (латиноамериканизм) подходы. В последние годы общественностью Латинской Америки антагонистически воспринимается европоцентризм: политики, общественные деятели и представители национальной культуры отвергают саму идею вторичности Латинской Америки, а в европоцентризме видят попытку подчинения своего континента и его метисной культуры моделям западного культурного развития, которые наравне с североамериканскими (США) считают неприемлемыми.

В латиноамериканской историографии и общественной мысли широкое распространение получила латиноамериканская концепция, или «филосо-

фия латиноамериканской сущности». Отцами-основателями подхода являются борцы за независимость С. Боливар и Х. Марти, рассматривавшие Латинскую Америку как особый мир с уникальным культурно-историческим наследием. Сторонники латиноамериканизма – ярые противники европоцентризма. Осмысление ими истоков и места Латинской Америки в современном мире зачастую приводило к неприятию и отрицанию конкисты и колониального прошлого, а в отношении Латинской Америки применялось определение Х. Марти «Наша Америка».

В последние годы в мировой историографии большое распространение получила примирительная концепция, названная «встречей двух миров и двух культур». Она заключается в рассмотрении Латинской Америки как континента встречи народов, цивилизаций и культур, произошедшей пять столетий назад. Мексиканский историк Х. Л. Портильо убежден, что определение «встреча двух миров» – оптимальная дефиниция, которая отражает настрои всех латиноамериканцев [9, с. 31].

Среди латиноамериканских исследователей особое место занимает крупнейший философ и общественный деятель Латинской Америки, мексиканец по происхождению, Л. Сеа. Исходная установка его книги «Философия американской истории. Судьбы Латинской Америки» связана со стремлением представить всемирную историю с точки зрения не европейских народов, а народов Латинской Америки. Как истинный патриот, он резко критикует концепцию европоцентризма, утверждающую и оправдывающую неизбежность экономического, политического и духовного подчинения Латинской Америки Западу в силу превосходства западной цивилизации. Л. Сеа выступает как защитник индейцев, декларирует право на национально-культурное признание индейских народов как субъектов латиноамериканской цивилизации и культуры.

Л. Сеа убежден: называть события 1492 г. «открытием Америки» – это исключительно европоцентристская позиция. Он считает аутентичными только индейскую и метисную культуры, категорически отвергает европейское культурное наследие в качестве определяющего для Латинской Америки, которая имеет право на историческое творчество перед лицом Запада. Подчеркивая огромную роль индейской культуры в формировании латиноамериканской цивилизации, Л. Сеа, тем не менее, приходит к выводу, что для Латинской Америки единственно возможный путь интеграции в мировое сообщество заключается в неизбежной расово-этнической и культурной метисации [10, с. 448–449].

Лауреат Нобелевской премии мексиканский писатель и культуролог О. Пас в своих эссе размышляет о цивилизационной идентичности Латинской Америки. Как и все идеологи латиноамериканизма, О. Пас отстаивает идею о том, что индейская культура не является «варварской», но в равной степени самоценна, как и иберийская, экспортированная из Европы в Новый Свет. Писатель идет дальше, утверждая, что только творения доколум-

бовых культур являются единственными оригинальными продуктами творчества Америки [11, с. 133].

Кубинский писатель А. Карпентьер в отношении Латинской Америки как уникального региона планеты придумал дефиницию «чудесная реальность», подчеркивающую синкретический характер этой цивилизации [13, с. 91]. Мексиканский философ Х. Васконселос в своих размышлениях идет дальше. Он рассматривает метисацию как важнейший механизм возникновения новой расы человечества – «космической расы», зародившейся именно в Латинской Америке [13, с. 445].

Зачастую специалисты называют Латинскую Америку «континентом скрещения рас» [14, с. 93]. Латинская Америка рассматривается как культурно-исторический феномен, уникальность которого во многом обусловлена межрасовым смешением народов, давшим жизнь новому синкретическому типу культуры – латиноамериканскому. Реальность Латинской Америки абсолютно уникальна и самобытна. В Латинской Америке произошла общепланитарного значения метисация. В ней до сих пор проходят процессы расового и межэтнического смешения, религиозного и культурного синтеза. Она являет собой своеобразное горнило, в котором выплавляется новая синкретическая цивилизация с уникальной синтезной культурой.

Список использованных источников

1. *Шпенглер, О.* Закат Европы: в 2 т. / О. Шпенглер. – М.: Айрис-пресс, 2003. – Т. 1. – 528 с.

2. *Тойнби, А. Дж.* Постижение истории / А. Дж. Тойнби. – М.: Рольф, 2001. – 640 с.

3. *Тойнби, А. Дж*. Латиноамериканская цивилизация в свете концепции псевдоморфоза / А. Дж. Тойнби // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / сост. Б. С. Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С. 452–453.

4. *Мартынов, Б. Ф.* Латинская Америка на цивилизационном подъеме / Б. Ф. Мартынов // Латинская Америка. – 2006. – № 1. – С. 11–18.

5. *Хантингтон, С. Ф.* Столкновение цивилизаций / С. Ф. Хантингтон. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.

6. *Андреев, Д.* Роза мира / Д. Андреев. – М.: Эксмо, 2006. – 800 с.

7. *Фернандес-Арместо, Ф.* Цивилизации / Ф. Фернандес-Арместо. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2009. – 764 с.

8. *Шемякин, Я. Г.* Концепции латиноамериканского цивилизационного типа / Я. Г. Шемякин // Латинская Америка. – 1998. – № 11. – С. 76–82.

9. *Гурова, М. С*. 500-летие открытия Америки, или встреча народов и культур: две концепции (Сводный реферат) / М. С. Гурова // Открытие и колонизация Латинской Америки европейцами: исторические особенности и значение. Реферативный сборник к XVII международному конгрессу исторических наук (Мадрид, август 1990); редкол.: И. И. Янчук (отв. ред.) [и др.]. – М., 1990. – С. 26–34.

10. *Сеа, Л.* Об определяющих чертах цивилизационного строя Латинской Америки / Л. Сеа // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост. Б. С. Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С. 447–449.

11. *Пас, О.* Завоевание и колониальная эпоха / О. Пас // Освещение мига: Поэзия. Философская эссеистика / О. Пас; пер. с исп.; сост. и предисл. В. Резник. – СПб.; М.: Симпозиум, 2000. – С. 122–139.

12. *Карпентьер, А.* Об американской чудесной реальности / А. Карпентьер // Мы искали и нашли себя / А. Карпентьер; сост. и автор предисл. В. Б. Земсков. – М.: Прогресс, 1984. – С. 79–92.

13. *Васконселос, Х.* Роль метисации в формировании латиноамериканской цивилизации / Х. Васконселос // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / сост. Б. С. Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С. 444–445.

14. Об историко-культурной самобытности Латинской Америки (круглый стол) // Латинская Америка. – 1981. – № 2. – С. 71–119; № 3. – С. 95–130.

(Дата подачи: 15.01.2018 г.)

Т. М. Заблоцкая
Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, Мінск

T. Zablotskaya
National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 94(476)«16/19»

ДА ГІСТОРЫІ ВЫВУЧЭННЯ АДУКАЦЫЙНАЙ І КУЛЬТУРНА-АСВЕТНІЦКАЙ ДЗЕЙНАСЦІ КАТАЛІЦКАГА ОРДЭНА ПІЯРАЎ ЛІТОЎСКАЙ ПРАВІНЦЫІ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ У КАНЦЫ XVII – ПАЧАТКУ XX СТ.

TO THE HISTORY OF STUDYING THE EDUCATIONAL AND CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF THE CATHOLIC ORDER OF THE PIARIST OF THE LITHUANIAN PROVINCE ON BELARUSIAN LANDS IN THE LATE XVII – EARLY XX CENTURY

У артыкуле аўтар абагуліў дасягненні папярэдняй гістарычнай традыцыі па вывучэнні гісторыі Ордэна Піяраў на беларускіх землях. Існуючая гістарыяграфія тыпалагізуецца паводле моўна-нацыянальнага прынцыпу, вылучаюцца асноўныя тэндэнцыі развіцця навуковай думкі адносна рэалізацыі місіі Ордэна Піяраў на беларускіх землях, акрэсліваюцца маладаследаваныя пытанні і перспектыўныя кірункі для даследавання (сетка піярскіх вучэльняў на беларускіх землях, спецыфіка арганізацыі навучальнага працэсу, асабісты склад навучэнцаў і настаўнікаў і г. д).

Ключавыя словы: гістарыяграфія; Літоўская правінцыя Ордэна Піяраў; піярскі кляштар; піярскі калегіум.

In the article the author summarized the achievements of the previous historical tradition on studying the history of the Order of Piarist in the Belarusian lands. In this work, the existing historiography is typologized according to the linguistic-national principle, the main tendencies in the development of scientific thought regarding the implementation of the mission of the Order of Piarist in the Belarusian lands are determined, the issues and perspective directions for research are outlined (the network of public schools on the Belarusian lands, the specifics of the organization of the educational process, students and teachers, etc.).

Key words: historiography; the Lithuanian province of the Order of Piarists; the Piarist of monastery; the Piarist of collegium.

Гісторыя адукацыйнай і культурна-асветніцкай дзейнасці манаскага каталіцкага Ордэна Піяраў з'яўляецца неад'емнай часткай гісторыі адукацыі Беларусі. Гісторыя гэтай супольнасці, і рэалізацыя яе місіі на землях Рэчы Паспалітай, у тым ліку і на Беларусі, неаднаразова станавіліся прадметам навуковага вывучэння. Аналіз папярэдняй гістарыяграфічнай традыцыі дапаможа выявіць існуючыя лакуны і перспектыўныя накірункі даследавання ў вывучэнні адукацыйнай і культурна-асветніцкай дзейнасці Літоўскай правінцыі Ордэна Піяраў ад часоў з'яўлення яго на беларускіх землях да аднаўлення піярскіх навучальных устаноў у II Рэчы Паспалітай.

Вывучэннем гісторыі Ордэна Піяраў на беларускіх землях займаліся ў асноўным даследчыкі двух нацыянальных гістарыяграфічных школ – беларускай (айчыннай) і польскай. Але ўнёсак і масштаб праведзеных даследаванняў прадстаўнікоў гэтых гістарыяграфічных традыцый не аднолькавы з-за спецыфікі іх развіцця. Польская гістарыяграфічная традыцыя сваімі каранямі ўзыходзіць да XVIII стагоддзя, у тым ліку да вядомага прадстаўніка Ордэна Піяраў Мацея Догеля. Таму база прапрацаваных польскімі даследчыкамі крыніц, шырыня метадалагічных падыходаў да рашэння пастаўленых даследчыцкіх задач, як і колькасць падрыхтаваных прац, заслугоўваюць безумоўнай павагі.

Польскіх даследчыкаў у першую чаргу цікавілі праблемы дзейнасці навучальных устаноў Ордэна Піяраў, якія існавалі ў межах Польскай правінцыі. У той жа час у межах польскай гістарыяграфіі практычна адсутнічаюць фундаментальныя даследаванні, якія датычацца тэрыторыі сучаснай Беларусі.

Інтарэс да беларускай праблематыкі з'явіўся ў польскіх даследчыкаў толькі ў 80–90-я гады XX стагоддзя. Польскія даследчыкі пачынаюць працаваць з архіўнымі матэрыяламі, што дазваляе ім заняцца вывучэннем дзейнасці навучальных устаноў, якія існавалі на беларускіх землях.

Прыгадаем навуковыя сесіі Камітэта гісторыі навукі і тэхнікі Польскай акадэміі навук (Komiteta Historii Nauki i Techniki Polskiej Akademii Nauk). Першы навуковы выезд Камітэта на Лідчыну адбыўся ў чэрвені 1993 г. і быў звязаны з прэзентацыяй кнігі «Уклад піяраў у навуку і культуру Польшчы XVII–XIX стагоддзяў» («Wklad pijarów do nauki i kultury w Polsce XVII–XIX w.») [43], рэдактарам якой была прафесар Ірэна Стасевіч-Ясюкова. Гэта была першая пасля вайны прэзентацыя польскай кнігі на абшарах Беларусі ў Шчучыне.

Другая паездка членаў Камітэта была прысвечана «раслінам, гістарычным садам і паркам у магнацкіх рэзідэнцыях і шляхецкіх дварах на нашай зямлі». На гэты раз галоўнай постаццю стаў слаўны батанік Станіслаў Баніфацый Юндзіл [28].

Польскімі навукоўцамі і даследчыкамі былі вызначаны прыярытэтныя кірункі ў галіне даследавання дзейнасці Піяраў на беларускіх землях. З'явіўся шэраг прац польскіх навукоўцаў.

Артыкул Яраслава Куркоўскага «Выдатныя выкладчыкі і вучні піярскай школы в Шчучыне» [31, с. 83–104], у якім аўтар праводзіць падрабязны аналіз выкладчыцкага складу сярод манахаў выкладчыкаў, адзначае імёны найбольш таленавітых навучэнцаў: Мацей Догіль, Казімір Нарбут, Ігнат Дамейка і інш.

У зборнік «З гісторыі Лідскай зямлі» (Z dziejów Ziemi Lidzkiej) увайшлі публікацыі польскіх гісторыкаў Паўла Камароўскага (Pawła Komorowskiego) [29, с.133–157], Яраслава Куркоўскага (Jarosława Kurkowskiego) [32, с. 55–131], Тадэвуша Новака (Tadeusza Mariana Nowaka) [36, с.11–54].

На сучасным этапе працуюць Марыюш Ауш (Mariusz Ausz) [25, 44], Іанна Бугайска-Вецлавска (Joanna Bugajska-Więcławska) [27, с. 245–269], Яраслаў Куркоўскі [31, 32], Павел Камароўскі [29] і інш.

Уласна беларуская гістарыяграфія звярнулася да праблемы вывучэння гісторыі Ордэна Піяраў адносна нядаўна. Асноўнай асаблівасцю беларускай гістарыяграфіі канца XX – пачатку XXI стагоддзя з'яўляецца тое, што ў большасці выпадкаў вывучэнне дзейнасці Ордэна Піяраў адбываецца на рэгіянальным, краязнаўчым ўзроўні і вядзецца ў кантэксце вывучэння населеных пунктаў, у якіх існавалі піярскія навучальныя ўстановы. Яскравым прыкладам даследаванняў гісторыі піярскіх навучальных устаноў у кантэксце сацыяльна-культурнага развіцця рэгіёна з'яўляюцца выданні з серыі «Памяць»: Шчучынскага, Лідскага, Воранаўскага раёнаў, а таксама па гарадах Полацк і Віцебск [12, с. 66–68, 113; 13, с. 75–77, 109–110, 124–126; 14, с. 59–73]. Трэба адзначыць, што ў айчыннай гістарыяграфіі канца XX – пачатку XXI стагоддзя адукацыйная і асветніцкая дзейнасць каталіцкага Ордэна Піяраў на Беларусі, як і ў польскай гістарычнай навуцы, не з'яўлялася прадметам спецыяльнага даследавання.

У гэтай сувязі мэтазгодным прадстаўляецца правядзенне аналізу існуючай гістарыяграфіі зыходзячы не столькі з нацыянальнага, колькі з праблемнага падыходу.

Першыя працы па гісторыі Ордэна Піяраў у Рэчы Паспалітай з'явіліся яшчэ ў XIX стагоддзі. З тых часоў даследчыкаў найперш цікавіла методыка навучання, якая была прапанавана Станіславам Канарскім (1700–1773). Пад кіраўніцтвам гэтага правінцыяла Польскай правінцыі была праведзена рэформа піярскіх навучальных устаноў. Рэформа прадугледжвала ўвядзенне новых школьных праграм, стварэнне падручнікаў, шырокае выкарыстанне ў практыцы новых метадычных прыёмаў. У курсы піярскіх навучальных устаноў уводзілася «вывучэнне роднай мовы» (на той час у Рэчы Паспалітай яна разумелася як польская), прыродазнаўчых і гуманітарных навук: гісторыі, геаграфіі, замежных моў, а таксама фізічнае выхаванне» [1, с. 195; 2 с. 30–31; 30, 35; 40, с. 47–59].

Існуе значны пласт гістарычных даследаванняў агульных праблем рэлігіі і адукацыі на беларускіх землях, але ў іх прыводзяцца толькі істотныя характарыстыкі гэтай супольнасці. Дадзеная праблематыка за-

краналася даследчыкамі і навукоўцамі ў сувязі з вывучэннем пытанняў гісторыі манаскіх ордэнаў, сацыяльнай гісторыі і гісторыі каталіцтва ў Вялікім Княстве Літоўскім і Польшчы, а таксама ўзнікненнем і развіццём сістэмы адукацыі на беларускіх землях у другой палове XVIII – пачатку XX стагоддзя.

Так, у энцыклапедычным даведніку «Каталіцкія храмы на Беларусі», падрыхтаваным Анатолем Кулагінам, аналізуецца сярод іншага асноўная архітэктурная спадчына Ордэна Піяраў на беларускіх землях, што дазваляе рэканструяваць і ўдакладніць сетку кляштараў і навучальных устаноў айцоў піяраў [8]. У артыкуле айчыннага даледчыка І. Г. Ганчарук прыводзіцца пералік каталіцкіх манаскіх ордэнаў ў Беларусі ў 1770–1820-х гадах, адзначаецца спецыфіка іх духоўнасці і асаблівасці супольнасцей [3, с. 185–196]. У манаграфіі айчыннага даледчыка А. І. Ганчар раскрываецца дзейнасць рымска-каталіцкай канфесіі па захаванню яе ўплыву ў сферы адукацыі на Беларусі [15].

Асобна неабходна вылучыць рэгіянальны кірунак у даследаванні гісторыі Ордэну Піяраў на беларускіх землях, асабліва ў тым кантэксце, што краязнаўчыя метады даследавання, а таксама «вусная гісторыя» з'яўляюцца актуальнымі метадамі правядзення гістарычных даследаванняў. Так, айчынныя краязнаўцы і рэгіянальныя даследчыкі плённа працуюць над вывучэннем гісторыка-культурнай спадчыны і гісторыі кляштароў, а таксама навучальных устаноў на Шчучыншчыне і Лідчыне. Напрыклад, гарадзенскі гісторык С. У. Данскіх у сваім даследаванні «Стагоддзі і падзеі Шчучынскай зямлі» падрабязна апісвае абставіны з'яўлення Ордэна Піяраў у Шчучыне, пералічвае імёны фундатараў і фундушы на патрэбы кляштара, адзначае тутэйшыя славутасці – Батанічны сад Юндзіла і аптэку. Праводзіць гістарычны аналіз фактаў наконт знаходжання батанічнага саду на тэрыторыі Шчучына, дзе выказвае ўласныя меркаванні наконт знаходжання апошняга. Дарэчы, знаходжанне батанічнага саду да сёняшняга часу не вызначана, што з'яўляецца надзённай праблемай для ўдакладнення гісторыі Шчучына [4, с. 93–101, 158–162]. Шчучынскія краязнаўцы В. А. Дзежыц і У. М. Мірчук у невялікай брашуры адзначаюць тыпы навучальных устаноў, якія існавалі на Шчучыншчыне, паказваюць дзейнасць айцоў піяраў ў XVII–XVIII стагоддзях і іх ролю ў развіцці адукацыі ў дадзеным рэгіёне [5]. Плённа ў гэтым жа кірунку ў Лідзе працуюць рэгіянальныя гісторыкі Л. Л. Лаўрыш і В. В. Сліўкін [9; 22].

У гэтым жа кантэксце мы можам разглядаць і даследаванні так званай «Гандлёвай школы» ў Лідзе. У 20–30-я гг. XX стагоддзя ў часы II Рэчы Паспалітай адбываецца аднаўленне дзейнасці навучальных устаноў на тэрыторыі Заходняй Беларусі. Навучальная ўстанова адукацыі айцоў піяраў, так званая «Гандлёўка», была вельмі папулярнай сярод навучэнцаў і іх бацькоў. Цікавыя ўспаміны былых вучняў можна прачытаць на старонках мясцовых сродкаў масавай інфармацыі «Лідская газета» [7, с. 11], «Лідскі

Летапісец» [23, с. 22–27], «Ziemia Lidska» [39, с. 52–64]. Карыснымі бываюць успаміны і аповяды жыхароў Ліды, як мясцовых жыхароў [6], так і землякоў, якія пражываюць за межамі Рэспублікі Беларусь [24]. Гэтыя «вусныя крыніцы» актыўна выкарыстоўваюцца сучаснымі даследчыкамі.

Важнай праблемай для даследавання гісторыі Ордэна з'яўляецца арганізацыя навучання і педагагічная дзейнасць айцоў піяраў на землях сучаснай Беларусі. Найбольш уплывовым даследчыкам у гэтай галіне з'яўляецца А. Ф. Самусік. У шэрагу сваіх артыкулаў ён раскрывае прынцыпы арганізацыі навучальна-выхаваўчага працэсу, вызначае асаблівасці гуманітарнай і прыродазнаўчай падрыхтоўкі ў піярскіх калегіумах, асвятляе праблему патрыятычнага выхавання і нават закранае пытанне забеспячэння навуковай і педагагічнай літаратурай [18, с. 8–11; 19, с. 94–96; 20, с. 3–7; 21, с. 184–189].

Але пры гэтым неабходна адзначыць, што першапачатковыя вытокі даследавання дадзенага кола праблем былі закладзены айчыннымі гісторыкамі яшчэ ў савецкі час [1, с. 124–131; 11].

Пры гэты недастаткова вывучанай застаецца праблема спецыялізацыі розных калегіумаў і іх індывідуальныя асаблівасці. Найбольш раскрыта гісторыя Лідскага [9; 13; 16; 17; 22; 23; 42] і Шчучынскага [4; 5; 14; 31] калегіумаў. У той час як Полацкі, Віцебскі, Лужкоўкі, Дубровенскі ды іншыя калегіумы яшчэ не дачакаліся свайго даследчыка.

Увогуле праблема лакалізацыі, генэзісу і развіцця сеткі піярскіх калегіумаў, як і пытанне пра час іх узнікнення, з'яўляецца па-ранейшаму актуальным даследаваннем. Адной з першых работ у гэтым кірунку з'яўляецца праца віленскага біскупа Яна Курчэўскага, у якой даецца пералік усіх навучальняў піяраў у Віленскім біскупстве [26]. Некаторыя з пералічаных устаноў да гэтага часу не ўлічваюцца даследчыкамі (напрыклад Ятвеск). У Заходняй Еўропе Ордэн вывучаны падрабязна, асабліва там, дзе існавалі навучальныя ўстановы, а на Усходнюю Еўропу ўвага звернута ў меншай ступені. Але найбольш поўным пералік рэзідэнцый у Літоўскай правінцыі («domus olim exsistentes») і кароткія гістарычныя звесткі пра іх, спіс імёнаў Літоўскіх правінцыялаў з вызначэннем тэрміну знаходжання на пасадзе за перыяд з 1736–1843 гг. дае заходнееўрапейскі манах Піканьёль Леадэгарый [38, с. 270–278].

Праблема колькасці і тэрытарыяльнага размяшчэння Ордэна падымаецца ў працы Станіслава Літака (Stanisław Litak) «Атлас касцёла лацінскага ў Рэчы Паспалітай абодвух народаў у XVIII стагоддзі», у якой даецца пералік асноўных кляштараў і навучальных устаноў Літоўскай правінцыі, якія былі ўтвораны ў першай палове XVIII стагоддзя [34, с. 416–417].

Безумоўна, шмат увагі як айчыннымі, так і замежнымі даследчыкамі надавалася выдатнымі выпускнікам і прафесарам піярскіх калегіумаў. З піярскімі навучальнымі ўстановамі звязаны імёны вядомых навукоўцаў

XVIII–XIX стагоддзяў: гісторыка-археолага Мацея Догеля, філосафа Казіміра Нарбута, біёлага Станіслава Баніфацыя Юндзіла, геолага і мінеролага, даследчыка Чылі Ігната Дамейкі і інш. Іх дасягенні і лёсы цікавілі як польскіх, так і айчынных даследчыкаў. У межах гэтай накуковай праблемы найлепш можна адсачыць метадалагічную розніцу ў падыходах двух нацыянальных гістарычных школ. Напрыклад, асобная праца па Станілаву Юндзілу была падрыхтавана польскай даследчыцай Вандай Грэбэцка (Wandę Grębeska) [28], па Бернарду Сыруцю – Ярославам Куркоўскі [33], па Казіміру Нарбуту – Ірэна Стасевіч-Ясюкова [41]. Гэты пералік можна прадаўжаць, у той час як у айчыннай гістарыяграфіі лёсы гэтых вядомых навукоўцаў і выкладчыкаў разглядаліся толькі ў энцыклапедычных даведніках [10, с. 210–211, 264–265, 408–411, 413–416, 604–606, 633–634].

Вывучэнне місіі Ордэна Піяраў Літоўскай правінцыі ў кантэксце яго заснавання, развіцця і ліквідацыі ў сістэме адукацыі беларускіх зямель з канца XVII да пачатку XX стагоддзя ў гістарычнай рэтраспектыве з'яўляецца маладаследаванай тэмай. Невялікая колькасць прац па гэтай праблеме ў беларускай гістарыяграфіі тлумачыцца недахопам крыніц у айчынных фондасховішчах. У той жа час шматлікія крыніцы адносна дзейнасці Ордэна Піяраў захоўваюцца ў Польшчы і Літве: Літоўскі дзяржаўны гістарычны архіў; Галоўны архіў старажытных актаў; бібліятэка Чартарыйскіх у Кракаве, дзе менавіта знаходзяцца фонды калегіумаў з Полацка і Віцебска. Цікавасць прадстаўляюць таксама «Успаміны апошняга рэктара Лідскай навучальні Юзэфа Вайшвілы» («Wspomnienia Domku Pijarów Lidzkich ks. Józeh Wojszwiłło»), што знаходзяцца ў архіве Піяраў у Кракаве, мікрафільмы якіх захоўваюцца ў Нацыянальнай бібліятэцы ў Варшаве; уласныя фонды рукапісаў і старадрукаў Нацыянальнай бібліятэкі ў Варшаве для рэканструкцыі бібліятэчных фондаў піярскіх калегіумаў Літоўскай правінцыі.

Для завяршэння распачатай працы неабходна, каб з'явілася абагульняючая праца, цалкам прысвечаная адукацыйнай і культурна-асветніцкай дзейнасці піяраў на беларускіх землях, у якой будуць вызначаны прынцыпы ўнутранай арганізацыі кляштарных, адукацыйных і дабрачынных устаноў ордэна, здзейснены аналіз прасторавага развіцця сеткі навучальных устаноў Ордэна Піяраў Літоўскай правінцыі на аснове дадзеных аб колькасці настаўнікаў-манахаў (колькасны крытэрый), асаблівасцях адукацыйнага працэсу, які ажыццяўляўся ў навучальных установах (якасны крытэрый), вызначаны перыяды інстытуцыянальнай эвалюцыі навучальных устаноў Ордэна Піяраў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Асвета і педагагічная думка ў Беларусі: Са старажытных часоў да 1917 г. / Ткачоў М. А. [і інш]; пад рэд. М. А. Лазарука. – Мінск: Народная асвета, 1985. – 464 с.

2. Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т. 2: Кадэцкі корпус-Яцкевіч / рэдкал.: Г. П. Парашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – 2-е выд. – Мінск: БелЭн, 2007. – 792 с.

3. *Ганчарук, І. Г.* Каталіцкія манаскія ордэны на Беларусі ў 1770–1820-х гг. (спецыфіка духоўнасці і фармацыйныя дамы) / І. Г. Ганчарук // Гістарычны альманах. – Гародня, 2003. – Т. 9. – С. 185–196.

4. *Данскіх, С. У.* Стагоддзі і падзеі Шчучынскай зямлі / С. У. Данскіх. – Баранавічы: Барановичская укрупнённая типография, 2007. – 251 с.

5. *Дзежыц, В. А.* Адукацыя на Шчучыншчыне у XVIII–XX стст. / В. А. Дзежыц, У. М. Мірчук; Гродзенскае аддзяленне Таварыства Беларускай школы. – Гродна, 2006. – 44 с.

6. *Дзікевіч, М.* Дзітрыкі. Згукі заснуўшай цывілізацыі / М. Дзікевіч. – М.: Выдавецкі дом ТАА «Рытм», 2010. – 200 с.

7. *Дзікевіч, М.* Як навучыўся чытаць і палюбіў беларускую мову: [роздум аўтара аб бел. мове] / М. Дзікевіч // Лідская газета. – 2017. – 4 кастр. – С. 11.

8. *Кулагін, А. М.* Каталіцкія храмы на Беларусі: энцыкл. даведнік / А. М. Кулагін; маст. І. І. Бокі. – Мінск: БелЭн, 2000. – 216 с.

9. *Лаўрэш, Л. Л.* Лідскі піярскі калегіум / Л. Л. Лаўрэш // Маладосць. – 2016. – № 11. – С. 120–130.

10. Мысліцелі і асветнікі Беларусі: Энцыкл. даведнік / Беларус. энцыкл.; гал. рэд. Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1995. – 671 с.

11. Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі / С. А. Умрэйка [і інш.]; пад рэд. С. А. Умрэйка. – Мінск: Народная асвета, 1968.

12. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Воранаўскага раёна / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн., 2004. – 592 с.

13. Памяць: Ліда. Лідскі раён: Гіст.-дакум. хроніка гарадоў і раёнаў Беларусі / рэдкал.: В. Г. Баранаў [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 2001. – 592 с.

14. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Шчучынскага раёна / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн., 2001. – 592 с.

15. Римско-католическая церковь в Беларуси (вт. пол. XIX – нач. XX вв.). Исторический очерк: монография / А. И. Ганчар. – Гродно: ГГАУ, 2010. – 510 с.

16. *Савук, А.* Паслядоўнік Лінэя (240 год з дня нараджэння С. Б. Юндзіла) Батанік Вялікага княства Літоўскага / А. Савук // Лідскі Летапісец. – 2002. – № 3. – С. 23–28

17. *Самусік, А. Ф.* Лідскі піярскі калегіум / А. Ф. Самусік // Ліда і Лідчына: да 685-годдзя з дня заснавання горада: матэрыялы рэсп. навук.-прак. канф., Ліда, 3 кастр. 2008 г. / рэдкал.: А. П. Худык (гал. рэд.) [і інш.]. – Ліда, 2009. – С. 40–43.

18. *Самусик, А. Ф.* Организация учебно-воспитательного процесса в системе образования Беларуси (последняя треть XVIII – начало XIX в.) / А. Ф. Самусик // Вести Института современных знаний. – 2008. – № 3. – С. 8–11.

19. *Самусік, А. Ф.* Станаўленне гуманітарна-прыродазнаўчай сістэмы адукацыі ў піярскіх калегіумах Беларусі ў першай палове XVIII стагоддзя / А. Ф. Самусік // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя Гуманітарных навук. – 2006. – № 5, ч. 1. – С. 94–96.

20. *Самусік, А. Ф.* Арганізацыя патрыятычнага выхавання ў манаскіх навучальных установах на беларускіх землях у XVI – сярэдзіне XVIII ст. / А. Ф. Самусік // Весці БГПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Культуралогія. – 2015. – № 4. – С. 3–7.

21. *Самусік, А. Ф.* Вучэбна-метадычныя выданні Віленскай піярскай друкарні ў канцы 1750-х – пачатку 1770-х гг./ Матэрыялы міжнароднага кангрэса «500 гадоў беларускага кнігадрукавання» / [склад. А. А. Суша.]. – Мінск: Нац. б-ка Беларусі, 2017. – 360 с.

22. *Сліўкін, В. В.* Гісторыя адукацыі ў Лідзе / В. В. Сліўкін // Лідскі Летапісец. – 2002. – № 3. – С. 23–28.

23. *Сліўкін, В. В.* Гісторыя адукацыі ў Лідзе / В. В. Сліўкін // Лідскі Летапісец. – 2003. – № 1. – С. 22–27.

24. *Ярмонт, Е.* В тени замка Гедымина. Воспоминания детства / Е. В. Ярмонт. – Гродно: КЛР «Сталкер», 1995. – 176 с.

25. *Ausz, M.* Odbudowa Polskiej prowincji Pijarów. Działalność wychowawczo-edukacyjna zakonu w latach 1873–1918. – Lublin: Wydawnictwo uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2013. – 294 s.

26. Buskupstwo Wileńskie. Opracował Ks. Jan Kurczewski, nakładem i drukiem Jozefa Zawadzkiego. – Wilno, 1912. – 614 s.

27. *Bugajska-Więcławska, J.* Program wychowawczy szkoły Handlowej i gimnazjów księży Pijarów w Lidzie / J. Bugajska-Więcławska // Z historii polskich pijarów. – Kraków, 2013. – S. 245–269.

28. *Grębeska, W.* Ogród Botaniczny w Szczuczynie imienia wybitnego ks. Stanisława Bonifacego Jundziłła. – Warzawa – Kraków, 1994. – 18 s.

29. *Komorowski, P.* Prywatne kolegium i szkoła handlowa OO. Pijarów w dwudziestoleciu międzywojennym w Lidzie / P. Komorowski // Z dziejów Ziemi Lidzkiej. – Warszawa,1997. – S. 133–157.

30. *Konopczyński, W*. Stanisław Konarski / W. Konopczyński. – Warszawa,1926.

31. *Kurkowski, J.* Wybitni nauczyciele i uczniowie szkoły pijarskiej w Szczuczynie 1718–1832 / J. Kurkowski // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. – 1995. – № 1. – S. 83-104.

32. *Kurkowski, J.* Pijarzy w Werenowie i Lidzie (1735–1845) / J. Kurkowski // Z dziejów Ziemi Lidzkiej. – Warszawa,1997. – S. 55–131.

33. *Kurkowski, J*. Bernard Syruć (Siruć) (1731–1784) / J. Kurkowski. – Warszawa – Lublin, 2009. – 64 s.

34. *Litak, S*. Atlas kościoła łacińskiego w Rzeczypospolitej Obojga Narodów w XVIII wieku. – Lublin, Towarzystwo naukowe katolickiego uniwersytetu Lubelskiego Iana Pawła II, 2006. – 511 s.

35. *Nowak-Dłużewski, J*. Stanisław Konarski / J. Nowak-Dłużewski. – 2 wyd. – Warszawa,1989.

36. *Nowak, T. M*. Obraz Ziemi Lidzkiej na mapach XVI–XVIII wieku / T. M Nowak // Z dziejów Ziemi Lidzkiej. – Warszawa,1997. – S. 11–54.

37. *Nowarski, C*. Prognostyczność myśli ks. Stanisława Konarskiego w zakresie kształcenia i wychowania młodzieży / C. Nowarski // Szkolnictwo pijarskie w czasach minionych. – Kraków – Lublin, 2010. – S. 21–31.

38. *Picanyol, L*. Brevis conspectus historico-statisticus ordinis Shcolarum Piarum (пер. Я. Глінскага) / L . Picanyol. – Romae: Apud curiam generalitiam PP. Scolopi di S. Pantaleo, 1932. – 318 с.

39. Przelotowe miasto z tracycjami (Lida i okolice we wspomnieniach pani Janiny Burakowej) // Ziemia Lidzka. –1994. – № 13. – S. 52–64.

40. *Smykowski, J.* Program edykacyjny Stanisława Konarskiego w świetle współczesnych koncepcji edykacyjnych / J. Smykowski // Szkolnictwo pijarskie w czasach minionych. – Kraków – Lublin, 2010. – S. 47–59.

41. *Stasiewicz-Jasiukowa, I.* Kazimerz Narbutt (1738–1807) / I. Stasiewicz-Jasiukowa. – Warszawa – Lida, 2004. – 79 s.

42. *Szymielewicz, M.* Dzieje pijarów lidzkich / M. Szymielewicz // Ziemia Lidska. – № 9. – 1936. S. 2–4; № 1. – 1937. – S. 2–3; № 3. – 1937. – S. 32–33; № 4 – 1937. – S. 44; № 6–7. – 1937. – S. 62–67.

43. Wkład pijarów do nauki i kultury w Polsce XVII–XIX w. / pod red. I. Stasiewicz-Jasiukowej. – Warszawa – Kraków, 1993. – 652 s.

44. Z historii polskich pijarów / pod red/ dr. M. Ausza. – Kraków, 2013. – 276 s.

(Дата подачи: 28.02.2018 г.)

А. Н. Зинченко
Белорусский государственный университет, Минск

A. N. Zinchanka
Belarusian State University, Minsk

УДК 327.8

АЛЬТЕРНАТИВЫ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ СТРАНАМИ АКТ И ЕС ПОСЛЕ СОГЛАШЕНИЯ КОТОНУ

ALTERNATIVES IN RELATIONS BETWEEN THE ACP GROUP AND THE EU AFTER THE COTONOU AGREEMENT

В статье рассматриваются альтернативы для стран Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (АКТ) при развитии отношений с Европейским союзом (ЕС), которые предоставляли рамки Котонского соглашения. Исследованы варианты выбора между инициативой «Все, кроме оружия» (ВКО) и соглашением об экономическом партнерстве (СЭП). Выявлены различия в данных вариантах и их соответствие интересам Европейского союза и странам региона АКТ с учетом их экономического развития, уровня внутрирегиональной интеграции, а также их отношения к группе наименее развитых стран (НРС).

Ключевые слова: Соглашение Котону; Европейский союз; группа АКТ; инициатива «Все, кроме оружия»; соглашение об экономическом партнерстве; ВТО; НРС.

The article discusses alternatives for the countries of Africa, the Caribbean and the Pacific (ACP) in developing relations with the European Union, which was provided with the framework of the Cotonou Agreement. The options for choosing between the Everything but Arms Initiative and the Economic Partnership Agreement have been explored. Differences in these variants and their conformity to the interests of the European Union, the countries of the ACP region are revealed.

Key words: The Cotonou Agreement; the European Union; the ACP group; the initiative «Everything but Arms»; the Economic Partnership Agreement; WTO; LDCs.

Началом формирования политики Европейского союза (ЕС) по отношению к странам Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (АКТ) можно считать подписание конвенции Яунде в 1963 г. Яундская конвенция положила начало политике преференциальной торговли, которая была закреплена в 1975 г., когда наступил новый период в отношениях между Европейским экономическим сообществом и странами Африки, Карибского бассейна и Тихим океаном. В этом году было заключено два важных соглашения: Джорджтаунское соглашение о формировании официальной группы Африки, Карибского бассейна и Тихого океана; и первая конвенция Ломе, которую затем последовательно сменили еще три подобных конвенции, подписанные в 1974, 1979 и 1989 гг.

Конвенции Ломе поддерживали режимы преференциальной торговли, а также обычную техническую помощь в отношении данных стран. Их развитие привело к подписанию IV Ломейской конвенции в 1989 г., которая стала первым документом, который формировал политику ЕС как политической единицы в отношении данных стран.

Дальнейшая эволюция документа привела к его пересмотру в 1995 г., когда были включены некоторые элементы, касающиеся уважения прав человека, демократических принципов и гендерного равенства. Затем эти принципы получили развитие в соглашении Котону 2000 г. и привели к дальнейшему отмену режима преференциальной торговли, который сменился соглашением об экономическом партнерстве.

Данное исследование позволяет проследить эволюцию и предпочтение избираемых форматов для ведения внешней политики ЕС в развивающихся странах. Также оно ясно показывает отход от исключительно экономической формы сотрудничества в пользу политического партнерства и развития. Несмотря на неоднозначную оценку и критику действий глав некоторых государств в Африке, а также введение в 1995 г. принципа, который предусматривал приостановку помощи и финансирования в случае, если нарушались права человека, ЕС продолжает настаивать на том, что основной политикой является не введение санкций против данных государств, а предотвращение конфликтов, повышение уровня экономического развития, образования и инфраструктуры.

Анализ соглашения об экономическом партнерстве позволяет сделать вывод о том, что ЕС не ограничивается договорами об ассоциации в отношении развивающихся стран, а выстраивает свою политику в соответствии с требованиями ВТО и существующим уровнем сотрудничества.

23 июня 2000 г. на 25-м министерском совещании АКТ-ЕС в столице Бенина Котону было подписано соглашение о партнерстве между ЕС и странами АКТ, определяющее принципы сотрудничества сторон на ближайшие 20 лет. Документ был официально назван «Соглашением о партнерстве между государствами Африки, Карибского бассейна и Тихого океана, с одной стороны, и Европейским союзом, и его государствами-членами, с другой стороны» или соглашение Котону.

Несмотря на долгие переговоры и четыре Ломейские конвенции, существенных изменений за период с 1975 по 2000 г. было мало. Основные вопросы о реформировании системы преференций были подняты на пятом раунде переговоров, который проходил в 1998–2000 гг. Продолжительность торговых преференций Ломейской конвенции была продлена в соответствии с новым Соглашением Котону, но только временно – до 2008 г.

Для этого было несколько причин. Во-первых, низкая результативность Ломейских конвенций. Во-вторых, нарушение принципа взаимных преференций, которые должны вводиться в отношении всех членов соглашения. В-третьих, данные преференции снизили только тарифные и количественные ограничения, в то время как в ЕС действовали и другие правила, такие как ветеринарные стандарты и стандарты качества, антидемпинговые меры, некоторые аспекты местного законодательства в государствах-участниках, в отношении которых преференции, которые действовали в рамках Ломейских конвенций, были бесполезны [1, с. 6].

В 1994 г. члены ВТО отказались выдвигать претензии к Европейскому союзу в отношении невзаимных преференций на период с 1995 по 2000 гг. При этом просьбу не выдвигать подобные претензии направил сам Европейский союз.

Во время переговоров по Ломейской конвенции Европейский союз объявил, что будет запрошена еще одна дополнительная уступка на время, которое требовалось для приведения режима в соответствие с правилами ВТО и выступил за отказ от принципа невзаимности преференций как способа решения проблемы [2].

На подобные решения повлияло несколько факторов. Во-первых, переоценка коммерческих интересов Европы в АКТ, особенно в Африке. Экономическое развитие Африки в 1990-х гг. позволило рассматривать данный регион как экономически значимый для ЕС. Внутренний рынок потребления в Африке вырос до тех масштабов, когда можно было рассчитывать на стратегическое партнерство, а не только на роль сырьевого ресурса [3, с. 3].

1 апреля 2003 г. вступило в силу соглашение Котону. Оно было направлено на укрепление политической составляющей партнерства, подразумевалось, что данное соглашение открывает новый этап в отношениях АКТ-ЕС. Соглашение основывалось на пяти взаимосвязанных принципах: всеобъемлющее политическое измерение; подходы, основанные на сотрудничестве; повышенное внимание к сокращению масштабов нищеты; новые рамки для экономического и торгового сотрудничества; реформа финансового сотрудничества [4, с. 98].

Акцент делался на ключевую роль политического диалога. Данный диалог должен был позволить АКТ и ЕС решать все вопросы, представляющие взаимный интерес, и обеспечивать согласованность и усиление воздействия сотрудничества в целях развития. Он проводился на гибкой основе: в рамках и за пределами институциональной структуры, на национальном, региональном или уровне АКТ.

ЕС, согласно данному соглашению, собирался способствовать включению этих стран в мировую экономику, следуя политике равноправного партнерства, и, подразумевалось, что это включение будет максимально эффективным. Ставилась задача разработки внутреннего механизма для социально-экономического роста в странах АКТ и поддерживать предыдущие формы отношений.

У нового соглашения между ЕС и АКТ можно выделить пять основных направлений сотрудничества, на которых строился документ и которые уже встречались в предыдущих версиях соглашения: политическое измерение, участие частного сектора, искоренение нищеты, новое экономическое партнерство, развитие финансового сотрудничества.

Среди новых принципов, вводимых данным соглашением, были: подключение неправительственных организаций к сотрудничеству между ЕС и АКТ для поощрения интеграции всех секторов общества, включая част-

ный сектор и общественные организации, в политическую, экономическую и социальную сферы общественной жизни; контроль выполнения взаимных обязательств; принцип дифференциации и регионализации, который позволял выбирать соответствующие пути сотрудничества [5, с. 17].

Изменения в принципах соглашений между Европейским союзом и странами АКТ указывают на желание ЕС перейти в новую форму отношений от межгосударственного сотрудничества к сотрудничеству между государством, гражданским обществом и частным сектором. Также Европейский союз не в последнюю очередь волновала эффективность траты выделяемых средств. В связи с чем повышалась также степень ответственности сторон за обязательства [6, с. 19].

За 25-летний период своего существования система Ломейских конвенций предоставляла односторонние торговые преференции странам АКТ. Эти преференции были наиболее щедрыми из всех преференциальных систем, которые ЕС предоставлял третьим странам [7, с. 984]. После 2007 г. возникли два варианта трансформации системы преференций, которые стали доступны для стран АКТ. Региональные группы стран АКТ могли заключить с ЕС так называемые соглашения об экономическом партнерстве (СЭП), в соответствии с которыми в ближайшие 10–12 лет должна быть достигнута взаимная либерализация торговых отношений [8, с. 184].

Наименее развитые страны региона (НРС) АКТ могли рассчитывать на продолжение системы односторонних преференций в рамках системы преференций ЕС для наименее развитых стран, которая затрагивает большую часть продукции, экспортируемой в ЕС из этих стран [9, с. 151].

Исключение составляли оружие и, временно, некоторые сельскохозяйственные продукты. Эта инициатива называлась «Все, кроме оружия» (ВКО). Страны АКТ, которые не являлись НРС и не имели возможности заключить с ЕС СЭП, могли попытаться экспортировать товары в ЕС в рамках существовавшей Общей системы преференций (ОСП) ЕС после 2007 г. в одностороннем порядке. Все эти варианты соответствовали правилам Всемирной торговой организации и позволяли положить конец дискриминационной системе, которая по географическим и историческим причинам благоприятствовала странам АКТ [10, с. 97].

Однако реформа общей сельскохозяйственной политики ЕС и либерализация торговли сельскохозяйственной продукцией привели к снижению цен на эти продукты в момент их включения в рамки ВКО. Более того, одним из пунктов ВКО были меры по снижению экспорта из наименее развитых стран, если этот экспорт достигал слишком высокого уровня. Недостатком для НРС являлось то, что эта инициатива шла только от ЕС и условия практически не обсуждались с остальными странами. В результате наименее развитые страны имели два пути: СЭП или ВКО, при этом оба пути приводили к радикальным изменениям. Выбор СЭП приводил к немедленным выраженным изменениям, которые могли проявиться через небольшой про-

межуток времени. Выбор ВКО делал грядущие изменения менее очевидными, при этом могло сложиться впечатление, что ВКО не мог способствовать структурным экономическим реформам [11, с. 53].

Предоставленные странам АКТ ЕС торговые преференции вступали в противоречие с требованиями Всемирной торговой организации (ВТО). Эти торговые преференции не могли рассматриваться как соглашения о свободной торговле, поскольку они имели односторонний характер, а это не соответствуют условиям Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), которая регулирует региональные торговые соглашения.

В 1994 г. страны-участники ГАТТ отказались подавать жалобы в ЕС об этих несоответствиях вплоть до 2000 г. Но в этот период ЕС и АКТ не смогли заключить торговое соглашение, отвечающее условиям ВТО, поэтому была подана еще одна заявка на отсрочку до 2007 г., которая была одобрена. На переговорах ЕС и страны АКТ согласились с заключением в будущем справедливого взаимного соглашения о свободной торговле в качестве Комплексного пакета торговых соглашений и документов, регулирующих экономическую помощь странам АКТ. Страны АКТ желали преодолеть основные торговые барьеры и упростить доступ своих товаров к европейскому рынку в рамках снижения тарифов, облегчения технических стандартов, введения или сохранения уже существующих квот, закрепленных в протоколах, упрощения экспортных процедур [8, с. 172].

Несмотря на то, что ЕС оказал финансовую и техническую поддержку реформам, необходимым для стран АКТ, успех в первую очередь зависел от их собственных возможностей, направленных на создание и поддержание благоприятной политической, экономической и институциональной среды [12, с. 140].

В марте 2010 г. Европейская комиссия и Группа стран Африки, Карибского бассейна и Тихого океана завершили второй пересмотр Соглашения Котону. Второй пересмотренный вариант адаптировал партнерство к изменениям, которые произошли за последнее десятилетие.

Было отражено растущее значение региональной интеграции в странах АКТ и в сотрудничестве АКТ-ЕС. Подчеркивалась роль такого сотрудничества в укреплении мира и безопасности, в содействии росту и решении трансграничных проблем. Указывалась растущая роль Африканских интеграционных процессов в развитии данного региона и развитии сотрудничества в рамках Африка-ЕС. Уделялось внимание укреплению мира и предотвращению конфликтов. Для случаев, когда в стране наблюдалась напряженность, был разработан комплексный подход, сочетающий дипломатию, безопасность и сотрудничество в целях развития.

Торговый раздел соглашения отражал новые торговые отношения и упразднение преференций в конце 2007 г. Он подтверждал роль соглашений об экономическом партнерстве в целях стимулирования экономического развития и интеграции в мировую экономику. В пересмотренном со-

глашении подчеркивались проблемы, с которыми столкнулись страны АКТ, на пути интеграции в мировую экономику, в частности последствия упразднения преференций. В этой связи раздел подчеркивал важность стратегий адаптации к торговле и помощи в развитии торговли.

ЕС способствовал широкому и всестороннему партнерству со странами АКТ. Новое соглашение четко признает роль национальных парламентов, местных органов власти, гражданского общества и частного сектора.

Этот пересмотр играл важную роль в практической реализации согласованных на международном уровне принципов эффективности помощи, в частности координации деятельности доноров. Он также отменял помощь ЕС странам АКТ для снижения операционных издержек. Впервые признавалась роль общей внешней политики и политики безопасности ЕС для развития стран АКТ, и ЕС обязался повышать согласованность этой политики. Пересмотр Котонского соглашения 2010 г. был ключевым моментом в смене политики ЕС по отношению к странам АКТ.

В 2010 г. было подтверждено окончание действий преференциальной торговли, при этом на смену окончательно приходили соглашения об экономическом партнерстве.

Также в 2010 г. наиболее заметна перемена, которая произошла в самом подходе ЕС к партнерству со странами АКТ. Если в течение действия Ломейских конвенций основным было экономическое развитие и техническая помощь региону для поддержания экономических связей с бывшими колониями и их развитие с помощью инструментов преференциальной торговли, то с началом и закреплением действия Котонских соглашений основными положениями в отношениях АКТ – ЕС можно считать политический аспект, который выражается в акцентировании важности прав человека, гендерного равенства и демократических принципов в отношениях АКТ – ЕС.

Таким образом, в течение действия Котонского соглашения, заключенного в 2000 г., политика ЕС в отношении стран АКТ окончательно потеряла характер преференциальной торговли и утратила свой исключительно экономический оттенок. На смену преференциальной торговле (за исключением наименее развитых стран) пришли соглашения об экономическом партнерстве, а на смену экономическим принципам отношений пришли политические, такие как уважение прав человека, демократические принципы и надлежащее управление, а также гендерное равенство. Несмотря на то, что эти принципы были озвучены еще в пересмотре IV Ломейской конвенции, закреплены и дополнены они были именно в Котонском соглашении. Также в 2010 г., когда соглашение было пересмотрено, было впервые озвучено мнение о том, что общая внешняя политика ЕС и меры ее проведения непосредственно влияют на развитие регионов АКТ, вне зависимости от региональных индикативных программ.

Несмотря на постепенное развитие интеграционных процессов в ЕС, не происходило кардинальной ломки политики в отношении стран АКТ. Все

инструменты последовательно совершенствовались и были приспособлены к изменяющимся условиям внутри самого ЕС и общим условиям ведения мировой политики.

Необходимо отметить, что политика ЕС в отношении стран Африки, Карибского бассейна и Тихого океана формировалась в переходный период, когда само интеграционное образование Европейских сообществ претерпевало трансформацию. Преобразование Европейских сообществ в Европейский союз в 1992 г. и создание общей внешней политики и политики безопасности, а также дальнейшая реализация данной политики ясно показывают процесс изменения подхода к внешней политике Европейского союза на примере данного исследования благодаря анализу договорной базы в период с 1989 г., когда политика Европейского экономического союза в отношении данных государств формировалась с учетом интересов отдельных государств, что было выражено в конвенциях Ломе. Такой подход оставался действительным до 2010 г., когда произошел пересмотр Котонского соглашения.

С учетом того, что Европейский союз – относительно новое интеграционное формирование, уровень политической интеграции и мировое влияние выделяет его среди других интеграционных формирований и политических союзов. Анализ эволюции в подходе к внешней политике на примере стран Африки, Карибского бассейна и Тихого океана поможет отследить тенденцию в изменениях политических интересов и может быть использован применительно к анализу внешней политики ЕС в отношении других регионов и государств.

Список использованных источников

1. *Goulangana, J. R.* Together we must take up the new challenges of the Cotonou Agreement / J. R. Goulangana // The Courier – Special issue. – September 2000.

2. *Kennan, J.* After Lomé IV: A Strategy for ACO-EU Relations in the 21st Century Economic Paper № 37 / C. Stevens, M. McQueen, J. Kennan. – London:Commonwealth Secretariat. – 1999.

3. *Nielson, P.* The new agreement will benefit the poorest / P. Nielson // The Courier – Special issue. – September 2000.

4. *Page, S.* The New European Trade Preferences: Does 'Everything But Arms'(EBA) Help the Poor? / S. Page, A. Hewitt // Development Policy Review. – 2002. – T. 20. – № . 1. – C. 91–102.

5. *Kenneth, K.* Signing Ceremony in Cotonou. A new era of cooperation / K. Kenneth // The Courier – Special issue. – September 2000.

6. *Petit, B.* The Cotonou Agreement is the only one of its kind in the world / B. Petit // The Courier – Special issue. – September 2000.

7. *Rodrik, D.* Growth strategies //Handbook of economic growth. – 2005. – T. 1.

8. *Borrmann, A.* EU/ACP Economic Partnership Agreements: Impact, options and prerequisites / A. Borrmann, M. Busse, S. Neuhaus // Intereconomics. – 2005. – T. 40. – №. 3.

9. *Bernal, R. L.* Competition, Competitiveness and Cooperation: Priority Issues for CARICOM in Future EU-ACP Trading Arrangements / R. L. Bernal // Trade Negotiations and Commercial Diplomacy Branch, Division on International Trade in Goods and Services, and Commodities. – New York. – 2003.

10. *Page, S.* The New European Trade Preferences: Does 'Everything But Arms'(EBA) Help the Poor? / S. Page, A. Hewitt // Development Policy Review. – 2002. – T. 20. – № 1.

11. *Tangermann, S.* The Cotonou Agreement and the Value of Peferences in Agricultural Markets for the African ACP / S. Tangermann // Trade Negotiations and Commercial Diplomacy Branch, Division on International Trade in Goods and Services, and Commodities. – New York, 2003.

12. *Williams G. E.* Priority Issues for ACP States in respect of Negotiating Economic Partnership Agreements with the EU / G. E. Williams // Trade Negotiations and Commercial Diplomacy Branch, Division on International Trade in Goods and Services, and Commodities. – New York, 2003.

(Дата подачи: 19.02.2018 г.)

И. В. Зуев
Белорусский государственный университет, Минск

I. Zuyeu
Belarusian State University, Minsk

УДК 94(494)

НЕЙТРАЛИТЕТ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ ШВЕЙЦАРИИ

NEUTRALITY WITHIN THE CONTEXT OF THE SWISS FOREIGN AND SECURITY POLICY STRATEGY

Статья посвящена адаптации постоянного нейтралитета Швейцарии к обстановке, сложившейся в Европе после окончания «холодной войны». Дается обзор современной историографии этой проблемы, называются причины принятия нейтралитета и сравниваются подходы к политике нейтралитета, существовавшие в Конфедерации в различное время. Рассматривается место нейтралитета в стратегии внешней политики и политики безопасности Швейцарии и преимущества, которые он даёт Конфедерации. Предлагается ответ на вопрос, насколько оправдано сохранение постоянного нейтралитета в современных международных условиях.

Ключевые слова: Швейцарская конфедерация; право нейтралитета; политика нейтралитета; дифференцированный нейтралитет; стратегия внешней политики; стратегия безопасности; холодная война; устрашение; сотрудничество; миротворчество; добрые услуги; Союз безопасности Швейцарии.

The article focuses on the adaptation of the Swiss permanent neutrality to the post-Cold War era in Europe. It outlines modern historiography on this issue, provides the reasons for the adoption of neutrality, and compares approaches to the neutrality policy that prevailed in the Confederation at different times. In addition, it examines the place of neutrality in the Swiss foreign and security policy strategy and the advantages it gives to the Confederation. The article suggests the answer to the question as to whether maintaining of permanent neutrality can be justified in the current international conditions.

Key words: Swiss Confederation; law of neutrality; neutrality policy; differential neutrality; foreign policy strategy; security policy strategy; Cold War; deterrence; cooperation; peacekeeping; good offices; Swiss Security Network.

Швейцария – старейшее в мире постоянно нейтральное государство. Ее особый статус был признан великими державами Европы на Венском конгрессе 1815 г., однако иногда его возникновение связывают с более ранними событиями, ведь еще святой покровитель Конфедерации Никлаус из Флюэ завещал «не вмешиваться в чужие дела». Основоположник швейцарской исторической науки Эдгар Бонжур писал, что почти с самого основания Швейцарского союза в его политике были элементы, именуемые сначала «stillesitzen» (нем. сидеть тихо), а затем – «neutralitet» [1, с. 11–12].

В XX в. ряд других государств отказался от строгого нейтралитета как неэффективного средства против современных угроз. Так, Норвегия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург и Дания были в числе основателей Организации Североатлантического договора, а Финляндия и Швеция, присоединившись к Европейскому союзу в 1995 г., стали называть себя «внеблоковыми» и полноценно участвовать в Общей политике безопасности и обороны.

После окончания «холодной войны» подобные вопросы вышли на повестку дня и в Конфедерации: в 1991 г. швейцарский парламент предложил обновить концепции внешней политики и политики безопасности, а также определить место нейтралитета в этих концепциях. В 1993 г. Федеральный совет объявил о намерении придерживаться политики нейтралитета до тех пор, пока она будет соответствовать национальным интересам Швейцарии. В 1999 г. была принята стратегия безопасности, ядром которой стало сотрудничество с европейскими государствами и международными организациями, а в 2012 г. нейтралитет был назван одним из основных принципов внешней политики Конфедерации.

Проблема модернизация внешней политики и политики безопасности нашла свое отражение в швейцарской историографии. Так, Алоис Риклин сравнил Европу середины 1990-х гг. с нестабильным «монстром», составленным из множества организаций (ОБСЕ, Совета Европы, НАТО, Западноевропейского союза, ЕС и ЕАСТ). Однако автор настаивал на том, что Швейцария должна перестать самоизолироваться и активизировать сотрудничество с ними, поскольку международная солидарность и долгосрочные перспективы гораздо важнее текущих интересов [2].

Лоран Гетшель также обратил внимание на многогранную институционализацию европейского сотрудничества, сменившую состояние постоянного конфликта. Он предложил таким государствам, как Швейцария, уделять больше внимания идеалистической стороне нейтралитета (связанной с арбитражем, посредничеством и другими добрыми услугами), поскольку его реалистическая сторона (сохранение независимости, экономических связей и равновесия сил) отошла на второй план в связи со снижением числа межгосударственных конфликтов, где может применяться право нейтралитета [3]. В дальнейшем автор обратился к типологии конструктивизма и отметил, что многие малые государства Европы, в том

числе нейтральные, постепенно переориентировали свою внешнюю политику с нормативных идей (восприятия себя как «прирожденных миротворцев» и «миссионеров») на когнитивные (направленные на активный вклад в работу международных организаций и участие в миротворческих операциях) и при этом не потеряли своей значимости в региональной системе безопасности [4].

Даниэль Мекли изучил развитие концепций нейтралитета Швейцарии в свете смены парадигмы ее внешней политики и политики безопасности. По мнению автора, современная модель «активного нейтралитета», основанная на поддержании позитивного образа Конфедерации, которая стремится выразить международную солидарность, не способствует повышению ее безопасности, а от угроз ее защищает лишь географическая близость к Европейскому союзу и НАТО [5]. Эту тему Д. Мекли продолжил исследовать в соавторстве с Андреасом Венгером. Они пришли к выводу, что ввиду взаимосвязи угроз в глобализированном мире, Швейцарии необходимо единство различных отраслей политики, в том числе сотрудничество гражданской и военной сферы [6]. Кроме того, Д. Мекли и Валентин Мистели предложили расширить участие Конфедерации в миротворческих операциях, что позволит найти новое применение ее опыту и возможностям, а также укрепить безопасность страны [7].

Марк ДеВор и Армин Штели, проанализировав спектр современных угроз, указали на все возрастающую зависимость Швейцарии, как и других малых государств Европы, от внешнего окружения в сфере безопасности. Кроме того, авторы определили, что часть международных организаций, с которыми сотрудничает Швейцария (в частности, ООН), вносят «условный» вклад в ее безопасность, то есть могут помогать ей в случае необходимости, предусмотренной их уставными документами. При этом вклад других организаций (НАТО и ЕС) – «безусловный»: сама по себе их работа благоприятна для Швейцарии, которая даже не является их государством-членом и потому получает от них гораздо больше, чем отдает [8].

Андреас Граф и Давид Ланц, взяв за основу теорию ролей (в частности, такие механизмы, как структурные изменения, взаимодействие между политическими элитами и другими международными акторами, взаимосвязь внешней и внутренней политики), пришли к выводу, что современная политика безопасности, сформировавшаяся в Швейцарии с окончанием «холодной войны» и основанная на сотрудничестве и более активном участии в миротворчестве, в целом не отличает ее от других малых государств. Авторы указали и на некоторые особенности: Конфедерация стремится сохранять максимальную автономию в сфере безопасности, не вступая в ЕС и НАТО, а также фокусируется по большей части на гражданском, а не военном миротворчестве, следуя давним гуманитарным традициям и сохраняя роль «посредника-объединителя» [9].

На постсоветском пространстве трансформацию внешней политики Швейцарии в течение XX – начале XXI в. изучили В. Я. Швейцер и А. И. Степанов. Они обратили внимание на то, что усиление ее роли в международных организациях, включая ООН, и расширение ее участия в миротворчестве способствуют обеспечению национальной безопасности Конфедерации, несмотря на отсутствие консенсуса внутри страны. Тем не менее, авторы выразили сомнение по поводу того, что Швейцария в обозримом будущем может отказаться от традиций нейтралитета [10].

Как подчеркивали многие исследователи, за долгие годы своего существования нейтралитет стал не просто одним из принципов внешней политики Швейцарии, но и неотъемлемой частью ее национальной идентичности, наряду с прямой демократией, федерализмом и культурным разнообразием. В свете обновления политики безопасности других малых европейских государств после окончания «холодной войны», проблема восприятия нейтралитета в Швейцарии стала особенно актуальной. Поэтому цель данной статьи – выявить причины принятия Конфедерацией постоянного нейтралитета, проследить развитие ее внешней политики и политики безопасности и определить оправданность сохранения нейтралитета в современных международных условиях.

В 1674 г. Союзный сейм постановил, что отныне Швейцария будет постоянно нейтральным государством [1, с. 11]. Для чего это было нужно? Во-первых, отказавшись от участия в войнах, Швейцария больше не могла потерпеть поражение, подобное битве при Мариньяно 1515 г. против Франции. Во-вторых, ad hoc нейтралитет, принятый в конце Тридцатилетней войны 1618–1648 г., позволил ей решить свои внутренние проблемы, в том числе остановить гражданскую войну между союзными землями. Таким образом, с самого начала нейтралитет служил гарантией безопасности, независимости и неприкосновенности Конфедерации. Этому же способствовало и официальное признание ее особого статуса великими державами Европы на Венском конгрессе 1815 г. [11].

В 1907 г. две Гаагские конвенции кодифицировали права и обязанности нейтральных государств: в случае сухопутной или морской войны им гарантировались неприкосновенность территории и право торговли, при этом они были обязаны не участвовать в войне, не допускать воюющих на свою территорию и в равной степени применять к ним любые ограничительные меры [12, гл. I].

Первая мировая война показала, что нейтралитет сам по себе не может защитить от угроз: в августе 1914 г. он не помешал Германии оккупировать нейтральные Бельгию и Люксембург. Поэтому Швейцария была заинтересована в создании Лиги Наций: эта организация обещала предотвратить и урегулировать будущие конфликты, используя не только дипломатию, но и активные меры коллективной безопасности против агрессора [13, ст. 16]. Участие в международных санкциях не противоречило праву нейтралитета,

поскольку Лига Наций не являлась государством [12, ст. 20], однако в Конфедерации решили перестраховаться. Во-первых, ее дипломаты добились включения в Версальский мирный договор положения, утвердившего отмену нейтралитета Савойи, но сохранившего нейтралитет Швейцарии, признанный в 1815 г. [13, ст. 21, 435]. Во-вторых, она согласилась проявлять международную солидарность только в сфере экономики и транспорта, но не в военной сфере – такая политика получила название «дифференцированного нейтралитета» [14, с. 583–586].

В 1945 г. Лигу Наций сменила Организация Объединенных Наций. Ее создатели учли ошибки прошлого и предусмотрели в Уставе этой организации больше превентивных и принудительных мер против агрессии. Как и прежде, эти меры были совместимы с нейтралитетом. Кроме того, участие в военных санкциях ООН было сугубо добровольным: для присоединения к ним государство-член должно было сначала заключить особое соглашение с Советом Безопасности [15, ст. 43–45], что позволяло вступать в ООН даже тем, кто стремился сохранить политику изоляционизма. Однако, в отличие от многих других нейтральных государств, Швейцария не посчитала нужным вступать в эту организацию, для чего у нее был ряд причин. Во-первых, в Конфедерации предполагали, что ООН, как и Лига Наций в прошлом, будет не в состоянии предотвратить крупный вооруженный конфликт. Во-вторых, концепция «Национальный редут» главнокомандующего Анри Гизана, согласно которой в Альпах построили 21 тыс. оборонительных бункеров (в дополнение к уже существовавшим с 1880-х гг.) [16], и строгая приверженность праву нейтралитета (Швейцария торговала со всеми воюющими сторонами и закрывала границы даже для еврейских беженцев из Германии) убедили руководство Конфедерации в способности защищать себя с помощью внутренних ресурсов. В-третьих, Швейцария не отказалась от сотрудничества со специализированными учреждениями и программами ООН, получив при ней статус постоянного наблюдателя и разместив в женевском Дворце Наций ее европейскую штаб-квартиру [17]. В-четвертых, начало «холодной войны» и нарастание ядерной угрозы вновь вынесли на повестку дня вероятность межгосударственного конфликта в Европе, поэтому правовой отдел Федерального политического департамента под руководством Рудольфа Биндшедлера в 1954 г. разработал доктрину постоянного нейтралитета [18]. Она запретила Конфедерации вступать в международные организации даже в мирное время, чтобы продемонстрировать всем ее строгую приверженность нейтралитету.

Разрядка международной напряженности подтолкнула Швейцарию отказаться от строгой самоизоляции. С 1969 г. она стала обсуждать возможность вступления в ООН (хотя на референдуме, который в итоге состоялся в 1986 г., большинство граждан отклонили эту идею), а в 1973–1975 гг. активно участвовала в подготовке Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (именно швейцарская делегация предложила разделить повестку

дня на «корзины»). Стремление к сотрудничеству отразилось в первой всеобъемлющей концепции безопасности, принятой в Конфедерации в 1973 г. [19]), хотя ее ядром по-прежнему было устрашение через повышение обороноспособности. При шестимиллионном населении [20] численность армии составляла 625 тыс. человек [21], значительная часть швейцарцев была занята в сфере гражданской обороны, а ее спецслужбы тайно готовились к возможной оккупации со стороны Советского Союза [22].

Окончание «холодной войны», с одной стороны, давало надежду на построение нового международного порядка, основанного на доверии и сотрудничестве. С другой стороны, начавшаяся глобализация вынесла на первый план новые угрозы: организованную преступность, терроризм и вооруженный экстремизм, массовую миграцию и беженство, шпионаж и киберпреступность, экономическое давление и манипулирование информацией, экологические проблемы. Для небольшого государства, зависимого от внешних ресурсов, такого как Швейцария, сотрудничество стало необходимым условием защиты от новых угроз, которые распространяются повсюду, невзирая на нейтральный статус или государственные границы. Поэтому в 1990 г. Федеральный совет назвал укрепление международной стабильности, особенно в Европе, одним из приоритетов своей политики безопасности, хотя и выступил против резких изменений, предпочитая сперва наблюдать за ситуацией [23].

В связи с изменениями международной обстановки, в 1991 г. швейцарские парламентарии выступили с рядом инициатив: они предложили разработать новые концепции внешней политики и политики безопасности Конфедерации, а также пересмотреть отношение к нейтралитету – в частности, оценить его совместимость с участием в миротворческих операциях и членством в Европейских сообществах (в то время Швейцария стремилась к ним присоединиться) [24, с. 153–154]. На разработку внешнеполитической стратегии Федеральному совету потребовалось еще два десятилетия [25], однако уже в 1993 г. он опубликовал доклад о нейтралитете, где определил его как военное неучастие в вооруженных конфликтах между другими государствами и отметил необходимость адаптации политики нейтралитета к современным условиям. Правительство решило сохранить приверженность нейтралитету, но только до тех пор, пока не появятся новые, более эффективные инструменты внешней политики, и только в том случае, если он не будет препятствовать участию Швейцарии в формировавшейся в Европе системе региональной безопасности [24, с. 210–212, 218–225]. Впоследствии эти идеи были высказаны и в новой стратегии безопасности через сотрудничество, принятой в 1999 г. [26].

Действительно, в 1990-х гг. список международных партнеров Швейцарии в сфере безопасности значительно расширился. В 1994 г. она начала переговоры о заключении билатеральных соглашений с Европейским союзом (те из них, которые затрагивали вопросы охраны правопорядка, ми-

грации, пограничного контроля и обороны, были подписаны в 2000-х гг.) [27]. В 1996 г. Конфедерация присоединилась к программе «Партнерство ради мира», а в 1997 г. вступила в Совет евроатлантического партнерства, получив возможность участвовать в широком региональном диалоге по безопасности под эгидой НАТО [28]. Кроме того, в это время швейцарские военные наблюдатели и сотрудники полиции присоединились к международному миротворчеству: с 1990 г. – в рамках ООН (ряд миссий на территории Югославии, а также на Ближнем Востоке и в Африке [29]), с 1999 г. – НАТО (швейцарский корпус SWISSCOY в составе миссии KFOR в Косово [30]), с 2004 г. – ЕС (миссия EUFOR ALTHEA в Боснии и Герцеговине [31]). В 2001 г. граждане Конфедерации приняли законодательные поправки, позволившие вооружать швейцарских миротворцев [32, ст. 66, 66a; 33], а в 2002 г. наконец одобрили вступление своей страны в ООН [34].

В это же время в Швейцарии проходили внутренние преобразования. Реформы «Армия 95» и «Армия XXI», проводившиеся, соответственно, в 1995–2003 и 2004–2017 гг., предусматривали снижение численности вооруженных сил до 400 тыс., а затем до 140 тыс. человек с особым акцентом на силы быстрого реагирования, сокращение и модернизацию вооружений и инфраструктуры, улучшение профессиональной подготовки кадров, а также реструктуризацию армии и расширение ее сотрудничества с европейскими партнерами [35; 36]. Развитие вооруженных сил Конфедерации в этом направлении продолжит программа «Модернизация армии», начавшаяся в 2018 г. [37]. В 2010 г. был создан единый механизм взаимодействия между государственными учреждениями, частными компаниями и гражданами на федеральном уровне, уровне кантонов и уровне общин – Союз безопасности Швейцарии [38, с. 5161–5165, 5215–5218], а в 2016 г. в его составе была сформирована Центральная группа по безопасности, в задачи которой входит раннее выявление угроз и информирование о них [39, с. 7869–7874].

Во всех стратегиях безопасности Швейцарии (1973, 1990, 1999, 2010 и 2016 гг.), стратегиях ее внешней политики (2012–2015 и 2016–2019 гг. [40]) и других официальных докладах Федерального совета [41] нейтралитету уделялось значительное место. Причем если еще в начале 1990-х гг. высказывались мнения по поводу возможного отказа от него в будущем, то в 2000-х гг. нейтралитет, сузившись до своего международно-правового значения, рассматривался скорее как преимущество. На сегодняшний день Конфедерации нет необходимости вступать в оборонные союзы как в связи с низкой вероятностью крупных вооруженных конфликтов в Европе, так и в силу своего географического положения: она окружена странами ЕС и НАТО – своими союзниками и партнерами. При этом нейтральный статус не является препятствием для членства в ООН, других организациях и интеграционных объединениях, а также для участия в международных мерах коллективной безопасности (экономических санкциях и миротворческих операциях). Кроме того, богатые гуманитарные традиции Швейцарии

и исторически сложившийся образ «международной Женевы» как арбитра, посредника и поставщика других добрых услуг позволяют ей вносить свой особый вклад в европейскую безопасность.

Таким образом, если в XVII в. постоянный нейтралитет считался самодостаточным инструментом обеспечения безопасности, то, как показали две мировые войны и современная глобализация, сам по себе он не способен защитить Швейцарию от существующих угроз. Поэтому в период после окончания «холодной войны» она обновила стратегию своей внешней политики и политики безопасности, в основе которой лежит сотрудничество как внутри страны, так и с европейскими партнерами. Нейтралитет при этом стал преимуществом Конфедерации: она способна участвовать в разрешении конфликтов как с помощью дипломатических методов (благодаря своему беспристрастному имиджу), так и участвуя в миротворчестве (тем самым проявляя международную солидарность). В связи с этим в текущей международной ситуации и в обозримом будущем у Швейцарии есть все причины сохранять нейтральный статус.

Список использованных источников

1. *Bonjour, E.* Swiss neutrality, its history and meaning / E. Bonjour, M. Hottinger (transl.). – London: G. Allen & Unwin, Ltd., 1946. – 135 p.

2. *Riklin, A.* Isolierte Schweiz: eine europa- und innenpolitische Lagebeurteilung / A. Riklin // Swiss Political Science Review. – 1995. – Vol. 1, iss. 2–3. – P. 1–26.

3. *Goetschel, L.* Neutrality, a really dead concept? / L. Goetschel // Cooperation and Conflict. – 1999. – Vol. 34, iss. 2. – P. 115–139.

4. *Goetschel, L.* Bound to be peaceful? The changing approach of Western European small states to peace / L. Goetschel // Swiss Political Science Review. – 2013. – Vol. 19, iss. 3. – P. 259–278.

5. *Möckli, D.* Swiss neutrality: rhetoric and relevance / D. Möckli // CSS Analyses in Security Policy. – 2007. – № 20, vol. 2. – 3 p.

6. *Wenger, A.* The Swiss security policy report: key points and debates / A. Wenger, D. Möckli // CSS Analyses in Security Policy. – 2009. – № 50. – 4 p.

7. *Möckli, D.* Swiss military operations abroad: challenges and options / D. Möckli, V. Misteli // CSS Analyses in Security Policy. – 2010. – № 67. – 3 p.

8. *DeVore, M. R.* From armed neutrality to external dependence: Swiss security in the 21st century / M. R. DeVore, A. Stähli // Swiss Political Science Review. – 2011. – Vol. 17, iss. 1. – P. 1–26.

9. *Graf, A.* Conclusions: Switzerland as a paradigmatic case of small-state peace policy? / A. Graf, D. Lanz // Swiss Political Science Review. – 2013. – Vol. 19, iss. 3. – P. 410–423.

10. *Швейцер, В. Я.* Своеобразие нейтралитета / В. Я. Швейцер, А. И. Степанов // Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / В. Я. Швейцер [и др.]; под ред. В. Я. Швейцера. – Москва: Весь Мир, 2009. – Гл. 5. – С. 144–164.

11. Акт относительно признания и гарантии постоянного нейтралитета Швейцарии и неприкосновенности её территории [Электронный ресурс]: подписан в Париже 20.11.1815 // Верховная Рада Украины. – Режим доступа: http://zakon.rada.gov.ua/go/998_115. – Дата доступа: 18.02.2018.

12. Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны [Электронный ресурс]: подписана в Гааге 18.10.1907 // Университет Миннесоты. – Режим доступа: http://hrlibrary.umn.edu/instree/R1907d.html. – Дата доступа: 18.02.2018.

13. Мирный договор между союзными и объединившимися державами и Германией и Протокол: подписаны в Версале 28.06.1919 / под ред. Ю. В. Ключникова и А. Сабанина. – Москва: Изд. Литиздата НКИД, 1925. – 197 с.

14. Botschaft des Bundesrates an die Bundesversammlung betreffend die Frage des Beitrittes der Schweiz zum Völkerbund vom 4. Aug. 1919 // Schweizerisches Bundesarchiv. – BBl 1919 IV 541. – S. 541–680.

15. Устав Организации Объединённых Наций [Электронный ресурс]: подписан в Сан-Франциско 26.06.1945 // Организация Объединённых Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html. – Дата доступа: 18.02.2018.

16. *Клот, Л.* Последний швейцарский генерал [Электронный ресурс] / Л. Клот // Наша Газета. – 2010. – 14 апр. – Режим доступа: http://nashagazeta.ch/news/ma-suisse/8759. – Дата доступа: 18.02.2018.

17. The ABC Switzerland – UN / Swiss Federal Department of Foreign Affairs. – Bern: FDFA, 2016. – 80 p.

18. Der Begriff der Neutralität [Electronic resource]: Report vom 26.11.1954 // Diplomatische Dokumente der Schweiz 1848-1975. – Mode of access: http://dodis.ch/9564. – Date of access: 18.02.2018.

19. Bericht des Bundesrates an die Bundesversammlung über die Sicherheitspolitik der Schweiz (Konzeption der Gesamtverteidigung) vom 27. Jun. 1973 // Schweizerisches Bundesarchiv. – BBl 1973 II 112. – S. 112-153.

20. Bilanz der ständigen Wohnbevölkerung, 1861-2016 [Electronic resource] // Federal Statistical Office. – Mode of access: https://www.bfs.admin.ch/bfs/en/home/statistics/population/effectif-change/population.assetdetail.3222018.html. – Date of access: 18.02.2018.

21. Botschaft des Bundesrates an die Bundesversammlung über die Änderung der Militärorganisation vom 30. Juni 1960 // Schweizerisches Bundesarchiv. – BBl 1960 II 389. – S. 389–414.

22. Vorkommnisse im EMD: Bericht der parlamentarischen Untersuchungskommission (PUK EMD) vom 17. Nov. 1990 // Schweizerisches Bundesarchiv. – BBl 1990 III 1293. – S. 1293–1584.

23. Schweizerische Sicherheitspolitik im Wandel: Bericht 90 des Bundesrates an die Bundesversammlung über die Sicherheitspolitik der Schweiz vom 1. Okt. 1990 // Schweizerisches Bundesarchiv. – BBl 1990 III 847. – S. 847–904.

24. Bericht über die Aussenpolitik der Schweiz in den 90er Jahren (Anhang: Bericht zur Neutralität) vom 29. Nov. 1993 // Schweizerisches Bundesarchiv. – BBl 1994 I 153. – S. 153–242.

25. Swiss foreign policy strategy 2012–2015: Federal Council report to Parliament on the strategic axes of foreign policy / Swiss Federal Department of Foreign Affairs. – Bern: FDFA, 2012. – 28 p.

26. Sicherheit durch Kooperation: Bericht des Bundesrates an die Bundesversammlung über die Sicherheitspolitik der Schweiz (SIPOL B 2000) vom 7. Jun. 1999 // Generalsekretariat VBS. – BBl 1999 7657. – S. 7657–7734.

27. Bilateral agreements – Entry into force [Electronic resource] // Directorate for European Affairs. – Mode of access: https://www.eda.admin.ch/dea/en/home/bilaterale-abkommen/inkrafttreten.html. – Date of access: 18.02.2018.

28. Relations with Switzerland [Electronic resource] // North Atlantic Treaty Organization. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_52129.htm. – Date of access: 18.02.2018.

29. Troop and police contributors [Electronic resource] // United Nations Peacekeeping. – Mode of access: https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors. – Date of access: 18.02.2018.

30. KFOR SWISSCOY [Electronic resource] // Swiss Armed Forces. – Mode of access: https://www.vtg.admin.ch/en/news/einsaetze-und-operationen/militaerische-friedensfoerderung/missionen/swisscoy.html. – Date of access: 18.02.2018.

31. EUFOR LOT & MTT [Electronic resource] // Swiss Armed Forces. – Mode of access: https://www.vtg.admin.ch/en/news/einsaetze-und-operationen/militaerische-friedensfoerderung/missionen/eufor.html. – Date of access: 18.02.2018.

32. Bundesgesetz über die Armee und die Militärverwaltung (Militärgesetz) vom 3. Feb. 1995: Stand am 1. Jan. 2018 // Systematische Rechtssammlung. – SR 510.10.

33. Volksabstimmung vom 10.06.2001 [Electronic resource] // Bundeskanzlei. – Mode of access: https://www.bk.admin.ch/ch/d/pore/va/20010610/index.html. – Date of access: 18.02.2018.

34. Volksabstimmung vom 03.03.2002 [Electronic resource] // Bundeskanzlei. – Mode of access: https://www.bk.admin.ch/ch/d/pore/va/20020303/index.html. – Date of access: 18.02.2018.

35. Bericht des Bundesrates an die Bundesversammlung über die Konzeption der Armee in den neunziger Jahren (Armeeleitbild 95) vom 27. Jan. 1992 // Schweizerisches Bundesarchiv. – BBl 1992 I 850. – S. 850–1015.

36. Bericht des Bundesrates an die Bundesversammlung über die Konzeption der Armee XXI (Armeeleitbild XXI) vom 24. Okt. 2001 // Generalsekretariat VBS. – BBl 2002 967. – S. 967–1051.

37. «Weiterentwicklung der Armee»: Bundesrat beschliesst weitere Schritte für rasche Umsetzung [Electronic resource] // Der Bundesrat. – Mode of access: https://www.admin.ch/gov/de/start/dokumentation/medienmitteilungen.msg-id-68905.html. – Date of access: 18.02.2018.

38. Bericht des Bundesrates an die Bundesversammlung über die Sicherheitspolitik der Schweiz vom 23. Jun. 2010 // Direktion für Sicherheitspolitik. – BBl 2010 5133. – S. 5133–5222.

39. Die Sicherheitspolitik der Schweiz: Bericht des Bundesrates vom 24. Aug. 2016 // Generalsekretariat VBS. – BBl 2016 7763. – S. 7763–7888.

40. Swiss foreign policy strategy 2016-19: Federal Council report on the priorities for the 2016-19 legislative period / Swiss Federal Department of Foreign Affairs. – Bern: FDFA, 2016. – 40 p.

41. Aussenpolitischer Bericht vom 15. Jun. 2007: Neutralität // Politische Abteilung III – BBl 2007 5557. – S. 5557-5564.

(Дата подачи: 26.02.2018 г.)

У. У. Караленак
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

U. Karalenak
Belarusian State University, Minsk

УДК 94(476)«14/18»

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ НЯСВІЖСКАЙ АРДЫНАЦЫІ РАДЗІВІЛАЎ

HISTORIOGRAPHY OF THE NIASVIZH FEE TAIL OF RADZIWIŁŁ FAMILY

Артыкул прысвечаны агляду беларускай і замежнай гістарыяграфіі нясвіжскай ардынацыі князёў Радзівілаў. Асаблівая ўвага надаецца навейшым публікацыям, якія на падставе шырокага кола архіўных крыніц падрабязна аналізуюць гаспадарчы стан маёнткаў, карціну сямейнага жыцця Радзівілаў, грамадскае жыццё рэгіёна,

спецыфіку радзівілаўскага патранату і мецэнатства. Разглядаецца шэраг малавядомых гістарычных прац. Аўтар звяртае ўвагу на тое, што ў даследаваннях назіраецца рух да міждысцыплінарнасці і вывучэння паўсядзённага жыцця.

Ключавыя словы: Радзівілы; гістарыяграфія; ардынацыя; Нясвіж.

The article deals with a review of Belarusian and foreign historiography of Niasvizh fee tail of the Radziwiłłs. Special attention is paid to the newest publications, which provide a detailed analysis of the household conditions of the estates, scenes of the Radzilwłłs' family life, social life of the region, peculiarities of the Radziwiłłs' patronage and patronship of arts, based on a wide range of archive sources. The article reviews a number of little-known historical investigations. The author pays attention that in the research there are tendencies to transdisciplinarity and the study of everyday life.

Key words: the Radziwiłłs; historiography; fee tail; Niasvizh.

Нясвіжская ардынацыя стала адным з першых буйных зямельных уладанняў у Рэчы Паспалітай, у якіх прынцып фідэікаміса замацоўваў ва ўладанні сям'і непадзельную і неадчужальную маёмасць. Паколькі сядзібы ў складзе ардынацыі нельга было прадаць, то агромністы масіў маёнткаў з'яўляўся ўстойлівай тэрытарыяльнай адзінкай на працягу некалькіх стагоддзяў.

Часам стварэння трох першых ардынацый князёў Радзівілаў (нясвіжская, клецкая, алыцкая) лічыцца 1586 год, так як дамова братоў Радзівілаў была замацавана каралеўскім подпісам 10 снежня 1586 г. Аднак канчаткова юрыдычнае прызнанне нясвіжскай ардынацыі адбылося на ардынарным сойме, які праходзіў з 6 сакавіка па 23 красавіка 1589 г. у Варшаве. Існаванне нясвіжскай ардынацыі было спынена 13 ліпеня 1939 г. у сувязі з законам аб ліквідацыі ардынацый у II Рэчы Паспалітай, а 17 верасня 1939 г. апошні сямнаццаты нясвіжскі ардынат страціў кантроль над сваімі маёнткамі.

Часовы адрэзак існавання нясвіжскай ардынацыі (1586–1939) умяшчае некалькі гістарычных эпох, а захаванне нясвіжскай ардынацыі юрыдычна было пацверджана ў Рэчы Паспалітай, Расійскай імперыі і II Рэчы Паспалітай. У сувязі з тым, што нясвіжскія ардынаты з'яўляліся буйнымі мецэнатамі, палітычнымі і ваеннымі дзеячамі, а іх прамысловыя і сельскагаспадарчыя прадпрыемствы з'яўляліся аднымі з самых вялікіх у рэгіёне, існуе даволі грунтоўная гістарыяграфія нясвіжскай ардынацыі. Можна вылучыць тры асноўныя катэгорыі навуковых даследаванняў:

- прысвечана непасрэдна прадстаўнікам роду Радзівілаў, нясвіжскім ардынатам, іх жонкам і бліжэйшыму атачэнню;
- закранае пытанні сацыяльна-эканамічнай дзейнасці і адносін на тэрыторыі нясвіжскай ардынацыі;
- асвятляе гісторыю культуры і мастацтва.

Вывучэнню роду Радзівілаў у сучаснай беларускай і ўкраінскай гістарыяграфіі прысвечаны артыкул В. Кахновіча [1]. Польская гістарыяграфія праблемы з'яўлення роду Радзівілаў на палітычнай арэне Вялікага Княства Літоўскага разглядалася М. Антаневічам [2]. Агляд нямецкамоўных і польскамоўных крыніц зрабіла В. Папко [3].

У развіцці гістарыяграфіі, прысвечанай роду Радзівілаў, вылучаецца шэраг абагульняючых гістарычных работ навукова-папулярнага характару, а таксама міждысцыплінарныя і трансдысцыплінарныя гістарычныя даследаванні. Да першых можна аднесці працы Э. Катлубая, Б. Таўрагінскага, С. Мацкевіча, Т. Навакоўскага і К. Стэмпніка [4–8]. У гэтым рэчышчы можна разглядаць кнігу «Уладальнікі Старога Нясвіжа» А. Мяцельскага, якая карыстаецца шырокай папулярнасцю і вытрымала ўжо некалькі перавыданняў [9]. Таксама адзначым кнігу «Радзівілы герба Трубы» С. Гуржыньскага, В. Піўкоўскага, Т. Зяліньскай, І. Гралы і В. Урбаняк, якая найбольш поўна разглядае гісторыю роду Радзівілаў і артыкулы польскага біяграфічнага слоўніка аб Радзівілах [10].

Што датычыцца непасрэдна генэзісу нясвіжскай ардынацыі Радзівілаў, то ўпершыню дадзеныя пытанні былі актуалізаваны ў кнізе «Ардынацыі ў старой Польшчы» А. Меленя [11]. Фарміраванне нясвіжскай ардынацыі таксама разглядаліся ў шэрагу артыкулаў М. М. Сякерскага, манаграфія якога «Зямельныя ўладанні ў Вялікім Княстве Літоўскім: эканоміка князя Мікалая Хрыстафора Радзівіла» глыбока раскрывае прычыны з'яўлення велізарнага комплексу зямель Радзівілаў [12–14]. Латыфундыі Радзівілаў XV – першай паловы XVI ст. таксама прысвечаны даследаванні М. Мальчэўскай [15]. Гісторыю нясвіжскай ардынацыі князёў Радзівілаў XIX ст. разглядае В. Папко [16]. Эканамічныя і гаспадарчыя аспекты гісторыі нясвіжскай ардынацыі XIX – пач. XX ст. даследуе В. Кахновіч [17; 18]. У 2014 г. на гістарычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта была абаронена дысертацыя А. Верамейчык «Нясвіжская ардынацыя Радзівілаў (1586–1814): фарміраванне тэрыторыі, адміністрацыйнае кіраванне і сацыяльна-эканамічнае развіццё», якая стала першай абагульняючай навуковай працай аб нясвіжскай ардынацыі на рускай мове [19].

Палітыку Радзівілаў у адносінах да гараджан Нясвіжа закранаў А. Грыцкевіч у кнізе «Прыватнаўласніцкія гарады Беларусі ў XVI–XVIII стст.» [20]. Аб адносінах яўрэяў і хрысціян у нясвіжскай ардынацыі Радзівілаў піша В. Сабалеўская і А. Тэлер, а кніга апошняга «Грошы, улада і ўплыў у Літве XVIII ст.: яўрэі ў радзівілаўскіх маёнтках», з'яўляецца важнай не толькі ў кантэксце юдаікі, але і для разумення ролі яўрэяў у структуры нясвіжскай ардынацыі XVIII стагоддзя [21; 22]. Адміністрацыя і штодзённае жыццё ў маёнтках Радзівілаў цікавіла У. Аўгустыняк, а каталіцкаму кліру, які ўдзельнічаў у выхаванні і адукацыі дзяцей ардынатаў, прысвечаны працы польскага гісторыка К. Стоек-Савіцкай [23–25]. Вывучэннем масонскіх ложаў на тэрыторыі радзівілаўскіх уладанняў і ўдзелу ў іх радзівілаўскай адміністрацыі, урачоў і інш. займаецца В. Швед [26].

Сярод гісторыкаў мастацкай літаратуры неабходна вылучыць артыкулы і кнігі А. Сайкоўскага, Г. Барышава, Ж. Некрашэвіч-Кароткай, С. Кавалёва, Н. Русецкай, Б. Юдковяк, В. Клёцкінай, В. Арэшкі, якія вывучалі літаратурную і тэатральную творчасць Францішкі Уршулі Радзівіл і эвалю-

цыю музычнай і тэатральнай культуры ў Нясвіжы [27–36]. Аб музычнай спадчыне дванаццатага нясвіжскага ардыната Антонія Генрыха Радзівіла пісалі У. Скарабагатаў, З. Яхімецкі і В. Позьняк [37; 38]. Вялікі ўнёсак у даследаванне гісторыі радзівілаўскай музыкі зрабіла доктар габілітаваны, ад'юнкт Інстытута музыказнаўства Варшаўскага ўніверсітэта І. Бянькоўска [39; 40].

А. Мальдзіс у кнізе «Беларусь у люстэрку мемуарнай літаратуры XVIII ст.: нарысы быту і звычаяў» і Б. Крулікоўскі ў кнізе «Сярод сарматаў: Радзівілы і мэмуарысты» шмат у чым у рэчышчы гісторыі штодзённасці прадставілі карціну рэальнай мазаікі рознабаковага паўсядзённага жыцця нясвіжскіх ардынатаў і іх блізкіх [41; 42].

Сярод усіх эга-дакументаў Радзівілаў памерамі і храналагічнай дакладнасцю вылучаецца дзённік нясвіжскага ардыната Міхала Казіміра Радзівіла Рыбанькі, падрыхтоўкай да публікацыі фрагментаў якога займаліся В. Арэшка і Е. Дыгдала [43; 44]. Неабходна таксама згадаць аб дзённіках падарожжаў, якія вялі нясвіжскія ардынаты. Аб ролі «перэгрынацыі» першага нясвіжскага ардыната Мікалая Хрыстафора Радзівіла ў рускай літаратуры XVII – пачатку XVIII ст. пісала І. Фёдарава, а пра рэлігійныя ўяўленні і грамадска-палітычныя погляды князя на падставе тэксту перэгрынацыі С. Ганчарэнка [45–47]. Публікацыю дзённіка еўрапейскай перэгрынацыі восьмага нясвіжскага ардыната Караля Станіслава Радзівіла з сур'ёзным навукова-даведачным апаратам прадставіў А. Кухарскі, а дзённік падарожжа сястры Пане Каханку Тэафіліі Мараўскай па Еўропе падрыхтаваў да выдання Б. Рок [48; 49]. Пытанні замежнай адукацыі Радзівілаў пачатку XVI – сярэдзіны XVII ст. разглядае М. Хахай [50].

Аналізам і публікацыяй карэспандэнцыі нясвіжскіх ардынатаў гісторыкі пачалі займацца яшчэ напрыканцы XIX – пачатку XX стст. (Е. Мыцельскі, Ч. Янкоўскі, К. Валішэўскі, А. Курпель і інш.) [51–54]. З апошніх прац на дадзеную тэматыку прыгадаем артыкулы Б. Манысь аб сямейных клопатах, адлюстраваных у лістах Ганны Радзівіл з Мыцельскіх да мужа – дзявятага нясвіжскага ардыната Міхала Казіміра Радзівіла Рыбанькі, А. Марыяні і Я. Баера аб яе французскай карэспандэнцыі пасля яго смерці і артыкулы Б. Рока пра ліставанні Тэафіліі з дому Радзівілаў (primo voto Мараўская, secundo voto Развадоўская) з адзінаццатым нясвіжскім ардынатам Дамінікам Радзівілам і інш. [55–59].

Важнай публікацыяй у рэчышчы гісторыі штодзённасці з'яўляецца выданне рукапісу кухмістра нясвіжскага замка канца XVII ст., падрыхтаванага Я. Думаноўскім і Р. Янкоўскім [60]. Дадзены твор з'яўляецца першай кулінарнай кнігай, напісанай на тэрыторыі Беларусі.

Тэстаменты жонак Радзівілаў у рэчышчы гісторыі магнацкай ментальнасці даследуе М. Александровіч-Шмулікоўска, а важную для Радзівілаў пахавальную культуру разглядаюць у сваіх артыкулах М. Ярчык і К. Стоек-Савіцка; пра стаўленне да смерці ў культуры Рэчы Паспалітай пісаў Б. Рок [61–64].

Шэраг знакавых прац аб сталіцы нясвіжскай ардынацыі напісаў Т. Бернатовіч, у якіх як мастацтвазнаўца, услед за польскім гісторыкам культуры Р. Афтаназы, звяртае ўвагу на гісторыка-культурнае і семантычнае значэнне прасторы, сфармаванай ардынатамі ў Нясвіжы [65–67]. З каштоўнаснымі арыенцірамі і мастацкімі калекцыямі нясвіжскіх ардынатаў знаёмяць кнігі «Радзівілаўскі Нясвіж. Роспісы касцёла Божага Цела» В. Бажэнавай і «Радзівілы. Нясвіж. Замак» Н. Высоцкай [68; 69]. Асобна трэба вылучыць выданне пад навуковай рэдакцыяй В. Бажэнавай факсімільнага альбома «Радзівілы. Альбом партрэтаў XVIII–XIX стагоддзяў» [70]. Акрамя гэтага, радзівілаўскім калекцыям і зборам цалкам прысвечаны сёмы выпуск зборніка «Вяртанне» [71].

У рэчышчы палітычнай гісторыі працуе А. Малейка, які даследуе палітычную дзейнасць нясвіжскіх ардынатаў у гады праўлення Яна III Сабескага, і А. Мацук, які аналізуе палітычнае змаганне Радзівілаў з Сапегамі і іншымі магнатамі ВКЛ [72–74].

Сярод даследаванняў па гендэрнай і жаночай гісторыі вылучаецца кніга «Шляхцянкі ў сармацкім свеце» К. Стоек-Савіцкай [75]. Аб жонках нясвіжскіх ардынатаў пісаў Я. Петшак (аб жонцы сёмага нясвіжскага ардыната Кацярыне Радзівіл з роду Сабескіх), В. Каркуцінская і Е. Дыгдала (аб жонцы восьмага нясвіжскага ардыната Ганне Радзівіл з роду Сангушак), М. Ястржэмбска (аб жонцы адзінаццатага нясвіжскага ардыната Тэафіліі Радзівіл з роду Мараўскіх) і Г. Эрбэ (аб жонцы чатырнаццатага нясвіжскага ардыната Марыі-Дароце Радзівіл з роду Кастэлян) [76–80]. У кнігах прааналізаваныя сямейныя ўзаемаадносіны, гаспадарчая дзейнасць і мецэнацтва жонак нясвіжскіх ардынатаў. Мецэнацтву Радзівілаў ад Сіроткі да Рыбанькі таксама прысвечана кніга А. Сайкоўскага [81].

Ваенныя пытанні гісторыі роду Радзівілаў – абароназдольнасць нясвіжскага замка і іншых фартэцый Радзівілаў у кантэксце Вялікага Княства Літоўскага – разглядае М. Волкаў у кнізе «Артылерыя Нясвіжскага замка» [82]. Аб фартыфікацыі нясвіжскага замка ў канцы XVI–XVIII стст. пісаў таксама У. Пярвышын [83]. Ваенныя фарміраванні Радзівілаў у каронным войску апісвае польскі гісторык З. Хундэрт [84]. Дзейнасці нясвіжскіх ардынатаў як ваеначальнікаў прысвечаны артыкулы Т. Цясельскага, К. Бабятыньскага, а артыкулы В. Арганісцяка і В. Ракуціса – розным пытанням гісторыі радзівілаўскай міліцыі [85–88].

Глыбокім даследчым узроўнем адрозніваюцца артыкулы беларускага гісторыка А. Латушкіна, які займаецца вывучэннем архіва Нясвіжскай ардынацыі [89]. Нясвіжскай ардынацкай бібліятэцы прысвечаны артыкулы П. Бухвальд-Пяльцовай, Н. Бярозкінай і С. Сіеса-Крышкоўскага [90–92]. Шэраг каталогаў былога радзівілаўскага кнігазбору выдадзены бібліятэкай РАН у Санкт-Пецярбургу, а таксама Цэнтральнай навуковай бібліятэкай імя Якуба Коласа НАН Беларусі ў межах праекта «Радзівіліяна».

Неабходна таксама спыніцца на выданнях, якія ў значнай ступені прысвечаны радзівілаўскай тэматыцы. Гэта зборнікі канферэнцый, якія праводзіліся музеем-запаведнікам «Нясвіж», Замкавым комплексам «Мір», нясвіжскай цэнтральнай раённай бібліятэкай ім. Паўлюка Пранузы. Дзякуючы дзейнасці музея Замкавы комплекс «Мір» была выдадзена дапоўненая і перакладзеная на беларускую мову фундаментальная біяграфія першага нясвіжскага ардыната аўтарства польскага гісторыка Томаша Кэмпы [93]. Таксама цэлы шэраг аўтараў апублікаваў свае працы па гісторыі нясвіжскай ардынацыі на старонках навуковага штогодніка музея-запаведніка «Нясвіж» «Acta anniversaria».

Радзівілаўскай тэме быў прысвечаны цэлы шэраг канферэнцый, якія прайшлі ў апошнія гады на тэрыторыі Літвы («Kunigaikščiai Radvilos Garsiausia Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės didikų giminė», Vilnius, 2015), Беларусі («Жанчыны ў гісторыі роду Радзівілаў», Нясвіж, 2016), Польшчы («Radziwiłłowie w służbie Marsa», Warszawa, 2015) і Украіны («Олика та Радзивілли в історії України, Польщі й Білорусі», Луцк, 2017).

У гістарычных даследаваннях, прысвечаных нясвіжскай ардынацыі ў апошнія гады ўсё больш заўважаецца пераход да вывучэння паўсядзённага жыцця «маленькага чалавека», які традыцыйна губляўся раней у гісторыі (артыкулы С. Рыбчонка, А. Скеп'ян, Л. Балайшыце) [94–96]. Разам з тым частка гісторыкаў не перастае факусавацца на войнах, вялікіх прадстаўніках роду, і палітыцы, якія былі здаўна галоўным аб'ектам гістарыяграфіі, аднак вызначаецца напрамак міждысцыплінарнасці (шырока выкарыстоўваюцца спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны). Адбываецца пабудова глабальнай сістэмы даследаванняў без строгіх межаў паміж дысцыплінамі гістарычнага пазнання.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Кохнович, В. А.* Изучение Радзивиллов в современной белорусской и украинской историографиях / В. А. Кохнович // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта. – Сер. 3. – 2011. – № 2. – С. 15–19.

2. *Antoniewicz, M*. Protoplaści książąt Radziwiłłów. Dzieje mitu i meandry historiografii / M. Antoniewicz. – Warszawa: DiG, 2011. – 423 s.

3. *Папко, В. М*. Нямецкамоўныя і польскамоўныя крыніцы па гісторыі рода Радзівілаў XIX ст. / В. М. Папко // Repatriacje i migracje ludności pogranicza w XX wieku: Stan badań oraz zródla do dziejów pogranicza polsko-litowsko-białoruskiego: mat-ly konfer.: W 3 t. / Naczelna Dyrekcja Archiwów Państwowych w Warszawie; pod red. M. Kietlińskiego. – Bialystok, 2004. – T. 3. – C. 186–190.

4. *Kotłubaj, E.* Galerja Nieświeżska portretów Radziwiłłowskich opisana historycznie przez Edwarda Kotłubaja z drzeworytami Michała Starkmana / E. Kotłubaj. – Wilno: Druk. A. Marcinowskiego, 1857. – 558 s.

5. *Taurogiński, B*. Z dziejów Nieświeża / B. Taurogiński. – Warszawa: Archiwum Ordynacji Nieświeskiej (Drukarnia Bagatela), 1937. – 268 s.

6. *Mackiewicz, S.* Dom Radziwiłłów / S. Mackiewicz. – Warszawa: Czytelnik, 1990. – 253 s.

7. *Nowakowski, T.* Die Radziwills: die Geschichte einer grossen europäischen Familie / T. Nowakowski. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1975. – 386 s.

8. *Stępnik, K.* Radziwiłłowie: obrazy literackie, biografie, świadectwa historyczne / K. Stępnik. – Lublin: Wydaw. Uniwersytetu Marii Curie–Skłodowskiej, 2003. – 503 s.

9. *Метельский, А. А*. Владельцы старого Несвижа / А. А. Метельский. – Минск: Беларуская Энцыклапедыя, 2014. – 159 с.

10. Radziwiłłowie herbu Trąby / S. Górzyński [et al.]. –Warszawa: DiG, 1996. – 67 s.

11. *Mełeń, A*. Ordynacje w dawnej Polsce / A. Mełeń // Pamiętnik historyczno-prawny. – Lwów. – Zeszyt 2, 1929. – T. VII. – 62 s.

12. *Siekierski, M. M.* The niasvizh estates of prince Nicholas Christopher Radziwill: the formation of a byelorussian latifundium / M. M Siekierski // The Journal of Byelorussian Studies. – 1978. – Vol. IV, № 2. – P. 48–67.

13. *Siekierski, M.* –M. The estate of Lachwa of prince Nicholas Christopher Radziwill (1549–1616) / M. M. Siekierski // The Journal of Byelorussian Studies. – 1981. – Vol. V, № 1. – P. 19–28.

14. *Siekierski, M. M*. Landed wealth in the Grand Duchy of Lithuania: The economic affairs of prince Nicholas Christopher Radziwill, 1549–1616: Dissertation Ph. D. / M. M. Siekierski. – Berkeley, 1984. – 404 p.

15. *Malczewska, M*. Latyfundium Radziwiłłów w XV do połowy XVI wieku / M. Malczewska. – Warszawa: Państ. Wydaw. Naukowe, 1985. –169 s.

16. *Папко, В. М*. Нясвіжская ардынацыя князёў Радзівілаў у XIX стагоддзі / В. М. Папко // Беларус. гіст. часоп. – 2006. – № 1. – С. 30–36.

17. *Кохнович, В. А*. Хозяйство и доходы Радзивиллов в XIX – начале XX ст. / В. А. Кохнович // КЛИО. – 2012. – № 4. – С. 46–54.

18. *Кахновіч, В. А*. Нясвіжская ардынацыя Радзівілаў у час апекі над ёй Эдварда Вайніловіча (1904–1914) / В. А. Кахновіч // Беларусь, Нясвіжскі край і Эдвард Вайніловіч: матэрыялы навук.-практ. канф., г. Нясвіж, 26 жніўня 2016 г. / Інстытут гісторыі НАН Беларусі; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Медысонт, 2016. – С. 40–57.

19. *Веремейчик, А. Е.* Несвижская ординация Радзивиллов (1586–1814 гг.): формирование территории, административное управление и социально-экономическое развитие: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. Е. Веремейчик. – Мінск, 2014. – 165 л.

20. *Грицкевич, А. П*. Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв.: Соц.–экон. исслед. истории городов / А. П. Грицкевич. – Минск: Наука и техника, 1975. – 248 с.

21. *Соболевская, О. А*. Иудеи в белоруских владениях Радзивиллов в конце XVIII – начале XIX вв. / О. А. Соболевская // Цайтшрыфт Цэнтра вывучэння гісторыі і культуры яўрэйства на Беларусі. – 2011. – Т. 6. – С. 23 – 40

22. *Teller, A*. Money, power, and influence in eighteenth–century Lithuania: the Jews on the Radziwiłł estates / A. Teller. – Stanford: Stanford University Press, 2016. – 310 p.

23. *Augustyniak, U*. Administracja i życie codzienne w dobrach Radziwiłłów XVI–XVIII wieku / U. Augustyniak. –Warszawa: DiG, 2009. – 288 s.

24. *Stojek-Sawicka, K*. Duchowieństwo katolickie w życiu Radziwiłłów nieświeskich w XVIII wieku / K. Stojek-Sawicka. – Toruń: Wyd. Adam Marszałek, 2011. – 448 s.

25. *Stojek-Sawicka, K*. Duchowni katoliccy w roli prywatnych nauczycieli i wychowawców na dworze Radziwiłłów nieświeskich w XVIII wieku / K. Stojek-Sawicka // Rozprawy z Dziejów Oświaty. – 2006. –T. 45. – S. 209 –229

26. *Швед, В. В.* Масоны і ложы на землях Беларусі (канец XVIII – першая чвэрць XIX ст.) / В. В. Швед. – Гродна: ГрДУ, 2007. – 275 с.

27. *Sajkowski, A.* Z dziejów teatru nieświeskiego (1746–1762) / A. Sajkowski // Pamiętnik Teatralny Inst. Sztuki PAN. – 1961. – Z. 3 (39). – S. 399–432.

28. *Барышев, Г. И*. Театральная культура Белоруссии XVIII века / Г. И. Барышев. – Минск: Навука і тэхніка, 1992. – 290 с.

29. *Некрашэвіч-Кароткая, Ж. В.* Нясвіжская Мельпамена: драматургія Францішкі Уршулі Радзівіл / Ж. В. Некрашэвіч – Кароткая. – Мінск: Прапілеі, 2002. – 210 с.

30. *Радзівіл, Ф. У*. Выбраныя творы: пер. з польск. і франц. / Ф. У. Радзівіл. – Уклад. С. Кавалёў. – Мінск: Беларус. кнігазбор, 2003. – 445 с.

31. *Радзівіл, Ф. У.* Нясвіжскі альбом: зборнік любоўнай лірыкі / Ф. У. Радзівіл. – Мінск: Кнігазбор, 2011. – 141 с.

32. *Русецкая, Н. Л.* Любоўная лірыка Францішкі Уршулі Радзівіл // Веснік БДУ. Серыя 4. – 2006. – № 1. – С. 14–18.

33. *Judkowiak, B.* Franciszka Urszula Radziwiłłowa – w poszukiwaniu własnego głosu: propozycje interpretacyjne, dokumentacyjne i edytorskie / B. Judkowiak. – Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2013. – 446 s.

34. *Judkowiak, B*. Kostiumy teatru nieświeskiego 1746–1753 / B. Judkowiak // Pamiętnik Teatralny Inst. Sztuki PAN. – 1988. – Z. 3–4. – S. 381–405.

35. *Клецкина, О. С.* Становление и развитие театра Радзивиллов в 1724–1810 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / О. С. Клецкина. – Минск, 2017. – 309 л.

36. *Арэшка, В. М.* У пошуках новае прасторы пачуццяў. Некаторыя элементы абсцэну і эротыкі ў творчасці У. Ф. Радзівілавай / В. М. Арэшка // Нясвіж – Гісторыя. Культура. Мастацтва. – Варшава – Мінск, 1998. – С. 66–72.

37. Лібрэта опер Нясвіжскіх кампазітараў XVIII–XIX стагоддзяў / Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь, Нацыянальны акадэмічны Вялікі тэатр оперы і балета Рэспублікі Беларусь, Творчы калектыў «Беларуская Капэла». – Мінск: Каўчэг, 2017. – 194 с.

38. *Jachimecki, Z.* Antoni Radziwiłł i jego muzyka do «Fausta» / Z. Jachimecki, W. Poźniak. – Kraków: Polskie Wydawnictwo Muzyczne, 1957. – 96 s.

39. *Bieńkowska, I.* Mecenat muzyczny Radziwiłłów w XVIII wieku – od Karola Stanisława do Karola Stanisława «Panie Kochanku» Radziwiłła / I. Bieńkowska // Rocznik Lituanistyczny. – 2015. – T. 1. – S. 171–183.

40. *Bieńkowska, I.* Muzyka na dworze księcia Hieronima Floriana Radziwiłła / I. Bieńkowska. – Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2015. – 502 s.

41. *Мальдзіс, А. І.* Беларусь у люстэрку мемуарнай літаратуры XVIII стагоддзя: нарысы быту і звычаяў / А. І. Мальдзіс. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1982. – 254 с.

42. *Królikowski, B.* Wśród Sarmatów: Radziwiłłowie i pamiętnikarze / B. Królikowski. – Lublin: TN KUL, 2000. – 317 s.

43. *Арэшка, В. М.* Дыярыюш Князя Міхала Казімера Радзівіла, Ваяводы Віленскага, Гетмана Вялікага В. К. Літ. / В. М. Арэшка // Спадчына. – 1994. – № 4. – С. 18–47; 1994. – № 5. – С. 37–57; 1995. – № 1. – С. 52–65; 1995. – № 2. – С. 47–76; 1995. – № 4. – С. 35– 60; 1995. – № 5. – С. 135–161; 1995. – № 6. – С. 170–199; 1996. – № 1 – С. 195–223; 1996. –№2. – С. 205–233; 1996. – № 4. – С. 219–250.

44. *Radziwiłł, M.-K.* Podróże litewskiego magnata do Gdańska, Człuchowa, a nawet i dalej...: fragmenty «Diariusza» Michała Kazimierza Radziwiłła «Rybeńki» z lat 1721, 1737 i 1752. – wydał J. Dygdała. – Warszawa: Instytut Historii PAN, 2013. –146 s.

45. *Федорова, И. В*. «Путешествие в святую землю и Египет князя Николая Радзивилла» в русской литературе XVII – начала XVIII века: дис. … канд. фил. наук: 10.01.01 / И. В. Федорова. – Санкт-Петербург, 2000. – 191 л.

46. *Ганчарэнка, С. А.* Грамадска-палітычныя погляды Мікалая Крыштофа Радзівіла «Сіроткі» / С. А. Ганчарэнка // Научные труды Республиканского института высшей школы. – 2013. – Вып. 13, ч. 1. – С. 64–71.

47. Г*анчарэнка, С. А*. Рэлігійныя ўяўленні Мікалая Крыштофа Радзівіла «Сіроткі» на старонках «Перагрынацыі ў Святую зямлю» / С. А. Ганчарэнка // Научные труды Республиканского института высшей школы. – 2014. – Вып. 14, ч. 1. – С. 93–99.

48. *Radziwiłł, K.-S.* Diariusz peregrynacji europejskiej (1684–1687) / K.-S. Radziwiłł. – oprac., wstępem i koment. opatrzył A. Kucharski. – Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2011. – 302 s.

49. *Morawska, T.-K.* Diariusz podróży europejskiej w latach 1773–1774 / T. K. Morawska; wstęp i oprac. B. Rok. – Wrocław: Wydaw. Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002. – 259 s.

50. *Chachaj, M.* Zagraniczna edukacja Radziwiłłów od początku XVI do połowy XVII wieku / M. Chachaj. – Lublin: Wydaw. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1995. – 171 s.

51. *Mycielski, J.* Książę «Panie kochanku» w świetle własnej korespondencji / J. Mycielski. – Petersburg: K. Grendyszyński, 1898. – 200 s.

52. *Jankowski,* C. Korespondencya księcia Karola Stanisława Radziwiłła wojewody wileńskiego «Panie Kochanku»: 1744–1790 / C. Jankowski. – Kraków: G. Gebethner, 1898. – 315 s.

53. *Waliszewski, K*. Korespondencya ks. Karola Stanisława Radziwiłła wojewody wileńskiego «Panie Kochanku» 1762–1790 / K. Waliszewski. – Kraków: [s.n.], 1888. – 176 s.

54. *Kurpiel, A. M.* Pięć listów Łukasza Górnickiego do Mikołaja Krzysztofa Radziwiłła / A. M. Kurpiel. – Kraków: Ak. Umiejętności, 1903. – 11 s.

55. *Manyś, B.* Radości i troski Anny z Mycielskich Radziwiłłowej w listach do męża Michała Kazimierza Radziwiłła «Rybeńki» / B. Manyś // Kobiece kręgi korespondencyjne w XVII – XIX wieku / red. B. Popiołek, U. Kicińska, A. Słaby. – Warszawa, 2016. – S. 171–185.

56. *Manyś, B.* Relacje Anny Anny z Mycielskich z dziećmi w świetle listów «drugiej pani na Nieświeżu» z lat 1754–1762 / B. Manyś // Acta anniversaria. T. 3: зборнік навуковых прац. – Нясвіж: НГКМЗ «Нясвіж», 2016. – С. 38–53.

57. *Bajer, J.* Macocha idealna: aktywność Anny Luizy z Mycielskich Radziwiłłowej w świetle francuskiej korespondencji dyplomatycznej (1764–1765) / J. Bajer, A. Mariani // Studia Europaea Gnesnensia. – 2014. – № 10. – S. 281–311.

58. *Rok, B.* Listy Teofili z Radziwiłłów Morawskiej – przykład staropolskiej epistolografii kobiecej / B. Rok // Kobiece kręgi korespondencyjne w XVII–XIX wieku / red. B. Popiołek, U. Kicińska, A. Słaby. – Warszawa, 2016. – S. 187–199.

59. *Rok, B.* Listy Teofili z Radziwiłłów Rozwadowskiej (1738–1807) do bratanka Dominika / B. Rok // Wokół Wielkiego Księstwa Litewskiego i jego tradycji / red. B. Manyś, M. Zwierzykowski. – Poznań, 2016. – S. 201–208.

60. Moda bardzo dobra smażenia różnych konfektów i innych słodkości, a także przyrządzania wszelakich potraw, pieczenia chleba i inne sekreta gospodarskie i kuchenne / oprac. J. Dumanowski i R. Jankowski. –Warszawa: Muzeum Pałac w Wilanowie, 2011. – 273 s.

61. *Aleksandrowicz-Szmulikowska, M.* Radziwiłłówny w świetle swoich testamentów: przyczynek do badań mentalności magnackiej XVI–XVII wieku / M. Aleksandrowicz-Szmulikowska. – Warszawa: Semper, 1995. – 66 s.

62. *Jarczykowa, M.* Przy pogrzebach rzeczy i rytmy: funeralia Radziwiłłowskie z XVII wieku / M. Jarczykowa. – Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2012. – 275 s.

63. *Стоек, К.* Пахавальны цырыманіял пры нясвіжскім двары ў часы Міхала Казіміра Радзівіла Рыбанькі / К. Стоек // Arche. – 2015. – № 6. – С. 272–288.

64. *Rok, B.* Człowiek wobec śmierci w kulturze staropolskiej / B. Rok // Acta Universitatis Wratislaviensis. Historia. – 1995. – № 119. – S. 1–123.

65. *Bernatowicz, T.* Miles Christianus et peregrinus: fundacje Mikołaja Radziwiłła «Sierotki» w ordynacji nieświeskiej / T. Bernatowicz. –Warszawa: Neriton, 1998. – 234 s.

66. *Bernatowicz, T.* «Monumenta variis Radivillorum». Wyposażenie zamku nieświeskiego w świetle źródeł archiwalnych. Część I: XVI–XVII wieku. – Poznań: Bogucki Wydawnictwo Naukowe, 1998. – 94 s.

67. *Aftanazy, R*. Nieśwież / R. Aftanazy // Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej / R. Aftanazy. – Wrocław–Warszawa–Kraków, 1992. – Cz. 1, T. 2. – S. 275–305.

68. *Баженова, О. Д.* Радзивилловский Несвиж. Росписи костела Божьего Тела / О. Д. Баженова. – Минск: Харвест, 2010. – 414 с.

69. *Высоцкая, Н. Ф.* Радзивиллы. Несвиж. Замок [Изоматериал] [кн. I – кн. II (из двух частей)] / Н. Ф. Высоцкая. – Минск: Беларусь, 2014.

70. *Бажэнава, В. Д.* Радзівілы. Альбом партрэтаў XVIII–XIX стагоддзяў «Icones Familiae ducalis Radivilianae» / Радзивиллы. Альбом портретов XVIII–XIX вв. «Icones

Familiae ducalis Radivilianae» / В. Д. Бажэнава. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2010. – 522 с.

71. Нясвіжскія зборы Радзівілаў: іх фарміраванне, гістарычны лёс, цяперашняе месцазнаходжанне і шляхі выкарыстання / рэдкал.: А. Мальдзіс (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларускі фонд культуры, 2002. – 368 с.

72. *Malejka, A.* Radziwiłłowie a polityka Jana III Sobieskiego w latach 1684–1696 / A. Malejka. – Katowice: Axis Media, 2012. – 191 s.

73. *Мацук, А. В.* Радзівілы і справа аб «нойбургскіх ўладаннях» у 1730–1740-я гады / А. В. Мацук // Беларускі гістарычны часопіс. – 2005. – № 3. – С. 15–21.

74. *Мацук, А. В.* Узмацненне канфлікту паміж магнацкімі родамі Сапегаў і Радзівілаў і канчатковае афармленне антырадзівілаўскай кааліцыі / А. В. Мацук // Беларускі гістарычны часопіс. – 2009. – № 10. – С. 31–42.

75. *Stojek-Sawicka, K.* Szlachcianki w świecie sarmackim: jak żyły kobiety na dworach szlacheckich w dawnej Polsce? / K. Stojek-Sawicka. – Warszawa: Bellona, 2013. – 293 s.

76. *Pietrzak, J.* Księżna dobrodziejka: Katarzyna z Sobieskich Radziwiłłowa (1634–1694) / J. Pietrzak. – Warszawa: Muzeum Pałacu Króla Jana III w Wilanowie, 2016. – 583 s.

77. *Karkucińska, W.* Anna z Sanguszków Radziwiłłowa (1676–1746): działalność gospodarcza i mecenat / W. Karkucińska. – Warszawa: Semper, 2000. – 391 s.

78. *Dygdała, J.* Codzienne kłopoty, wielkie interesy i podwójna elekcja: korespondencja radziwiłłowskich urzędników z księżną Anną z Sanguszków Radziwiłłową i jej synem Michałem Kazimierzem z 1733/1734 roku / J. Dygdała. – Warszawa: DiG, 2013. – 226 s.

79. *Jastrzębska, M.* Księżna Dominikowa: opowieść o Teofili z Morawskich Radziwiłłowej / M. Jastrzębska. – Łomianki: LTW, 2014. – 222s.

80. *Erbe, G.* Das vornehme Berlin. Fürstin Marie Radziwill und die großen Damen der Gesellschaft 1871–1918 / G. Erbe. Köln. –Böhlau–Verlag, 2015. – 329 s.

81. *Sajkowski, A.* Od Sierotki do Rybeńki: w kręgu radziwiłłowskiego mecenatu / A. Sajkowski. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1965. – 252 s.

82. *Волкаў, М. А.* Артылерыя Нясвіжскага замка / М. А. Волкаў. – Мінск: А. М. Янушкевіч, 2015. – 187 с.

83. *Пярвышын, У. М.* Фартыфікацыі нясвіжскага замка ў канцы XVI–XVIII стст. / У. М. Пярвышын // Нясвіжскі палац Радзівілаў: гісторыя, новыя даследаванні. Вопыт стварэння палацавых музейных экспазіцый: матэрыялы 1-й міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Нясвіж, 20 кастрычніка 2009 года / ДУ «Нацыянальны гісторыка-культурны музей-запаведнік «Нясвіж»; рэдкал.: В. А. Сталярчук (гал. рэд.) [і інш.]. – Нясвіж, 2010. – С. 115–124.

84. *Hundert, Z.* Oddziały Radziwiłłów w wojsku koronnym w dobie panowania «królów rodaków» / Z. Hundert // Radziwiłłowie w służbie Marsa: materiały z konferencji naukowej, Warszawa, 22 – 23 czerwca 2015 r. / Uniwersytet Kardynała S. Wyszyńskiego w Warszawie; red. M. Nagielski, K. Żojdź. –Warszawa, 2017. – S. 257–279.

85. *Ciesielski, T.* Michał Kazimierz Radziwiłł jako dowódca armii litewskiej w latach 1735–1762 / T. Ciesielski // Radziwiłłowie w służbie Marsa: materiały z konferencji naukowej, Warszawa, 22 – 23 czerwca 2015 r. / Uniwersytet Kardynała S. Wyszyńskiego w Warszawie; red. M. Nagielski, K. Żojdź. –Warszawa, 2017. – S. 299–320

86. *Bobiatyński, K.* Michał Kazimierz Radziwiłł jako hetman polny litewski (1668–1680) / K. Bobiatyński // Radziwiłłowie w służbie Marsa: materiały z konferencji naukowej, Warszawa, 22–23 czerwca 2015 r. / Uniwersytet Kardynała S. Wyszyńskiego w Warszawie; red. M. Nagielski, K. Żojdź. –Warszawa, 2017. – S. 229–242

87. *Organiściak, W*. Artykuły wojskowe dla Milicji Karola Stanisława Radziwiłła na tle prawa wojskowego Wielkiego Księstwa Litewskiego / W. Organiściak // Z Dziejów Prawa / Pr. Nauk. UŚl. – Katowice, 2011. –T. 4. – S. 299–319.

88. *Ракуціс, В.* Міліцыя Радзівілаў у XVIII ст. / В. Ракуціс // Arche. – 2012. – № 6. – С. 92–135.

89. *Латушкін, А. М.* Архівісты Нясвіжскага архіва XVII – першай паловы XX ст. / А. М. Латушкін // Архіварыус: Зб. навук. паведамл. і арт. – 2008–2012. – Вып. 6–10.

90. *Buchwald-Pelcowa, P.* Biblioteka Nieświeska Radziwiłłów: fakty, wątpliwości, pytania / P. Buchwald-Pelcowa // Rocznik Biblioteki Narodowej. – Warszawa, 2011. – T. 41. – S. 7–30.

91. *Березкина, Н. Ю.* Книжные собрания Радзивиллов: из истории создания каталогов / Н. Ю. Березкина // Доклады Национальной академии наук Беларуси: журнал. – Минск, 2011. – Т. 55, № 3. – С. 119–122.

92. *Siess-Krzyszkowski, S.* Pierwsza Biblioteka Ordynacka w Nieświeżu i jej znaki własnościowe: (na podstawie bazy danych: Katalog starych druków Biblioteki Ordynacji Nieświeskiej Radziwiłłów. Druki polskie XVI–XVIII wieku) / S. Siess-Krzyszkowski // Rocznik Biblioteki Narodowej. – Warszawa, 2011. – T. 41. – S. 135–160.

93. *Кэмпа, Т.* Мікалай Крыштаф Радзівіл Сіротка (1549–1616). Віленскі ваявода: пераклад з польскай / Т. Кэмпа. – Мір: Музей «Замкавы комплекс «Мір», 2016. – 503 с.

94. *Рыбчонак, С. А.* Насельнікі Нясвіжскага замка ў сярэдзіне XIX ст. / С. А. Рыбчонак // Архіварыус: зб. навук.-папул. паведамл. і арт. – Мінск, 2004. – Вып. 2. – С. 71–74.

95. *Скеп'ян, А. А.* Арганізацыя кухоннай службы пры магнацкіх дварах Вялікага княства Літоўскага ў XVI–XVII стст. / А. А. Скеп'ян // Магнацкі двор і сацыяльнае ўзаемадзеянне (XV–XVIII стст.): зборнік навуковых прац міжнароднай навуковай канферэнцыі, Мінск – Мір, 6 –8 чэрвеня 2013 г. / Замкавы комплекс «Мір»; пад рэд. А. М. Янушкевіча. – Мінск, 2014. – С. 395–411.

96. *Балайшыце, Л.* Лісты прыдворных мастакоў Гераніма Фларыяна Радзівіла: пра самаўсведамленне і статус мастака / Л. Балайшыце // Arche. – 2015. – № 6. – С. 217–235.

(Дата падачы: 21.02.2018 г.)

Ю. В. Кейко
Гродненский государственный университет имени Я. Купалы, Гродно
J. V. Kejko
Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno

УДК 94(476.6):271.2:624.51«18»

ПОДРЯДНЫЙ СПОСОБ КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ В ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

CONTRACT METHOD AS A FORM OF MANAGEMENT IN CONSTRACTION OF ORTHODOX CHURCHES IN THE GRODNO PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

В статье раскрывается технология подрядного способа строительства православных храмов в Гродненской губернии во второй половине XIX века.

Ключевые слова: подряд на строительство храмов; торги; контракт; Гродненская губерния.

The article reveals the essence of the contract method of building Orthodox churches in Grodno province in the second half of the XIX century.

Key words: Contract for the construction of churches; bidding; contract; Grodno province.

Во второй половине XIX века в Гродненской губернии строительство православных храмов осуществлялось под контролем Временных уездных комитетов по сооружению православных церквей. Уездные комитеты, в свою очередь, подчинялись Временному губернскому комитету по сооружению православных церквей в г. Гродно. В 1867 г. он был переименован в Гродненское губернское церковно-строительное присутствие. Временный губернский комитет выявлял храмы, которые нуждались в ремонте, а также определял поселения, в которых необходимо было построить православные церкви [1].

Строительные работы осуществлялись в соответствии со следующими документами: «Правилами о постройке Православных Церквей и причетнических строений в Северо-Западном крае» (1865 г.) и «Правилами для устройства православных церквей в 9-ти губерниях Западного края» (1867 г.) [2; 3, с. 426–437]. Согласно пункту 21 Правил, строительные работы могли проводиться тремя способами: под руководством приходских попечительств, уездных и временных хозяйственно-строительных комитетов; агентным способом или подрядным способом [3, с. 431]. До 1867 г. исполнителями и руководителями строительных работ были церковные советы [1]. Церковный совет – общественное объединение, в состав которого входили 6–8 человек из числа прихожан (крестьян), церковный староста (выбирался), волостной старшина. Возглавлял церковный совет приходской священник [4]. Церковные советы, а в последующем и приходские попечительства, все работы производили двумя основными способами: хозяйственным и подрядным. Остановимся подробнее на последнем.

Поиск подрядчиков организация-заказчик (Временный губернский или уездный комитеты) совершала с помощью объявлений. Заказчик сообщал о предстоящих торгах в местное губернское правление, последнее давало распоряжение опубликовать объявление в приложениях к газете «Губернские ведомости» на отдельных листах с указанием года и номера газеты, к которой они относились. Напечатанные приложения рассылали в губернский и уездные комитеты, которые их размещали в публичных местах: на дверях комитетов, на стенах волостных правлений, базарах и т. д. [5, с. 224].

17 октября 1881 г. в № 81 «Виленских губернских ведомостей», с подачи «тендерного комитета» в лице Гродненского губернского церковно-строительного присутствия была опубликована информация о предстоящих торгах на подряды: «Отъ Гродненскаго губернскаго церковно-строительнаго присутствія объявляется, что въ присутствіи онаго назначены на 12 число ноября месяца сего года, изустныя и посредством запечатанных объявленій торги, съ узаконенною чрезъ три дня переторжкою, на отдачу съ подряда постройки двухъ каменныхъ церквей въ м. Малечь Пружанскаго уезда за сумму 15 260 руб. 94 коп. и въ с. Косьма Бельскаго уезда за сумму 23 531 р. 34 к.

Желающие принять означенный подрядъ, должны представить въ церковно-строительное присутствіе, въ дни торга и переторжки, надлежащіе о званіи своемъ и происхожденіи виды и законные залоги. Къ означеннымъ торгамъ, на основаніи § 23 Высочайше утвержденныхъ церковно-строительныхъ правилъ, будутъ допущены исключительно лица, имеющіе право пріобретать въ Северо-Западномъ крае, недвижимую земельную собственность или ихъ повереные. Кондиціи, проекты и сметы, желающими могут быть разсматриваемы въ канцеляріи присутствіи ежедневно, кроме праздничныхъ и воскресныхъ дней» [6, с. 6].

В первой части объявления прописывались сроки (12 ноября 1881 г.), предмет и стоимость торгов: возведение двух каменных храмов (в местечке Малечь Пружанского уезда и в д. Косьма Бельского уезда) и стоимость (15 260 рублей 94 копейки и 23 351 рубль 34 копейки соответственно). Во второй части объявления назывались условия участия в торгах. Лица, претендовавшие на получение подряда, должны были в дни торга и переторжки предоставить в Гродненское губернское церковно-строительное присутствие документы о своем статусе, происхождении, недвижимом имуществе (участке земли), которое будет выступать в качестве залога для получения подряда. В торгах могли участвовать только лица, которые имели право на приобретение недвижимой земельной собственности в Северо-Западном крае.

В день торгов все заинтересованные лица собирались во Временном уездном комитете или Временном губернском комитете. Претенденты подавали соответствующую документацию на рассмотрение комиссии. Торги проводились как «изустные», так и «посредствомъ запечатанныхъ объявленій» [7, с. 2]. «Изустные» (публичные) торги предусматривали личное участие заинтересованных лиц в торгах, которые понижали стоимость работ друг за другом от начальной цены до полной сбавки. Все предлагаемые суммы вместе с именами участников последовательно фиксировались на листе и подрядчики расписывались. На каждый подряд производился только один торг и через три дня – переторжка [5, с. 224]. Торги «посредствомъ запечатанныхъ объявленій» (закрытые) предусматривали отправку заинтересованными лицами в уездный или губернский комитет запечатанного объявления к торгам (официального сообщения в письменной форме). В объявлении указывались следующие сведения: предмет и условия, на которых подрядчик планировал работать, обязанности подрядчика, сроки выполнения подряда, задаток (определенная сумма для начала строительных работ) и недвижимое имущество, закладываемое подрядчиком на время выполнения всех работ.

Остановимся подробнее на объявлении к торгам от мещан Черниговской губернии Новозыбковского уезда посада Злынки Василия Хмельникова, Гордея Алексеева и Ивана Сергеева на постройку новой каменно-кирпичной церкви и колокольни в селе Вельямовичи Брестского уезда, адресованное в Брестский уездный комитет по сооружению православных церквей летом 1866 года: «Во время бытности Господина Начальника Губернии в г. Кобрине,

где мы производим постройку каменного Собора, Его Превосходительство изволили приказать если мы пожелаем то принять работы по постройке Церквей и в Брестском уъезде, на каковой предмет мы и прибыли сюда и осведомились, что в селе Вельямовичах предложено построить новую каменную кирпичную Церковь на что и смета утверждена на 8280 руб. сер.; по разсмотрении таковой мы желаем принять постройку этой Церкви во всем согласно с утвержденными смете как на Церковь так и на колокольню» [8].

Как видим, мещане получили личное разрешение от губернатора Гродненской губернии И. Н. Скворцова на возведение новых храмов в Брестском уезде. Ознакомившись со сметной документацией в канцелярии комитета, они изъявили желание построить церковь и колокольню в соответствии с утвержденной сметой в 8 280 рублей. Все работы предполагалось осуществить за собственные средства на сумму 7 397 рублей 75 копеек. Подрядчики уступили 882 рубля 5 копеек в пользу уездного комитета, т. к. из них 500 рублей отдельно было выделено на иконостас и 5 крестов, а 382 рубля 5 копеек на булыжный камень, который прихожане «приготовили собственными силами» [8]. Строительство храма могло быть выполнено за 7 397 рублей 75 копеек при условии, если прихожане Вельямовичской церкви по возможности окажут помощь с доставкой строительного материала и выделят рабочих [8]. Ниже прописаны сроки выполнения работ: «Начало работ т. е. закладку фундамента произвести в настоящем году, а в будущем 1866 году сделать отделку Церкви и к 1-му Сентября 1867 года здать по пренадлежности вполне оконченной без всяких отговорок», т.е. с 1 августа 1865 г. до 1 сентября 1867 г. (по контракту) [8]. Гарантом качественного исполнения всех условий было всё недвижимое имущество мещан. В случае, если строительные работы были выполнены некачественно по вине подрядчика, то последний бесплатно должен был всё переделать. Если брак был допущен по вине архитектора, то все исправления должны были производиться за дополнительную плату. На первое время при заключении контракта подрядчики запросили задаток в 300 рублей от уездного комитета. Оплата за работу должна была выдаваться частями после выполнения определенного объема работ. От каждой суммы предполагалось удерживать уездным комитетом 10 % в качестве залога до полного окончания строительства храма [8]. Как видно, по-своему содержанию запечатанное объявление напоминает контракт от 1-го августа 1865 г., составленный на основе данного объявления [8].

Торги «посредствомъ запечатанныхъ объявленій» проходили без личного участия подрядчиков. Запечатанное объявление в обязательном порядке должно было быть зачитано всем присутствующим во время торгов, чтобы итоговая сделка имела законную силу и не потребовала в скором времени очередной переторжки. Так, например, торги на возведение новой каменной православной церкви в деревне Гершеновичи Брестского уезда, состоявшиеся 21 августа 1866 г., закончились назначением переторжки на 21 октября 1866 г., т. к. первоначально они прошли с нарушением процедуры: запеча-

танный конверт не был предоставлен на всеобщее обозрение. Торги проходили в г. Бресте. Среди его участников были два члена Брестского уездного комитета по сооружению православных церквей – протоиерей Соловьевич и мировой посредник Ерогин. От другой стороны присутствовали подрядчики-мещане Гордей Алексеев, Артемий Третьяков и Василий Арбузов. Мещане начали торговаться от суммы в 7 070 рублей и постепенно снизили цену. Последним оказалось слово Гордея Алексеева, т. к. другие лица перестали снижать цену. После этого Ерогин предложил Алексееву расписаться в том, что тот не может более снижать цену. Алексеев без задней мысли поставил подпись. Затем Соловьевич принес запечатанный конверт, представленный Третьяковым до начала торгов. В нем содержалось условие торгов: снизить итоговую сумму на 100 рублей. Возмущенный Алексеев обратился с прошением к гродненскому губернатору о назначении новых торгов, по результатам которых он получил этот подряд [9].

После завершения торгов с подрядчиком заключался контракт. Трудовые отношения между заказчиком и подрядчиком регулировались Гражданским законом (ст. 1894, т. X) [10]. В общей части контракта прописывались стороны, между которыми заключался контракт и предмет договора, т. е. конкретный вид работ. Заказчиком выступали уездные и губернский комитеты, подрядчиками – лица различного социального происхождения: мещане, купцы, а также крестьяне. Например, строительством храмов в Брестском уезде (с 1865–1868 гг.) занимались мещане Черниговской губернии Новозыбковского уезда посада Злынки – Василий Хмельников, Гордей Алексеев и Иван Титов. Они заключили контракты на возведение новых каменных храмов: в селе Вельямовичи в 1865 г. за 7 398 рублей 75 копеек [8]; в местечке Высоко-Литовск в 1866 г. за 8 000 рублей [11]; в селе Гершеновичи за 4 700 рублей [9] и в селе Мотыкалы за 4 184 рубля в 1867 г. [12].

В роли заказчика мог выступать церковный совет. Так, в 1865 г. в Гродненском уезде церковные советы подписали контракты с мастером Андреем Лотышевым на строительство храмов в селении Гольно [13] и местечке Крынки за 2 200 рублей [14]. В феврале 1866 г. в Слонимском уезде миловидский церковный совет подписал контракт на возведение храма с купеческим сыном Бутковским [15]. Летом 1866 г. церковный совет в селе Люшново договорился с трокским мещанином Михаилом Кирьяновым и казенным крестьянином Виленского уезда Яковом Трофимовым [15]. В октябре 1866 г. черлёнский церковный совет в присутствии членов Гродненского уездного комитета заключил контракт со строителем Иваном Орловским [16]. Такие контракты заключались с разрешения уездного или губернского комитетов или по их требованию. С 1867 г. на смену церковным советам пришли приходские попечительства, которые также заключали контракты с подрядчиками.

Большинство подрядчиков были евреями, несмотря на пункт 23 «Правил для устройства православных церквей в 9-ти губерниях Западного

края» (1867 г.), согласно которому им запрещалось строить христианские храмы. Однако евреи «обходили» закон стороной и выступали в роли поверенных у лиц христианского вероисповедания. Например, в конце 1870 – начале 1880-х г. были построены храмы в селе Головачи и местечке Индура подрядчиком Гиршем Моисеевичем Андресом. Он был доверенным лицом отставного капитана Александра Николаевича Покровского [17]. Мещанин Арон Бадылькес перестроил костел в православный храм в местечке Лысково Волковыского уезда в начале 1880-х гг. [10].

Ниже в контракте прописывались обязанности подрядчика. Все работы нужно было производить согласно сметной документации, разработанной проектировщиком (архитектором) и полученной в комитете под расписку [8]. Материал и рабочий инструмент, используемые при строительстве, приобретались подрядчиком. К работам привлекались мастеровые люди, нанятые также подрядчиком. Им помогали чернорабочие, направленные на стройку церковным советом. Также в контрактах 1860-х гг. было отмечено, что доставка материалов к месту строительных работ – обязанность прихожан [15]. Но уже в контрактах 1880-х гг. любая помощь от прихожан исключалась [10].

В некоторых контрактах отдельно прописывались элементы внутреннего устройства храма: иконостас с иконами, церковная мебель, клирос. Например, в контракте Арона Бадылькеса от 8 сентября 1881 г. была зафиксирована следующая информация: «Все работы, <…>, назначенныя по проекту и смете утвержденных Строительным Отделением Губернского Правления 9 марта сего года со включением иконостаса с образами, церковной мебели и клиросов подрядчик Бадилькес обязан произвести своими материалами и мастерами <…> без малейшего отступления, от утвержденных проекта и сметы» [10].

Оплата работы подрядчика производилась по мере выполнения работ по квитанции, выписанной архитектором или техником, проверяющим объем и качество выполненных работ. Из этой суммы удерживался определенный процент в качестве залога, действовавшего до окончания всех работ. У подрядчиков Черниговской губернии удерживалось 10% от каждой суммы [4], [12], а у Арона Бадылькеса 15% [10]. Помимо этого, в обязательном порядке залогом выступало недвижимое имущество подрядчика, но какой именно вид имущества закладывался, прописывалось не во всех контрактах. В контрактах 1860-х гг. этот пункт отсутствовал, а в контрактах 1870–1880-х гг. можно встретить следующую трактовку правил: «В залог принято за Андреса недвижимое имущество Гродненского 2-й Гильдии Купца Шимилия Черток и жены его Хаи Голды, заключающиеся в каменном одноэтажном доме в г. Гродно при Соборной улице» (из контракта Гирши Андреса на строительство храма в местечке Индура от 10 августа 1879 г.) [17]. В отдельном пункте указывалась сумма (задаток), выдаваемая заказчиком на первоначальные нужны подрядчика. Последние пункты контрактов содер-

жали сроки выполнения работ, которые варьировались в зависимости от их объема. Подписывался документ с одной стороны членами уездного или губернского комитетов (или церковного совета), с другой – подрядчиком. Первоначально все контракты писали на обычных листах, затем только на гербовой бумаге. Позднее контракт, написанный на обычных листах, считался недействительным. За это предусматривался штраф [18]. После выполнения подрядчиком условий контракта работу принимали члены уездного комитета [12].

Таким образом, при подрядном строительстве православных храмов в Гродненской губернии во второй половине XIX века взаимодействовали два ключевых звена: заказчик и подрядчик. В роли заказчика выступала как государственная организация (Временные уездные комитеты или Временный губернский комитет), так и церковные советы и приходские попечительства. Подрядчиками могли быть лица разных сословий или их поверенные, имевшие недвижимость в пределах Северо-Западного края. Объявления о торгах размещались в приложениях на отдельных листах к губернским ведомостям. Торги проходили двумя способами: «изустно» и «посредствомъ запечатанныхъ объявленій». По итогам торгов заключался контракт. Регулировались трудовые отношения между заказчиком и подрядчиком Гражданским законом. В процессе строительства храмов подрядчики использовали свою материально-техническую базу и осуществляли все работы строго по сметной документации, разработанной архитектором.

Список использованных источников

1. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБ в Гродно). – Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 24.

2. НИАБ в Гродно. – Фонд 10. – Оп. 13. – Д. 264.

3. *Ганчар, А. И.* Римско-католическая церковь в Беларуси (вт. пол. XIX – нач. XX вв.). Исторический очерк: монография / А. И. Ганчар. – Гродно: ГГАУ, 2010. – 512 с.

4. НИАБ в Гродно. – Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 7.

5. Свод законов Российской империи [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://civil.consultant.ru/code/. – Дата доступа: 14.02.2018.

6. Виленские губернские ведомости. – 1884. – № 81. – С. 6.

7. Виленские губернские ведомости. – 1887. – № 53. – С. 2.

8. НИАБ в Гродно. – Фонд 844. – Оп. 1. – Д. 4.

9. НИАБ в Гродно. – Фонд 844. – Оп. 1. – Д. 15.

10. НИАБ в Гродно. – Фонд 97. – Оп. 1. – Д. 146.

11. НИАБ в Гродно. – Фонд 844. – Оп. 1. – Д. 36.

12. НИАБ в Гродно. – Фонд 844. – Оп. 1. – Д. 40.

13. НИАБ в Гродно. – Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 4.

14. НИАБ в Гродно. – Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 11.

15. НИАБ в Гродно. – Фонд 846. – Оп. 1. – Д. 6.

16. НИАБ в Гродно. – Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 22.

17. НИАБ в Гродно. – Фонд 97. – Оп. 1. – Д. 442.

18. НИАБ в Гродно. – Фонд 97. – Оп. 1. – Д. 552.

(Дата подачи: 26.02.2018 г.)

О.Б. Келлер
Белорусский государственный университет, Минск

O. B. Keller
Belarusian State University, Minsk

УДК 94:34(430)

НАЛОГИ, ПОДАТИ, ПОВИННОСТИ, ПОШЛИНЫ, КНЯЖЕСКИЕ РЕГАЛИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ ДО И ПОСЛЕ ДАРОВАНИЯ НЕМЕЦКОГО ПРАВА

TAXES, DUTIES, SOVEREIGN REGALIA IN CENTRAL UND EASTERN EUROPE BEFORE AND AFTER THE GRANT OF GERMAN LAW

Статья посвящена рассмотрению отдельных аспектов (налоги, пошлины и пр.) финансовой системы регионов, расположенных к востоку от Германии, до того, как в них появились элементы немецкого права и после введения немецкого права в городах и селах Центральной и Восточной Германии. Начало утверждения немецкого права в этих регионах – XIII–XIV вв.

Ключевые слова: налоги; повинности; княжеские регалии; Центральная Европа; Восточная Европа; немецкое право; дарование права.

This article is devoted to the consideration of certain aspects (taxes, duties, etc.) of the financial system of the regions located east of Germany before they appeared in the elements of German law and after the introduction of German law in cities and villages Central and Eastern Germany. The beginning of the approval of German law in these regions – XIII–XIV centuries.

Key words: Taxes; duties; princely regalia; Central Europe; Eastern Europe; German law; grant of law.

В ту эпоху, в которую распространилось и утвердилось немецкое право в Польше, а затем в Литве, Украине, Беларуси и в других регионах, а именно в XIII–XIV вв., феодализм в Западной Европе находился на вершине своего развития: король получал доходы только от государственных имуществ, некоторых регалий (горной и, отчасти, лесной), таможень и донатив духовенства [1, с. 26]. Жалованные грамоты, даровавшие немецкое право, затрагивали, в большинстве своем, две особо важные сферы: подати и суд. А как известно, именно право суда и власть, относившаяся к налогам, исчерпывали все права верховной власти в период Средневековья [1, с. 9].

Постараемся рассмотреть на примере Польши, Литвы, а соответственно, и Украины одну из вышеозначенных сфер, релевантных для нас. И для начала рассмотрим, какие же налоги и повинности имели место на вышеуказанных территориях до дарования ее населению в Средние века жалованных грамот на немецкое право, а затем каким образом менялась ситуация после пожалования немецкого права.

Налоги, подати, повинности до дарования немецкого права. *Постоянные подати*. Примерно до XIV в. польские князья обладали обширными правами касательно налогов [1, с. 10]. Равно как и князья иных славянских

земель, польские князья получали с каждого населенного участка земли прямую, общую и постоянную подать. Причем как единица, облагаемая податью, так и свойства, размер и название подати были различны.

Как правило, в Польше облагался податью именно тот участок земли, который крестьянин мог возделывать парой волов или лошадей, от чего подать получила название «порального» («poradlne» – «посошное»). Та же самая подать могла носить и название «подымного» («дым» – жилое место). До времен Людовика I Великого (Венгерского)[1] данная подать составляла 12 грошей с лана[2], а со времени издания Людовиком знаменитого акта[3] снизилась до 2 грошей. Впоследствии, во времена правления Сигизмунда III Вазы[4], эта подать вовсе исчезла. То есть в то время, когда на западе возникало обложение постоянными податями, в Польше совершенно прекратилось взимание прямых общих налогов.

Далее. В Польше в виде постоянной подати кроме «порального» (налога в денежной форме) с каждого лана взимались и различные продукты натурой, а именно: «annonna ducalis», или «отсыпной хлеб», позднее «dziakly» (в Литве – «дяклы»), составлявший 2 мерки ржи и овса с лана; затем «vacca», «bos», «porcus» и пр.

Экстраординарный налог. Наряду с постоянной податью в Польше существовал экстраординарный налог, взимавшийся временно по требованию

---

[1] Людовик Великий (венг. I. (Nagy) Lajos), согласно венгерской традиции Лайош Великий, согласно польской Людвик Венгерский польск. Ludwik Węgierski; 5 марта 1326, Вишеград, Венгрия – 11 сентября 1382, Трнава, Словакия) – король Венгрии с 16 июля 1342 г. (коронация 21 июля 1342 г. под именем Лайоша I), король Польши с 17 ноября 1370 г. до момента своей кончины. Происходил из Анжуйской (Анжу-Сицилийской) династии. Людовик Великий был одним из самых известных правителей Европы эпохи Позднего Средневековья, расширив владения своего государства от Адриатики до Черного моря и почти до Балтики на севере. В числе его вассалов были правители Боснии, Сербии, Валахии, Молдавии и Болгарии.

[2] Лан – мера площади в средневековой Западной Европе и, в частности, польско-литовском государстве (XIV–XVIII вв.). Являлся основным мерилом феодальных повинностей. Размер 1 лана соответствовал площади среднего сельскохозяйственного феодального надела. Обычно один лан давался патриархальной семье из 10–12 человек. Лан делился на загоны, а те – на скибы. Было 2 вида лана: малый (фламандский, хелмский), который равнялся 30 моргам и соответствовал литовской волоке (отсюда второе его название – влука), и большой франконский (королевский, старопольский) равнявшийся 43,5 – 48 морга. На Украине с 1557 г. назывался старопольский лан или волокой и был равен 1 лан = 30 моргов ≈ 17,955 гектара. Размеры ланов: франконский: 1 лан = 43,5 – 48 моргам ≈ 22,6 до 25,8 га гектара, лан фламандский ≈ 16,7 до 17,5 га. От слова «лан» возникло название земельного налога – «лановое».

[3] Кошицким привилеем (жалованной грамотой) 1374 г. Людовик освободил польскую знать от регулярных податей, кроме ланового побора.

[4] Сигизму́нд III (швед. Sigismund I, польск. Zygmunt III Waza, белор. Жыгімонт III Ваза, лит. Zigmantas III, 20 июня 1566 – 30 апреля 1632) – король польский и великий князь литовский с 27 декабря 1587 года, король шведский с 27 ноября 1592 по июль 1599 года, внук Густава Ваза и Сигизмунда Старого, сын шведского короля Юхана III и Екатерины Ягеллонки, отец Владислава IV.

необходимости: «exactio», «collecta», «szos». В Литве этот налог именовался «серебщизна» и «ордынщина». Со времени развития сеймовой власти установление этого налога требовало согласия сейма. Данный налог просуществовал до падения Речи Посполитой [1, с. 11].

Повинности. Самой старой и наиболее тягостной повинностью в Польше считалась «подводная» («powóz», «prewód», «podwoda») [1, с. 11]. Суть данной повинности заключалась в том, что по пути своего следования княжеские гонцы и военные обозы требовали подвод. Кроме того, крестьянам надлежало доставлять продукты князю в его замок на своих подводах. Иногда этой повинностью выражалось подданство какого-либо племени тому либо иному князю.

Затем в ряду повинностей следует означить обязанность производить различные работы («издельная повинность») в пользу князя. Сюда относятся работы при ремонте княжеских замков, исправлении плотин, обязательная помощь при княжеских охотах. Совокупность этих работ называлась «angaria» и «perangaria». Сюда же можно отнести и «строжа» («stroża»), хотя она весьма рано заменялась или натуральными, или денежными оброками.

Хотелось бы обратить внимание на «военную повинность». В принципе, у народов Европы было два способа осуществления военной повинности: 1) дружинный и 2) всенародный (ополчение), причем, в большинстве своем, в Западной Европе преобладал все же именно первый, то есть дружинный способ отправления военной повинности. Обычай народного ополчения исчезает в Польше постепенно, начиная с XIV в.

Соединение повинностей и податей (прямой, постоянный налог). Соединение податей и повинностей представляет собой так называемые «стации» («statio»). При объездах князя по делам правительственным, судебным, для забав или охоты землевладельцы и крестьяне сел, лежавших на его пути, должны были встречать, размещать, содержать и провожать его и свиту князя. Нередко сия повинность перелагалась на деньги и, таким образом, становилась прямым, постоянным налогом.

Налоги непрямые. В большом употреблении были непрямые налоги: любой товар при вывозе на рынок подвергался оплате, взимаемой натурой. С воза рыбы полагалось отдавать 2 рыбы и т.п. Эта подать называлась «targowe». Позднее этот сбор стал взиматься в денежном виде и называться «цлом» и «мытом», когда сюда присоединился сбор за провоз товаров. Последний, однако, следует отличать от «таможенных пошлин».

Пошлины до дарования немецкого права. К пошлинам следует отнести, конечно, самую доходную статью древних финансов, то есть «судебные пошлины».

Кроме того, значительную часть доходов в больших торговых городах составляли торговые и иные пошлины.

Княжеские регалии до дарования немецкого права. Помимо податей, пошлин и повинностей, основанием многочисленных прав князя над всеми землями его княжества являлись княжеские регалии. Так, например, княже-

ской регалией считалось право владения лесами и водами. Как и повсюду в Западной Европе, лесные законы были строги: убивший зверя судился как преступник, оскорбивший князя, и приговаривался к высшему штрафу в размере 70 грошей. Основание подобной строгости объясняется тем, что ценные шкуры зверей («kuny») имели денежное обращение. Наряду с правом владения лесами и водами к княжеским регалиям относились ловля рыбы, построение мельниц и бань и т. д. Полезные ископаемые, на чьей бы земле они не были найдены, принадлежали только князю.

Налоги, подати, повинности после дарования немецкого права. Итак, чтобы разобраться, как выглядела финансовая сторона в Польше и Литве после введения немецкого права, следует отметить следующее. Говоря о влиянии немецкого права, нужно различать дарование немецкого права общинам, живущим на государственной (княжеской) земле, либо новым колониям, появившимся на этой земле, от пожалования его духовенству либо частным владельцам-собственникам.

Общая поземельная подать. Так, дарование немецкого права княжеским имениям влечет за собой не уменьшение, а увеличение финансовых средств князя. Совсем иное дело, когда оно дается частновладельческим имениям. В такой ситуации частновладельческие имения освобождаются от «общей поземельной подати» – «порального» [2, № 26, 44, 48]. Не следует, однако, забывать, что освобождение от этой подати было неполное; если оно и бывало полное, то крайне редко. Выше уже упоминалось, что остатки данной подати сохранились в Польше до времен правления Сигизмунда III и что немецкое право понижало ее до 2 грошей с лана.

В Литве в 1424 г. Великий князь литовский Свидригайло[5] дает Драгосиновичу село Косово с монастырем в потомственное владение, с мельницами, с полями, с ловами звериными и птичьими и пр.: «А тое село первороченное имеют нам давати, подлугъ права Волоского ты-то доходы... съ каждаго кметя по два гроши польскихъ Краковского резу у каждый год» [3, № 15]. Под «правом Волоским», упоминаемом здесь, надлежит понимать «право немецкое». Как название «Немцы», общее для всех германских племен, прилагалось зачастую ко всем западным народам», – поясняет в своем исследовании М. Ф. Владимирский-Буданов, – так и название «Влахи», общее для всех романских народов, прилагалось иногда ко всему Западу [1, с. 19].

Подать чрезвычайная (временная). От подати «чрезвычайной (временной)» не освобождались немецкие поселения частных владельцев, за исключением определенного числа лет первоначальной льготы [2, № 39].

---

[5] Свидрига́йло (белор. Свідрыгайла, лит. Švitrigaila, польск. Świdrygiełło; около 1370 – 10 февраля 1452) – князь витебский (1393), подольский и жидачевский (1400–1402), новгород-северский, черниговский и брянский (1404–1408, 1420–1430), великий князь литовский (1430–1432), князь волынский (1434–1452). Сын великого князя литовского Ольгерда Гедиминовича от его второй жены, тверской княжны Ульяны, младший брат великого князя литовского и короля польского Ягайло.

Подать «Annona ducalis». Подать под названием «Annona ducalis» или «отсыпной хлеб», позднее «dziakly» (в Литве – «дяклы») в виде 2 мерок ржи и овса с лана, сохранилась преимущественно в грамотах на немецкое право силезским городам и местечкам. Впоследствии в Польше и «дякла» перешла от князей к землевладельцам. Зато иные натуральные поборы, к примеру, «vacca», «bove» и пр., были отменены согласно жалованным грамотам на немецкое право.

«Стации». Крайне важным моментом явилось освобождение от «стаций», даруемое немецким правом, ибо оно придавало землевладельцам даже внешний вид независимых князей. Упразднение «стаций» привело к тому, что без разрешения землевладельца король не мог въехать в границы его имения.

Подводная повинность. При даровании немецкого права постепенно изживает себя «подводная повинность». Первоначально с некоторыми исключениями в свою пользу [2, № 49], а впоследствии уже и безо всяких исключений. Так, например, силезские князья сохраняли сперва за собой подводную повинность в военное время для доставления провианта и перевоза пленников (то что в отличие от «powóz» и «podwoda» называлось «prewód» [2, № 54]. В грамотах же князей Восточной Польши постоянно стоит общая формула: «absolvimus… a powóz, prewód» [4, № 80, 82] независимо от того, дается ли грамота собственному имению князя или имению частного владельца.

Воинская повинность: Особенность жалованных грамот на немецкое право составляет освобождение от «воинской повинности», но не потому, что эти привилегии нельзя найти в тарханных грамотах русских князей, а потому, что в жалованных грамотах на немецкое право воинская повинность получает строгую определенность.

Колонисты не освобождались от военной повинности, но, в отличие от поселенцев с польским правом, они несли ее с определенными облегчениями. «Колонисты, – говорит один силезский князь, – будут служить мне, если случится война против моей земли или в моей земле; если же я захочу начать поход вне моей земли, то они должны в гарнизон одного моего замка постаивть, по договору, трех вооруженных людей с достаточным продовольствием, до моего возвращения в свою землю» [4, № 44]. Таким образом, военная повинность колонистов ограничивается войнами оборонительными и внутренними; от внешних войн они освобождаются всегда. Но и во время внутренних войн колонисты несли военную повинность с ограничениями. Они лишь тогда принимали участие в защите страны, если война касалась границ их поселений [2, № 11, 12]. Итак, немецкое право обязывает колонистов к тому, к чему каждого человека обязывает чувство собственного самосохранения: во время войны жители открытых мест и без того бежали в ближайшие замки и принимали участие в их обороне. Единственный обязательный их долг – вооружить известное число людей за свой счет. Впоследствии в Польше все нешляхетское население участвовало лишь при обороне замков. В открытых же битвах сражались общинные рати. В общенародное ополчение из имений частных владельцев являлись солтысы. В позднейших грамотах освобождение от военной повинности дается

колонистам немецкого права или безо всяких ограничений, или в них и вовсе не упоминается о таковой. Из солтыских грамот, в которых подробно излагаются повинности поселенцев видно, что военной службой обязывается один только солтыс. Другая сторона военной повинности – постройка и ремонт замков и укреплений – подверглась той же участи. Сначала князьями оговаривается, что колонисты «будут помогать при постройке замка по требованию крайней необходимости», а затем они решительно отказываются от их помощи [2, № 26].

Пошлины после дарования немецкого права. Торговые и другие пошлины составляли значительную часть доходов только в больших торговых городах, принадлежавших в большинстве своем еще князьям. Если же такие города попадали в частное владение, то и пошлины переходили в руки землевладельцев. Но грамоты не забывают упомянуть и об освобождении от торговых пошлин [2, № 26].

Княжеские регалии после дарования немецкого права. Из регалий право на владение водами постоянно соединяется с прочими привилегиями немецкого права, без ограничений или с известными изъятиями. Так, в древнейших грамотах исключается право на ловлю бобров в пользу князя [2, № 6]; впоследствии же уничтожается и это изъятие [2, № 26]. Даже рыболовство подвергалось иногда ограничениям, хоть и чрезвычайно редко. Реки могли отдаваться в частное владение либо на всем их протяжении, либо отмерялось точное количество вверх и вниз по течению от того города или имени, которому была пожалована грамота. На этом пространстве владельцы могли строить или сколько угодно мельниц, или в указанном князем количестве [4, № 63].

Точно так же и лесная регалия уступаема была сперва с некоторыми ограничениями касательно права охоты, а уже затем безо всяких ограничений. В городах право охоты получал один только войт.

Горная регалия, даже в пунктах чрезвычайной важности для всего государства, переходила в частное владение сперва по простым жалованным грамотам, потом закреплялась грамотами на немецкое право. Так, к примеру, соляные копи в Величке перешли в частное владение монастыря Тынецкого. Еще легче переходило частное владение право на полезные ископаемые, могущие открыться на земле, уже бывшей в частном владении, о чем упоминают грамоты на немецкое право, с некоторыми лишь ограничениями относительно княжеских городов [4, № 63].

Что касается монетной регалии, то поначалу князья весьма осторожно поступали с ней и исключали ее из пожалований немецкого права. Однако право чеканить монету утвердилось в землях, занятых тевтонскими рыцарями, за землевладельцами и городами с немецким устройством, таких как Торунь, Эльбинг и Данциг. Последние пользовались вышеуказанным правом вплоть до последних времен польского владычества. По примеру данных земель начало утверждаться это же право за землевладельцами и городами в княжествах польских.

В заключение хотелось бы проанализировать отношение землевладельцев к поселенцам по немецкому праву. Когда в результате падения роли королевской

власти в Польше важная роль переходит от короля к землевладельцам, землевладельцы получают значение провинциальных войтов в своих имениях, а низший суд начинают вершить их вассалы (солтысы), ими только поставляемые. Им же – солтысам – землевладельцы поручают фактическое отправление уголовного суда. Имения землевладельцев не платят королю податей (кроме одной двугрошевой с волоки – «exactio pecunialis») и не несут повинностей [1, с. 57].

Однако на основании данного утверждения сложно сделать выводы, хуже или лучше стало людям, поселенным на таких освобожденных землях. Ситуация могла развиваться двумя путями.

Первый путь характеризуется тем, что землевладелец, получив «jus ducale», мог передать его своим поселенцам точно так же, как поступил король или князь по отношению к нему; мог устроить в своем имении свободный общиный суд, которому передаст и свое уголовное право, а также мог, в свою очередь, облегчить подати и повинности крестьян.

Второй путь заключается в том, что землевладелец мог оставить в своих руках полученную власть и быть действительным и единственным судьей в своем имении, плюс получать с поселенцев все те подати и требовать исполнения всех тех повинностей, которые прежде следовали князю. Власть, полученная землевладельцем, была безгранична и даже давала ему право и возможность расширять требования и увеличивать повинности.

Как правило, принято считать, что немецкое право возлагает на землевладельцев обязанности устроить свои отношения к поселенцам по первому способу, а не по второму, что поселенцы пользуются привилегиями немецкого права «наравне с панами». Так ли это? Действительно ли в частновладельческих имениях, пожалованных немецким правом, непременно устанавливался общинный, независимый суд и каковы были личные и имущественные права поселенцев в таких имениях? С этим, безусловно, следует разобраться поподробнее, особенно со вторым аспектом, затрагивающим личные и имущественные права поселенцев по немецкому право (волочное хозяйство).

Самый главный момент, на который следует обратить внимание при рассмотрении данного аспекта: при отдаче земли немецким колонистам изменялся существовавший до этого древнеславянский (польский) способ сельского хозяйства! «Общинное землевладение, – сообщает нам Владимирский-Буданов, – было чуждо немцам» [1, с. 68].

При образовании немецкой колонии происходил точный или приблизительный кадастр имения [2, № 48, 50]. Имение разделялось на «mansi» («Hufen» – «волоки»). Каждый поселенец получал отдельную волоку (гуфу), величина которой соразмерялась с количеством почвы. В лесистой местности учреждались так называемые большие или франкские волоки, на обработаных полях – меньшие по размерам фламандские волоки (гуфы). Средняя величина волоки (гуфы) составляла порядка 30 моргов, то есть свыше 15 десятин. Деревни распались на ряды хуторов. Каждый владеющий волоками состоял в непосредственном юридическом отошении к землевладельцу, отвечая только за себя.

Иными словами, в результате введения заимствованного у Западной Европы частного (ленного) землевладения вместо древнеславянского общинного землевладения исчезает прежняя общинная ответственность, при которой в русских областях землевладелец имел право назначать только общее количество податей и повинностей, а община уже сама распределяла их между своими членами. Это общее количество податей и повинностей сохранялось даже несмотря на уменьшение или увеличение общины, поэтому последняя должна была самостоятельно заботиться о полноте своего состава. Землевладелец, хоть и отчасти, был обеспечен постоянным получением дохода, а этим значительно отдалялась необходимость прикрепления к земле. По немецкому же праву, придерживавшемуся порядка частного землевладения, каждому поселенцу отдавалась волока в вечную ленную собственность («dziedzina»). «Такое дарование, – пишет далее Владимирский-Буданов, – есть, по-видимому, привилегия, так как им дается даже право продать свой участок, конечно, вместе с повинностями, лежащими на нем; пан лишается права без причины отнять у поселенца участок; но это и есть уже начало крепостного права, которое развилось потом в такое строгое рабство под благоприятными условиями польского юридического быта, которыми Польша опять-таки обязана немецкому праву» [1, с. 69].

Право вечного владения могло сделаться привилегией при больших наделах и при освобождении от податей; в небольших же крестьянских участках, обремененных повинностями, оно неизбежно вело к закабалению: при свободе от податей и при известной величине солтысств эти последствия сделались предметом желаний даже шляхты, но те же солтыства, меньшего объема и обложенные повинностями, переходили в крестьянские участки.

Итак, о постоянной незначительной величине волоки было сказано выше. Остается лишь упомянуть, какие повинности устанавливало немецкое право при распределении волок между поселенцами.

Одним из существенных отличий немецкого права признается переложение издельной и натуральной повинностей на денежный оброк – «чинш» («Zins», «census»). Этот оброк простирался от ¼ марки с волока до ½ марки [4, № 58], иногда более 1 марки. Такая замена натурального хозяйства денежным, конечно, была принесена в Польшу и Силезию «немцами» из их прежнего отечества, где уже началось разложение натурального хозяйства. Однако необходимо отметить, что на той ступени экономического развития, на которой тогда находилась Польша, денежное хозяйство не могло привиться прочно. При неразвитости потребностей и, следовательно, торговли земледельцу во всяком случае легче было отработать известное число дней в году, чем приобрести деньги. Эти обстоятельства скоро привели в селах, основанных на немецком праве, к соединению чинша с барщиной [1, с. 71].

Но действительно ли при даровании немецкого права все повинности натуральные и обязательные работы были заменены чиншем? Нет, это не так. В некоторых документах, помимо чинша, говорится о поборах и данях; из других же актов видно, что эти поборы состояли во взносе опреде-

ленного количества ржи и овса с каждой волоки. Такой взнос натурой есть «annona ducalis», остаток прежних княжеских прав на землю. Князья часто оставляли его за собой после дарования немецкого права. Но если князь отказывался от него, то не в пользу поселенцев, а в пользу землевладельцев: так один землевладелец требует, кроме чинша, и анноны.

Список использованных источников

1. *Владимирский-Буданов, М. Ф.* Немецкое право в Польше и Литве / М. Ф. Владимирский-Буданов. – СПб.: [б. и.], 1868. – 312 с.

2. Urkundensammlung zur Geschichte des Ursprungs der Städte und der Einführung und Verbreitung deutscher Kolonisten und Rechte in Schlesien und der Ober-Lausitz / Hrsg.: G. A. Tzschoppe, G. A. Stenzel. – Hamburg: Perthes, 1832. – XVI, 656 S.

3. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1863. – Т. 1: 1361–1598 / [под ред. Н. И. Костомарова]. – [6], 301, 15 с.

4. Codex diplomaticus Poloniae: quo continentur privilegia regum Poloniae, magnorum ducum Litvaniae bullae pontificum nec non jura a privatis data ab antiquissimis inde temporibus usque ad annum 1506 = Kodex dyplomatyczny Polski / Editus studio et opera Leonis Rzyszczewski et Antonii Muczkowski, notis a adornatus usque ad nr. CVII ab Antonio Sigismundo Helcel. – Vol. 3. – Varsaviae: Straąbski, 1858. – XVII, 484, LXVI S.

(Дата подачи: 21.05.2018 г.)

А. А. Киселев
Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, Минск
A. A. Kiselev
Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk

УДК 94(476):351.745 «1905/1907»

ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ БРЕСТСКОГО ГОРОДСКОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

CHANGES IN THE STRUCTURE OF THE CITY POLICE DEPARTMENT OF BREST IN THE EARLY XX CENTURY

В статье показывается, что политический кризис 1905–1907 гг. не привел к существенному усилению состава Брестского городского полицейского управления несмотря на политический террор против полиции, несоответствие между штатом полиции и численностью городского населения, уровнем развития промышленности и торговли, крепостным статусом города.

Ключевые слова: городская полиция; Министерство внутренних дел; политический террор; Российская империя; белорусские губернии.

The article shows that the political crisis of 1905–1907 did not lead to a significant increase in the composition of the Brest City Police Department despite the political terror against the police, the discrepancy between the police state and the number of urban population, the level of development of industry and trade, the city's military fortress status.

Key words: city police; The Ministry of Internal Affairs; political terror; Russian empire; Belarusian provinces.

Изменения в структуре органов общей полиции белорусских губерний в начале XX в. представляют определенный интерес для изучения реакции местных властей и российского правительства на политический протест накануне и во время кризиса 1905–1907 гг. Следует отметить, что в отечественной историографии за последнее время появился ряд работ, посвященных описанию структуры и исследованию деятельности институтов жандармской полиции в этот период [1; 2]. В этой связи изучение структуры общей полиции на примере Брестского городского полицейского управления (далее – ГПУ) позволит восполнить имеющийся пробел в анализе средств, которыми располагали губернские власти для реализации правительственной политики в области обеспечения правопорядка в городах белорусских губерний в начале XX в.

Штаты Брестского ГПУ были установлены 17 февраля 1863 г. в составе полицеймейстера, пристава, 3-х помощников приставов и секретаря. 1 апреля 1864 г. по настоянию виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьёва был повышен разряд полицейского управления с третьего на второй, что привело к пересмотру штатов: появлению двух приставов и 4-х помощников приставов. В структуре Брестского ГПУ 14 декабря 1873 г. была упразднена одна должность помощника пристава, но введены 6 должностей околоточных надзирателей. Брестская полицейская команда в это время насчитывала 44 нижних чина. После этих преобразований штат за исключением увеличения численности городовых принципиально не менялся до начала XX в.

На рубеже веков охрана общественного порядка в уездном Бресте была затруднена целым рядом обстоятельств, превращавшим данный город во второе по сложности поселение после беспокойного Белостока. Во-первых, Брест являлся крупным железнодорожным узлом, в котором пересекались пять линий, соединявших такие крупнейшие города империи, как Одесса, Киев, Москва и Варшава. Это привлекало к городу массу лиц, «ищущих незаконной наживы», что требовало от чинов полиции «постоянно находиться в напряженном состоянии и охранять интересы обывателей от покушений на их спокойствие, личность и имущество» [3, л. 3].

Самой большой проблемой для полиции был крепостной статус Бреста. На полицию возлагались обязанности по обеспечению порядка во время лагерных сборов, когда в окрестностях города скапливалось до 50 тыс. военнослужащих, присмотр за крепостной эспланадой и соблюдением правил застройки в пределах крепостной зоны. Брестское ГПУ отвечало за регистрацию пребывающих в Брест, особенно во время навигации по каналу, иностранных граждан, сведения о которых оперативно предоставлялись начальнику штаба крепости, т. е. на чины полиции возлагалось обеспечение контрразведывательного режима в пределах стратегического военного объекта. Если учесть, что иностранцам из-за наличия крепости разрешалось всего

лишь суточное пребывание в городе, а количество иностранных подданных оценивалось во время навигации в 5–6 тыс. человек, то полиции приходилось «нести массу трудов по регистрации иностранцев, проверке их документов и наблюдением за своевременным выбытием их из Бреста» [3, л. 2].

В-третьих, часть населения города в начале XX в. оказалась вовлечена в революционную политическую деятельность, признаками которой, по мнению местных властей, являлась «противоправительственная пропаганда, образование политических кружков и преступных организаций» [3, л. 3]. Это создавало «исключительно тяжелые условия для полицейской службы». Формулировки о тяжести полицейской службы из представления гродненского губернатора не имели характера дежурной казенной фразы. Например, в августе 1906 г. боевой отряд при местной организации Бунда насчитывал 75 человек, на вооружении которых было «30 револьверов разных систем, шашки и кинжалы» [4, с. 272]. При этом в городе действовали, по данным Бунда, еще боевые отряды РСДРП и ППС. По партийным сведениям, бундовские боевики в составе боевого отряда предпринимали акции в июне и декабре 1905 г., а также в январе 1906 г. Чины Брестского ГПУ неоднократно становились жертвами политического террора со стороны боевиков революционных партий в период 1905–1907 гг. Так, 29 апреля 1905 г. в Бресте ночью выстрелом был контужен помощник пристава П. П. Гоголь. 26 июля 1905 г. во время патрулирования двумя выстрелами в упор был смертельно ранен старший городовой Ф. Мартышевский. Это был первый сотрудник Брестского ГПУ, погибший от рук террористов [5, с. 177–179].

Теракты не прекратились и в следующем году. 30 марта 1906 г. в старшего городового Кевича дважды стреляли. Нижний чин отделался простреленной шинелью и ссадиной на спине [6, л. 9]. 10 апреля 1906 г. двое неизвестных лиц напали ночью на возвращавшегося в свою квартиру со службы помощника пристава В. А. Галкин [6, л. 10]. В него выстрелили из револьвера, ранив в ногу, после чего нападавшие скрылись. На следующий день была предпринята еще одна попытка нападения на сотрудника Брестского ГПУ: городовой был ранен в ногу выстрелом из пистолета браунинг [6, л. 11]. Вечером 7 мая 1906 г. во время обхода на одной из главных улиц города был застрелен помощник пристава А. Д. Тер-Оганесов, ставший вторым погибшим чиновником брестской полиции [5, с. 186–188]. Жертвами террора оказывались не только чины общей полиции, но и жандармских подразделений МВД. В частности, 29 июля 1907 г. в Бресте был тяжело ранен револьверной пулей в верхнюю треть бедра помощник начальника Гродненского жандармского управления ротмистр В. Э. Энгбрехт [7, л. 18]. 25 июля 1906 г. нападавшие выстрелом в спину убили возвращавшегося домой начальника Брестской тюрьмы С. А. Дружиловского, служившего по ведомству Министерства юстиции [5, с. 122–124].

Наконец, положение полиции ухудшалось общей для всех городских полицейских управлений империи проблемой: быстрым ростом числен-

ности населения городов. В частности, в 1863 г. в Бресте проживало 14 769 человек [8], а в 1906 г. насчитывалось чуть более 47 тыс. жителей на площади в 10 кв. верст. В итоге в начале XX в. количество городских жителей и площадь городской застройки давно не соответствовали существовавшим штатам. В августе 1906 г. личный состав Брестского ГПУ насчитывал 15 классных чиновников и команду городовых в 116 нижних чинов. Это давало сравнительно неплохой показатель плотности полиции для городов в пределах белорусских губерний – 2,7 чел. на 1000 жителей. Однако этот показатель вырос накануне и в период политического кризиса 1905–1907 гг. Так, только 4 февраля 1902 г. состав Брестского ГПУ пополнился на одного пристава, его помощника и 1 околоточного надзирателя [9], а в начале 1906 г. в рамках общеимперского усиления состава нижних чинов была резко увеличена численность городовых: с 78 нижних чинов до 116 [10, с. 1–41].

Впрочем, даже расширенный штат не успевал справляться с увеличением объема полицейских обязанностей. Косвенным показателем являются данные о делопроизводстве в управлении. Так, в 1901 г. в канцелярию ГПУ в 1900 г. вступило 21 100 входящих бумаг, в 1904 г. – уже 29 916. Чинами управления в 1901 г. было выдано 451 свидетельство и удостоверение, а в 1904 г. – 984. Все больше полиции приходилось тратить сил на борьбу с уголовной преступностью. В 1903 г. брестская городская полиции расследовала 370 дел по кражам, а в 1904 г. к производству было принято уже 451 дело. Если в 1901 г. было принято 440 поручений о розыске, то в 1904 г. поступило уже 613 розыскных запросов. Чиновниками было проведено 1647 дознаний по нарушению общественной тишины и порядка, но в 1904 г. количество аналогичных следственных действий выросло на 27 %. На треть по сравнению с 1903 г. увеличилось и число арестов: с 291 до 443. Понятно, что с началом политического кризиса 1905–1907 гг. забот у полиции только прибавилось.

Нельзя сказать, что местные власти не понимали, что наличный состав полиции неспособен эффективно обеспечивать правопорядок. В своем всеподданнейшем отчете за 1902 г. гродненский губернатор М. М. Осоргин констатировал, что полицейские штаты «большею частью не соответствуют действительным нуждам отдельных пунктов и вопрос об усилении полиции в соответствии хотя бы до известной степени с существующей в том потребностью должен быть поставлен в первую очередь» [11, л. 84]. Однако инициатива в преобразовании структуры Брестского ГПУ принадлежала гродненскому губернатору Ф. А. Зейну, который после личной ревизии положения дел в Бресте обратился 4 августа 1906 г. к генерал-губернатору К. Ф. Кршивицкому с просьбой о преобразовании штата брестской полиции. В частности, губернатор предлагал расширить штат полицейских офицеров более чем в два раза, введя должности помощника полицеймейстера, пристава, двух помощников, 8 околоточных надзирателей, двух

столоначальников и трех письмоводителей. Необходимость этих изменений обусловливалась тем, что прогрессивный рост «канцелярского труда естественно отражается на успешности наружной службы полиции», когда полицеймейстер и приставы вынуждены больше находиться в канцелярии, работая с бумагами, чем руководить охраной общественного порядка непосредственно на улицах города. Выход виделся в организации делопроизводственной части по образцу уездных полицейских управлений, создании третьей полицейской части и введении должности помощника полицеймейстера, который взял бы на себя служебную переписку. Обращение гродненского губернатора Ф. А. Зейна от 4 августа 1906 г. не получило быстрого ответа. Спустя два месяца гродненский губернатор вновь обратился к генерал-губернатору. В этот раз предметом рапорта стало предложение об учреждении конно-полицейской команды в составе 6 городовых. В случае невозможности дополнительного расширения штата начальником губернии предлагался вариант о выделении из уже имеющегося состава городовых соответствующих должностей. Необходимость такой меры мотивировалась тем, что полицейские посты практически не охватывают городские окраины, «особенно расположенные между городом и крепостью». Вместе с тем именно там «ведется противоправительственная пропаганда среди нижних воинских чинов, возвращающихся из города в крепость или лагери» [3, л. 13], происходят незаконные сходки.

После длительных бюрократических консультаций 21 сентября 1907 г. гродненский губернатор получил ответ из Департамента полиции МВД, в котором содержалось заключение Министерства финансов от 31 августа 1907 г. на проект по увеличению штатов. Принципиально не возражая против усиления штата городской полиции, составители заключения фактически отвергли первоначальный проект, требовавший выделения из имперского бюджета 13365 руб. В частности, финансовое ведомство отклонило до «более благоприятного времени» идею о введении столоначальников и письмоводителей на том основании, что «должности эти положены в составе далеко не всех полицейских учреждений» [3, л. 26]. Не возражая против создания в Бресте третьей полицейской части, отметалась необходимость учреждения второй должности помощника пристава. Вместо требуемых восьми околоточных надзирателей настоятельно рекомендовалось ограничиться пятью полицейскими чиновниками. Однако самым главным камнем преткновения оказался вопрос о будущем финансировании урезанных штатов. Министерство финансов соглашалось на кредитование только 50 % всех расходов на содержание чинов полиции, а оставшиеся 2400 руб. предлагало покрыть из городского бюджета. Кроме того, на счет города дополнительно требовалось возложить квартирное довольствие, содержание конно-полицейской команды, причем министерство указывало на возможность повышения ставки городского оценочного сбора как на источник финансирования.

В своем ответе от 4 декабря 1907 г. исполнявший обязанности начальника губернии вице-губернатор В. В. Столяров попытался оспорить полученное решение. Соглашаясь ограничиться помощником полицеймейстера, пятью околоточными, приставом и его одним помощником, он вновь ходатайствовал о введении должностей столоначальников и письмоводителей, считая эту меру «безусловно необходимой». Без этих постов вся бюрократическая работа в управлении и участках на практике поручается городовым «в ущерб делу наружной службы» [3, л. 29]. От формирования конно-полицейской команды В.В. Столяров решил отказаться в силу нежелания городского самоуправления выделять на ее содержание средства и состоявшееся увеличение штата городовых. Однако самое большое препятствие заключалась в отказе городских властей выплачивать квартирные деньги будущим полицейским чиновникам. Вслед за этим отношением 17 декабря на имя виленского генерал-губернатора от гродненского вице-губернатора последовал рапорт с просьбой о выделении с 1 января 1908 г. на содержание пристава, его помощника и двух околоточных надзирателей 2400 руб. Очевидно, что губернская администрация не рассчитывала на оперативное решение вопроса и старалась использовать хотя бы небольшой шанс на открытие кредита и увеличение штата. Эти опасения оказались ненапрасными, поскольку гродненскому губернатору В. М. Борзенко 6 июня 1908 г. пришлось напоминать виленскому генерал-губернатору о так и не поступившем кредите. При этом начальник губернии сослался на результаты личной инспекции, утверждая, что городская полиция «продолжает нести непосильный для себя труд, обусловленный малочисленностью ее состава и исключительными условиями г. Бреста» [3, л. 38]. В ответ из генерал-губернаторской канцелярии 24 июня 1908 г. сообщили, что Министерство внутренних дел 1 марта 1908 г. внесло проект об усилении состава Брестского ГПУ в Государственную думу. Это означало, что гродненской администрации предстояло еще на некоторое время отложить попытки преобразования полицейской организации в Бресте. Интересно, что в Бресте в 1908 г. не появилось сыскного отделения в рамках общеимперской реформы уголовного розыска.

Наконец, 6 июня 1909 г. Государственной думой и Государственным советом был одобрен закон, согласно которому в Бресте учреждался дополнительный штат полиции на срок с 1 июля 1909 по 1 января 1911 гг. в составе помощника полицеймейстера, пристава, помощника пристава и 5 околоточных надзирателей [12]. Впоследствии это решение продлялось 29 декабря 1910 г. [13], 20 декабря 1911 г. и 24 марта 1913 г. [14; 15]. При этом все расходы на содержание чиновников Брестского ГПУ брало на себя казначейство. В конечном счете всех штатных изменений плотность полиции даже сократилась. Накануне Первой мировой войны на 1000 жителей Бреста приходилось 2,4 полицейских сотрудника, т. е. чуть меньше, чем в разгар Первой русской революции 1905–1907 гг.

Таким образом, изменения в структуре Брестского ГПУ в период политического кризиса 1905–1907 гг. показали, что местной администрации в течение трех лет с 1906 г. не удавалось добиться от центральных властей расширения штата городской полиции. Только после одобрения парламентом компромиссного проекта о временном увеличении состава полиции удалось образовать в Бресте третью полицейскую часть. Фактически вопрос об окончательном устройстве полиции в городе откладывался до общеимперской полицейской реформы. В полном объеме проект, представленный губернатором Ф. А. Зейном в 1906 г., так и не был реализован. Примечательно, что для губернских властей оказался непреодолимым отказ брестского городского самоуправления взять на себя часть расходов на содержание проектируемого состава Брестского ГПУ. Реакция Министерства финансов показывает, что, несмотря на острый политический кризис, полицейское ведомство не пользовалось особым приоритетом в финансировании.

Список использованных источников

1. *Бусько, С. І.* Палітычная паліцыя ў беларускіх губернях: стварэнне, структура, дзейнасць (1898 – сакавік 1917 гг.): 07.00.02 / С. І. Бусько; Беларус. дзярж. унт. – Мінск, 2011. – 23 с.

2. *Мурашко, А.И.* Жандармская полиция на железных дорогах Беларуси: организация и деятельность (1861–1917 гг.) / А. И. Мурашко. – Минск: Академия МВД, 2015. – 135, [1] с.

3. Об усилении штата брестской полиции // Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Фонд 378. – Оп. 114 (1906). – Д. 200.

4. Бунд в Беларуси. 1897–1921: Документы и материалы / сост. Э.М. Савицкий – Минск.: БелНИИДАД, 1997. – 608 с.

5. Книга русской скорби. – СПб.: Типо-литография Невский, 1910. – Т. 5. – 192 с.

6. О посягательстве злоумышленников на жизнь должностных лиц по Гродненской губернии // ЛГИА. – Фонд 378. – Оп. 1906. – Д. 28.

7. О посягательстве злоумышленников на жизнь должностных лиц по Гродненской губернии // ЛГИА. – Фонд 378. – Оп. 1907. – Д. 17.

8. Памятная книжка Гродненской губернии на 1865 год, составленная Гродненским статистическим комитетом. – Гродно: Губ. тип, 1865. – 221 с.

9. Об усилении полиции в городах Белостоке и Бресте // ПСЗРИ. – СПб.: Гос.тип., 1904. – 3-е собр. – Т. XXII. – № 21040.

10. Ведомость о составе полицейских команд и о финансовом положении городских поселений 50 губерний, по общему учреждению управляемых // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Коллекция печатных записок. – ПЗ. 479. – С. 1–41.

11. Читальный зал РГИА // Отчеты о состоянии Гродненской губернии за 1886, 1887, 1891–1895, 1897, 1901–1904, 1907, 1908, 1910 гг. – Л. 1–106.

12. О временном увеличении штата Брест-Литовской городской полиции // ПСЗРИ. – СПб.: Гос. тип., 1912. – 3-е собр. – Т. XXIX. – № 31998.

13. О продлении действия некоторых узаконений об усилении полиции // ПСРЗИ. – СПб.: Гос. тип., 1913. – 3-е собр. – Т. XXX. – № 34566.

14. О продлении действия некоторых узаконений об усилении полиции // ПСРЗИ. – СПб.: Гос. тип., 1914. – 3-е собр. – Т. XXXI. – № 36243.

15. О продлении действия некоторых узаконений об усилении полиции // ПСРЗИ. – Пг.: Гос. тип., 1916. – 3-е собр. – Т. XXXIII. – № 39041.

(Дата подачи: 31.01.2018 г.)

И. И. Ковяко
Белорусский государственный педагогический университет
имени М. Танка, Минск
I. I. Kaviaka
Belorussian State Pedagogical University Named after M. Tank,
Minsk

УДК [94(430):338.245]:303.446.4

ПРОБЛЕМА РЕМИЛИТАРИЗАЦИИ ФРГ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

THE PROBLEM OF WEST GERMAN REARMAMENT IN ANGLO-AMERICAN HISTORIOGRAPHY

Статья посвящена исследованию основных подходов к изучению проблемы перевооружения ФРГ в первой половине 1950-х гг., которые сформировались в англо-американской историографии. В работах британских и американских авторов ремилитаризация ФРГ исследуется как составная часть германского вопроса, возникшего после Второй мировой войны. В результате анализа широкого круга источников были выявлены три основных подхода к анализу проблемы ремилитаризации Западной Германии: критический, рационалистический и консервативный.

Ключевые слова: англо-американская историография; германский вопрос; ремилитаризация ФРГ; НАТО; европейская интеграция; критический подход; рационалистический подход; консервативный подход; школа «сдерживания».

The article is devoted to the research of the main approaches to the study of the problem of West German rearmament in the 1st half of 1950s which have been formed in Anglo-American historiography. In the works of British and American authors remilitarization of West Germany is researched as a part of compound German question which emerged after World War II. As a result of wide range of sources being analyzed three main approaches to the analysis of the given problem were revealed: critical, rationalistic and conservative.

Key words: Anglo-American historiography; German question; West German rearmament; NATO; European integration; critical approach; rationalistic approach; conservative approach; «containment» school.

В работах историков, которые специализируются на изучении германского вопроса в послевоенный период, проблеме ремилитаризации ФРГ традиционно уделяется особое внимание. Принятие решения о перевооружении ФРГ и ее включении в состав НАТО, а также последовавшее вхождение ГДР в ОВД обозначили качественно новый этап в развитии германской проблемы, сформировав устойчивую биполярную структуру и положив конец надеждам на быстрое объединение страны. Анализ проблемы ремилитаризации ФРГ обозначил расхождения среди исследователей Великобритании и США по ряду вопросов, начиная от целесообразности перевооружения в принципе и мотивов политики западных союзников, заканчивая выбором механизмов ремилитаризации и прогнозом ее последствий для СССР, США и европейских государств.

В результате анализа широкого круга источников были выявлены три основных подхода к изучению проблемы перевооружения ФРГ. Работы авторов, которые придерживаются критического подхода, содержат прямую критику планов ремилитаризации Германии ввиду высокого уровня опасности возрождения германского реваншизма и превращения Германии в союзника СССР. Исследователи отмечали, что Германия всегда будет стремиться к объединению любыми способами. В ответ на возможное предложение СССР решить германский вопрос, ремилитаризованная ФРГ сможет перейти на сторону социалистических государств и коренным образом изменить баланс сил в холодной войне. С другой стороны, авторы выражали опасения в связи с тем, что перевооружение ФРГ может значительно осложнить отношения с СССР и способствовать новому витку международной напряженности.

Исследователи, которые придерживаются критического подхода, указывают на ошибочность установления взаимосвязи и взаимозависимости между ремилитаризацией ФРГ и развитием европейской экономической и политической интеграции. Возрождение военной мощи ФРГ, с их точки зрения, не могло предшествовать нормализации франко-западногерманских экономических и политических связей. Главным образом, к данному направлению относятся работы, которые вышли в свет до 1955 г. Подобные оценки постепенно уходят из публикаций после принятия положительного решения по вопросу ремилитаризации Западной Германии и ее вступления в НАТО.

В 1945 г. в США была опубликована книга главы Казначейства США Генри Моргентау «Германия – это наша проблема», в которой нашли отражение основы критического подхода к проблеме перевооружения Германии. Автор назвал планы США использовать побежденную и «вооруженную до зубов» Германию в качестве заслона от СССР «вершиной фантастического безумства». Отмечая, что в 1930-е гг. Германия уже умело использовала миф о коммунистической угрозе и, играя на противоречиях между Востоком и Западом, развязала мировую войну, Г. Моргентау призывал политиков западного мира не повторять ошибок прошлого [19, с. 98–99].

В 1947 г. в журнале «Foreign Affairs» («Внешняя политика») вышла статья «Альтернативы для Германии», автором которой был американский дипломат, сотрудник Управления стратегических служб (1942–1947 гг.), впоследствии глава ЦРУ Аллен Даллес. В своей работе он выступил категорически против ремилитаризации Германии, в какой бы то ни было форме, а также высказался против ее вступления в военные блоки или организации [7, с. 442]. В 1953 г. в США вышла в свет книга Тета Гаренса Тетенса «Заговор Германии с Кремлем», в которой содержалась острая критика послевоенной политики США по германскому вопросу. Автор выражал уверенность в правильности курса Ф. Д. Рузвельта на выстраивание дружеских отноше-

ний с СССР. Он высказывал сожаление в связи с нереализованностью этой политики ввиду смерти президента и сопротивления Пентагона, который выступал за активное «сдерживание» Советского Союза и стремился использовать потенциал Германии для укрощения «советского медведя» [27, с. 85–91]. Ремилитаризация ФРГ, с точки зрения автора, была недопустима, поскольку восстанавливала ее суверенитет и заметно укрепляла позиции немцев в переговорах с СССР об объединении страны. Для того чтобы защитить Европу как от немецкого, так и от советского господства, автор призывал укреплять военный потенциал Франции, Италии, Великобритании, стран Северной Европы [27, с. 110–117].

Т. Г. Тетенс отмечал, что дипломатия ФРГ основана на старом пангерманском принципе «Германия превыше всего». Однако, несмотря на «горький опыт со Штреземаном и Гитлером», Запад по-прежнему «пытается подружиться с немцами, протягивая один леденец за другим» [27, с. 149-153]. Он раскритиковал политику «сдерживания» Дж. Ф. Кеннана, которая была направлена только против СССР, однако по отношению к Германии предусматривала «курс на умиротворение». Исследователь пришел к выводу, что политика ремилитаризации лишь приведет к укреплению советского блока и усилению коммунизма, а «в самый решающий момент немцы окажутся в одном лагере с нашими противниками» [27, с. 202–205].

Позицию Т. Г. Тетенса во многом разделял экономический советник президента Ф. Д. Рузвельта Джеймс Уорберг. В 1953 г. была издана его работа «Германия: ключ к миру», в которой автор отмечал, что безопасность Франции – это безопасность Европы. Исходя из этого, она не может быть достигнута путем, который подразумевает наличие перевооруженной и разделенной Германии. Безопасность может быть достигнута только через создание объединенной и временно демилитаризованной (на срок от 5 до 10 лет) Германии. При этом автор призвал пересмотреть ее восточные границы и лишить СССР «наиболее мощного инструмента искушения немцев» [29, с. 262–265]. Автор отмечал, что угроза, исходящая от СССР, имеет идеологический, а не военный характер – это угроза распространения коммунизма. Таким образом, ремилитаризация Германии бессмысленна. Более того, она может спровоцировать СССР и привести к росту левых настроений во Франции [29, с. 97]. Автор призывал урегулировать германский вопрос в ходе переговоров с СССР «прежде, чем вооруженная Германия возьмет в свои руки будущее Европы» [29, с. 197].

В более поздних работах, изданных после 1955 г., подобная открытая критика ремилитаризации ФРГ не была обнаружена. Вместе с тем к числу представителей критического подхода можно отнести британского историка, сотрудника Ноттингемского университета Дэвида Чайлдза. В своей работе «ГДР: немецкий союзник Москвы» (1983 г.) он подверг косвенной критике политику западных союзников по вопросу ремилитаризации ФРГ.

Автор упрекнул руководство западных стран в поверхностном, формальном подходе к изучению советских инициатив по германскому вопросу в первой половине 1950-х гг. и выразил уверенность в искренности намерений Кремля создать единую нейтральную Германию (о чем свидетельствовало успешное решение австрийского вопроса). Однако западные страны (в первую очередь США и Великобритания) не были заинтересованы в объединении Германии и взяли курс на ремилитаризацию ФРГ, поскольку опасались ее включения в сферу влияния СССР [4, с. 45]. Подобные оценки содержатся также в работах Мэри Фулбрук (Университетский колледж Лондона), профессора Джона Янга (Ноттингемский университет), доктора Джона Кента (Лондонская школа экономики) [8, с. 261; 9, с. 17; 30, с. 179].

Критика ремилитаризации Западной Германии в работах британских и американских авторов нивелируется после ратификации Парижских соглашений и вступления ФРГ в НАТО. С того момента, как включение ФРГ в программу перевооружения Европы стало fait accompli, исследователи сконцентрировались, главным образом, на анализе мотивов стран Запада, поддержавших ремилитаризацию, а также на возможных последствиях принятого решения. Определенные сомнения в правильности избранного курса и тревога за его последствия сохранились преимущественно в работах британских историков. Исследователям США в большей степени присущ оптимизм и уверенность в стратегическом успехе ремилитаризации ФРГ в условиях холодной войны. Таким образом, в работах историков, изданных после 1955 г., можно выявить два основных подхода к изучению заявленной проблемы – рационалистический и консервативный.

В рамках рационалистического подхода ремилитаризация ФРГ рассматривается как вынужденная необходимость. Авторы отмечают, что странам Запада пришлось пойти на этот шаг в связи с попытками СССР изменить геополитическую структуру мира, в том числе используя военные методы. Американский историк Стивен Ирден в статье «Проблема двойного сдерживания. Германия как проблема безопасности, 1945–1950» отмечает, что до 1950 г., несмотря на ухудшение отношений с СССР, западные союзники придерживались политики «двойного сдерживания», в отношении как СССР, так и Германии [21, с. 206]. Окончательное решение в пользу ремилитаризации ФРГ было принято руководством США в связи с началом войны в Корее. Ситуация на разделенном Корейском полуострове вызывала прямые ассоциации с положением в Центральной Европе, где военные силы СССР многократно превосходили потенциал западных стран. В условиях, когда экономическое положение европейских союзников не позволяло эффективно решить проблемы безопасности, использование промышленного и военного потенциала ФРГ стало необходимостью [3, с. 135; 13, с. 17; 16, с. 11].

В работах многих исследователей отмечается нежелание Великобритании и Франции санкционировать перевооружение ФРГ, подчеркивается факт оказания давления со стороны США на западных союзников в ходе принятия решения по данной проблеме. Авторы обращают внимание на опасения европейских государств по поводу возможной ответной реакции СССР, для которого ремилитаризация ФРГ представляла антисоветскую провокацию [6, с. 200; 10, с. 124; 15, с. 212; 16, с. 10; 20, с. 261; 23, с. 19]. Вместе с тем под влиянием ряда факторов – блокада Берлина, чехословацкий кризис, успешное испытание Советским Союзом атомного устройства, приход к власти коммунистов в Китае, начало войны в Корее – западные государства пришли к согласию в вопросе перевооружения ФРГ. Как отмечает британский историк, сотрудник Лондонского университета Мартин Макколей, «европейцы хотели укрыться под зонтиком американской защиты… Большой Сэм был единственным, кто мог прогнать большого и злого московского волка от их двери» [17, с. 36].

По сравнению с работами американских исследователей, в публикациях британских историков отчетливее выражены опасения в связи с возможным возрождением реваншистских настроений в ремилитаризованной ФРГ. Контроль над военным потенциалом Западной Германии со стороны США и НАТО рассматривается как надежный гарант европейской безопасности. В связи с этим высокая оценка «плану Идена» (британской инициативе 1954 г.) дана в работах профессора Саки Докрилл (Лондонский Королевский колледж), доктора Спенсера Моби (Лондонская школа экономики), профессора Дональда Уотта (Лондонская школа экономики). Авторы отмечают, что схема, предложенная британским премьер-министром, позволила, с одной – уступить США по вопросу ремилитаризации ФРГ, а с другой – надежно вмонтировать немецкие вооруженные силы в структуру НАТО и не допустить вывода американских войск из Европы [5, с. 168; 16, с. 162; 28, с. 112].

В отличие от последователей критического подхода, представители консервативного течения изначально оценивают политику Ф. Д. Рузвельта в отношении СССР как ошибочную. Попытки разграничить военные и политические цели США в Европе на заключительном этапе войны, а также благоприятные для советской стороны решения Ялтинской конференции впоследствии способствовали возникновению и обострению германской проблемы. В результате исследования вопроса перевооружения Западной Германии авторы приходят к выводу, что это событие стало крупным успехом внешней политики и дипломатии США. Британский историк, член Королевского института международных исследований Дуглас Боттинг назвал его «мерилом американской победы и поражения СССР» [2, с. 313]. В подобной итоговой оценке с ним согласны и другие представители школы «сдерживания». С их точки зрения, ремилитаризация ФРГ позволила значительно укрепить позиции Соединенных Штатов в Европе и обрести ново-

го надежного союзника в противостоянии с СССР [11, с. 92; 14, с. 98; 18, с. 254; 22, с. 12; 25, с. 129].

В качестве предпосылки ремилитаризации ФРГ исследователи называют нестабильную международную ситуацию, непредсказуемый характер советской внешней политики и высокие риски усиления советской мощи в европейском и мировом масштабе. После чехословацкого кризиса 1948 г. и блокады Берлина США осознали необходимость укрепления европейского фронта «холодной войны». По утверждению американского историка, профессора Джорджтаунского университета Уильяма Смайсера, в послевоенное время Великобритания оставалась традиционно отстраненной от решения европейских вопросов и была больше поглощена решением внутриэкономических и колониальных проблем. Франция и Италия находились под достаточно сильным влиянием левых сил, а страны Бенилюкс были недостаточно сильны для формирования надежной военной опоры западного мира. В сложившейся ситуации ФРГ стала рассматриваться американским руководством как наиболее подходящий союзник в борьбе с распространением советского влияния [25, с. 102–103].

Историки, которые придерживаются консервативного подхода, уверены в пропагандистском характере советских нот первой половины 1950-х гг. Главной задачей советской дипломатии в указанный период они считают срыв планов Запада по включению ФРГ в европейские и атлантические структуры и дальнейшее распространение советского влияния на континенте. Как отмечал американский историк, профессор Калифорнийского университета Вольфрам Ханридер, «нота Сталина (март 1952 г.) была, в лучшем случае, стратагемой, направленной на подрыв западного альянса, в худшем случае – проектом распространения советского влияния на всю Германию» [12, с. 71]. Ремилитаризация ФРГ рассматривается как единственный возможный способ остановить распространение коммунизма в Европе, повысить обороноспособность союзников и закрепить геополитическое влияние США в Европе. Главным образом, данного подхода придерживаются американские историки, в меньшей степени он характерен для британских исследователей.

В работах авторов проблема ремилитаризации ФРГ тесным образом связана с вопросом развития европейских интеграционных структур. Понимая опасения Великобритании и Франции по поводу возникновения новой немецкой угрозы, однако не разделяя их в полной мере, США выработали единственно правильную схему перевооружения ФРГ – через интеграцию западногерманского государства в европейские и атлантические структуры. Таким образом, был создан надежный механизм контроля над немецким экономическим и военным потенциалом [1, с. 26–27; 11, с. 92; 24, с. 233; 26, с. 401]. Европейская интеграция усиливала взаимосвязь ФРГ с другими европейскими государствами, что делало открытый конфликт между ними нецелесообразным или невозможным в будущем. Вместе с тем она снижа-

ла опасения европейских государств в связи с перевооружением ФРГ и позволяла американской дипломатии достичь стратегической цели – усилить совокупную мощь и влияние США на континенте. В итоге, по словам профессора Городского университета Нью-Йорка Роберта Макгихана, «гусеница ремилитаризации ФРГ превратилась в бабочку европейской интеграции» [18, с. 33].

В отличие от последователей рационалистического подхода, историки данного направления не выражают опасений в связи с возможным возрождением германского реваншизма. Напротив, они уверены в том, что ремилитаризация ФРГ и ее вступление в НАТО оказали стабилизирующее воздействие на международные отношения в рамках европейской подсистемы и привели к политической реабилитации ФРГ. Рассматривая германский вопрос как проблему слишком могущественного и склонного к военной экспансии немецкого государства, авторы приходят к выводу, что после вступления ФРГ в НАТО этот вопрос был решен, а немецкая угроза – устранена [11, с. 96; 18, с. 246, 262; 26, с. 401].

Таким образом, в результате проведенного исследования в работах британских и американских историков были выявлены три основных подхода к изучению проблемы ремилитаризации ФРГ. Авторы, которые придерживаются критического, рационалистического и консервативного направлений, по-разному подходят к определению степени необходимости перевооружения Западной Германии в 1950-х гг., оценке советских инициатив по созданию единой нейтральной Германии, анализу факторов советской и немецкой угрозы, а также прогнозированию возможных рисков ремилитаризации ФРГ.

Список использованных источников

1. *Banchoff, T.* The German problem transformed: institutions, politics and foreign policy, 1945–1995 / Thomas Banchoff. – Michigan: The University of Michigan, 1999. – 230 p.

2. *Botting, D.* From the ruins of the Reich. Germany 1945–1949 / Douglas Botting. – New York: Crown Publishers, 1985. – 341 p.

3. *Brady, S. J.* The U.S. Congress and German–American relations / Steven J. Brady // The United States and Germany in the era of the cold war, 1945 – 1990. – Vol. 1: 1945–1968 / Ed. by D. Junker. – Washington: German Historical Institute, 2004. – P. 133–140.

4. *Childs, D*. The GDR: Moscow's German ally / D. Childs. – London: Allen&Unwinn, 1983. – 346 p.

5. *Dockrill, S*. Britain and the settlement of the West German rearmament question in 1954 / Saki Dockrill // British foreign policy, 1945–56 / Ed. by M. Dockrill, J. W. Young. – London: Macmillan, 1989. – P. 149–172.

6. *Dockrill, S.* Britain's strategy for Europe: must West Germany be rearmed? 1949–51 / Saki Dockrill // British intelligence, strategy and the cold war 1945–51 / Ed. by R. J. Aldrich. – London: Routledge, 1992. – P. 193–214.

7. *Dulles, A. W.* Alternatives for Germany / A. W. Dulles // Foreign Affairs. – 1947. – Vol. 25. – № 3. – P. 421–432.

8. *Fulbrook, M.* A history of Germany, 1918–2008. The divided nation / M. Fulbrook. – Oxford: Willey-Blackwell, 2009. – 737 p.

9. *Fulbrook, M*. Interpretations of the two Germanies, 1945–1990 / M. Fulbrook. – London: Macmillan, 2000. – 114 p.

10. *Gaddis, J. L.* We now know. Rethinking Cold War history / J. L. Gaddis. – Oxford: Oxford University, 1998. – 425 p.

11. *Hanrieder, W. F.* German-American relations in the postwar decades / Wolfram F. Hanrieder // America and the Germans. An assessment of a three-hundred-year history / Ed. by F. Tommler and J. McVeigh. Vol. 2: The relationship in the twentieth century. – Philadelphia: University of Pennsylvania, 1985. – P. 91–116.

12. *Hanrieder, W. F.* West German Foreign policy, 1949–1963. International pressure and domestic response / W. F. Hanrieder. – Stanford: Stanford University Press, 1967. – 275 p.

13. *Hughes, G*. Britain, Germany and the cold war. The search for European détente, 1949 – 1967 / Gerald Hughes. – London; New York: Routledge, 2007. – 253 p.

14. *Keithly, D.* The USA and the World. The World today series. 8th edition / D. Keithly. – Baltimore: Stryker-Post, 2012. – 272 p.

15. *Large, D. C.* Partners in defense. America, West Germany and the security of Europe / D. C. Large // The United States and Germany in the era of the cold war, 1945 – 1990. – Vol. 1: 1945–1968 / Ed. by D. Junker. – Washington: German Historical Institute, 2004. – P. 209–216.

16. *Mawby, S.* Containing Germany. Britain and the arming of Federal Republic / S. Mawby. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1999. – 244 p.

17. *McCauley, M.* Russia, America and the Cold War, 1949 – 1991 / M. McCauley. – Harlow: Pearson Longman, 2004. – 193 p.

18. *McGeehan, R.* The German rearmament question. American diplomacy and European defense after World War II / R. McGeehan. – Urbana: University of Illinois, 1971. – 280 p.

19. *Morgenthau, H. Jr*. Germany is our problem / H. Jr. Morgenthau. – New York; London: Harper&Brothers, 1945. – 239 p.

20. *Northedge, F. S.* A hundred years of international relations / F. S. Northedge, M. J. Grieve. – London: Duckworth, 1974. – 397 p.

21. *Rearden, S.* The dilemmas of dual containment. Germany as a security problem, 1945 – 1950 / S. Rearden // The United States and Germany in the era of the cold war, 1945 – 1990. – Vol. 1: 1945–1968 / Ed. by D. Junker. – Washington: German Historical Institute, 2004. – P. 204–208.

22. *Rees, D.* The age of containment. The cold war 1945 – 1965 / D. Rees. – London and Basingstoke: Macmillan, 1967. – 156 p.

23. *Richardson, J. L.* Germany and the Atlantic Alliance: The interaction of strategy and politics / J. L. Richardson. – Cambridge (Mass.): Harvard University, 1966. – 403 p.

24. *Shake, K*. NATO strategy and the German-American relationship / K. Shake // The United States and Germany in the era of the cold war, 1945–1990. – Vol. 1: 1945–1968 / Ed. by D. Junker. – Washington: German Historical Institute, 2004. – P. 233–239.

25. *Smyser, W.* From Yalta to Berlin: The cold war struggle over Germany / W. Smyser. – New York: St. Martin's Griffin, 1999. – 465 p.

26. *Strang, L.* Germany between East and West / L. Strang // Foreign Affairs. – 1955. – Vol. 33. – № 3. – P. 387–401.

27. *Tetens, T. H.* Germany plots with the Kremlin / T. H. Tetens. – New York: H. Schuman, 1953. – 294 p.

28. *Watt, D. C.* Britain looks to Germany / D. C. Watt. – London: Oswald Wolf, 1965. – 164 p.

29. *Warburg, J.* Germany: key to peace / James Warburg. – Cambridge (Mass.): Harvard University, 1953. – 344 p.

30. *Young, J.* International relations since 1945. A global history / J. Young, J. Kent. – New York: Oxford University, 2004. – 743 p.

(Дата подачи: 14.02.2018 г.)

А. А. Козлов
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Витебск
A. A. Kozlov
Vitebsk State P. M. Masherov University, Vitebsk

УДК 94(476)«1953/1966»

ЧИСТКИ БИБЛИОТЕК МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1953–1966 ГГ.

CLEANING LIBRARIES OF MOGILEV REGION IN 1953–1966

В статье рассматривается деятельность Могилевского обллита по контролю над библиотеками и книжными фондами в противоречивый период хрущевской «оттепели». На основе сохранившихся архивных документов показан контроль региональных органов цензуры за библиотеками и книжными фондами и конкретная практическая деятельность в этом направлении.

Ключевые слова: политическая цензура; «оттепель»; обллит; библиотека; «чистка» книжных фондов.

The article discusses the activities of the Mogilev obllit for the related to the control of libraries and book funds during the controversial period of Khrushchev «ottepel» (warming). Based on extant archival documents the article shows of control over the libraries and book funds by regional authorities of censorship and specific practical activities in this direction.

Key words: political censorship; «warming»; obllit; library; «cleaning» of the book funds.

Политический режим, существовавший в СССР, стремился к полному контролю над всеми возможными источниками информации. Составной частью этой политики были массовые чистки книжных фондов от идеологически вредной литературы, существовавшие на протяжении всего периода существования СССР. С этой целью Главлит, орган, осуществлявший цензуру печатных произведений и защиту государственных секретов, установил жесткий идеологический контроль библиотек. На региональном уровне цензорский контроль осуществляли его подчиненные органы – обллиты.

Дальнейшее развитие общества требует изучения проблем цензуры. В настоящее время эта проблема актуализировалась из-за возможностей Интернета в связи с той ролью, которую играет цензура в вопросах, связанных с проблемами свободы творчества или права власти на доступ к информации.

Среди работ, посвященных теме советской политической цензуры, можно выделить работы российских исследователей А. Блюма, Т. Горяевой, М. Зеленова и др. Белорусские исследователи обращались к этой теме реже, нежели их российские коллеги. К теме политической цензуры обращались В. Матох, В. Ракашевич и др. Процесс чисток общих фондов библиотек БССР показан в работах А. Гужаловского. Однако большинство исследований белорусских историков посвящены либо истории советской цензуры

в 1920–1930 гг., либо деятельности Главлита в целом, но история региональных органов цензуры пока еще не была предметом отдельного изучения.

Цель статьи – на примере деятельности Могилевского облита показать сущность и основные формы цензорского контроля облитов в библиотеках и книжных фондах.

Для решения поставленных задач был привлечен документальный материал из Государственного архива Могилевской области (фонд 1195), Государственного архива Витебской области (фонд 3991) и Национального архива Республики Беларусь (фонд 1195). Однако репрезентативность материалов архивов ограничена, так как копии многих документов были уничтожены. Но, тем не менее, архивные источники, такие как постановления Главлитов СССР и БССР, годовые отчеты, списки вредной литературы Главлита БССР и облитов, переписка с Главлитом БССР позволяют рассмотреть сущность и основные формы цензорского контроля облитов в библиотеках и книжных фондах на примере Могилевского облита.

Исследование основано на принципах объективности и историзма. В работе были использованы как общенаучные (анализ и синтез), так и специально-исторические методы (историко-генетический, ретроспективный).

Чистка библиотечных фондов всегда была важной частью деятельности цензоров Могилевского облита. Специально выделенные для этой работы цензоры периодически проверяли содержание библиотечных хранилищ с целью удаления в спецсхран либо уничтожения неугодных книг [1]. Количество библиотек в постоянно росло. Если на 1 января 1953 г. в области насчиталось 1604 библиотеки с количеством книг 1675 тысяч экземпляров, то к 1960 г. имелось уже 3137 библиотек [2, л. 73; 3, л. 176].

Нагрузка цензора последующего контроля над библиотеками и книготорговой сетью не определялась полностью количеством имеющихся и проверенных библиотек и магазинов. Наряду с проведением контрольных проверок в библиотеках и магазинах он следил за поступлением в ведомства списков на изъятие литературы, вел картотеку, а в нужных случаях консультировал заведующих библиотек по вопросам изъятия литературы [4, л. 122]. Кроме цензора облита, в 20 районах Могилевской области цензорский контроль над библиотеками осуществляли 19 райуполномоченных из них был один штатный. Все райуполномоченные работали на основной руководящей партийной работе в райкомах партии [5, л. 6]. О работе по контролю за библиотеками и книготорговой сетью облиты письменно и устно информировали отделы агитации и пропаганды ОК КПБ [6, л. 37]. Но в 1954 г. в школьных, сельских, изб-читален, колхозных и библиотеках ряда других ведомств, а также на базах, складах и в магазинах книжторга отсутствовали «Библиографические указатели устаревших изданий», и фактически райуполномоченные и облит вынуждены проводить работу по очистке книжного фонда области сами [2, л. 73].

Объем работы цензора Могилевского облита, который курировал библиотеки и книготорговую сеть, увеличивался и из-за политических событий. Так,

после официального объявления об аресте Л. Берия началось изъятие всех его печатных произведений и портретов из библиотек [7, с. 311–312]. По этой же причине перестала соответствовать политической конъюнктуре книга Козлова «Люди особого склада» [8, л. 39] и роман В. Попова «Сталь и шлак», удостоенный в 1949 г. Сталинской премии и издававшийся многомилионными тиражами [9, с. 38]. Причина запрета – сцена главы 48, в которой показан приезд на завод «наркома». Во время разговора с директором завода раздается телефонный звонок Берия из Москвы [10]. Участь Берия постигла и его соратника бывшего наркома (с марта 1946 г. министра) госбезопасности БССР Л. Ф. Цанаву, арестованного в апреле 1953 г. [11, с. 93]. По распоряжению органов цензуры были изъяты как упоминания о нем, так и его произведение «Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков».

Изменения во внешней политике СССР также оказывали влияние на деятельность обллитов. Улучшение отношений с Югославией привело к изъятию книг, порочивших эту страну. Библиотекари убирали с полок, например, книгу Я. В. Савельева «Петербургский период революционной деятельности В. И. Ленина (1893–1897 гг.)», где на стр. 39–40 было написано «предательская клика Тито-Ранковича, которая продалась американскому империализму» и т. п., также должна была быть изъята, т. к. Югославия теперь находилась в дружественных отношениях с СССР [12, л. 26]. В 1958 г. изымались книги, где упоминалось имя председателя Совета Министров И. Надя. После разрыва дипломатических отношений в 1961 г. изымались сведения об Албании как друге СССР [13, с. 52].

Затем по приказу Главлита СССР № 17 изымались книги «антипартийной группы» – Маленкова, Кагановича, Молотова, Булганина, Шепилова [3, л. 176]. После Октябрьского пленума (1957 г.), который вошел в историю как «дело Жукова» началось изъятие материалов об опальном маршале [9, с. 38].

Состоявшийся в 1961 г. XXII съезд явился апогеем хрущевской «оттепели», разоблачения сталинизма. Повсеместно начался демонтаж памятников и скульптур Сталина [14, с. 198]. Естественно, что это вызвало реакцию органов цензуры: теперь и работы самого Сталина вошли в список литературы, подлежащей изъятию.

В период «оттепели» в круг обязанностей органов цензуры вошла необычная для них функция реабилитации репрессированных в сталинский период авторов. В 1957 г. из спецфонда исключили 34 наименования, отставив в спецфонде 898 наименований, в том числе и авторов, проходящих по списку лиц. Всего в 1957 г. спецфондами республики в общий фонд было передано 6055 экземпляров книг [15, л. 30–31]. В то же время был подготовлен новый список белорусских авторов, все произведения которых подлежали изъятию. Туда попали Ф. Алехнович, Н. Арсеннева, Я. Станкевич и др. [13, с. 51].

Органы цензуры должны были осуществлять последующий контроль за очищением библиотек и книготорговой сети от литературы, вошедшей

в соответствующие документы цензуры. Очищение книжных фондов от политически вредной литературы, включенной в эти указатели, должно было производиться непосредственно ведомствами, учреждениями и предприятиями, которым принадлежали вышеуказанные фонды [16].

В Главлите БССР считали, что причиной засоренности книжных фондов являлось то, что обллиты не достаточно контролировали эту работу, не предпринимали мер «по активизации заведующих библиотек и работников ведомств» [5, л. 18]. Однако библиотекари, руководители областных отделов культуры, народного образования, облпрофсоюза и ряда других ведомств цензорам непосредственно не подчинялись, а их руководство не требовало проведения очистки книжных фондов [17, л. 26].

В 1954 г. сличение актов, поступивших в Могилевский обллит, показало, что в ряде районов области имелись библиотеки, которые проверкам вообще не подвергались. Подобное положение не могло остаться без последствий. За невыполнение указаний Управления культуры по вопросу осуществления очистки книжных фондов заведующий Чаусским районным отделом культуры по решению РК КПБ был снят с должности, заведующему Белыничской районной библиотекой был объявлен выговор [5, л. 19].

«Инструкцией о порядке цензорского контроля» запрещалось производить изъятие книг, не вошедших в «Библиографические указатели устаревших изданий, и другие документы цензуры» [16]. Однако неправильное изъятие книг имело место по 10 районам по 18 наименованиям, так, например, в Чаусском и Горецком районах изъяты книги: В. Кожевников «Рассказы», в Кричевском «Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства на 1946–1950 гг.». На неправильно изъятые книги по 18 наименованиям, которые не значились в списках и приказах, было предложено возвратить в библиотеки [2, л. 73].

В случае обнаружения книг, содержащих информацию, относящуюся к «политически вредной», но еще не включенной Главлитом в списки запрещенной, обллит с просьбой указаний высылал в Главное управление аннотационные списки, содержащие подробное описание причин, по которым те или иные произведения следовало изъять из книжных фондов. Так, начальник Могилевского обллита Шуригин в 1953 г. просил ходатайства о включении альбома «Советская Грузия 1921–1951 гг.» в приказ на изъятие, потому что тот был насыщен текстовым материалом и иллюстрациями, восхваляющими имя Л. П. Берия [18, л. 25–26]. Аннотации на книги, не вошедшие в приказы, но по содержанию подлежащие изъятию, должна была представлять областная библиотека им. Ленина, но в течение 1953 г. не было представлено ни одной аннотации. Директор библиотеки и заведующий спецфондом отказались заниматься аннотированием книг. Об этом обллит сообщил начальнику управления культуры [2, л. 74].

На протяжении второй половины 1950-х гг. срецхраны в областных библиотеках исчезли [13, с. 41]. В 1955 г. спецфонд Могилевской областной библиотеки имени В. И. Ленина был также закрыт. Комиссия возвратила в общий фонд Могилевской областной библиотеки 17 экземпляров книг. Путем мелкой резки было уничтожено 1965 книг и журналов, а также картотека на них [19, л. 6].

В октябре 1955 г. были упразднены должности цензоров-совместителей (райуполномоченных) [20, л. 2]. Впрочем, вопрос об эффективности их работы весьма спорен. Например, в IV квартале 1955 г. Брестский обллит без районных цензоров-совместителей проконтролировал на 4 % больше библиотек, чем в 1954 г. [7, л. 17–18].

После этой реформы последующий контроль в г. Могилеве и Могилевском районе над фондами общественных библиотек и книготорговли (б-к – 382, книготорговых точек – 40) осуществлял цензор Старовойтов. Во время выездов проверка книжных фондов производилась и другими цензорами (Шуригин, Шпаков).

После ликвидации Бобруйской области цензор по г. Бобруйску стал подчинен Могилевскому обллиту. Поначалу на этом участке работы исполнял бывший начальник Бобруйского обллита [21, л. 5]. В его обязанности входил последующий контроль над фондами общественных библиотек и книготорговой сети (библиотек – 214, книготорговых точек – 32) в г. Бобруйске и Бобруйском районе. В 1956 г. он лично проверил 103 библиотеки и 4 книготорговые точки. Кроме того проверка книжных фондов в Бобруйске осуществлялась, во время выездов в командировку в г. Бобруйск, старшим цензором и начальником обллита [4, л. 124].

Проверка книжных фондов в библиотеках производилась как по полкам, так и по инвентарным книгам. В городах Могилеве и Бобруйске контрольными проверками охвачены все библиотеки и вся книготорговая сеть. Отдельные точки проверялись обллитом по 2–3 раза. Массовой проверкой были охвачены книжные фонды библиотек Управления культуры, Облоно, Облипромсовета, Облпрофсовета, Облсоюзпечати, Облкниготорга и Облпотребсоюза [4, л. 123].

Проблемы с очисткой книжных фондов характерны не только для Могилевской области, в других регионах БССР возникали подобные проблемы. Так, в Гродненской области Волковысский отдел народного образования до момента цензорской проверки 14 мая ничего не делал по очистке книжных фондов по Сводному списку [22, л. 18]. В Слонимском районном отделе народного образования до приезда цензора также никто не занимался организацией проверки книжных фондов. И когда цензор проверил библиотеку средней школы № 2, то оказалось, что библиотекарь, не разобравшись с назначением Сводного списка, вместо проверки книжных фондов по нему поставил его на полку в книжный фонд библиотеки [22, л. 19].

Главлит СССР требовал окончательно очистить библиотеки от запрещенной литературы к 1963 г. Темпы проведения этой работы в Могилев-

ской области не удовлетворяли Главное управление. Так, в 1962 г. старший цензор по г. Бобруйску за 11 месяцев проверил 56 библиотек и 2 книжных магазина (в среднем 5 библиотек в месяц), что было признано «совершенно недостаточным». Даже 700 библиотек, проверенных тремя работниками обллита за тот же период, т. е. по 21 библиотеке в месяц, не удовлетворило Главлит, требовавший усилить работу [23, л. 17].

18 июня 1962 г. заместитель областного управления культуры В. И. Штуденков сообщил о том, что очистка книжных фондов Могилевской области завершена, за исключением Быховского и Могилевского районов. На следующий день после письма В. И. Штуденкова, 19 мая 1962 г., начальник обллита И. П. Крисковец лично выехал в Костюковичский район и на протяжении четырех дней провел массовую проверку библиотек района. В результате в 12 библиотеках было изъято 40 экземпляров запрещенной литературы, которая должна была быть изъята за два года за этого. В основном эта была «Краткая биография И. В. Сталина» [24, л. 27]. Всего «Краткая биография И. В. Сталина» не была списана в 31 библиотеке из проверенных. При проверке выяснилось, что органы культуры не занимались очисткой детских библиотек. Заведующая Быховской детской библиотекой даже не знала, что «Краткая биография И. В. Сталина» подлежит изъятию [24, л. 29].

По инициативе обллита вопрос об очистке книжных фондов обсужден на бюро Могилевского Обкома КПБ. На заседании бюро присутствовал начальник обллита, а также были приглашены руководители Облуправления культуры, Облоно, Облкниготорга, Облпорфсовета, Облсоюзпечати и других ведомств. Такая политика дала свои результаты. В результате в проверенных в четвертом квартале 1962 г. 67 библиотеках Чаусского района и свыше 50 библиотек Могилевского района не было изъято ни одного экземпляра запрещенной литературы. Ни одного экземпляра запрещенной литературы не было обнаружено также в партийных библиотеках.

Полностью очищены были также книжные магазины и базы. Если в 1960 г. в 11 книготорговых точках было обнаружено 1736 экземпляров запрещенных книг, брошюр и портретов, то в 1961 г. только 5, а в 1962 г. в проверенных 59 торговых точках не было изъято ни одного экземпляра. На основе информации ведомств и контрольных цензорских проверок Могилевский обллит сообщил в Главлит БССР, что в Могилевской области очистка книжных фондов библиотек и книготорговой сети завершена [24, л. 27].

Таким образом, начавшаяся политическая «оттепель» не принесла принципиальных изменений в такой вид деятельности Могилевского обллита, как очистка книжных фондов от «политически вредной литературы». Конечно, политические коллизии этого периода изменили направление изъятий, теперь большинство изъятой литературы представляли произведения потерпевших поражение в борьбе за власть после смерти И. В. Сталина.

Но сам принцип работы – вырвать очередной пласт из советской истории – сохранился. Однако своими силами обллит был не в состоянии очистить книжные фонды библиотек и книготорговой сети. Поэтому основной формой деятельности работников цензуры было осуществление последующего контроля, а основная работа по изъятию литературы возлагалась на библиотекарей тех ведомств, которым принадлежали книжные фонды. Особенно нагрузка на библиотекарей усилилась после ликвидации института цензоров-совместителей. Очистка книжных фондов была крайне затруднена из-за слабого контроля местных органов цензуры над библиотеками и книготорговой сетью, которые не находились в их подчинении. Только используя все возможные рычаги давления на библиотекарей, от сообщения в ведомства, которым подчинялись библиотеки, до обращения в партийные органы, цензорам обллита удалось добиться полного очищения книжных фондов. Тем не менее, эта победа была временной, так как любое политическое изменение могло привести к новой волне изъятий «политически вредной литературы».

Список использованных источников

1. *Гужалоўскі, А.* Галоўліт БССР і палітычны кантроль у 1943–1991 гг. / А. Гужалоўскі // Беларускі Гістарычны Агляд 2012. – Т. 19. – Сшыткі 1–2 (36–37). – Снежань 2012 [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://www.belhistory.eu/guzaloski-alyaksandr-galoўlit-bssr-i-palitychny-kantrol-u-1943-1991-g/#more-3149. – Дата доступу: 25.02.2015.
2. Отчеты обллитов о работе за 1953 г. // НАРБ. – Фонд 1195. – Оп. 2. – Д. 45.
3. Отчеты обллитов о работе за 1960 г. // НАРБ. – Фонд 1195. – Оп. 2. – Д. 90.
4. Отчеты обллитов о работе за 1956 г. // НАРБ. – Фонд 1195. – Оп. 2. – Д. 64.
5. Годовой отчет и справки о работе обллита за 1954 г. // Государственный архив Могилевской области (ГАМО). – Фонд 1195. – Оп. 5. – Д. 5.
6. Протоколы производственных совещаний за 1962 г. // Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 30.
7. Об изъятии портретов и произведений Л. П. Берия // Цензура в Советском Союзе, 1917–1991: Документы / сост. А. В. Блюм, коммент.: В. Г. Воловникова. – Москва: РОССПЭН, 2004. – 602 с. – (Культура и власть от Сталина до Горбачёва. Документы). – С. 311–312.
8. Отчеты обллитов за 1955 г. // НАРБ. – Фонд 1195. – Оп. 2. – Д. 58.
9. *Яковлева, Г. Н.* Деятельность Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Витебском облисполкоме (обллита) в период «оттепели» // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сб. науч. тр. – Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2013. – Т. 16. – С. 35–45.
10. *Блюм, А.* Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991. Индекс советской цензуры с комментариями [Электронный ресурс]. – СПб, 2003. – Режим доступа: http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/libraries/books/blium/ilp/. – Дата доступа: 16.01.2016.
11. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т 6. Кн. 2. Усвея-Яшын. Дадатак / Беларус. энкцыкл.; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (галоўны рэд.) [і інш.]; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск: БелЭн, 2003. – 616 с.: іл.
12. Приказы Главлита СССР по изъятию и восстановлению литературы и списки политически вредной литературы Главлита БССР 2 января 1956 г. – 21 декабря 1956 г. – Фонд. 1195. – Оп. 2. – Д. 62.

13. *Гужалоўскі, А. А.* Чысткі фондаў бібліятэк БССР у 1944—1989 гг. / А. А. Гужалоўскі // Здабыткі: дакументальныя помнікі на Беларусі / Нац. б-ка Беларусі; складальнікі Т. І. Рошчына, Т. А. Сапега. – Мінск.: Нац. б-ка Беларусі, 2012. – Вып. 14. – С. 34–58.

14. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 6. Беларусь у 1946–2009 гг. / Л. Лыч [і інш.]: рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Современная школа: Экоперспектива, 2011. – 728 с.: іл.

15. Отчет о работе Главлита БССР за 1957 г. и заключение по нему // НАРБ. – Фонд 1195. – Оп. 2. – Д. 69.

16. Инструкция о порядке цензорского контроля. 1955 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/org/glavlit/instructions/?id=4410. – Дата доступа: 12.11.2017.

17. Приказы Главлита БССР за 1961 г. // ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 26.

18. Переписка по вопросам изъятия литературы и списки вредной литературы Главлита БССР и обллитов 24 марта 1953 г. – 25 декабря 1953 г. // НАРБ. – Ф. 1195. – Оп. 2. – Д. 44.

19. Акты приема-передачи дел районного уполномоченного по Чериковскому району. Ликвидации спецфонда Могилевской областной библиотеки // ГАМО. – Фонд 1195. – Оп. 5. – Д. 12.

20. Приказы Главлита СССР и БССР 13 ноября 1954 г. – 25 декабря 1957 г. // ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 1. – Д. 3.

21. Приказы и указания Главлита БССР // ГАМО. – Фонд 1195. – Оп. 1. – Д. 30.

22. Докладные записки в ЦК КПБ и обкому партии по проверке книжных фондов библиотек и книготорговой сети Гродненского облисполкома от литературы, подлежащей изъятию за 1961 г. // НАРБ. – Фонд 1195. – Оп. 1. – Д. 57.

23. Указания обллита районным цензорам, редакторам газет, радио, директорам типографий // Государственный архив Могилевской области (ГАМО). – Фонд 1195. – Оп. 1. – Д. 66.

24. Отчеты, справки и докладные о работе Могилевского обллита за 1963 г. // ГАМО. – Фонд 1195. – Оп. 1. – Д. 67.

(Дата подачи: 08.02.2018 г.)

П. А. Концевой
БИП-Институт правоведения, Могилевский филиал
P. A. Kantsavoi
The Belarusian Law Institute, Mogilev branch

УДК 658.511.5(476)+94(476)

ГЕРМАНСКИЕ РЕПАРАЦИИ В ВОССТАНОВЛЕНИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА БССР (1945–1948 ГГ.)

THE GERMAN REPARATIONS IN RECOVERY OF AGRICULTURAL INDUSTRY OF BSSR (1945–1948)

В статье рассматриваются вопросы, раскрывающие место германских репараций в восстановлении промышленности и сельского хозяйства БССР в послевоенный период. Отмечается, что в счет репараций поставлялись промышленное оборудование, сельскохозяйственная техника, рабочий и продуктивный скот, а также другие материальные ценности. Показано, что в ходе работ по восстановлению сельского хозяйства БССР применялся репарационный скот, а также сельскохозяйственная техника. По итогам статьи делается вывод, что репарационные поставки безусловно ускорили темпы вос-

становления белорусского сельского хозяйства, но они являлись только одним из источников материального обеспечения этого процесса.

Ключевые слова: репарации; репарационные поставки; трофеи; восстановление сельского хозяйства БССР; рабочий и продуктивный скот; сельскохозяйственная техника.

The article deals with the issues revealing the place of German reparations in recovery of agricultural industry of BSSR in post-war period. It is noted that the deliveries of industrial equipment, agricultural machinery, the working and productive cattle and also other material values have also been considered as reparations. The article shows that within progress in recovery of agricultural industry of BSSR the reparation cattle together with agricultural machinery were widely applied. At the end of the article the author makes the conclusion that reparation deliveries undoubtedly accelerated the rates of the Belarusian agricultural industry recovery, but they only were one of the sources of this process material welfare.

Key words: reparations; reparation deliveries; trophies; recovery of agricultural industry of BSSR; working and productive cattle; agricultural machinery.

Актуальность статьи обусловлена тем, что до недавнего времени в отечественной историографии практически не было публикаций, затрагивающих проблемы репарационных поставок, осуществлявшихся в соответствии с решениями Ялтинской и Потсдамской международных конференций 1945 г.

В советский период декларировалось, что восстановление разрушенной войной экономики происходило только собственными силами на основе независимости от капиталистических государств. Поэтому тема репараций стала предметом исследования уже после распада СССР. В современной белорусской историографии появились работы, освещающие отдельные стороны данной проблемы, но далеко не все ее аспекты еще нашли свое отражения в исследованиях историков. Одним из таких аспектов является проблема использования репараций при восстановлении сельского хозяйства БССР, исследованию которой посвятили несколько научных статей историки Г. П. Бущик [1; 2] и И. Ю. Воронкова [3].

В результате боевых действий и немецкой оккупации территории БССР был причинен существенный вред сельскому хозяйству республики. Общий имущественный ущерб в этой области составил 22 471,9 млн рублей. Оккупанты разрушили 9200 сел и деревень [4, с. 277]; уничтожили 10 тыс. колхозов, 92 совхоза, 316 машинно-тракторных станций, 1200 тыс. сельских зданий, в том числе 421 тыс. жилых домов колхозников [5]. Посевные площади по зерновым культурам сократились к довоенному объему до 40 %, картофелю – до 25 %, льну – до 13 %. Сильно пострадало и животноводство. Потери лошадей в БССР составили 60,8 % от довоенной численности, или 711 тыс. голов, большая часть из оставшихся лошадей стала непригодна для хозяйственного использования [6, л. 392, 393, 396 об]. Еще большими были потери крупного рогатого скота. Они составили 69 % от довоенной численности, или 1960,3 тыс. животных. Также уничтожено 78 % поголовья овец, что составило 2010 тыс. голов [7, с. 69].

Для восстановления общественного животноводства были необходимы срочные меры. В связи с чем особое значение приобрели репарационные поставки сельскохозяйственных животных, что нашло свое отражение в постановлениях ГКО СССР от 9 марта 1945 г. «О перегоне трофейного племенного скота с территории Германии и Польши в районы Советского Союза, освобожденные от немецкой оккупации, для передачи этого скота колхозам и семьям воинов Красной Армии» и от 14 марта 1945 г. «О перегоне неиспользуемых фронтами трофейных лошадей с территории Германии и Польши в районы Советского Союза, освобожденные от немецкой оккупации, и передаче этих лошадей колхозам» [3, с. 350]. С правовой точки зрения данные документы закрепляли именно трофейные поставки сельскохозяйственных животных, а не репарационные. Политическое решение вопроса о репарациях в то время еще только вырабатывалось союзниками по антигитлеровской коалиции, а частичное возмещение ущерба сельскому хозяйству СССР было крайне необходимо в кратчайшие сроки. Поэтому, на наш взгляд, все же эти поставки можно охарактеризовать как условно репарационные т. к. они были направленны на компенсацию ущерба, нанесенного оккупантами.

Поставки репарационных лошадей в республику проходили с 1945 по 1947 гг. Согласно данным Министерства финансов БССР, на 1 июля 1947 г. хозяйства всех категорий получили в 1945 г. 79 073 лошади стоимостью 91 423 тыс. рублей, в 1946 г. – 46216 лошадей, оцененных в 65 987 тыс. рублей, а за первое полугодие 1947 г. – только 5141 лошадь на сумму 7422 тыс. рублей. За весь период поставок было получено 130 430 лошадей общей стоимостью 164 832 тыс. рублей. Вместе с лошадьми в БССР также было поставлено таборное имущество на 4302 тыс. рублей [8, л. 344].

Однако во время перегонки лошадей в БССР и их распределения по хозяйствам были и потери животных. Основной причиной являлось то, что многие лошади не выдерживали длительного пути из Германии в БССР. В Приказе № 62с по Наркомзему СССР от 29 июня 1945 г. «О перегоне лошадей» отмечалось, что потери животных происходили главным образом потому, что допускались в перегон истощенные лошади, а также некованые лошади, которые отставали в пути [9, л. 19]. Проверка Белзаготживконторы, проведенная Министерством финансов БССР в октябре 1946 г., установила, что эта организация «надлежаще не организовала транспортировку лошадей, в результате чего потери лошадей в пути и на базах достигли 20 898 голов из полученных 120 853 голов или 17 %». Сохранность, полученных колхозами лошадей также не обеспечили должным образом. По данным Министерства животноводства БССР из переданных колхозам 94 763 лошадей пало 18 500 животных [10, л. 357].

В отчете Министерства финансов БССР за 1 июля 1947 г. приводятся данные о павших лошадях, которых насчитывалось 20 106 голов, а их стоимость равнялась 23 538 тыс. рублей [8, л. 344]. Встает вопрос о том, как соотнести данные 1947 г. с данными результатов проверки Белзаготживконторы тем же Министерством финансов в 1946 г. На наш взгляд, в отчете 1947 г. фигурируют сведения о потерях поголовья лошадей, переданных в колхозы и иные хозяйства. Одним из подтверждений правильности данного утверждения можно считать то, что павшие лошади были уже оценены. Увеличение количества павших лошадей можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, со времени предыдущего отчета прошло порядка девяти месяцев (с октября 1946 г. до начала июля 1947 г.), и за этот период падеж вполне мог возрасти с 18 500 до 20 106 голов. Во-вторых, в отчете 1946 г. упоминались только лошади, полученные колхозами, а в 1947 г. обзор производился в целом по всем лошадям, поставленным в БССР.

Еще одним важным вопросом является определение процента репарационных лошадей в общем количестве этих животных в хозяйствах республики в рассматриваемый период. По данным, приведенным Г. П. Бущик, к началу 1947 г. в БССР во всех типах хозяйств насчитывалось 660 000 лошадей, из них репарационных – 130 430 голов. Отсюда следует, что полученные по репарациям лошади составляли примерно 20 % от общего количества этих животных в хозяйствах республики [1, с. 48]. Однако эта цифра не отражает в полной мере фактическое количество поголовья репарационных лошадей. Прежде всего, в данных выводах не учитывается тот факт, что определенная часть животных была потеряна по различным причинам, хотя автор в своей работе и приводит данные о потерях, но при определении доли репарационных лошадей от общей численности лошадей в БССР он эти данные не учитывает. На наш взгляд, необходимо учитывать значительные потери репарационных лошадей. Даже если взять за основу минимальный объем потерь в 20 106 лошадей [8, л. 344], то тогда получается, что количество репарационных лошадей в хозяйствах республики равнялось 110 324 головам[1], а в этом случае в процентном соотношении они составляли только 16,7 % от всего поголовья[2].

Распределение лошадей по регионам и хозяйствам разных категорий собственности выглядело следующим образом. Во-первых, восточные области БССР получили 119 439 лошадей, а западные только 10 991 лошадь (91,6 % и 8,4 % соответственно). Во-вторых, получателями лошадей в восточной части БССР были колхозы и организации – 119 439, а в единоличное владение здесь они практически не передавались. На западе Беларуси в послевоенный период коллективизация еще только начинала проводиться. Поэтому основными получателями выступили организации

[1] Подсчитано автором на основании [11, л. 142].

[2] Подсчитано автором на основании [11, л. 142].

и единоличники, которым передали 6355 и 4059 лошадей соответственно. Колхозы, в свою очередь, получили только 578 лошадей [11, л. 142].

За полученных колхозами репарационных лошадей устанавливался следующий порядок расчетов. Заготживконтора Наркомзема СССР в трехдневный срок после их поступления предъявляла хозяйствам для оплаты счета, выписанные в ценах, установленных Постановлением Совнаркома СССР от 16 апреля 1945 г. № 771: сельскохозяйственные лошади в хорошем состоянии стоили 1100 рублей за голову, а в удовлетворительном – 1000 рублей; верховые и легкотранспортные лошади оценивались по 1500 и 1300 рублей соответственно; тяжелотранспортные по 2600 и 2500 рублей; молодняк до 1 года – по 150 рублей, от 1 до 2 лет – по 300 рублей, а от 2 до 2,5 лет по 500 рублей за голову. Расчеты колхозов производились за счет кредитов Сельхозбанка, предоставляемого им в соответствии с Постановлением Совнаркома СССР от 16 апреля 1945 г. № 771 или за счет средств неделимых фондов по платежным поручениям колхоза-покупателя. Из сумм, уплачиваемых за репарационных лошадей, учреждения Сельхозбанка перечисляли на расчетный счет соответствующей Заготживконторы 332 рубля за каждую переданную лошадь в счет возмещения расходов по приемке, перегону и передаче лошадей. Остальные средства подлежали перечислению в доход союзного бюджета по параграфу 44 раздела 12 под наименованием «Поступления от реализации трофейного народнохозяйственного имущества» [12, л. 301, 302].

Рассматривая репарационные поставки крупного и мелкого рогатого скота в БССР, следует отметить, что этот процесс в общих чертах схож с поставками лошадей и также сопровождался определенными потерями животных.

В целом на октябрь 1946 г. в БССР поступила 133 231 голова репарационного крупного рогатого скота, из которых 100 170 голов было передано в хозяйства всех форм собственности. Причем восточные области БССР получили 116 878 голов (данные на октябрь 1946 г.), а западные 16 353 (87,7 % и 12,3 % соответственно) головы крупного рогатого скота. Менее массовыми были поставки репарационных овец. По данным на октябрь 1946 г., в БССР поступило 38 961 голова овец, из которых 34 085 голов было передано в хозяйства разных форм собственности [10, л. 206]. Восточные области БССР получили 37 280 голов, а западные – только 1281 (данные на октябрь 1946 г.). В процентном соотношении восточные области получили 95,7 %, а западные – только 4,3 % от общего количества полученных по репарациям овец[1].

Исходя из имеющихся архивных документов, датируемых осенью 1946 г., большая часть полученного по репарациям крупного рогатого скота была направлена в колхозы – 65 792 головы, а менее одной трети получили инвалиды ВОВ – 32 841 голову. Кроме того, 1531 голова крупного рогатого скота досталась прочим организациям. В отношении овец

[1] Подсчитано автором на основе [9, л. 205, 207].

распределение произошло фактически полностью в пользу колхозов – 33 868 голов, а в частные хозяйства попало только 217 голов [10, л. 207].

Рассматривая проблему репарационного скота, необходимо отметить, что данные поставки сыграли значимую роль в возрождении племенного животноводства в БССР. Так, в докладной записке заместителя начальника Могилевского областного заготовительного отдела Монгалева на имя секретаря Могилевского обкома Петушкова отмечалось, что в 1945 г. ряд районов Могилевской области получил племенной скот из Восточной Пруссии. Ввиду того, что он был исключительно высокопродуктивным и чистопородным (порода «Остфриз»), а овцы были тонкорунными, предполагалось создать на базе крупных хозяйств племенные фермы и снабжать другие колхозы племенным молодняком [13, л. 4].

Одновременно с поставками репарационных животных происходило поступление и германской сельскохозяйственной техники. По данным на 15 октября 1945 г., из Германии на базу Белсельхозснаба Наркомзема БССР поступили или должны были поступить различные сельскохозяйственные машины и оборудование (см. табл. 1)[1].

Таблица 1

Поступление репарационных сельскохозяйственных машин и оборудования (по состоянию на 15 октября 1945 г.)

№	Наименование сельскохозяйственных машин и оборудования	План завоза сельскохозяйственных машин и оборудования (по решению ГКО № 8323 от 26.04.1945)	Прибыло	Должно было прибыть
1	Трактора	220 шт.	187 шт.	33 шт.
2	Комбайны	60 шт.	1 шт.	59 шт.
3	Двигатели и локомобили	500 шт.	175 шт.	324 шт.
4	Плуги (разных типов)	2000 шт.	2559 шт.	-
5	Культиваторы (тракторные и конные)	5000 шт.	858 шт.	4142 шт.
6	Бороны	3000 шт.	2000 шт.	1000 шт.
7	Окучники	2200 шт.	127 шт.	2073 шт.
8	Сеялки (тракторные и конные)	800 шт.	321 шт.	479 шт.
9	Уборочные машины	2500 шт.	790 шт.	1710 шт.
10	Молотилки (тракторные и конные)	2200 шт.	844 шт.	1350 шт.
11	Зерноочистительные машины	400 шт.	408 шт.	-
12	Грабли конные	–	449 шт.	–
13	Соломорезки	–	785 шт.	–
14	Картофелекопалки	–	218 шт.	–
15	Лемеха к плугам (тракторным и конным)	–	3599 шт.	–

[1] Таблица составлена на основе [14, л. 285, 286].

Окончание таблицы 1

№	Наименование сельскохозяйственных машин и оборудования	План завоза сельскохозяйственных машин и оборудования (по решению ГКО № 8323 от 26.04.1945)	Прибыло	Должно было прибыть
16	Запчасти к сельскохозяйственным машинам	–	225 т	–
17	Оборудование маслозаводов (мощностью переработки 15 т молока в сутки)	–	32 т	–
18	Металлообрабатывающие станки	400 шт.	130 шт.	270 шт.
19	Турбины	5 шт.	–	5 шт.
20	Электромоторы	2000 шт.	986 шт.	1014 шт.
21	Силовые трансформаторы	60 шт.	29 шт.	31 шт.
22	Провод	40 км	1 км	39 км
23	Высоковольтная аппаратура	750 комплектов	–	750 комплектов
24	Низковольтная аппаратура	1000 комплектов	–	1000 комплектов
25	Железо сортовое (разное)	–	97 т	–

Поступление порядка 200 репарационных тракторов, естественно, сыграло положительную роль в трудных условиях восстановительного периода. Однако их доля в общем количестве данной техники в сельском хозяйстве республики, насчитывающем на конец 1945 г. 3,9 тыс. тракторов, была невелика. Схожая ситуация сложилась и с зерноуборочными комбайнами. В сельском хозяйстве БССР к концу 1945 г. их насчитывалось 370 ед. [7, с. 57], и только 60 комбайнов (если поставки состоялись в полном объеме) от этого количества являлись репарационными. Вместе с тем тысячи репарационных плугов, борон, сеялок, молотилок и других сельскохозяйственных машин и инвентаря, а также запасных частей к ним помогли возместить нехватку данной отечественной техники в хозяйствах БССР в послевоенный период.

Поставки сельскохозяйственной техники продолжились в 1946 г., но они были уже менее значительными по сравнению с 1945 г., например, хозяйства Могилевской области в 1945 г. получили из Германии около 100 вагонов с сельскохозяйственными машинами и инвентарем на сумму 224,2 тыс. рублей, а в 1946 г. – только на сумму 21,4 тыс. рублей [2, с. 123; 15, л. 177].

В целом же к началу декабря 1948 г. Беларусь получила 16 463 единицы репарационных сельскохозяйственных машин различных типов, а также 1631 единицу оборудования по ремонту тракторов и сельскохозяйственных машин [16, л. 7–8].

Таким образом, репарации, направляемые для восстановления сельского хозяйства БССР, в основном включали в себя сельскохозяйственных животных, сельскохозяйственную технику, инвентарь, различное оборудование и запасные части. В период с 1945 по 1948 гг. репарационные поставки в восстановлении сельского хозяйства БССР сыграли роль своеобразного стартового капитала. Особо выделяются репарационные поставки лошадей, которые составили 16,7 % от всего поголовья лошадей, имевшихся на то время в республике, что позволило частично восполнить нехватку животных в тягловой силе, гужевых перевозках и многих других функциях, которые могла обеспечить лошадь в сельском хозяйстве. Значительную роль для восстановления общественного животноводства сыграли поставки репарационного крупного и мелкого рогатого скота. Благодаря тому, что своевременно была поставлена сельскохозяйственная техника и инвентарь, удалось улучшить техническое обеспечение посевных и уборочных компаний. В целом использование репарационных животных и техники в восстановлении сельского хозяйства БССР (1945–1948 гг.) сыграло положительную роль и ускорило данный процесс, но они являлись только одним из источников его материального обеспечения.

Список использованных источников

1. *Бушчык, Г. П.* Германкія рэпарацыі і іх роля ў аднаўлнні і развіцці эканомікі Беларусі пасля Другой сусветнай вайны / Г. П. Бушчык // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: зб. навук. арт. удзельнікаў Міжнар. навук. канф., Мінск, 16 мая 2003 г. / Мін. дзярж. лінг. ун-т; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск, 2003. – С. 47–51.
2. *Бушчык, Г. П.* Значэнне германскіх рэпарацый для аднаўлення гаспадаркі г. Магілёва і Магілёўскай вобласці пасля Другой сусветнай вайны / Г. П. Бушчык // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць – 3: зб. навук. прац удзельнікаў Міжнар. навук. канф., Магілёў, 22–23 мая 2003 г.: у 2 ч. / Магілёў. гарад. выкан. кам., Магілёў. дзярж. ун-т харчавання; рэдкал.: І. А. Пушкін [і інш.]. – Магілёў, 2003. – Ч. 1. – С. 119–127.
3. *Воронкова, И. Ю.* К вопросу о трофейных и репарационных поставках из Германии в Белорусскую ССР (1945–1948 гг.) / И. Ю. Воронкова // Великая Отечественная война в исторической судьбе белорусского народа: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию победы в Великой Отечественной войне (Гродно, 4–5 мая 2010 г.) / Нац. Акад. Наук Беларуси, Ин-т истории, Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы; Департамент по архивам и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь; редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2012. – С. 342–354.
4. Экономическая история Беларуси: учеб. пособие / В. И. Голубович [и др.]; под ред. В. И. Голубовича. – 5-е изд. – Минск: Соврем. шк., 2007. – 392 с.
5. Последствия Великой Отечественной войны для Беларуси // Архивы Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://archives.gov.by/index.php?id=697135. – Дата доступа: 04.02.2018.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4п. – Оп. 81а. – Д. 29.
7. Развитие народного хозяйства Белорусской ССР за 20 лет, 1944–1963 гг. стат. сб. // Центр. стат. упр. при Совете Министров БССР; подгот.: Т. М. Антонова [и др.]. – Минск: Беларусь, 1964. – 214 с.
8. НАРБ. – Фонд 93. – Оп. 9. – Д. 1048.
9. НАРБ. – Фонд 48. – Оп. 10. – Д. 6.

10. НАРБ. – Фонд 93. – Оп. 9. – Д. 1040.
11. НАРБ. – Фонд 93. – Оп. 9. – Д. 1049.
12. НАРБ. – Фонд 93. – Оп. 9. – Д. 1037.
13. Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАООМгО). – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 87.
14. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 29. – Д. 821.
15. НАРБ. – Фонд 93. – Оп. 9. – Д. 1041.
16. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 62. – Д. 58.

(Дата подачи: 28.02.2018 г.)

П. Г. Космач
Белорусский государственный университет, Минск
P. G. Kosmach
Belarusian State University, Minsk

УДК 973:2

ФРАНЦУЗСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ А. ДЕ ТОКВИЛЬ О РОЛИ РЕЛИГИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ США

FRENCH THINKER A. DE TOCQUEVILLE ON THE ROLE OF RELIGION IN SOCIAL AND POLITICAL LIFE OF USA

В статье рассматривается проблема общественно-политического влияния религии на примере произведения А. де Токвиля «Демократия в Америке». Подчеркивается ее актуальность в контексте современного обсуждения культурных основ гражданского общества и конституционного государства. Констатируется значимость интеллектуального наследия А. де Токвиля для понимания религиозного фактора в истории Нового времени.

Ключевые слова: религиозный фактор; А. де Токвиль; свобода вероисповедания; политическая история США.

The article is based on A. de Tocqueville's work "Democracy in America". It deals with the question of the social and political influence of religion. This topic is very important in the context of the contemporary discussion concerning the cultural foundations of civil society and constitutional state. The author points out the significance of A. de Tocqueville's intellectual heritage for understanding the religious factor in modern history.

Key words: Religious Factor; A. de Tocqueville; Religious Freedom; Political History of USA.

Фундаментальной работой в области американистики, которая получила международное признание, стал труд французского мыслителя XIX в. А. де Токвиля «Демократия в Америке» (т. 1. – 1835 г., т. 2. – 1840 г.). Данный историко-политический трактат содержал подробную информацию о молодой заокеанской стране, ее важнейших особенностях, которые производили впечатление на образованного европейца того времени. А. де Токвиль писал эту работу с опорой как на собственные наблюдения в качестве пу-

тешественника, так и на доступную ему литературу. В силу многих причин трактат «Демократия в Америке» приобрел статус классического труда, востребованного историками, политологами, социологами [1, с. 3–5]. Идеи и положения, изложенные в нем, продолжают широко обсуждаться американскими учеными [2, p. VII–IX].

В рассматриваемой работе А. де Токвиль особое внимание уделил религии в США, подробно охарактеризовав ее влияние на жизнь людей. Он особо подчеркивал высокую степень религиозности американского общества: «Философы XVIII века очень просто объясняли ослабление религиозных верований. Религиозное рвение, говорили они, неизбежно угасает по мере того, как расцветают свобода и знания. Досадно, что факты не подтверждают эту теорию. В Европе есть народы, неверие которых можно сравнить лишь с их забитостью и невежеством. В Америке же один из самых свободных и просвещенных народов усердно отправляет все религиозные обряды. По приезде в Соединенные Штаты я больше всего был поражен религиозностью этой страны. Чем дольше я там жил, тем лучше понимал, какое глубокое влияние оказывает это новое для меня обстоятельство на политику. Я знал, что у нас религиозность и свободолюбие всегда отдаляются друг от друга. Здесь же я увидел их тесную связь: в этой стране они господствуют вместе» [3, с. 225]. Он обращал внимание на тесную связь религии и национального самосознания американцев: «В Соединенных Штатах религия пронизывает все национальные обычаи, став неотделимой частью патриотических чувств, и именно это придает ей необычайную силу. Данное обстоятельство усугубляется и другим, не менее значительным фактором: в Америке религия, если можно так выразиться, сама себе определила свои собственные границы…» [3, с. 321].

Истоки подобного положения дел А. де Токвиль видел в прошлом, справедливо указывая на роль пуритан в основании страны. Он считал, что в США удалось сочетать два начала, которые в истории часто выступали соперниками, – приверженность религии и дух свободы. В частности, им конкретизировалось следующее: «Основная часть английской Америки была заселена людьми, которые, выйдя из-под власти папы, ни за кем не признали права на религиозное верховенство. Поэтому они принесли в Новый Свет христианство, которое точнее всего можно определить как демократическое и республиканское» [3, с. 220–221]. Следствием такого сочетания стало соответствующее положение религии в США, находившейся в особой связи с политической сферой. А. де Токвиль продолжал: «Итак, если закон позволяет американскому народу делать все, что ему заблагорассудится, то религия ставит заслон многим его замыслам и дерзаниям. Поэтому религию, которая в Соединенных Штатах никогда не вмешивается непосредственно в управление обществом, следует считать первым политическим институтом этой страны. Ведь хотя она и не усиливает стремление людей к свободе, она значительно облегчает

жизнь свободного общества. Именно так жители Соединенных Штатов и смотрят на религиозные верования. Я не могу сказать, все ли американцы действительно веруют. Никому не дано читать в сердцах людей. Но я убежден, что, по их мнению, религия необходима для укрепления республиканских институтов. И это мнение принадлежит не какому-либо одному классу или партии, а всей нации, его придерживаются все слои населения» [3, с. 223–224].

Действительно, А. де Токвиль не преувеличивал: основателями США религия рассматривалась в качестве важной опоры республиканской формы правления, требующей от граждан высокой нравственности, умения жертвовать личными интересами во имя общего дела. С одной стороны, на федеральном уровне были созданы условия для свободной конкуренции различных религиозных организаций (при сохранении косвенной поддержки христианства). С другой стороны, законодательство абсолютного большинства штатов 1770–1780-х гг. включало правовые нормы, гарантировавшие привилегии христианской религии, а в ряде случаев и ее протестантской интерпретации. Важно подчеркнуть, что само понимание права в рамках юридической культуры США вплоть до второй трети XX в. имело религиозный характер [4, с. 250–253]. В соответствии с ним законная деятельность правительства должна основываться на вечных и неизменных нормах божественного и естественного права. Этот взгляд был недвусмысленно выражен еще в Декларации независимости США (1776 г.), содержавшей обращения к Богу – верховному суверену и гаранту законности образования нового государства. Взаимосвязь религии и права была важна и в практическом отношении. Характерный пример приводил сам А. де Токвиль: «Во время моего пребывания в Соединенных Штатах на заседании суда присяжных в округе Честер (штат Нью-Йорк) один свидетель заявил, что он не верит в Бога и бессмертие души. Судья отказался привести его к присяге ввиду того, что, как он сказал, свидетель уже подорвал всякую веру в свои слова. Газеты сообщили об этом факте без комментариев» [3, с. 224]. Конституции многих штатов включали требование для государственных служащих исповедовать веру в Бога или христианскую религию. Считалось, что важнейшие принципы христианства входят в состав «общего права» США [5, p. 32].

От проницательного взгляда А. де Токвиля не скрылись и специфические черты американского христианства. С одной стороны, он отмечал: «…христианство сохранило значительную власть над духовной жизнью американцев, и – это я хочу особенно подчеркнуть – оно господствует там не в качестве одной из философских систем, принятой по размышлении, но как религия, в которую верят не рассуждая» [3, с. 321]. Но сама религиозная жизнь в США имела важные особенности: «Американцы не делают вида, что совершенно равнодушны к загробной жизни; не демонстрируют они и юношеской гордыни, якобы презирая те опасности, которых они

надеются избежать. Поэтому они исповедуют свою религию без всякой стыдливости и робости; напротив, даже в порыве религиозного рвения они остаются столь спокойными, последовательными и трезвыми, что кажется, будто не столько сердце, сколько разум ведет их к подножиям алтарей» [3, с. 389]. Черты национального характера наложили неизгладимый отпечаток на религиозную сферу. А. де Токвиль делился своими наблюдениями: «Американцы не только лично заинтересованы в упрочении их религии, но и часто рассматривают ее с точки зрения той пользы, которую она может принести верующим в земной жизни. В средние века священники говорили только о загробной жизни; они едва ли обременяли себя доказательством возможности для искреннего христианина быть счастливым здесь, на земле. Американские проповедники, напротив, беспрестанно спускаются на землю, и, пожалуй, лишь с великим трудом им удается оторвать от нее свои взоры. Стараясь сильнее затронуть души своей паствы, они ежедневно рисуют перед ее очами картины того, насколько благоприятны для свободы и общественного порядка религиозные чувства; слушая их, подчас бывает трудно понять, какова же основная цель религии – обретение вечного блаженства на том свете или же обеспечение благополучия на этом?» [3, с. 389].

Черты американской религиозности, подмеченные А. де Токвилем, получили яркое развитие в дальнейшем. Так, проповедники социального христианства в США конца XIX – начала XX в. говорили о важности земной жизни человека, ориентируясь на возможность приближения к «царству Божьему» уже в этом мире. Протестантские мыслители подчеркивали, что каждый человек имеет обязанности по отношению к обществу, в котором он живет. Это стало основанием для предложения реформ, направленных на искоренение или смягчения противоречий и трудностей индустриального пути развития. Тенденции, направленные на «социализацию христианства», отражали движение к нарастающему обмирщению религии. Многообразие общественной жизни диктовало свои правила: среди духовенства были и те, кто проповедовал «евангелие богатства», прославляя деловой успех [6, p. 83].

В целом американский протестантизм длительное время способствовал накоплению социального капитала, что оказывало определенное влияние на экономическую и политическую культуру. Известный мыслитель М. Вебер (1864–1920), фактически развивая соответствующие идеи А. де Токвиля, отмечал следующее: «Преуспевали в деловом отношении те (как правило, только те), кто принадлежал к методистской, баптистской или какой-либо иной секте (или близким по типу ассоциациям). Если член секты перебирался в другое место или занимал должность торгового агент, он брал с собой certificate своей общины, что обеспечивало ему не только поддержку членов его секты, но и, что более важно, повсеместный кредит. Если он (не по своей вине) испытывал денежные затруднения, то

секта способствовала устройству его дел, предоставляя гарантии кредиторам и помогая ему всевозможными способами… Однако решающим шансом карьеры было не упования кредиторов на секту, которая, дорожа своим престижем, предохранит их от ущерба, а то обстоятельство, что каждая оберегающая свою репутацию секта примет в число своих членов лишь того, чье «поведение» позволяет с полной уверенностью квалифицировать его как безупречного в нравственном отношении человека» [7, с. 276–277]. Как известно, процессы секуляризации развивались в США медленнее, чем в других странах Запада, что находило отражение в общественно-политической жизни. М. Вебер констатировал: «Однако в прошлом, да и поныне, признаком специфически американской демократии было то, что она являла собой не хаотическое скопление индивидов, а совокупность хотя и замкнутых, но волюнтаристских союзов. (…) Нас интересует здесь то, что современное положение светских клубов и обществ, пополнявшихся посредством баллотировки, в большой степени является продуктом секуляризации тех волюнтаристских объединений – сект, – которые служат прототипом этих союзов и значение которых было некогда гораздо более важным» [7, с. 280–281].

Обращение к творчеству А. де Токвиля вносит свой вклад в дискуссию относительно «дополитических основ демократического правового государства», т.е. тех норм и ценностей, которые и делают возможными устойчивое функционирование республиканской формы правления. Так, Дж. Локк (1632–1704), творчество которого повлияло на мировоззрение многих основателей США, подчеркивал значение веры в Бога для поддержания общественных устоев [8, с. 125]. Диаметрально противоположную позицию занимает Ю. Хабермас, считающийся одним из наиболее значительных мыслителей современной Германии. В частности, он писал: «Но легитимационные основания мировоззренчески нейтральной государственной власти исходят, в конце концов, из профанных философских источников XVII–XVIII веков. Лишь гораздо позже богословие и церковь оказываются в состоянии дать ответ на духовный вызов революционного конституционного государства» [9, с. 44–45]. Ю. Хабермас готов утверждать, что «демократический процесс» и «коммуникативные свободы» являются самодостаточным основанием для успешного функционирования гражданского общества [9, с. 53].

Подобная позиция вызывает обоснованные возражения. К примеру, Ф. Фукуяма, опираясь и на работу А. де Токвиля «Демократия в Америке», делал иные выводы: «…способность нации пользоваться общим «языком добра и зла» выступает необходимым условием в созидании доверия, социального капитала и всех тех позитивных экономических результатов, которые из них проистекают. Культурное многообразие действительно способно принести реальную экономическую выгоду, однако, выйдя за определенные рамки, оно становится новым барьером на пути коммуни-

кации и сотрудничества, потенциальной экономической и политической угрозой» [10, с. 436]. В этой связи важно указать и на теистический компонент американского патриотизма, официальное признание которого было невозможным без соответствующих социальных и культурных предпосылок, верно отмеченных А. де Токвилем. Так, выражение «В Бога наша вера» присутствует в государственном гимне США (утвержден Конгрессом в 1931 г.), «Мы верим в Бога» отчеканено на американских деньгах (данное упоминание внесено в 1863 г.), текст «Клятвы верности флагу» включает слова «одной нации под Богом» (изменение 1954 г.). Рождество и день благодарения считаются национальными праздниками, имеющими государственное значение, функционирует институт капелланов, а церкви освобождены от уплаты налогов.

Интеллектуальное наследие А. де Токвиля внесло значительный вклад в исследовательскую работу по изучению влияния религии на общественно-политическую жизнь и государственные институты. Он глубоко показал роль протестантизма в развитии американской нации, уделив и некоторое внимание государственно-конфессиональным отношениям. Его выводы сохраняют определенную актуальность и в наши дни, что связано с широким обсуждением культурных факторов социальной и политической эволюции. Работа А. де Токвиля «Демократия в Америке» и сегодня содействует пониманию многих особенностей США, где религия продолжает влиять на общественные ценности и настроения значительной части населения страны.

Список использованных источников

1. *Исаев, С. А.* Алексис Токвиль и Америка его времени / С. А. Исаев. – СПб.: Наука, 1993. – 141 с.
2. *Heclo, H.* Christianity and American Democracy / H. Heclo. – Cambridge and London: Harvard University Press, 2007. – 299 p.
3. *Токвиль, А. де*. Демократия в Америке / А. де Токвиль. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.
4. *Берман, Г. Дж.* Вера и закон: примирение права и религии / Г. Дж. Берман. – М.: Ad Marginem, 1999. – 432 с.
5. *Banner, S.* When Christianity Was Part of the Common Law / S. Banner // Law and History Review. – 1998. – Vol. 16. – Issue 1. – P. 27–62.
6. *Lambert, F.* Religion in American Politics: A Short History / F. Lambert. – Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2008. – 296 p.
7. *Вебер, М.* Протестантские секты и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – С. 273–306.
8. *Локк, Дж.* Послание о веротерпимости / Дж. Локк // Сочинения: в 3 т. / ред. и сост., авт. прим. А. Л. Субботин. – М.: Мысль, 1988. – Т. 3.– С. 91–134.
9. *Хабермас, Ю.* Дополитические основы демократического правового государства? // Ю. Хабермас, Й. Ратцингер (Бенедикт XVI) // Диалектика секуляризации. О разуме и религии. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. – 112 с.
10. *Фукуяма, Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – М.: ООО «Издательство АСТ», ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730 с.

(Дата подачи: 28.02.2018 г.)

А. П. Косов
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Витебск
A. P. Kosov
Vitebsk State P. M. Masherov University, Vitebsk

УДК 327(4)

ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

EUROPEAN VECTOR OF FOREIGN POLICY RUSSIA IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF THE UKRAINIAN CRISIS

В статье рассматривается влияние украинского кризиса на планирование и реализацию европейского направления во внешней политике Российской Федерации. Автор анализирует основные подходы России к построению конструктивных отношений с ЕС в условиях действия санкций и контрсанкций. Подчеркивается стремление Москвы преодолеть кризисный этап в российско-европейских отношениях, связанный с украинским кризисом, но не ценой односторонних уступок со стороны РФ.

Ключевые слова: ЕС; российско-европейские отношения; Российская Федерация; санкции; украинский кризис.

In the article influence of the Ukrainian crisis on planning and realization of the European direction in foreign policy of the Russian Federation is considered. The author analyzes the main approaches of Russia to creation of the constructive relations with the EU in the conditions of action of sanctions and countersanctions. Moscow's desire to overcome the crisis stage in Russian-European relations, connected with the Ukrainian crisis, but not at the cost of unilateral concessions from the Russian Federation, is emphasized.

Key words: EU; Russian-European relations; Russian Federation; sanctions; Ukrainian crisis.

Для Российской Федерации ЕС является одним из основных политических и торгово-экономических партнеров, с которым она стремится развивать равноправные отношения стратегического характера. Однако в последнее время российско-европейские отношения весьма далеки от идеального состояния. Начавшийся в 2013 г. украинский кризис привел Россию и Европу к самому серьезному их ухудшению за весь постбиполярный период. Уже четыре года они напоминают, казалось бы, канувшие в Лету времена «холодной войны». Хотя, по признанию министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова, нарастание напряженности в российско-западных отношениях ощущалось задолго до украинского кризиса, именно в Украине Запад, ведомый США, пошел ва-банк [1]. Поэтому, на наш взгляд, обращение к данной проблематике является вполне оправданным и актуальным.

Цель данной статьи – рассмотреть внешнеполитическую стратегию Российской Федерации на европейском направлении после начала украинского кризиса.

В 2013 г. на территории Украины столкнулись две геополитические стратегии на постсоветском пространстве: российская, направленная на

развитие евразийской интеграции, и европейская, воплощением которой стало Восточное партнерство. Постепенно ВП стало играть заметную роль во внешней политике Брюсселя. Неудивительно, что в реализации данной программы ЕС Россия увидела угрозу потери собственного влияния в регионе. Ошибкой Брюсселя было то, что Россия, являющаяся крупнейшим партнером Евросоюза, – была исключена из ВП под предлогом того, что она сама не захотела бы участвовать в этом проекте. Будь РФ приглашенной и отказавшейся от участия в нем, это был бы ее собственный выбор, и никто не смог бы сказать, что ЕС обходит Россию на постсоветском пространстве [2, с. 14]. В свое время наиболее четко отношение Москвы к Восточному партнерству выразил постоянный представитель РФ при ЕС В. А. Чижов: «…наша позиция сводится не к тому, чтобы противодействовать "Восточному партнерству". Как любая региональная инициатива, она имеет право на существование. Для нас важно, чтобы то, что делается в рамках этой инициативы, не было направлено против российских интересов, на искусственный отрыв этих стран от сотрудничества с Россией. Мы против того, чтобы данные страны СНГ ставились перед искусственной дилеммой: либо вперед, в светлое будущее с Евросоюзом, либо назад – с Россией. А то, что такие признаки на начальном этапе "Восточного партнерства" были, – факт. Мы не против сотрудничества стран СНГ с ЕС. Мы, по большому счету, даже не против той голубой мечты, которая существует в некоторых странах, – об эвентуальном членстве в Евросоюзе. Главное, чтобы это не создавало новых разделительных линий в Европе» [3]. В свою очередь, С. В. Лавров прямо заявил о том, что Восточное партнерство с самого начала было задумано «как инструмент противодействия интеграционным процессам с участием России» [4]. Несомненно, Украина являлась центральным звеном в программе ВП, поскольку западные политики знали, какое важное место занимает эта страна на постсоветском пространстве. Именно это привело Брюссель к форсированному курсу на ассоциацию с Украиной [2, с. 15]. Российское руководство обосновывало свою явно преувеличенную обеспокоенность по поводу присоединения Украины к ассоциации с ЕС, прежде всего экономическими причинами и возможным ущербом для российско-украинского экономического сотрудничества. Однако главные причины обеспокоенности РФ уходом Украины лежали все же в политической плоскости. В действиях Киева российская элита увидела угрозу утратить статус «привилегированного партнера» для стран СНГ [2, с. 16, 17]. Поэтому Москва предприняла ряд шагов, чтобы не допустить этого, что в конечном итоге все равно обернулось для нее «потерей» Украины.

Как известно, формальным поводом для начала украинского кризиса стал отказ В. Ф. Януковича от подписания договора об ассоциации Украины с Евросоюзом, к которому стороны шли несколько лет, после экономического давления со стороны Москвы. Российская позиция в этом вопросе объяснялась тем, что фактически Запад отказался решать экономические во-

просы в трехстороннем формате: Украина, ЕС, Россия. Брюссель стремился вытеснить РФ из Украины. Однако такой подход напрямую противоречил курсу Кремля на развитие евразийской интеграции, в которой Украине отводилось заметное место. По мнению академика С. М. Рогова, без участия Украины сближения России, Беларуси и Казахстана явно недостаточно для создания критической массы такого интеграционного образования. Поэтому геополитическая борьба за Украину и стала детонатором кризиса [5]. Хотя Кремль, убедившись, что конструктивное партнерство с Украиной невозможно, отказался от попыток интегрировать ее в состав ЕАЭС. Евросоюз же по-прежнему стремился включить Украину в зону своего влияния. При этом ЕС фактически вынуждал украинское руководство сделать выбор между Западом и РФ. В 2013 г. Москва выступила с инициативой трехсторонних консультаций с Брюсселем и Киевом по соглашению об ассоциации Украины с Евросоюзом. Однако ЕС отклонил российские предложения, потребовал от украинского президента выбирать между ним и Москвой и поддержал те украинские политические силы, которые стремились превратить Украину в форпост противостояния Запада с Россией. В результате выступлений в Киеве и внешнего давления президент В. Ф. Янукович был свергнут и образовано прозападное правительство. Это запустило цепную реакцию в юго-восточных регионах Украины, что привело страну к гражданской войне [6]. Конечно, своя доля ответственности за ситуацию в Украине лежит и на России. Вероятно, Москва могла бы на ранних стадиях кризиса сыграть более конструктивную роль в его разрешении или даже еще до начала кризиса быть более настойчивой в поисках компромисса, который позволил бы Украине идти по пути евроинтеграции, не ставя под угрозу уже сложившиеся российско-украинские отношения [7]. На наш взгляд, нельзя не согласиться с экс-министром иностранных дел РФ И. С. Ивановым в том, что «и Россия, и Европейский союз способствовали нарастанию проблем на Украине, а значит, им следует нести равную ответственность за удручающее развитие событий в этой стране начиная с осени 2013 г.». Обе стороны вели свою политику на украинском направлении без какой-либо координации или консультаций друг с другом. Однако Украина не является главной причиной российско-европейской конфронтации, а скорее выступает катализатором тех глубинных расхождений, которые на протяжении нескольких лет накапливались между Москвой и Брюсселем [8, с. 116–117].

После углубления украинского кризиса, особенно в результате присоединения Россией Крыма, между ЕС и РФ были свернуты переговоры о заключении нового договора. Кроме того, Брюссель отказался от проведения саммитов с Москвой. У России резко ухудшились отношения с ведущими европейскими партнерами, вроде Германии, которая стала одним из главных лоббистов проведения жесткой линии против РФ. По словам Ф. А. Басова из ИМЭМО РАН, Берлин больше не является «адвокатом российских интересов в ЕС и НАТО», а стал скорее выступать как «адвокат ЕС и НАТО

в отношениях с Россией» [9, с. 67]. И наконец, Евросоюз ввел в отношении Российской Федерации санкции, в результате чего Кремль был вынужден пойти на ввод контрсанкций. В отличие от США первоначально ЕС проявил сдержанность и стремился избежать секторальных санкций. Такая позиция Брюсселя была интерпретирована частью российского политического руководства как неготовность политических и деловых кругов Европы жертвовать своими экономическими интересами. На самом же деле Евросоюз не хотел сворачивать сотрудничество со своим ближайшим и крупнейшим соседом, поэтому поначалу ограничивался избирательными персональными санкциями. С марта 2014 г. поэтапно принимавшиеся Брюсселем меры предусматривали замораживание активов и введение визовых ограничений для лиц, включенных в специальные списки, а также запрет компаниям стран ЕС, наложивших санкции, поддерживать деловые отношения с лицами и организациями, включенными в эти списки. После крушения малазийского «Боинга» в июле 2014 г. ЕС ввел в отношении России секторальные экономические санкции, хотя формально они не были связаны с катастрофой, поскольку ее причины так и не были установлены. В ответ на западные санкции РФ 7 августа 2014 г. ввела контрсанкции [2, с. 19–20]. При этом Москва, стремясь избежать усиления санкционного режима со стороны Запада, проигнорировала призыв Донбасса ввести российские войска для оказания им помощи [10, с. 59]. Более того, 17 октября 2014 г. на встрече лидеров стран ЕС в Милане прибывший туда В. В. Путин заявил, что отвел семнадцатитысячный контингент от украинской границы, дабы не давать поводов для обвинений в российской «агрессии» против Украины [10, с. 62]. Однако это не привело к какому-либо существенному потеплению в российско-европейских отношениях.

Очевидно, что санкционное противостояние между Россией и ЕС, ставшее следствием украинского кризиса, наносит ущерб обеим сторонам. Экспертами называются разные цифры европейских потерь от войны санкций, но примерно это порядка 30–50 млрд долл. в год, что не мало, учитывая тревожное экономическое положение ряда стран Евросоюза [11, с. 427]. Однако политические круги Европы поставили принципы трансатлантической солидарности выше интересов европейского бизнеса. Высказывая свое несогласие относительно санкций, представители делового мира стран Евросоюза вынуждены подчиняться своим правительствам. Правда, при этом европейские политики сами предпочитали чрезмерно не обострять отношения с РФ. Тем не менее в странах ЕС постепенно растет число тех, кто все настойчивее выступает за пересмотр антироссийских санкций. Брюссель же обусловливает их отмену выполнением Москвой Минских договоренностей. Российская сторона с этим категорически не согласна, поскольку считает, что обязательства по ним несут стороны конфликта – Киев и Донбасс. С точки зрения МИД РФ, именно киевские власти их не выполняют, особенно в политической сфере. Поэтому Москва не ведет каких-либо

переговоров с Брюсселем об условиях или критериях отмены санкций. Ее позиция следующая: «Первыми от них должны отказаться те, кто их инициировал» [12]. Так, критикуя Запад за «активизацию действий по «отбрасыванию» Москвы», С. В. Лавров, тем не менее, выступил против «скатывания в русло примитивных схем прямолинейного противостояния между Россией и Западом». Глава МИД выразил надежду, что нынешний кризис станет «освежающей грозой, которая позволит перевести отношения с западными партнерами на более здоровую и честную основу» [13]. По словам С. В. Лаврова, ЕС – крупнейший партнер России. Поэтому Москва не собирается отказываться от сотрудничества с Европой, несмотря на то, что, конечно, «бизнес, как обычно» уже невозможен. «Европейские партнеры говорят нам об этом, но дело в том, что такой «бизнес» нам и не нужен. Они исходили из того, что Россия что-то должна, а мы хотим сотрудничать равноправно. Поэтому «бизнеса, как обычно» уже не будет, но убежден, что мы преодолеем нынешний период, уроки будут усвоены и появится новая основа для наших отношений» [14].

Нельзя не отметить, что кризис в отношениях с Западом положил конец попыткам России идентифицировать себя с новой Европой. Поэтому уже можно констатировать отход от евроцентризма. Внешнеполитический дискурс показывает, что «Запад в целом, и Европа в частности перестали играть ключевую роль в русских представлениях о будущем» [15]. Очевидно, что после начала украинского кризиса во внешнеполитической стратегии РФ на лидирующие позиции стал выходить Азиатско-Тихоокеанский регион. В российских политико-академических крагах заговорили о «повороте на Восток». Многие эксперты говорят о том, что это является объективной реальностью, которую необходимо воспринимать как само собой разумеющийся факт, как данность. Так, известный политолог и депутат ГД РФ В. А. Никонов называет современную Россию евротихоокеанской, а не европейской или евразийской страной [16, с. 335]. По словам исследователей из Российского совета по международным делам, сближение Москвы с азиатскими государствами, не обвиняющими РФ в агрессии против Украины, на прагматичной основе крайне выгодно для Кремля на фоне резкого охлаждения отношений с ЕС и США [17, с. 30]. Украинский кризис показал российскому руководству «пределы развития взаимоотношений с Западом и важность сотрудничества со сверхкрупными азиатскими державами, ибо Китай, Индия, Бразилия недовольны монопольным положением Севера в мировой экономической и политической системе». Однако Кремль должен быть осторожен с азиатскими гигантами, чтобы России не оказаться в статусе ведомого участника в возможном альянсе с Китаем или Индией [18, с. 91]. Нельзя не согласиться с мнением Т. Г. Пархалиной в том, что «Пекин очень умело разыгрывает российскую карту в своей главной игре с Вашингтоном и уже получил от новой конфронтации России с Западом максимум возможного» [19, с. 2]. При этом понятно, что переориентация РФ на Восток лишь частично

компенсирует результаты разрыва связей с Западом [5]. Однако чрезмерное сближение с Европой не в полной мере отвечает цивилизационным интересам России. Продолжение политического диалога и наличие развитых торгово-инвестиционных связей не могут скрыть всей глубины ценностных разногласий сторон. ЕС настаивает на санкциях в наказание за «агрессивную» политику Кремля в отношении Украины, в то время как РФ считает свою политику необходимым реагированием на ущемление своих цивилизационных прав в Евразии. Поэтому из нынешнего конфликта в ближайшие годы нет выхода. Россия сохранит связи с Европой, но не станет, да и не может стать частью европейской цивилизационной системы. Скорее всего, моделью поведения в российско-европейских отношениях на обозримую перспективу будет «отстраненность вместо конфронтации» [20]. Ведь причины кризиса в отношениях между РФ и ЕС связаны с их принципиальными расхождениями во взглядах на современный миропорядок [8, с. 130].

Таким образом, после начала украинского кризиса российско-европейские отношения претерпели существенные изменения. Геополитическая борьба за Украину привела РФ и ЕС к самому жесткому столкновению за всю историю их взаимоотношений. Москва была вынуждена скорректировать свою внешнеполитическую стратегию на европейском направлении и достаточно жестко ответить на враждебные действия Брюсселя. Антироссийскими выпадами политические круги Евросоюза вызвали ответную антизападную реакцию у значительной части российского истеблишмента и общественности. В сложившейся ситуации российское руководство, попрежнему не отказывающееся от нормализации отношений с Европой, ждет конструктивных шагов навстречу от европейских партнеров и не намерено первым идти на уступки, поскольку вину за возникшую напряженность между РФ и ЕС целиком и полностью возлагает на европейцев. Абсолютно прав И. С. Иванов в том, что российско-европейские отношения не должны быть заложниками политической риторики и романтических ожиданий друг от друга [8, с. 124]. В перспективе они должны строиться на прагматизме и взаимовыгодном сотрудничестве.

Список использованных источников

1. Лавров: США идет ва-банк – «берет на понт» и хочет сменить режим в России [Электронный ресурс] // Политньюс. – 22.11.2014. – Режим доступа: http://politnews.net/2527. – Дата доступа: 25.01.2016.

2. Отношения Евросоюз – Россия и Украинский кризис / Н. К. Арбатова [и др.]; отв. ред. Н. К. Арбатова. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. – 183 с.

3. *Терехов, А.* Владимир Чижов: «Южный поток» надо сделать приоритетным проектом ЕС» [Электронный ресурс] / А. Терехов // Независимая газета. – 2009. – 18 мая. – Режим доступа: http://www.ng.ru/courier/2009–05–18/9_chizhov.html?mright=0. – Дата доступа: 01.09.2016.

4. *Ермолаева, Н.* Лавров: Россия готова к консультациям с Евросоюзом [Электронный ресурс] / Н. Ермолаева // Российская газета. – 11.04.2014. – Режим доступа: https://rg.ru/2014/04/11/konsultacii-site.html. – Дата доступа: 01.09.2016.

5. *Рогов, С.* Ждет ли Россию новая холодная война с Западом? [Электронный ресурс] / С. Рогов // Независимая газета. – 2014. – 25 марта. – Режим доступа: http://www.ng.ru/stsenarii/2014–03–25/9_cold_war.html. – Дата доступа: 23.05.2016.

6. *Сушенцов, А.* Как в море корабли. Россия и Украина: сценарии отказа от взаимной зависимости [Электронный ресурс] / А. Сушенцов // Россия в глобальной политике. – 2016. – № 2. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/Kak-v-more-korabli-18022. – Дата доступа: 21.05.2017.

7. *Кортунов, А.* Россия не может уйти от ответственности [Электронный ресурс] / А. Кортунов // Российский совет по международным делам. – 2015. – 26 апреля. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5770#top-content. – Дата доступа: 17.02.2016.

8. *Иванов, И.* С. Европейский вектор внешней политики современной России / И. С. Иванов. – М.: Изд-во «Э», 2018. – 424 с.

9. *Басов, Ф.* Германия, Европарламент и политика санкций в отношении России / Ф. Басов // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60, № 12. – С. 62–68.

10. *Андреева, Т.* Эволюция британского подхода к кризису в Украине и отношениям с Россией / Т. Андреева // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 11. – С. 56–66.

11. *Романов, П.* Россия и Запад на качелях истории: От Ельцина до Путина / П. Романов. – СПб.: Пальмира, 2017. – 479 с.

12. Россия – ЕС. Санкции и контрсанкции [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/rossia-es.-sankcii-i-kontrsankcii. – Дата доступа: 18.01.2018.

13. *Черненко, Е.* «Возврата к прежней модели не будет» [Электронный ресурс] / Е. Черненко // Коммерсантъ. – 04.06.2014. – Режим доступа: http://www.kommersant.ru/doc/2486588. – Дата доступа: 23.05.2016.

14. XXII ассамблея Совета по внешней и оборонной политике [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. – 2014. – 23 ноября. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/global-processes/XXII-assambleya-Soveta-po-vneshnei-i-oboronnoi-politike-17138. – Дата доступа: 23.05.2016.

15. *Миллер, А.* Отстраненность вместо конфронтации. Постевропейская Россия в поисках самодостаточности [Электронный ресурс] / А. Миллер, Ф. Лукьянов // Россия в глобальной политике. – 2016. – № 6. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/Otstranennost-vmesto-konfrontatcii--18477. – Дата доступа: 21.05.2017.

16. *Никонов, В. А.* Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? / В. А. Никонов. – М.: Изд-во «Э», 2015. – 672 с.

17. Украинский вызов для России: рабочая тетрадь № 24/2015 / А. В. Гущин, С. М. Маркедонов, А. Н. Цибулина; гл. ред. И. С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: Спецкнига, 2015. – 48 с.

18. *Лунев, С. И.* Азиатские гиганты и украинский вопрос / С. И. Лунев // Запад – Восток – Россия 2014. Ежегодник / отв. ред. В. Г. Хорос, Д. Б. Малышева. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. – С. 87–91.

19. *Пархалина, Т.* Отношения Россия – Запад в контексте украинского кризиса [Электронный ресурс] / Т. Пархалина // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 2014. – Вып. 35(51). – С. 2–4. – Режим доступа: http://inion.ru/files/File/Evropeiskaya_bezopasnost_35_51_2014.pdf. – Дата доступа: 19.01.2018.

20. *Цыганков, А. П.* Сосредоточение не по Горчакову. Цивилизационная геополитика на рубеже эпох [Электронный ресурс] / А. П. Цыганков // Россия в глобальной политике. – 2017. – № 1. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/Sosredotochenie-ne-po-Gorchakovu-18658. – Дата доступа: 21.05.2017.

(Дата подачи: 28.02.2018 г.)

В. С. Крапивин
Белорусский государственный педагогический университет
имени М. Танка, Минск
V. S. Krapivin
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk

УДК 94 (476)«1885/1913»:330.5

ДОХОДЫ ОРГАНОВ ГОСИМУЩЕСТВ ВИТЕБСКОЙ, МИНСКОЙ И МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИЙ В 1885–1913 ГГ.

THE INCOMES OF THE STATE PROPERTY ORGANS OF VITEBSK, MINSK AND MOGILEV GOVERNMENTS IN 1885–1913

В статье рассматриваются источники доходов органов государственных имуществ Витебской, Минской и Могилевской губерний и результаты их деятельности с 1885 по 1913 г. Определены состав и площадь государственных имуществ для выявления их роли в пополнении государственного бюджета. Выявлен размер доходов по всем статьям органов госимуществ и подсчитано их процентное соотношение к общей сумме, показана роль каждого из источников доходов в ее формировании. Полученные данные, включая общие суммы доходов органов госимуществ губерний, отражены в таблице. Сделаны выводы о роли органов государственных имуществ в социально-экономическом развитии Беларуси.

Ключевые слова: Беларусь; государственные имущества; доходы; продажа леса; продажа имущества; оброчные статьи; штрафы; аренда; побочные пользования; случайные поступления.

The article deals with the sources of the state property income of Vitebsk, Minsk and Mogilev governments and the results of their activities from 1885 to 1913. To determine the significance of state property in financing the state budget, their content and square were determined. The income of all items of state property organs was calculated and their percentage ratio to the total sum was revealed, the role of each source of income in its formation was shown. The received data including the total amounts of incomes was reflected in the tables. At the end of the article the conclusions about the role of the state property organs activity in the social and economic development of Belarus were drawn.

Key words: Belarus; state property; income; forest sale; sale assets; state-owned rentable property; fines; rent; collateral uses; random receipts.

В 1830-е гг. правительство Российской империи приняло решение о проведении реформы государственных имуществ по проекту графа П. Д. Киселева [1, с. 282]. 26 декабря 1837 г. указом Правительствующего Сената было образовано Министерство государственных имуществ «для высшего и общего по всему государству ведения дел, относящихся к управлению государственными имуществами и к попечительству над государственными крестьянами всех наименований, иностранными поселенцами и кочующими народами» [45, с. 405].

Новый орган управления начал свою работу 1 января 1838 г. В 1839–1840 гг. были созданы его местные органы – губернские палаты государственных имуществ. В 1866 г. в связи с передачей государственных крестьян

из ведомства Министерства государственных имуществ учреждениям, подчиненным Министерству внутренних дел, палаты госимуществ упразднялись. Руководство казенной собственностью было возложено на специально учреждаемые губернские управления государственными имуществами [46, с. 470], [1, с. 284]. В 1902 г. они были переименованы в управления земледелия и государственных имуществ [47, с. 645–646]. С этого времени управления стали заниматься также распространением новых методов земледелия и других отраслей сельского хозяйства [2, с. 207].

Социально-экономические реформы 1860–1870-х гг. способствовали развитию товарно-денежных отношений в белорусских губерниях. Важную роль в этом процессе играли местные органы государственных имуществ. Они были обязаны пополнять бюджет страны за счет доходов с находившейся под их управлением казенной собственности. Непосредственное решение этой задачи было возложено на хозяйственное и лесное отделения управлений государственными имуществами, которые занимались вопросами лесного хозяйства и оброчными статьями соответственно [1, с. 289–290], [2, с. 207–208].

Главным источником изучения доходов органов госимуществ являются «Обзоры …» губерний. Ежегодно в этих справочниках, написанием которых занимались губернские статистические комитеты, публиковались суммы, заработанные органами госимуществ от продажи леса, сдачи в аренду казенных имуществ и т. д. В таблице 1 представлены все статьи доходов органов госимуществ Витебской, Минской и Могилевской губерний с 1885 по 1913 гг.

Государственные имущества Витебской губернии включали в себя территории, свободные от наделов крестьян и частных лиц и находившиеся в казенном, общем, спорном, временном и поиезуитском владении. С 1887 по 1907 г. здесь было продано лесных материалов на сумму около 6,8 млн руб. – 94,23 % от суммы всех доходов органов госимуществ Витебской губернии. Площадь казенных лесов губернии в указанный период варьировалась от 225 000 до 233 000 дес., из которых около 170 000 дес. считались землями с удобной лесной почвой. Значительный ущерб доходности казенных лесов в Витебской губернии наносили пожары. Например, в 1887–1888 гг. в лесах губернии произошло 152 пожара, которые принесли казне убытки на сумму более 4 200 руб. [48, л. 7].

Вторым по значимости источником доходов в Витебской губернии была аренда оброчных статей лесного и хозяйственного ведомств. В 1887–1907 гг. они принесли казне более 58 000 и около 128 000 руб. соответственно. Итого – более 186 000 руб., или 2,6 % от суммы всех доходов органов госимуществ Витебской губернии.

Казенные земли сдавались в аренду для выпаса скота, сенокоса, сбора плодов, охоты и других целей. Сумма доходов по данной статье составила около 61 000 руб.

Таблица 1

Доходы органов государственных имуществ Витебской, Минской и Могилевской губерний в 1885–1913 гг.*

	Витебская губерния	Минская губерния	Могилевская губерния
1885	–	342 754 руб. 32 коп.	–
1886	–	404 062 руб. 4 коп.	–
1887	105 732 руб. 15 коп.	413 530 руб. 48 коп.	–
1888	83 960 руб. 29 коп.	545 769 руб. 39 коп.	–
1889	–	496 963 руб. 5 коп.	–
1890	–	464 897 руб. 17 коп.	–
1891	–	514 755 руб. 50 коп.	–
1892	–	588 590 руб. 90 коп.	–
1893	190 415 руб. 46 коп.	528 461 руб. 51 коп.	–
1894	240 340 руб. 6 коп.	549 548 руб. 45 коп.	–
1895	–	595 152 руб. 76 коп.	–
1896	387 250 руб. 95 коп.	969 427 руб. 8 коп.	184 574 руб. 60 коп.
1897	363 917 руб. 62 коп.	–	–
1898	469 631 руб. 47 коп.	1 113 391 руб.	–
1899	712 435 руб. 82 коп.	1 593 987 руб.	603 407 руб. 47 коп.
1900	836 797 руб. 66 коп.	1 750 779 руб. 69 коп.	716 332 руб. 47 коп.
1901	900 768 руб. 15 коп.	1 670 683 руб. 23 коп.	690 565 руб. 50 коп.
1902	–	1 658 796 руб. 18 коп.	–
1903	884 988 руб.	2 687 893 руб. 80 коп.	527 333 руб. 1 коп.
1904	736 253 руб. 53 коп.	1 465 583 руб. 11 коп.	444 779 руб. 58 коп.
1905	–	1 866 764 руб. 51 коп.	415 845 руб. 84 коп.
1906	572 124 руб. 76 коп.	2 010 327 руб. 93 коп.	323 533 руб. 32 коп.
1907	719 766 руб. 50 коп.	2 343 414 руб. 44 коп.	381 874 руб. 26 коп.
1908	–	2 415 360 руб. 59 коп.	303 140 руб. 37 коп.
1909	–	2 371 654 руб. 53 коп.	477 588 руб. 14 коп.
1910	–	3 235 359 руб. 43 коп.	617 674 руб. 87 коп.
1911	–	3 732 134 руб. 96 коп.	–
1912	–	3 366 236 руб. 19 коп.	–
1913	–	4 295 733 руб. 98 коп.	–
Всего	7 204 382 руб. 42 коп.	43 987 533 руб. 60 коп.	5 686 655 руб. 43 коп.
	56 878 571 руб. 45 коп.		

* [3, с. 7], [4, с. 6–7], [5, с. 125–126], [6, с. 108], [7, с. 122], [8, с. 92], [9, с. 98], [10, с. 103], [11, с. 84], [12, с. 79], [13, с. 58], [14, с. 103], [15, с. 109], [16, с. 118], [17, с. 26], [18, с. 26–27], [19, с. 29], [20, с. 34], [21, с. 31], [22, с. 23–24], [23, с. 16], [24, с. 16], [25, с. 19–20], [26, с. 25–26], [27, с. 30–31], [28, с. 26], [29, с. 21–22], [30, с. 29], [31, с. 28], [32, с. 28], [33, с. 28], [34, с. 22], [35, с. 43–44], [36, с. 41], [37, с. 39], [38, с. 46], [39, с. 39], [40, с. 40–41], [41, с. 46], [42, с. 410], [43, с. 41–42], [44, с. 38], [48, 147, л. 7].

Существенный доход приносили штрафы за нарушение лесного устава в казенных лесах. В 1887–1907 гг. их общая сумма достигала 56 000 руб.

Недвижимого имущества в Витебской губернии было продано на более чем 2 900 руб., негодного – на 143 руб.

Органы государственных имуществ занимались продажей билетов на право охоты в казенных лесах. За указанный выше период был продан 91 билет на сумму 502 руб., т. е. стоимость 1 билета составляла примерно 5,5 руб.

Доход от сдачи в аренду казенных и поиезуитских имений был зафиксирован только один раз, в 1898 г., и принес казне 143 руб.

Всего органы государственных имуществ Витебской губернии с 1887 по 1907 г. заработали более 7,2 млн руб. [3, с. 7], [4, с. 6–7], [5, с. 125–126], [6, с. 108], [7, с. 122], [8, с. 92], [9, с. 98], [10, с. 103], [11, с. 84], [12, с. 79], [13, с. 58], [14, с. 103], [15, с. 109], [16, с. 118], [48, 147, л. 7].

В Минской губернии главными источниками доходов органов государственных имуществ были продажа леса, аренда оброчных казенных статей, штрафы за различные нарушения и продажа имущества.

От продажи леса с 1885 по 1914 г. Минским управлением земледелия и государственных имуществ было получено 38 945 912 руб. 83 коп., что составило 88,54 % от суммы общего дохода губернии. За этот период годовой доход по данной статье вырос со 198,6 тыс. до 3,9 млн руб., т. е. почти в 20 раз.

Сдача в аренду лесных оброчных статей принесла казне 334 311 руб. 2 коп. Ежегодный доход по данной статье с 1885 по 1913 г. увеличился с 3 110 руб. 15 коп. до 23 373 руб. 52 коп., т. е. более чем в 6,5 раза.

Земельные оброчные статьи приносили существенно больший доход и в 1885–1913 гг. он составил 670 996 руб. 96 коп.

Таким образом, общая сумма дохода, полученного за аренду оброчных статей, Минского управления земледелия и государственных имуществ, составила 1 005 307 руб. 98 коп. – 2,29 % от суммы всего дохода органов госимуществ губернии за 1885–1913 гг.

Важной статьей доходов были так называемые «побочные пользования», куда относились сенокос, выпас скота и т. д. В 1885–1913 гг. они принесли казне 2 353 310 руб. 34 коп. За это время доход по данной статье вырос в 2,3 раза – с 47 872 руб. 32 коп. до 158 800 руб. 26 коп. С 1902 по 1913 г. среди источников доходов была статья «случайные поступления», которая принесла казне 70 302 руб. 13 коп.

После учреждения в 1888 г. лесоохранительных комитетов к источникам доходов органов государственных имуществ были добавлены штрафы за нарушения лесного устава. С 1888 по 1913 г. общий доход от штрафов составил 308 233 руб. 58 коп. Ежегодная сумма штрафных платежей за это время выросла с 12 163 руб. 67 коп. до 23 265 руб. 15 коп., или на 90 %.

Штрафы за «нарушения различных уставов и узаконений» взимались в 1912–1913 гг. Их сумма за это время составила 65 руб. 50 коп.

За несвоевременный взнос доходов от лесных операций, оброчных статей и т. д. органы госимуществ взимали штрафы в виде пени. Их общая сумма в 1894–1913 гг. составила 177 385 руб. 8 коп. Около 98,5 % от этой суммы составили штрафы в пользу лесного ведомства.

Помимо пени, с 1900 по 1908 г. Минское управление земледелия и государственных имуществ взимало штраф в виде 12 % от выручки за несвоевременный взнос дохода. За это время его общая сумма составила 918 руб. 16 коп.

Органы государственных имуществ занимались продажей движимого и недвижимого имуществ. В 1889–1913 гг. было продано негодного движимого имущества почти на 10 тыс. руб. Продажа недвижимого имущества в 1904–1913 гг. принесла казне 33 тыс. руб.

В отдельную статью доходов была выделена продажа земельных участков. С 1893 по 1907 г. их было продано на сумму 18 948 руб. 31 коп.

Поиезуитские имения ежегодно приносили существенный доход органам госимуществ. В 1885–1913 гг. он составил 300 725 руб. 62 коп. За это время годовой доход по данной статье снизился с 28 200 руб. 28 коп. до 1 201 руб. 86 коп., т. е. в 23 раза. Доходы от поиезуитского капитала в 1894–1900 и 1908–1909 гг. составили 174 709 руб. 89 коп.

Большинство статей доходов органов госимуществ носили постоянный характер, однако среди них были те, которые существовали лишь определенный период.

Аренда участков, пожалованных императором в 1885–1891 гг., принесла Минскому управлению государственными имуществами 91 416 руб. 49 коп.

В 1891–1900 гг. в качестве платы за работы по осушке болот управление заработало 81 261 руб. 52 коп. В 1909, 1911 и 1913 гг. эта сумма составила 380 000 руб.

В 1894 г. управление получило 393 руб. 91 коп. в качестве неокладных сборов.

Выкупные платежи были источником доходов Минского управления земледелия и государственных имуществ с 1903 по 1906 г., за это время их общая сумма составила 20 497 руб. 88 коп.

Продажа крестьянам земель в соответствии с указом от 27 августа 1906 г. принесла доход в 15 039 руб. 43 коп. в 1913 г.

Общий доход органов государственных имуществ Минской губернии с 1885 по 1914 г. составил 43 987 533 руб. 60 коп. [17, с. 26], [18, с. 26–27], [19, с. 29], [20, с. 34], [21, с. 31], [22, с. 23–24], [23, с. 16], [24, с. 16], [25, с. 19–20], [26, с. 25–26], [27, с. 30-31], [28, с. 26], [29, с. 21–22], [30, с. 29], [31, с. 28], [32, с. 28], [33, с. 28].

Государственные имущества Могилевской губернии почти полностью состояли из лесов, площадь которых в 1896–1910 гг. составляла около 120 тыс. десятин, из которых удобной для ведения хозяйственной деятельности были, в среднем, 108 тыс. Более 99 % от общего количества лесов находилось в казенном владении, оставшаяся часть – в спорном [34, с. 22].

Деятельность Могилевского управления государственными имуществами была направлена на продажу леса местному населению за наличные деньги с уплатой одновременно или же с рассрочкой на льготных условиях, а также в предоставлении оброчных казенных статей в аренду для сельскохозяйственного пользования [38, с. 46].

Продажа леса органами госимуществ Могилевской губернии в 1896–1910 гг. принесла казне 4 822 521 руб. 80 коп., что составило 84,8 % от общей суммы дохода.

Аренда оброчных статей приносила значительную часть доходов казне. Оброчные статьи лесного ведомства включали в себя преимущественно пахотную и сенокосную землю, а также озера для рыбной ловли. Управление государственными имуществами заработало на них 9 709 руб. 43 коп.

Органы госимуществ Могилевской губернии сдавали в аренду земельные статьи, мельницы, сады, огороды, рыбные ловли, усадебные места, лавки, подмельничные места и т. д. Доход от них составил 73 602 руб. 63 коп.

Общая сумма доходов от аренды оброчных статей составила 83 312 руб. 6 коп. – 1,47 % от всех доходов органов госимуществ Могилевской губернии.

Штрафы за нарушения лесного устава взимались ежегодно и принесли казне 66 502 руб. 94 коп. Доход от взысканий за другие правонарушения с 1907 по 1910 г. составил 14 915 руб. 8 коп.

«Побочные пользования», включавшие в себя аренду лесных земель для выпаса скота, под сенокос, постановку ульев, сбор лесных плодов, право на охоту и т. д., позволили заработать 62 349 руб. 68 коп. Доход от случайных пользований в 1903–1906 и 1909–1910 гг. составил 3 432 руб.

Продажа мелких казенных участков в 1903–1910 гг. принесла казне 3 025 руб. 68 коп.

Благодаря продаже устаревшего движимого имущества с 1907 по 1909 г. было заработано 1 446 руб. 8 коп. Продажа недвижимого имущества принесла казне 727 руб. 46 коп.

Возврат расходов, производимых за счет частных мест и лиц, был осуществлен только в 1910 г. и составил 25 000 руб.

Общий доход органов государственных имуществ Могилевской губернии с 1885 по 1914 г. составил около 5 652 991 руб. 84 коп. [34, с. 22], [35, с. 43–44], [36, с. 41], [37, с. 39], [38, с. 46], [39, с. 39], [40, с. 40–41], [41, с. 46], [42, с. 410], [43, с. 41–42], [44, с. 38].

Таким образом, местные органы государственных имуществ Витебской, Минской и Могилевской губерний с 1885 по 1913 г. заработали около 57 млн руб. Мы можем предположить, что реальная сумма полученных за этот период доходов была значительно выше, так как в исследованных нами документах отсутствовали сведения о полученных с государственных имуществ сумм за некоторые годы. Анализ статистических данных, включенных в «Обзоры…» губерний и архивные документы, показывает, что подробный учет доходов, поступавших в бюджет благодаря деятельности органов

государственных имуществ, начал производиться в 1880–1890-е гг. и был завершен в 1907–1914 гг.

В связи с этим назвать точную сумму доходов органов госимуществ за весь период их деятельности затруднительно, однако на основе исследования имеющихся у нас данных мы можем сделать следующие выводы:

- продажа леса составляла от 84 до 94 % доходов органов госимуществ;
- аренда казенных оброчных статей принесла казне от 1,5 до 2,6 % всей суммы доходов органов госимуществ;
- менее важными, но значимыми источниками доходов были «побочные пользования», «случайные поступления», штрафы, пени, продажа движимого и недвижимого имуществ и т. д.;
- органы государственных имуществ оказали положительное влияние на развитие товарно-денежных и рыночных отношений в белорусских губерниях, способствовали реализации столыпинской аграрной реформы и общему социально-экономическому развитию края.

Список использованных источников

1. Витебская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1802–1917) / Т. Е. Леонтьева [и др.]; сост. Т. Е. Леонтьева, Д. Л. Яцкевич; редкол.: А. К. Голубович (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БелНИИДАД, 2009. – 524 с.

2. Минская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1793–1917) / сост. Т. е. Леонтьева. – Минск: БелНИИДАД, 2006. – 392 с.

3. Обзор Витебской губернии… – Витебск: Губерн. тип., 1882–1916. … за 1887 год. – 1888. – 86 с.

4. Обзор Витебской губернии… – Витебск: Губерн. тип., 1882–1916. … за 1888 год. – 1889. – 98 с.

5. Обзор Витебской губернии… – Витебск: Губерн. тип., 1882–1916. … за 1894 год. – 1895. – 131 с.

6. Обзор Витебской губернии… – Витебск: Губерн. тип., 1882–1916. … за 1895 год. – 1896. – 113 с.

7. Обзор Витебской губернии… – Витебск: Губерн. тип., 1882–1916. … за 1896 год. – 1897. – 127 с.

8. Обзор Витебской губернии… – Витебск: Губерн. тип., 1882–1916. … за 1897 год. – 1898. – 96 с.

9. Обзор Витебской губернии… – Витебск: Губерн. тип., 1882–1916. … за 1898 год. – 1899. – 102 с.

10. Обзор Витебской губернии… – Витебск: Губерн. тип., 1882–1916. … за 1899 год. – 1900. – 105 с.

11. Обзор Витебской губернии… – Витебск: Губерн. тип., 1882–1916. … за 1900 год. – 1901. – 87 с.

12. Обзор Витебской губернии… – Витебск: Губерн. тип., 1882–1916. … за 1901 год. – 1902. – 81 с.

13. Обзор Витебской губернии… – Витебск: Губерн. тип., 1882–1916. … за 1903 год. – 1904. – 60 с.

14. Обзор Витебской губернии… – Витебск: Губерн. тип., 1882–1916. … за 1904 год. – 1905. – 103 с.

15. Обзор Витебской губернии… – Витебск: Губерн. тип., 1882–1916. … за 1906 год. – 1907. – 109 с.

16. Обзор Витебской губернии… – Витебск: Губерн. тип., 1882–1916. … за 1907 год. – 1908. – 118 с.
17. Обзор Минской губернии… – Минск: Минск. губерн. стат. комитет, 1882–1914. … за 1887 год. – 1888. – 72 с.
18. Обзор Минской губернии… – Минск: Минск. губерн. стат. комитет, 1882–1914. … за 1890 год. – 1891. – 52 с.
19. Обзор Минской губернии… – Минск: Минск. губерн. стат. комитет, 1882–1914. … за 1891 год. – 1892. – 58 с.
20. Обзор Минской губернии… – Минск: Минск. губерн. стат. комитет, 1882–1914. … за 1894 год. – 1895. – 60 с.
21. Обзор Минской губернии… – Минск: Минск. губерн. стат. комитет, 1882–1914. … за 1895 год. – 1896. – 54 с.
22. Обзор Минской губернии… – Минск: Минск. губерн. стат. комитет, 1882–1914. … за 1896 год. – 1897. – 52 с.
23. Обзор Минской губернии… – Минск: Минск. губерн. стат. комитет, 1882–1914. … за 1899 год. – 1900. – 48 с.
24. Обзор Минской губернии… – Минск: Минск. губерн. стат. комитет, 1882–1914. … за 1900 год. – 1901. – 48 с.
25. Обзор Минской губернии… – Минск: Минск. губерн. стат. комитет, 1882–1914. … за 1901 год. – 1902. – 48 с.
26. Обзор Минской губернии… – Минск: Минск. губерн. стат. комитет, 1882–1914. … за 1902 год. – 1903. – 55 с.
27. Обзор Минской губернии… – Минск: Минск. губерн. стат. комитет, 1882–1914. … за 1903 год. – 1904. – 63 с.
28. Обзор Минской губернии… – Минск: Минск. губерн. стат. комитет, 1882–1914. … за 1905 год. – 1905. – 58 с.
29. Обзор Минской губернии… – Минск: Минск. губерн. стат. комитет, 1882–1914. … за 1906 год. – 1907. – 52 с.
30. Обзор Минской губернии… – Минск: Минск. губерн. стат. комитет, 1882–1914. … за 1908 год. – 1909. – 65 с.
31. Обзор Минской губернии… – Минск: Минск. губерн. стат. комитет, 1882–1914. … за 1910 год. – 1911. – 71 с.
32. Обзор Минской губернии… – Минск: Минск. губерн. стат. комитет, 1882–1914. … за 1912 год. – 1913. – 68 с.
33. Обзор Минской губернии… – Минск: Минск. губерн. стат. комитет, 1882–1914. … за 1913 год. – 1914. – 72 с.
34. Обзор Могилевской губернии… – Могилев: Мог. губерн. стат. комитет, 1879–1915. …за 1896 год. – 1897. – 45 с.
35. Обзор Могилевской губернии… – Могилев: Мог. губерн. стат. комитет, 1879–1915. …за 1900 год. – 1901. – 104 с.
36. Обзор Могилевской губернии… – Могилев: Мог. губерн. стат. комитет, 1879–1915. …за 1901 год. – 1902. –92 с.
37. Обзор Могилевской губернии… – Могилев: Мог. губерн. стат. комитет, 1879–1915. …за 1903 год. – 1904. – 84 с.
38. Обзор Могилевской губернии… – Могилев: Мог. губерн. стат. комитет, 1879–1915. …за 1904 год. – 1905. – 100 с.
39. Обзор Могилевской губернии… – Могилев: Мог. губерн. стат. комитет, 1879–1915. …за 1905 год. – 1906. – 92 с.
40. Обзор Могилевской губернии… – Могилев: Мог. губерн. стат. комитет, 1879–1915. …за 1906 год. – 1907. – 92 с.
41. Обзор Могилевской губернии… – Могилев: Мог. губерн. стат. комитет, 1879–1915. …за 1907 год. – 1908. – 106 с.

42. Обзор Могилевской губернии… – Могилев: Мог. губерн. стат. комитет, 1879–1915. …за 1908 год. – 1909. – 111 с.
43. Обзор Могилевской губернии… – Могилев: Мог. губерн. стат. комитет, 1879–1915. …за 1909 год. – 1910. – 106 с.
44. Обзор Могилевской губернии… – Могилев: Мог. губерн. стат. комитет, 1879–1915. …за 1910 год. – 1911. – 107 с.
45. ПСЗРИ. – 2–е собр. – Т. 13. – Отд. 1. – СПб., 1839. – № 11189. – С. 405–654.
46. ПСЗРИ. – 2–е собр. – Т. 41. – Отд. 2. – СПб., 1868. – № 44024. – С. 469–471.
47. ПСЗРИ. – 3–е собр. – Т. 22. – Отд. 1. – СПб., 1904. – № 21694. – С. 645–647
48. РГИА. Фонд 1284. – Оп. 223. – 1889 г. – Д. 147. С копией со всеподданнейшего отчета о состоянии Витебской губернии за 1888 г. – 112 л.

(Дата подачи: 26.02.2018 г.)

С. В. Кулинок
Белорусский государственный архив
научно-технической документации, Минск
S. V. Kulinok
Belarusian State Archives of Scientific
and Technical Documentation, Minsk

УДК 355.486:356.15(476)«1942/1944»

ВЫЯВЛЕНИЕ И РАЗОБЛАЧЕНИЕ БЕЛОРУССКИМИ ПАРТИЗАНАМИ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ АГЕНТУРЫ НЕМЦЕВ, ПОДГОТОВЛЕННОЙ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИБАЛТИКИ, УКРАИНЫ И РОССИИ В 1942–1944 ГГ.

IDENTIFICATION AND EXPOSE BY BELARUSIAN PARTISAN OF GERMAN INTELLIGENCE NETWORK TRAINED ON TERRITORY THE BALTIC STATES, UKRAINE AND RUSSIA 1942–1944 YEARS

Статья посвящена изучению деятельности белорусских партизан по выявлению и разоблачению немецкой агентуры, прошедшей обучение в разведывательно-диверсионных школах немецких спецслужб на территории Прибалтики, Украины и России. Контрразведывательным органам партизанских соединений приходилось заниматься выявлением агентуры, подготовленной не только на оккупированной территории БССР, но и забрасываемой из соседних регионов. Анализ новых архивных документов указывает на значительные масштабы и результаты этой деятельности.

Ключевые слова: агент; абвер; вербовка; разведывательно-диверсионная школа; шпионаж.

This article is devoted to the study of the activities of the Belarusian partisans to identify and expose the German agents, trained in reconnaissance and sabotage German schools special services on the territory of the the Baltic States, Ukraine and Russia RSFSR. Counter-intelligence agencies partisan formations had to deal with the identification of

agents prepared not only in the occupied territory of the Belarusian BSSR, but also pelted from neighboring regions. Analysis of the new archival documents indicate significant results of this activity.

Key words: agent; Abwehr; recruitment; reconnaissance and commando school; espionage.

В годы Великой Отечественной войны немецкие спецслужбы открыли на оккупированной территории БССР сеть специальных учебных разведывательно-диверсионных центров (школ и курсов), где обучалась агентура, предназначенная как для заброски в тыл Советского союза и части Красной армии, так и для внедрения в партизанские соединения. Представляется актуальным отметить три важных аспекта, которые до сих пор не обозначены ни в отечественной, ни в зарубежной историографии.

Во-первых, это количество шпионских школ и курсов, открытых на территории Беларуси в 1941–1944 гг. Советская, современная белорусская и зарубежная историография оперирует данными в 22 (25) учебных центра (например, [1, с. 57; 2, с. 47; 3, с. 89; 4, с. 222; 5, с. 219–220; 6, с. 170]). Изучение значительного объема новых документальных источников позволяет автору утверждать, что эти цифры уже устарели и неактуальны. В настоящее время можно говорить минимум о 50 школах и курсах, а при обнаружении дополнительной доказательной базы эта цифра может еще возрасти [7, с. 88–89; 8].

Во-вторых, укажем на то, что основным направлением деятельности разведывательно-диверсионных школ и курсов на территории БССР была подготовка агентуры для борьбы с партизанским и подпольным движением, а не для заброски в тыл СССР. Отметим, что в некоторых специализированных исследованиях, в том числе зарубежных, «антипартизанский» вектор работы школ, фактически, игнорируется, а акцент делается на исключительную роль советских органов госбезопасности в вопросе разоблачения вражеской агентуры [9–13]. Это некорректно, особенно в отношении территории Беларуси. Еще в 1943 г. начальник Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) П. Пономаренко в работе «Партизанское движение в Великой Отечественной войне» указывал на появление «особых противопартизанских школ» [14, с. 57], акцентируя внимание именно на этой стороне их деятельности. Безусловно, определенная часть учебных центров, особенно в крупных городах (Минске, Витебске, Гомеле, Борисове и др.), готовила агентуру для заброски на территорию СССР и в части Красной армии, но, по подсчетам автора, это всего 12–15 школ из более чем 50 выявленных, то есть менее 30 %.

В-третьих, в годы войны белорусским партизанам приходилось заниматься выявлением и разоблачением агентуры противника, подготовленной не только в «местных» школах, но и в учебных центрах как на территории других республик Советского Союза (России, Украины, Прибалтики), так и на территории Польши и Германии. Об этой стороне деятельности «народных мстителей» практически ничего не известно.

Уже в конце 1942 г. в одно из партизанских формирований был принят некто Власенко, который с первых дней начал проявлять большой интерес к делам отряда. За ним было установлено наблюдение, и вскоре он был арестован при попытке ухода из отряда. На допросе Власенко показал, что «окончил спецшколу полиции в г. Клинцы и проник в наш отряд с целью разведки». Разоблаченный агент был расстрелян [15, л. 20об.].

Большая работа по подготовке шпионской агентуры велась в разведывательно-диверсионной школе в Смоленске. В разведсводке штаба партизанского движения на Калининском фронте от 18 марта 1943 г. указывалось, что в «Смоленской школе обучаются лица, отобранные в лагерях русских военнопленных из числа бывших командиров РККА по званию от лейтенанта и выше… Летом 1942 года из этой школы было выпущено 32 человека… Некоторые были посланы в партизанские отряды…» [16, л. 37об.]. В июне 1943 г. в докладной записке начальник Особого отдела Первомайской бригады Диаков сообщал, что «в настоящее время очень много прибыло беженцев из Минска и Смоленска, которые специально засланы для шпионской работы в партизанские отряды. Особенно девушки и мужчины под видом нищих» [17, л. 140].

Еще одной крупной разведывательно-диверсионной школой на территории РСФСР, которая готовила агентуру для действий против белорусских партизан, была Спас-Деменская. 27 мая 1943 г. начальник разведывательного отдела Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) полковник Скрынник направил докладную записку на имя Наркома государственной безопасности В. Меркулова, в которой указывал, что «по сведениям, полученным партизанской разведкой, в г. Спас-Деменск работает школа гестапо, подготавливавшая секретных агентов для борьбы с партизанским движением и засылкой на нашу территорию с разведывательными заданиями. Школа комплектуется в основном за счет молодежи, жителей Всходсского, Семлеского и Спас-Деменского районов Смоленской области. Школа рассчитана на 3-месячный срок обучения. За период с ноября 1942 г. по 25.01.1943 г. было выпущено большое количество секретных агентов, часть которых через линию фронта направлены в расположение действующих частей Красной Армии в район Масальск-Сухиничи, остальные в зону партизанских отрядов, в частности на территорию Минской области» [18, л. 1]. Руководителям БШПД также было известно, что в январе 1943 г. из данного учебного заведения было выпущено 60 человек, которые были целенаправленно заброшены с разведывательными заданиями на территорию Минской области [19, л. 18–19].

Укажем на то, что немецкие спецслужбы активно использовали в качестве агентов молодых девушек и женщин [20]. В апреле 1943 г. в разведывательной сводке представительства БШПД на Калининском фронте отмечалось, что 2 апреля отделением гестапо из Пустошки (Гатчинский район) направлено в партизанские отряды 170 человек диверсантов и шпионов, окончивших месячные курсы, преимущественно женщины, с задачей внедриться в отряды, вести разведку и убивать командный состав» [16, л. 50].

В сентябре 1943 г. сообщалось, что «в Опочка в начале августа 1943 года 20 девушек окончили школу шпионажа, которой руководил офицер гестапо Карлхерн, и направлены для собирания данных о дислокации партизанских бригад с целью вступления в отряды» [16, л. 141–142].

Также в архивных документах можно встретить упоминания о разоблачении партизанами БССР немецкой агентуры, подготовленной в школах в Брянске, Гатчине, Орле и Пскове [21, л. 41, 47–48; 22, л. 19; 23, л. 2–7].

Значительное количество немецкой агентуры засылалось на территорию Беларуси (особенно в южные районы), пройдя обучение в школах, расположенных на территории Украины. Особенно это характерно для 1943 г. В «Кратком обзоре по материалам партизанской разведки о положении на оккупированной территории Полесской области БССР» указывалось, что в марте и апреле 1942 г. «в Полесской области на основании Житомирского генерального комиссариата была произведена вербовка в полицию мужчин призывного возраста… Все население для службы в полиции были направлены в Житомирскую школу полиции». После обучения курсанты были сведены в карательные отряды либо направлены по одиночке в партизанские отряды [24, л. 145]. Летом 1943 г. из Житомирской разведывательно-диверсионной школы было выпущено «800 агентов, которые были направлены в Белоруссию и Украину с задачей внедрения в партизанские отряды» [25, л. 123].

Активно засылалась в партизанские соединения БССР немецкие шпионы, подготовленные в спецшколе в Днепропетровске. В «Отчете о работе Особого отдела соединения партизанских отрядов по Минской области за май 1943 г.» отмечалось, что «гестапо… в нашу зону засылает, окончивших школу в Днепропетровске, Варшаве и других отдаленных городах. В последнее время из Днепропетровской школы разоблачено 4 агента» [26, л. 34об.]. Кроме того, в городе на Днепре размещалась 7-месячная школа по подготовке командного состава военно-полицейских формирований, которые потом действовали и на территории Беларуси [27, л. 130].

Укажем на то, что помимо шпионов, прошедших обучение в спецшколах, немецкими спецслужбами активно использовалась агентура, которая вербовалась на «месте» (без обучения). В этом случае проводился краткий инструктаж, бралась подписка о сотрудничестве, определялось задание и сроки его исполнения. В конце августа 1943 г. ЦШПД информировал БШПД о том, что «Черниговское отделение гестапо, коростеньская и новгород-волынская жандармерии выслали подготовленных для проникновения в партизанские отряды 13 агентов с задачей совершения террористических актов против командиров и комиссаров. Агенты снабжены отравляющими веществами… не исключена возможность проникновения вышеуказанных шпионов в подведомственные Вам отряды» [28, л. 3]. А в ноябре этого же года в партизанские соединения поступило сообщение о том, что «из г. Новгород-Волынского направлено в партизанские отряды 46 врачей и фельдшеров для массового отравления партизан…» [29, л. 15].

В феврале 1944 г. в партизанском отряде им. Щорса (Брестская область) был разоблачен немецкий агент Александр Марковский 1926 г.р., который с 15 апреля по конец мая 1942 г. проходил обучение в Киевской школе разведки (на момент обучения ему было всего 15–16 лет. – *С. К.*). В своих показаниях он сообщил, что в этой школе обучалось 2 группы агентов (по 20 человек в каждой). После этого Марковский в течение года выполнил ряд заданий немецкой службы безопасности провокационного и шпионского характера. В ноябре 1943 г. агент прибыл в Дрогичин. Уже в начале февраля 1944 г. он получил задание от руководителя Дрогичинской СД внедриться в партизанский отряд им. Щорса для сбора разведданных, но был выявлен и расстрелян [30, л. 174–177, 186–191].

Еще одним регионом, где активно готовились кадры немецкой разведывательно-диверсионной агентуры, в том числе и для заброски в белорусские леса, была Прибалтика (Латвия. Литва, Эстония), где в годы войны действовало около 20 учебных центров немецких спецслужб. Так как в данном регионе уровень партизанского движения был значительно ниже и слабее, то основным направлением школ и курсов была подготовка кадров для последующей отправке в тыл СССР и части Красной армии.

В июне 1943 г. БШПД отправил на имя наркома государственной безопасности БССР Л. Цанава сообщение, в котором указывалось: «По имеющимся у нас данным в школе гестапо в Вецати (Эстония) обучались следующие агенты: 1) Григорьев Константин. В январе 1942 г. в качестве руководителя группы направлен в Белоруссию для борьбы с партизанским движением. 2) Коковцев (Александровский) Аркадий. Летом 1942 г. вместе с группой разведчиков направлен в район Минска для борьбы с партизанским движением… 7) Михин Вячеслав Андреевич. Был агентом гестапо в лагере военнопленных в г. Барановичи. 8) Карасев, кличка «Ключ», уроженец Дона, казак. Работал по выявлению партизан Беларуси, служил в карательном отряде» [311, л. 151–152].

19 января 1943 г. на территории Дриссенского района Витебской области был разоблачен немецкий агент Рымшевич Юльян Павлович, который на допросе показал, что в октябре 1942 г. он был завербован в качестве слушателя в Двинскую школу гестапо, где обучался с 1 ноября по 15 декабря 1942 г. В январе 1943 г. он был переброшен в зону партизанских соединений с задачей: «Под видом бежавшего от немцев устроиться в одном из партизанских отрядов Дриссенского района, где собрать сведения о численности, вооружении, дислокации отрядов, наличии артиллерии и танков, мест расположения партизанских штабов, фамилии и установочные данные командиров отрядов и т. д. При удобном случае, а также во время боя убивать руководящий состав партизанских отрядов. Кроме того, путем распространения ложных слухов сеять панику среди партизан об окружении и т. п. Все добытые сведения передавать бургомистру Петушко Петру» [32, л. 166–167; 33, л. 273–275].

В конце ноября 1943 г. на имя уполномоченных Особых отделов партизанских отрядов бригады «Штурмовая» пришло сообщение, в котором сообщалось, что «Рижской школой гестапо выпущено 56 человек и направлены в г. Минск, откуда в разное время были заброшены в партизанские отряды Белоруссии». Далее сообщались фамилии трех агентов [34, л. 30].

Наиболее интересна судьба еще одного немецкого агента, разоблаченного в феврале 1944 г., – Троило Михаила. В начале войны он находился в частях Красной армии, воевал на южном направлении, но в сентябре 1941 г. попал в плен и был направлен в лагерь в Ковно (Каунас). На протяжении трех месяцев (с 20 июня по 20 сентября 1942 г.) он обучался в вечерней школе разведки на территории лагеря. Здесь преподавалась география, психология, разведка и контрразведка. Интересно, что разоблаченный показал, что подготовка велась по нескольким специализациям: 1) агент-наблюдатель; 2) агент-переводчик; 3) агент-наводчик; 4) агент-вербовщик; 5) агент-диверсант [35, л. 62–64].

В мае 1943 г. Троило был направлен в лагерь в Уручье под Минском, где работал провокатором. Здесь же получил задание уйти на разведку в партизанские отряды, якобы совершив побег. За время нахождения в отряде с августа 1943 г. по февраль 1944 г. ему удалось передать 5 разведывательных донесений и организовать взрыв штабной землянки [35, л. 65–68].

Подводя итог, укажем, что на протяжении Великой Отечественной войны немецкие спецслужбы проводили на территории Беларуси активную работу по организации специальных разведывательно-диверсионных учебных центров, где готовились квалифицированные кадры агентуры противника. Основным направлением их деятельности была антипартизанская работа. Кроме того, в белорусские леса для разведки и диверсий направлялась многочисленная агентура противника, завербованная и подготовленная на сопредельных с БССР территориях (Россия, Украина, Прибалтика). Основными задачами засылаемых шпионов были: сбор разведывательных данных о партизанских формированиях, совершение террористических актов в отношении руководящего состава, распространений панических слухов, вербовка собственной агентуры внутри партизанских соединений. Установить точное количество «внешних» агентов проблематично. На сегодняшний день можно говорить о том, что за годы оккупации на территорию Беларуси было заслано от 500 до 1000 агентов, подготовленных в учебных центрах вне территории БССР.

Список использованных источников

1. *Коровин, В. В.* Участие органов государственной безопасности в осуществлении функции обороны страны / В. В. Коровин // Советское государство и право. – 1975. – № 5. – С. 53–60.

2. *Киселев, В. К.* Борьба партизан с подрывной деятельностью фашистских спецслужб в Белоруссии / В. К. Киселев // Вопросы истории. – 1984. – № 3. – С. 42–56.

3. *Соловьев, А. К.* Они действовали под разными псевдонимами… / А. К. Соловьев. – Минск: Навука і тэхніка, 1994. – 200 с.

4. *Доморад, К. И.* Разведка и контрразведка в партизанском движении в Белоруссии 1941–1944 гг. / К. И. Доморад. – Минск: Навука і тэхніка, 1995. – 256 с.

5. *Иоффе, Э. Г.* Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии – Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939–1945 гг. / Э. Г. Иоффе. – Минск: Харвест, 2007. – 384 с.

6. *Коровин, В. В.* Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны / В. В. Коровин. – М.: Русь, 2003. – 310 с.

7. *Кулинок, С. В.* Деятельность немецких разведывательно-диверсионных школ и курсов на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны: новые направления и перспективы исследования / С. В. Кулинок // Российские и славянские исследования: сборник научных трудов. Выпуск 11. – Минск: БГУ, 2016. – С. 85–91.

8. *Кулинок, С. В.* Документальные источники Национального архива Республики Беларусь о деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ на территории Беларуси в годы великой отечественной войны / С. В. Кулинок // Вестник архивиста. – 2016. – № 4. – С. 74–86.

9. *Абрамов, В.* Смерш. Советская военная контрразведка против разведки Третьего рейха / В. Абрамов. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. – 576 с.

10. *Вєдєнєєв Д.* Радянські спецслужби в Україні в роки Другої світової війни / Д. Веденеев // Україна в Другій світовій війні: погляд з XXI ст.: Історичні нариси. – К.: Навукова думка, 2011. – Кн. 2. – С. 279–310.

11. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. – М.: Кучково поле, 2013. – 864 с.

12. *Колпакиди, А. И.* Разведка в Великой Отечественной войне / А. И. Колпакиди, А. М. Север. – М.: Эксмо: Яуза, 2010. – 732 с.

13. *Смирнов, Н. И.* Беларусь. Особый фронт… / Н. И. Смирнов. – Минск: Белпринт, 2015. – 312 с.

14. *Пономаренко, П. К.* Партизанское движение в Великой Отечественной войне / П. К. Пономаренко. – М.: ОГИЗ. Госиздат политической литературы, 1943. – 58 с.

15. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1450. Оп. 4. Д. 254.

16. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 1. – Д. 857.

17. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 60.

18. НАРБ. – Фонд 1405. – Оп. 2, – Д. 192.

19. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 53.

20. *Кулинок, С. В.* Агенты в юбках / С. В. Кулинок // Беларуская думка. – 2014. – № 11. – С. 82–90.

21. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 57.

22. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 1. – Д. 854а.

23. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 27.

24. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 2. – Д. 1308.

25. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 1. – Д. 15.

26. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 21. – Д. 2.

27. Государственный архив Минской области. – Фонд 4233. – Оп. 1. – Д. 22.

28. НАРБ. – Фонд 1407. – Оп. 1. – Д. 62.

29. НАРБ. – Фонд 1405. – Оп. 1. – Д. 268.

30. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 21. – Д. 70.

31. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 21. – Д. 1.

32. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 4. – Д. 411.

33. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 33а. – Д. 151.

34. НАРБ. – Фонд 1405. – Оп. 2, – Д. 976.

35. НАРБ. – Фонд 1450. – Оп. 21. – Д. 47.

(Дата подачи: 06.02.2018 г.)

І. І. Лубінскі
Беларускі дзяржаўны медыцынскі ўніверсітэт, Мінск
I. I. Lubinski
Belarusian State Medical University, Minsk

УДК 340.132(091)

ПРАВАВЫ АСПЕКТ ФАРМІРАВАННЯ ДАЧНЫХ ТАВАРЫСТВАЎ У БССР У 1944–1991 ГГ.

THE LEGAL ASPECT OF FORMATION OF DACHA ASSOCIATIONS IN THE BSSR IN 1944–1991

Разглядаецца гісторыя прававога рэгулявання развіцця дачнага руху ў БССР у 1944–1953 гг. Асвятляецца ўплыў на станаўленне дачных таварыстваў як агульнасаюзнага заканадаўства, так і кодэксаў БССР аб зямлі. Многія нормы заканадаўства абмяжоўвалі патрэбы ў развіцці дачных таварыстваў.

Ключавыя словы: дача; дачнае таварыства; дачны рух; дачна-будаўнічы кааператыў; калектыўнае садаводства і агародніцтва; жывёлаводчае таварыства.

The article discusses the history of legal regulation of dacha movement in the Byelorussian SSR in 1944–1953. It highlights the influence on the formation of dacha associations as a union legislation and codes of BSSR on earth. Many of the norms the law have limited needs in the development dacha associations.

Key words: dacha; dacha association; dacha movement; dacha-building society; collective gardening and horticulture; animal husbandry society.

Дача як загарадны аб'ект для адпачынку гараджан у цёплы перыяд года стала неад'емнай часткай жыцця беларускага грамадства. Для многіх беларусаў сярод такіх важных прыярытэтаў штодзённай рэчаіснасці, як «дом», «праца», «сям'я», дача займае часта не апошняе месца. Аднак гэта адносна нядаўняя з'ява. Як уласна і ўрбанізацыя ў Беларусі.

Пра дачы, іх з'яўленне і развіццё ў Беларусі ў гістарычнай літаратуры няшмат напісана. Гэта асобныя абзацы ў некаторых працах ці артыкулы ў энцыклапедыі [5, с. 68]. Больш разглядаліся дачныя таварыствы ў савецкі час у асобных даследаваннях па праву, якія аднак звяртаюць увагу з большага на агульнарасійскія дадзеныя [1; 15]. Таму вывучэнне дачнага пытання ў БССР застаецца белай плямай у нашай гістарыяграфіі.

Прававы аспект развіцця дачнага руху ў БССР можна прасачыць па асноўных законах, што тычыліся землекарыстання – зямельных кодэксах БССР. У Кодэксе 1927 г. няма прамых згадак пра такую магчымасць землекарыстання, як дачныя участкі. А ўжо ў Зямельным кодэксе 1970 г. зафіксаваныя як дачна-будаўнічыя кааператывы, так і калектыўнае садаводства і агародніцтва [2, с. 23; 4, с. 153]. Кодэкс аб зямлі 1990 г. фіксуе як дачныя ўчасткі, так і індывідуальнае і катлектыўнае садаводства, агародніцтва і жывёлагадоўлю [3, с. 35–36].

Аднак дазвол на ўкараненне розных форм дачнай дзейнасці даваўся праз пастановы Савета Міністраў СССР, што можна прасачыць на працягу амаль усяго перыяду. Таму на іх і абапіраецца дадзеная праца.

Дачны рух у нашым грамадстве цесна звязаны з паскарэннем урбанізацыйных працэсаў у БССР пасля заканчэння Вялікай Айчыннай вайны. Для ліквідацыі наступстваў ваенных дзеянняў і адбудовы гарадоў, аднаўлення і развіцця прамысловасці ў БССР прыцягваліся каласальныя матэрыяльныя і людскія рэсурсы. Аднак павелічэнне колькасці гарадскога насеельніцтва не суправаджалася паляпшэннем умоў жыцця гараджан. Асабліва адчуваўся недахоп прадуктаў для шырокіх слаёў гарадскога насельніцтва. І адным з выхадаў з такой складанай сітуацыі стала пашырэнне агародніцтва і садаводства ў БССР сярод гарадскіх жыхароў.

Тэрмін «дача», які ўзнік у Расіі ў XVII ст. і азначаў падараваны зямельны ўчастак, а часам і нейкую рэч, у XVII–XIX стст. набыў значэнне «загарадны дом», які выкарыстоўваўся ў асноўным для летняга адпачынку. І калі ў гэты час ім валодалі ў асноўным дваране ці заможныя гараджане, то з пашырэннем дачнага агародніцтва вакол буйных гарадоў Расійскай імперыі слова «дача» ў людской свядомасці стала азначаць любую загарадную маёмасць, дзе варта не толькі адпачываць, але і працаваць, каб забяспечыць сябе садавінай і гароднінай, а часам і прадукцыяй жывёлагадоўлі.

У Савецкім Саюзе ўлады стараліся рэгламентаваць любыя формы жыццядзейнасці людзей, і дачны рух не стаў выключэннем. Дачнае будаўніцтва рэгламентавалася як пастановамі СНК, а пазней Савета Міністраў (далей – СМ) СССР, так і агульнымі нормамі заканадаўства БССР.

У даваенным СССР дачная маёмасць разглядалася як спосаб узнагароджання за асаблівыя заслугі перад савецкай уладай. Аднак не знік, а нават пашыраўся ў сувязі з недахопам сельскагаспадарчай прадукцыі ў гарадах і агародніцкі промысел шырокіх слаёў гараджан. Савецкая ўлада часам заахвочвала рабочых да такіх заняткаў: 25 снежня 1933 г. была прынята пастанова СНК СССР аб пашырэнні агародніцтва ў асобных рэгіёнах Савецкага Саюза для працы на іх уласнаручна ў свабодны ад вытворчасці час [11]. Індывідуальныя рабочыя агароды разглядаліся як адзін з фактараў паляпшэння матэрыяльных і бытавых умоў рабочых і замацавання іх за прадпрыемствамі [16, с. 4]. Такія агароды можна было атрымаць толькі тым, хто не валодаў іншымі надзеламі зямлі. У далейшым гэта норма заўсёды захоўвалася ў савецкім заканадаўстве і аддзяляла гаспадароў прысядзібных участкаў ад іншых грамадзян. Аднак Савецкая Беларусь у гэтым дакуменце не ўзгадваецца. Даваенная БССР уяўляла сабой сельскагаспадарчую рэспубліку, і таму многія жыхары гарадоў не былі гараджанамі ў вузкім сэнсе гэтага слова, бо валодалі прысядзібнымі ўчасткамі, дзе ў свабодны час забяспечвалі сям'ю прадуктамі харчавання. Ды і суцэльная калектывізацыя павінна была знішчыць любыя формы ўласнасці на зямлю. Тым не менш менавіта гэтыя матывы сталі дамінуючымі ў дачыненні да гараджан ужо ў пасляваенны час.

У пасляваенны час працягвалася раздача зямельных участкаў, у тым ліку і для індывідуальнага дачнага будаўніцтва, найбольш заслужаным перад дзяржавай людзям, дзяржслужачым, генералам і афіцэрам Чырвонай арміі. У 1945 г. у пастанове СМ СССР ад 21 чэрвеня 1945 г. афіцэрам і генералам Чырвонай арміі давалася магчымасць дачнага будаўніцтва, генералы маглі атрымаць больш за гектар зямлі для жыллёвага ці дачнага будаўніцтва, афіцэры – да 75 сотак. Таксама арганізоўвалася дастаўка будматэрыялаў, выдаваліся пазыкі, адмяняліся падаткі на зямлю, а пабудаваныя дамы маглі перайсці ва ўласнасць пасля выплаты пазыкі [12]. Аднак пастанова СМ СССР ад 30 снежня 1960 г. спыняла адвод участкаў пад індывідуальнае дачнае будаўніцтва. Забараняўся гандаль дачнымі ўчасткамі. Хто раней атрымаў участак, то за ім ён заставаўся [10]. Гэтыя меры павінны былі спыніць не ўласцівыя сацыялізму тэндэнцыі пашырэння індывідуальнага землекарыстання.

Сацыялістычнае будаўніцтва прадугледжвала дамінаванне калектыўных формаў уласнасці, і таму дачнае пытанне вырашалася на калектыўнай аснове. Гэта маглі быць як дачныя кааператывы, у якія ў пасляваенны час маглі ўступіць даволі шырокія слаі насельніцтва, так і калектыўнае садаводства і агародніцтва для максімальнай колькасці гараджан. Асноўнай перашкодай для атрымання зямлі ў тым ці іншым таварыстве была наяўнасць прысядзібных участках. Таму дачнікам мог стаць толькі сапраўдны савецкі гараджанін, часам жыхар рабочага ці гарадскога пасёлка.

Два напрамкі развіцця дачнага руху ў пасляваенны час – дачна-будаўнічыя кааператывы і калектыўнае садаводства і агародніцтва – увесь час разглядаліся асобна. Прымаліся асобныя пастановы, былі розныя памеры і дазволы, аднак у масавай свядомасці тэрмін «дача» стаў абагульняць існуючыя з'явы. З разумення дачы як даволі прэстыжнай маёмасці дачныя і садовыя ўчасткі сталі неабходнасцю для большасці гараджан, загарадным жыллём у летні перыяд, фактычна адзінай магчымасцю працаваць для гарадскіх пенсіянераў, месцам працы ў выходныя дні для рабочых і служачых. Таму розныя прававыя рэжымы некаторыя стараліся абыходзіць, будуючы на агародных участках домікі, на садовых участках забароненыя законам гажы, бані ці разбудоўваючы да незаконных памераў садовыя домікі, незаконна пашыраючы ўчасткі [13].

Асаблівая ўвага на калектыўнае дачнае будаўніцтва звяртаецца ў пастанове СМ СССР ад 20 сакавіка 1958 г., дзе даволі падрабязна рэгламентавалася стварэнне і дзейнасць дачна-будаўнічых кааператываў (далей – ДБК). Дадзеным актам прадугледжвалася, што ДБК арганізуюцца па хадайніцтвах прадпрыемстваў, устаноў і арганізацый і рэгіструюцца выканкамамі мясцовых Саветаў. Усе зямельныя ўчасткі пад будаўніцтва дач выдаваліся грамадзянам пасля выплаты пая на аснове членства ў ДБК. Пры гэтым членам кааператыва забаранялася перадаваць дачу іншым асобам [6]. Такім чынам меркавалася спыніць любыя спекуляцыі дачнымі ўчасткамі.

Усе ДБК ствараліся па вытворчай прыкмеце і кантраляваліся тымі мясцовымі Саветамі, да якіх належыла прадпрыемства. Зямля пад будаўніцтва адводзілася на тэрыторыях звычайна іншых сельскіх Саветаў і фактычна выводзілася з-пад іх юрысдыкцыі. Такім чынам, горад «пранікаў» у вёску.

Да 1958 г. ствараліся ДБК і праз адкрытае індывідуальнае членства, аднак у далейшым яны знікаюць і саступаюць месца «вытворчым» кааператывам. Зразумела, што так зручней кантраляваць дзейнасць ДБК, яе асобных удзельнікаў. Па заўвагах даследчыкаў, такім чынам работнікі прадпрыемстваў не адрываліся ад працоўнага калектыву [14, с. 61]. Як правіла, дачы будаваліся па тыпавых праектах, аднак пайшчыкі маглі ва ўстаноўленым парадку зацвердзіць і індывідуальныя праекты дачных дамоў.

Гэты парадак дзейнічаў да знікнення БССР і стаў своеасаблівым палепшаным варыянтам дачы. Большасць гараджан не магла сабе дазволіць такія сур'ёзныя грашовыя ўкладанні, ды і не для ўсіх удзел у ДБК быў магчымы.

Для шырокіх слаёў насельніцтва савецкія ўлады прапаноўвалі калектыўнае агародніцтва і садаводства. Адным з першых нарматыўных актаў, што рэгламентавалі такую форму землекарыстання, стала пастанова СМ СССР ад 24 лютага 1949 г. Часцей за ўсё для агародніцтва і садаводства адводзіліся гарадскія землі, землі ляснога фонду, землі адводу аўтадарог і чыгункі. Гэта рабілася для зручнасці садаводаў і агароднікаў, каб тыя змаглі хутчэй дабрацца да сваіх надзелаў.

Зноў, як і з дачнымі кааператывамі, працаваў «вытворчы» спосаб, а ўжо прадпрыемствы, установы, арганізацыі і воінскія часткі заключалі дамовы з мясцовымі распарадчымі органамі на карыстанне зямлёй.

Цікавай нормай выглядае загад прадпрыемствам арганізаваць выпуск прыладаў для ручной працы – рыдлёвак, грабляў, матыг і г. д. [7]. У той час, калі будаваўся трактарны завод у Мінску, адбывалася вяртанне да матыжнага земляробства, што сведчыць пра супярэчнасці і непаслядоўнасць палітыкі савецкіх улад у дачыненні да сельскагаспадарчай вытворчасці. Пры гэтым самі ўдзельнікі таварыства павінны былі распрацаваць участак, высекчы дрэвы і кусты.

Калектыўнае агародніцтва ў першыя пасляваенныя гады стала адной з нешматлікіх магчымасцяў выжыць для гарадскога насельніцтва. Колькасць тых, хто карыстаўся такой магчымасцю, вырасла за першае пасляваеннае пяцігоддзе з 202 346 чалавек у 1945 г. да 366 925 у 1950 г., а плошча пасеваў – з 23 125 да 53 985 га [5, с. 61]. У наступныя гады агародніцтва скарачалася і саступала месца садаводству.

У Зямельным кодэксе БССР 1970 г. таксама фіксуецца наяўнасць калектыўнага агародніцтва і садаводства [2, с. 23]. З улікам папраўак на 1978 г. можна заўважыць істотную розніцу паміж агародніцтвам і садаводствам. Для агародніцкіх кааператываў выдзяляліся землі сельскагаспадарчага прызначэння, а для садаводства такія землі можна было атрымаць у парадку включэння, бо асноўнай крыніцай лічыліся землі дзяржзапаса,

а таксама лясны фонд. Садаводскае таварыства выгадна адрознівалася ад агародніцкага магчымасцю пабудовы садовага доміка. Таму пасля 1949 г. пачалося, а пасля пастановы СМ СССР ад 14 верасня 1977 г. [8] пашырылася будаўніцтва на выдзеленых участках домікаў. Гэта таксама фіксуецца ў змяненнях да Зямельнага кодэксу. У пералік дазволеных відаў дзейнасці таксама трапіла сядзібная жывёлагадоўля (птушка і трусы), а таксама пчалярства [5, с. 91–92].

Далейшае рэгламентаванне калектыўнага агародніцтва і садаводства назіраецца ў пастановах СМ СССР ад 26 снежня 1984 г. і ад 15 мая 1986 г. У гэтых дакументах выказваецца занепакоенасць парушэннем дачнага заканадаўства, напрыклад, парушэнні пры адводзе зямлі, самавольны захоп участкаў, замест садовых домікаў часам будуюцца асабнякі. Таксама гэта пастанова яшчэ раз удакладняла памеры садовых участкаў – ад 0,04 да 0,06 га, памеры агародніцкіх участкаў аддаваліся на зацвярджэнне ў саюзныя рэспублікі. Цікавай выглядае заўвага пра цэнтралізаваныя закупкі лішкаў прадукцыі непасрэдна на месцы, бо памеры ўчасткаў і зацвяджаліся для таго, каб лішняй прадукцыі не было, каб участак мог пракарміць сям'ю з 4 чалавек [9].

Пастанова СМ СССР ад 15 мая 1986 г. удакладняла ўмовы забеспячэння будаўніцтва садовых домікаў, а таксама дадавала магчымасць дабраахвотнай бяплатнай перадачы лішкаў сельгаспрадукцыі ад садаводаў для дамоўінтэрнатаў, дзіцячых дамоў і садкоў [13]. Падобная норма дзейнічала для калгасаў і саўгасаў, аднак там працавалі трактары і камбайны, а на садовых участках часцей за ўсё выкарыстоўвалася ручная праца.

Да перабудовы савецкія ўлады як маглі стрымлівалі маёмасныя настроі грамадзян. Аднак і садовыя домікі, і ўласна дачы сталі настолькі звычайнай з'явай, што ўспрымаліся многімі як нармальнае жыллё. Ды і ўчасткі, засвоеныя да гэтага часу, часта станавіліся, у разуменні савецкага чалавека, асабістым кавалкам свабоды ад савецкай рэчаіснасці. Палітыка перабудовы і ў далейшым развал Савецкага Саюза сталі лагічным штуршком да пашырэння такой формы валодання маёмасцю, як дачы. Ды і эканамічныя цяжкасці пачатку 1990 г. вымусілі людзей больш разлічваць на свае сілы, чым на слабую дзяржаву. Гэтая тэндэнцыя стала відавочнай і для ўлады, што бачна з апошняга савецкага Кодэксу БССР аб зямлі 1990 г. Згодна з дакументам, павялічваецца памер участка для садаводства і агародніцтва да 0,1 га, што становіцца роўным дачнаму ўчастку. З'яўляецца магчымасць атрымаць і большы ўчастак. Таксама дадаткова вылучаецца жывёлагадоўчае таварыства. На кожны ўчастак стала магчымым атрымаць Дзяржаўны акт на пажыццёвае карыстанне [3]. Можна меркаваць, што згаданыя ўмовы пры захаванні СССР маглі б знайсці сваё месца ў абноўленай савецкай сістэме. Аднак развал Савецкага Саюза значна пашырыў магчымасці для развіцця дачнага руху, які ахапіў многіх з тых, хто пры савецкай уладзе не хацеў ці не меў магчымасці займацца дачнымі справамі.

Дачны рух у БССР у пасляваенны перыяд складваўся часам непаслядоўна і з сур'ёзнымі абмежаваннямі. Ён мала чым адрозніваўся ад агульнасавецкага. Аднак для беларусаў гэта была адносна новая форма землекарыстання. Гэта заўважаецца і ў заканадаўстве.

Пастановы Савета Міністраў СССР, зямельныя кодэксы БССР сталі асноўнай прававой базай для пашырэння ў Беларусі такой з'явы як дача. Менавіта ў гэты час дачы сталі неад'емнай часткай жыцця беларускага грамадства. Заканадаўчыя нормы не столькі давалі штуршок дадзенаму працэсу, а часта як бы абмяжоўвалі яго, стараючыся стрымаць прыватніцкія імпэты насельніцтва. Наяўнасць дачы сведчыла аб стабільнасці сям'і яшчэ з першых пасляваенных гадоў, калі калектыўныя агароды дазвалялі гараджанам выжыць.

У далейшым заўважным становіцца матыў выкарыстання дачных участкаў для развіцця сямейнай гаспадаркі, будаўніцтва дадатковага жылля і іншых патрэбных пабудоў. Дача дазваляла чалавеку расслабіцца ад сацыялістычнага будаўніцтва, станавілася пэўным аплотам свабоды. Гэта заўважна і ў заканадаўстве, дзе выказваецца асцярога паглынання савецкага чалавека праз дробнаўласніцкія пажаданні, небяспека для сацыялістычнага развіцця грамадства. Тым не менш, станаўленне дачных участкаў, пашырэнне такой формы землекарыстання кажа пра тое, што гэтыя працэсы цяжка было стрымаць з дапамогай заканадаўства. А са зменамі ў дзяржаве адбылася і паступовая адмова ад абмежаванняў для дачнай дзейнасці.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Чикильдина, А. Ю.* Гражданско-правовой режим дачных, садовых и огородных земельных участков: автореф. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / А. Ю. Чикильдина. – Волгоград, 2010. – 28 с.
2. Зямельны кодэкс Беларускай ССР. – Мінск: Беларусь, 1971. – 144 с.
3. Кодэкс Беларускай ССР аб зямлі=Кодекс Белорусской ССР о земле: прыняты на трэцяй сес. Вярхоўнага Савета БССР дванаццатага склікання 11снеж. 1990 г. (са змян. і дап. ад 15 лют. 1991 г.). – Мінск: Беларусь, 1991. – 127 с.
4. Комментарий к Земельному кодексу Белорусской ССР. – Минск: Беларусь, 1978. – 223 с.
5. *Михайлов, А. М.* Профсоюзы Белоруссии в борьбе за выполнение четвертой пятилетки в области промышленности / А. М. Михайлов. – Минск: Изд-во М-ва высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1961. – 129 с.
6. О жилищно-строительной и дачно-строительной кооперации [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров СССР, 20 марта 1958 г., № 320 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5265.htm. – Дата доступа: 09.02.2018.
7. О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров СССР, 24 февраля 1949 г., № 807 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. – Режим доступа: http://libussr.ru/doc_ussr/usr_4736.htm. – Дата доступа: 09.02.2018.
8. О личных подсобных хозяйствах колхозников,рабочих, служащих и других граждан и коллективном садоводстве и огородничестве [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров СССР, 14 сентября 1977 г., № 843 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. – Режим доступа: http://libussr.ru/doc_ussr/usr_9425.htm. – Дата доступа: 09.02.2018.

9. О мерах по дальнейшему развитию коллективного садоводства и огородничества [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров СССР, 15 мая 1986 г., № 562 // Сейчас.ру. – Режим доступа: https://www.lawmix.ru/docs_cccp/1775. – Дата доступа: 09.02.2018.

10. Об индивидуальном строительстве дач [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров СССР, 30 декабря 1960 г., № 1346 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. – Режим доступа: http://libussr.ru/doc_ussr/usr_5639.htm. – Дата доступа: 09.02.2018.

11. О развертывании индивидуального рабочего огородничества [Электронный ресурс]: постановление Совета народных комиссаров СССР, 25 декабря 1933 г., № 2758 // Исторические материалы. – Режим доступа: http://istmat.info/node/39198. – Дата доступа: 09.02.2018.

12. Об улучшении жилищных условий генералов и офицеров Красной Армии [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров СССР, 21 июня 1945 г., № 1466 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_ 4544.htm. – Дата доступа: 09.02.2018.

13. Об упорядочении организации коллективного садоводства и огородничества [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров СССР, 29 декабря 1984 г., № 1286 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. – Режим доступа: http://libussr.ru/doc_ussr/usr_12465.htm. – Дата доступа: 09.02.2018.

14. Подсобное хозяйство предприятия. Садоводческое товарищество: сб. ст. / сост. А. С. Давыдов, Г. И. Тарасов. – М.: Профиздат, 1987. – 125 с.

15. *Бутовецкий, А. И.* Правовое положение садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединений граждан: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / А. И. Бутовецкий. – Москва, 2010. – 31 с.

16. *Советин, Н. И.* Индивидуальное рабочее огородничество и задачи, стоящие перед ним в 1936 году / Н. И. Советин. – 1936 г. – 20 с.

(Дата падачы: 28.02.2018 г.)

В. Э. Лук'янчук
Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, Мінск
V. Lukyanchuk
National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 94(476)

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ РАМЕСНАЙ І ДРОБНАТАВАРНАЙ ВЫТВОРЧАСЦІ БЕЛАРУСІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX СТ.

HISTORIOGRAPHY OF CRAFT AND SMALL-SCALE PRODUCTION OF BELARUS IN THE SECOND PART OF XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Падаецца аналіз стану распрацаванасці і вызначаны перспектывы вывучэння гісторыкамі рамеснай і дробнатаварнай вытворчасці Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. Адзначаецца адлюстраванне даследчыкамі зменаў у характары рамеснай і дробнатаварнай вытворчасці ў другой палове XIX – пачатку XX ст.: далейшы рост рамеснай вытворчасці стрымліваў развіццё буржуазных адносін у Беларусі, а працэс пе-

рарастання рамесных прадпрыемстваў у дробнакапіталістычныя станоўча ўплываў на развіццё капіталізму ў прамысловасці Беларусі.

Ключавыя словы: рамесная і дробнатаварная вытворчасць; капіталізм; генезіс; буржуазныя адносіны

The presented analysis of the exploration degree and the defined prospects for historical studies of the issue concern craft and small-scale production in Belarus in the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries. An outline of the changes in the nature of craftsmanship and small-scale production reflected by the researches is defined in the following aspects: the further growth of craft production hampered the development of bourgeois relations in Belarus, whereas the process of transformation and development of craft enterprises into small private factories influenced positively the development of capitalism in Belarusian industry.

Key words: craft and small-scale production; capitalism; the genesis; bourgeois relations

Да сённяшняга часу развіццё рамеснай і дробнатаварнай вытворчасці ў Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. не стала аб'ектам для напісання комплекснай самастойнай работы. Праблеме былі прысвечаны асобныя главы, раздзелы даследаванняў З. Е. Абезгауза, Д. А. Дудкова, М. Ф. Болбаса, А. М. Лютага, А. Э. Лютай, Л. Э. Пракаповіч. Цікавасць даследчыкаў у асноўным выклікаў характар рамеснай вытворчасці ў другой палове XIX ст., колькасныя паказчыкі асяроддзя рамеснікаў, тэмпы росту, сума вытворчасці і г. д.

У Энцыклапедыі гісторыі Беларусі рамяству даецца наступнае азначэнне: «Вытворчасць, заснаваная на індывідуальнай ручной працы з выкарыстаннем механічных прылад і інструментаў» [1, с. 95]. Майстэрні рамеснікаў былі невялікімі: на іх працавалі самі майстры, а таксама ў некаторых выпадках 2–3 наёмныя рабочыя. У сваім развіцці рамяство прайшло тры гістарычныя стадыі: хатняе рамяство, рамяство на заказ і рамяство на рынак, ці дробная таварная вытворчасць. Апошняя ва ўмовах развіцця грашовых адносін паступова перарастае ў дробнакапіталістычныя прадпрыемствы, на якіх працавала ад 5 да 15 рабочых без выкарыстання паравога рухавіка, вадзяныя і ветраныя млыны, пільні і алейні (да 10 рабочых), вінакурні і піваварні з вытворчасцю да 25 тысяч вёдзер, іншыя прадпрыемствы, на якіх вырабляласа прадукцыі менш чым на 1 тысячу рублёў у год [2, с. 96].

Для гістарыяграфіі 60–90-х гг. XIX ст. было характэрна імкненне перабольшваць тэмпы развіцця капіталізму ў прамысловасці. Даследаванні П. О. Баброўскага, А. С. Дэмбавецкага прысвечаны асобным рэгіёнам Беларусі, багатыя на фактычны матэрыял, але носяць больш апісальны характар [3; 4].

У марксісцкай гістарыяграфіі галоўная роля ў сацыяльна-эканамічных працэсах адводзілася гандлёваму капіталу. К. Маркс і Ф. Энгельс звязвалі пачатак капіталістычных адносін у Расіі з рэформай 1861 г., аднак не адмаўлялі, што парасткі капіталізму з'явіліся раней, яшчэ ў эпоху феадалізму. Перадумовай для «пераўтварэння цэхавога і сельскага хатняга рамяства і феадальнага землеўладання ў капіталістычную вытворчасць» даследчыкі называлі гандаль [5, с. 370]. Менавіта гандаль, на іх думку, спрыяў развіццю прадукта ў тавар, для якога ствараў рынак, забяспечваў новай сыравінай і дадатковым абсталяваннем.

Умовай для развіцця капіталістычнага спосабу вытворчасці, паводле К. Маркса, з'яўляецца наяўнасць капіталу ў купцоў («для канцэнтрацыі грашовай маёмасці, а таксама таму, што капіталістычны спосаб вытворчасці прадугледжвае вытворчасць для гандлю, збыту ў буйных памерах і не асобным спажыўцам…») [5, с. 359]. Так, даследчык указвае на адну з прычын павольнага тэмпу развіцця буржуазных адносін у прамысловасці Беларусі – адсутнасць значных капіталаў у купецтва. Гэты фактар захоўваў умовы для далейшага развіцця рамяства ў другой палове XIX ст.

У манаграфічным даследаванні «Развіццё капіталізму ў Расіі» У. І. Ленін з марксісцкіх пазіцый даў характарыстыку трох асноўных стадый развіцця капіталізму ў рускай прамысловасці: простай капіталістычнай кааперацыі, капіталістычнай мануфактуры і фабрыкі. У. І. Ленін называе рамяство «першай формай прамысловасці, якая адрываецца ад патрыярхальнага земляробства, гэта значыць з'яўляецца вытворчасцю вырабаў па заказу спажыўца» [6, с. 329]. Аднак у гэтай форме прамысловасці яшчэ няма таварнай вытворчасці. Рамеснік пераўтвараецца ў таваравытворцу пры ўмове сутыкнення з рынкам, а «далейшае развіццё таварнай гаспадаркі выяўляецца ў пашырэнні гандлю, з'яўленні спецыялістаў-скупшчыкаў; рынкам для збыту вырабаў становіцца не дробны сельскі базар ці кірмаш, а цэлая вобласць, затым уся краіна, а часам нават і іншыя краіны» [6, с. 331–332].

Разгляд гісторыі прамысловасці ён пачынае з простай таварнай вытворчасці. На падставе аналізу вытворчасці Маскоўскай губерніі У. І. Ленін робіць вывады аб тэндэнцыях развіцця дробнатаварнай вытворчасці, якія сведчаць аб развіцці капіталістычных адносін:

- павелічэнне колькасці наёмных рабочых;
- узбуйненне прадпрыемстваў;
- павелічэнне сумы вытворчасці;
- утварэнне капіталістычных майстэрняў [6, с. 346].

«Распаўсюджванне дробных прадпрыемстваў… пашырае таварную гаспадарку, падрыхтоўвае глебу капіталізму (тым самым стварае дробных гаспадарчыкаў і наёмных рабочых), а паглынанне дробных прадпрыемстваў мануфактурай і фабрыкай ёсць утылізацыя буйным капіталам гэтай падрыхтаванай глебай» [6, с. 344–345].

Беларускія гісторыкі 20–30-х гг. XX ст. больш увагі надавалі аграрнай гісторыі. М. В. Доўнар-Запольскі ў працы «Народное хозяйство Белоруссии 1861–1914 гг.» адзначае, што 1860–1880-я гг. былі часам, калі адчуваўся значны ўплыў перажыткаў прыгонніцкай эпохі; пераход ад феадалізму да капіталізму адносіў толькі да сяр. 1890-х гг. [7, с. 233]. Рамяство і дробнатаварную вытворчасць гісторык аб'ектыўна называў пануючай формай прамысловасці ў другой палове XIX ст. Працэс капіталізацыі рамяства аўтар звязваў з «замяшчэннем работы на заказ работай на магазіны», якія ахоплівалі не толькі мясцовыя, але і, дзякуючы развіццю шляхоў зносін, больш далёкія рынкі [7, с. 163]. Звяртаючыся да канцэпцыі гандлёвага

капіталізму, аўтар апісвае паступовы працэс страты самастойнасці рамяства і рамеснікаў, якія пападаюць у залежнаць ад больш буйных прамыслоўцаў.

Д. А. Дудкоў у працы «Аб развіцці капіталізму ў Беларусі ў другой палове XIX і пачатку XX стст.» робіць спробу не толькі вызначыць умовы развіцця прамысловасці на беларускіх землях у другой палове XIX ст. (існаванне прыгонніцкіх пережыткаў, «нацыянальна-каланіяльная палітыка самадзяржаўя», выкарыстанне тэрыторыі Беларусі як рынку збыту расійскіх прамысловых тавараў і інш.), але і асаблівасці развіцця прамысловасці беларускіх земляў у складзе Расійскай імперыі. Да апошніх аўтар адносіць аграрны характар гаспадарання, нізкі ўзровень развіцця прамысловасці ў гарадах, пераважнае развіццё лёгкай прамысловасці, амаль адсутнасць саматужных сялянскіх промыслаў. Даследчык правільна дае ацэнку палітыцы царызму на беларускіх землях, падкрэсліваючы, што яна абмяжоўвала развіццё мясцовай прамысловай і сельскагаспадарчай буржуазіі, садзейнічала захаванню памешчыцкага землеўладання для абароны інтарэсаў памешчыкаў і буржуазіі цэнтральных раёнаў Расіі, тым самым «перашкаджала развіццю капіталізму ў Беларусі, затрымлівала распад прыгонніцкіх пережыткаў» [8, с. 92–94].

Памылкова адносіць Д. А. Дудкоў марксісцкі падыход аб паступовай страце «самастойнасці рамяства» і перарастанні спачатку ў капіталістычную мануфактуру, а затым фабрычна-заводскую вытворчасць да тэрыторыі Беларусі [8, с. 97]. Сучаснымі даследчыкамі А. М. Лютым, А. Э. Лютай на падставе архіўных матэрыялаў даказана, што на Беларусі прадпрыемствы названых тыпаў узнікалі паралельна з рамесніцкімі і ўтвараліся купцамі, якія мелі неабходны для гэтага капітал [9, с. 143].

Асобную ўвагу аўтар надае становішчу яўрэйскай буржуазіі. Д. А. Дудкоў пералічвае абмежаванні ў дзейнасці яўрэяў: забарона валодаць броварамі, арандаваць іх, прадаваць гарэлку (да 1863 г.); яўрэі-лесапрамыслоўцы былі пазбаўлены права карыстацца рускімі гаванямі і дадаткова плацілі грошы рабочым за выцягванне лесу на бераг; ім было забаронена будаваць лесапільныя прадпрыемствы па-за мяжой гарадоў і мястэчак; не мелі права яўрэі займацца гандлем у такіх партах, як Лібава, Рэвель, Віндава, Пецярбург і інш. [8, с. 93]. Неабходна пагадзіцца з Д. А. Дудковым, што ўсе гэтыя абмежаванні не толькі стрымлівалі развіццё гандлю, але і не дазвалялі яўрэйскай буржуазіі прымаць належны ўдзел у прамысловым развіцці краю, а значыць, і стрымлівалі працэс фарміравання класаў індустрыяльнага грамадства.

У другой палове XX ст. увага беларускіх гісторыкаў зноў вяртаецца да праблем гісторыі прамысловасці. У працы «Развитие промышленности и формирование пролетариата Белоруссии во второй половине XIX века» З. Е. Абезгауз адзначае станоўчыя тэндэнцыі ў павелічэнні колькасці рамеснікаў у другой палове XIX ст., прычыны чаго бачыць у павелічэнні насельніцтва гарадоў і мястэчак, што выклікала дадатковы попыт на рамесніцкія вырабы [10, с. 21]. Звяртае ўвагу на тэндэнцыю павелічэння колькасці рамеснікаў у мястэчках Беларусі ў параўнанні з гарадамі (у 1898 г.

66,3 % рамеснікаў працавалі ў мястэчках) [10, с. 22]. Слушнай з'яўляецца заўвага гісторыка, што рамяство ў другой палове XIX ст. адаптуецца да ўмоў суіснавання побач з фабрычна-заводскай прамысловасцю, у шматлікіх выпадках пачынае выпускаць тавары, якія ў якасці дадатковых запатрабаваны буйной прамысловасцю.

Аўтар спрабуе паказаць дынаміку росту колькасці рамеснікаў, сумы рамеснай вытворчасці Беларусі ў вызначаны перыяд. Аднак дадзеныя па асобных губернях, уездах і гарадах часам выкарыстоўваюцца аўтарам для падліку агульных паказчыкаў развіцця рамеснай і дробнатаварнай вытворчасці, а таму не могуць лічыцца аб'ектыўнымі і патрабуюць удакладнення.

Велізарная работа з колькасным матэрыялам была праведзена М. Ф. Болбасам пры падрыхтоўцы манаграфій «Развіццё прамысловасці ў Беларусі (1795–1861 гг.)» і «Прамысловасць Беларусі (1860–1900)». Як эканаміст даследчык дасканала працуе з лічбамі, зводзіць звесткі па паветах, губернях, галінах вытворчасці, групіруе іх па гадах у табліцы, імкнецца паказаць даныя ў дынаміцы. Аднак, жадаючы ахапіць адразу шырокі спектр пытанняў, не робячы спасылкі на крыніцы інфармацыі, часам робіць супрацьлеглыя вывады. Так, калі ў першай манаграфіі М. Ф. Болбас дакладна сцвярджае, што «прамысловасць Беларусі ў 1860 г. не дасягнула агульнарасійскага ўзроўню», то ў другой манаграфіі павялічвае дадзеныя па колькасці рабочых у 4,5 раза, а па суме вытворчасці – у 2,2 раза [11, с. 204; 12, с. 93]. Даследчыкамі А. М. Лютым, А. Э. Лютай на падставе архіўных дадзеных даказана, што сапраўды беларускія губерні ў 1861 г. па колькасці рабочых былі: Гродзенская – на 30-ым месцы, Магілёўская – на 33-ым, Віленская – на 40-ым, Мінская – на 44-ым, Віцебская – на 48-ым месцы з 66 губерній. Па суме вытворчасці адпаведна на 28-ым, 40-ым, 45-ым, 48-ым, 49-ым месцах [13, с.74].

Звяртае на сябе ўвагу, што М. Ф. Болбас першым з беларускіх гісторыкаў вызначае адну з прычын працяглага перыяду перавагі дробных прадпрыемстваў над буйнымі ў прамысловасці Беларусі, што адмоўна ўплывала на фарміраванне індустрыяльнага грамадства – «слабое першапачатковае накапленне капіталу мясцовай, пераважна яўрэйскай, буржуазіяй» [12, с.132].

Пры фармуляванні вывадаў М. Ф. Болбас часта звяртаецца да высноў У. І. Леніна аб развіцці капіталізму ў другой палове XIX ст., пераносячы тым самым агульнарасійскія тэндэнцыі на беларускі рэгіён. Як і Д. А. Дудкоў, М. Ф. Болбас памылкова сцвярджае, што рэформа 1861 г. паскорыла пераход «ад адыходных і хатніх промыслаў да рамяства, дробных капіталістычных прадпрыемстваў, а ад іх – да мануфактуры» [12, с. 41]. Пры характарыстыцы нацыянальнага складу рамеснікаў М. Ф. Болбас робіць спасылку на дадзеныя Д. А. Дудкова, якія сам жа называе завышанымі [12, с. 57]. Так, без увагі даследчыка засталіся такія пытанні, як сацыяльны і нацыянальны склад рамеснікаў і дробнатаварных вытворцаў, фарміраванне ўнутранага рынку пад уплывам дробнатаварнай вытворчасці, сувязь з сельскай гаспадаркай і інш.

З пачатку 90-х гг. XX ст. пад кіраўніцтвам доктара гістарычных навук, прафесара А. М. Лютага аформілася Навукова-педагагічная школа вывучэння праблем капіталізму і ўрбанізацыі, фарміравання беларускай нацыі, якая працягвае сваю дзейнасць і сёння. Калектывам аўтараў (А. М. Люты, А. Э. Лютая, Л. Э. Пракаповіч, А. П. Жытко, П. А. Тупік, А. А. Башмакоў, К. А. Бруханчык) была выдадзена абагульняючая праца «Гісторыя Беларусі перыяду капіталізму», у якой асобная частка прысвечана «Прамысловасці. Гандлю. Крэдыту» [14].

Так, удзельнік школы А. Э. Лютая падкрэслівае, што калі да сяр. XIX ст. «рамяство было пераважна элементам феадальнага спосабу вытворчасці», то ў другой палове XIX ст. пачынаецца эвалюцыя дробнай таварнай вытворчасці ў капіталістычную [15, с. 22]. Даследчык заўважае, што «першыя капіталістычныя прадпрыемствы… як быццам знікалі ў агульнай ваге дробных рамесных майстэрняў», і акрэслівае задачу для даследчыкаў генезісу капіталізму: вылучыць першыя парасткі капіталізму, параўнаць розныя прадпрыемствы па меры іх набліжэння да капіталістычных» [13, с. 69].

У манаграфіі «Сацыяльна-эканамічнае развіццё Беларусі ў другой палове XVIII – першай палове XIX стагоддзя» А. М. Люты звяртае ўвагу на слабасць буржуазіі як класса на Беларусі, што асаблівасцю фарміравання буржуазіі на беларускіх землях з'яўляецца колькасная перавага «як гарадской, так і сельскай буржуазіі, звязанай з дробнай рамеснай вытворчасцю і рознічным гандлем», і што гэтая сацыяльная група павялічваецца і ў другой палове XIX ст. [16, с. 69].

Аналізуючы развіццё фабрычна-заводскай прамысловасці Беларусі ў XIX ст., Л. Э. Пракаповіч адзначае, што вынікам далейшага росту рамеснай вытворчасці, сумы вытворчасці і колькасці рамеснікаў у другой палове XIX ст. былі «нізкія тэмпы развіцця буржуазных адносін» [17, с. 4]. Аўтар устанаўлівае сувязь паміж спецыялізацыяй рамеснікаў з яе уплывам на фабрычна-заводскую вытворчасць: наяўнасць у горадзе, мястэчку ці сельскай мясцовасці рамеснікаў нейкай спецыяльнасці была адной з прычын стварэння там буйной прамысловасці той жа галіны [17, с. 60].

Л. М. Сямёнава прысвяціла працу развіццю рамяства ў г. Мінску ў другой палове XIX ст. Характарызуючы прамысловае развіццё гарадской вытворчасці ўсёй Беларусі, аўтар робіць выснову, што «рост колькасці рамеснікаў у XIX ст. – гэта сведчанне недастатковага развіцця фабрычна-заводскай прамысловасці» [18, с. 40]. Разам з тым, аўтар вызначае і станоўчыя рысы развіцця прамысловасці Беларусі ў парэформенны перыяд: «распаўсюджванне купецкага, мяшчанскага, сялянскага прадпрымальніцтва з выкарыстаннем наёмнай працы», рост колькасці дробных капіталістычных прадпрыемстваў, удасканаленне прыладаў працы, далейшая спецыялізацыя, пашырэнне ўнутранага і знешняга рынкаў [18, с. 42].

Такім чынам, на сённяшні дзень праблема месца і ролі рамеснай дробнатаварнай вытворчасці ў развіцці прамысловасці Беларусі другой паловы

XIX – пачатку XX ст. не стала прадметам спецыяльнага манаграфічнага даследавання. Сучаснымі даследчыкамі былі вызначаны асноўныя тэндэнцыі ў развіцці рамеснай вытворчасці: павелічэнне колькасці рамеснікаў і сумы іх вытворчасці, распад рамесных цэхаў, паступовы пераход ад рамеснай да дробнай капіталістычнай вытворчасці, павышэнне тэмпаў развіцця рамяства ў мястэчках, змены ў галіновай структуры рамеснай вытворчасці і інш. Без засяроджанай увагі даследчыкаў засталіся такія аспекты праблемы, як суадносіны гарадскога і сельскага рамяства, працэс перарастання рамяства ў дробную таварную і капіталістычную вытворчасць, сацыяльны і нацыянальны склад рамеснікаў, у работах даследчыкаў падаюцца розныя дадзеныя па колькаснаму складу рамеснікаў (на канец XIX ст. М. Матусевічам – 77,1 тыс., М. Ф. Болбасам – 111 тыс., З. Е. Абезгаузам – 150 тыс., Д. А. Дудковым – 200 тыс.).

Аналіз гістарыяграфіі рамеснай і дробнатаварнай вытворчасці ў другой палове XIX – пачатку XX ст. паказаў, што праблема цесна звязана з працэсам генезісу капіталізму на беларускіх землях. Калі ў дарэформены час рамяство з'яўлялася элементам феадальнага спосабу вытворчасці, то ў другой палове XIX ст. далейшы рост сумы рамеснай вытворчасці, колькасці майстэрняў і рамеснікаў сведчыў аб захаванні прыгонніцкіх пережыткаў, нізкіх тэмпах развіцця буржуазных адносін на Беларусі. Змена характару рамяства ад «вытворчасці на заказ» да «вытворчасці на рынак» садзейнічала перарастанню рамяства ў дробнатаварную вытворчасць. Павелічэнне колькасці наёмных рабочых на прадпрыемствах, сумы дробнай капіталістычнай вытворчасці, пашырэнне вытворчасці сведчаць аб генезісе капіталізму ў прамысловасці Беларусі другой паловы XIX – пачатку XX ст.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 Т. Т. 6. Кн. 1: Пузаны – Усая / Беларуская энцыклапедыя; рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 2001. – 591 с.

2. Гісторыя Беларусі: У 2 ч. Ч.2. XIX – XX стагоддзі: курс лекцый / рэдкал.: П. І. Брыгадзін [і інш.]. – Мінск: РІВШ БДУ, 2002. – 656 с.

3. Гродненская губерния: в 2 ч. (2 прил.) // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. – СПб.: Тип. Деп. уделов, 1859–1868.

4. Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях / сост. [с предисл.] и под ред. А. С. Дембовецкого. – Могилев, 1882–1884. – Т. 3. – 1883 г. – 1000 с.

5. *Маркс, К.* Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 3. – Ч. 1. Кн. 3: Процесс капиталистического производства, взятый в целом / К. Маркс. – 1950. – 932 с.

6. *Ленин, В. И.* Полное собрание сочинений: в 50 т. / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1979–1983. – Т. 3: Развитие капитализма в России. – 791 с.

7. *Довнар-Запольский, М. В.* Народное хозяйство Белоруссии 1861–1914 гг. / М. В. Довнар-Запольский. – Минск: Изд. Госплана БССР, 1926. – 240 с.

8. *Дудкоў, Д. А.* Аб развіцці капіталізму ў Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / Д. А. Дудкоў. – Менск: Партмассэктар, 1932. – 202 с.

9. *Люты, А. М.* Рамесная і дробнатаварная вытворчасць у Беларусі ў другой палове XVIII – першай палове XIX ст. [Электронный ресурс] /А. М. Люты, А. Э. Лютая // Новая и новейшая история Европы и США: исследования, проблемы, поиски: сб. науч. ст. – Минск, 2007. – Режим доступа: http://elib.bspu.by/handle/doc/10468. – Дата доступа: 12.02.2018.

10. *Абезгауз, З. Е.* Развитие промышленности и формирование пролетариата Белоруссии во второй половине XIX века / З. Е. Абезгауз. – Минск: Наука и техника, 1971. – 179 с.

11. *Болбас, М. Ф.* Развитие промышленности в Белоруссии (1795–1861 гг.) / М. Ф. Болбас. – Минск: Наука и техника, 1966. – 268 с.

12. *Болбас, М. Ф.* Промышленность Белоруссии. 1860–1900 / М. Ф. Болбас. – Минск: Изд-во БГУ, 1978. – 312 с.

13. *Лютая, А. Э.* Роль и место ремесла в процессе генезиса капитализма в Беларуси во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. – Минск, 2006. – 116 с.

14. *Люты, А. М.* Прамысловасць Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст.: у 5 ч. / А. М. Люты, А. Э. Лютая, Л. Э. Пракаповіч // Гісторыя Беларусі перыяду капіталізму: вучэб.-метад. дапам. – Мінск, 2011. – Ч. 5. – 280 с.

15. *Лютая, А. Э.* Ремесло в Беларуси во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / А. Э. Лютая; БГПУ им. М. Танка. – Минск, 2003. – 27 с.

16. *Люты, А. М.* Сацыяльна-эканамічнае развіццё Беларусі ў другой палове XVIII – першай палове XIX стагоддзя: манаграфія / А. М. Люты. – Мінск, 2004. – 322 с.

17. *Пракапович, Л. Э.* Становление и развитие фабрично-заводской промышленности в Беларуси в XIX в. / Л. Э. Пракапович. – Минск: БГПУ, 2010. – 156 с.

18. *Семёнова, Л. Н.* Ремесленный Минск на исходе XIX ст. / Л. Н. Семенова. – Минск: БНТУ, 2015. – 230 с.

(Дата падачы: 28.02.2018 г.)

А. А. Любая
ДУА «Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы», Мінск
A. A. Lubaya
National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 947.6

ТАТАРСКІ АДДЗЕЛ У СТРУКТУРЫ КАНЦЫЛЯРЫІ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў XV–XVI СТСТ. (некалькі заўваг да пастаноўкі праблемы)

THE TATAR DEPARTMENT IN THE STRUCTURE OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA CHANCELLERY IN THE XV–XVI CENTURY (some remarks on the problem)

У артыкуле аўтар абгрунтоўвае тэзіс аб неабходнасці вывучэння дзейнасці татарскіх пісараў і талмачоў як гісторыі самастойнай адміністрацыйнай адзінкі ў складзе Канцылярыі Вялікага Княства Літоўскага. Звяртаецца ўвага на той факт, што адны і тыя ж асобы з татарскага асяроддзя рэгулярна, працяглы час узгадваюцца ў якасці пісараў і талмачоў як у дакументах справаводства, так і ў крыніцах дыпламатычнага характару. Больш за тое, захаванасць архіва арыгінальных актаў з Канцылярыі

Вялікага Княства Літоўскага, а таксама характар іх адлюстравання ў кнігах Метрыкі не дазваляе ўявіць сапраўдны аб'ем працы, які выконвалі гэтыя службоўцы. Пры гэтым некаторыя факты дазваляюць меркаваць, што татарскія пісары і талмачы былі актыўна занятыя ў забеспячэнні працаздольнасці дыпламатычнай службы Вялікага Княства Літоўскга.

Ключавыя словы: Канцылярыя Вялікага Княства Літоўскага; татарская супольнасць; дыпламатычная служба; татарскія пісары і талмачы.

In this article, the author proves the thesis about the need to study activity of Tatar scribes and interpreters as a history of an independent administrative unit within the Chancellery of the Grand Duchy of Lithuania. The author pays attention to the fact that the same person from the Tatar environment regularly for a long time are referred to as the scribes and interpreters, both in the official documents, and in the diplomatic sources. Moreover, a poor state of preservation the original acts from the Grand Duchy of Lithuania Chancellery, as well as the nature of their reflection in the books of Metrics does not provide evidence about a real amount of work performed by these officials. However, some facts suggest that the Tatar scribes and interpreters were actively engaged in ensuring the effective action of the Grand Duchy of Lithuania diplomatic service.

Key words: The Chancellery of the Grand Duchy of Lithuania; the Tatar community; diplomatic service; theTatar scribes and interpreters.

З канца XIV ст. Залатая Арда, а пазней яе нашчадкі, Крымскае ханства, Вялікая Арда ды нагайскія татары, былі заўважнымі контрагентамі дыпламатычнай службы Вялікага Княства Літоўскага. Гэты кірунак знешняй палітыкі дастаткова рэгулярна станавіўся прадметам вывучэння беларускіх і літоўскіх гісторыкаў ужо ў канцы мінулага стагоддзя. Вялікі ўклад у вырашэнне гэтай праблемы зрабіў літоўскі даследчык Эгідзюс Банёніс. У 1982 г. пры Інстытуце гісторыі АН ЛітССР ён абараніў кандыдацкую дысертацыю на тэму «Посольская служба Великого княжества Литовского (середина XV в. – 1569 г.)». У 1998 г. гэтая праца разам з некаторымі больш познімі артыкуламі аўтара была апублікавана ў перакладзе на літоўскую мову асобнай кнігай [1]. Самастойны раздзел гэтай дысертацыі быў прысвечаны дыпламатычным сувязям Вялікага Княства Літоўскага з Крымскім ханствам. Пазней аўтар значна пашырыў яго і апублікаваў як артыкул «Паслы Вялікага Княства Літоўскага ў Крымскім ханстве ў першай палове XVI стагоддзя» [1, p. 361–381].

У незалежнай Беларусі пасля 1991 г. былі абаронены некалькі дысертацый, якія закраналі падобную праблематыку. У 1997 г. У. Канановічам у Інстытуце гісторыі АН Беларусі была абаронена дысертацыя «Дыпламатыя Вялікага княства Літоўскага ў 1480 – першай чвэрці XVI ст.: (Адносіны з Вялікім княствам Маскоўскім і Крымскім ханствам)», у якой таксама закраналіся некаторыя прыватныя праблемы арганізацыі пасольскай службы, а менавіта пасольскі ітынерарый [2]. Апошняе пытанне больш сістэмна разглядалася ў дысертацыі Л. Мікалаевай «Арганізацыя знешняй палітыкі Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XV – сярэдзіне XVI ст.», але аўтар не акрэслівае структуру дыпламатычнай службы Вялікага Княства Літоўскага гэтага перыяду і звяртае ўвагу на ролю мяс-

цовых татараў пры арганізацыі пасольстваў у цюркскі свет і прыёме татарскіх паслоў [3].

Наогул, дзейнасць татарскіх пісараў і талмачоў не вельмі часта трапляла пад увагу даследчыкаў. Так, А. Груша ў сваім даследаванні, прысвечаным арганізацыі працы і асабістаму складу супрацоўнікаў Канцылярыі, толькі мімаходзь адзначае, што наўрад ці магчыма гаварыць аб татарскай канцылярыі, бо «пасланні ў гэтыя краіны (маюцца на ўвазе краіны цюркскага свету. – *А. Л.*) рыхтаваліся […] «рускімі пісарамі на «рускай» мове» [4, с. 62]. Некаторых татарскіх пісараў, якія працавалі ў Канцылярыі напрыканцы XV і ў пачатку XVI ст., літаральна адным радком называе польскі даследчык К. Пяткевіч ў сваёй манаграфіі, прысвечанай гісторыі Вялікага Княства Літоўскага за часы ўладарання вялікага князя літоўскага Аляксандра Ягелончыка [5, p. 29]. Лёс асобных татарскіх пісараў часам цікавіў даследчыкаў дыпламатычных адносін ва Усходняй Еўропе. Так, польскі гісторык Д. Каладзейчык у вялікім каментаваным зборніку дамоваў паміж Крымскім ханствам і Рэччу Паспалітай знайшоў месца для біяграмы князя Ібрагіма бен Цімера з роду Юшынскіх – аднаго з найбольш паспяховых татарскіх пісараў за ўсю гісторыю існавання гэтага інстытуту [6, p. 564]. Саракагадовай дыпламатычнай дзейнасці на карысць Вялікага Княства Літоўскага гэтага татарскага пісара, а таксама незвычайным абставінам яго жыцця прысвечаны асобны артыкул аўтара гэтых радкоў [7]. Такім чынам, можна зрабіць выснову, што дзейнасць татарскіх пісараў і талмачоў як самастойнага дыпламатычнага інстытута з пэўным колам функцый і абавязкаў як самастойная навуковая праблема амаль не закраналася ў навуковай літаратуры. Вядома, што літоўскі гісторык Э. Банёніс працаваў у гэтым кірунку. Захаваўся чарнавы варыянт яго артыкула «Татары і пасольская служба Вялікага Княства Літоўскага XV–XVI ст.». Але завершыць гэтае даследаванне аўтар не паспеў, заўчасна пакінуўшы гэты свет: не быў сабраны цалкам матэрыял, тэкст не дапісаны і не мае спасылачнага апарату [1, p. 241–262].

Паспрабуем прывесці некалькі аргументаў на карысць тэзіса пра заўважную ролю інстытута татарскіх пісараў і талмачоў у арганізацыі знешняй палітыкі Вялікага Княства Літоўскага ва ўсходнім напрамку і магчымасці вылучэння самастойнага татарскага аддзела Канцылярыі. Наша гіпотэза палягае ў тым, што інстытут татарскіх пісараў, а магчыма, і сам татарскі аддзел Канцылярыі Вялікага Княства Літоўскага ўзнік не пазней за сярэдзіну XV ст. Функцыі пісараў татарскіх і талмачоў, якія адпаведна мусілі рабіць пісьмовы пераклад і вусны сінхронны пераклад непасрэдна ў Канцылярыі і пры дварэ вялікага князя, перасякаліся з пасольскай службай. Такая шчыльная сувязь магла ўзнікнуць з-за спецыфікі працы выключна са знешнепалітычнымі дакументамі і адсутнасцю моўнай падрыхтоўкі ў саміх паслоў.

Некаторыя даследчыкі ў навуковых дыскусіях падчас канферэнцый выказвалі меркаванне, што пасада татарскага пісара насіла не функцыянальны, намінальны характар. Гэта значыць, большасць татарскіх пісараў

у Канцылярыі фактычна не працавала, а карысталася гэтай пасадай для павелічэння ўласнага сацыяльнага капіталу. У тым ліку яны абгрунтоўвалі сваю пазіцыю тым, што Канцылярыя, якая ў асноўным займалася забеспячэннем дзяржаўнага дакументазвароту, не мела патрэбы ў пастаянным штаце сінхронных і пісьмовых перакладчыкаў з цюркскіх моў і знаўцаў усходняй каліграфіі, а выкарыстоўвала іх у выпадку неабходнасці.

Перад тым як пагадзіцца або аспрэчыць гэтае меркаванне, неабходна зрабіць заўвагу адносна спецыфікі захаванасці крыніц, якія могуць праясніць сітуацыю з дзейнасцю татарскіх службоўцаў. Справа ў тым, што імёны татарскіх пісараў, у адрозненне ад пісараў рускага і лацінскага аддзелаў Канцылярыі, у кнігах Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага не пазначаліся пад дакументамі, што стваралiся з іх удзелам. Гэты факт, між тым, дазволіў А. Грушы зрабіць выснову, што пасады гэтыя былі неафіцыйныя, хаця некаторыя з татарскіх пісараў маглі браць удзел у складанні дакументаў [4, с. 62]. Такім чынам, асноўнай крыніцай інфармацыі аб дзейнасці татарскіх службоўцаў Канцылярыі становяцца бессістэмныя згадкі гэтых асоб у дакументах гаспадарчага або дыпламатычнага характару. Тым выпадковыя, калі пазначалася не толькі імя чалавека, але і яго пасада.

Нягледзячы на такую абмежаванасць поля дзейнасці, у прамежку паміж другой паловай XV ст. і 80-мі гг. XVI ст. (перыяд актыўнай і самастойнай дзейнасці пасольскай службы Вялікага Княства Літоўскага) нам на сёняшні дзень удалося зафіксаваць больш за тры дзясяткі асоб, якія былі звязаныя з працай Канцылярыі. Пераважная большасць іх працавала працяглы перыяд: некаторыя пяць, дзесяць, а ў выключных выпадках і больш за 20 гадоў. Сярод такіх надзейных супрацоўнікаў можна назваць, напрыклад, князя Хідзіра бен Цімера, які пачаў служыць не пазней за 1466 год і працягваў гэтым займацца ў першай палове 80-х гг. XV ст., або Муртазу бен Богатура (у крыніцах Муртоза Богатыревіч), які ўжо ў 1508 г. з'яўляўся талмачом [8, p. 113–116] і працягваў выконваць свае абавязкі ў 1530-х гг. [9, с. 96–97].

Хацелася б таксама адзначыць, што спецыфіка адлюстравання арыгінальнай дыпламатычнай перапіскі ў кнігах Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага можа таксама стварыць падманлівае ўражанне аб невысокай ступені занятасці татарскіх пісараў. Справа ў тым, што сістэматычна заносіліся ў кнігі толькі афіцыйныя лісты ад ханаў і зваротныя ад імя вялікага князя літоўскага. Пры гэтым узаемнае кола адрасантаў было больш шырокім. Ускосныя сведчанні пра гэта можна знайсці ў тых жа метрыканскіх рэгестрах. Час ад часу пасля афіцыйных лістоў татарскіх ханаў можна сустрэць узгадкі пра лісты ад татарскіх прыдворных і членаў ханскай сям'і: калгі, царэвічаў, карачэй і г. д. Напрыклад, пасля аднаго з лістоў цара Шэйх-Ахмата, які датуецца канцом XV ст., змешчана прыпіска: «А княз Ачъжикга яръльікъ свои пишет по тому ж, какъ и царъ писал» [10, p. 88]. І гэта не адзінкавы выпадак. Раз-пораз можна сустрэць нават пераклады або пераказы асобных лістоў, але не цэлых пасольскіх комплексаў. Так, лісты, прывезеныя

крымскім ганцом Асанам да вялікага князя Жыгімонта ў Петрыкаў паміж снежнем 1524 і лютым 1525 г., былі больш дбайна занесены ў кнігі Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага. Такім чынам, захаваліся не толькі два ярлыкі хана Саадзет-Гірэя I да вялікага князя Жыгімонта і два яго ярлыкі да паноў радных Вялікага Княства Літоўскага [8, p. 429–430, 433–434], але і лісты ад стрыечнага брата хана Узбек-Гірэя (Азюбеков лист), прадстаўнікоў самага ўплывовага крымскага роду князёў Шырынаў – Даўлет Бахты (Довлет Бахтиев ярлыкъ), мурзы Малік пашы (Меликъ пашин ярлыкъ), мурзы Бахціяра бен Даўлета, а таксама князя Абдурахмана (Адрагъмановъ ярлыкъ) [8, p. 430–431]. Але нават пры такім падрабязным перапісванні не ўсе лісты былі занесены ў кнігі: пра змест двух лістоў – ад шырынскіх князёў Аўляра мурзы і Айдзешкы мурзы – зроблены запіс «писал в тое ж слово», «в тое ж слово писан» [8, p. 431]. Часам устанавіць факт існавання лістоў ад кроўных і набліжаных ханаў, якія патрабавалі перакладу, можна толькі па зваротнай сувязі. Напрыклад, у ліпені 1511 г. вялікі князь Жыгімонт адправіў ліст вышэйзгаданаму князю Абдурахману [8, p. 229]. Са зместу вынікае, што гэта адказ на ліст самаго князя Абдурахмана, у прыватнасці, паведамляецца «што еси писал к нам, поведаючи послугу и приязнь свою тую, которую ж царю в нашом деле чиниш…». Аднак зыходнага ліста ў кнігах Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага няма.

Верагоднасць таго, што ў Метрыку Вялікага Княства Літоўскага трапляла далёка не ўсё дыпламатычнае ліставанне, якое вымагала працы татарскіх пісараў, пацвярджаецца і рэдкімі арыгінальнымі комплексамі падобных крыніц. Адзін з іх – комплекс лістоў ад крымскага хана Даўлет-Гірэя I і яго набліжаных асоб да польскага караля і вялікага князя літоўскага Жыгімонта Аўгуста, напісаных у Ферах-Кермане паміж 13 і 20 чэрвенем 1572 г. – захоўваецца ў Галоўным архіве старажытных актаў (AGAD) у Варшаве. Акрамя ліста ад Даўлет-Гірэя I, у якім хан нагадвае, што яго пасол пры ад'ездзе з Польшчы не атрымаў падарункаў, і патрабуе, каб кароль выказаў павагу да пасла ханскага візіра [11, t. 8, № 584], у гэтым комплексе ўтрымліваецца амаль тры дзясятка лістоў. Сярод іх лісты ад Ак-Мехмеда улана да караля з перакананнямі, што ён заўсёды рупіцца пра прыязныя стасункі з Польшай і просьбай даць хану ўсе запатрабаваныя дары [11, t. 13, № 589]; султана Сафы-Гірэя да караля з напамінам выплаціць дары за шэсць гадоў; каменданта крэпасці Мустафы-бея да сенатараў, каб схілялі караля да выплаты ўсялякіх падарункаў, якія патрабаваў хан [11, t. 14, № 590]; Дуй бея да караля з апавяданнем пра перамогу над Масквой і абвінавачванне ў няшчырасці да Порты і асманскага султана [11, t. 12, № 588]. Пераважная большасць лістоў да караля (лісты ад Атманая мурзы [11, t. 16, № 592], крымскіх татар Джан-Феміра агі [11, t. 18, № 594], Рызвана [11, t. 19, № 595], Муртазы [11, t. 20, № 596], Ібрагіма [11, t. 21, № 597], Касім бея [11, t. 24, № 600], Ган Абдулы Дзівана [11, t. 25, № 601], Юсуфа [11, t. 26, № 602], Сулейман-Шах бея [11, t. 28, № 604], Іскендэра мурзы [11, t. 29, № 605], Мурада Газі бея [11, t. 32, № 608]) і да

паноў радных (лісты ад Мустафы бея [11, t. 14, № 590], Ак-Мехмеда улана [11, t. 30, № 606], Мустафы агі [11, t. 31, № 607]) маюць ідэнтычны змест. Такое ўражанне, што сваю незадаволенасць затрымкай грошай у пісьмовым выглядзе пад капірку выказалі ўсе, хто ў той час знаходзіўся побач з ханам. Не засталіся ў баку нават жанчыны. У гэтым комплексе ёсць тры лісты ад жонак хана: старэйшай Айшы-султан, Перы-хан-біім і Хан-Гутай-біім. Верагодна, што падобныя лісты ў метрыканскіх рэгістрах перадаваліся стандартнай формулай «по тому ж писан», а ў большасці сваёй ігнараваліся. Але ж, так ці інакш, яны патрабавалі перакладу: усе лісты дадзенага комплексу напісаны на крымскім дыялекце турэцкай мовы.

Дакументальных сведчанняў адностна праблемы падпарадкаванння татарскіх талмачоў і пісараў ні ў кнігах Метрыкі, ні ў іншых крыніцах намі не было выяўлена. У сваёй манаграфіі А. Груша выказаў меркаванне, што структурна татарскія пісары маглі ўваходзіць у склад рускага адзела Канцылярыі [4, с. 62]. Гэтая выснова была зроблена на падставе аналізу функцый Канцылярыі як дзяржаўнага інстытута па забеспячэнні дакументазвароту – цэнтральнага бюракратычнага органа Вялікага Княства Літоўскага. Аднак татарскія пісары, а таксама талмачы, якія ўваходзілі ў склад аддзела, выконвалі цалкам іншыя задачы: забяспечвалі ажыццяўленне знешняй палітыкі шляхам вуснага і пісьмовага перакладу з усходніх моў, удзельнічалі ў пасольскіх місіях да татар, а таксама суправаджалі пры неабходнасці татарскіх дыпламатаў па тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага. Сувязь татарскага аддзела Канцылярыі з рускім аддзелам, наколькі магчыма пра гэта меркаваць, заключалася ў тым, што менавіта рускія, а не лацінскія пісары ўносілі ў кнігі Метрыкі пераклады дыпламатычных лістоў (або іх кароткія пераказы). Бо падобныя пераклады рабіліся татарскімі пісарамі ў сувязі з іх моўнымі кампетэнцыямі менавіта на рускую мову. Нам невядомы факты, якія б сведчылі пра якое-небудзь іншае падпарадкаванне татарскага аддзела рускаму. Няма звестак пра тое, што хтосьці з рускага аддзела Канцылярыі вызначаў, хто менавіта з татарскіх пісараў будзе займацца перакладам лістоў, або хто з талмачоў мусіць суправаджаць тых ці іншых дыпламатаў.

Часта пытанні кадравага складу пісьмовых і сінхронных перакладчыкаў, як, дарэчы, і пасольскага корпусу, вырашаліся на самым высокім ўзроўні – у асабістым ліставанні паміж ханам і вялікім князем. Некаторыя дыпламаты Вялікага Княства Літоўскага карысталіся большым даверам у татарскіх ханаў. Напрыклад, у 1507 г. крымскі хан прасіў вялікага князя літоўскага хутка даць адказ на яго пасольства: «А до мене в борзде тым же Абрагимомъ а Батушомъ откажете» [12, p. 74]. Калі Батуш – гэта «слуга» Менглі-Гірэя і хан быў зацікаўлены, каб яго пасла не затрымалі на доўгі час, то Абрагім – гэта татарскі пісар Канцылярыі Вялікага Княства Літоўскага князь Ібрагім бен Цімер, які шматразова ездзіў з пасольствамі вялікага князя да татарскіх ханаў. Гэта значыць, што пры двары крымскага хана добра ведалі некаторыя

персаналіі са складу татарскіх талмачоў і пісараў Канцылярыі Вялікага Княства Літоўскага, што, у сваю чаргу, сведчыць аб дастаткова актыўнай дзейнасці гэтых службовых асоб.

Такім чынам, адны і тыя ж асобы з татарскага асяроддзя рэгулярна, працяглы час узгадваюцца ў якасці пісараў і талмачоў як у дакументах справаводства, так і ў крыніцах дыпламатычнага характару. Больш за тое, захаванасць архіва арыгінальных актаў з Канцылярыі Вялікага Княства Літоўскага, а таксама характар іх адлюстравання ў кнігах Метрыкі не дазваляе ўявіць сапраўдны аб'ём працы, які выконвалі гэтыя службоўцы. Пры гэтым некаторыя факты дазваляюць меркаваць, што татарскія пісары і талмачы былі актыўна занятыя ў забеспячэнні працаздольнасці дыпламатычнай службы Вялікага Княства Літоўскага.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Banionis, E.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės pasiuntinybių tarnyba XV–XVI amžiais / E. Banionis. – Vilnius: Diemedžio, 1998. – 415 c.

2. *Канановіч, У. І.* Дыпламатыя Вялікага княства Літоўскага ў 1480 – першай чвэрці XVI ст.: (Адносіны з Вялікім княствам Маскоўскім і Крымскім ханствам): аўтарэф. дыс. … канд. гіст. навук: 07.00.02 / У. І. Канановіч. – АН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 1995. – 14 с.

3. *Мікалаева, Л. В.* Арганізацыя знешняй палітыкі Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XV – сярэдзіне XVI ст.: дыс. … канд. гіст. навук: 07.00.02: Абаронена 04.12.03: Зацв. 03.03.04 / Л. В. Мікалаева. – Мінск, 2003. – 19 с.

4. *Груша, А. І.* Канцылярыя Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў XV – першай паловы XVI ст. / А. І. Груша. – Мінск: Беларуская навука, 2006. – 215 с.

5. *Pietkiewicz, K.* Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka: studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku / K. Pietkiewicz. – Poznan: UAM, 1995. – 256 p.

6. *Kołodziejczyk, D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents / D. Kołodziejczyk. – Leiden: Brill, 2011. – 1135 p.

7. *Любая, А. А.* Князь Ибрагим бен Тимер из рода князей Юшинских / А. А. Любая // ALBA RUSCIA: белорусские земли на перекрестке культур и цивилизаций (X–XVI вв.). Серия «Исторические исследования». – Москва, 2015. – С. 153–184.

8. Lietuvos Metrika (1506–1539): užrašymų knyga 7 / parengė Inga Ilarienė, Laimontas Karalius, Darius Antanavičius (tekstai lotynų kalba). – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidikla, 2011. – XXIX, 1010 p.

9. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 17 (1530–1536). Užrašymų knyga 17 / Lithuanian Metrica: Book No. 17. Book of Inscriptions 17 / Литовская Метрика. Книга 17. Книга записей 17 / Parengė L. Karalius, D. Antanavičius (tekstai lotynų kalba). – Vilnius: LII leidykla, 2015. – XLVI, 706 p.

10. Lietuvos Metrika (1494–1506): užrašymų knyga 6 / parengė Algirdas Baliulis; Lietuvos istorijos institutas. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2007. – 515, [3] s.

11. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (AGAD). – Archiwum Koronne Warszawskie. – Dział tatarskie. – K. 65.

12. Lietuvos Metrika (1499–1514): užrašymų knyga 8 / [parengė: Algirdas Baliulis, Romualdas Firkovičius, Darius Antanavičius]. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1995. – 708, [2] s.

(Дата падачы: 28.02.2018 г.)

А. У. Любы
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск
A. Liuby
Belarusian State University, Minsk

УДК 94(476+474.5)

ЯГЕЛОНЫ І ІХ ЭПОХА Ў НАЦЫЯНАЛЬНАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ БЕЛАРУСІ І ЛІТВЫ XX – ПАЧАТКУ XXI СТ.: ЭВАЛЮЦЫЯ ПРАБЛЕМАТЫКІ

THE JAGIELLONS AND THEIR EPOCH IN THE NATIONAL HISTORIOGRAPHY OF BELARUS AND LITHUANIA (XX – EARLY XXI CENTURY): THE EVOLUTION OF PROBLEMS

У артыкуле разглядаецца месца і роля эпохі і прадстаўнікоў дынастыі Ягелонаў у нацыянальным гістарычным наратыве Беларусі і Літвы ў XX – пачатку XXI ст. Аўтар выкарыстоўвае параўнаўчы аналіз для вылучэння асноўных блокаў праблем у гісторыі Вялікага Княства Літоўскага XV – першай паловы XVI ст., характарызуе тры перыяды ў вывучэнні Ягелонаў у гістарыяграфіі. Адзначаны таксама прычыны змен, якія адлюстроўвалі эвалюцыю інтэрпрэтацый перыяду ў нацыянальных гістарыяграфіях.

Ключавыя словы: Ягелоны; гістарыяграфія Беларусі і Літвы; Вялікае Княства Літоўскае; нацыянальны гістарычны наратыў.

In this article, the author draws attention to the place and role of the Jagiellons epoch and representatives of this dynasty in the Belarussion and Lithuanian national historical narrative in the twentieth and early twenty-first centuries. The author uses a comparative analysis to identify the main problematic blocks in the history of the Grand Duchy of Lithuania of the 15th – first half of the 16th century, characterizes three periods in the study of the Jagiellons in historiography. The reasons for the changes that reflected evolution of interpretation of the period by national historiographies were noted by him.

Key words: The Jagellons; Historiography of Belarus and Lithuania; the Grand Duchy of Lithuania; national historical narrative.

Ягелоніка як кірунак гістарычных даследаванняў не атрымала шырокага распаўсюджання ў нацыянальных гістарыяграфіях ні Беларусі, ні Літвы ў перыяды свайго самастойнага станаўлення і развіцця ў XX ст. Эпоха Ягелонаў у Вялікім Княстве Літоўскім, якая доўжылася ад уваканяжання ў Вільне Казіміра Ягайлавіча ў 1440 г. да смерці Жыгімонта Аўгуста, інтэрпрэтавалася ў нацыянальных наратывах Беларусі і Літвы першай паловы XX ст. аднолькава – гэта шлях да паступовага абмежавання палітычнай самастойнасці Вялікага Княства, а значыць, і перарывання дзяржаватворчай ініцыятывы беларускай і літоўскай нацыі. Што не ў малой ступені можа быць інтэрпрэтавана праз уплыў антыманархічных тэндэнцый і сацыяльна-палітычных ідэй у раскрыцці гісторыі народа, а таксама своеасаблівым ідэалагічным непрыняццем усяго польскага ў мінулым краю (і хаця падставы для падобных сцвярджэнняў у Літоўскай

Рэспубліцы і БССР мелі розныя канатацыі, вынік дасягаўся падобны – варожасць да «польскіх паноў»).

Падобную ацэнку міжваеннага беларускага нацыянальнага наратыву можна параўнаць з высновамі нямецкага гістарыёграфа Райнэр Ліндэра (Rainer Lindner), які адзначыў, што да 1934 г. аўтары (перадусім В. Ластоўскі, а таксама У. Ігнатоўскі, У. Пічэта, часткова В. Дружчыц) ідэалізуюць перыяд кіравання вялікага князя Вітаўта, а яго смерць называюць канцом «самастойнай [палітычнай] гісторыі». Пры гэтым XV – пачатка XVI ст. разглядаюцца як «беларускі залаты век» у культуры. Гісторыкі ўводзяць спецыяльнае вызначэнне перыяду – «змаганне культур», у адносінах паміж польскай і беларускай [6, с. 85–88, 252, etc.]. Да падобных жа высноваў у ацэнцы літоўскай версіі нацыянальнай гісторыі падводзіць нас Ежы Клачаўскі (Jerzy Kłoczowski). У характарыстыцы «Гісторыі Літвы» гістарыёграф Зенон Івінскіс (Zenonas Ivinskis) адзначае, што ў параўнанні з міжваенным польскім наратывам, дзе ўзвышаецца роля ў стварэнні польскай дзяржавы дынастыі Ягелонаў, у літоўскім нацыянальным наратыве адбываецца гераізацыя дынастыі Гедымінавічаў, у прыватнасці вялікага князя Вітаўта і яго перыяд праўлення [11, с. 7].

Такім чынам, эпоха Ягелонаў у Вялікім Княстве патрапляе ў становішча падвойнай інтэрпрэтацыі: палітычнага заняпаду дзяржаўнасці пры відавочным культурным прарыве і заходнееўрапейскай сацыяльна-рэлігійнай арыентацыі. Відавочна, аўтары 1920-х гг. у сацыяльным плане імкнуцца разглядаць усё насельніцтва дзяржавы цалкам, вылучаючы толькі кіруючыя колы як знешні элемент, сфарміраваны палітыкай заключэння дзяржаўных уній з Польшчай і кіраваннем прадстаўнікоў дынастыі Ягелонаў, асноўных праваднікоў польскага ўплыву ў Вялікім Княстве Літоўскім.

Гісторыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта і Універсітэта Вітаўта Вялікага зрабілі дастаткова дакладны ўнёсак у фарміраванне нацыянальнага погляду на падзеі вызначанага перыяду (Васіль Шчарбакоў, Ёнас Матусас, Адольф Шапока), і хаця іх навуковая спадчына выкарыстоўвалася ў 1940–1970-я гг. у савецкіх рэспубліках досыць абмежавана, асноўная агульная ідэя «недаверу» да уній Вялікага Княства Літоўскага з Польскім каралеўствам праіснавала ў абодвух нацыянальных наратывах да пачатку 1990-х гг.

За савецкі пасляваенны перыяд развіцця нацыянальных гістарыяграфій і беларуская, і літоўская былі пастаўлены ў вельмі вузкія праблемныя рамкі. Гэта практычна выключыла з наратыву такія дыскурсы, як дынастычны, інтэграцыйны (нават еднасць сацыялістычнага блока дзяржаў не дазваляла развівацца праблематыцы Еўропы Ягелонаў), этнарэлігійны, таксама погляд на элітарную культуру і інтэлектуальны асяродак. Пануючы ў гістарычнай навуцы фармацыйны падыход засяроджваў увагу на сацыяльных праблемах і эканамічным становішчы насельнікаў Вялікага Княства Літоўскага, ігнаруючы палітычную складаючую існавання дзяржавы на даўніх тэрыторыях існуючых у той час БССР і Літоўскай ССР (падручнікі, энцыклапедыі).

Цікавым для параўнання выглядае змест абагульняючых прац па гісторыі Беларусі і Літвы, выдадзеных у Польскай Народнай Рэспубліцы ў канцы 1970-х гг.: этапы гісторыі (у тым ліку і Сярэднявечча і ранняга Новага часу) больш прапарцыянальныя, чым падавалася ў айчыных, дзе перыяд пераходу да сацыялізму дамінуе над астатнімі перыядамі [12; 13]. Зрэшты, і перыядызацыя, прапанаваная М. Косманам, ішла ў супраціў агульнапрынятай – пачаткам адліку панавання Ягелонаў над Вялікім Княствам (кардынальных змен у палітыцы) прапаноўвалася лічыць заключэнне Крэўскай уніі і каранацыю Ягайлы, а не смерць Вітаўта ці каранацыю Казіміра Ягелончыка ў Вільне [13, с. 70].

Эмігранцкая літаратура паступова развівалася ў кірунку абсалютызацыі этнасацыяльных асаблівасцяў і нацыятворчых працэсаў у ранні Новы час, але адыходзіла ад палітычных і культурніцкіх праблем. Пастаўленыя эмігранцкай супольнасцю пытанні зацягвалі гісторыкаў у больш раннія часы існавання Вялікага Княства (напрыклад, работы П. Урбана за 1960–1970-я гг., прысвечаныя этнічным працэсам і нацыянальнай прыналежнасці насельніцтва Вялікага Княства Літоўскага; З. Івінскіса – хрысціянізацыі Літвы). Перыяд XV–XVI стст. патрабаваўся толькі для раскрыцця вынікаў такіх працэсаў.

Істотныя змены назіраюцца ў беларускай і літоўскай гістарыяграфіях у другой палове 1980-х гг., калі ва ўмовах палітычных пераўтварэнняў у СССР адбываецца абуджэнне цікавасці да нацыянальных гісторый. А гэта, у сваю чаргу, пашырае спектр пытанняў і праблем, закранутых даследчыкамі. Эпоха Ягелонаў бачыцца сярод такіх «белых плям», патрабуе пераасэнсавання ў кантэксце беларуска (літоўска)-расійскіх адносін.

Станаўленне нацыянальных канцэпцый гісторыі адбываецца ў першыя гады апошняга дзесяцігоддзя XX ст. (у Беларусі – гэта 1993–1994 гг.) Прапанаваныя канцэпцыі ў першую чаргу ўлічваюць палітычную складаючую развіцця Вялікага Княства, адміністрацыйна-тэрытарыяльныя працэсы і ацэнку фактараў развіцця дзяржаўнасці на землях. На першы план паступова выходзяць пытанні палітычных эліт і нацыянальнай прыналежнасці герояў эпохі, даюцца ацэнкі маркерам памяці (даты, падзеі, гістарычныя мясціны, асобы). Ствараецца новае (паслясавецкае і максімальна дыстанцыраванае ад эміграцкага) пакаленне абагульняльных прац па гісторыі сучасных дзяржаў, складаецца сучасны нацыянальны гістарычны наратыў [3; 5; 8; 9; 14].

Ягелоны і іх эпоха пачынаюць па-рознаму інтэрпрэтавацца ў нацыянальных гістарыяграфіях Беларусі і Літвы. Вяртанне ў нацыянальны гістарычны наратыў біяграфій манархаў Вялікага Княства Літоўскага павінна было паказаць іх «нацыянальную» прыналежнасць. Ствараецца магчымасць аналізу дзейнасці такіх прадстаўнікоў дынастыі Ягелонаў, якія зрабілі значны ўклад у гісторыю асобных рэгіёнаў Княства.

Для літоўскай гістарыяграфіі 1990–2000-х гг. усе асобы-Ягелоны па свайму ўкладу ў развіццё Княства прайгравалі палітычнай асобе Вітаўта (агульнанацыянальны культ князя нараджаецца ў літоўскай грамадска-палітычнай думцы яшчэ ў міжваенны перыяд). Аднак відавочна знакавую ролю ў даследаваннях пачынае адыгрываць асоба Казіміра Казіміравіча, стварэнне культу святасці якога доўгі час было запатрабавана палітыкамі XVI ст. [4, с. 53]. Менавіта ён становіцца сімвалам хрысціянізацыі і канчатковага далучэння Літвы (што больш істотна для сучаснікаў) да заходнееўрапейскай культурнай традыцыі.

У беларускай версіі гісторыі Вялікага Княства ўвага звяртаецца на іншага прадстаўніка роду – Казіміра Ягелончыка, бацьку [9, с. 100, etc.]. Яго працяглае кіраванне звяртае на сябе ўвагу стратай ініцыятывы тэрытарыяльнага пашырэння дзяржавы за кошт іншых вялікіх княжэнняў Усходняй Еўропы і, што больш істотна для даследчыкаў-сучаснікаў, расколам палітычнай эліты на рускі і польскі лагеры-партыі. І П. Лойка, і Г. Сагановіч акцэнтуюць увагу на замахах на вялікага князя з боку арыстакратаў у пачатку 1480-х гг. [7, с. 127; 8, с. 106–107]. Цікава, што на замахі як ключавыя моманты ў развіцці ўлады дынастыі Ягелонаў у Вялікім Княстве Літоўскім неаднаразова ўкажа ў сваіх артыкулах і літоўскі даследчык брытанскага паходжання С. К. Роўэл (Stephen C. Rowell).

У нацыянальным гістарычным наратыве ўпершыню асэнсоўваюцца месца і ролі дынастыі ў фарміраванні палітычнай культуры зямель Княства. Асабліва гэта праяўляецца ў беларускім дыскурсе пра памежныя войны з Вялікім Княствам Маскоўскім [3, с. 400, 404 etc.; 8, с. 126, etc.] і «ўзаемадзеяння Літоўскай дзяржавы з дынастыяй Ягелонаў» – у літоўскім [5, с. 440, etc.; 17, с. 255, etc.]. Пераважна адносіны да Ягелонаў у беларускім наратыве нейтральныя (за выключэннем асобных падзей, кшталту шлюбу вялікага князя Аляксандра з княжной Алёнай Іванаўнай; ці шлюбная гісторыя Жыгімонта Аўгуста і Барбары Радзівіл). Літоўскія абагульняючыя працы дыстанцыруюцца ад Ягелонаў як дынастыі польскай і яе прадстаўнікоў як галоўных ініцыятараў дзяржаўных уній [14, с. 207, etc.], што ў некаторай ступені мае пераемнасць з міжваеннага нацыянальнага наратыву.

Статус дзяржавы ў XVI ст. моцна змяняецца на знешнепалітычнай арэне, як і яе ўнутранае ўладкаванне. Беларускія даследчыкі шмат увагі звяртаюць на макрапрацэсы ў знешняй палітыцы ў канцы XV – першай палове XVI ст. Так, пад увагу трапляюць пытанні антыягелонскай кааліцыі ў кантэксце пагроз для Вялікага Княства Літоўскага [3, с. 400, etc.], войны канца XV – першай паловы XVI ст. з Вялікім Княствам Маскоўскім разглядаюцца адзіным суцэльным комплексам прайгранай барацьбы за «збіранне рускіх зямель» [8, с. 126–132; 9, с. 107, etc.]. Літоўскія аўтары імкнуліся да разгляду становішча дзяржавы ў кантэксце «паміж Масквой і Польшчай», дзе выбар быў зроблены ў бок найменшага зла [14, с. 211,

etc.], ці разглядаўся прынцып знешнепалітычнай актыўнасці Княства выключна ў дачыненні да істотных пераўтварэнняў у дзяржавах Цэнтральнай і Усходняй Еўропы – бітва пад Мохачам і паражэнне ў барацьбе Ягелонаў з Габсбургамі [5, с. 441–445].

Наступны падзел «спадчыны» гісторыі Вялікага Княства другой паловы XV–XVI ст. праходзіць праз размежаванне палітычнай эліты: свае магнацкія рады, свой адсотак шляхты і г. д. Спрэчныя моманты абмяркоўваюцца падчас канферэнцый, адлюстроўваюцца ў публікацыях дыскусій [1, с. 219–223, 330–335], але амаль не змяшчаюць прамежкавых высноў у сумесных выдавецкіх праектах (як гэта адбываецца ў літоўскіх гісторыкаў з польскімі калегамі, напрыклад у фармаце «Dwuglos'a» Ж. і Ю. Кяўпаў і А. Рахубы, калі польскія і літоўскія аўтары фактычна засталіся пры сваіх меркаваннях наконт асноўных падзей) [15].

У некаторым сэнсе ў 2000-я гг. пераломным момантам становіцца выданне энцыклапедычных спецыялізаваных выданняў такіх як «Вялікае Княства Літоўскае» ў трох тамах [2] і «Культура Вялікага Княства Літоўскага» [16], дзе можна пабачыць погляд на «суседа па гісторыі». Аднак падобныя працы хутчэй будуць пераведзены на трэцюю мову (польскую ці ангельскую), чым дачакаюцца свайго перакладу на мову гістарычнага суседа і змогуць папулярызаваць сумесную гістарычную спадчыну (у адрозненне ад асобных артыкулаў і навуковых манаграфій, якія з канца 2000-х – у 2010-я гг. актыўна з'яўляюцца на старонках выданняў «Arche»).

Выключэннем з'яўляецца праект, запачаткаваны з ініцыятывы папы рымскага Іана Паўла II, які прадугледжваў напісанне і выданне на мовах-спадчынніцах Рэчы Паспалітай нарысаў нацыянальных гісторый [6, с. 430–431]. Беларуская складаючая была напісана Г. Сагановічам [9], а адпаведным варыянтам ад Літвы можна лічыць працу Ж. і Ю. Кяўпамі і А. Кунцэвічусам [14]. Праект задаваў ракурс, але не дыктаваў умовы выкладання.

У спрэчках 1990-х гг. паміж асобнымі прадстаўнікамі нацыянальных гістарычных школ у некаторым сэнсе ідзе апеляцыя да польскага аўтарытэту ў гісторыі Вялікага Княства Літоўскага. І калі беларускія даследчыкі аддаюць перавагу гістарыяграфічнай традыцыі міжваенных даследаванняў і аўтарытэтным меркаванням 1930-х гг. (С. Кучыньскага, Л. Каланкоўскага, О. Халецкага), то літоўская гістарыяграфія пераважна апелюе да паваеннай познаньскай школы, хаця і выбарачна абапіраючыся на яе прадстаўнікоў (напрыклад, станоўча адносіцца да Х. Лаўмяньскага, і стрымана – да Е. Ахманьскага).

У 2000-я гг. падыходы нацыянальных школ да перыяду XV – першай паловы XVI ст. яшчэ больш адрозніваюцца. На змену вяртання ў наратыў манархаў прыходзіць абсалютызацыя незалежнасці Вялікага Княства Літоўскага. Вывучэнню XVI ст. спрыяе даследаванне і выданне Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага, выкарыстанне матэрыялу для развіцця новых

кірункаў гісторый: гендэрнай, культуралагічнай (культура рэзідэнцый, двара, мецэнацтва) і інш.

Эпоха Ягелонаў і яе вывучэнне пакрысе распушчаецца ў даследаваннях інтэграцыйных працэсаў у Еўропе ранняга Новага часу. Немалую ролю ў гэтым адыграла вяртанне папулярнасці ідэі спецыфічнай ягелонскай Еўропы (перапрацаваная тэорыя О. Халецкага) і ўступленне Літвы ў Еўрапейскі саюз (2000 г.). Сумесная з палякамі ідэя прэзентацыі сусветнай грамадскасці першай еўрапейскай уніі не можа не адбіцца на зменах падыходаў да даследавання эпохі.

Айчынная гістарычная супольнасць таксама абазначыла ў 2006 г. цікавасць да дынастыі Ягелонаў, эпохі ў гісторыі Вялікага Княства Літоўскага і яе спадчыны на Беларусі пры правядзенні тэматычнай канферэнцыі [10].

Асобныя праблемы з гісторыі эпохі Ягелонаў у Цэнтральнай і Усходняй Еўропе канцэнтруюць увагу інтэрнацыянальных каманд даследчыкаў у сумесных міжнародных праектах [7]. Аднак сярод удзельнікаў мала прадстаўнікоў літоўскай і амаль не назіраецца беларускай гістарычнай школы. Відавочна, і вынікі іх мала адбіваюцца на зменах нацыянальных гістарычных наратываў, створаных яшчэ ў пачатку 1990-х гг. і існуючых амаль без змен на працягу двух дзесяцігоддзяў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Вялікае Княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг.: матэрыялы міжнароднага круглага стала (Гродна, 16–18 мая 2003 г.) / рэдкал.: С. Б. Каўн (адказ. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Медісонт, 2006. – 544 с.

2. Вялікае Княства Літоўскае: энцыклапедыя: у 2 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн., 2005 (2-е – 2007). – Т. 1. – 684 с.

3. Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 2: Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага / Ю. Бохан [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2008. – 688 с.

4. Гісторыя Літвы / А. Эйдзінтас [і др.]; пер. з літ. В. Вячорка. – Вільня: SANTARA, 2014. (Бібліятэчка часопіса культуры «Santara», кн. 211, гал. рэд. Р. Норкус). – 280 с.

5. *Гудавичус, Э.* История Литвы с древнейших времен до 1569 года. – Москва: Фонд имени И. Д. Сытина – Baltrus, 2005. – 640 с.

6. *Ліндэнэр, Р.* Гісторыкі і ўлада. Нацыятворчыя працэсы і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. / пер. з ням. Л. Баршчэўскага; навук. рэд. Г. Сагановіч. – Мінск – СПб.: Неўскі прасцяг, 2003. – 540 с.

7. *Любы А. Ул.* Ягелоніка XXI стагоддзя: макрапраекты па гісторыі дынастыі і рэгіёна ў еўрапейскай гістарыяграфіі // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические науки: сб. науч. ст.: в 2 ч. / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск: РИВШ, 2015. – Ч. 1. Вып. 15. – С. 110–117.

8. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. – Мінск: Беларусь, 1994. – Ч. 1. – 527 с.

9. *Сагановіч, Г.* Нарысы гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII ст. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2001. – 412 с.

10. Ягелоны: дынастыя, эпоха, спадчына: матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (Гальшаны-Навагрудак, 2010 верасня 2006 г.). – Мінск: Беларус. навука, 2007. – 402 с.

11. Chrystianizacja Litwy / J. Kłoczowski, Z. Ivinskis, J. Fjałek, Z. Wojtkowiak. – Kraków: Znak, 1987. – 352 s.

12. *Kosman, M.* Historia Białosusi / M. Kosman. – Wrocław: Ossolineum, 1979. – 405 s.
13. Historia Litwy / J. Ochmański; wydanie trzecie poprawione i uzupelnione. – Wrocław: Ossolineum, 1990. – 396 s.
14. Historia Litwy od czasów najdawniejszych do 1795 roku / Z. Kiaupa, J. Kiaupienė, A. Kuncevičius. – Warszawa: PWM, 2008. – 386 s. (арыгінальная назва: Lietuvos istorija iki 1795 metų. Vilnius, 2000).
15. Historia Litwy. Dwugłos polsko-litewski / A. Rachiba, J. Kiaupienė, Z. Kiaupa. – Warszawa: DiG, 2009. – 388 s.
16. Kultura Wielkiego Księstwa Litewskiego: analiza i obrazy. Kraków: Universitas, 2006. – 934 s. (арыгінальная назва: Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos kultūra. Tyrinėjimas ir vaizdai. Vilnius, Aidai, 2001).
17. Lietuvos Istorija. T.IV.: Nauji horizontai: Dinastija. Visuomenė. Valstybė. Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė 1386–1529 m. / J. Kiaupienė, R. Petrauskas. – Vilnius: Baltas lankos, 2009. – 552 p.

(Дата падачы: 28.02.2018 г.)

Я. М. Ляпешкін
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск
Y. N. Liapeshkin
Belarusian State University, Minsk

УДК 94(46)«18»

ЭВАЛЮЦЫЯ СЛУЖБОВЫХ ФУНКЦЫЙ І ПАЎНАМОЦТВАЎ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНАТАРАЎ У ЧАС РЭФОРМАЎ 1860–1870-Х ГГ.

EVOLUTION OF JOB FUNCTIONS AND POWERS OF THE BELARUSIAN GOVERNORS DURING THE 1860–1870-IES.

У артыкуле прааналізаваны асноўныя заканадаўчыя акты, якія вызначалі функцыі і межы ўлады губернатараў. Адзначаюцца асаблівасці зменаў губернатарскіх паўнамоцтваў на тэрыторыі Беларусі ў 60–70-я гг. XIX ст. Зроблена выснова аб тым, што абмежаванасць рэформаў на беларускіх землях захавала больш шырокія функцыі мясцовых губернатараў у адрозненне ад унутраных расійскіх губерняў.

Ключавыя словы: губернатары; беларускія губерні; чыноўнікі; генерал-губернатары; рэформы 1860–1870-х гг.

The article analyzes the basic legislative acts defining the functions and limits of the power of governors. There have been particularly changes in the governor's office in the territory of Belarus in the 60–70-ies. XIX century. It is concluded that the limited reforms on the Belarusian land has kept the broader functions of local governors, in contrast to the internal Russian provinces.

Keywords: governors; Belarusian province; officials; governors-general; the reform of the 1860–1870-ies.

У сучаснай гістарыяграфіі шмат увагі надаецца дзейнасці губернатараў у Расійскай імперыі [1–3]. Разам з тым асаблівасці паўнамоцтваў начальнікаў беларускіх губерняў закранаюцца не так часта. Тым не менш

у заканадаўчых, распарадчых і іншых дакументах XIX ст. адлюстравалася спецыфіка кіравання на ўскраінных тэрыторыях Расіі, у тым ліку на беларускіх землях.

Функцыі і паўнамоцтвы губернатараў вызначала «Агульнае губернскае ўстанаўленне» Звода законаў Расійскай імперыі 1857 г. [4], якое было складзена на аснове «Агульнага наказа грамадзянскім губернатарам» ад 3 ліпеня 1837 г. [5]. Мікалаеўскі наказ кваліфікаваў губернатараў як начальнікаў губерняў, якія павінны былі сачыць за выкананнем законаў, абавязваліся захоўваць грамадскі спакой, бяспеку, здаровы стан насельніцтва; забяспечваць харчаваннем губерню, аказваць бездапаможным апеку; ажыццяўляць нагляд за правасуддзем, выкананнем законных пастаноў і патрабаванняў [5, с. 362].

У сферу дзейнасці губернатараў уваходзілі абавязкі па выкананню і ахове законаў. Разам з тым іх паўнамоцтвы абмяжоўваліся. Яны не мелі права выдаваць новыя пастановы, зацвярджаць новыя падаткі, змяняць судовыя прысуды. Губернатары павінны былі клапаціцца пра апублікаванне законаў на падначаленых ім тэрыторыях. Яны абавязаны былі сачыць за справаводствам губернскага праўлення, правільным выкананнем спраў паліцэйскімі і судовымі ўстановамі, гарадскімі ўпраўленнямі [4, с. 63–65].

Начальнікі губерняў таксама апекавалі грашовыя сумы і казённую маёмасць падуладных ім устаноў, старшынствавалі ў губернскім праўленні, калі лічылі гэта патрэбным, прысутнічалі пры агульным сходзе палат – у выпадку старшынства галоўнага начальніка края (генерал-губернатара) [4, с. 66].

Губернатары адказвалі за тое, каб пасады ў падначаленых ім установах займалі добранадзейныя і здольныя чыноўнікі. Для гэтага яны павінны былі збіраць звесткі аб здольнасцях, адказных якасцях і ладзе жыцця апошніх. Гэтая інфармацыя ўлічвалася губернатарамі і пры назначэннях [4, с. 67].

Між тым начальнікі губерняў не мелі права ўмешвацца ў дваранскія выбары, хаця павінны былі дастаўляць губернскаму прадвадзіцелю спісы дваран, якія знаходзіліся пад судом ці следствам [4, с. 68]. Закон прадпісваў губернатарам накіроўваць для зацвярджэння ў грамадзянскім ведамстве спісы абраных на дваранскім сходзе кандыдатаў на павятовыя і губернскія пасады і адхіляць тых, хто не адпавядаў законным падставам [4, с. 68].

Таксама губернатары сачылі за прызначэннем на пасады канцылярскіх служачых у губернскае праўленне і іншыя ўстановы з тым, каб вакансіі займалі людзі здольныя да грамадзянскай службы і без судзімасцяў [4, с. 69].

Акрамя таго, на губернатара ўскладалася яшчэ адна вельмі важная задача – інфармаванне цэнтральнай улады. Ён павінен быў падаваць у С.-Пецярбург штогадовую справаздачу аб становішчы спраў у губерні,

прадстаўляць ведамасці пра нядоімкі, аб рэкрутах, павіннасцях і іншыя звесткі [6, с. 81–82].

У час падрыхтоўкі сялянскай рэформы 1861 г. губернатары павінны былі садзейнічаць захаванню грамадскага спакою, каб сяляне заставаліся ў падпарадкаванні памешчыкам і не парушалі парадак [1, с. 38]. На беларускіх землях сітуацыя была іншая.

У сувязі з распаўсюджваннем у беларускіх губернях антыўрадавых акцый пратэсту, звязаных з падзеямі ў Польшчы, з 1861 г. тут уводзіліся пасады часовых ваенных губернатараў. Паўстанне 1863–1864 гг. прымусіла ўлады захаваць гэтыя пасады да 1864 г. [3, с. 12, 201].

Асаблівасцю інстытута губернатараў у беларускіх губернях была наяўнасць паміж ім і Міністэрствам унутраных спраў прамежкавага органа ўлады – генерал-губернатара. 25 студзеня 1864 г. назва пасады «віленскі ваенны, ковенскі, гродзенскі і мінскі генерал-губернатар» была перайменавана ў «віленскі, ковенскі, гродзенскі і мінскі генерал-губернатар» [7, с. 173]. Акрамя таго, з пачаткам паўстання 1863–1864 гг. віленскаму генерал-губернатару падпарадкоўваліся яшчэ Віцебская і Магілёўская губерні. Таму яго пасада гучала наступным чынам: «віленскі, ковенскі гродзенскі і мінскі генерал-губернатар і галоўны начальнік Віцебскай і Магілёўскай губерняў» [3, с. 212; 8, арк. 1].

У далейшым, у сувязі са зняццем ваеннага становішча, падканторльная віленскаму генерал-губернатару тэрыторыя скарацілася. Магілёўская губерня была выведзена са складу Віленскага генерал-губернатарства 27 чэрвеня 1869 г., Віцебская – 2 лістапада 1869 г. [9, с. 234], Мінская губерня – 25 снежня 1870 г. [10, с. 622–623]. З 1870 г. галоўны начальнік краю пачаў называцца «віленскі, ковенскі і гродзенскі генерал-губернатар».

Яшчэ адной асаблівасцю Віленскай, Гродненскай і Мінскай губерняў было тое, што губернатары прызначалі земскіх спраўнікаў і засядацеляў земскіх судоў (замест выбірання іх дваранствам) [11, с. 52].

Па ўмовах судовай рэформы 1864 г., якая прадугледжвала аддзяленне суда ад адміністрацыі, умяшанне губернатара ў судаводства было забаронена [1, с. 38]. Указам ад 10 лютага 1864 г. начальнікі губерняў не дапускаліся да разгляду прыгавораў крымінальных палат, якія падлягалі рэвізіі Сената [12, с. 104–105]. У беларускіх губернях судовыя статуты ўводзіліся са значным абмежаваннем і спазненнем. Увядзенне міравых суддзяў у Беларусі прадугледжвалася пачаць з 1871 г. Спісы кандыдатаў на гэтыя пасады, складзеныя часовымі павятовымі камісіямі, паведамляліся губернатару. Ён абмяркоўваў спісы з прадвадзіцелямі дваранства, гарадскім галавою, губернскім пракурорам, старшынёй судовых палат і падаваў іх міністру юстыцыі, які і прызначаў міравых суддзяў [13, с. 48; 14, с. 913–914]. Такім чынам, хоць судаводства і было адмежавана ад улады губернатараў, але на беларускіх землях яны маглі ўплываць на кадравыя прызначэнні ў судовай сферы.

Далейшыя змены ў функцыянаванне інстытута губернатарства ўнесла земская рэформа. Згодна з Палажэннем аб губернскіх і павятовых земскіх установах (1864) [15], земскія ўправы распараджаліся аб скліканні і адкрыцці земскіх сходаў з дазволу губернатараў [15, с. 10]. Апошнія абавязваліся зацвярджаць спісы выбаршчыкаў будучых дэпутатаў у земскія сходы і выбраных старшыняў павятовых земскіх управ [1, с. 38]. Такім чынам, земствы траплялі ў залежнасць ад губернатараў.

Палажэннем аб земствах прадугледжвалася ўвядзенне іх толькі ў 33 губернях Расіі. Сярод іх беларускіх губерняў не згадвалася [15, с. 1–2]. На думку расійскай даследчыцы Ц. Ц. Міхеевай на ўскраінныя губерні земская рэформа не распаўсюджвалася, таму што там «не было памешчыцкага землеўладання» [2, с. 102]. На самай справе, на беларускіх землях земствы не ўводзіліся па палітычных прычынах. Перш за ўсё, з-за польскага паходжання ці апалячанасці большасці мясцовых землеўладальнікаў [16].

Палажэнне «Аб прасторы і межах улады губернатараў», якое ўступіла ў дзеянне 22 ліпеня 1866 г., вызначала новыя межы іх паўнамоцтваў. Дакумент узмацняў функцыю губернатараў па наглядзе за ўсімі адміністрацыйнымі ўстановамі і службовымі асобамі ў губерні [17, с. 953–954]. Начальнікам губерняў надавалася права праводзіць у любы час агульныя і раптоўныя рэвізіі ва ўсіх установах. Губернатар мог забараніць прызначэнне альбо перасоўванне чыноўнікаў губернскай адміністрацыі, калі лічыў іх недобранадзейнымі (аб чым паведамляў у адпаведнае міністэрства) [17, с. 953]. Губернатарам дазвалялася спыняць сходы розных таварыстваў «у выпадку выяўлення ў іх чаго-небудзь супраць дзяржаўнага парадку і грамадскай бяспекі і маральнасці» [17, с. 954]. Выключэнне складала толькі кантрольная палата, якая падпарадкоўвалася Дзяржаўнаму кантралёру [18, с. 38].

Пры гэтым, як адзначаў дарэвалюцыйны даследчык І. М. Страхоўскі, для губернатарскіх праверак не былі складзены інструкцыі, а без іх губернатары не маглі рэвізаваць мясцовыя ўстановы розных міністэрстваў [19, с. 75]. Гэта ставіла пад сумнеў легітымнасць вынікаў праверак.

Тым не менш рэвізіі праводзіліся. Напрыклад, у 1868 г. мінскі губернатар Я. А. Касінаў рэвізаваў даручаную яму губерню і выявіў нездавальняючы стан павятовых судоў [20, арк. 151]. Праўда, гэта мог быць звычайны агляд губерні, які губернатар павінен быў праводзіць пасля ўступлення на пасаду [5, с. 428–429].

Істотным чынам мяняліся паўнамоцтвы губернатараў і пасля правядзення рэформы гарадскога самакіравання (1870). Згодна з гарадавым Палажэннем ад 16 чэрвеня 1870 г., губернатары павінны былі сачыць за выкананнем органамі гарадскога самакіравання законаў. Між тым гарадскія думы выходзілі з поўнага падпарадкавання губернатарам [1, с. 38]. Але губернатары захоўвалі вялікія рычагі кантролю, паколькі кіраўнікі губернскіх гарадоў зацвярджаліся на пасадзе міністрам унутраных спраў

па прадстаўленні начальніка губерні, а кіраўнікі павятовых гарадоў – самім губернатарам [1, с. 39].

Фактычна земская і гарадская рэформы пашыралі функцыю нагляда, але абмяжоўвалі непасрэднае ўмяшальніцтва губернатара ў дзейнасць гэтых устаноў [21, с. 252].

У беларускіх губернях гарадавое Палажэнне 1870 г. уводзілася на пяць гадоў пазней. Як слушна адзначае даследчык М. А. Юрачкін, гэта было звязана з «польскім пытаннем» і перавагай яўрэяў сярод насельніцтва гарадоў і мястэчках заходніх губерняў [22, с. 25]. Акрамя таго, у Беларусі не толькі кіраўнікі губернскіх гарадоў зацвярджаліся на пасадзе міністрам унутраных спраў, але і усіх іншых гарадоў, калі іх кандыдатура выклікала ў губернатара сумненне [23, с. 262–263].

Такім чынам, у 60–70-я гг. XIX ст. адбывалася пашырэнне ўлады губернатара, што знайшло адлюстраванне ў заканадаўстве гэтага перыяду. Але на практыцы не ўсе паўнамоцтвы рэалізоўваліся. Увогуле губернатар заставаўся галоўным прадстаўніком вярхоўнай улады на месцах і з ім вымушаны былі лічыцца як начальнікі іншых ведамстваў, так і органы мясцовага самакіравання. Але апошнія ў сувязі з абмежаванасцю рэформаў у беларускіх губернях не атрымалі належнага развіцця. Таму ў разглядаемы перыяд інстытут губернатарства на тэрыторыі Беларусі захаваў больш паўнамоцтваў, чым у іншых рэгіёнах Расіі. У сваю чаргу начальнікі ўсіх беларускіх губерняў да 1869–1870 гг. знаходзіліся ў залежным становішчы ад віленскага генерал-губернатара і толькі пасля 1870 г. атрымалі больш самастойнасці.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Кононов, В. А.* Институт губернаторства в дореволюционной России: взаимодействие губернской и центральной администраций, 1708–1917 гг. (На материалах Смоленской губернии): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / В. А. Кононов; Смолен. гос. пед. ун-т. – Смоленск, 2005. – 214 с.

2. *Михеева, Ц. Ц.* Эволюция института губернаторства в Российской империи (историко-правовой аспект): дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ц.Ц. Михеева; ГОУВПО «Рос. ун-т дружбы народов». – М., 2006. – 190 с.

3. *Бригадин, П. И.* Минские губернаторы: история власти / П. И. Бригадин, А. М. Лукашевич. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2009. – 351 с.

4. Свод законов Российской империи: изд. 1857 г.: [в 16 т.]. – СПб., 1857. – Т. 2, ч. 1: Общее губернское учреждение. – 1474 с.

5. Общий наказ гражданским губернаторам: именной указ Сенату, 3 июля 1837 г., № 10303 // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2: в 55 т. – СПб., 1838. – Т. 12: Отд. 1. – С. 361–439.

6. *Минаков, А. С.* Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений: (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX вв.) / А. С. Минаков. – Орел: Орлик, Александр Воробьев, 2011. – 487 с.

7. О переименовании генерал-губернаторов, носящих звание и военного губернатора, и о подчинении военных губернаторов местным генерал-губернаторам: сенатский указ, 25 февраля 1864 г., № 40635 // ПСЗРИ. Собр. 2: в 55 т. – СПб., 1867. – Т. 39: Отд. 1. – С. 173.

8. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 295. – Оп. 1. – Д. 1900. Ведомости о недвижимых имуществах, конфискованных в городах и селениях Минской губ. 6 авг. 1868 г. – 5 июля 1870 г.

9. Об изъятии Витебской губернии из ведения главного управления Северо-Западным краем: именной указ Сенату, 2 ноября 1869 г., № 47608 // ПСЗРИ. Собр. 2: в 55 т. – СПб., 1873. – Т. 44: Отд. 1. – С. 234.

10. Об изъятии Минской губернии из ведения главного управления Северо-Западным краем: именной указ Сенату, 25 декабря 1870 г., № 49062 // ПСЗРИ. Собр. 2: в 55 т. – СПб., 1874. – Т. 45: Отд. 2. – С. 622–623.

11. *Матханова, Н. П.* Полномочия губернатора в середине XIX в. Региональная специфика / Н. П. Матханова // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории: [материалы Всероссийской научной конференции (Новосибирск, 3–4 марта 1998 г.) / редкол.: Л. М. Горюшкин (отв. ред.) [и др.]. – Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 1998. – С. 50–53.

12. Об изъятии начальников губерний от рассмотрения тех приговоров уголовных палат, кои, по силе самого закона, подлежат ревизии Правительствующего Сената: мнение Гос. совета, 10 февраля 1864 г., № 40584 // ПСЗРИ. Собр. 2: в 55 т. – СПб., 1867. – Т. 39: Отд. 1. – 104–105.

13. *Бригадин, Д. П.* Преступность в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Д. П. Бригадин. – Минск, 2017. – 144 с.

14. Временные правила об устройстве мировых судебных установлений в губерниях: Виленской, Ковенской, Гродненской, Киевской, Волынской, Подольской, Минской, Витебской и Могилевской, впредь до введения земских учреждений: именной указ Сенату, 23 июня 1871 г., № 49750 // ПСЗРИ. Собр. 2: в 55 т. – СПб., 1874. – Т. 46: Отд. 1. – С. 913–916.

15. Положение о губернских и уездных земских учреждениях: именной указ Сенату, 1 января 1864 г., № 40457 // ПСЗРИ. Собр. 2: в 55 т. – СПб., 1867. – Т. 39: Отд. 1. – С. 1–14.

16. *Сорокина, В. В.* Политика русского самодержавия в отношении западных земств / В. В. Сорокина // Правоведение [Электронный ресурс]. – 1979. – № 1. – Режим доступа: http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=187030 – Дата доступа: 01.02.2018.

17. О пространстве и пределах власти губернаторов: высочайше утвержденное положение Комитета министров, 22 июля 1866 г., № 43501 // ПСЗРИ. Собр. 2: в 55 т. – СПб., 1868. – Т. 41: Отд. 1. – С. 953–954.

18. *Подорожняя, Е. А.* Местные органы государственной власти и управления в Беларуси (1861–1914 гг.): структура, функции, кадры: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Е. А. Подорожняя. – Минск, 2014. – 180 с.

19. *Страховский, И. М.* Губернское устройство / И. М. Страховский // Журнал Мин-ва юстиции. – 1913. – № 7–8. – С. 31–92.

20. НГАБ. – Ф. 295. – Воп. 1. – Спр. 1931. Сведения о результатах ревизии уездных присутственных мест и учреждений, произведенной начальником губернии. – 23 июня – 5 ноября 1868 г.

21. *Блинов, И. А.* Губернаторы. Историко-юридический очерк / И. А. Блинов. – СПб.: типо-лит. К. Л. Пентковского, 1905. – 365 с.

22. *Юрочкин, М. А.* Реформа городского самоуправления в Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв. / М. А. Юрочкин. – Гомель: Белницэкология, 2002. – 151 с.

23. О применении Городового положения 1870 г. к городам Западных губерний: мнение Гос. совета, 29 апреля 1875 г., № 54640 // ПСЗРИ. Собр. 2: в 55 т. – СПб., 1868. – Т. 50: Отд. 1. – С. 462–464.

(Дата падачы: 14.02.2018 г.)

Я. В. Маслоўскі
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск
Y. V. Maslouski
Belarusian State University, Minsk

УДК 323.33(476)(091)«1907/1914»

СТАН МЕДЫЦЫНСКАЙ ДАПАМОГІ ФАБРЫЧНА-ЗАВОДСКІМ РАБОЧЫМ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ У 1907–1914 ГГ.

STATUS OF HEALTH CARE FOR FACTORY-FACTORY WORKERS OF BELARUS GOVERNMENTS IN 1907–1914.

У артыкуле змешчаны аналіз стану медыцынскай дапамогі фабрычна-заводскім рабочым беларускіх губерняў (Віленскай, Віцебскай, Гродзенскай, Мінскай, Магілёўскай). Прыводзіцца параўнанне даступнасці медыцынскага абслугоўвання для прамысловага пралетарыяту ў губернскіх цэнтрах, гарадах і сельскай мясцовасці. Паказана залежнасць захворванняў рабочых ад галіны вытворчасці, у якой яны працавалі. Ахарактарызавана дынаміка колькасных зменаў у скаргах рабочых на якасць медыцынскага абслугоўвання ў фабрычную інспекцыю.

Ключавыя словы: Беларусь; медыцынская дапамога; рабочы; сацыяльнае становішча; прамысловасць; 1907–1914 гг.; пралетарыят; фабрычна-заводскі; беларускія губерні; даклады дактароў; спецыфіка захворванняў рабочых;

The article contains the analysis of the state of health care factory workers Belarusian provinces (Vilna, Vitebsk, Grodno, Minsk, Mogilev). Marked differences in access to health services for the industrial proletariat in the provincial centers, urban and rural areas. The dependence of specific diseases of workers from industries where they worked. Given the dynamics of quantitative changes in the complaints of workers in the health services in the factory inspection.

Keywords: Belarus; medical care; work; social status; industry; 1907–1914; proletariat; Factory; the Belarusian province; specific diseases of workers;

Вывучэнне паўсядзённага жыцця беларускага грамадства ў пачатку XX ст. з'яўляецца актуальнай праблемай сучаснай беларускай гістарычнай навукі. Фабрычна-заводскі пралетарыят беларускіх губерняў з'яўляўся прагрэсіўнай часткай тагачаснага грамадства. Яго палітычныя прыярытэты, ступень падтрымкі ўлады залежалі ад сацыяльна-эканамічнага становішча рабочых, ад тагачаснага ўзроўню жыцця прамысловага пралетарыяту. Адным з галоўных паказчыкаў узроўню жыцця рабочых можна лічыць стан забеспячэння медыцынскай дапамогай. Менавіта гэтае пытанне мае неабходнасць асобнага вывучэння.

Мэта даследавання – вызначэнне стану медыцынскага забеспячэння фабрычна-заводскіх рабочых беларускіх губерняў у 1907–1914 гг.

Для дасягнення асноўнай мэты працы пастаўлены наступныя задачы:

• прааналізаваць крыніцы вывучэння стану медыцынскай дапамогі фабрычна-заводскім рабочым;

• выявіць залежнасць захворванняў рабочых ад спецыялізацыі.

Асвятліць стан медыцынскай дапамогі фабрычна-заводскім рабочым магчыма, звярнуўшыся да дакладаў з'ездаў дактароў беларускіх губерняў 1907–1914 гг. Менавіта гэтыя дакументы з-за адсутнасці ўспамінаў рабочых вывучаемаго часу аб стане медыцынскага забеспячэння, разам з выкарыстаннем дадзеных справаздач фабрычных інспектараў, дзе адлюстраваны і згрупіраваны прычыны падачы скаргаў у фабрычную інспекцыю, дазваляюць аднавіць рэальны стан медыцынскага забеспячэння фабрычна-заводскіх рабочых.

На дастаткова высокім узроўні з'езды дактароў праходзілі ў Мінскай губерні з 1907 па 1913 гг. Адным з найбольш карысных для вызначанай тэматыкі з'яўляецца даклад С. Л. Саламонава «Медыцынская дапамога фабрычна-заводскім рабочым г. Мінска», дзе загадчык фабрычна-заводскай амбулаторыі канстатуе, што рабочыя ўсіх буйных і большай часткі дробных фабрык і заводаў г. Мінска атрымліваюць бясплатна медыцынскую дапамогу ў фабрычна-заводскай амбулаторыі. Апошняя была ўладкаваная выключна для працоўных на сродкі ўладальнікаў прамысловых прадпрыемстваў г. Мінска; яна знаходзілася ў цэнтры горада, што дазваляла дастаткова проста звярнуцца пры неабходнасці рабочым да лекараў. Займала адносна вялікае памяшканне з 4-х прасторных пакояў, з якіх два былі адведзены для стацыянарных хворых у выглядзе прыёмнага пакою, а ў двух астатніх штодня адбываўся прыём хворых. У амбулаторыі адпускаліся некаторыя лекі, якія не патрабавалі асаблівых ведаў для сваёй падрыхтоўкі і былі не моцнадзейнымі; ўсё ж астатнія лекі рабочыя атрымоўвалі па рэцэптах амбулаторных лекараў у розных аптэках горада ў кошт сваіх гаспадароў. З амбулаторыі выдаваліся хворым у часовае карыстанне некаторыя інвентарныя прылады: пузыры, бассоны, спрынцоўкі, кружкі Эсмарха і інш. [1, с. 280].

Згодна з дадзенымі, апублікаванымі ў дакладзе, можна вызначыць, што прыём хворых у амбулаторыі адбываўся штодня два разы: па раніцах ад 9:00 да 10:00 і па вечарах ад 17:00 да 19:00. У выпадку патрэбы лекар мог быць выкліканы ў амбулаторыю ва ўсякі час, што адбывалася пры няшчасным выпадку з рабочым на заводзе. Медыцынскі персанал амбулаторыі складаўся з двух лекараў, двух фельчараў, дантыста і адной акушэркі. Гэтыя асобы прымалі хворых у амбулаторыі і ў сябе дома ў пэўныя гадзіны і наведвалі цяжкіх хворых па месцу жыхарства. Пры амбулаторыі працавалі яшчэ лекары-спецыялісты па вачах, акушэрстве і жаночых справах [1, с. 281].

Гаспадарчымі справамі амбулаторыі займаўся папячэцельскі савет, які складаўся з 6-ці асоб, якія выбіраліся фабрыкантамі са свайго асяроддзя штогод на агульным сходзе, пад старшынствам старэйшага фабрычнага інспектара Мінскай губерні. На пасяджэннях папячыцельскага савета прысутнічалі і штатныя амбулаторныя лекары з правам дарадчага голасу; працоўныя ж не мелі свайго прадстаўніка ў савеце. Аднак пралетарыят не нёс выдаткаў на ўтрыманне амбулаторыі [1, с. 281].

У амбулаторыі атрымоўвалі медыцынскую дапамогу самі рабочыя і члены іх сямействаў: іх жонкі і дзеці, прытым толькі ад тых заводаў, уладальнікі якіх прымалі удзел у выдатках па змесце амбулаторыі. У вышэй узгаданы час паслугамі амбулаторыі карысталіся рабочыя 25-ці прамысловых прадпрыемстваў, у лік якіх уваходзілі 2 чыгуналіцейных завода, 3 вінакурных, 3 гарбарных, 2 патачнай, 2 мылаварных, 2 кафляных-мазаічных, 1 цагляны і 1 піваварны завод, 4 тыпу – літаграфіі, 3 тытунёвыя фабрыкі, 2 абіўных, 1 гільзавы, 1 фабрыка для ачысткі шчаціння і 5 каўбасных устаноў. На ўсіх гэтых фабрыках і заводах да пачатку 1907 г. працавалі больш за 1100 чалавек [1, с. 281].

Амбулаторыя існавала з 1903 г., калі на агульным сходзе фабрыкантаў вырашана было перанесці амбулаторыю ў цэнтр горада. Колькасць рабочых, якім была дадзена магчымасць карыстацца медыцынскай дапамогай у амбулаторыі, у 1908 г. складала каля 1500 рабочых. Такім чынам, мінскі фабрычна-завадскі рабочы ў выпадку захворвання заўсёды мог знайсці сабе бясплатна медыцынскую дапамогу [1, с. 282].

Варта ўлічваць, што многія хворыя з нагоды аднаго і таго ж захворвання звярталіся да лекараў і да фельчара адначасова. Можна меркаваць, што іх запісвалі па некалькі разоў, як упершыню хворых. На ўсе гэтыя захворванні ў 1907 г. рабочыя звярталіся 8222 разы. Гэта колькасць зваротаў размяркоўвалася паміж доктарскім і фельчарскім персаналам, прычым на долю дактароў прыходзілася ў 1907 г. 7300 зваротаў. Астатнія звароты прымалі фельдчары [1, с. 283].

Вышэй узгаданы доктар Саламонаў тлумачыць гэта тым, што «хворыя вельмі неахвотна бяруць лекі з амбулаторыі, а просяць заўсёды пісаць рэцэпты ў нармальныя аптэкі, адкуль яны атрымліваюць лекі на рахунак сваіх гаспадароў. З амбулаторыі атрымліваюць лекі толькі тыя рабочыя, гаспадары якіх не згаджаюцца адпускаць ім лекі на свой рахунак. У летнія месяцы ў пэўныя дні вырабляецца прывіўка воспы дзецям рабочых, а таксама і дарослым па іх жаданні. Сярэднім лікам штогод вырабляецца 35–40 прывівак». Атрымоўваецца, што ў вывучаемы час фабрыканты павінны былі за свой кошт набываць лекі рабочым [1, с. 284].

Падобныя амбулаторыі працавалі ў Смаргоні, Барысаве, Магілёве. Існавалі медыцынскія ўстановы пры прамысловых прадпрыемствах Віленскай, Віцебскай, Гродзенскай губерняў [2, с. 142–145].

Колькасць востразаразных хвароб узрасла ў 1907 г., калі ў Мінску ўспыхнула эпідэмія халеры. Адным з паказчыкаў стану гігіены гарадскіх рабочых можна лічыць дастаткова вялікую колькасць зваротаў да стаматолагаў, што можна патлумачыць адсутнасцю ў большасці рабочых ўяўленняў аб асабістай гігіене. Аднак падобныя хваробы былі распаўсюджаны сярод рабочых нават у найбольш развітым фабрычна-заводскім цэнтры Расійскай імперыі – Санкт-Пецербургу [3].

Да няшчасных выпадкаў адносілі захворванні сібірскай язвай. Пры цяжкіх пашкоджаннях, што цягнулі за сабою ступень інваліднасці рабочага,

амбулаторным лекарам прыходзілася не толькі даглядаць хворага, але пасля заканчэння лячэння забяспечыць пацярпелага дакументам з дакладным пазначэнне ступені абмежавання яго працаздольнасці, выяўленай у працэнтах. У гэтым пытанні было вельмі цяжка задаволіць зацікаўленыя бакі.

З 1906 г. для вызначэння ступені інваліднасці пацярпелага працоўнага старэйшыя фабрычныя інспектары беларускіх губерняў пачалі склікаць камісіі з трох дактароў: аднаго па ўказанні рабочага, іншага па ўказанні прадстаўніка страхавога таварыстваў і трэцяга – амбулаторнага лекара. Рашэнне гэтай камісіі было абавязковым для абодвух бакоў і такім чынам амбулаторныя лекары дзякуючы намаганням фабрычнай інспекцыі былі пазбаўленыя ад незаслужаных нараканняў. Такія камісіі склікаліся кожны раз па меры неабходнасці ў Мінску [1, с. 286], Віцебску, Вільні, Гродна і Магілёве [4].

Падобныя камісія працавалі з фабрычна-заводскімі рабочымі, якія атрымалі абмежаванасць працаздольнасці на працы, іншых беларускіх губерняў.

Па асобных галінах вытворчасці колькасць зваротаў размяркоўваецца ў наступным выглядзе: найбольшая колькасць зваротаў (1680) за 1907 г. прыпадала штогод на чыгуналіцейны завод – найбуйнейшы з заводаў Мінска вызначанага часу: каля 400 рабочых. Тут рабочыя часта падвяргаліся параненням, ударам і апёкам.

Другое месца па колькасці зваротаў займалі тытунёвыя фабрыкі, дзе хварэлі самі працоўныя і члены іх сем'яў: 975 зваротаў за 1907 г. Найбольшая колькасць дзіцячых хвароб прыпадала на дзяцей тытуннікаў. Самі працоўныя тытунёвых прадпрыемстваў хварэлі на катар лёгкіх, зяпы, носа, з іх шкодным уплывам на развіццё арганізма [1, с. 287].

Не менш шкодны ўплыў на здароўе працоўных аказвала ўдыханне пылу ў майстэрні для ачысткі шчаціння. Усе звароты датычыліся хвароб скуры і лёгкіх. Аднак на гэтай і на іншых гарбарных прадпрыемствах існавала магчымасць даволі хуткага прафесійнага развіцця. Гарбарны рабочы, навучыўшыся вырабу і ачыстцы шчаціння, часта пераходзіў да іншай галіны гэтай вытворчасці, дзе яму даводзілася мець справу з чыстым, пазбаўленым пылу шчаціннем. Такім чынам, рабочы меў магчымасць пазбавіцца ад далейшага разбурэння арганізму.

Шкодны ўплыў пылу на арганізм працоўных назіраўся таксама ў друкарнях. На дадзеных вытворчасцях дзейнічаў свінцовы пыл, які ўсмоктваўся ў арганізм і ствараў хранічнае атручванне, якое выяўлялася ў з'явах раздражнення нервовай сістэмы і засмучэннях з боку кішэчніка. Па ступені захворвання друкаваныя ўстановы займалі чацвёртае месца: 1037 выпадкаў за 1907 г. [1, с. 288].

Смяротнасць сярод рабочых у сярэднім складала 0,2 % ад агульнай колькасці рабочых. Штогод у 1903–1907 гг. паміралі 15–20 чалавек пераважна ў дзіцячым узросце, з дарослых паміралі толькі 1 або 2 чалавека ў год

[1, с. 289]. Прыведзеныя лічбы можна экстрапаляваць на ўсе 5 беларускіх губерняў у 1907–1914 гг.

Каб аднавіць рэальную карціну медыцынскага забеспячэння фабрычна-завадскога пралетарыяту ў сельскай мясцовасці і павятовых гарадах, неабходна звярнуцца да дакладаў мясцовых дактароў. Доктар Розенберг характарызуе стан медыцынскай дапамогі працоўных фабрычна-завадскіх прадпрыемстваў Барысаўскага павета: «Усіх прадпрыемстваў маецца 32, з якіх 8 размешчаны ў г. Барысаве і 24 у п. Нова-Барысаве. На ўсіх фабрыках і заводах працуе 1718 рабочых. Пры больш буйных фабрыках маецца для рабочых добра абстаўленая медыцынская дапамога ў асобе лекара і фельчара; пры чым на некаторых з іх лекі адпускаюцца рабочым бясплатна па рэцэптах лекараў з мясцовых вольных аптэк». Уладальнікі запалкавай фабрыкі «Вікторыя», лесапільнага завода Вялікіх Князёў, запалкавай фабрыкі «Бярэзіна» і папяровай фабрыкі «Папірус» цалкам утрымлівалі медыцынскую дапамогу і лекі для сваіх рабочых за свой кошт. На іншых фабрках лекі адпускаліся з фабрычнай аптэкі. З ліку 32 згаданых фабрычна-завадскіх прадпрыемстваў 7 былі забяспечаны ўрачэбна-медыцынскай дапамогай для сваіх рабочых, а ў астатніх яе не мелася. Варта, аднак, адзначыць, што на ўзгаданых фабрыках працавала каля паловы з усіх барысаўскіх рабочых [5, с. 286].

Вышэй прыведзеныя сведчанні мясцовага доктара дазваляюць сцвярджаць аб горшым забеспячэнні медыцынскай дапамогі рабочых барысаўскага павету, чым мінскіх працоўных.

Аднак, каментар доктара Ю. А. Сяліцкага, які таксама паходзіў з г. Барысава, дазваляе шырэй вывучыць гэтае пытанне: «Доктар Розенберг сказаў, што на дзвюх Барысаўскіх фабрыках рабочыя дастаткова забяспечаны медыцынскай дапамогай; гэта дакладна толькі ў дачыненні да амбулаторнай дапамогі, але стацыянарныя хворыя паступаюць у земскую бальніцу і лечацца за кошт земства» [5, с. 287]. Гэты каментар дазваляе аднавіць сітуацыю, пры якой рабочы, які не атрымаў медыцынскай дапамогі ў фабрычнай амбулаторыі, меў магчымасць атрымаць яе ў земскай бальніцы. Часцей у земскую бальніцу звярталіся рабочыя, якія працавалі на прадпрыемствах, размешчаных у сельскай мясцовасці. Можна меркаваць, што ў падобным стане знаходзілася медыцынская дапамога фабрычна-завадскім рабочым у Віцебскай і Магілёўскай губернях [6, с. 77–80].

Для параўнання стану медыцынскай дапамогі рабочым іншых беларускіх губерняў (Віленскай, Віцебскай, Гродзенскай і Магілёўскай) можна прывесці дадзеныя справаздач фабрычных інспектараў за гэты перыяд: у 1907 г. з 665 повадаў для скаргаў 427 былі прызнаны парушэннем правоў рабочых. З іх 159 вызначаны як «Парушэнне ўмоў найму па падачы медыцынскай дапамогі». Тут неабходна ўлічваць, па-першае, значную колькасць калектыўных скаргаў па гэтай праблеме. Па-другое, фабрычна-завадскі пралетарыят астатніх 4 губерняў падаў значна менш абгрунтаваных скаргаў па гэтай праблеме (табл. 1).

Табліца 1

Агульная колькасць абгрунтаваных повадаў для скаргаў

	Віленская губерня	**Віцебская губерня**	**Гродзенская губерня**	**Магілёўская губерня**	**Мінская губерня**
1907 г.	1/*304	-/*826	112/*1256	2/*382	159/*427
1909 г.	130/*210	-/*260	10/*1228	-/*110	-/*168
У 1912 г. змяняецца фармуляр табліцы, указваюцца адзінаасобныя і калектыўныя звароты ў фабрычную інспекцыю і не адзначаецца, ці былі прызнаны дадзеныя звароты абгрунтаванымі. Адзінаасобных скаргаў за гэты год пададзена не было, толькі калектыўныя (колькасць калектыўных скаргаў па поваду «Адсутнасць ці незадавальненне медыцынскай дапамогай (за выключэннем няшчасных выпадкаў)» /агульная колькасць калектыўных скаргаў)					
1912 г.	30/793	140/584	-/378	-/1030	-/174

Складзена на падставе [7, с. 60–66; 8, с. 60–67; 9, с. 19–204].

Дадзеныя табліцы 1 сведчаць аб памяншэнні зваротаў рабочых Мінскай губерні, значная колькасць якіх працавала ў Мінску. Да гэтага неабходна дадаць, што менавіта ў мінскіх рабочых існавала больш магчымасцяў для падачы скаргі фабрычнаму інспектару, чый прыёмны пакой знаходзіўся ў губернскім горадзе. У сваю чаргу, гэта дазваляе сцвярджаць аб паступовым паляпшэнні стану медыцынскай дапамогі фабрычна-завадскім рабочым.

У 1910 г. старэйшаму фабрычнаму інспектару было пададзена толькі 3 скаргі на парушэнне ўмоў найму па аказанні медыцынскай дапамогі, з якіх 1 была прызнана абгрунтаванай [10].

Разгляд нясчаснага здарэння, які адбыўся 21 студзеня 1911 г. з працоўным Шклоўскай папяровая фабрыкі Растаргуевым, пакажа сітуацыю з медыцынскай дапамогай рабочым Магілёўскай губерні. Растаргуеў у адзначаны дзень атрымаў удар правага боку 8, 9 і 10 рэбраў. Яго накіравалі на лячэнне ў Магілёўскую губернскую земскую бальніцу. Адтуль, па заяве фабрычнага і земскага лекараў, ён выйшаў цалкам здаровым, але меў патрэбу ў адпачынку, які быў яму прадастаўлены па хадайніцтве магілёўскага фабрычнага інспектара на фабрыцы на працягу месяца з захаваннем заробку [11]. Прыведзены прыклад не адзіны, але выбраны як тыповы.

«Закон аб забеспячэнні рабочых у выпадку хваробы» і «Закон аб страхаванні ад няшчасных выпадкаў» былі прыняты 23 чэрвеня 1912 г. Для іх рэалізацыі арганізоўвалі бальнічныя касы, які падзяляліся на асобныя для аднаго прадпрыемства і агульныя для некалькіх. Колькасць удзельнікаў бальнічнай касы на прадпрыемствах не магла быць меншай за 200 чалавек. Прамысловыя ўстановы з колькасцю рабочых менш за 200 вымушаны былі аб'ядноўвацца ў агульную касу. Пастановай прадугледжваўся у асобных выпадках дазвол на заснаванне асобнай касы на прадпрыемстве з меншай колькасцю рабочых [12].

Рабочы атрымоўваў медыцынскую дапамогу і грашовую кампенсацыю да той пары, пакуль заставаўся ўдзельнікам бальнічнай касы. Права на атрыманне дапамогі заставалася за рабочым нават у тым выпадку, калі ён пераходзіў на іншае прадпрыемства пры ўмове, што прадпрыемства падпадала пад дзеянне закона. Такім чынам, не ўсе прадпрыемствы забяспечвалі дапамогу сваім рабочым, а толькі тыя, што адпавядалі патрабаванням закона па колькасці працуючых рабочых, па ўмовах найму і асаблівасцях вытворчасці.

Старэйшы фабрычны інспектар Кіеўскага прамысловага округа, куды ўваходзілі Мінская і Магілёўская губерні, А. Мікулін адзначае, што ўжо значная частка рабочых атрымлівае бясплатную медыцынскую дапамогу: альбо палову заводчык аплачвае, альбо цалкам. Што посля рэалізацыі закона частка заводчыкаў гатовыя цалкам узяць на сябе выплату ўзносаў у бальнічныя касы [13].

У разглядаемы час з вялікіх фабрычных цэнтрах беларускіх губерняў медыцынская дапамога для фабрычна-завадскіх рабочых была пастаўлена на задавальняючым узроўні толькі ў Мінску. У астатніх гарадах шмат залежыла ад «добрай волі ўладальніка фабрыкі ці завода». На прадпрыемстве, дзе фабрыкант браў на сябе абавязкі грашовага ўтрымання доктара, медыцынская дапамога была на неабходным узроўні, дзе уладальнік завода імкнуўся пазбегнуць такіх выдаткаў – рабочаму прыходзілася звяртацца ў гарадскую ці земскую бальніцу або аплачваць працу доктара самастойна. Аднак неабходна ўлічваць каласальныя намаганні рабочых і фабрычнай інспекцыі, якія прымусам ці іншым чынам, але дамагаліся стварэння фабрычна-завадскіх амбулаторый з бясплатным абслугоўваннем персаналу прадпрыемстваў.

Дадзеныя дакладаў дактароў дазваляюць аднавіць рэальнае становішча медыцынскага забеспячэння фабрычна-заводскіх рабочых і іх сем'яў, ствараць сапраўднае ўяўленне аб хваробах рабочых па групах вытворчасці. Гэтыя сведчанні з'яўляюцца дастаткова дакладнымі, каб выкарыстаць іх пры вывучэнні сацыяльна-эканамічнага жыцця фабрычна-заводскіх рабочых.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Соломонов, С. Л.* Медицинская помощь фабрично-заводским рабочим г. Минска / С. Л. Соломонов // Труды первого съезда врачей Минской губернии, 22–25 января 1908 г. / под ред. М. А. Поляка. – Минск, 1908. – С. 279–289.

2. *Крючок, Г. Р.* Очерки истории медицины Белоруссии / Г. Р. Крючок // Минск: Беларусь, 1976. – 264 с.

3. НГАБ. – Ф. 502. – Воп. 1. – Спр. 43. – Арк. 47.

4. ЦДГАУ ў г. Кіеў. – Фонд 575. – Воп. 1. – Спр. 373. – Арк. 137–159.

5. Труды Третьего Съезда врачей Минской губернии, 9–12 января 1914 года / под редакцией секретаря Съезда М. А. Поляка. – Минск, 1914 г. – [2], 503 с., [1] л. ил.

6. Труды Первого съезда врачей и представителей Управления земским хозяйством Могилёвской губернии. – Могилев, 1907 г. – 108 с.

7. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1907 г. – СПб.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1909. – 156 с.

8. Свод отчётов фабричных инспекторов за 1909 г. – СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1910. – 195 с.

9. Свод отчётов фабричных инспекторов за 1912 г. – СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1913. – 318 с.

10. НГАБ. – Фонд 311. – Воп. 1. – Спр. 43. – Арк. 52 адв.

11. ЦДГАУ у г. Кіеў. – Фонд 575. – Воп. 1. – Спр. 599. – Арк. 1–7.

12. *Фамін, В. М.* Сацыяльныя мерапрыемствы дзяржаўных органаў па вырашэнні рабочых пытанняў у Беларусі (канец XIX – пачатак XX ст) / В. М. Фамін // Актуальныя праблемы станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці (Да 90-годдзя ўтварэння БССР): матэрыялы Рэсп. навук.-тэарэт. канф., г. Мінск, 2009 г. – Мінск: БДПУ. – С. 117–123.

13. ЦДГАУ ў г. Кіеў. – Фонд 616. – Воп. 1. – Спр. 599. – Арк. 49–50.

(Дата падачы: 28.02.2018 г.)

Д. А. Мигун
Республиканский институт высшей школы, Минск
D. A. Migun
National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 327(476:430)(091)(043.3)

ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ДОГОВОРЫ ЛЕТА 1918 Г. И СУДЬБЫ БЕЛАРУСИ

GERMAN-SOVIET ADDITIONAL CONTRACTS OF THE SUMMER OF 1918 AND THE FATE OF BELARUS

В статье подробно исследуются политические события лета 1918 г., связанные с германо-советскими отношениями. Автор тщательно исследует содержание дополнительных договоров между Германией и большевистской Россией и их значение для Беларуси.

Ключевые слова: правительство РСФСР; Германия; убийства Мирбаха; советско-германский Добавочный договор.

The article explores in detail political events of the summer of 1918 related to German-Soviet relations. The author carefully examines the content of additional treaties between Germany and Bolshevik Russia and their significance for Belarus.

Key words: the government of the RSFSR; Germany; the murders of Mirbach; the Soviet-German Supplementary Agreement.

В начале мая 1918 г. правительство РСФСР обратилось к германскому правительству с предложением начать переговоры по политическим, экономическим и финансовым вопросам. Были созданы комиссии для ведения переговоров по финансовым вопросам и по вопросам компенсации за содержание русских военнопленных. Соответствующие переговоры проходили в Москве и Берлине. Стремясь нейтрализовать деятельность «партии войны» в Германии, советское руководство заинтересовывало германские деловые круги перспективами торгово-экономического взаимодействия. В июне 1918 г. советское правительство согласилось передать Германии

суда Черноморского флота, распорядившись перевести их в Севастополь (требование было выполнено не в полном объеме, поскольку часть судов Черноморского флота была затоплена по решению их экипажей).

В конечном итоге такая тактика увенчалась успехом. В условиях, когда желанная победа на Западном фронте была совсем близка, Германия стремилась сохранить стабильность в отношениях с Советской Россией. В памятной записке германского МИД, составленной в начале мая 1918 г., говорилось: «Сейчас наша основная задача в России – помогать разлагающим силам и как можно дольше держать страну слабой, подобно тому, как вел себя князь Бисмарк по отношению к Франции после 1871 г., выступая против восстановления монархии. Далее наша политика должна состоять в налаживании связей с отколовшимися самостоятельными государствами, особенно Украиной, Финляндией и новым кавказским правительством, в закреплении там нашего влияния и подавлении федералистских тенденций по отношению к России» [1]. Любопытно то, что о Беларуси речь не идет вообще. Мирбаху было дано указание оказывать поддержку большевикам и ни в коем случае не вступать в сношения с российской оппозицией. «Небольшая кучка крайне правых русских (вокруг Дурново, Маркова, Сабурова) еще до войны не имела в стране никакого значения, не будет иметь его и в дальнейшем, после того как вся страна, особенно крестьянство, пропиталась демократическими идеями и ожидает, что они спасут ее. Кроме того, эти круги, встав у руля с помощью немцев, будут думать точно так же, как сейчас кадеты и социалисты. Как и любой русский патриот, они понимают, что Брест-Литовский мир, точнее, последствия этого мира, проявляющиеся в нашей балтийской политике, в наших действиях в Финляндии и в Крыму, означают разрушение России. Этому они противопоставят попытку вновь организовать страну и мобилизовать ее на сопротивление Германии. Ожидать благодарности от этих кругов, которые могут держаться только за счет широкой поддержки демократической буржуазии, мы не можем. Кроме того, их в самое ближайшее время сменят либеральные кадеты, наши заклятые враги в России, и получится, что мы сами помогли снова подняться на ноги собственным врагам» [1].

В начале июня 1918 г. германское посольство в Москве получило от своего правительства около 9 млн марок; примерно половина предоставленной суммы была потрачена на поддержку советского правительства, остальная часть была направлена правительству Краснова на Дону и Временному правительству Сибири в Омске. 23 июня Вильгельм II запретил проведение военных операций в России и распорядился сообщить советскому правительству, что оно может отвести свои войска от Петрограда и использовать их против чехословаков. Германские компании разрабатывали планы активного проникновения в Россию.

Белорусский историк С. А. Третьяк отмечает, что «…в Германии Брестский мир рассматривался как временный. Правящие круги вынашивали

планы задушения Советской России после победоносногонаступления на Париж в мае 1918 г. Кроме того, разведка и дипломаты Германии заранее подбирали кадры будущих марионеточных правительств, устанавливали связи с антибольшевистским подпольем на неоккупированной советской территории» [2].

Во второй половине 1918 г. советско-германские отношения стали ухудшаться. Германия не смогла развить успех на Западном фронте. Войска Антанты оказывали ожесточенное сопротивление. Во Францию прибыли крупные контингенты американских войск и техники, впервые обеспечившие союзникам ощутимый перевес над врагом. 15 июля германское верховное командование предприняло еще одну отчаянную попытку продвинуться в направлении Парижа, но на этот раз немецкое наступление продолжалось всего лишь два дня. После контрнаступления французской армии, предпринятого 18 июля, немцы впервые с весны 1918 г. были вынуждены оставить занимаемые позиции. Бои на Марне обозначили перелом в военных действиях на Западном фронте. 8 августа войска Антанты под командованием маршала Ф. Фоша нанесли германской армии жестокое поражение, от которого она не смогла оправиться. В течение нескольких дней Германия утратила все, что приобрела в ходе весеннего наступления 1918 г. Моральный дух немцев был подорван. 13 августа на совещании руководства Германии в Спа Людендорф заявил, что войну выиграть невозможно. 14 августа Вильгельм II выразил желание начать мирные переговоры с Антантой при посредничестве королевы Нидерландов.

Германское верховное командование считало, что снижение боеспособности армии было вызвано ее внутренним разложением, спровоцированным Советской Россией. Основания для такого утверждения имелись. Немецкие солдаты, находившиеся на Восточном фронте, не понимали, ради чего ведется война. Все чаще в их среде раздавались требования вернуться на родину. Летом 1918 г. были отмечены первые случаи массового неповиновения солдат немецких частей в Двинске и Пскове. Укрепив свое положение, советское руководство содействовало развертыванию движения сопротивления на Украине, в Беларуси и Прибалтике. Особо тяжелые последствия для Германии имели крестьянские партизанские действия и саботаж рабочих на Украине, поскольку они привели к срыву поставок продовольствия в страны Четверного союза. Так, в Германию вместо запланированных 60 млн пудов украинского хлеба поступило всего лишь 9 млн. Советское руководство не ограничилось организацией выступлений населения на оккупированных немцами территориях и перенесло подрывную деятельность непосредственно на территорию Германии. Очагом «разжигания революционного пожара» на немецкой территории стало советское дипломатическое представительство в Берлине, установившее тесный контакт с немецкими социалистами.

В сложившихся условиях верховное командование Германии пришло к выводу, что однозначная ставка на большевиков не оправдала себя. Уже

в июне 1918 г. началась подготовка к изменению восточной политики Германии. Суть новой политики в трактовке пресс-атташе германского посольства в Москве Штадтлера сводилась к следующему: «Германское правительство ни при каких обстоятельствах не должно строить свои отношения с Россией в духе подлинной лояльности… Было бы гораздо правильнее постепенно ликвидировать отношения с советским режимом, стимулировать мощные национальные силы России и оказывать этим силам даже военную и дипломатическую помощь, с тем чтобы дать им возможность окрепнуть и затем отказаться от… Брест-Литовского мира» [1]. Германские дипломаты в Москве и Киеве вступили в переговоры с представителями российских партий и движений, которые выступали против большевиков (предпочтение отдавалось сторонникам монархии и кадетам).

Первое открытое дипломатическое столкновение Германии и Советской России произошло в июле 1918 г. 14 июля 1918 г. после убийства Мирбаха германский посланник в РСФСР Рицлер обратился к советскому правительству с требованием допустить в Москву батальон немецких солдат для охраны германской миссии. Однако требование немцев было решительно отклонено советской стороной, расценившей его как «начало оккупации России чужеземными войсками». После отклонения ультиматума о вводе немецких войск в столицу РСФСР германская дипломатическая миссия была переведена из Москвы в Петроград, а затем вообще перенесла свою деятельность за линию расположения немецких войск – первоначально в Псков, позднее в Ревель (Таллин).

В июле 1918 г. германское командование стало серьезно готовиться к проведению военных операций на Восточном фронте. К концу августа 1918 г. был разработан план, по которому немецкие войска должны были нанести удар по Петрограду, а затем с помощью донских казаков провести наступательную операцию в направлении Москвы.

Активизация «военной партии» в Германии обеспокоила Ленина и других членов правительства РСФСР. Советская Россия еще не могла выдержать удар германской армии. В августе 1918 г. большевикиреально контролировали лишь 1/4 часть довоенной России. Тяжелые бои проходили в Поволжье. 6 августа войска генерала Каппеля заняли Казань (при этом в руки «белых» попал российский золотой запас, который был переправлен в Самару). В это же время донские казаки прорвали фронт севернее Царицына и вышли к Волге, лишив Советскую Россию выхода в Каспийское море. Военные действия в России активизировала и Антанта: 2 августа британские, французские и американские войска практически без боя овладели Архангельском, 4 августа британские войска были введены в Баку.

В этих условиях руководство РСФСР решило не обострять отношения с Германией. 1 августа на заседании СНК РСФСР был рассмотрен вопрос о состоянии советско-германских отношений. После заседания Г. В. Чичерин принял в Москве нового германского посланника в РСФСР К. Гельфе-

риха и, указав на возможность продвижения войск Антанты в Центральную Россию, предложил Германии установить оборонительные линии вокруг Петрограда и провести наступление на Мурманск и Архангельск. Кроме того, глава внешнеполитического ведомства РСФСР предложил немцам прекратить оказание поддержки Краснову и провести совместные наступательные операции против Добровольческой армии на Кубани.

27 августа в Москве был подписан советско-германский Добавочный договор, состоявший из политического, финансового и частноправового соглашений [3, с. 437]. Договор предусматривал немедленное создание русско-германских комиссий для установления демаркационных линий с нейтральными зонами между русскими и немецкими войсками. Россия признавала независимость Эстляндии и Лифляндии и должна была заключить с ними, а также с Литвой торговое соглашение. Советское правительство обязалось поставлять немцам 1/4 часть добытой в Баку нефти в обмен на уголь из Донбасса, а германское – принять меры к тому, чтобы Советская Россия получала марганцевую руду из Грузии [3, с. 443–444]. Германия обязалась «действовать в том направлении, чтобы Россия по мирному договору с Украиной получила соразмерную с экономическими потребностями часть Донецкого бассейна и чтобы Украина предоставила для вывоза в Россию часть своей железнорудной продукции…» [3, с. 443–444]. Германия обязалась также очистить часть российской территории, в том числе Ростов-на-Дону, предоставить РСФСР для торговых целей право транзита через Прибалтику и «свободные гавани» в портах Ревеля, Риги, Виндавы, не допускать нападения на русскую территорию со стороны Украины и Финляндии, воздействовать на Турцию с целью вывода турецких войск за пределы Баку [3, с. 443–444]. Крупным достижением советской дипломатии стало обязательство Германии прекратить вмешательство в отношения между русским Советским государством и его отдельными областями и не поддерживать образование самостоятельных государственных организмов на этих территориях [3, с. 439]. Однако, как отмечает немецкий исследователь Ф. Круммахер, «советско-германский Дополнительный договор, подписанный 27 августа 1918 г. в Москве, оставался “мертвой буквой” и никогда не выполнялся» [4, с. 51].

Как указывает немецкий историк В. Баумгарт, в соответствии с Дополнительным договором РСФСР обязалась выплатить Германии 6 млрд марок в несколько сроков [5, с. 298–299]. В эту сумму входили оплата содержания военнопленных, а также возмещение убытков, понесенных Германией и ее гражданами в результате аннулирования займов и национализации германской собственности в России. Первый взнос в 1,5 млрд марок (245 564 кг золотом и 545 млн кредитными билетами) Россия должна была выплатить немедленно, последний – 31 декабря 1918 г. [5, с. 298–299] Германия обязалась воздействовать на правительства Украины и Финляндии, с тем чтобы они приняли на себя часть русских финансовых обязательств в отношении

Германии. С выплатой Россией платежей увязывался вывод германских войск с территории Беларуси восточнее Березины (войска должны были отводиться на запад по мере поступления платежей из России).

В начале сентября 1918 г. Добавочный договор был ратифицирован германским рейхстагом и Всероссийским ЦИК. Пойдя на подписание Добавочного договора, советское правительство смогло в очередной раз нейтрализовать Германию и упрочить свои позиции на мировой арене. В новых условиях о выступлении германских войск против Советской России не могло быть и речи. Более того, в октябре 1918 г. Германия поставляла в Советскую Россию уголь и кокс, которые отправлялись на заводы, производившие оружие для Красной Армии. Как указывает В. Баумгарт, «во второй половине октября примерно 25 кораблей с 100 000 т угля были отправлены в Петербург» [5, с. 319]. 9 сентября 1918 г. дипломатический представитель Советской Республики при Императорском Германском правительстве А. А. Иоффе просил у немецких властей поставить в Россию 200 000 винтовок, 500 млн патронов и 20 000 пулеметов [5, с. 331]. В августе 1918 г. Красная Армия перешла в контрнаступление на Восточном фронте. К ноябрю 1918 г. советские войска овладели Казанью, Симбирском и Самарой.

Что касается Германии, то Добавочный договор, в отличие от Брест-Литовского мирного договора, не улучшил ее положения. В сентябре 1918 г. началось наступление войск Антанты на всем протяжении 400-километрового фронта от Северного моря до реки Маас, в результате которого германская армия в Бельгии и Франции оказалась на грани полного разгрома. В конце сентября 1918 г. после прорыва линии Зигфрида на Западном фронте войска Антанты получили возможность доступа на территорию Германии.

Договор ухудшил отношения между Германией и ее союзниками, поскольку они не участвовали в обсуждении его условий и не получили никаких дивидендов [5, с. 299]. Вследствие этого союзники Германии начали искать пути самостоятельного решения своих проблем посредством дипломатических акций (14 сентября 1918 г. министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Буриан предложил правительствам всех воюющих стран созвать мирную конференцию в каком-либо нейтральном государстве) либо военным путем (в сентябре и октябре 1918 г. турецкая армия провела ряд операций в Азербайджане и Дагестане и вытеснила британцев из Баку). Однако ничто уже не могло предотвратить надвигавшейся катастрофы.

Список использованных источников

1. Хронос. Всемирная история в интернете. Памятная записка МИД [Электронный ресурс]. 2012. – URL: www. hrono.ru/dokum/191_dok/191805mid_ge.html. – Дата доступа: 02.08.2012.

2. *Трацяк, С. А.* Брэсцкі мір і грамадска-палітычныя працэсы ў Беларусі: лістапад 1917 – студзень 1919 г. / С. А. Траццяк. – Мінск: Беларус. навука, 2009. – 208 с.

3. Документы внешней политики СССР: в 24 т. / А. А. Громыко [и др.]. – М.: Госполитиздат: Междунар. отношения, 1959–2000. – Т. 1: 7 ноября 1917 г. – 31 декабря 1918 г. / И. Н. Деев [и др.]. – 1957. – 771 с.

4. *Krummacher, F.* Krieg und Frieden. Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen / F. Krummacher, H. Lange. – München: Bechtle Verlag, 1970. – 565 S.

5. *Baumgart, W.* Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges / W. Baumgart. – Wien: Oldenbourg Verlag, 1966. – 462 S.

(Дата подачи: 23.01. 2018 г.)

Л. В Мікалаева
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт інфарматыкі і радыёэлектронікі, Мінск
L. Mikalayeva
Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk

УДК 930

КАТЭГОРЫЯ «ГІСТАРЫЯГРАФІЧНЫ ФАКТ» ЯК ТЭАРЭТЫЧНАЯ ПРАБЛЕМА ГІСТАРЫЯГРАФІІ

CATEGORY «HISTORIOGRAPHIC FACT» AS A THEORETICAL PROBLEM OF HISTORIOGRAPHY

У артыкуле разглядаюцца розныя падыходы да вызначэння зместу катэгорыі «гістарыяграфічны факт» у працах даследчыкаў. Робіцца выснова, што, нягледзячы на адсутнасць адзінай трактоўкі зместу дадзенага паняцця, бясспрэчным з'яўляецца перакананне вучоных у тым, што гістарыяграфічны факт здольны іграць значымую ролю ў развіцці гістарычных ведаў.

Ключавыя словы: гістарыяграфія; гістарыяграфічны факт; змест; канцэпцыя; крыніца.

The article considers different approaches to determining the content of the category «historiographic fact» in the works of researchers. The conclusion is drawn that despite the absence of a single interpretation of the content of this concept, the scientists' conviction that the historiographic fact is capable of playing an important role in the development of historical knowledge is indisputable.

Key words: historiography; historiographical fact; content; concept; source.

Пачынаючы сваю працу, гістарыёграф кіруецца пастулатамі пэўнай метадалогіі вывучэння мінулага. Відавочна, што, аналізуючы і ацэньваючы гістарычныя творы, даследчык знаходзіцца пад уплывам уласных уяўленняў аб развіцці гістарычнага працэсу і гісторыі гістарычнай навукі. Выбраная вучоным метадалагічная база ўплывае на яго адносіны да вызначэння зместу дэфініцый, якія ён выкарыстоўвае, на выбар прынцыпаў навуковага пазнання і метадычны інструментарый даследавання. З другой паловы 1980-х гг. вызначыўся пачатак пераасэнсавання айчыннай гісторыі зыходзячы з новых тэарэтыка-метадалагічных пазіцый. У сучасных умовах можна назіраць дзейнасць гістарыёграфаў ва ўмовах сапраўднага на-

вуковага плюралізму. Кожны вучоны выбірае тую метадалагічную аснову, якая найбольш адпавядае яго ўяўленням. У той жа час такая метадалагічная разнастайнасць правакуе з'яўленне розных поглядаў на прачытанне такога важнага тэарэтычнага паняцця, як «гістарыяграфічны факт».

Дэфініцыя «гістарыяграфічны факт» адносіцца да асноўных аспектаў метадалогіі гістарыяграфіі, паколькі, згодна з вобразным выказваннем А. І. Зевелева, уяўляе сабой «зыходны матэрыял для гістарыяграфічнай творчасці» [1, с. 97]. Аналіз навукова-даследчыцкай і вучэбнай літаратуры паказвае, што паняцце «гістарыяграфічны факт» адносіцца да тых катэгорый гістарычнай навукі, якія не маюць адназначнага тлумачэння іх зместу. Праблемай зместу катэгорыі «гістарыяграфічны факт» займаліся такія вядомыя савецкія гісторыкі, як М. В. Нечкіна, А. М. Сахараў, С. О. Шмідт, К. Н. Тарноўскі, В. П. Навумаў, А. І. Зевелеў, Я. Н. Гарадзецкі і інш. Аналіз іх творчай спадчыны дазваляе выдзеліць некаторыя розначытанні ў разуменні зместу гэтага надзвычай важнага навуковага вызначэння.

Напрыклад, С. О. Шмідт выказваў меркаванне, што гістарыяграфічны факт – гэта аб'ект даследавання гістарыяграфіі. Ён вельмі часта з'яўляецца адначасова і асноўнай гістарыяграфічнай крыніцай для даследчыка [2, с. 7]. Такім чынам, у поглядах гэтага навукоўцы можна назіраць тлумачэнне азначанай з'явы як змешванне аб'ектаў даследавання і асноўных крыніц іх пазнання.

М. В. Нечкіна паставіла пытанне аб сутнасці гістарыяграфічнага факта. Адказваючы на яго, яна падкрэслівала, што навука складаецца ў першую чаргу з даследаванняў вучоных, а таму асноўным і важнейшым фактам гісторыі навукі трэба лічыць працы вучонага. З яе пункта гледжання, працы гісторыка з'яўляюцца і першакрыніцай гістарыяграфіі як гісторыі навукі, і галоўным гістарыяграфічным фактам [3, с. 11]. Харктарызуючы гістарыяграфічны факт, М. В. Нечкіна адзначала, што ён невычарпальны, як атам, бо ён таксама мае бясконцую колькасць якасцей, вартасцей, бакоў, узаемаадносін [3, с. 12].

Палемізуючы з С. О. Шмідтам, А. М. Сахараў лічыў неправамерным атаясамленне крыніцы і факта ў гістарыяграфічнай працы, бо падыход да фактаў гісторыі навукі не супадае з падыходам да іх як да крыніц. Ён пісаў, што «ўстанаўленне … факта магчыма толькі на аснове аналіза існуючых крыніц» [4, с. 22]. Пад гістарыяграфічным фактам А. М. Сахараў разумеў навуковыя веды, здабытыя даследчыкам у выніку пэўных навуковых аперацый, якія дазваляюць атрымаць інфармацыю пра працэс развіцця гістарычнай навукі, яе дзеячах, установах і арганізацыйных формах [4, с. 22].

Сваё меркаванне аб змесце паняцця «гістарыяграфічны факт» выказаў і К. М. Тарноўскі. З яго пункта гледжання, пад гістарыяграфічным фактам трэба разумець «аўтарскую канцэпцыю, з большай ці меншай дакладнасцю і паўнатой выкладзеную ў даследаванні». Навуковыя публікацыі (артыкулы, манаграфіі, рэцэнзіі), матэрыялы дыскусій і абмеркаванняў, рабочую дакументацыю (рукапісы, канспекты, кніжкі для запісаў) ён, у адрозненне ад многіх аўтараў, разглядаў як гістарыяграфічныя крыніцы [5, с. 7–13].

Класічным стала вызначэнне гістарыяграфічнага факта, прапанаванае ў артыкуле А. І. Зевелева і В. П. Навумава: «Гістарыяграфічным фактам з'яўляецца факт гістарычнай навукі, які нясе інфармацыю пра гістарычныя веды, што выкарыстоўваюцца для выяўлення заканамернасцей развіцця гісторыі гістарычнай навукі» [1, с. 95; 6, с. 36]. Пры гэтым А. І. Зевелеў адзначаў, што дадзенае вызначэнне ўключае цэлы шэраг крытэрыяў: змест прадмета гістарыяграфіі, тлумачэнне сутнасці гістарычнага факта і яго суадносіны з гістарыяграфічным фактам, сацыяльна-палітычныя функцыі гістарыяграфіі, разуменне інфармацыйнага патэнцыялу навукі [1, с. 95]. Належыць адзначыць, што менавіта прыведзенае вызначэнне часцей за ўсё можна сустрэць у спецыялізаванай літаратуры.

Сучасны пункт гледжання на змест катэгорыі «гістарыяграфічны факт» прадстаўлены ў працах У. Д. Камыніна. Расійскі вучоны разумее пад гэтай дэфініцыяй канцэпцыю вучонага, рэалізаваную ім у адным ці некалькіх гістарычных сачыненнях [7, с. 63].

Побач з адрознасцю поглядаў даследчыкаў на змест катэгорыі «гістарыяграфічны факт», можна прасачыць прыкладна адназначнае разуменне імі цэлага шэрагу тэарэтычна-метадалагічных палажэнняў. Па-першае, разуменне таго, што гістарыяграфічны факт базуецца на гістарычным факце [1, с. 96]. Прычым у пытанні аб іх суадносінах адназначным з'яўляецца сцвярджэнне аб тым, што гістарычны факт – больш шырокае паняцце, чым факт гістарыяграфічны, які з'яўляецца толькі часткай першага [1, с. 98]. Даследчыкі салідарныя ў тым, што катэгорыя «гістарыяграфічны факт» складае фундамент усяго будынка гістарычнай навукі. Яна існуе аб'ектыўна, незалежна ад таго, спазнаны ён ці не [8, с. 184]. Як вобразна выказалася М. В. Нечкіна, гістарычны факт з'яўляецца жылплошчай для факта гістарыяграфічнага [3, с. 12]. Такім чынам, можна зрабіць вывад аб тым, што гістарыяграфічны факт – больш вузкае паняцце.

Па-другое, прызнанне таго, што гістарыяграфічны факт з'яўляецца зыходным матэрыялам для гістарыяграфічнай творчасці [1, с. 94]. Як адзначаў А. І. Зевелеў, «гістарычны факт – гэта зыходны, дакладны, абагульняючы матэрыял, база для гістарычнага пазнання, пабудовы тэорыі ці гіпотэзы, выяўлення заканамернасцей працэсу» [1, с. 97]. Гэта значыць, што гістарыяграфічны факт з'яўляецца прадуктам творчасці суб'екта, знаходзіцца ў працэсе яго дзейнасці на «стыку» адзінства суб'екта з аб'ектам. Ён суб'ектыўны, бо з'яўляецца прадуктам творчасці суб'екта, а менавіта гісторыка. Сутнасць гістарыяграфічнага факта заключаецца ў яго тлумачэнні, трактоўцы, інтэрпрэтацыі. Важным для разумення з'яўляецца тое, што факты застаюцца, нават калі ўяўленні, што маюцца пра іх, аказваюцца ілжывымі. Быў факт зразумелы ці не, быў дакладны патлумачаны ці памылкова інтэрпрэтаваны – усё гэта не мяняе сутнасці справы. Тлумачыцца гэта тым, што сам факт аб'ектыўна існуе па-за свядомасцю гістарыёграфа, незалежна ад інтэрпрэтацыі, даследчыцкіх падыходаў і ацэнак [1, с. 97, 102].

Па-трэцяе, даследчыкі сыходзяцца ў тым, што катэгорыя «гістарыяграфічны факт» – адна з самых важных у шэрагу гістарыяграфічных паняццяў, складовы элемент у наступнай пабудове сістэмы высноў. Гістарыяграфічны факт часта вызначаецца як аб'ект даследавання гістарыяграфіі і факт гістарычнай навукі, што нясе інфармацыю пра гістарычныя веды. Гэта значыць, што пад гістарыяграфічным фактам разумеюцца нейкія веды пра падзею, з'яву ці працэс, якія мелі прамыя ці ўскосныя адносіны да гісторыі гістарычнай навукі, і якія дазваляюць даследчыку скласці меркаванне пра яе развіццё [8, с. 184 – 185]. Як адзначаў А. І. Зевелеў, «гістарыяграфічны факт – гэта інфармацыя аб развіцці навукі, яе дзеячах, установах і арганізацыйных формах. Гістарыяграфічны факт, з'яўляючыся крыніцай інфармацыі, мае прыкметы, што ўказваюць на яе характар, аб'ём, глыбіню, ступень дакладнасці. У адпаведнасці з гэтым ён валодае такімі паказчыкамі, як канкрэтнасць, індывідуальнасць, пераемнасць, паўтараемасць, апісальнасць, каб выдзеліць пэўны факт з сувязі з іншымі фактамі, вызначыць яго месца, ролю і значэнне ў гістрыі гістарычнай навукі» [1, с. 103].

Разам з тым з прыведзеных вышэй вызначэнняў бачна, што кожны даследчык, даючы сваю трактоўку зместу гістарыяграфічнага факта, імкнуўся падкрэсліць найбольш важную на яго погляд асаблівасць, нейкую вызначальную рысу гэтага паняцця. Адрозненні можна патлумачыць тым, што база гістарыяграфічнага факта – гістарычны факт – катэгорыя выключна шматаспектная. Напрыклад, М. А. Барг выдзяляў тры ўзроўні гістарычнага факта: па-першае, факт-падзею, па-другое, факт, адлюстраваны ў гістарычнай крыніцы (паведамленне крыніцы), па-трэцяе, факт, асэнсаваны гісторыкам (канцэптуалізаваны факт) [9, с. 58–59].

А. І. Зевелеў таксама пісаў пра тры аспекты зместу катэгорыі «гістарычны факт»: па-першае, гістарычны факт як рэальная падзея, па-другое, гістарычны факт як інфармацыя, па-трэцяе, гістарычны факт як навуковае ўяўленне [1, с. 96–97; 8, с. 186].

Такім чынам, паняцце «гістарычны факт» з'яўляецца шматзначным. Можна выдзеліць, па меншай меры, тры падыходы да разумення яго сутнасці. Па-першае, факт як падзея сапраўднай гістарычнай рэчаіснасці. Такія факты з'яўляюцца элементамі мінулага. Яны не толькі складаныя і разнастайныя, але і не могуць быць праверанымі эксперыментальным шляхам. Як з'явы мінулага яны нязменныя і існуюць аб'ектыўна, па-за свядомасцю гісторыка, у сваёй прасторава-часавай завершанасці. Яны незалежныя ад іх інтэрпрэтацыі, даследчыцкіх крытэрыяў, падыходаў і ацэнак.

Па-другое, факт як паведамленне крыніцы. Такія факты не пазбаўлены суб'ектыўнасці, бо яны адлюстроўваюць бачанне падзей з пункта гледжання аўтараў крыніцы. Вядома вялікая колькасць прыкладаў з гісторыі, якія неабвержна сведчаць пра тое, што адны і тыя ж падзеі могуць быць парознаму адюстраваны ў крыніцах. Разам з тым гэтыя факты аб'ектыўна

існуюць у адносінах да даследчыкаў. Яны не залежаць ад таго, спазнаныя яны ці не, неслі ў сабе інфармацыю ці былі «закансерваванымі».

Па-трэцяе, факт як структурны кампанент лагічнай структуры гісторыі. Ён з'яўляецца адлюстраваннем пэўнай з'явы рэчаіснасці ў нашай свядомасці. Па сутнасці, гэта прадукт творчасці гісторыка. У дадзеным сэнсе гістарычны факт можа ўспрымацца як факт гістарыяграфіі.

З цягам часу склалася перакананне ў тым, што пастаяннае і неперарыўнае развіццё гістарычнай навукі вядзе да пашырэння паняцця «гістарыяграфічны факт». Практыка паказвае, што тое, што яшчэ нядаўна не лічылася заслугоўваючым увагі, заўтра ўжо можа стаць важным гістарыяграфічным фактам. Неабходна пашыраць кола гістарыяграфічных фактаў за кошт прыцягнення новых дадзеных па гісторыі гістарычнай навукі [8, с. 186].

Акрамя таго, уяўляецца важным адбор фактаў, вызначэнне глыбіні і аб'ёма заключанай у іх навуковай інфармацыі, яе ісціннаці і вартасці. Неабходна таксама ўлічваць і час узнікнення канкрэтнага гістарыяграфічнага факта: «створаны» ён сучаснікам аналізуемых падзей ці аўтар апісвае іх з пэўнай гістарычнай дыстанцыі, з рэтраспектыўнай пазіцыі. Светапоглядныя пазіцыі даследчыка непасрэдна і прама ўплываюць на адбор гістарыяграфічных фактаў, якімі будзе апераваць вучоны. Гэта ж можна сказаць і пра факты гістарычныя. У працэсе пераходу інфармацыі крыніцы ў гістарыяграфічныя веды даследчык свядома ці падсвядома кіруецца пэўнай сістэмай ці шкалой каштоўнасцей, прынятай у навуцы і грамадстве. Невыпадкова гістарыяграфічныя факты адлюстроўваюць не толькі такую з'яву ў навуцы, як барацьба канцэпцый, але і суправаджаючае яе супрацьборства ідэалогій.

Такім чынам, у наш час многія метадалагічныя аспекты, звязаныя з аналізам і ацэнкай гістарыяграфічных фактаў, сталі прадметам навуковых абмеркаванняў. Пры ўсёй іх дыскусійнасці бясспрэчным з'яўляецца перакананне, што гістарыяграфічны факт здольны іграць значымую ролю ў развіцці гістарычных ведаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Зевелев, А. И.* Историографическое исследование: методологические аспекты: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «История»/ А. И. Зевелев. – М.: Высшая школа, 1987. – 160 с.

2. *Шмидт, С. О.* О методике выявления и изучения материалов по истории исторической науки / С. О. Шмидт // Труды / Моск. гос. ист.-арх. ин-т. – М.: Наука, 1965. – Т. 22. – С. 3–49.

3. *Нечкина, М. В.* История истории (некоторые методологические вопросы исторической науки) / М. В. Нечкина // История и историки: историография истории СССР. – М.: Наука, 1965. – С. 6–26.

4. *Сахаров, А. М.* О некоторых вопросах историографии историографических исследований / А. М. Сахаров // Вестник Московского университета. Серия история. – 1973. – № 6. – С. 18–29.

5. *Тарновский, К. Н.* Социально-экономическая история России начала XX в.: советская историография середины 50-х – 60-х гг. / К. Н. Тарновский. – М.: Наука, 1990. – 293 с.

6. *Зевелев, А. И.* Историографический факт: критерии оценки и анализа / А. И. Зевелев, В. П. Наумов // Вопросы истории. – 1980. – № 5. – С. 18–30.

7. *Камынин, В. Д.* Теоретические проблемы историографии как научной и учебной дисциплины на рубеже XX–XXI столетий / В. Д. Камынин // Известия Уральского университета. – 2010. – № 3. – С. 54–66.

8. *Ипполитов, Г. М.* Историографический факт и историографический источник как категории исторической науки: непростая диалектика / Г. М. Ипполитов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2013. – Т. 15. – № 1. – С. 184–195.

9. *Барг, М. А.* Исторический факт: структура, форма, содержание / М. А. Барг // История СССР. – 1976. – № 4. – С. 46–71.

(Дата падачы: 12.02.2018 г.)

Е. И. Моисеева
Белорусский государственный университет, Минск
E. Moiseeva
Belarusian State University, Minsk

УДК 94(410)

НАЧАЛО ПОЛИТИКИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

THE BEGINNINGS OF MULTICULTURALISM POLICY IN THE GREAT BRITAIN

Статья посвящена анализу первого этапа политики мультикультурализма в Великобритании в 1965–1979 гг., а также проблеме становления и утверждения на государственном уровне в Великобритании. Автор показывает, что мультикультурализм изначально основной целью ставил решение вопросов дискриминации и расизма, которые, по убеждениям правящих кругов, были необходимым элементом для интеграции иммигрантов из стран Содружества. Основным инструментарием политики мультикультурализма стали Законы о расовых отношениях 1965, 1968 и 1976 г., которые утвердили правовое поле, регулирующее межрасовые отношения, и положили начало формирования позитивного отношения к мигрантам.

Ключевые слова: мультикультурализм; политика мультикультурализма; закон о расовых отношениях; миграция; институционализация мультикультурализма; Великобритания.

The article is devoted to the analysis of the first stage of the policy of multiculturalism in Great Britain in 1965–1979. It describes the problem of the formation and adoption of policies at the state level in the UK. The author shows that multiculturalism was initially the main goal of solving the issues of discrimination and racism. The main political tools of multiculturalism were the Race Relations Acts 1965, 1968 and 1976. They approved the legal framework governing interracial relations, and initiated the formation of a positive attitude towards migrants.

Key words: multiculturalism; policy of multiculturalism; race relations act; migration; institutionalization of multiculturalism; Great Britain.

Современное британское общество полиэтнично. Этому содействовало правительство Великобритании, которое после Второй мировой войны стимулировало трудовую миграцию исходя из интересов национальной эко-

номики. Но уже к началу 1960-х гг. потребность в иностранных рабочих отпала, однако их наплыв продолжался в связи с крушением колониальной империи.

Миграция, в свою очередь, породила двоякую проблему. Во-первых, иммигранты начали выражать свое недовольство существующим положением, усиливались их требования к национальному правительству по поводу пресечения дискриминации и наделения их равными гражданскими правами с коренными британцами. В дополнение к этому мигранты все больше стремились сохранить свою культурную идентичность. Во-вторых, местное население стало все больше выражать тревогу, связывая с иммигрантами целый ряд проблем: безработицу, рост преступности и наркотрафика, угрозу европейской идентичности. На этом фоне стали усиливаться ультраправые партии, которые своей главной целью изначально ставили противостояние «цветной» иммиграции и сохранение национальной идентичности. В-третьих, иммигранты из стран Содружества и колоний по Закону об иммиграции 1948 г. являлись гражданами Великобритании, могли иметь британский паспорт, обладали правом беспрепятственного въезда на территорию Соединенного Королевства, а при въезде наделялись всеми гражданскими правами, что и коренные жители.

В результате непрекращающегося наплыва мигрантов, а также неодобрения со стороны местного населения в определенный момент правительство осознало необходимость выработки нового подхода к иммигрантам из стран Содружества. Инструментом для регулирования проживания различных этнических групп и интеграции их в британском обществе стала политика мультикультурализма. Она подразумевала, что в границах одного государства сосуществуют различные этнокультурные, конфессиональные и другие образования, имеющие право на публичную репрезентацию и сохранение своих особенных черт, образа жизни, продиктованного культурной спецификой [1].

Борьба с расизмом порождает гражданское общество и обеспечивает положительную динамику интеграции, при которой происходит инкорпорация иммигрантов в принимающее обществе, за счет отсутствия механизма препятствующему этому процессу. Противодействие расизму является исходным элементом, который вводит в политическую среду Великобритании мультикультурализм. Оно носило компромиссный или вынужденный характер, так как перед правительством стояла задача управления жизнью людей с разной этнической принадлежностью, и культурой в целом. К тому же в 1960-е гг. государственная политика мультикультурализма стала следствием антидискриминационной борьбы со стороны мигрантов и осуществления ее на государственном уровне за счет формирования законодательной базы. Также она была направлена на решение экономико-демографических и социальных вопросов, связанных с иммиграцией. Первый этап политики мультикультурализма в Великобритании охватывает период 1965–1979 гг.

Он характеризуется тем, что государство начало проведение политики с использования набора законов, регулирующих расовые отношения, а также запрещающих дискриминацию по цвету кожи, по расовому, этническому, религиозному и другим признакам.

Закон о расовых отношениях 1965 г. При рассмотрении политики мультикультурализма необходимо учитывать, что она предусматривала как теоретический, так и инструментальный уровень. Инструментальный, или уровень конкретных действий правительства охватывает все сферы общественный жизни мигрантов в принимающем обществе. Здесь необходимо обратить особое внимание на формирование законодательной базы, касающейся непосредственно иммиграционных законов и законов, регулирующих расовые отношения. Исходным толчком к развертыванию политики мультикультурализма стала борьба с дискриминацией этнических меньшинств в Великобритании, то время инструментального использования этой политики следует изучать с 8 декабря 1965 г., когда расовая дискриминация была объявлена вне закона в Великобритании.

Премьер-министр Великобритании Гарольд Вильсон в заявлении от 9 марта 1965 г. отмечал три главных вопроса, стоящих перед правительством. Первый из них отмечал, что на государственном уровне необходимо организовать централизованную интегративную деятельность и обеспечить равные права для иммигрантов из стран Содружества в Великобритании. Что касается второго вопроса, то Г. Вильсон, ссылаясь на Белую книгу 1965 г. об иммиграции, указывал на сокращение выдачи ваучеров на работу, установленных в Законе об иммигрантах из стран Содружества 1962 г., а также расширение проверок и контроля над иммигрантами. Третий затрагивал разработку законопроекта о расовых отношениях. Суть этого вопроса заключалась в запрещении расовой дискриминации в местах общественного пользования, наказании подстрекательства к расовой ненависти и внесении поправки в Закон об общественном порядке 1936 г [2, с. 157].

Разработка законопроекта о расовых отношениях лейбористами началась в апреле 1965 г. В проекте будущего закона подстрекательство к расовой ненависти рассматривалось в качестве основной темы и предлагалось ввести за него суровое наказание. Поэтому дискриминацию в общественных местах предлагалось признать уголовным преступлением. Группа лейбористов во главе с Энтони Лестером выступила на стороне меньшинств. Она призывала в законе охватить все сферы общественный жизни, которые могла затронуть дискриминация, опираясь на опыт США и Канады. Эти предложения поддержала Кампания против расовой дискриминации (CARD). Эта организация существовала в 1964–1967 гг., она лоббировала законодательство о расовых отношениях, а также выступала за социальную справедливость и противодействие всем формам

дискриминации. В конечном счете, из-за боязни правительства негативной реакции со стороны местного населения, а также нежелания упрочить социальное и экономическое положение иммигрантов, упомянутый выше закон 1965 г. вместо введения строгих уголовных наказаний привел к созданию Совета по расовым отношениям (1965) [3]. Сохранялась надежда на то, что мигранты скоро покинут Великобританию, а массовый приток иммигрантов будет с течением времени сокращаться.

Закон не затрагивал важнейшие сферы охваченные дискриминацией в области жилья и занятости. Он не препятствовал дискриминации во всех других областях, эффективно ограничив сферу применения общественными местами. Принятию ограниченного варианта Закона поспособствовал ряд факторов. Во-первых, движение за гражданские права в начале 1960-х гг., а также за национальное и культурное самоопределение, разнообразные контркультурные инициативы в США, Канаде, Австралии, которые привлекали значительное внимание к проблеме прав иммигрантов на Западе. Во-вторых, к вопросу о дискриминации и ее ликвидации в Великобритании особое внимание привлек визит М.Л. Кинга в Лондон. Благодаря ему правозащитные организации манипулировали тем, что Соединенное Королевство отстает от США на несколько поколений в реализации прав человека и этнических групп. В-третьих, только США в 1964 г. и Канада в 1962 г. ввели в международную практику в действие антидискриминационные законы, поэтому правительство Великобритании ратифицировало данную норму в ограниченном виде.

Результатом действия закона стала также деятельность Совета по расовым отношениям и Кампании против расовой дискриминации для расширения сферы его действия. Совет выступал в качестве примирительного органа без полных следственных и исполнительных полномочий, которые оставались за Генеральным прокурором. Эти организации использовали жалобы этнических меньшинств на дискриминацию в сфере здравоохранения, жилья и трудоустройства. Несмотря на это, правительство никак не отреагировало на представленные обращения, а вместо этого правительство приняло решение ограничить миграцию из стран Содружества (Закон 1968 г. об иммиграции). Результатом стало новое ужесточение законодательства в отношении иммигрантов в 1968 г., из-за сохранявшегося Закона об иммиграции 1962 г., который скорее стимулировал иммиграцию нежели ее ограничивал.

Дело в том, что в Великобритании утвердилось так называемое «право почвы», по которому британское гражданство предоставлялось всем, кто когда-либо постоянно проживал на территории Британской империи. До 1962 г. все граждане стран Содружества имели право беспрепятственно въезжать и проживать на территории Великобритании и пользоваться теми же правами, что и коренные британцы. Поэтому в первое послевоенное десятилетие в поисках лучшей жизнь приехало около 3000 человек [4, с. 1158].

Когда в конце 1950-х г колониальная система Англии начала рушиться, резко возросла миграция. За десятилетний период с 1961 по 1971 г. в страну приехало 600 тыс. человек [4, с. 1163]. Введенный консервативным правительством Закон 1962 г. об иммиграции существенно не изменял действующей системы, а самое главное, не ликвидировал «право почвы», тем самым желаемого эффекта по ограничению притока мигрантов консерваторы не смогли достичь. В середине 1960-х гг. количество мигрантов превысило миллион человек, а вместе с притоком мигрантов возросли и социальные проблемы, стали возникать конфликты между мигрантами и коренными жителями. Игнорировать общественные настроения лейбористы не могли и пошли на уступки большинству. С тех пор политика консерваторов и лейбористов в отношении мигрантов если и отличалась, то незначительно.

По новому закону, принятому в феврале 1968 г., свободно въезжать в Великобританию могли только владельцы британских паспортов, которые родились, натурализовались, зарегистрировались на территории Соединенного Королевства [5, с. 362]. Выходцы из стран Южной Азии, проживавшие в странах Восточной Африки, получили право въезжать в Великобританию только в рамках квоты в 1,5 тыс. человек в год (4,5–5 тыс. человек, включая иждивенцев) [6]. Тем не менее, под давлением негативной реакции правительства Индии министр внутренних дел Великобритании Дж. Каллагэн был вынужден дать обещание принять владельцев паспортов Соединенного Королевства «в случае их изгнания из стран постоянного проживания» [7]. Таким образом, несмотря на оппозицию со стороны влиятельных членов лейбористской и консервативной партий, правительство Г. Вильсона продолжило политику консерваторов, которые стремились посредством иммиграционного законодательства ограничить права британских подданных. Закон 1968 г. об иммиграции создал противоречивую ситуацию, в которой жители стран Содружества имели британские паспорта, а значит, имели британское гражданство, но не имели право въезда на территорию Великобритании [8].

Закон о расовых отношениях 1968 г. Провал в иммиграционной политике породил смещение акцентов на межрасовые взаимоотношения. Чтобы ослабить критику со стороны британских граждан создавшейся противоречивой ситуации правительство разработало законопроект Закона о расовых отношениях, расширяющего сферу действия Закона 1965 г. во многих областях общественной жизни британцев. Особенно Закон коснулся вопроса доступности арендного жилья иммигрантам. Наймодатели не желали сдавать его в наем иммигрантам, обосновывая это тем, что не уверены в их благонадежности. Мигрантам приходилось довольствоваться самыми дешевыми квартирами в так называемых «депрессивных» районах, которые уже никто не хотел покупать. Также местные органы власти отказывалась предоставлять дома для семей иммигрантов, пока те не прожили в стране в течение определенного количества лет. В сфере трудо-

устройства мигранты чаще других оказывались на последних позициях при получении должностей.

20 апреля 1968 г. во время второго слушания законопроекта с призывом ограничить права мигрантов и иммиграцию из стран Содружества в Великобританию выступил с речью «О реках крови» консерватор Э. Пауэлл министр обороны Теневого кабинета Э. Хита. Он предостерегал, что расширение полномочий Закона о расовых отношениях 1965 г. станет следствием беспрепятственной массовой иммиграции из стран Содружества [9].

Однако главным политическим вопросом, затронутым в речи, стала не иммиграция, а обсуждение лейбористским правительством законопроекта о расовых отношениях 1968 г. Пауэлл считал его несправедливым по отношению к коренным британцам, обосновывая это тем, что будущий закон может повернуться против них, давая больше прав мигрантам из стран Содружества. Он указал на то, что по предлагаемому законопроекту против расовой дискриминации «британский гражданин лишится права на дискриминацию, а иммигрант будет переведен в привилегированный класс» [9].

В своей речи Пауэлл поднимал также проблему интеграции, описывая этот процесс как желание стать неотличимым от других членов принимающего общества. Однако он подчеркивал, что, когда существуют заметные физические различия, особенно в цвете кожи, интеграция затруднена, хотя и возможна, но только при условии, что мигранты сами будут желать интегрироваться в британское сообщество. [10]. Он также акцентировал внимание на том, что отсутствие интеграции приведет к расовой ненависти.

В конце апреля 1968 г. Институт Гэллапа, известный во всем мире мониторингом общественного мнения, провел опрос среди британцев. 74 % из них согласились с тем, что высказал Э. Пауэлл в своей речи, 15 % – не согласились и 1 % – воздержались от высказываний [2, с. 258].

Несмотря на существующие разногласия по поводу законопроекта о расовых отношения, министр внутренних дел, лейборист Рой Дженкинс, инициировал принятие закона через парламент. Закон 1968 г. запрещал дискриминацию в сфере занятости, продажи товаров, аренды помещений, предоставления услуг и членства в профессиональных союзах и профессиональных организациях. Создавалась Комиссия по связям с общественностью (КПР) для содействия «гармоничным отношениям с сообществом» [11]. Также был образован Совет по расовым отношениям для борьбы с предрассудками в отношении этнических меньшинств и для обеспечения более эффективной интеграции общин иммигрантов.

В Законе были устранены все формы открытой дискриминации, однако скрытая дискриминация не была ликвидирована. К скрытой или косвенной дискриминации относились случаи, когда при всех равных условиях работодатель не принимал на работу из-за неугодного цвета кожи, фамилии, ак-

цента и других признаков [12]. Такая дискриминация подразумевала отказ от найма на работу по параметрам, которые не влияли на рабочий процесс. «Косвенная дискриминация» имеет место, когда «внешне нейтральная норма, критерий или практика ставит представителей какого-то меньшинства в особенно невыгодное положение по сравнению с другими лицами, кроме случаев, когда данная норма, критерий или практика объективно оправданы легитимной целью, и способ достижения этой цели является подходящим и необходимым» [12].

Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1969 г. Следующим шагом в регулировании межрасовых отношений стала ратификация в 1969 г. британским правительством Конвенции Организации Объединенных Наций о расовой дискриминации (с оговоркой в отношении законов об иммиграции Содружества) [13]. Конвенция запрещала расовую дискриминацию и требовала, чтобы государства-участники приняли меры для ее окончательного искоренения. Рекомендовано было использовать для этого все соответствующие средства, включая меры, принимаемые органами государственной власти. На уровне ООН за исполнением Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, вступившей в силу в 1969 г. в Великобритании, начал следить экспертный орган – Комитет по ликвидации расовой дискриминации (1969). Данный орган брал на себя ответственность за рассмотрение докладов государств на предмет их соответствия Конвенции. Комитет использовал процессуальные действия по раннему предупреждению ситуаций, где проявление нетерпимости грозило перерасти в серьезный конфликт и могло нарушить положения Конвенции, а также принимал индивидуальные жалобы, когда то или иное государство давало на это согласие [14]. В свою очередь Директива по расовому равенству ЕС применялась, когда речь шла о проблемах, связанных с занятостью, товарами и услугами, предоставляемыми государством и частными лицами [14]. Таким образом, правительство Великобритании должно было согласовывать свои действия в отношении этнических меньшинств со структурами ООН, а также предоставлять ежегодный отчет о проведении работы по искоренению расовой дискриминации.

Закон о расовых отношениях 1976 г. В 1970-х гг. лейбористы и организации, поддерживающие права этнических меньшинств, такие как Комиссия по связям с общественностью и Совет по расовым отношениям, лоббировали за расширение расового законодательства. Принятию расширенного Закона о расовых отношениях в декабре 1976 г. в парламенте предшествовали следующие события. В январе 1976 г. разразился кризис, связанный с беженцами из Республики Малави. Во время колониального господства Великобритании в африканских доминионах власть была передана местным элитам, в числе которых были выходцы из Южной Азии. В их руках находилась африканская промышленность и предпри-

ятия, они играли важную роль в бизнесе этих стран и развитии в целом. [15]. Большинство из них мигрировало в Африку в конце XIX – начале XX в. В 1971 г. после приобретения Малави независимости в 1963 г. в стране была установлена диктатура, в результате чего начались гонения в отношении индийского населения и политика «африканизации». Пять тысяч человек были изгнаны из страны. Поскольку они являлись держателями британских паспортов, они бежали в Великобританию [16]. Как пишет видный специалист по истории южноазиатской диаспоры Х. Тинкер, «каждая страна хотела решить «индийскую проблему» путем высылки всех индийцев в страну их происхождения» [17, с. 128]. Это можно было представить как акт борьбы с остатками колониализма, чем пользовались представлявшие коренное население лидеры африканских стран [17, с. 135].

Летом 1976 г. в Великобритании активизировалось молодежное движение выходцев из Южной Азии. Оно выступало за проведение институциональной антирасистской политики, за борьбу с расовым насилием, несправедливостью полиции, иммиграционным контролем. Основой этого движения была молодежь, которая выросла в Великобритании в условиях дискриминации их родителей, выходцев из Индии, Пакистана, Бангладеш, Кашмира и других регионов. Она проявлялась в различных сферах жизни общества: в образовании, здравоохранении, жилищной сфере, а также в низком уровне оплаты труда, по сравнению с коренными британцами. К вышеперечисленным причинам следует добавить то, что в начале 1970-х гг. рецессия экономики привела к закрытию фабрик во многих промышленных регионах Великобритании, что привело к росту безработицы. Однако в СМИ проблему безработицы представляли в свете того, что вакантные места занимают иммигранты, в результате чего от безработицы страдают коренные британцы. Затем последовали обвинения иммигрантов в «разграблении» системы социального обеспечения ввиду того, что они были в числе получателей социальной поддержки от государства.

В Грюнвике осенью 1976 г. началась забастовка рабочих, выходцев из южноазиатских стран. Протест был связан с низкой оплатой труда для трудящихся-мигрантов, и дискриминацией со стороны профсоюзов, которые не отстаивали права рабочих из числа этнических меньшинств. Участники конфликта были южноазиатского происхождения. Во времена британского колониального правления выходцы из Южной Азии переселились в страны Восточной Африки. Когда Кения, Танзания и Уганда обрели независимость в 1970-х гг. новые правительства этих стран начали проводить политику, которая дискриминировала мигрантов. Поэтому многие решили уехать, или были вынуждены бежать. Так, когда в Уганде была установлена диктатура Иди Амина 1972 г., из страны были изгнаны все мигранты, имеющие южноазиатское происхождение. В Африке большинство из них жили в городах, получали образование на английском языке, занимали

высокие должности и были обеспечены. Так как они были держателями британских паспортов, они имели право поселиться в Великобритании. Однако, уехав в кратчайшие сроки, многие семьи прибыли в страну практически без денег. При этом они были вынуждены бросить все свои сбережения и недвижимость – дома, заводы и предприятия. Но, поскольку в Великобритании они являлись мигрантами, престижные рабочие места для них были недоступны, и они были вынуждены соглашаться на любую низкооплачиваемую работу. Протест в Грюнвике получил широкий резонанс на телевидении и в печати из-за жестокости полиции в отношении протестующих, вдобавок эта забастовка приобрела межэтнический характер, и действия полиции расценивались как дискриминация [18].

В конце августа 1976 г. во время карнавала в Ноттинг-Хилле, районе Лондона, где преобладало население выходцев из стран Карибского бассейна, произошли столкновения между сотрудниками полиции и представителями этнических меньшинств. Этот инцидент очередной раз привлек внимание общественности к проблеме дискриминации по расовому признаку. Правительству необходимо было принимать решительные меры.

В результате всех этих событий в декабре 1976 г. был принят Закон, запрещающий прямую, а также косвенную дискриминацию, который объединил функции Совета по расовым отношениям и Комиссии по связям с общественностью в одну Комиссию по расовому равенству с большими полномочиями [19]. Создавались также многочисленные местные советы и группы с аналогичными целями, так что для улучшения отношений между принимающим обществом и общиной мигрантов была создана целая структура организаций. Комиссия по вопросам расового равенства учреждалась в качестве института, ответственного за обеспечение скорейшего и полного введения закона в жизнь.

Антидискриминационные законы были направлены не столько на то, чтобы «наказывать людей или добиваться справедливости для чернокожих» [20], сколько для того чтобы изменить общественное отношение к мигрантам и тем самым проложить путь к интеграции. Законы 1965 и 1968 гг. были направлены не только на формирование правового поля в области расовой дискриминации, но и на утверждение позитивного отношения к людям, отличным по цвету кожи, вероисповеданию и языку [20]. В свою очередь эти законы положили начало институциональному использованию политики мультикультурализма.

Список использованных источников

1. Coming to Terms with Multiculturalism [Electronic resource]. – Mode of access. – http://www.irr.org.uk/news/coming-to-terms-with-multiculturalism/. – Date of access. – 25.01.2018.

2. *Rex, J.* Race, Colonialism and the City / J. Rex. – Routledge and Kegan Paul, 1973. – 310 p.

3. Race Relation Act 1965 [Electronic resource]. – Mode of access. – http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1965/73/pdfs/ukpga_19650073_en.pdf. – Date of access. – 20.11.2017.

4. *Coleman, D.* U.K. Statistics on Immigration: Development and Limitations / D. Coleman // The International Migration Review, 1987. – Vol. 21. – № 4. – P. 1138–1169.

5. *Callaghan, J.* Time and Chance / J. Callaghan. – Politico's Publishing Limited, 2006. – 566 p.

6. Commonwealth Immigrants Act 1968 [Electronic resource] // British nationality. – Mode of access: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968/9/pdfs/ukpga_19680009_en.pdf. – Date of access: 20.08.2011.

7. Clause 1 (Amendment of section 1 of Commonwealth immigrants act): House of Commons Hansard debates for 28 February 1968. – Vol. 1759. – Col. 1501–1510 [Electronic resource] // United Kingdom Parliament. – Mode of access: http://hansard.millbanksystems.com/commons/1968/feb/28/clause-1–amendment-of-section-1–of. – Date of access: 15.08.2011.

8. 1968: More Kenyan Asians flee to Britain [Electronic resource]. – Mode of access: http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/dates/stories/february/4/ newsid_2738000/2738629.stm. – Date of access: 25.01.2018.

9. Enoch Powell's 'Rivers of Blood' speech [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.telegraph.co.uk/comment/3643826/Enoch-Powells-Rivers-of-Blood-speech.html. – Date of access: 20.01.2018.

10. The beatification of Enoch Powell [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.irr.org.uk/news/the-beatification-of-enoch-powell/. – Date of access: 20.01.2018.

11. Race Relation Act 1968 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968/71/pdfs/ukpga_19680071_en.pdf. – Date of access: 20.11.2017.

12. Директива № 2000/43/ЕС Совета ЕС от 29 июня 2000 г., имплементирующая принцип равного обращения с людьми, независимо от их расового или этнического происхождения [Электронный ресурс] // European center for minority issues. – Режим доступа: http://ecmi-epp.org/wp-content/uploads/2015/03/Council-2000_43_EC_RU.pdf. – Дата доступа: 19.02.2018.

13. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml. – Дата доступа: 22.12.2017.

14. International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination [Electronic resource]. – Mode of access: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=IV-2&chapter=4&clang=_en. – Date of access: 21.12.2017.

15. *Backman, M.* UK Indians taking care of business [Electronic resource] / M. Backman. – 2006. – Mode of access: https://www.theage.com.au/news/business/uk-indians-taking-care-of-business/2006/03/07/1141701511987.html. – Date of access: 15.01.2018.

16. Commons Sitting of 17 May 1976 MALAWI (BRITISH PASSPORT HOLDERS) [Electronic resource]. – 1976. – Series 5, Vol. 911. – Mode of access: http://hansard.millbanksystems.com/commons/1976/may/17/malawi-british-passport-holders. – Date of access: 21.01.2018.

17. *Tinker, H.* The Banyan Tree. Overseas emigrants from India, Pakistan, and Bangladesh / H. Tinker. – Oxford University Press. – Oxford, 1977. – 204 p.

18. The Grunwick Dispute [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.striking-women.org/module/striking-out/grunwick-dispute. – Date of access: 17.01.2018.

19. Race Relation Act 1976 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1976/74/pdfs/ukpga_19760074_en.pdf. – Date of access: 20.11.2017.

20. Sivanandan, A. Analysed the role of the Board and CRC In «Race, class and the state: the black experience in Britain» [Electronic resource] / A. Sivanandan // Race & Class. – 1976. – Vol XVII, № 4. – Mode of access: http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/030639687601700401. – Date of access: 15.01.2018.

(Дата подачи: 28.02.2018 г.)

Л. И. Мосейчук
Белорусский государственный университет, Минск
L. I. Mosejchuk
Belarusian State University, Minsk

УДК 94(476):930

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ УНИАТСКОГО ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В. В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

THE PROBLEM OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF UNIATO SPIRITUAL EDUCATION XVIII – XIX IN THE EAST SLAVIC HISTORIOGRAPHY

На протяжении почти двухсот лет изучения униатства как этнокультурного феномена в восточнославянской историографии сложились разные подходы к рассмотрению проблемы становления и развития духовной образовательной системы униатского клира XVIII–XIX вв. Рассмотрению разных подходов к изучению указанной тематики, характеристики временных периодов в историографии проблемы, осмыслению и анализу научного задела предыдущих исследований и посвящена данная статья.

Ключевые слова: униатство; образование; историография; духовная школа.

For almost two hundred years, Uniatism has been studied as an ethnocultural phenomenon in East Slavic historiography. As a result, different approaches to the problem of the formation and development of the spiritual educational system of the Uniate clergy of the XVIII XIX th. centuries. This article is devoted to the consideration of these approaches to the study of this topic, the characteristics of time periods in the historiography of the problem, the comprehension and analysis of the scientific backlog of previous studies.

Keywords: uniate; education; historiography; theological school.

Основа в изучении истории униатства была заложена в рамках российской историографии в конце XVIII в. По приказу императрицы Екатерины II Н. Н. Бантыш-Каменский подготовил первое исследование по истории униатской церкви «Историческое известие о возникшей в Польше унии». Работа была издана в 1805 г. Долгое время это было единственное научное сочинение, посвященное униатской проблематике.

Во второй половине XIX в., накануне 50-летия Полоцкого собора, которое отмечалось в 1889 г., униатская тема вновь привлекла внимание исследователей. К этой дате были приурочены многочисленные публикации, посвященные истории унии.

Одним из первых, кто заинтересовался вопросом влияния униатской церкви на культурные процессы на белорусских землях, стал М. О. Кояловичь. Свое видение «униатского вопроса» автор изложил в нескольких научных трудах, публицистических статьях и двухтомной работе «Литовская церковная уния». Опираясь на широкий круг архивных источников, воспоминания и эпистолярное наследие духовных и светских участников собы-

тий, современников Полоцкого собора 1839 г., М. О. Коялович не только ввел в научный оборот большое количество новых документов и фактического материала, но и заложил основы изучения униатской проблематики в исторической науке. Его суждения и выводы на долгое время определили рамки восприятия и оценку униатской церкви среди историков, религиоведов и философов.

В своих работах М. О. Коялович практически не затрагивал тему подготовки униатского духовенства. Однако его высказывание о низком образовательном уровне белого приходского духовенства впоследствии повторялось в работах других авторов XIX в.: Г. Я. Киприановича, протоирея А. Матюшенского, протоирея И. Наумовича, И. А. Чистовича, Д. Н. Чихачева, Г. И. Шавельского. Проблематика диссертационного исследования нашла фрагментарное отражение в исследованиях А. В. Белецкого, П. О. Бобровского, Д. А. Толстого, опубликованных в последней трети XIX – начале XX в.

П. О. Бобровский в работе «Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I…» [1] писал о недостаточном количестве семинарий для белого униатского духовенства. Упомянув о деятельности духовных семинарий в м. Новый Свержень и м. Лавришево, он высказал категоричное мнение о том, что они ни по учебным планам, ни по уровню преподавания, ни по количеству учащихся, а также качеству их воспитания не соответствовали нуждам униатской церкви [1, с. 72]. Исключение, на его взгляд, составляла только Полоцкая семинария [1, с. 71]. Данное положение, приведенное автором в качестве иллюстрации при описании общего состояния униатской церкви в конце XVIII–XIX в., осталось на уровне научной гипотезы. П. О. Бобровский не смог аргументированно доказать свою позицию, не провел анализ учебных планов духовных учебных заведений и не рассмотрел особенности работы каждой семинарии.

Более детально история униатского духовного образования разбиралась такими авторами, как П. Н. Жукович, Н. Д. Извеков, Л. И. Свидерский.

Объектом исследования П. Н. Жуковича стала Главная виленская духовная семинария. Его работы посвященные истории данного учебного заведения выделяются тематическим охватом и глубиной осмысления материала.

Сведения о деятельности Полоцкой униатской семинарии – с момента ее открытия в 1807 г. и до 1823 г. – содержатся в работе Л. И. Свидерского «Иоанн Красовский, Полоцкий униатский архиепископ» [2]. Все вопросы, связанные с работой семинарии, рассматривались автором через призму деятельности ее фактического руководителя – Иоанна Красовского. Л. И. Свидерский утверждал, что Полоцкая семинария была лучшим образовательным учреждением для белого униатского клира первой четверти XIX в. [2, с. 344], поскольку ее выпускники хорошо знали не только церковнославянский язык, но и «чин восточного богослужения» [2, с. 330]. По мнению исследователя, этому способствовало введение в 1814 г. в учебный процесс «книг московской печати» [2, с. 331]. Для подтверждения данного тезиса

историк активно использовал широкий круг архивных документов и обширную переписку духовных деятелей униатской церкви того времени.

Литовской (Жировичской) семинарии посвящена монография Н. Д. Извекова «История Литовской духовной семинарии» [3]. В истории семинарии автор выделил два периода: жировичский (1828–1845 гг.) и виленский (с 1845 г.). Н. Д. Извеков рассмотрел и проанализировал такие аспекты, как финансирование, количество учащихся, преподавательский состав, отношения семинарии с духовными училищами и руководящими организациями. Подчеркивалось, что деятельность семинарии изначально регулировалась статутом православных духовных учебных заведений 1814 г., а это, по мнению исследователя, «ознаменовало собой новый этап в образовании белого униатского духовенства» [3, с. 15]. Однако автор не раскрывает причины учреждения данного учебного заведения, отсутствует в работе и анализ изменений в учебном процессе, а приведенные им оценки и выводы вызывают сомнения в свете более широкого круга ныне доступных источников.

Отметим, что дореволюционная историография, наряду с достаточной репрезентативностью, не дает целостного представления о становлении семинарского униатского образования в изучаемый период. История униатства изучалась почти исключительно православными историками XIX в., в большинстве своем выходцами из среды униатского духовенства.

В первой четверти XX в. трансформация общественно-политической и культурной жизни привела к тому, что униатская проблематика становится предметом научного интереса исследователей белорусской историографической школы.

М. В. Довнар-Запольский, В. М. Игнатовский, В. У. Ластовский, В. И. Пичета в своих научных работах отмечали, что к ликвидации унии привело несколько факторов: латинизаторская деятельность базилианского ордена; недостатки образовательной системы белого униатского духовенства; противоречия между белым и черным духовенством внутри униатской церкви; религиозная политика правительства Российской империи. Подчеркнем, что вышеперечисленные авторы не рассматривали униатское духовное образование в качестве самостоятельного предмета исследования.

Более глубоко и детально униатское духовное образование изучал украинский историк А. А. Савич. Работая в Белорусском государственном университете с 1921 по 1924 гг., он внес существенный вклад в становление и развитие белорусской исторической школы в этом вопросе. Работы А. А. Савича были первыми и единственными в своем роде исследованиями, в которых история униатского образования рассматривалась сквозь призму деятельности базилианского ордена. Историк подчеркивал, что «эпоха базилианского просвещения отличается значительным поворотом от греческой науки и православного Востока к науке латинской и католическому Западу…» [4, с. 98].

Аргументы приведенные автором, для подтверждения своих выводов, на наш взгляд, не вызывают сомнений, обоснованы и убедительны. Хоте-

лось бы отметить, что перечисленные работы А. А. Савича представляют особую ценность для раскрытия темы исследования, поскольку в своих трудах он использовал архивные документы и материалы, часть которых на сегодняшний день утрачена.

В 1931 г. в БССР была издана работа Н. М. Никольского, косвенно затрагивающая вышеназванную проблематику, – «История русской церкви» [5]. В VII главе «Государственная церковь крепостной эпохи» автор замечал, что в начале XIX в. «вышколенное по иезуитской системе и хорошо для своего положения образованное униатское духовенство стояло в одном ряду с ксендзами» [5, с. 288].

В последующие десятилетия XX в. исследований, посвященных униатской духовной школе, не было. Конфессиональная история в советской науке 30–80-х гг. прошлого века не считалась актуальной.

Некоторое оживление религиозной тематики стало наблюдаться в среде советских историков в начале 50-х гг. XX в. В это время «Журнал Московской Патриархии» опубликовал статью профессора Ленинградской духовной академии И. Н. Шабатина «Из истории воссоединения белорусских униатов». Автор статьи, рассматривая воспитание и образование митрополита Иосифа (Семашко) в Главной виленской семинарии, убеждал читателя, что основной воспитательной целью данного заведения была подготовка «из униатской молодежи убежденных католиков» [6, с. 36], тем самым повторяя точку зрения, господствовавшую в среде православных историков XIX в. (П. О. Бобровского, Н. Д. Извекова, Г. И. Шавельского и др.).

В 90-е гг. XX в., с распадом СССР и становлением белорусской государственности, в эпицентре внимания историков оказались различные аспекты функционирования униатской церкви и ее образовательная деятельность в том числе.

Развитию униатской образовательной системы посвящена глава в монографии С. В. Морозовой «Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гг.)». Автор отмечала, что униатская церковь создала широкую образовательную структуру, включавшую в себя как учреждения начального образования, так и высшие учебные заведения. Программы преподавания в них отличались, но в целом были приближены к европейским учебным образцам, характерным для данного типа школ.

Эту точку зрения поддержал А. Ф. Самусик, добавив, что в первой четверти XIX в. средним духовным образованием униатской молодежи занимался базилианский орден, а высшим – Главная виленская семинария. Кроме того, в статье «Праект адкрыцця ўніяцкай Духоўнай акадэміі ў Полацку» А. Ф. Самусик пришел к выводу, что проект создания высшего учебного заведения не был реализован, поскольку его инициаторы испугались, что униатская церковь, имея собственный образовательный центр, станет второй по значению силой (после католичества) в западных губерниях Россий-

ской империи и еще сильнее отдалится от православия. Данный тезис, на наш взгляд, достаточно объективен и обоснован, поскольку базируется на анализе не только документальных источников, но и воспоминаниях главного идеолога проекта – Иосифа Семашко.

Деятельность Полоцкой духовной семинарии рассматривалась в ряде статей Д. В. Лисейчикова. Особого внимания заслуживает его монография «Штодзённае жыццё ўніяцкага парафіяльнага святарства беларускалітоўскіх зямель 1720–1839 гг.». Анализируя особенности образования детей белого униатского духовенства, автор делает вывод о том, что с 1828 г. была установлена субординация духовных учебных учреждений униатской церкви. Именно с этого времени, по его мнению, в духовном образовании униатов сложилось три определенных уровня обучения: парафиальная школа – духовная школа – семинария [7, с. 46].

Одновременно в 1990-е – 2000-е гг. заметно вырос интерес к теме униатского образования и со стороны православных церковных историков: Ф. П. Кривоноса, М. М. Носко, А. А. Романчука, А. С. Хотеева и др. В исследованиях вышеназванных авторов предпринимается попытка комплексного изучения греко-католической церкви в Российской империи, показываются исторические и богословские предпосылки латинизации униатской церкви и, как следствие, духовного образования.

Современная историография темы не ограничивается перечнем трудов, непосредственно посвященных изучаемой проблеме. Многие историки, не касаясь проблематики становления и деятельности духовной униатской школы, косвенно затрагивают ее в своих исследованиях.

Материал, касающийся деятельности Главной духовной семинарии в г. Вильно, содержится в совместной монографии М. А. Попова и А. И. Гончара. Общая характеристика положения монашеских орденов в период с 1772 по 1830 гг. дана в работах И. Г. Гончарука и С. В. Полуцкой. Вопросы, связанные с культурным влиянием унии нашли свое отражение в статьях В. А. Тепловой.

Изучая политику российского правительства по отношению к греко-католической церкви в конце XVIII – первой четверти XIX в., А. Д. Гронский, В. В. Губина, А. А. Гурецкий, Е. Н Филатова и П. В. Шевкун сходятся во мнении, что правительство, стремясь предотвратить эксцессы и волнения среди жителей присоединенных территорий, способствовало сохранению всех духовных учреждений и монашеских орденов со всем принадлежавшим им имуществом.

Таким образом, современная белорусская историография сделала заметный шаг вперед по изучению духовной школы униатской церкви. Однако системный и целостный анализ развития униатской духовной школы и в этих исследованиях проведен не был.

Не стала эта проблематика предметом специального исследования в российской и украинской историографии.

Работы современных российских историков Е. А. Вишлинковой, М. М. Галанова, З. П. Тининой носят обобщающий характер. Так, М. М. Галанов характеризуя религиозную политику проводимую российским правительством в конце XVIII – первой четверти XIX в., делает вывод о том, что она была направлена на инкорпорацию католического и униатского населения в социально-экономическую и политико-юридическую системы империи. Е. А. Вишленкова в исследовании «Религиозная политика: официальный курс и "общее мнение" России Александровской эпохи» обращает внимание читателя на изменения, произошедшие в церковном управлении римско-католической и униатской церквях Российской империи. Развитию духовного католического образования посвящен небольшой абзац в монографии З. П. Тининой «Самодержавие и Русская Православная церковь в первой четверти XIX века». Автор справедливо отмечает, что Главная виленская семинария занималась подготовкой учителей по религиозным предметам для всех учебных заведений западных регионов Российской империи. Однако, несмотря на появление всесторонних и глубоких исследований по религиозно-конфессиональной истории России, специфика формирования и развития греко-католической церкви так и не стала предметом специального изучения российских историков.

Украинские исследователи А. Андрохович, И. Партыло, В. Пери проблему развития униатского духовного образования рассматривают только в контексте общих культурно-просветительских и социальных процессов, происходивших в украинском регионе, лишь косвенно затрагивая белорусские земли.

В работе «Нарисі розвитку і стану Василіянського Чина XVII–XX ст.» М. Ваврик приводит статистические данные об учебных учреждениях, открытых при базилинских монастырях на белорусских землях, указывает их географическое расположение. Большой интерес для белорусских исследователей представляет работа Я. С. Глистюка, посвященная истории становления и развития Генеральной греко-католической семинарии во Львове, причины открытия и внутреннее устройство которой тождественны модели Главной виленской семинарии. В целом приходится констатировать, что украинская историография крайне фрагментарно касается истории зарождения и функционирования духовной школы униатов на белорусских землях.

Подводя итог восточнославянской историографии изучения духовного униатского образования средней и высшей ступеней, хотелось бы отметить следующее. Во-первых, эта проблема не стала предметом систематических научных исследований. Поэтому можно скорее говорить не о направлении, а о простой совокупности работ, в разной степени затрагивающих данную тему. Во-вторых, подавляющее количество исследований представлено работами русских исследователей конца XIX – первой трети

XX в. В белорусской историографии эта тема, по существу, лишь только обозначена в исследованиях последних лет. И, в-третьих, вышеперечисленные работы далеко не исчерпывают всей глубины проблемы. Главный вопрос – эволюция развития униатского духовного образования, на наш взгляд, до конца не решен.

Список использованных источников

1. *Бобровский, П. О.* Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I: ист. исслед. по арх. док. / П. О. Бобровский. – СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1890. – XVI, 394 с.

2. *Свидерский, Л.* Иоанн Крассовский, Полоцкий униатский архиепископ / Л. Свидерский. – Витебск: Губерн. тип., 1911. – Разд. паг.

3. *Извеков, Н.* История Литовской духовной семинарии / Н. Извеков. – Вильна: Тип. И. Блюмовича, 1892. – [6], 566 с.

4. *Савич, А. А.* Западно-русские униатские школы XVII–XVIII веков / А. А. Савич // Труды / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1922. – № 2/3. – С. 98–123.

5. *Никольский, Н. М.* История русской церкви: с 88 рис. / Н. М. Никольский. – 2-е изд., пересм. и доп. – М.; Л.: Моск. рабочий, 1931. – 398 с.

6. *Шабатин, И.* Из истории воссоединения белорусских униатов / И. Шабатин // Журн. Моск. Патриархии. – 1951. – № 2. – С. 35–47; № 6. – С. 59–63; № 10. – С. 47–54; № 11. – С. 51–60.

7. *Лісейчыкаў, Д. В.* Штодзённае жыццё ўніяцкага парафіяльнага святарства беларускалітоўскіх зямель 1720–1839 гг. / Д. В. Лісейчыкаў. – Мінск: Медысонт, 2011. – 195 с.

(Дата подачи: 28.02.2018 г.)

Ю. В. Никулина
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск
Y. V. Nikulina
The Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 378:930

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ В БССР В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА

THE PARTY AND POLITICAL TRAINING OF LEADERS IN THE BSSR IN 30 YEARS OF XX CENTURY

Статья посвящена истории развития системы партийного и политического образования в БССР в 30-е годы XX века. Показано, что руководство страны уделяло серьезное внимание повышению идейно-политического уровня руководящих кадров. В Беларуси была создана широкая сеть вечерних и воскресных коммунистических университетов, партийных школ, школ-передвижек, кружков. Характерной особенностью сети партийного просвещения являлась дифференциация форм учебы, которая проводилась с учетом различной степени теоретической и общеобразовательной подготовки слушателей. Обосновано, что партийно-политическое образование с начала 1930-х гг. постепенно становилось необходимым атрибутом должности.

Ключевые слова: образование; просвещение; коммунистическая партия; марксистско-ленинская идеология; подготовка специалистов; политическая грамотность; руководящие кадры.

The article is devoted to the history of the development of the system of party and political education in the BSSR in the in the 20-ies of XX century. It is shown that the country's leadership paid serious attention to raising the ideological and political level of the managerial personnel. A wide network of evening and Sunday communist universities, party schools, shifting-schools, circles was created in Belarus. A characteristic feature of the network of party education was the differentiation of forms of study, which was carried out taking into account the varying degrees of theoretical and general education of students. It is substantiated that the party political education since the beginning of the 1930s gradually became a necessary attribute of the post.

Key words: education; Communist Party; Marxist-Leninist ideology; political literacy; training of specialists; managerial personnel.

Проблема обеспечения квалифицированными кадрами системы государственного управления оставалась актуальной для политического руководства БССР на всех этапах государственного строительства довоенного периода. С победой сталинской линии в ВКП(б) в общественно-политической жизни республики усилилась директивная система управления и возросла роль партийно-государственного аппарата. Происходит создание разветвленного административного аппарата – тотальной бюрократии. По сути, страна стала жить в условиях силовых методов решения политических задач, начинается период массовых репрессий.

К руководству в таких условиях зачастую приходили люди, не обладавшие необходимой профессиональной подготовкой, главной способностью которых было умение выслужиться. Так, более 70 % секретарей райкомов и горкомов партии в конце 30-х – начале 40-х годов имели только начальное образование, а среди секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик таких было 40 %. Большинство из них испытывали большие трудности в работе и нуждались в подробных инструкциях сверху [1, с. 6].

Вместе с тем индустриализация и культурно-национальное строительство предполагала подготовку квалифицированных кадров для всех сфер жизни общества. Необходимость заполнения вакансий руководящих партийных кадров людьми с высшим и средним специальным образованием, специалистами народного хозяйства была очевидной: во-первых, повышалась компетентность руководства, во-вторых, создавался образ власти как наиболее образованной части общества, а потому действительно умеющей управлять.

Руководство БССР, как и страны в целом, уделяло серьезное внимание повышению идейно-политического уровня руководящих кадров, т. к. «марксистско-ленинская теория дает руководящим кадрам, всем коммунистам силу безошибочной ориентировки в окружающих событиях, предвидение перспективы развития, возможность выработки и при-

нятия правильных решений в практической деятельности. От уровня теоретической подготовки и идейной закалки коммунистов в прямой зависимости находится качественный состав партийных организаций, их боеспособность в практическом осуществлении генеральной линии партии» [2, с. 130].

В Беларуси была создана широкая сеть вечерних и воскресных коммунистических университетов, партийных школ, школ-передвижек, кружков. Подготовка и переподготовка партийных, советских, профсоюзных и комсомольских кадров осуществлялась через Институт красной профессуры в Москве, Ленинградский и Свердловский комвузы, Коммунистический университет нацменьшинств Запада имени Мархлевского, Коммунистический университет имени В. И. Ленина н Минске, Высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу, совпартшколы, краткосрочные курсы при ЦК КП(б)Б.

В городах низовым звеном сети партпросвещения являлись двухмесячные кандидатские школы, рассчитанные на кандидатов партии и рабочих, вступающих в партию. Слушатели изучали учебник «Ленинская грамота», журнал «Ленинская учеба», издававшийся культпропотделом ЦК КП(б)Б, и материалы текущей политики по газетам и журналам [3, с. 237].

Наиболее массовой формой партийного просвещения являлись начальные партшколы (НПШ) с четырехмесячным сроком обучения. Они были рассчитаны на членов и кандидатов партии, а также беспартийный актив. Занятия проводились по учебнику «Памятка большевика», журналу «Ленинская учеба», отдельным брошюрам и материалам текущей политики.

В городах создавались кружки текущей политики и школы-однодневки, занятия проводились в ударные дни учебы и во время проведения отдельных политических кампаний. Эта форма политического просвещения имела целью охватить весь рабочий коллектив предприятия, привить беспартийным рабочим любовь к политике и вовлечь передовых рабочих в стационарную сеть партийного просвещения. Они изучали материалы периодической печати. Низовые звенья партийного просвещения (кандидатские школы, начальные партшколы, кружки текущей политики и школы-однодневки) организовывались по производственному принципу – в цехах и бригадах. Общезаводские школы и кружки создавались только на небольших предприятиях.

Средним звеном сети партийной учебы являлась вечерняя совпартшкола с двухгодичным сроком обучения. В эти школы зачислялись коммунисты и беспартийные рабочие, окончившие начальную партшколу или кандидатскую школу, а также имеющие подготовку в объеме программы НПШ. Слушатели изучали историю партии, политэкономию, философию, экономическую географию и партийное строительство. По этим предметам были изданы популярные учебные пособия.

К высшему звену системы партийного просвещения относились вечерние комвузы, которые имели трехгодичный срок учебы, и декадные комвузы, программа которых рассчитана была на один год. Вечерние комвузы создавались при горкомах и райкомах партии и работали по программам Минского вечернего комвуза, а декадные комвузы имели сокращенную программу и создавались при райкомах партии и на отдельных крупных предприятиях. Комвузы предназначались для подготовки руководящих партийных работников. Слушатели комвузов изучали в более полном объеме историю партии, политэкономию и философию с привлечением произведений классиков марксизма-ленинизма, а также курс партийного строительства и историю международного коммунистического и рабочего движения. В декадных комвузах программа была сокращенной.

В сельской местности низшим звеном сети партийного просвещения являлись начальные партшколы с четырехмесячным сроком учебы. Они предназначались для членов и кандидатов партии, а также рабоче-крестьянского актива из местных совхозов и колхозов. Слушатели начальных партшкол занимались по учебному пособию «Азбука ленинизма» и журналу «Ленинская учеба» [3, с. 239].

До проведения массовой коллективизации распространенной формой учебы на селе была школа-передвижка, в которой изучали текущую политику по газетам и журналам, учебнику «Ленинская грамота». Программа рассчитывалась на полтора-два месяца. Эти школы обслуживали те партийные организации, где не было возможности создать стационарные школы. В деревне практиковали организацию школ-одиночек и проведение «ударных дней». Эта самая доступная, популярная форма учебы должна была охватить колхозников, рабочих МТС и совхозов. «Ударные дни» посвящались наиболее важным политическим событиям внутри страны и за рубежом, которые освещались в периодической печати.

К среднему звену сельской сети партийной учебы относились базовые вечерние совпартшколы с двухгодичным сроком обучения. Они создавались в районных центрах и при крупных сельских партийных комитетах, где имелись подготовленные пропагандистские кадры. Слушатели пользовались теми же учебными пособиями, что и вечерние городские совпартшколы. Они изучали историю партии, политэкономию, философию, экономическую географию и партийное строительство.

Районные ВСПШ представляли собой базовые пункты для организации всех остальных краткосрочных видов учебы: курсов, съездов, трехдневок, пятидневок, декадных курсов и т. п. Специального высшего звена партийной учебы для села не было. Партийный и советский актив, имевший соответствующую подготовку, занимался заочно в комвузах и заочной СПШ. Заочная форма партийной учебы с каждым годом по-

лучала все более широкое признание среди руководящих кадров города и деревни [3, с. 241].

Характерной особенностью сети партийного просвещения, утвержденной ЦК КП(б)Б, являлась дифференциация форм учебы, которая проводилась с учетом различной степени теоретической и общеобразовательной подготовки слушателей и разных условий, способствующих организации занятий. Это давало возможность охватить марксистско-ленинской учебой всех коммунистов и значительную часть беспартийного актива города и деревни. Перед средними и высшими звеньями сети партийного просвещения ставилась задача обеспечения теоретической подготовки кадров партийного актива, из среды которого можно было бы выдвинуть руководящих работников в разные отрасли народного хозяйства.

В 1929/1930 учебном году ЦК КП(б)Б организовал подготовку и переподготовку пропагандистских кадров для массовой сети партийного просвещения. При ЦК работали двухмесячные курсы пропагандистов и по всем округам проводились краткосрочные пропагандистские курсы. В Минске, Витебске, Гомеле работали шестимесячные курсы пропагандистов. Подготовка пропагандистских кадров в значительной мере подняла идейно-теоретический уровень партийной учебы [3, с. 259].

Важной формой повышения идейного уровня руководящих кадров являлось заочное партийное обучение. Только в 1930 году в Белоруссии 350 человек заочно обучались в комвузе, 600 – в совпартшколе, 400 – на курсах партактива [3, с. 261]. 16 октября 1930 года ЦК ВКП(б) принял постановление о расширении заочных форм партийного просвещения. В постановлении указывалось, что заочное обучение должно стать основной формой теоретической подготовки партийного актива. ЦК ВКП(б) предлагал организовать при всех крупных партколлективах консультационные пункты для оказания помощи заочникам [4, с. 31].

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б), по решению секретариата ЦК КП(б)Б, в республике был учрежден Белорусский институт массового заочного обучения (БИМЗО), в Витебске, Могилеве, Бобруйске, Орше, Борисове, Полоцке, Мозыре и Лепеле открыты постоянные консультационные пункты. БИМЗО осуществлял организационное, идейно-политическое и методическое руководство всеми видами заочного партийного просвещения. По радио передавали программы заочного комвуза, давали консультации по отдельным темам. На предприятиях, в учреждениях организовывались специальные комнаты радиослушания. ЦК КП(б)Б планировал уже в начале 1931 года довести количество слушателей-заочников комвуза до 2000 человек, комсомольского университета, центральной заочной СПШ и рабочего-колхозного университета – по 1000 человек на каждое учебное заведение [3, с. 268].

Некоторые успехи в подготовке новой партийной элиты были достигнуты. Однако подготовка и идейная закалка кадров, которая являлась

одной из задач культурной революции, была связана с преодолением серьезных препятствий на пути. На идеологическом фронте не было сплошного триумфа побед, были довольно ощутимые просчеты и неудачи, в том числе и в деле подготовки управленческих кадров.

Методический уровень и идейная направленность занятий зависела от состава педагогических кадров, которых в то время в Белоруссии было чрезвычайно мало. В городских и районных комитетах партии не были укомплектованы штаты кадровых пропагандистов. Во многих районах занятия в сети просвещения проводили случайные люди. ЦК КП(б)Б принимал самые серьезные меры по подготовке специалистов, но рост сети партпросвещения намного опережал темпы их подготовки. Партийные организации вынуждены были привлекать к просветительской работе людей, недостаточно подготовленных теоретически и совершенно незнакомых с методикой проведения занятий [2, с. 211].

Вместе с тем 1930-е годы – это годы развертывания массовой просветительской деятельности. По указанию ЦК КП(б)Б на всех промышленных предприятиях республики два раза в месяц проводились политдни. В эти дни руководящие работники (директора предприятий, партийные, профсоюзные и комсомольские руководители) выступали перед рабочими и служащими с докладами, в которых разъясняли вопросы международного и внутреннего положения страны, вопросы, волнующие коллектив предприятия и т. д. Нередко в такие политдни перед рабочими выступали руководящие партийные, советские и профсоюзные работники центральных органов и местных городских организаций. Считалось, что такая форма просветительской работы служила действенным средством повышения политической и трудовой активности рабочих.

В 1933 г. широкое распространение получила такая форма работы, как партийно-производственные конференции. Партийно-производственные конференции собирались периодически в промышленных центрах республики с целью обмена опытом партийно-организационной и политико-массовой работы. КП(б)Б направляла главное внимание производственных партийных организаций на глубокое изучение социалистической экономики, повседневное и квалифицированное руководство каждым производственным участком, соблюдение социалистического принципа материальной заинтересованности, правильное использование специалистов [4, с. 37].

Большую роль в совершенствовании форм и методов партийной работы играла посылка секретарей партийных ячеек и партгрупоргов на предприятия Москвы и Ленинграда для изучения постановки там организационной и партийно-воспитательной работы. Передовой опыт работы партийных организаций Москвы, Ленинграда, промышленных центров республики накапливался, обобщался, а затем распространялся по партийным организациям БССР через печать, с помощью партийно-производственных конференций и совещаний. Минский горком партии создал

постоянно действующий кабинет, где концентрировались обобщенные материалы о положительном опыте работы. Секретари партячеек и партгрупп в любое время могли получить необходимую консультацию по интересующим их вопросам.

Кроме того, компартия Белоруссии предпринимала серьезные меры по укреплению партийного, советского и хозяйственного аппарата своими кадрами. За 1934–1936 годы ЦК КП(б)Б направил на руководящую работу в районы 4096 коммунистов, в том числе секретарями и заместителями секретарей городских и районных комитетов партии 200 человек, заведующими отделами культуры и пропаганды – 103, председателями районных исполнительных комитетов – 57, директорами МТС – 88, райпрокурорами – 84, редакторами газет – 93 человека [3, с. 268]. Все это приводило к дальнейшему сращиванию партийных и советских органов. В одном лице часто сочетались функции партийного руководителя и административного работника. В большинстве случаев такое сочетание приводило к подмене повседневной руководящей работы партийной и административной командой. Исключалась возможность контроля за деятельностью таких советских и хозяйственных административных работников.

Таким образом, партийно-политическое образование с начала 1930-х годов постепенно становилось необходимым атрибутом должности. Абсолютное большинство получивших его уже находилось на руководящей партийной или советской работе довольно высокого уровня или же благодаря этому имело хорошие перспективы. Вообще соотношение количества управленцев, имеющих высшее «гражданское» и партийное образование, к концу 1930-х годов характеризовалось явным преобладанием «партийцев» [5, с. 142]. Результатом такой политики становится то, что многие партийные комитеты и ячейки начинают активно вмешиваться в хозяйственные дела предприятий и организаций и, по сути, подменять административные органы и их руководителей.

Список использованных источников

1. *Игрицкий, Ю. И.* Снова о тоталитаризме / Ю. И. Игрицкий // Отечественная история. – 1993. – № 1. – С. 5–12.

2. Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; [под общ. ред. Н. В. Каменской, М. Е. Шкляра]. – Минск: Беларусь, 1965. – 361 с.

3. *Маркиянов, Б. К.* Укрепление единства рядов Коммунистической партии Белоруссии (1921–1937 гг.) / Б. К. Маркиянов. – Минск: Беларусь, 1970. – 328 с.

4. Сорокалетие образования Коммунистической партии Белоруссии (1918–1958 гг.). – Минск: Гос. изд-во БССР, 1958. – 45 с.

5. *Новосельцева, Т. И.* Выдвиженчество в кадровой политике СССР в 1920–1930-е гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Т. И. Новосельцева; Брянский государственный университет. – Брянск, 2004. – 32 с.

(Дата подачи: 09.02.2018 г.)

А. А. Приборович
Белорусский государственный университет, Минск
A. A. Priborovich
Belarusian State University, Minsk

УДК 930.2

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ОРГАНОВ СТАТИСТИКИ БССР В 1919–1939 ГГ.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF STATISTICAL BODIES IN THE BYELORUSSIAN SSR IN 1919–1939

В статье дается описание истории становления белорусской советской статистики в 1919–1939 гг. Материалами статьи послужили архивные издания центральных и местных органов статистики БССР за 1919–1939 годы, созданные до воссоединения Западной Беларуси с БССР. В конце статьи дан краткий вывод о проделанной работе.
Ключевые слова: БССР; наблюдение; центральные органы статистики.

The article describes the history of the formation of Belarusian Soviet statistics in 1919–1939. The materials of the article were archival editions of the central and local statistical agencies of the BSSR for 1919–1939 yeas, created before the reunification of Western Belarus with the BSSR. At the end of the article, we give a brief conclusion about the work done.
Keywords: BSSR; observation; central bodies of statistics.

К основным задачам центральных органов статистики БССР в 1919–1939 гг. относились осуществление статистической деятельности с учетом следования принципам государственной статистики, а также удовлетворение потребности государства и населения официальной статистической информацией. Контроль за выполнением возложенных задач на центральные органы статистики осуществляли непосредственно институты власти советской Беларуси и СССР. За 1919–1939 гг. отношение властей БССР к роли государственной статистики и ее центральных органов постоянно менялось в зависимости от выбранного в стране курса экономического и политического развития. В 20-е гг. XX в. государственная статистика в БССР обладала определенной самостоятельностью в вопросах выбора методологии проведения централизованного статистического наблюдения за отраслями народного хозяйства и населения в стране. К концу 20-х гг. XX в. ЦСУ БССР стало испытывать организационное давление со стороны Госплана, который в период проведения первой пятилетки стал основным органом координирования политики планового развития народного хозяйства в стране.

В начале 1930 г. ЦСУ БССР было полностью подчинено Госплану, что, соответственно, привело к реорганизации и большей централизации всей системы государственной статистики в стране, которая в 30-е гг. XX в. исполняла роль одного из компонентов народнохозяйственного или социалистического учета. Строгая централизация учетных работ в 30-е гг. XX в. в БССР принесла и определенные качественные изменения.

Так, объединение статистического, оперативно-технического, бухгалтерского учета в народнохозяйственный (социалистический) учет позволило частично решить ранее существовавший параллелизм в проведении однотипных статистических мероприятий. Поэтому раскрытие особенностей истории формирования штата центральных органов статистики БССР, его задач и функций позволяет более полно раскрыть роль данных органов в государственной статистике советской Беларуси.

Цель статьи – определить особенности формирования и развития органов статистики БССР в 1919–1939 гг.

Научная новизна статьи определяется как самой постановкой цели, так и полученными в ходе ее разработки результатами. Впервые предпринимается исследование, посвященное довоенной истории работы центральных органов статистики БССР. На сегодняшний день нет специальных работ, касающихся условий формирования штата учреждений статистики БССР и выполняемых ими задач. В зарубежной и отечественной историографии представлены только отдельные работы, посвященные узким темам работы ЦСБ, ЦСУ и УНХУ БССР за 1919–1939 годы.

Формирование государственной статистики в советской Беларуси было начато с созданием в РСФСР летом 1918 г. ЦСУ, однако из-за военной интервенции организация статистического дела происходила крайне медленно вплоть до начала 1919 г. [8].

С середины 1918 г. до начала 1919 г. единственными рабочими статистическими органами в Беларуси были продовольственные комитеты – особые органы по сбору статистической информации о состоянии продовольственного рынка на неоккупированной немцами территории [6]. Продовольственные комитеты выполняли те же функции, что и созданные в предыдущий год Временным правительством продовольственные управы. Продовольственные комитеты предоставляли советской власти данные об обеспечении населения продовольственными и не продовольственными товарами, наличии голодающих, наличии сена и фуража для армии, о проводимых с/х работах в уездах и др.

Созданные в конце 1918 г. губернские статистические бюро были вынуждены использовать в своей работе статистические сведения продовольственных комитетов, так как подразделения ЦСК на территории Беларуси прекратили свое существование в конце 1917 г., а земские управы – осенью 1918 г. [9].

В декабре 1918 г. при Минском губернском Совете было образовано Минское губернское статистическое бюро, которое решением I съезда Советов БССР от 04.02.1919 г. было реорганизовано в Центральный статистический отдел (ЦСО). Первым исполняющим обязанности руководителя Минского губернского статистического бюро стал земский статистик М. И. Шкубер, который еще накануне войны в 1914 г. возглавлял земскую статистику Минской губернии. Помимо Минского бюро, на территории Беларуси работали Витебское и Гомельское статистические бюро.

В марте 1919 г. ЦСО БССР был ликвидирован, вместо него было создано ЦСБ Литбел, в Беларуси основную статистическую работу стало выполнять Минское губернское статистическое бюро.

8 октября 1919 г. польские войска захватили г. Минск, что привело к прекращению статистических работ в советской Беларуси. Позже вся работа по ведению статистических дел была возложена на коллегию ЦСБ, одной из основных задач которой было сохранение материального имущества бюро. Согласно воспоминаниям М. И. Шкубера, часть архивных документов ЦСБ была утрачена из-за передачи польскими властями материалов в макулатуру.

После ухода польской армии из Беларуси и освобождения в июле 1920 г. г. Минска ВРК БССР выдает М. И. Шкуберу мандат на создание ЦСБ БССР. Восстановление работы государственного органа статистики страны проходило в сложных условиях. Штат бюро до осенней эвакуации в несколько раз был меньше положенного количества. Согласно отчету о деятельности отдела общего управления ЦСБ за июль-сентябрь 1920 г. выясняется, что самое большое и непоправимое затруднение для бюро было то, что на местах практически отсутствовали специалисты по статистике. Из-за этого многие отделы ЦСБ к осени 1920 г. не смогли полноценно работать, так как они не получали первичные статистические сведения от своих уездных отделений [14]. Для привлечения к работе бывших специалистов статистики коллегия ЦСБ вынесла решение, по которому все бывшие служащие, не приступившие к работе в статбюро, считались дезертирами и их дела передавались в ВЧК [10].

В начале октября 1920 г. с приближением фронта к г. Минску ЦСБ вновь было вынуждено эвакуироваться [11]. После освобождения Красной Армией столицы на основании приказа № 76 Ревкома БССР от 20.10.1920 г. было вновь создано ЦСБ БССР [15]. Общее число сотрудников Бюро составляло 73 лица – 1/3 от необходимого штата. Если обратиться к анкетным листам сотрудников ЦСБ на начало 1921 г., то можно заметить, что средний возраст ведущих специалистов бюро составлял от 25 до 45 лет. Практически все руководители отделов и секций бюро работали раньше в земских и губернских органах статистики, при этом образование в основном было у них высшее [1]. Что же касается рядовых сотрудников ЦСБ БССР, то согласно сведениям именного списка сотрудников бюро большая их часть приступила к работе в статистических органах только с 1919 г [3]. Лица, которые приходили работать в органы статистики, согласно сохранившимся заявлениям граждан о принятии на работу в статистические бюро, имели цель найти место получения каких любо средств на существование. В то время бюро было обязано по решению бирж труда трудоустраивать грамотных граждан не имеющих постоянного места работы [4]. Отсутствие опыта работы в статистических мероприятиях у большинства сотрудников бюро влияло на качество и темпы выполнения планов развития государственной статистики Советской Беларуси.

3 ноября 1924 г. на III сессии ЦИК БССР IV созыва было утверждено положение о государственной статистике, согласно которому ЦСБ БССР было переименовано в Центральное статистическое управление (ЦСУ) БССР. Согласно положению ведение государственной статистики в округах возлагалось на окружные статистические бюро и районных статистов, в их обязанности входило наблюдение и регистрация количественных сведений о состоянии жизни населения и развития народного хозяйства.

В 1926 г. к БССР были присоединены Гомельский и Речицкий уезды, что привело к увеличению количества выполняемых задач ЦСУ БССР и штата его сотрудников в головном аппарате и его территориальных подразделениях [12].

Одним из важнейших звеньев органов статистического наблюдения в БССР являлись статистические органы первичного наблюдения. К 1924 г. органы первичного наблюдения были представлены добровольными корреспондентами [16], ведомственной агентурой, сельскими и районными статистами. Отметим, что институт районных статистов был новым проектом ЦСУ БССР. Создание районов в 1924 г., как отдельных административно-хозяйственных единиц, вызвало потребность в подготовке статистических материалов районного масштаба и создании низового статистического аппарата района. Поэтому с 1924 г. статистическая работа в районах была возложена на районного статиста.

Органами управления государственной статистики в БССР являлись также статистические съезды и конференции, проводимые в стране с 1919 г. по 1930 г. В целях всестороннего освещения вопросов по разработке организационных планов и методов проведения общегосударственных переписей и др. общегосударственных работ, а также в целях объединения статистических учреждений БССР, ЦСБ (ЦСУ) ежегодно до 1930 г. созывало Всебелорусский статистический съезд. В состав съезда входили: руководящий состав ЦСБ (ЦСУ), заведующие окружных статбюро (губстатбюро), представители Госплана и центральных правительственных учреждений, заведующие статистических отделов Наркоматов и ведомств, представители кооперативных объединений, представители Инбелкульта, БГУ и др.

В отличие от съездов статистические конференции проводились по мере необходимости, вызванной такими вопросами, как: проведение масштабных переписей населения, принятие нового положения о государственной статистике, изменение программы и формы учета какой-либо отрасли статистики или расширение сети местных органов государственной статистики в связи с изменением административно-территориальных границ БССР [13].

7 июля 1928 г. вышло постановление ЦИК БССР, в котором было утверждено новое положение о государственной статистике БССР [5]. При сохранении прежних задач работы ЦСУ приобрело новую структуру. В состав ЦСУ БССР входили: статистическая плановая комиссия, секретариат, сек-

тор социальной статистики, сектор статистики сельского хозяйства, сектор статистики промышленности, сектор статистики труда, сектор статистики обмена. Задачи, выполняемые этими секторами, мало чем отличались от основных задач госстатистики СССР [2].

На основании постановления ЦИК и СНК БССР от 23.01.1930 г. ЦСУ БССР было ликвидировано. Его функции и аппарат были переданы сектору народнохозяйственного учета Госплана БССР (первое время именовавшийся как экономико-статистический сектор), просуществовавшему до 1932 г., далее он был реорганизован в УНХУ при Госплане БССР, а с 1933 г.: в УНХУ БССР. Местные статистические подразделения ЦСУ перешли соответственно окружным органам Госплана [7].

В связи с реорганизацией ЦСУ БССР в государственной статистике советской Беларуси произошли значительные изменения, связанные в первую очередь с трансформацией методологии статистического учета. Искусственное объединение органов планирования и статистики потребовало от специалистов двух ранее разных структур наладить новую систему ведения учета развития народного хозяйства в стране. Что и было сделано при создании центрального органа статистики БССР – УНХУ Госплана БССР. С этого момента и до начало Второй мировой войны статистический учет стал основным инструментом контроля выполнения планов развития советской Беларуси.

Анализ материалов центральных органов статистики БССР за 1919–1939 гг. должен быть проведен с учетом знания истории развития данных органов за отмеченный период. Зарождение белорусской советской статистики было начато в конце 1918 г. в результате создания губернских статистических бюро, штат которых составляли сотрудники ранее ликвидированных губернских статистических комитетов и статистических отделов земских управ.

До 1918 г. на территории Беларуси не была выстроена рациональная сеть органов статистического наблюдения. Это оказало влияние на степень зависимости белорусской государственной статистики от решений ЦСУ РСФСР. Подобное обстоятельство требовало от ЦСБ БССР постоянно согласовывать штат своих работников, размер суммы финансового обеспечения, планы работ с ЦСУ. С подобной проблемой сталкивались практически все учреждения БССР, которые в той или иной степени зависели от всероссийских (союзных) учреждений.

Частые изменения территориальных границ БССР приводили к недоукомплектованности штата центральных органов статистики и их территориальных подразделений, который по оценке руководства ЦСУ в 20-е гг. XX в. был плохо обеспечен квалифицированными специалистами. Только к середине 30-х гг. XX в. благодаря работе вузов удалось обеспечить приток подготовленных специалистов в органы народнохозяйственного учета.

Изменение сети территориальных подразделений центрального органа статистики БССР и его плана работ зависело не только от административно-территориальных преобразований и процедуры внутриведомственного

согласования работ с ЦСУ (ЦУНХУ) СССР, но также и от постоянных изменений требований к статистике.

Начальный период работы советской статистики БССР связан с работой бывших сотрудников административной и земской статистики Российской империи. С приходом советской власти данный штат сотрудников возвращался к работе, но уже сталкивался с новыми политическими условиями. В советских условиях статистика должна была подтверждать органы власти в правильности выбранного ими курса развития народного хозяйства и населения, что особенно проявлялось после создания в 1923 г. Госплана БССР.

Первоначально ЦСБ (ЦСУ) БССР испытывало трудности в согласовании статистических сведений с ВСНХ и другими государственными учреждениями, то с началом работы Госплана был поднят вопрос о способности самостоятельного существования центрального органа статистики. Как показал дальнейший ход истории, центральный орган статистики БССР с 1930 г. был полностью подчинен задачам Госплана, а с этим был поднят более значимый вопрос – быть ли самостоятельной статистике вообще, если большое значение в период плановой экономики стал играть народно-хозяйственный учет (контроль). Статистика как наука была сохранена в советском обществе, хотя ее задачи практически полностью были выверены первично-учетному анализу, а также задачам экономического планирования (прогнозирования).

К концу исследуемого периода положение органов статистики БССР было кризисным. Репрессии, проводимые НКВД по отношению к сотрудникам УНХУ и его местным подразделениям, ослабили и до того уже истощенную в организационном и методологическом плане государственную статистику советской Беларуси.

Список используемых источников

1. Анкетные листы сотрудников ЦСБ БССР на начало 1921 г. // НАРБ. – Фонд 30. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 5–15.

2. Докладная записка по плану работ госстатистики БССР на 1928 – 1929 гг. // НАРБ. – Фонд 30. – Оп. 3. – Д. 2. – Л. 1–5.

3. НАРБ. – Фонд 30. – Оп. 1. – Д. 24. Именной список служащих ЦСБ БССР и его местных органов за 1919, 1920 и 1921 гг.

4. НАРБ. – Фонд 30. – Оп. 1. – Д. 27. Заявления граждан о принятии их на работу в статистическое бюро.

5. НАРБ. – Фонд 7. – Оп. 1. – Д. 507. Материалы об утверждении и дополнении положения о государственной статистики БССР.

6. НИАБ. – Фонд 3467. – Оп. 1. – Д. 1. Дело о снабжении населения мануфактурной обувью, керосином и др. товарами на вторую половину 1917 г.

7. Об упразднении как самостоятельного ведомства ЦСУ и его местных органов и о передаче их функций плановым комиссиям, 27 февр. 1930 г., № 87 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства. – 1930. – № 12.

8. Обзор деятельности ЦСБ БССР за сентябрь 1920 г. – сентябрь 1921 г. и предшествующего опыта работы // НАРБ. – Фонд 6. – Оп. 1. – Д. 32. – Л. 37.

9. Отчет о деятельности Гомельского городского продовольственного комитета. – Гомель, 1917. – 21 с.

10. Отчёт о деятельности ЦСБ БССР за июль – сентябрь 1920 г. // НАРБ. – Фонд 30. – Оп. 1. – Д.3. – Л. 2.

11. Отчёт об эвакуации и деятельности центрального бюро за 1920 г. // НАРБ. – Фонд 30. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 3. тоже НАРБ. – Фонд 30. – Оп. 4. – Д. 1. – Л. 1 – 4.

12. План работ по ЦСУ БССР на 1925–1926 гг. // НАРБ. – Фонд 63. – Оп. 1. – Д. 1049. – Л. 22 – 126.

13. Положение о государственной статистике БССР на 1924 г. // НАРБ. – Фонд 102. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 38 – 42.

14. Постановление коллегии ЦСБ БССР о возвращении на работу сотрудников статистики // НАРБ. – Фонд 30. – Оп. 1. – Д.2. – Л. 39.

15. Протокол № 8 заседания Коллегии ЦСБ ССРБ от 22.10.1920 г. // НАРБ. – Фонд 30. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 16–17, 39.

16. Список добровольных статистических корреспондентов Бегомльского района Борисовского округа на 01.05.1925 г. // ГАМн. – Фонд 718. – Оп. 1. – Д. 1049. – Л. 12–13.

(Дата подачи: 18.01.2018 г.)

Т. В. Пятрова
Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
НАН Беларусі, Мінск
T. Piatrova
Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research, Minsk

УДК 272(091):726.8

НЕКРОПАЛІ БЕЛАРУСІ І ГРАМАДСТВА: ТЭОРЫЯ І ПРАКТЫКІ РЭВІТАЛІЗАЦЫІ

NECROPOLISES OF BELARUS AND SOCIETY: THE THEORY AND PRACTICES OF REVITALIZATION

У артыкуле некропалі характарызуюцца як сацыяльная прастора, месца экстрапаляцыі і прыняцця вопыту мінулых пакаленняў. Акрэслены стан і перспектывы працы са старымі некропалямі на тэрыторыі сучаснай Беларусі. Праводзіцца аналіз магчымасцей уключэння некропаляў у сучаснае сацыяльна-эканамічнае жыццё грамадства.

Ключавыя словы: некропалі; рэвіталізацыя; гісторыка-культурная спадчына; сацыяльная прастора.

The article presents a system of turn old cemeteries in the social and socio-economic life of modern society. Revitalization of cemeteries seen as an opportunity to do tourist's point, museum's place, ecozone.

Key words: necropolis; revitalization; historical and cultural heritage; social space.

Некропалі ў сістэме агульнай нацыянальнай гісторыка-культурнай спадчыны займаюць асобнае месца. Стаўленне да некропаляў ва ўсе часы было дваякае. З аднаго боку, гэта месца асабістага смутку, з другога – гэта цалкам натуральная хроніка сацыяльнага развіцця грамадства ў пэўны гістарычны перыяд.

За апошнія гады ў шырокіх колах беларускага грамадства паўстаюць пытанні аб неабходнасці актуалізацыі некрапалістычнай спадчыны і пошуку аптымальных шляхоў гарманічнага суіснавання «горада мёртвых» сярод «горада жывых» [1].

Далёка не ўсе аб'екты некрапалістычнай спадчыны не ўсе аб'екты ўтрымліваюцца належным чынам. Гэта сведчыць аб тым, што працэс успрымання каштоўнасці некропаляў як сацыяльнай і інфармацыйнай прасторы мае патрэбу ў пераасэнсаванні і правядзенні дадатковых навуковых даследаванняў па мадэрнізацыі гэтых помнікаў гістарычнай памяці

Паводле энцыклапедыі «Археалогія і нумізматыка Беларусі» некропаль – гэта група старажытных пахаванняў у адным месцы [2, с. 462].

Аднак сённяшняе сацыяльнае азначэнне не зусім адпавядае афіцыйнаму тлумачэнню. На сучасным этапе тэрмін некропаль ужываецца не толькі ў адносінах да старажытных пахаванняў, але разумеецца як «вялікія могілкі», «старыя закрытыя могілкі», «могілкі, якія маюць асобнае гісторыка-культурнае значэнне».

У адпаведнасці з Законам Рэспублікі Беларусь «Аб пахаванні і пахавальнай справе» могілкі – месца, прызначанае для пахавання ў зямлю целаў (парэшткаў) памерлых і скрыняў з прахам (попелам) [3].

З другога боку, некропаль варта разглядаць як інфармацыйную прастору, якая акумулюе ў сабе значныя пласты інфармацыі, якія адносяцца да гісторыі культуры, рытуальных практык, адлюстроўвае сацыяльна-дэмаграфічную структуру насельніцтва ў яе дынаміцы, перадае моўныя і мастацкія асаблівасці мясцовасці і інш.

Унутраная стратыфікацыя некропаля (наяўнасць галоўных радоў, месцаў для знакамітых асобаў (асабліва ля капліцы), так званыя родавыя месцы і г. д.), семіётыка могілак у цэлым і асобных іх частак, іх стан, наяўнасць ці адсутнасць «украпаванняў» – гэта своеасаблівая хроніка сацыяльнага жыцця з часу фарміравання некропаля і да сучаснасці.

У месцах спачынку вельмі моцна выяўляецца нацыянальны каларыт. Аналіз асаблівасцей напісання на надгробках імёнаў, эпітафій сведчыць аб ступені развіцці мовы, стане дыялектаў, сацыяльным стаўленні да мовы (моў), што акутвае пэўны рэгіён. Па тым, як уладкаваны месцы пахавання, можна зрабіць высновы аб тым, як ставіліся вернікі да смерці, у што верылі.

Таксама, супастаўляючы даты на помніках, можна праводзіць паралелі з гістарычнымі падзеямі, якія разгортваліся ў мясцовасці (пажары, войны, эпідэміі і г. д.), і інш. [4].

З улікам таго, што могілкі перш за ўсё – гэта клопат жывых аб памерлых, яны існуюць і даглядаюцца як прыватная зона, пакуль ёсць сваякі, наведвальнікі, якія прыбіраюць і добраўпарадкаваюць, адчуваюць сваю асабістую прыязнасць да пахаваных [5].

Лёс могілак, якія застаюцца з мінулых стагоддзяў, якія належалі папярэднім жыхарам горада (месца, вёскі), утварыліся падчас воінскіх канфліктаў, вырашаецца толькі здольнасцю мясцовых супольнасцей і адміністрацый, культурнай палітыкай краіны, якая зацікаўлена ў тым, каб пабачыць у іх гістарычную і этнаграфічнаю каштоўнасць і ўзяць на сябе цяжар па забеспячэнні іх належнага захавання.

Дыскурс аб функцыянале прасторы некропаляў ўзнік далёка не сёння. Яшчэ ў сярэднявечнай Еўропе гарадскія могілкі не лічыліся толькі ўласна месцам асабістага смутку і апошняга спачыну. Так, даследчык Ф. Ар'ес у сваёй кнізе «Чалавек перад тварам смерці» паказвае, што ў перыяд усяго сярэднявечча да самага пачатку XVII стагоддзя ў Еўропе могілкі былі дастаткова публічнай прасторай. Там шпацыравалі, сустракаліся, нават гандлявалі, праводзілі рэлігійныя і свецкія мерапрыемствы (напрыклад, на могілках адпраўлялася правасуддзе). Жыццё і смерць былі побач [5, 6–12].

Сёння, пасля перыяду пэўнай сакралізацыі, некропалі становяцца не проста публічнай прасторай, а своеасаблівымі культурнымі цэнтрамі.

Гэтая тэндэнцыя ў другой палове XX стагоддзя даследчыкамі была ўспрынята неадназначна. Так, М. А. Грыва ў сваёй кнізе «Могілкі Монпарнас у Парыжы: прастора мёртвых або прастора жывых?» піша, што «могілкі ператварыліся ў прастору жыцця, сталі выкарыстоўвацца як паркі, як нерухомая маёмасць…. Могілкі становяцца турыстычным месцам! Што значыць гэтая культурная і сацыяльная трансфармацыя? Стаўшы турыстычным атракцыёнам, культурнай славутасцю, прастора мёртвых выстаўляецца напаказ, як свайго роду палеалітычны монстр» [5, 8].

Калі аднесці сакральны і рэлігійны складнік на другі план і не ўспрымаць абурэнні некаторых даследчыкаў наконт непрымальнасці публіцызацыі некропалей, можна прасачыць, што толькі працэс актыўнага ўключэння некропаляў у сучасны сацыякультурны кантэкст (рэвіталізацыя) можа выратаваць іх ад разбурэння і апаганьвання.

Тэрмін «рэвіталізацыя» ў першасным значэнні азначае «вяртанне да жыцця». У адносінах да культурнай спадчыны можна гаварыць, што рэвіталізацыя – гэта працэс пераасэнсавання спадчыны і ўключэння яе ў сучасны сацыяльна-эканамічны і культурны кантэкст.

Часцей за ўсё гэтае азначэнне выкарыстоўвацца ў дачыненні да помнікаў архітэктуры і горадабудаўніцтва, таму што яны праз змену свайго функцыянальнага прызначэння могуць натуральна выкарыстоўвацца грамадствам і прыносіць эканамічны эфект як нерухомасць, авеяная да таго ж яшчэ гістарычным і легендарніцкім арэалам.

На першы погляд працэс рэвіталізацыі і некропалі несумяшчальны, але гэта памылковае ўяўленне.

На сённяшні дзень існуе чатыры шляхі рэвіталізацыі старых некропаляў, якія здольны забяспечыць не толькі падтрыманне іх належнага стану, але і будуць спрыяць сацыякультурнаму развіццю, турыстычнай прывабнасці

мясцовасці. Гэта ўключэнне некропаляў у турыстычныя маршруты, трансфармацыя (з захаваннем помнікаў і пахаванняў) могілак у рэкрэацыйную паркавую зону, музеефікацыя некропаляў і некропаль як эказона.

Усе прыведзеныя прыклады менеджменту некрапалістычнай спадчынай маюць увасабленне ў рэчаіснасці.

Адным з самых папулярных варыянтаў з'яўляецца ўключэнне могілак у турыстычныя маршруты.

З пачатку XXI стагоддзя ў свеце назіраецца своеасаблівы бум «могілкавага» турызму. У Вялікабрытаніі некаторыя турыстычныя цэнтры нават спецыялізуюцца на складанні некрапалістычных маршрутаў, якія ўяўляюць сабой мапу пахаванняў знакамітых брытанцаў па свеце ў залежнасці ад цікаўнасцей заяўніка [1].

Самымі вядомымі турыстычнымі кропкамі ў гэтым кірунку з'яўляюцца Хайгейтскія могілкі (Лондан), могілкі Пер-Лашэз (Парыж), могілкі Грын-Вуд (Нью-Ёрк), Данскія могілкі (Масква), яўрэйскія могілкі на Аліўнай гары (Ерусалім), могілкі Расу (Вільнюс), манастырскія могілкі (Зальцбург), пратэстанцкія могілкі (Рым), яўрэйскія могілкі (Прага), цэнтральныя могілкі (Вена) і інш.

Пры гэтым кола атракцый, якія прапануюцца турыстам, становіцца ўсё больш разнастайным. Так, напрыклад, у сеціве актыўна папулярызуецца новая турыстычная паслуга «Пражскі некропаль запрашае турыстаў на начны шпацыр», прычым праграма экскурсіі не разлічана на спецыфічныя субкультуры, а арыентавана на шырокае кола «рамантыкаў».

Цікаўнасць турыстаў да могілак можа быць абумоўлена не толькі высокамастацкімі вартасцямі надмагілляў або вядомасцю пахаваных. Наведванне некропаляў дзеля пранікнення ў культурныя асаблівасці рэгіёна, знаёмства з натуральнымі этнічнымі і сацыяльнымі традыцыямі таксама паступова набірае папулярнасць [4, с. 186–188].

Паступова пашыраецца кола тых, хто шукае месца спадчыну продкаў, і паколькі не заўжды архівы даходзяць да нашых дзён (некаторыя згубіліся, некаторыя згарэлі падчас войнаў), некропалі таксама выступаюць крыніцай ведаў аб продках.

Другім шляхам рэвіталізацыі з'яўляецца музеефікацыя могілак. Існуе практыка, калі пэўныя закрытыя могілкі становяцца філіяламі буйных музеяў. Прадугледжваецца штат супрацоўнікаў, якія даследуюць і працуюць на могілках. Праводзяцца мерапрыемствы па добраўпарадкаванні тэрыторыі могілак, што спрыяе ўзнікненню своеасаблівага «прамога дахода» ад продажу ўваходных білетаў. У параўнанні з першым варыянтам для ўваходу некропаля ў склад пэўнага музея ўсё ж патрэбна наяўнасць наступных крытэрыяў: мець выбітныя творы мастацтва (скульптура, рэльеф, разьбярства і г. д.), пахаванні знакамітых дзеячаў гісторыі, культуры, навукі і г. д., быць непасрэдна звязаным і шырока прадстаўляць гісторыка-культурны і этнаграфічны пласт месца.

Такім прыкладам з'яўляецца музей-некропаль «Літаратарскія мастакі» (Піцербург), Лычакаўскія могілкі (Львоў), музей-некропаль у Гласневіне (Дублін). Апошні прыклад вельмі цікавы, бо сам па сабе музей уяўляе сабой шкляны будынак (размешчаны на тэрыторыі могілак), у якім знаходзіцца дзесяціметровая панэль, абсталяваная сэнсарнымі маніторамі. У базе звестак змешчана інфармацыя пра гісторыю жыцця двухсот тысяч чалавек, якія пахаваны на гэтых могілках.

Акрамя гістарычных і мемарыяльных каштоўнасцей, могілкі могуць быць і зонай рэкрэацыі. Сумяшчэнне функцый могілак і парка ўтвараюць непаўторную атмасферу. Псіхолагі адзначаюць, што ў такіх месцах чалавеку прасцей адарвацца ад надзённай мітусні, разабрацца ў сябе, а некаторым вызваліць эмоцыі. У сённяшнім грамадстве, дзе асабістай прасторы становіцца ўсё меней, некропаль – гэта тое месца, дзе можна проста пабыць сам насам са сваімі пачуццямі [5, 4–16].

Такімі могілкамі-паркамі з'яўляюцца Інгвулд-парк (Каліфорнія), востраў-некропаль Людвігштайн (Выбарг), могілкі Пер-Лашэз (Парыж), могілкі Альтдорф (Гамбург), цэнтральныя могілкі (Вена), могілкі Фрыдрыхсфельдэ (Берлін).

У заканадаўстве многіх краін могілкі па статусе роўныя грамадскім і прыватным зялёным зонам, якія не падлягаюць забудове.

Могілкі, якія размяшчаюцца ў лясных масівах, могуць цалкам станавіцца пунктамі экатурызму, экаадпачынку, як, напрыклад, Шчэцінскі некропаль. На яго тэрыторыі па прыкладных падліках расце каля 415 відаў і гатункаў дрэў. Варта адзначыць, што сістэма названага парка ўтваралася не стыхійна, а паступова, зрабіўшыся сапраўдным помнікам прыроды.

Эказапаведнікам таксама сталі і былыя яўрэйскія могілкі ў Берліне. Біёлагі выявілі тут больш за 600 відаў раслін і жывёл, пры гэтым многія з іх з'яўляюцца тыповымі прадстаўнікамі глухіх лясоў. Сярод знаходак – 72 віды лішайнікаў, 64 відаў павукоў, 39 відаў жужалю, 5 відаў кажаноў і некалькі відаў папараці, якія знаходзяцца на мяжы знікнення, 44 віды птушак.

Калі казаць пра сацыяльнае ўспрыманне некропаляў у сучасным беларускім грамадстве і ўзроўні менеджменту некрапалістычнай спадчынай, варта канстатаваць, што мы толькі на пачатку шляху да асэнсавання некропаляў як культурнай і сацыяльнай прасторы.

З аднаго боку, могілкі Беларусі – гэта вялікая пляцоўка для навуковых і этнаграфічных даследаванняў, з другога – неапрацаваны пласт сацыяльна-культурнага жыцця. Амаль кожны рэгіён краіны захаваў могілкі, датычныя гістарычных вераванняў і этнасаў, якія ў пэўны час пражывалі на яго тэрыторыі: татарскія, яўрэйскія, нямецкія грамадзянскія (лютаранскія) рускія, польскія могілкі. Пры гэтым варта адзначыць, што часцей за ўсё прысутнасць намінацыі могілак прыметнікамі «рускія» і «польскія» сведчыць не пра нацыянальную прыналежнасць пахаваных, а пра іх ве-

равызнанне – праваслаўны, каталік. Былі яшчэ і ўніяцкія могілкі, якія ўзнікалі з большага ў перыяд з 1596 па 1839 г. У 1839 г. уніяцкая царква была знішчана і далучана да Рускай праваслаўнай царквы. З улікам скасавання Уніі могілкі паступова аб'ядноўваліся з праваслаўнымі або каталіцкімі [4, с. 186–188].

Па стане на студзень 2017 года ў Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь (далей – Дзяржспіс) уключана 76 могілкаў, з якіх 67 – вайсковыя могілкі. Такім чынам, толькі 9 грамадзянскіх могілкаў на ўсю рэспубліку маюць статус гісторыка-культурнай каштоўнасці [6].

Пры гэтым на тэрыторыі Беларусі старых некропаляў, якія могуць уяўляць прывабнасць для турыстаў, даследчыкаў, гісторыкаў і інш, значна больш. Кожны раён мае хаця б два цікавыя некропалі з помнікамі XIX стагоддзя, якія прэзентуюць гістарычную і этнаграфічную адметнасць раёна, гэта некалькі соцень старых праваслаўных і каталіцкіх могілкаў, больш за дзвесце яўрэйскіх, некалькі дзясяткаў татарскіх мізараў [4, с. 186–188].

На жаль, калі не вядзецца размова аб вайсковых могілках, старыя грамадзянскія некропалі, аддадзены на волю сумлення мясцовых жыхароў, абыякавых валанцёраў, адміністрацый і камунальных службаў.

Але і тут не ўсё проста. За вайсковымі пахаваннямі ажыццяўляецца абавязковы дагляд, замацоўваецца патранаж, ладзяцца арганізаваныя валанцёрскія прыборкі. Таксама вядзецца ўлік не толькі ў адпаведнасці з Законам Рэспублікі Беларусь «О погребении и похоронном деле», але і пастановай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь «Об увековечении памяти защитников Отечества и жертв войн». Такім чынам, абавязак па іх утрыманні і захаванні бярэ на сябе грамадства ў цэлым.

Што тычыцца грамадзянскіх, рэлігійных і этнічных могілкаў, то яны падпарадкоўваюцца толькі Закону Рэспублікі Беларусь «О погребении и похоронном деле». У адпаведнасці з артыкулам 25 Закона пасля закрыцця могілкаў яны могуць быць невіляваны і выкарыставаны пад зялёныя насаджэнні.

Гістарычная практыка сведчыць аб тым, што пасля вайны стаўленне беларускага грамадства да некропаляў (калі там не пахаваныя знакамітыя дзеячы) было ў большай ступені ўтылізарным, акрамя таго, могілкі падзялілся на «свае» і «чужыя». Пры гэтым «свае» з большага даглядаюцца, а «чужыя» ў асноўным пакідаюцца на волю лёсу.

Падчас Другой сусветнай вайны ў Беларусі амаль на тры чвэрці скараціласа колькасць яўрэяў. Адны загінулі ў гета і лагерах, другія мігравалі. Але шматлікія яўрэйскія могілкі засталіся, многія з іх сталі ахвярамі вандалаў, шматлікія могілкі ў занядбанні, а мясцовымі жыхарамі яны не ўспрымаюцца як «свае», праз што не ўзнікае пачуцця необходнасці клопату аб іх. Толькі з пачатку XXI стагоддзя тэндэнцыя да актуалізацыі

яўрэйскай спадчыны стала мець станоўчыя вынікі. На некаторых некропалях праводзіцца працэдура інвентарызацыі могілак. Невялікая частка з іх толькі апісваецца, некаторыя паступова добраўпарадкоўваюцца (як, напрыклад, у Камаях, Чавусах), але ўсё гэта толькі малая частка з аб'ёму, які патрабуе вывучэння і асэнсавання.

Некаторыя старыя каталіцкія могілкі (праз міграцыю шматлікіх каталікоў, асабліва ў Заходняй Беларусі) таксама трапілі ў катэгорыю «чужых», і мясцовыя жыхары, не адчуваючы асабістай прыязнасці, за імі не даглядаюць. З другога боку, некаторых старых праваслаўных могілак гэта таксама кранулася [4, с. 186–188].

Важна адзначыць, што ў апошнія гады тэндэнцыя да перагляду адносінаў да некропаляў у беларускім грамадстве стала паступова змяняцца. Актывістамі праводзяцца інвентарызацыі могілак, некаторыя могілкі добраўпарадкоўваюцца (могілкі ў Ракаве, Міры, Пінску, Уселюбе і г. д.), выпадкі з апаганьваннем старых магіл і нівіляваных некропаляў выклікаюць больш вострую рэакцыю сярод грамадства. Тым не менш, справа інвентарызацыі і добраўпарадкавання старых некропаляў застаецца больш клопатам нешматлікай групы грамадскіх актывістаў, чым устойлівай тэндэнцыяй, якая падхопліваецца на дзяржаўным узроўні.

Аб гэтым яскрава сведчыць колькасць невайсковых могілкаў, якія ўключаны ў Дзяржспіс, і дынаміка разгляду адпаведных прапаноў Беларускай рэспубліканскай навукова-метадычнай радай па пытаннях аховы гісторыка-культурнай спадчыны (далей – Рада). Так, у 2001 годзе Радай было прынята станоўчае рашэнне аб неабходнасці надання статусу гісторыка-культурнай каштоўнасці Комплексу Кальварыйскіх могілак XVIII стагоддзя ў г. Мінску, у 2002 г. – манастырскім могілкам XVIII стагоддзя ў Віцебску, тром капліцам на старых могілках XIX стагоддзя ў г. Рагачове, могілкам салдат Першай сусветнай вайны ў в.Тамашоўка, у 2003 годзе – усім 67 вайсковым могілкам (тут неабходна прыняць да ўвагі, што ініцыяванне пытання і разгляд матэрыялаў адбываўся цэнтралізавана), Усходнім могілкам XX стагоддзя ў г. Мінску, у 2011 г. – татарскім могілкам перыяду сярэднявечча ў в. Каробчыцы, каталіцкім могілкам XIX стагоддзя ў г. Магілёве, у 2012 годзе – Трышынскім могілкам XIX стагоддзя ў г. Брэсце, комплексу старых праваслаўных могілкаў XIX стагоддзя ў в. Ракаў [6]. Разам з тым застаецца яшчэ цэлы шэраг унікальных некропаляў (Кобрынскі, Пінскі некропалі, старыя каталіцкія могілкі ў г. Гродна і інш.), якія застаюцца па-за аховай як гісторыка-культурная каштоўнасць.

У Беларусі турыстычнай папулярнасцю карыстаюцца Кальварыйскія могілкі (Мінск), Трышынскія могілкі (Брэст), Гродзенскія могілкі (Гродна), Крысаўскія могілкі (Дзяржынскі раён) і г. д. Але стан іх захавання і інфармацыйная кампанія па іх папулярызацыі даюць падставу сцвярджаць, што ў беларускага грамадства яшчэ не саспела разуменне

некропаляў як аб'екта турыстычнага прыбытку. Экскурсіі носяць больш стыхійны, чым рэгулярны характар. У пэўнай ступені паркам-некропалем можна назваць Вайсковыя могілкі ў Мінску, Трышынскія могілкі ў Брэсце.

Такім чынам, для актуалізацыі некрапалістычнай спадчыны Беларусі і забеспячэння ўстойлівасці яе захавання неабходна рэалізацыя пэўных крокаў.

Па-першае, гэта рэгулярная праца па ўсведамленні мясцовымі жыхарамі таго, што могілкі – гэта не проста месца ўтылізацыі парэшткаў і асабістага смутку, а неад'емная частка культурнай спадчыны. Па-другое, больш актыўнае ўключэнне некропаляў у турыстычныя маршруты з прывязкай да пэўнай тэматыкі ў залежнасці ад спецыфікі могілак. Па-трэцяе, паступовае змяненне вектара ўспрымання старых некропаляў у культурна-адукацыйны бок і, у пэўным сэнсе, асэнсаванне некропаля як экалагічнай зоны. Усё гэта будзе спрыяць сацыяльнай актывізацыі і інтэграцыі мясцовага насельніцтва вакол аб'ектаў і іх захаванню як часткі агульнай культурнай спадчыны.

Разам з тым варта адзначыць, што рэалізацыя акрэсленых кірункаў і любой з абраных для могілкаў канцэпцый рэвіталізацыі (могілкі-музей, парк, турыстычны пункт, рэкрэацыйная зона) немагчыма без цеснай узаемасувязі і паразумення між усімі наяўнымі сацыяльнымі групамі і інстытутамі (сям'я, рэлігійная абшчына, мясцовая ўлада, установы адукацыі і культуры і г. д.).

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Дубавік, С.* Post Mortem: пра што кажуць пахавальныя помнікі: [аб Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Post Mortem. Пахавальныя помнікі ў гісторыка-культурнай прасторы: праблемы вывучэння і захавання», Мінск] / С. Дубавік // Навука. Навуковая, вытворча-практычная газета Беларусі. – № 46. – Мінск, 2016 – С. 4.

2. Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыкл. / Беларус. Энцыкл.; рэдкал.: В. В. Гетаў [і інш.]. – Мінск, 1993. – 702 с.

3. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О погребении и похоронном деле» [Электронный ресурс] Закон Республики Беларусь от 8 января 2015 г. № 237–З / Нац. правовой Инт. портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://www.pravo.by/ocument/?guid=3871&p0= H11500237&p1=1. – Дата доступа: 15.04.2017.

4. *Грунтов, С. В.* Память и забвение в пространственной перспективе: к функциональному анализу семантики белорусских традиционных кладбищ / С. В. Грунтов // Проблемы методологии социогуманитарного познания: диалектика и герменевтика: материалы Международного коллоквиума, 14 мая 2009 г., Минск / редкол.: М. Е. Кобринский (гл. ред.) [и др.]. – С. 186–188.

5. *Разумова, И. А.* Некрополь как социальное пространство: функциональные аспекты / И. А. Разумова // Некрополи Кольского Севера: изучение, сохранение, коммуникация. – Мурманск: Мурм. гос. гуманитар. ун-т, 2013. – С. 4–16.

6. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь / уклад. В. Я. Абламскі [і інш.]. – Мінск: БЕЛТА, 2009. – 684 с.

(Дата падачы: 28.02.2018 г.)

О. П. Рубо,
Белорусский государственный университет, Минск
O. Rubo
Belarusian State University, Minsk,

УКД 327(4:510)«1975/2016»

ОСОБЕННОСТИ ЭТАПОВ ПОЛИТИКИ ЕЭС/ЕС В ОТНОШЕНИИ КНР В 1975–2016 ГГ.

PECULLIARITIES OF THE STAGES OF THE EEU/EU'S POLICY TOWARDS CHINA IN 1975–2016

В статье рассмотрены особенности этапов политики ЕЭС/ЕС в отношении КНР в 1975–2016 гг. Автором были выделены три этапа. На первом этапе (1975–1995 гг.) экономические интересы государств-членов ЕЭС/ЕС стали стимулом к выстраиванию отношений с этой страны. Второй этап (1995–2006 гг.) характеризуется принятием Европейским союзом политики конструктивного вовлечения Китая в мировое сообщество и включением страны в число стратегических партнеров организации. На третьем этапе (2006–2016 гг.) политика ЕС в отношении КНР стала носить прагматический характер. Кроме того, политика организации на китайском направлении характеризовалась усилением фрагментации действий государств-членов.

Ключевые слова: ЕЭС; ЕС; Китай; этапы; конструктивное вовлечение; стратегическое партнерство.

The article highlights the main stages of the EU's policy towards China in 1975–2016. Three stages were identified. In the first stage (1975–1995) behind an policy of the EEC/EU towards China lay the member states' growing economic interests in the country. The second stage (1995–2006) is characterized by the adoption of the EU's policy of constructive engagement towards China and the inclusion of the country in EU's strategic partners. In the third stage (2006–2016) the EU's policy towards China appeared to be influenced by the more pragmatic approach. Besides the EU's China policy was marked by an increased fragmentation between member states.

Key words: EEC; EU; China; stages; constructive engagement, strategic partnership.

Китай занимает важное место во внешней политике Европейского союза. На протяжении всего периода развития взаимодействия между Европейским экономическим сообществом/Европейским союзом (ЕЭС/ЕС) и Китайской Народной Республикой (КНР) приоритетной задачей интеграционного объединения было поддержание стабильного развития торгово-экономического сотрудничества, которое, в свою очередь, позволило организации выстроить контакты с этой страной в политической и гуманитарной сферах.

Цель статьи состоит в выявлении особенностей основных этапов в развитии отношений ЕЭС/ЕС с КНР в 1975–2016 гг. При написании статьи был использован широкий круг источников, среди которых официальные документы ЕС, а также двусторонние и многосторонние соглашения. Данную проблематику освещали в своих работах следующие авторы: А. М. Байчоров [1], К. Меллер [2], Ф. Снайдер [3], М. В. Стрежнева и Д. Э. Руденкова [4], Дж. Холслаг [5], Цзин Мэнь [6].

Автором данного исследования уже ранее была опубликована научная статья, посвященная этапам становления политики ЕЭС/ЕС в отношении КНР [7], однако в ходе апробации была уточнена периодизация сотрудничества интеграционного объединения с Китаем, что позволило выделить новые три этапа: 1) 1975–1995 гг.; 2) 1995–2006 гг.; 3) 2006–2016 гг.

1975–1995 гг. На рубеже 1960–1970-х гг. во внешней политике Китая произошел крутой поворот: Советский Союз был обозначен главным врагом страны. Взаимное сближение Китая с Соединенными Штатами Америки (США) в начале 1970-х гг. предоставило странам ЕЭС большую свободу действий для развития отношений с КНР. Консенсус об установлении дипломатических отношений между ЕЭС и КНР был достигнут 6 мая 1975 г. [8], а 16 сентября 1975 г. состоялось вручение верительных грамот и открытие представительства КНР при ЕЭС в Брюсселе [3, с 45]. В апреле 1978 г. было подписано торговое соглашение между ЕЭС и КНР, создавшее благоприятные условия для развития торговых отношений [3, с. 57–60].

Важным этапом развития двусторонних отношений стало заключение в мае 1985 г. Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между Европейским экономическом сообществом и Китайской Народной Республикой [9]. Новое соглашение позволило значительно расширить взаимодействие сторон в экономической сфере.

Однако в 1970–1980-х гг. сообщество еще не обладало необходимым потенциалом для масштабной внешнеполитической деятельности. Взаимодействие интеграционного объединения с Китаем во многом зависело от формирования американо-китайских и китайско-советских отношений. В условиях холодной войны взаимодействие ЕЭС с КНР детерминировалась в первую очередь торгово-экономическими интересами государств-членов. Политические контакты между двумя сторонами носили спорадический характер. В мае 1988 г. в Пекине состоялось открытие представительства Европейской комиссии. Это событие должно было стать новым этапом в развитии отношений ЕЭС с КНР. Однако события на центральной площади Пекина Тяньаньмэнь в июне 1989 г. послужили причиной резкого ухудшения отношений между сторонами.

Запад жестко отреагировал на разгон массовых выступлений молодежи китайскими властями. На заседании Европейского совета в Мадриде 26–27 июня 1989 г. было принято решение ввести штрафные экономические санкции против Китая, прервать военное сотрудничество государств-членов Сообщества с Китаем и ввести эмбарго на поставки вооружений в эту страну; приостановить двусторонние контакты на высоком уровне; принять меры к сокращению программ культурного, научного и технического сотрудничества [10]. Но ухудшение отношений с Китаем не отвечало интересам стран-членов и потребовало от них поиска выхода из кризиса.

В октябре 1990 г. на заседании министров иностранных дел ЕЭС было принято решение о восстановлении контактов [2, с.17]. Большая часть санкций была снята к 1991 г., кроме эмбарго на поставки оружия в КНР.

Изменение геополитической обстановки в начале 1990-х гг. и демонстрация Китаем своего намерения продолжать экономические реформы предоставили интеграционному объединению новые возможности выстраивания отношений с этой страной. Маастрихтский договор, подписанный 7 февраля 1992 г., учредил Европейский союз и позволил ему проводить «собственную» внешнюю политику в отношении третьих стран. Договор предусматривал систематическое взаимодействие государств-членов по вопросам общей внешней политики и политике безопасности [11]. При этом национальные государства сохранили свои суверенные права в области внешней политики.

Решающую роль в формировании стратегии Европейского союза на китайском направлении сыграли двусторонние отношения крупных стран-членов организации с Китаем. Главным образом Германия оказала влияние на выработку Европейской комиссией концепции в отношении региона. Документ «К новой стратегии в Азии» был публично представлен в июне 1994 г. Основная цель стратегии заключалась в расширении экономического присутствия ЕС в Азии [12].

Быстрый экономический рост Китая обусловил заинтересованность ЕС в расширении связей с этой страной. В результате в июне 1994 г. Европейский союз и Китай путем обмена письмами заложили фундамент для структурированного политического диалога, в рамках которого было решено рассматривать вопросы, представлявшие взаимный интерес, а также проблемы глобального характера.

1995–2006 гг. С целью усиления позиции ЕС на международной арене, а также достижения большей согласованности действий институтов и отдельных государств-членов Европейская комиссия опубликовала 5 июля 1995 г. сообщение «Долгосрочная политика Европейского союза в отношении Китая», заложившего основы стратегии взаимодействия интеграционного объединения с этой страной. В этом документе была сформулирована политика конструктивного вовлечения, в рамках которой ЕС обозначил свою заинтересованность вовлекать КНР в мировое сообщество, поощрять проведение внутренних реформ страны с тем, чтобы быть представленной на самом динамично развивающемся мировом рынке [13].

Следующим важным шагом в формировании политики ЕС в отношении Китая стало принятие Европейской комиссией 25 марта 1998 г. сообщения «Строительство всеобъемлющего партнерства с Китаем». В документе отмечалось, что ЕС должен быть готов в кратчайшие сроки адаптировать свою политику к любым непредвиденным изменениям в Китае. Среди обозначенных в документе задач следует выделить: вовлечение страны в международный порядок, привлечение Китая к решению глобальных проблем и урегулированию региональных конфликтов в Азии, интеграция Китая в мировую экономику [14]. Включение КНР в число партнеров форума Азия – Европа позволило создать механизм регулярных встреч между ЕС и КНР.

В мае 2001 г. Комиссия пересмотрела сообщение 1998 г., дополнив его Стратегией ЕС в отношении Китая. Особое внимание в документе уделялось предстоящему вступлению Китая в ВТО [15]. ЕС наряду с другими экономически развитыми участниками ВТО был заинтересован во включении КНР в число полноправных членов международной организации, надеясь тем самым добиться от этой страны выполнения обязательств по обеспечению рыночного характера экономики [16, с. 18–19]. Готовность Китая к компромиссам объяснялась стремлением страны к расширению экономического сотрудничества с ЕС.

В 2003–2004 гг. наиболее четко прослеживалось намерение ЕС выйти в сотрудничестве с КНР за рамки торгово-экономических отношений и приступить к выстраиванию стратегического партнерства. В сентябре 2003 г. Европейская комиссия опубликовала новое сообщение «Зрелое партнерство: общие интересы и проблемы в отношениях ЕС – Китай», в котором представила новые ориентиры политики в отношении КНР и заявила о своем намерении развивать стратегическое партнерство с этой страной [17]. На 6-м саммите ЕС – КНР, проходившем в Пекине 30 октября 2003 г., представители обеих сторон впервые стали говорить о своем сотрудничестве как о стратегическом партнерстве. Европейский совет 12 декабря 2003 г. в Брюсселе одобрил Европейскую стратегию безопасности, в которой Китай был включен в число стратегических партнеров организации [18]. Сближению сторон по многим международным вопросам соответствовало желанию ЕС стать глобальным игроком. Кроме того, в 2003–2004 г. в ЕС активно обсуждался вопрос о возможности снятия эмбарго на поставку в КНР вооружений. Франция и Германия наиболее активно выступали за возобновление военно-технического сотрудничества с Китаем, рассчитывая тем самым усилить свои позиции в отношениях с этой страной.

Текстильный кризис в 2005 г., связанный с отменой пошлин на текстильные изделия, привел к значительному росту импорта из Китая и разногласиям среди стран-членов по урегулированию этой проблемы. Кроме того, страны-члены столкнулись с большими сложностями в принятии решения относительно отмены эмбарго ЕС. Американское руководство выступило с резкой критикой намерения ЕС снять запрет на поставки в Китай вооружений. Новые государства-члены из Центральной и Восточной Европы воздерживались от обсуждения этого вопроса, опасаясь негативной американской реакции.

Трудности ЕС в принятии решений по вышеобозначенным проблемам убедили Китай в незавершенности становления ЕС как глобального актора и его неспособности балансировать отношения с США. Внутренние противоречия в ЕС подталкивали КНР к активизации сотрудничества с отдельными странами-членами [5, с. 331].

2006–2016 гг. Внутриполитические изменения в Германии и Франции повлекли за собой смену внешнеполитических ориентиров этих стран в от-

ношении Китая, что, в свою очередь, отразилось на развитии отношений по линии ЕС – КНР. Усиление торговой конкуренции со стороны Китая вынудили ЕС реалистично взглянуть на развитие взаимодействия с КНР и выдвинуть ряд претензий к руководству этой страны. Немаловажную роль в пересмотре интеграционного объединения своей позиции в развитии отношений с Китаем сыграла тенденция укрепления трансатлантических отношений.

В октябре 2006 г. Комиссия опубликовала очередное сообщение «ЕС – Китай: тесное сотрудничество, возросшая ответственность». В новом документе указывалось, что выстраивание стратегических, взаимовыгодных и прочных отношений с Китаем является одним из приоритетов внешней политики Европейского союза в XXI в. Вместе с тем очередное сообщение обозначило более реалистичное видение проблем взаимодействия ЕС и КНР. Подчеркивалось, что Китай является как партнером, так и конкурентом Европейского союза [19].

В документе подчеркивалась необходимость выстраивания стратегии ЕС в соответствии с растущей мощью КНР. В частности, Европейская комиссия призывала Китай: открыть рынок и обеспечить честную рыночную конкуренцию; выполнять обязательства, взятые в рамках ВТО; защищать права интеллектуальной собственности [19].

Совет министров иностранных дел ЕС на заседании в декабре 2006 г. ратифицировал сообщение Комиссии и призывал ее, а также страны-члены ЕС к достижению практических результатов во взаимодействии с КНР. Особое внимание уделялось ситуации с правами человека в Китае [20]. Хотя ЕС демонстрировал отход от декларирования высоких целей в отношениях с Китаем, однако не в интересах организации было провоцировать ухудшение отношений с этой страной.

На 10-м саммите ЕС – КНР, который состоялся в Пекине в ноябре 2007 г., стороны приступили к переговорам о заключении соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС). Переговорный процесс оказался непростым для обеих сторон. Было очевидно, ЕС и КНР имели не только различные позиции по вопросам суверенитета, соблюдения прав человека, многосторонности, но и расхождение мнений о том, как практически реализовывать стратегическое партнерство.

Спровоцированные массовые волнения в Тибете в марте 2008 г. значительно осложнили переговорный процесс по включению в соглашение вопросов политического сотрудничества [6, с. 75]. Действия властей КНР по подавлению беспорядков вызвали осуждение в ЕС. Традиционно критическое отношения по поводу соблюдения прав человека выразил Европейский парламент. В частности, этот институт призывал к открытому и независимому расследованию событий в Китае под эгидой ООН [21].

Действия лидеров отдельных стран-членов повлекли за собой ухудшение отношений по линии ЕС – КНР. В частности, весной 2008 г. президент Франции Н. Саркози призывал руководство КНР начать диалог с духов-

ным лидером Тибета Далай-ламой и заявил о своем намерении встретиться с ним. В результате Китай в одностороннем порядке объявил об отмене саммита ЕС – КНР, который был запланирован на декабрь 2008 г. в Лионе. Решение китайской стороны вызвало обеспокоенность лидеров ЕС. Наблюдалось осознание в Европейском союзе важности поддержания стабильных контактов с Китаем.

Вступление Лиссабонского договора в декабре 2009 г. в силу совпало с долговым кризисом в еврозоне, что предопределило снижение роли ЕС на международной арене. Китай, наоборот, демонстрировал значительный экономический рост.

Верховный представитель по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон на заседании Европейского совета 17 декабря 2010 г. заявила о необходимости выстраивать стратегическое партнерство с Китаем на прагматической основе с учетом национальных интересов страны. Верховный представитель признала неспособность ЕС изменить китайское общество. К. Эштон, в частности, заявила, что «Китай не будет соответствовать стандартам ЕС в области прав человека и верховенства права» и подчеркнула важность совместной работы в областях, представляющим взаимный интерес [22].

Тема преодоления долгового кризиса стояла в центре повестки дня ЕС, соответственно, вопросам внешней политики интеграционное объединение уделяло значительно меньше внимания. Поскольку ЕС и КНР так и не удалось преодолеть разногласий, то в 2011 г. переговоры по согласованию текста СПС между сторонами были приостановлены [23].

Начиная с 2011 г. стороны стали уделять особое внимание развитию инвестиционного сотрудничества. Также ЕС предпринимал шаги к активизации контактов с КНР в образовательной и культурной сферах, рассчитывая, тем самым, получить дополнительный канал взаимодействия с этой страной. Кроме того, организация прилагала усилия к расширению взаимодействия в военно-политической сфере с Китаем. Успешно развивалось сотрудничество в борьбе с глобальным изменением климата и энергетической сфере.

Несмотря на стремление ЕС к расширению контактов с Китаем, кризис суверенных долгов в ЕС спровоцировал конкуренцию среди государств-членов за китайский капитал, усугубил внутренние разногласия и тем самым обусловил сокращение международной роли организации. Отсутствие согласованности действий позволяло Китаю эффективно выстраивать отношения со странами-членами на двусторонней основе и с группой стран (16 + 1), которые предпочли переложить на Брюссель обсуждение проблемных вопросов с Пекином. Хотя было очевидно, что ЕС более не настаивал на активной демократизации в собственных действиях, что отражало его позицию принципиального прагматизма [4, с. 22]. Организация в определенной мере скорректировала свою позицию по вопросам демократии и защиты прав человека в Китае [1, с. 110].

Политика ЕС на китайском направлении в 2015 г. характеризовалась фрагментацией внешней политики государств-членов. Одним из ярких примеров этой тенденции стало решение 14-ти государств-членов ЕС присоединиться к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций [24].

Безусловно, ЕС прилагал усилия к согласованию внешнеполитических инициатив государств-членов в отношении КНР. Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини и Европейская комиссия 22 июня 2016 г. утвердили документ «Основы новой стратегии Европейского союза в отношении Китая». В документе была обозначена необходимость стран-членов ЕС согласовывать свои действия в отношениях с Китаем. В сообщении Европейская комиссия подтвердила свое намерение придерживаться в отношении этой страны прагматичного подхода, акцентировала внимание на заключение всеобъемлющего инвестиционного соглашения и подчеркнула значение совместной работы в области исследований и инноваций [25].

Таким образом, на первом этапе (1975–1995 гг). политика ЕЭС/ЕС в отношении КНР детерминировалась в первую очередь торгово-экономическими интересами государств-членов. На протяжении второго этапа (1995–2006 гг.) организация сформулировала концепцию конструктивного вовлечения Китая в мировое сообщество и последовательно расширяла взаимодействие с этой страной, рассчитывая повысить свою роль как глобального актора. На третьем этапе (2006–2016 гг.) отношения между ЕС и КНР стали носить более реалистичный характер, свободный от завышенных ожиданий. Растущая мощь Китая потребовала от ЕС пересмотра своей внешнеполитической линии в отношении КНР и выстраивания контактов с этой страной на прагматичной основе. Вместе с тем глобальный экономический кризис и кризис суверенных долгов в ЕС негативно отразились на позиции организации как в переговорах с Китаем, так и на международной арене в целом. Конкуренция стран-членов за китайский капитал препятствовала реализации общеевропейской стратегии в отношении Китая.

Список использованных источников

1. *Байчоров, А. М.* Китаизация: последствя роста мощи Китая для мира в XXI веке / А. М. Байчоров. – М.: Междунар. отношения, 2013. – 192 с.

2. *Möller, K.* Diplomatic Relations and Mutual Strategic Perceptions: China and the European Union / K. Möller // The China Quarterly, Special Issue: China and Europe since 1978: A European Perspective. – 2002. – № 169. – P. 10–32.

3. *Snyder, F.* The European Union and China, 1949–2008: Basic Documents and Commentary / F. Snyder // Oxford: Hart Publishing , 2009. – 1103 p.

4. *Стрежнева, М. В.* Европейский союз: архитектура внешней политики / М. В. Стрежнева, Д. Э. Руденкова. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 135 с.

5. *Holslag, J.* The Strategic Dissonance Between Europe and China / J. Holslag // The Chinese Journal of International Politics. 2010. – Vol. 3. – P. 325–345.

6. Prospects and challenges for EU-China relations in the 21st century: the partnership and cooperation agreement / eds. Jing Men. – Brussels: Lang, 2010. – 262 p.

7. *Рубо, О. П.* Становление политики ЕЭС/ЕС в отношении Китая: основные этапы / О. П. Рубо // Журнал международного права и международных отношений. – 2017. – № 1–2. – С. 77–80.

8. EU-China Relations: Main Events final [Electronic resource] // European External Action Service. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu-china_chronology_0.pdf. – Date of access: 25.03.2017.

9. Agreement on Trade and Economic Cooperation between the European Economic Community and the People's Republic of China [Electronic resource] // EUR-Lex. – Mode of access: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3Axy0023. – Date of access: 21.08.2017.

10. Declaration on China of the European Council, Madrid, 26–27 June 1989 [Electronic resource] // Archive of European Integration. – Mode of access: http://aei.pitt.edu/1453/1/Madrid_june_1989.pdf. – Date of access: 15.12.2017

11. Treaty on European Union China [Electronic resource] // The official website of the European Union. – Mode of access: https://europa.eu/european-union/sites/europaeu/files/docs/body/treaty_on_european_union_en.pdf. – Date of access: 15.09.2017.

12. Towards a New Asia Strategy, Brussels COM(94) 314 final [Electronic resource] // EUR-Lex. – Mode of access: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:51994DC0314&from=EN. – Date of access: 21.03.2017.

13. A long term policy for China– Europe relations, Brussels, COM(1995) 279 final [Electronic resource] // European External Action Service. – Mode of access: http://eeas.europa.eu/china/docs/com95_279_en.pdf. – Date of access: 10.02.2018.

14. Building a Comprehensive Partnership with China, Brussels, 25.03.1998 COM(1998) 181 final [Electronic resource] // EUR-Lex. – Mode of access: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:51998DC0181&from=EN. – Date of access: 11.02.2018.

15. EU Strategy China: Implementation of the 1998 Communication and Future Steps for a more Effective EU Policy, COM/2001/0265 final [Electronic resource] // EUR-Lex. – Mode of access: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/mt/TXT/?uri=CELEX:52001DC0265. – Date of access: 15.11.2017.

16. *Ван Ин.* Присоединение Китая к Всемирной торговой организации: условия и последствия / Ван Ин. – М.: МГИМО – Университет, 2007. – 43 с

17. A maturing partnership – shared interests and challenges in EU– China relations, Brussels, 10.9.2003 COM(2003) 533 final // [Electronic resource] // EUR-Lex. – Mode of access: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52003DC0533.– Date of access: 12.12.2017.

18. A SECURE EUROPE IN A BETTER WORLD [Electronic resource] // European Council. – Mode of access: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/78367.pdf. – Date of access: 10.02.2018.

19. EU-China: Closer Partners, Growing Responsibilities, Brussels, COM(2006) 632 final [Electronic resource] // EUR-Lex. – Mode of access: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52006DC0631. – Date of access: 18.01.2018.

20. 2771st Council Meeting General Affairs and External Relations EXTERNAL RELATIONS Brussels, 11–12 December 2006 [Electronic resource] // Council of the European Union. – Mode of access: http://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%2016291%202006%20INIT. – Date of access 14.12.2017.

21. European Parliament resolution of 10 April 2008 on Tibet [Electronic resource] // European Parliament. – Mode of access: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6–TA-2008–0119+0+DOC+XML+V0//EN. – Date of access: 14.01.2018.

22. *Rettman, A.* Ashton pragmatic on China in EU foreign policy blueprint [Electronic resource] / A. Rettman // EUobserver. – Mode of access: http://euobserve /doclib/docs/2006/december/tradoc_118238.pdf. – Date of access: 11.02.2018.

23. OVERVIEW OF FTA AND OTHER TRADE NEGOTIATIONS [Electronic resource] // European Commission. – Mode of access: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/december/tradoc_118238.pdf. – Date of access: 05.02.2018.

24. Asian Infrastructure Investment Bank [Electronic resource] // Ministry of Finance of the People's Republic of China. – Mode of access: http://www.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/caizhengxinw. en/201506/P020150629360882722541.pdf. – Date of access: 11.12.2017.

25. Elements for a new EU strategy on China, Brussels, 22.6.2016 JOIN(2016) 30 final [Electronic resource] // European External Action Service. – Mode of access: http://eeas.europa.eu/archives/docs/china/docs/joint_communication_to_the_european_parliament_and_the_council_-_elements_for_a_new_eu_strategy_on_china.pdf. – Date of access: 25.01.2018.

(Дата подачи: 28.02.2018 г.)

М. Н. Самонова
Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины, Гомель
M. N. Samonova
Francisk Skorina Gomel State University, Gomel

УДК 930(1-87):94(476.5-21Полоцк):94:327(470+48)«10»

ПОЛОЦК В СВЯЗЯХ ДРЕВНЕЙ РУСИ И СКАНДИНАВИИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

POLOTSK IN THE CONTACTS OF OLD RUS' AND SCANDINAVIA IN FOREIGN HISTORIOGRAPHY

В статье рассматриваются исторические и археологические работы зарубежных авторов, посвященные изучению связей Древней Руси со Скандинавией. Целью анализа зарубежной историографии стало выявление роли Полоцка и Полоцкого княжества в русско-скандинавских контактах в IX–XIII вв. Автор определил, что в работах историков А. Стендер-Петерсена, О. Прицака, Дж. Шепарда, А. С. Котлярчука, опиравшихся главным образом на анализ письменных источников, Полоцк представлен как центр скандинаво-славянского государства, которое стало главным конкурентом скандинаво-славянского Новгородско-Киевского государства Рюриковичей.

Ключевые слова: Полоцк; Полоцкое княжество; Древняя Русь; Скандинавия; викинги; норманны; зарубежная историография.

The article reviews historical and archaeological works of foreign authors devoted to the study of the contacts of Old Rus' with Scandinavia. The purpose of analyzing foreign historiography is to reveal the role of Polotsk and the Principality of Polotsk in Russian-Scandinavian contacts in the 9th–13th centuries. The author has determined that such historians as A. Stender-Petersen, O. Pritsak, J. Shepard, A.S. Kotlyarchuk in their works based mainly on the analysis of written sources consider Polotsk as the center of the Scandinavian-Slavic state which became the main competitor of the Scandinavian-Slavic Novgorod-Kiev state of Rurikids.

Key words: Polotsk; Principality of Polotsk; Old Rus; Scandinavia; Vikings; Normans; foreign historiography.

Связи Древней Руси со Скандинавией стали предметом научного исследования в XVIII в., когда зародилась «норманнская теория» происхождения древнерусской государственности. Начало научной разработке «норманнской теории» положил член Петербургской академии наук немецкий

ученый Г. С. Байер [1]. С тех пор накоплено большое количество научных работ, которые требуют осмысления и учета при изучении роли Полоцка в русско-скандинавских связях в IX–XIII вв. Следует отметить, что возникновение «норманнской теории» положило начало двум направлениям в российской историографии – норманизму и антинорманизму, которые и в настоящее время являются реальностью российской исторической науки. Об этом ярко свидетельствуют работы Л. С. Клейна и В. В. Фомина [2; 3]. Разделяя взгляды большинства современных историков, автор статьи признает скандинавское происхождение варягов и названия «русь», а также выступает за объективную оценку роли и значения скандинаво-славянского взаимодействия как для Древней Руси, так и для скандинавских стран.

С 20-х гг. XIX в. комплексное исследование древнескандинавских письменных памятников и их публикацию осуществлял датский ученый К. Х. Рафн. Одним из результатов его работы стало издание первого научного свода скандинавских свидетельств о Руси «Antiquités russes» в двух томах (в 1850 г. – первый том, в 1852 г. – второй том) [4; 5]. Они были изданы на языке оригинала и переводом на латынь. Благодаря труду К. Х. Рафна в научный оборот было впервые введено большинство основных древнескандинавских свидетельств о контактах с Русью. В издание были также включены сведения из скандинавских источников о Полоцке. К исследовательской части работы, представленной в первом томе, относится изучение генеалогических связей скандинавских королевских династий и Рюриковичей. Норвежский историк П. А. Мунк, принявший участие в составлении «Antiquités russes», впервые сделал вывод о том, что София, жена датского короля Вальдемара I Великого, была дочерью минского князя Володаря Глебовича из полоцкой княжеской династии [5, s. 483; 6, s. 277–278].

К концу XIX в. споры между норманистами и антинорманистами привели к заметному перевесу первых. После публикации в России в 1891 г. классической работы датского профессора языкознания В. Томсена «Начало Русского государства» [7], в которой были с наибольшей полнотой и ясностью сформулированы основные аргументы в пользу «норманнской теории», многие российские историки пришли к выводу, что норманнское происхождение Древнерусского государства можно считать доказанным. В. Томсен определил скандинавское происхождение первого известного полоцкого князя – Рогволода и его дочери Рогнеды на основе этимологии имен [7, с. 113].

К началу XX в. относится возникновение «теории норманнской колонизации». Она была впервые сформулирована в 1914 г. шведским археологом Т. Арне в его труде «La Suede et l' Orient» [8]. На основе интерпретации археологических находок с учетом свидетельств письменных источников он пришел к выводу, что в IX–X вв. происходила норманнская колонизация Восточной Европы, в ходе которой шведы создали ряд колоний вдоль торговых путей. В соответствии с концепцией Т. Арне колонизация стала той основой, на которой базировалось создание норманнами государства в Вос-

точной Европе, находившегося в политической связи со шведским королевством и получившего название «det stora Svitjod» – «Великая Швеция» [9].

Таким образом, в зарубежной историографии XVIII – начала XX в. скандинаво-славянские связи рассматривались в рамках «норманнской теории». В этот период в научный оборот были введены все основные группы письменных источников по данной тематике. Были также выделены сведения древнескандинавских источников о Полоцке в «Antiquités russes» К. Х. Рафна.

Как историческая концепция «теория норманнской колонизации» представлена в статье американского историка-слависта С. Кросса [10]. Концепция основана на письменных источниках с учетом данных археологии, представленных в работах Т. Арне. По мнению С. Кросса, скандинавы-шведы, основали свои колонии в Приладожье, а затем взяли под контроль восточнославянские земли, в том числе и Полоцк.

Классической исторической работой XX в. в области исследования норманнской проблемы, не утратившей своего научного значения до сих пор, является книга датского историка и филолога А. Стендер-Петерсена «Varangica» (1953 г.) [11]. Она представляет собой собрание исследований датского ученого по варяжскому вопросу. Автор придерживался «теории норманнской колонизации» и считал, что движение шведов в земли восточных славян было мирной экспансией земледельцев-колонистов. Опираясь на сведения письменных источников и данные археологии, А. Стендер-Петерсен пришел к выводу, что шведские колонисты создали государственное образование во главе с каганом с центром в Ладоге. Датский ученый определял это образование как скандинаво (шведско)-славянское. Оно стало началом Древнерусского государства. А. Стендер-Петерсен выдвинул положение о возникновении в IX в. в области Западной Двины второго скандинаво-славянского государства с центром в Полоцке. Полоцкое государство соперничало с Новгородско-Киевским и стремилось проложить новый путь от Балтийского моря к Днепру, разорвав связь между Новгородом и Киевом.

Среди наиболее значимых зарубежных работ начала 1980-х гг. следует выделить фундаментальный труд профессора Гарвардского университета О. Прицака «The origin of Rus'», посвященный раннему периоду Древнерусского государства [12]. На украинском языке два тома исследования этого украинско-американского историка были опубликованы в 1997 г. и 2003 г. [13; 14]. На основе анализа широкого комплекса письменных источников О. Прицак пришел к выводу о большом значении внешних факторов в истории Древней Руси, в том числе и скандинавского. Автор отметил важность Западно-Двинского пути в раннем проникновении скандинавов Восточную Европу, что предопределило выделение Полоцкого княжества как одного из основных политических центров Руси. Полоцкую княжескую династию О. Прицак возводил к древнему датскому роду [13, с. 195; 12, p. 136–137]. Несмотря на спорность некоторых построений О. Прицака следует подчеркнуть, что в его концепции прида-

ется большое значение Полоцкому княжеству как главному конкуренту государства Рюриковичей.

Значительным достижением в области исследования славяно-скандинавских взаимоотношений эпохи викингов стала коллективная монография «Славяне и скандинавы» [15]. Первая часть книги является переводом с немецкого языка коллективной работы ученых ГДР, СССР, Польши, Дании, Швеции и Финляндии «Викинги и славяне. К ранней истории народов Балтики». Ее результатом стала формулировка концепции «Скандобалтийского культурно-экономического сообщества» эпохи викингов, возникшего в результате совместного творчества скандинавских, славянских, балтских и прибалтийско-финских народов. Сообщество было основано на трансъевропейской системе природных водных коммуникаций. Белорусские земли также включались в Скандобалтийский регион. Вторая часть книги представляет собой отдельное исследование «Русь и варяги», подготовленное советскими авторами А. Н. Кирпичниковым, И. В. Дубовым, Г. С. Лебедевым. Полоцкая земля была включена советскими исследователями в зону ранних контактов со скандинавами, определяемую в пределах Верхней Руси с центрами в Ладоге, Новгороде, Ростове и др.

Таким образом, к середине 1980-х гг. своеобразным компромиссом в двухсотлетнем споре антинорманистов с норманистами стала концепция мультикультурной и полиэтничной «Скандобалтийской цивилизации раннего средневековья». Полоцкое княжество, через земли которого проходили важнейшие пути, соединявшие Скандинавию и Русь с Арабским халифатом и Византией, также включалось исследователями в Скандобалтийскую цивилизацию. В работах А. Стендер-Петерсена и О. Прицака было сформулировано положение об утверждении власти скандинавской династии в Полоцке, приведшее к формированию Полоцкого скандинаво-славянского государства, конкурировавшего со скандинаво-славянским государством Рюриковичей.

На современном этапе в зарубежных исследованиях преобладают работы археологической направленности. Однако их авторы широко используют данные письменных источников и строят выводы на основе комплексного анализа вещественного и письменного материала. Изучение культурного взаимодействия между Скандинавией и Восточной Европой в эпоху викингов является одним из направлений научно-исследовательской работы на археологическом факультете Стокгольмского университета. Продолжателем традиции изучения восточноевропейских контактов скандинавов в шведской археологии стал известный специалист по эпохе викингов И. Янссон [16; 17; 18]. В соответствии с концепцией И. Янссона, в IX–X вв. большие группы скандинавов – в основном выходцы из средней Швеции – переселились на Русь, где сыграли важную роль в экономических, военных и политических процессах и постепенно интегрировались в восточнославянские общности. В отношении Полоцка И. Янссон лаконично замечает, что классических скандинавских находок в нем не найдено, хотя он относит

город к наиболее известным и важным княжеским центрам на Руси [18]. В Стокгольмском университете в 2006 г. Ш. Хеденштерна-Юнсон защитила диссертацию (степень PhD) по теме «The Birka Warrior: the material culture of a martial society», в которой показала связь населения Бирки и ее структуры с древнерусскими протогородскими центрами, в особенности с Гнездово [19]. Одним из новшеств исследования являетстя предложенная автором интерпретация использования мотива сокола как символа принадлежности к полиэтнической общности «Русь», состоявшей из славян, балтов и скандинавов. В 2007 г. в Стокгольмском университете вышел сборник научных статей в честь И. Янссона. Этот сборник включает статьи, затрагивающие различные аспекты материальной и духовной культуры Скандинавии эпохи викингов, ее контактов и взаимодействия с Восточной Европой [20].

В экспериментальных плаваниях по восточноевропейским рекам участвовал шведский археолог Р. Эдберг [21; 22]. Летом 2001 г. шведская экспедиция на 9-метровом корабле викингов «Айфор» совершила плавание по Западной Двине от Суража до Риги. В рамках осуществления экспедиций по рекам Восточной Европы Р. Эдбергом впервые в скандинавской историографии была подготовлена серия публикаций, непосредственно посвященных контактам Скандинавии с Полоцком по Западно-Двинскому пути в эпоху викингов [21]. Таким образом, Р. Эдберг стал «открывателем» истории и археологии Полоцкого княжества в контексте связей со Скандинавией для современного шведского научного сообщества.

В настоящее время изучением контактов Скандинавии с Восточной Европой и Византией активно занимается украинско-шведский археолог Ф. Андрощук. В 2013 г. вышла в свет обобщающая историко-археологическая работа Ф. Андрощука «Vikings in the East: essays on contacts along the road to Byzantium, 800–1100», раскрывающая различные аспекты пребывания и деятельности скандинавов на Востоке [23]. Особое внимание автор уделил скандинавским древностям в Украине. Свидетельства о контактах скандинавов с белорусскими землями, в том числе и с Полоцком, в исследовании Ф. Андрощука отдельным образом не представлены.

Комплексным осмыслением истории Руси и Древнерусского государства, основанным на анализе письменных и археологических источников, являются работы британского ученого Дж. Шепарда (в соавторстве с С. Франклином – «Начало Руси: 750–1200») [24; 25]. Автор, как и его предшественник А. Стендер-Петерсен, считает, что на северо-западе Восточной Европы к середине IX в. сложилось политическое образование русов во главе с каганом. Дж. Шепард также дает свою трактовку роли Полоцка и его скандинавского князя Рогволода в междоусобной борьбе Святославичей [24, с. 224–225].

Новая концепция формирования Древнерусского государства была выдвинута французским историком К. Цукерманом [26]. Он признает скандинавское происхождение «руси», которая основала первое государственное об-

разование «Русский каганат» в бассейне Волхова. Второй этап древнерусской государственности связан с Рюриком, приход которого К. Цукерман относит к 890 г. Автор также пересмотрел роли Олега и Игоря в дальнейшем развитии Древнерусского государства, опираясь на сведения Кембриджского анонима.

В современной историографии наиболее ярким примером работы, связанной с рассмотрением истории связей Беларуси и Швеции от средневековья и до наших дней, является монография исследователя из Седерторнского университета в Стокгольме А.С. Котлярчука «Шведы в истории и культуре белорусов» [27]. Отдельный раздел книги посвящен рассмотрению времени викингов в Беларуси в IX – начале XIII в. [27, с. 1–58]. А. С. Котлярчук придерживается «теории норманнской колонизации», представленной в работах А. Стендер-Петерсена. Вслед за датским ученым он выделяет Новгородско-Киевское и Полоцкое скандинаво-славянские государства, в появлении и формировании которых решающую роль сыграла колонизация скандинавами восточноевропейских водных торговых путей. Автор обращает внимание на тот факт, что как зарубежные, так и российские историки недооценивают значение Полоцка, говоря только о двух политические центрах Руси – Новгороде и Киеве. Однако во многих случаях А. С. Котлярчук делает голословные утверждения. В частности, он считает, что государственный строй Полоцкого княжества был перенят из Скандинавии, при этом автор не проводил сравнение государственных структур, отсутствует анализ источников по данной проблеме [27, с. 11]. В целом работа А. С. Котлярчука является довольно удачной попыткой дать общую картину белорусско-скандинавских связей эпохи викингов с позиций «теории норманнской колонизации».

Таким образом, в зарубежной историографии наибольшее распространение получила «теория норманнской колонизации», в соответствии с которой в IX–X вв. большие группы скандинавов, в основном из средней Швеции, переселились в Восточную Европу и обосновались на торговых путях, соединявших Скандинавию и Русь с Арабским халифатом и Византией. В результате взаимодействия скандинавов с восточными славянами возникли раннегосударственные образования с центрами в Ладоге, Новгороде, Полоцке и Киеве, ставшие основой для формирования Древнерусского государства. В работах зарубежных историков А. Стендер-Петерсена, О. Прицака, Дж. Шепарда, А. С. Котлярчука, опиравшихся главным образом на письменные источники, Полоцк со своей собственной скандинавской княжеской династией представлен как главный политический конкурент новгородско-киевским Рюриковичам. Следует отметить, что в археологических исследованиях, посвященных деятельности скандинавов на Руси, Полоцк в отличие от Старой Ладоги, Новгорода (Рюриково городище), Смоленска (Гнездово), Чернигова (Шестовица) и Киева не выделяется как один из главных центров скандинаво-славянского взаимодействия. Это объясняется тем, что в Полоцке и его округе до сих пор не выявлено цельных скандинавских вещественных комплексов, хотя встречаются отдельные яркие скандинавские находки.

Список использованных источников

1. *Байер, Г. З.* Сочинение о варягах автора Феофила Сигефра Беэра, бывшаго Профессора Восточной исторіи, и Восточных языков, при Императорской Академіи наук / Г. З. Байер; пер. с лат. К. Кондратовичь, 1747 года, в генваре. – [СПб.]: при Императ. Акад. наук, 1767. – [10], 56 с.

2. *Клейн, Л. С.* Спор о варягах: история противостояния и аргументы сторон / Л. С. Клейн. – СПб.: Евразия, 2009. – 395 с.

3. *Фомин, В. В.* Варяги и варяжская Русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу / В. В. Фомин. – М.: Рус. панорама, 2005. – 486 с.

4. *Rafn, C.* C. Antiquités russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves / C. C. Rafn. – Copenhague: De l'imprimerie des frères Berling: Tome Premier, 1850. – 491 s.

5. *Rafn, C.* C. Antiquités russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves / C. C. Rafn. – Copenhague: De l'imprimerie des frères Berling: Tome Deuxieme, 1852. – 496 s.

6. *Gallén, J.* Vem var Valdemar den stores drottning Sofia? / J. Gallén // Historisk Tidskrift för Finland. – 1976. – Årg. 61. – S. 273–288.

7. *Томсен, В.* Начало Русского государства: три чтения / В. Томсен. – М.: Унив. тип., 1891. – 136 с.

8. *Arne, T. J.* La Suede et l' Orient: etudes archeologiques sur les relations de la Suede et de l' Orient pendant l' age des Vikings / T. J. Arne. – Uppsala: K. W. Appelberg, 1914. – 243 p.

9. *Arne, T. J.* Svenska vikingakolonier i Ryssland / T. J. Arne // Det stora Svitjod. Essayer om gångna tiders svensk-ryskakulturförbindelser. – Stockholm, 1917. – S. 37–63.

10. *Cross, S. H.* The Scandinavian infiltration into early Russia / S.H. Cross // Speculum. – 1946. – Vol. 21, № 4. – P. 505–514.

11. *Stender-Petersen, A.* Varangica / A. Stender-Petersen. – Aarhus: [s. n.], 1953. – 262 p.

12. *Pritsak, O.* The origin of Rus' / O. Pritsak. – Cambridge: Harvard Univ. Press, 1981. – Vol. 1: Old scandinavian sources other than the sagas. – 926 p.

13. *Пріцак, О.* Походження Русі = The origin of rus': [в 2 т.] / О. Пріцак. – Київ: Ін-т сходознавства: Обереги, 1997. – Т. 1: Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг). – 1080 с.

14. *Пріцак, О.* Походження Русі: в 2 т. / О. Пріцак; Ін-т сходознавства Нац. акад. наук України. – Київ: Обереги, 1997–2003. – Т. 2: Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. – 2003. – 1303 с.

15. Славяне и скандинавы: сб. ст.: пер. с нем. / под общ. ред. Е. А. Мельниковой. – М.: Прогресс, 1986. – 416 с.

16. *Jansson, I.* Warfare, trade or colonisation? Some general remarks on the Eastern expansion of the Scandinavians in the Viking period / I. Jansson // The rural Viking in Russia and Sweden: conf., Örebro, 19–20 Oct. 1996 / ed. P. Hansson. – Örebro, 1997. – P. 9–64.

17. *Янссон, И.* К вопросу о полиэтничных общностях эпохи викингов / И. К. Янссон // Древнейшие государства Восточной Европы: ежегодник / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории; редкол.: Е. А. Мельникова (отв. ред.) [и др.]. – М., 2001. – 1999 г.: Восточная и Северная Европа в средневековье / отв. ред. Г. В. Глазырина. – С. 116–127.

18. *Янссон, И.* Королевские/княжеские центры эпохи викингов в Скандинавии и на Руси / И. Янссон // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы V міжнар. навук. канф., 24–25 кастр. 2007 г. / Упр. культуры Віцеб. аблвыканкама, Нац. Полац. гіст.-культур. музей-запаведнік; уклад. Т. А. Джумантаева. – Полацк, 2009. – С. 208–233.

19. *Hedenstierna-Jonson, C.* The Birka Warrior: the material culture of a martial society / C. Hedenstierna-Jonson. – Stockholm: Stockholm Univ., 2006. – 120 p. – (Theses and papers in scientific archaeology; 8).

20. Cultural interaction between East and West. Archaeology, artefacts and human contacts in Northern Europe. – Stockholm: Stockholm Univ., 2007. – 366 p.

21. *Edberg, R.* Vägen till Paltteskiuborg / R. Edberg. – Sigtuna: Sigtuna Museer, 2001. – 42 s.

22. *Edberg, R.* Färder i österled: experiment, källor, myter och analogier / R. Edberg. – Stockholm: Dept. of Archaeology, Univ. of Stockholm, 2002. – 134 p.

23. *Androshchuk, F.* Vikings in the East: essays on contacts along the road to Byzantium, 800–1100 / F. Androshchuk. – Uppsala: Uppsala Univ., 2013. – VIII, 272 p., [83] il. – (Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Byzantina Upsaliensia; 14).

24. *Франклин, С.* Начало Руси, 750–1200: перевод / С. Франклин, Д. Шепард; под ред. Д. М. Буланина. – СПб.: Д. Буланин, 2000. – 669 с.

25. *Shepard, J.* The Viking Rus and Byzantium / J. Shepard // The Viking world / ed.: S. Brink, N. Price. – New York, 2008. – P. 496–516.

26. *Цукерман, К.* Перестройка древнейшей русской истории / К. Цукерман // У истоков русской государственности: к 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции: ист.-археол. сб.: материалы междунар. науч. конф., Великий Новгород, 4–7 окт. 2005 г. / Новгор. гос. ун-т; отв. ред.: Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. – СПб., 2007. – С. 343–351.

27. *Катлярчук, А.* Шведы ў гісторыі і культуры беларусаў = Svenskar i vitrysk historia och kultur / А. Катлярчук. – 2-е выд., папраўл. і дап. – Вільня: Ін-т беларусістыкі, 2007. – 303 с.

(Дата подачи: 23.02.2018 г.)

А. Ф. Самусік
Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, Мінск
A. F. Samusik
Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 37(476)(091)«15/16»

ЗАМОЙСКАЯ АКАДЭМІЯ Ў АДУКАЦЫЙНАЙ СПРАВЕ БЕЛАРУСІ Ў КАНЦЫ XVI – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XVII СТ.

THE ZAMOJSKI ACADEMY IN THE EDUCATIONAL WORK IN BELARUS AT THE END OF XVI – FIRST HALF XVII CENTURIES

Артыкул прысвечаны нераспрацаванай у айчыннай гістарыяграфіі праблеме ўздзеяння Замойскай акадэміі на адукацыйную справу Беларусі ў канцы XVI – першай палове XVII ст. Разгледжаны прычыны стварэння гэтай навучальнай установы, арганізацыя тут вучэбна-выхаваўчага працэсу і яго метадычнае забеспячэнне. Асобная ўвага сканцэнтравана на аналізе адносін да акадэміі з боку розных канфесій (пратэстанты, уніяты, праваслаўныя і каталікі) з вызначэннем іх спецыфікі і прывядзеннем канкрэтных прыкладаў навучання ў Замосці выхадцаў з тэрыторыі Беларусі рознага веравызнання.

Ключавыя словы: Замойская акадэмія; вышэйшая адукацыя; антычная спадчына; рыторыка; правазнаўства; канфесіі.

The scientific article is devoted to undeveloped in national historiography problem of exposure zamojski academy for educational work of Belarus at the end of XVI – first half XVII centuries. The reasons for the creation of the institution, the organization is the educational process and methodological support. Special attention was focused on the author's analysis

of the relation to the Academy from different confessions (Protestants, Uniates, Orthodox and Catholics) the definition of their specificity and the concrete examples of training in Zamosc natives of the territory of Belarus of different faiths.

Key words: The Zamojski Academy; higher education; ancient heritage; rhetoric; jurisprudence; confessions.

Другая палова XVI ст. для Польшчы і ВКЛ стала перыядам хуткага развіцця адукацыйнай справы, адметнасць якой заключалася ў яе поліканфесійным характары. Езуіцкія калегіумы тут суседнічалі з калоніямі Кракаўскага ўніверсітэта, праваслаўнымі брацкімі школамі, кальвінскімі, лютэранскімі ды антытрынітарскімі вучылішчамі, а ў пачатку наступнага стагоддзя да іх далучыліся ячшэ і ўніяцкія семінарыі. Усе яны прытрымліваліся пашыранага тады граматычна-рытарычнага напрамку навучання, што дазваляла пры жаданні вучыцца ў іх прадстаўнікам усіх канкурыруючых паміж сабою хрысціянскіх рэлігій.

Асобнае месца ў гэтай старакатай сістэме асветы належыла Замойскай акадэміі пад Люблінам у Польшчы, якая была ўтворана ў 1593–1595 гг. канцлерам каронным Я. Замойскім. У маладосці ён не толькі атрымаў бліскучую адукацыю ў Парыжы, Страсбургу і Падуе, але ў апошнім з пералічаных гарадоў быў нават абраны на пасаду рэктара мясцовага ўніверсітэту. Вярнуўшыся ж на Радзіму магнат акрамя іншага імкнуўся палепшыць агульны ўзровень адукаванасці айчыннага грамадства ды аслабіць міжканфесійнае супрацьстаянне, з пачаткам Контррэфармацыі набыўшае ў Рэчы Паспалітай больш вострую форму. Менавіта азначаныя задачы і сталі, па яго задумцы, прыярытэтнымі для Замойскай акадэміі, прызначанай канцлерам для вучнёўскай моладзі незалежна ад яе рэлігійнай прыналежнасці [1, с. 3–4].

Пры падобным падыходзе яна аказалася запатрабаванай і для ўраджэнцаў Беларусі, якія ўдасканальвалі тут уласныя веды, атрыманыя на Радзіме. На жаль, нягледзячы на гэта, дзейнасць Замойскай акадэміі ў азначаны час, а таксама вучоба ў ёй прадстаўнікоў айчыннай шляхты ды мяшчанства так і не сталі прадметам асобнага аналізу ў айчыннай гістарыяграфіі, што надае дадзенаму артыкулу навуковую навізну і актуальнасць.

Падрыхтоўка да адкрыцця Замойскай акадэміі была распачата яе ўплывовым фундатарам у 1593 г., а праз год – 29 кастрычніка 1594 г. – папа рымскі Клімент VIII уласнай булай даў её правы ўніверсітэта і дазволіў прысуджаць ступені доктараў філасофіі, права і медыцыны. Урачыстае адкрыццё акадэміі адбылося 15 сакавіка 1595 г., а праз два месяцы сюды былі залічаны першыя студэнты. Па штату 1601 г. у акадэміі працавалі прафесары аналогіі і граматыкі, рыторыкі, паэтыкі і сінтаксісу, грамадзянскага і польскага права, маральнай філасофіі, фізікі, логікі і метафізікі, матэматыкі. Колькасць прадметаў, аднак, тут была куды большай – таксама выкладаліся агульная гісторыя з акцэнтам на польскую, абавязкі грамадзяніна і чалавека, медыцына і г. д. Пры гэтым акцэнт рабіўся на свецкіх навуках, а багаслоўскія прадметы доўгі час увогуле адсутнічалі ў праграме [2, с. 8, 13–20].

З улікам свайго ўніверсітэцкага статусу Замойская акадэмія дзялілася спачатку на тры факультэты (вызваленых мастацтваў, права і медыцыны), да якіх толькі ў 1648 г. далучыўся тэалагічны факультэт. Кіравалі ёй рэктар і дэкан (адказваў за вучэбную частку), якіх штогод абіралі ўсе прафесары і 5 студэнтаў старэйшых класаў (ад кожнай з «нацый» – польскай, русінскай, ліцвінскай, пруска-лівонскай ды замежнай). Лічба ж выхаванцаў тут ніколі не была даволі высокай з прычыны дзейнасці па-суседству ад яе езуітаў (Люблін, Яраслаў) ды Кракаўскага ўніверсітэта: у 1598 г. іх тут налічвалася 32, у 1608 г. – 118, у 1609 г. – 67, у 1616 г. – 36, у 1650 г. – 49 (шляхта складала 15–20 %) [3, с. 337–338].

Пераходзячы да разгляду метадычнага забеспячэння вучэбнага працэсу ў Замойскай акадэміі, неабходна адзначыць, што яно традыцыйна грунтавалася на творах Арыстоцеля, Галена, Гамера, Геродота, Платона, Эўкліда і інш. Разам з тым, дзякуючы фінансавай падтрымцы Я. Замойскага і яго пераемнікаў, гэтая навучальная ўстанова здолела сабраць добраадукаваных выкладчыкаў, якія распрацавалі ўласны комплекс падручнікаў па шэрагу дысцыплін.

Распачаў азначаную справу Я. Урсын, напярэдадні заснавання акадэміі працаваўшы прафесарам матэматыкі і астраноміі ў Кракаўскім універсітэце. Ён быў аўтарам лацінскай граматыкі (Львоў, 1592), якая ў Замосці была перадрукавана ў 1619 і 1640 гг. і вызначалася даступнасцю выкладання матэрыялу і асобнай увагай польскай арфаграфіі [4, с. 13–17]. Разам з тым яе буйны памер (400 стар.) паспрыяў таму, што адразу ж пасля прыбыцця ў акадэмію Я. Урсын распачаў працу над больш скарочаным варыянтам. Ён выйшаў у 1594 і 1595 гг., але аўтарам тут быў пазначаны рымскі навуковец IV ст. Э. Данат, бо «Мастацтва граматыкі» апошняга захоўвала ўсеагульнае прызнанне, а яго імя яшчэ з часоў сярэднявечча стала нарыцацельным. Замойскі дапаможнік прытрымліваўся традыцыйнай схемы – спачатку разглядаліся часціны мовы, а потым даваліся парады ды правілы па іх ужыванні. Прызначаўся ён і для вывучэння рыторыцы – напрыканцы кнігі быў змешчаны разгляд Я. Урсынам твора Г. Ю. Цэзара «Аб аналогіі», дзе аналізаваўся трактат Цыцэрона «Аб аратары» [5, с. 77–87].

Цытаваўся Цыцэрон у Замосці і пры вывучэнні іншых прадметаў (філасофіі, права, медыцыны). Магчыма, гэта стала дзякуючы падручніку тутэйшага рэктара, доктара філасофіі А. Бурскага (1604). Акрамя тэкстаў Цыцэрона (у тым ліку на старажытнагрэчаскай мове), у ім меліся значныя па памерах каментарыі складальніка, што і дазваляла выкарыстоўваць яго на занятках па розных дысцыплінах. Прычым, па прызнанні самаго А. Бурскага, пры іх напісанні ён ужываў канспекты Я. Замойскага часоў знаходжання таго ў Падуанскім універсітэце [6, с. 35–47].

Вяртаючыся ж да рыторыкі, неабходна адзначыць, што менавіта выкладанне гэтага прадмета ў Замойскай акадэміі набыло арыгінальны характар, што праявілася ў імкненні мясцовых прафесараў адрадзіць літаратурную спадчыну Старажытнай Грэцыі. У першую чаргу тут трэба назваць падручнік рэктара акадэміі доктара медыцыны С. Біркоўскага (1602), дзе

былі выкладзены рытарычныя правілы Дыянісія Галікарнаскага, які жыў у I ст. да н. э. і чый трактат «Аб злучэнні слоў» у часы антычнасці ўваходзіў у лік абавязковых пры падрыхтоўцы аратараў. Тэкст у замойскім выданні быў падзелены на дзве часткі. У першай з іх паралельна на грэчаскай і лацінскай мовах быў змешчаны сам трактат, што пераўтварала яго яшчэ і ў дапаможнік па іх засваенні. Наступную частку напісаў сам С. Біркоўскі, які аналізаваў у ёй асобныя разважанні мысліцеля і яго найбольш выдатныя словазвароты ды выслоўі [7, с. 137]. Ініцыятыву свайго рэктара падхапілі і іншыя супрацоўнікі акадэміі – у 1604 г. С. Пхаэніцкі выдаў таксама двухмоўны тэкст «Малітвы аб пахаванні цела Гасподняга» св. Епіфанія Кіпрскага – аднаго з Айцоў царквы канца III – пачатку IV ст. [8, с. 23–27]

На высокім узроўні ў Замойскай акадэміі стаяла і выкладанне прававых навук. Згаданаму вышэй А. Бурскаму Жыгімонт III Ваза даручыў адрэдагаваць і адаптаваць да рэчаіснасці 3-томны твор М. Яскера, прысвечаны ўсебаковаму аналізу магдэбургскага права (1535). 1 ліпеня 1601 г. кароль асабіста зацвердзіў унесеныя ім праўкі і даў дазвол на 20-гадовае манапольнае выданне дадзенай кнігі ў Замойскай друкарні (выйшла 1602 гг.). Пры гэтым каментарыі А. Бурскага былі змешчаны на палях самаго зводу законаў, а таксама ў асобным раздзеле – «Сховішча тэрмінаў», дзе ў алфавітным парадку даваліся спасылкі на іх размяшчэнне ў тэксце [9, с. 43, 157, 206]. Адметнай падзеяй у справе падрыхтоўкі юрыстаў у Рэчы Паспалітай стаў выхад у 1613 г. падручніка па правазнаўству Т. Дрэцнэра. За кошт канцлера гэты навуковец стажыраваўся ў Арлеане, Парыжы, Буржы, Падуі і Рыме. Прычым у апошнім ён атрымаў ступень доктара цывільнага і кананічнага права. Разгляд жа законаў у дапаможніку ахопліваў перыяд, пачынаючы з XIV ст., ды закранаў прававое становішча асобных саслоўяў, гарадоў і г. д. [10, с. 6, 29, 176].

Пачэснае месца ў Замойскай акадэміі адводзілася медыцыне. З пачатку XVII ст. і ажно да 1635 г. яе выкладаў тут Э. Сікст, атрымаўшы адпаведную доктарскую ступень у Італіі. Вядомасць яму прынесла кніга па бальнеалогіі (1617), дзе ён не толькі аналізаваў на падставе шматлікіх твораў антычных ды сярэднявечных аўтараў лекавую сутнасць мінеральных вод, але і апісаў гаючую крыніцу ў Шкло пад Львовам. Кніга была напісана ім па-польскі: «Каб кожны мог зразумець карысць ад выкарыстання гэтых Цяпліц (гарачая мінеральная крыніца. – *А. С.*) нашых Русінскіх». Аздараўленчую ж функцыю ім, на яго думку, давала «Субстанцыя, атрыманая ад зорак» [11, с. XIII–XIV].

Менавіта дамінаванне азначаных свецкіх дысцыплін рабіла Замойскую акадэмію прывабнай для прадстаўнікоў розных хрысціянскіх канфесій. Пры гэтым сам Я. Замойскі разлічваў і на прыбыццё сюды пратэстанцкай моладзі, што было ўлічана пры складанні тутэйшай бібліятэцы, дзе меліся творы С. Буднага, А. Волана, М. Кваткоўскага, Л. Крышкоўскага, Я. Секлюцыяна, Ф. Соцына, П. Статорыюса, М. Чаховіца а таксама Брэсцкая і Нясвіжская бібліі [12, с. 45-48]. Але кальвіністы ды лютэране з ВКЛ усё ж аддавалі перавагу навучанню ў еўрапейскіх універсітэтах. Разам з тым

выдадзеныя ў Замосці падручнікі былі вядомы ў іх асяроддзі – 12-гадовы Кр. Радзівіл у 1597 г. асабіста звярнуўся да Я. Замойскага з просьбай даслаць яму акадэмічныя выданні. Прычым, хаця малады князь-кальвініст ужо прыватным чынам праходзіў курсы рыторыкі і логікі, асабліва ён прасіў канцлера аб адпраўцы граматыкі Я. Урсына [13, с. 130].

Не вельмі прываблівала Замойская акадэмія і айчынных уніятаў, для якіх Ватыкан выдзеліў стыпендыі ў Рыме ды шэрагу алюмнатаў (Брунсберг, Аламоўц, Вільня і інш.). Толькі ў 1621–1622 навуч. г. тут было зафіксавана прыбыццё ажно трох прадстаўнікоў гэтай рэлігіі з Вільны (Э. Пакой, Е. Гізель, Я. Валковіч) [14, с. 97]. Супрацоўнічалі ўніяты і з мясцовай друкарняй. З ураджэнцаў Беларусі, скарыстаўшыхся падобнай магчымасцю можна назваць мінчаніна Я. Сушу, які з 1639 г. кіраваў базыльянскай школай у Холме на Украіне. У 1646 г. ён надрукаваў тут твор, прысвечаны абразу Маці Божай Холмскай. Дадзеная кніга з'яўлялася як узорам красамоўных талентаў аўтара (пры апісанні мясцовых краявідаў), так і яго эрудыраванасці – Я. Суша, распачаўшы аповед з часоў кіеўскага князя Уладзіміра, спасылаўся на працы вядомых гісторыкаў (А. Кромера, Я. Длугаша і інш.) [15, с. 3–4, 11–15].

Што ж датычыцца праваслаўных выхадцаў з Беларусі, то Замойская акадэмія была для іх адным з асноўных цэнтраў атрымання вышэйшай адукацыі. Прычым накіроўваліся сюды нават асобы, якія ўжо працавалі настаўнікамі ў брацкіх школах. Так, у 1628 г. тагачасны архімандрыт Кіева-Пячорскай лаўры П. Магіла прафінансаваў навучанне тут І. Трафімовіча-Казлоўскага і С. Косава са Львова. Пасля свайго вяртання ў 1631 г. ва Украіну першы з іх стаў рэктарам Кіеўскай Лаўрскай школы, а другі – тутэйшым прэфектам. С. Косаў быў ураджэнцам Віцебшчыны і скончыў Віленскую брацкую школу (з 1647 г. кіеўскі мітрапаліт). Сам ён так апісваў гэты перыяд свайго жыцця: «Мы, изучив науки Паллады в католических академиях, стали насаждать в русские умы латинский язык лучше, нежели бывшие до нас наставники; и это не из иных побуждений, как только потому, чтобы мы могли заслужить у Предвечного какое либо воздаяние такими добрыми делами, которые в особенности повелевают просвещеть не знающих, а также, чтобы вышедшие из среды православного народа нашего успели распространить в нем свет Аполлона…» [16, с. 5, 7].

Вучыліся ў Замойскай акадэміі і выхаванцы айчынных брацкіх школ. Сярод іх трэба ўзгадаць бацьку і сына Яўлеевічаў з Магілёва. Першы з іх – Ф. Яўлеевіч, па завяршэнні навучання ў магілёўскіх і кіеўскіх братчыкаў, прыбыў у Замосце ў 1621–1622 навуч. г., але праз год перабраўся ў Кракаўскі ўніверсітэт, пасля заканчэння якога ў 1625 г. вярнуўся ў Кіеўскую брацкую школу і праз тры гады стаў яе рэктарам [17, с. 530–531]. Другі – будучы архімандрыт Полацкага Барысаглебскага манастыра І. Яўлеевіч, ва ўласнай аўтабіяграфіі адзначаў, што пасля навучання ў Магілёўскай брацкай школе і Кіева-Магілянскім калегіуме ў 1640 г.: «Закончыўшы курс

пабыў у сваіх на Белай Русі, праз два гады слухаў курс Тэалогіі маральнай і спекулятыўнай дзве часткі па Скоту (Іаан Дунс Скот адзін з буйнейшых схаластычных філосафаў-тэолагаў сярэднявечча. – *А. С.*), трэцюю ў вызначаным парадку, у Замойскай Акадэміі і медыцыну спекулятыўную з анатоміяй аднак не ўсе 80 частак прайшоў…» [18, с. 78, Прил.]. Адначасова з І. Яўлеевічам у Замосці знаходзіўся І. Гізель, скончыўшы Кіева-Магілянскі калегіум у 1642 г. Ён таксама працягнуў сямейную традыцыю, бо яго бацька Е. Гізель, як ужо адзначалася вышэй, вучыўся тут у пачатку 1620-х гг. Пры гэтым тутэйшая акадэмія была для будучага архімандрыта Кіева-Пячорскай лаўры і аўтара першага ў праваслаўным асяроддзі падручніка па гісторыі ўсходніх славян («Сінопсіс», 1674) толькі прамежкавым этапам перад навучаннем у Кембрыджскім універсітэце ў Англіі [19, с. 184–185, 219–222].

Разам з тым дамінавалі сярод выхаванцаў Замойскай акадэміі, відавочна, каталікі. З ліку спавядаючых гэтую рэлігію ўраджэнцаў Беларусі тут вылучаюцца некалькі адметных фігур. Так, у другой палове 1610-х гг. у ёй вучыўся П. К. Абуховіч, прыбыўшы сюды з належачай яму в. Вялікая Ліпа пад Нясвіжам. Ужо ў час свайго навучання ў Замосці ён вызначыўся ўласным красамоўствам і здольнасцямі ў вывучэнні старажытных моў – у 1617 г. у мясцовай друкарні нават выйшаў яго лацінска-грэчаскі панегірык у гонар тагачаснага гаспадара мястэчка Т. Замойскага. На жаль, у далейшым ён праявіў сябе «куды лепшым аратарам, чым салдатам», квінтэсенцыяй чаго стала ганебная здача П. К. Абуховічам рускай арміі Смаленска ў 1654 г. (займаў пасаду тутэйшага ваяводы). Напісаны з гэтай нагоды Ц. Камунякай знакаміты сатырычны «Ліст да Абуховіча» (1655) абвінавачваў яго ў здрадзе, вайсковай бяздарнасці і псеўдаадукаванасці [20, с. 474–475]. Больш паспяховым палкаводцам быў іншы каталіцкі выхаванец Замойскай акадэміі – кн. А. Г. Палубінскі (яго бацька кашталян мсціслаўскі кн. К. А. Палубінскі валодаў Дзярэчынам, Глускам і Глыбокім). Пасля навучання тут на мяжы 1630–1640-х гг. па загаду караля Уладыслава IV ён адправіўся ў Галандыю і Францыю «для вывучэння моў, правоў ды звычаяў тамашніх». У далейшым жа князь адзначыўся ў час вайны 1654–1667 гг. з Расіяй, атрымаўшы за свае вайсковыя поспехі пасады падстолія вялікага літоўскага, маршалка вялікага літоўскага, а таксама прыбытковыя староствы ваўкавыскае, бабруйскае і інш. [21, с. 358].

На жаль, з другой паловы XVII ст. Замойская акадэмія прыйшла ў заняпад. Прычынамі гэтага стала спусташэнне мястэчка казакамі (1648) і шведамі (1656), а таксама пагаршэнне фінансавання, што выклікала востры недахоп выкладчыкаў. У выніку ў 1674–1746 гг. тут працаваў толькі факультэт вызваленых мастацтваў, і хаця ў далейшым астатнія дысцыпліны зноў пачалі чытацца, сваю прывабнасць для ўраджэнцаў Беларусі Замойская акадэмія ўжо страціла. Ліквідавана была ў 1784 г. па ініцыятыве аўстрыйскіх улад, пад чый кантроль гэты гэгіён Польшчы трапіў пасля першага падзелу Рэчы

Паспалітай. На яе месцы пачаў працу Каралеўскі ліцэй, які неўзабаве быў пераўтвораны ў гімназію, праіснаваўшую да 1811 г. – навучальную установу перавялі ў суседні Шчэбжэшын, а экс-акадэмічныя будынкі аддалі вайскоўцам [22, с. 7].

У цэлым аналіз дзейнасці Замойскай акадэміі ў канцы XVI – першай палове XVII ст. дазваляе зрабіць выснову, што надзеі Я. Замойскага на арганізацыю буйного альтэрнатыўнага езуітам і Кракаўскаму ўніверсітэту поліканфесійнага цэнтра асветы цалкам усё ж не спраўдзіліся. Шмат якія канфесіі – каталікі, пратэстанты і ўніяты – мелі альтэрнатыўныя варыянты ўдасканалення сваёй асветы, а праваслаўная моладзь часцяком аддавала перавагу Кіева-Магілянскаму калегіуму і Віленскай езуіцкай акадэміі (Мялецій Сматрыцкі, Сімяон Полацкі). Разам з тым наяўнасць у Замосці выдатнага выкладчыцкага калектыву, наватарскіх педагагічных распрацовак і падручнікаў, а таксама дамінаванне свецкага пачатку ў вучэбна-выхаваўчым працэсе рабілі тутэйшую акадэмію адметным месцам атрымання вышэйшай адукацыі, які карыстаўся заслужаным прызнаннем у асяроддзі айчыннай правячай і інтэлектуальнай эліты.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Łempicki, S.* Medyceusz polski XVI wieku: rzecz o mecenacie Jana Zamoyskiego / S. Łempicki. – Lwów: Druk. «Sztuka», 1929. – 78 s.

2. *Kurdybacha, Ł.* Problem świeckości Akademii Jana Zamoyskiego / Ł. Kurdybacha // Rozprawy z Dziejów Oświaty. – 1962. – T. 5. – S. 3–24.

3. *Łukaszewicz, J.* Historya szkół w Koronie i w Wielkim Księstwie Litewskim od najdawniejszych czasów aż do roku 1794: w 4 t. / J. Łukaszewicz. – Poznań: Wyd-wo W. Deckera i Spólki, 1849–1851. – T. 3. – 1851. – 516 s.

4. *Ursinus, J.* Grammatica in IV classes: Orthographiae, Analogiae, Syntaxis et Prosodiae, ad usum juventutis academicae, dispartita ac recenter utiliorib. regulis syntaxeos aucta / J. Ursinus. – Zamoscii: Typographia Academiae, 1759. – XX, 383 p.

5. *Donatus, A.* Viri Clarissimi Grammatica. Pro Elementariis Hippei Samosciani. Loci veterum Scriptorum, illius Iulj Caesaris de Analogia / A. Donatus. – Zamoscii: Typographia Academiae, 1594. – 87 p.

6. *Burski, A.* Dialectica Ciceronis, quae disperse in scriptis reliquit, maxime ex Stoicorum sententia, cum commentariis quibus ea partim supplentur, partim illustrantur. Opus non solùm ad intelligenda Ciceronis scripta, sed etiam multorum veterum auctorum, ac in his Theologorum, Jurisconsultorum, Medicorum ac Philosophorum, imprimis utile / A. Burski. – Zamoscii: Typographia Academiae, 1604. – 470 p.

7. *Birkowski, S.* Dionysius Halicarnasseus. De collocatione verborum graece et latine / S. Birkowski. – Zamoscii: Typographia Academiae, 1602. – 136 p.

8. *Phaenicki, S.* Epiphanius Cyprus. Oratio in Sepulturam Corporis Domini / S. Phaenicki. – Zamoscii: Typographia Academiae, 1604. – IV, 34 p.

9. *Jaskier, M.* Juris provincialis quod Speculum Saxonum vulgo nuncupatur, libri tres. Opera vigilanti in correctiorem redacti materiam, adiunctis simul glossis, alijsque additionibus, pro interpretatione textus magis necessarijs / M. Jaskier. – Zamoscii: Typographia Academiae, 1602. – 725 p.

10. *Drezner, T.* Institutionum iuris Regni Poloniae libri IIII. ex Statutis et Constitutionibus collecti in usum nobilitatis Polonae, iuris Patrij studiosae / T. Drezner. – Zamoscii: Typographia Academiae, 1613. – X, 294 p.

11. *Sixtus, E.* O cieplicach we Skle, Ksiąg Troie. Trzećią kśięgę czytáy záraz opuśćiwszy dwie, iesli się niechcesz báwić długiemi diskursámi / E. Sixtus. – Zamość: Drukarnia Akademii Zamojskiej, 1617. – XIV, 211 s.

12. *Kochanowski, J. K.* Dzieje Akademii Zamojskiej (1595–1784) / J. K. Kochanowski. – Kraków: Druk W.L. Anczyna i Spółki, 1899–1900. – XCVIII, 345 s.

13. Scriptores Rerum Polonicarum: w 22 t. / wyd. Komisyi Historycznej Akademii Umiejętności w Krakowie. – Kraków: Druk W.L. Anczyna i Spółki, 1872–1917. – T. VIII: Archiwum domu Radziwiłłów. Listy ks. M.K. Radziwiłła, J. Zamojskiego, L. Sapiehy / wyd. A. Sokołowski. – 1885. – 295 s.

14. *Gmiterek, H.* Akademia Zamojska jako uczelnia pogranicza polsko-ruskiego / H. Gmiterek // Дрогобицький краєзнавчий збірник. – Дрогобич: «Коло», 2011. – Вип. XIV–XV. – С. 95–103.

15. *Susza, J.* Phoenix Redivivus Albo Obraz Starozytny Chełmski, Panny Y Matki Przenaswietszey, Sławą Cudow swoich ożyły / J. Susza. – Zamość: Drukarnia Akademii Zamojskiej, 1646. – 78 s.

16. *Голубев, С. Т.* Exegesis Сильвестра Косова / С. Т. Голубев // Киевские епархиальные ведомости. – 1874. – № 16. – Отд. 2. – Прил. – С. 1–14.

17. *Шинкарук, В.* Пам'ятки братських шкіл на Україні (кінець XVI – початок XVII ст.) / В. Шинкарук. – Київ: Наукова думка, 1988. – 568 с.

18. *Голубев, С. Т.* История Киевской духовной академии. Период до-Могилянский / С. Т. Голубев. – Киев: Унив. тип., 1886. – 235 с. – Прил. – 121 с.

19. *Сумцов, Н. Ф.* Иннокентий Гизель (К истории южно-русской литературы XVII века) / Н. Ф. Сумцов // Киевская старина, 1884. – Т. 10. – С. 183–226.

20. *Przyboś, A.* Obuchowicz Filip Kazimierz / A. Przyboś // Polski Słownik biograficzny. – Warszawa; Kraków: Wyd-wo PAN, 1978. – T. XXIII. – S. 473–476.

21. *Nagielski, M.* Połubiński Aleksander Hilary / M. Nagielski // Polski Słownik biograficzny. – Warszawa; Kraków: Wyd-wo PAN, 1983. – T. XXVII. – S. 358–363.

22. *Wadowski, J. A.* Wiadomość o profesorach Akademii Zamojskiej / J. A. Wadowski. – Warszawa: Druk. «Gazety Rolniczej», 1900. – 341 s.

(Дата падачы: 08.01.2018 г.)

І. А. Саракавік
Акадэмія кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь, Мінск
I. A. Sorokovik
Academy of management under the President
of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 329.15(091)(476):351.74

НЕКАТОРЫЯ АСПЕКТЫ КІРАЎНІЦТВА МІЛІЦЫЯЙ ПАРТЫЙНЫМІ ОРГАНАМІ БЕЛАРУСІ Ў 1966–1970 ГГ.

SOME ASPECTS OF THE MANAGEMENT OF THE POLICE PARTY BODIES OF BELARUS IN 1966–1970

Артыкул прысвечаны некаторым аспектам кіраўніцтва міліцыяй партыйнымі органамі Беларусі ў 1966–1970 гг. Тэма слаба даследавана гістарычнай навукай. Падрыхтавана на аснове архіўных матэрыялаў, упершыню ўведзеных ў навуковы абыход.

Ключавыя словы: партыйнае кіраўніцтва; міліцыя; Савецкі Саюз; Беларуская ССР; ЦК КПБ; Канстытуцыя СССР; кірункі дзейнасці.

The article is devoted to some aspects of the management of the police party bodies of Belarus in 1966–1970 Topic has been poorly studied historical science. Prepared on the basis of archival materials, first introduced in the scientific bypass.

Key words: the party leadership; the police; the Soviet Union; the Byelorussian SSR; the Central Committee of the PBC; the Constitution of the USSR; activities.

Праблема партыйнага кіраўніцтва як міліцыяй, так і органамі ўнутраных спраў у адзначаны перыяд выклікала зацікаўленасць савецкіх даследчыкаў. На агульнасаюзным матэрыяле з'явіліся працы В. А. Гогаля, В. Д. Малькова, Т. М. Шамбы, С. Ф. Зыбіна [1]. На беларускім матэрыяле абаронена кандыдацкая дысертацыя Л. Т. Макарава [2]. Да 70-годдзя савецкай улады ў БССР была выдадзена капітальная кніга «Очерки истории милиции Белорусской ССР. 1917 – 1987» [3]. У іх багаты факталагічны матэрыял, яны абагацілі гістарычную навуку, хаця і пакутуюць палітычнай і ідэалагічнай зададзенасцю. У постсавецкі перыяд сваё бачанне праблемы на прыкладзе партыйнага кантролю за дзейнасцю органаў унутраных спраў (ОУС) Беларусі па падбору, расстаноўцы і выхаванню кадраў прапанаваў К. І. Барвінок [4]. Наконт адносін міліцыі і КПБ выказаўся і аўтар гэтых радкоў [5].

Між тым тэма патрабуе больш дэталёвага даследавання з выкарыстаннем новых архіўных крыніц. Аўтар не прэтэндуе на поўнае раскрыццё тэмы, аднак на некаторыя аспекты яе хацеў бы звярнуць увагу. Сёння да савецкага перыяду гісторыі адносяцца па-рознаму. Адны яго падтрымліваюць, другія – не. Але гісторыя не развіваецца толькі па ўзыходнай, ёсць свае спады і пад'ёмы. Не выключэнне і савецкі час, у якім, на погляд аўтара, было намнога больш станоўчага, чым адмоўнага. Неабходна адзначыць тое, што КП Беларусі як рэгіянальная частка КПСС з прававога пункту гледжання не з'яўлялася элементам механізма савецкай улады. Аднак у рэальнасці сам гэты механізм не мог існаваць без партыі. Менавіта яна, найперш у асобе Палітбюро і Сакратарыята, а не прадстаўнічы орган, вызначала змест і кірункі дзеяння механізма ўлады, у тым ліку і міліцыі як састаўной часткі ОУС. Кіраванне ж міліцыяй знаходзілася пад непасрэдным кіраўніцтвам Палітбюро ЦК КПСС і Генеральнага сакратара ЦК КПСС. Выключнае становішча партыі вызначалася арт. 126 Канстытуцыі СССР 1936 г. У ім адзначалася, што ВКП(б) выступае ў якасці «кіруючага ядра ўсіх арганізацый працоўных, як грамадскіх, так і дзяржаўных» [6, с. 744]. Арт. 6 Канстытуцыі СССР 1977 г. устанаўліваў, што «кіруючай і накіроўваючай сілаю савецкага грамадства, ядром яго палітычнай сістэмы, дзяржаўных і грамадскіх арганізацый з'яўляецца Камуністычная партыя Савецкага Саюза» [7, с. 7]. Аналагічную норму ўтрымлівала і Канстытуцыя БССР 1978 г. [8, с. 6]. Гэтыя канстытуцыйныя нормы замацавалі за КПСС выключнае становішча ў органах дзяржаўнай улады СССР, у тым ліку і БССР.

Адметнасцю КПБ з'яўлялася тое, што ёй прадвызначалася роля практычнага ажыццяўлення кіраўнічых рашэнняў цэнтра, кантроля за іх рэалізацыяй і своечасовага яго інфарміравання аб іх выкананні. Ад-

нак і простым статыстам яна не была, асабліва ў пытаннях падбора кадраў. Адметнасцю становішча міліцыі БССР было тое, што як саюзнарэспубліканская структура яна падпарадкоўвалася МУС СССР і абавязкова выконвала ўсе яго загады і распараджэнні. Адначасова МУС БССР падпарадкоўвалася Савету Міністраў БССР. А паколькі фактычна вышэйшым органам улады з'яўляўся ЦК КПБ, то найперш непасрэдна яму.

У розныя перыяды гісторыі партыя ставіла міліцыі канкрэтныя задачы. На першым этапе гісторыі – гэта барацьба з контррэвалюцыяй, ворагамі савецкай улады. Нават па Канстытуцыі БССР 1937 г. у адпаведнасці з арт. 106 апошнімі абвяшчаліся «асобы, квапіўшыяся на грамадскую, сацыялістычную ўласнасць» [9, с. 27]. Такая суровая мера павінна была ўмацоўваць савецкую дзяржаву. Каб такой пагрозы не існавала, трэцяя Праграма КПСС (1961 г.) «ставіла задачу забяспечыць строгае выкананне сацыялістычнай законнасці, выкараненне ўсякіх парушэнняў правапарадку, ліквідацыю злачыннасці, ухіленне ўсіх прычын, яе нараджаючых». Вырашэнне праблемы бачылася найперш у «папярэджванні злачынстваў», росце матэрыяльнай забяспечанасці, культурнага ўзроўню і свядомасці працоўных. Усё гэта павінна было прывесці да таго, каб «замяніць меры крымінальнага пакарання мерамі грамадскага ўздзеяння і выхавання» [10, с. 106]. Праходзіў час, а ліквідаваць злачыннасць і прычыны, яе нараджаючыя, не ўдавалася. Таму ў арт. 59 Канстытуцыі БССР 1978 г. замацаваны абавязак грамадзян БССР «берагчы і ўмацоўваць сацыялістычную ўласнасць… змагацца з крадзяжамі і марнатраўствам дзяржаўнай і грамадскай маёмасці, беражліва адносіцца да народнага дабра». Аднак «асобы, якія рабілі замах на сацыялістычную ўласнасць» ужо не абвяшчаліся ворагамі савецкага народа, а павінны былі «карацца па закону» [8, с. 22]. Першапачаткова злачыннасць афіцыйна тлумачылася «радзімымі плямамі» капіталізму, затым яго «рэшткамі» і толькі з канца 70-х гг. жывучасць злачыннасці звязвалі з недахопамі ў ходзе будаўніцтва сацыялізму з-за першапраходніцтва.

У разглядаемы перыяд больш канкрэтныя задачы міліцыі былі вызначаны ў дакументах XXIV з'езда КПСС [11, с. 105]. Па асобных яе кірунках прымаліся спецыяльныя акты партыі. У 1966–1970 гг. ЦК КПСС, часам разам з Саветам Міністраў СССР, прыняў шэраг пастаноў: 23.07.1966 г. – «О мерах по усилению борьбы с преступностью», 19.11.1968 г. – «О серьезных недостатках в деятельности милиции и мерах по дальнейшему ее укреплению [12, с. 444–447] і інш.

Мясцовыя партыйныя органы з улікам задач КПСС валодалі добра адпрацаванай сістэмай працы па кіраўніцтву і кантролю за дейнасцю міліцыі Беларусі. Яна ўключала ў сябе канкрэтызацыю рашэнняў ЦК КПСС па важнейшых кірунках дзейнасці міліцыі з улікам мясцовых адметнасцей, кантроль за іх выкананнем, падбор і расстаноўку кадраў, арганізацыю работы міліцэйскіх пярвічных партарганізацый, правяд-

зенне нарад, семінараў, канферэнцый па праблемах правапарадку і інш. Уся гэта праца арганізоўвалася, аналізавалася, кантралявалася аддзеламі адміністрацыйных органаў ЦК і абкамаў КПБ, якія падпарадкоўваліся другому сакратару ЦК КПБ. У апаратах АК і асабліва ЦК КПБ працавала шмат прафесіяналаў высокай кваліфікацыі, у тым ліку кандыдаты і дактары навук. У аддзелах адміністрацыйных органаў гэта былі, як правіла, юрысты па адукацыі, якія ведалі справу не столькі з кніг, колькі па сваёй ранейшай практычнай дзейнасці ў праваахоўных органах.

Адным з аспектаў партыйнага кіраўніцтва міліцыяй з'яўляўся разгляд яе спраў у бюро і сакратарыяце ЦК КПБ, абкамаў партыі і ў бюро ГК і РК КПБ. Па падліках аўтара, бюро і сакратарыят ЦК КПБ у перыяд з 1964 па 1985 гг. разглядалі ў сярэднім па 2–3 праблемных пытанні ў год, якія адносіліся да пытанняў міліцыі, грамадскага парадку і барацьбы са злачыннасцю. Гэта намнога больш, чым пытанняў іншых праваахоўных органаў разам узятых.

Часам партыйныя органы давалі ацэнку і даручэнні міліцыі пры разглядзе розных сфер жыццядзейнасці. Так, 14.01.1972 г. бюро ЦК КПБ разглядзела пытанне «Аб рабоце партыйных арганізацый Брэсцкай вобласці па выкананню пастановы ЦК КПСС і Савета Міністраў СССР ад 23.07.1966 г. «Аб мерах па ўзмацненню барацьбы са злачыннасцю». Галоўная ўвага была звернута на работу партарганізацый.. Аднак у дакуменце давалася ацэнка не толькі ім, але і самой міліцыі, зыходзячы з крымінагеннага становішча ў вобласці. Злачыннасць тут з года ў год павялічвалася. За 1966–1970 гг. яна вырасла на 35,8 %, а па лініі крымінальнага вышуку – у 1,5 разы; урон ад растрат, крадзяжу матэрыяльных каштоўнасцей склаў звыш 2 млн руб., асноўная доля ўбыткаў – звыш 80 % [13]. У гэтых праліках былі і недахопы міліцыі, якая недастаткова займалася пытаннямі папярэджання злачыннасці, не ўскрывала прычыны і ўмовы, якія садзейнічалі іх здзяйсненню, аператыўна не рэагавала на іх. Прычыны – нізкая якасць аператыўна-вышуковай, следчай працы, прафесійнага майстэрства супрацоўнікаў.

Сістэма кіравання і кантроль партыйных камітэтаў за дзейнасцю міліцыі ўключалі ў сябе і аналіз дакументаў міліцыі. Да прыкладу, аддзел адміністрацыйных органаў ЦК КПБ штогод аналізаваў ад 80 да 100 такіх матэрыялаў МУС БССР, а затым вяртаў іх міністэрству [14]. Гэта дазваляла быць у курсе важнейшых бягучых спраў міліцыі, адсочваць пэўныя тэндэнцыі як у яе асяродку, так і ў злачынным свеце, параўноўваць даныя міліцыі з крыніцамі іншых праваахоўных органаў і на гэтай аснове прымаць больш аб'ектыўныя рашэнні.

Партыйныя камітэты выкарыстоўвалі і такі аспект кіраўніцтва, як перыядычныя справаздачы міліцэйскіх начальнікаў аб выніках дзейнасці на сваіх пасяджэннях. 16.06.1967 г. у аддзеле адміністрацыйных органаў ЦК КПБ адбылася справаздача міністра АГП БССР А. А. Клімаўскіх аб працы з кадрамі ў святле выканання пастановы ЦК КПБ ад 22.02.1964 г. «Аб

стане і мерах паляпшэння работы з кадрамі ў органах і падраздзяленнях МАГП БССР». У выніку былі выказаны канкрэтныя заўвагі і пажаданні. Аддзел ЦК КПБ звяртаў увагу міністра на неабходнасць павысіць якасны склад кадраў шляхам удасканалення сістэмы іх спецыяльнай падрыхтоўкі і перападрыхтоўкі, асаблівую ўвагу надаць маладым спецыялістам; узмацніць палітычную, выхаваўчую працу; праводзіць папераджальна-прафілактычныя мерапрыемствы па выкараненню прычын, якія нараджалі адмоўныя з'явы сярод супрацоўнікаў органаў унутраных спраў [15].

Істотны ўплыў на падраздзяленні міліцыі партыйныя камітэты ажыццяўлялі праз разгалінаваную па вертыкалі і гарызанталі сістэму пярвічных партыйных арганізацый у іх, а таксама праз падбор і расстаноўку кадраў, іх вучобу. Асабліва добра гэта прааналізаваў К. І. Барвінок у сваёй манаграфіі [16].

Партыйныя камітэты не толькі падтрымлівалі міліцыю, але і строга адносіліся да яе пралікаў і недахопаў, асабліва калі назіраліся, хоць і адзінкавыя, факты зрошчвання наменклатурных работнікаў з супрацоўнікамі міліцыі, что вяло да парушэння законнасці і правапарадку. Неабходна надаць належнае вышэйшаму партківаўніцтву БССР у асобе П. М. Машэрава, А. Н. Аксёнава, М. М. Слюнькова, якія прынцыпова аднесліся да такіх спраў, як «мінская», «аршанская», «мазырская», «віцебская», атрымаўшых вялікі грамадскі рэзананс. Усе яны ў той ці іншай ступені былі разгледжаны ў ЦК КПБ і атрымалі пэўную ацэнку праваахоўным органам.

Аналіз архіўнага матэрыялу і рэальнай практыкі міліцыі паказвае, што не толькі партыйныя органы накіроўвалі, кантралявалі дзейнасць ОУС, але і органы міліцыі, у сваю чаргу, часта звярталіся да партакамітэтаў і бюро рознага ўзроўню з дакладамі, інфармацыяй аб выкананні даручэнняў, становішчы спраў па ахове грамадскага парадку і барацьбе са злачыннасцю, просьбамі вырашэння кадравых пытанняў, уздзейнічання на іншыя органы кіравання па пытаннях аховы сацыялістычнай уласнасці, барацьбы з асобнымі відамі правапарушэнняў і інш. праблемамі, вырашэнне якія было ў сферы кампэтэнцыі ЦК, АК, ГК, РК КПБ. МУС БССР інфарміравала ЦК КПБ аб усіх выпадках забойстваў, выкарыстання вогнестрэльнай зброі, крадзяжу сацыялістычнай уласнасці, злоўжывання сваім становішчам службовымі асобамі і г. д. З інфармацыямі, запіскамі, дакладнымі, справаздачамі знаёміліся сакратары ЦК КПБ, адказныя супрацоўнікі партыйнага апарату. І ў гэтым сэнсе міліцыя выступала інфарматарам партыйных органаў, што дазваляла партыйным камітэтам вылодаць усёй паўнатой інфармацыі па ўсіх аспектах жыццядзейнасці ўсіх рэгіёнаў рэспублікі. Вынікі працы ОУС рэспублікі за кожны год паведамляліся ЦК КПБ, Прэзідыуму Вярхоўнага Савета БССР і Савету Міністраў БССР [17]. На працягу года найбольш матэрыялаў накіроўвалася менавіта ў вышэйшы партыйны орган Беларусі. Аналіз 97 матэрыялаў, накіраваных МУС БССР у 1966 г.

ЦК КПБ, паказвае, што ў асноўным яны адлюстроўвалі праблемы крадзяжу сацыялістычнай уласнасці – 23, хуліганства – 9, дарожна-транспартных здарэнняў, пажараў – па 7, забойстваў, а таксама дакладныя запіскі – па 6, самазабойстваў міліцыянераў – 5, нападзення на міліцыянераў, спекуляцыі – па 4 і іншыя, уключаючы і 2 інфармацыі аб антысавецкай дзейнасці [18].

З такога масіва інфармацыі кіраўніцтва ЦК КПБ асабліва цікавілі асобныя факты. Так, МАГП БССР 5 студзеня 1966 г. інфармавала сакратара ЦК КПБ П. М. Машэрава аб тым, што да крымінальнай адказнасці за крадзёж дзяржаўных грашовых сродкаў прыцягваецца старшыня спартыўнага таварыства «Ураджай» Капыльскага раёна, кандыдат у члены КПСС Пінчук, які ў 1955 г. быў судзімы за ўдзел у грабяжах да 15 гадоў пазбаўлення волі. П. М. Машэраў наклаў 8 студзеня рэзалюцыю «Секретарям ЦК и т. Полозову Н. Н. Желательно разобраться, каким образом он оказался в партии» [18, арк. 7]. Чысціня радоў партыі для яго была найвышэй за ўсё. Зразумела, злодзеі не павінны быць у партыі. Але цяжка зразумець, што яны маглі займаць такія пасады. А згоду на гэта даваў РК КПБ.

Ніякай рэакцыі няма сакратароў ЦК КПБ на факт, які адбыўся 23.06.1966 г. на аўтамагістралі Брэст – Мінск. У дарожна-транспартным здарэнні загінуў старшыня Камітэта народнага кантролю Брэсцкай вобласці з-за грубага парушэння правілаў дарожнага руху яго шафёрам. На дакладной міністра АГП БССР П. М. Машэраў толькі зазначыў: «Секретарям ЦК» і подпіс [18, арк. 81]. Падобныя выпадкі парушэнняў правілаў дарожнага руху шафёрамі наменклатурных работнікаў назіраліся і раней, і пасля гэтага здарэння. Іх служба ДАІ практычна не карала з-за заступніцтва іх начальнікаў. Урэшце рэшт гэта каштавала жыццяў многім вядомым людзям не толькі рэспублікі – Ф. А. Сурганаву, Л. І. Бядзе, самому П. М. Машэраву і іншым. Аднак істотных высноў з гэтага не было зроблена.

Калі ж справа тычылася сацыялістычнай уласнасці, рэзалюцыі заўсёды былі адраснымі і прапаноўвалі прыняцце неадкладных мераў. 19.01.1966 г. МАГП БССР паведамляла ЦК КПБ, што сумесна з Беларускім рэспубліканскім саветам прафсаюзаў быў праведзены рэйд праверкі аховы і зберажэння сацыялістычнай уласнасці на прадпрыемствах і ў арганізацыях БССР, які выявіў шэраг недахопаў у гэтай справе. Вынікі рэйда былі дакладзены выканкамам мясцовых Саветаў, адпаведныя прадстаўленні зроблены міністэрствам і ведамствам БССР. Строгая рэзалюцыя П. М. Машэрава: «Ознакомить членов и к-тов в чл. Президиума ЦК. Отделам ЦК проследить за принятием необходимых мер по линии соответствующих министерств и ведомств республики» [18, арк. 10–15]. Не выпадкова таму па прапанове ОУС Беларусі стан зберажэння сацыялістычнай уласнасці ў 1968 г. быў разгледжаны на пленуме Фрунзенскага г. Мінска, бюро Кастрычніцкага г. Мінска РК КПБ

і Мінскага ГК КПБ. Усяго ў 1968 г. ОУС рэспублікі накіравалі ў адпаведныя органы каля 2100 інфармацый па гэтаму пытанню. Непасрэдна МУС БССР накіравала 87 інфармацый з прапановамі паляпшэння зберажэнняў дзяржаўнай уласнасці. На іх аснове Міністэрства сельскай гаспадаркі БССР, Міністэрства вышэйшай і сярэдняй спецыяльнай адукацыі БССР у маі, чэрвені 1968 г. прынялі адпаведныя пастановы [19].

Прааналізаваўшы характар крадзяжу, іх прычыны, 14.01.1969 г. МУС БССР прапаноўвала ЦК КПБ вырашыць наступныя пытанні: павялічыць прадажу насельніцтву будаўнічых матэрыялаў; пераглядзець існуючыя нормы расходаў сыравіны і матэрыялаў, а таксама спісання каштоўнасцей на розныя траты; забараніць калгасам ажыццяўляць закупкі матэрыялаў у прыватных асобаў за наяўны разлік па аднабаковых актах і вызначыць адказнасць работнікаў, якія парушаюць устаноўлены парадак [19, арк. 30]. Аднак далей прапаноў справа не атрымала працягу. Падаўляючая большасць прадпрыемстваў Беларусі была ў падпарадкаванні саюзнарэспубліканскіх міністэрстваў і ведамастваў. А на іх не распаўсюджвалася кампетэнцыя рэспубліканскіх органаў улады і кіравання. У той жа час асобныя інфармацыі МУС БССР у ЦК КПБ былі слаба аргументаванымі і хутчэй накіроўваліся дзеля напаміну аб сваёй дзейнасці [19, арк. 49–52, 55].

Звароты органаў міліцыі ў партыйныя камітэты Беларусі былі звязаны і з неправамернымі дзеяннямі некаторых мясцовых органаў улады, асабліва па выкарыстанню не па прызначэнню штатных адзінак. Пастановай ЦК КПСС і Савета Міністраў СССР ад 23.07.1966 г. за № 571 «Аб мерах па ўзмацненню барацьбы са злачыннасцю» у абласныя, гарадскія і раённыя камісіі па справах непаўналетніх былі ўведзены пасады штатных адказных сакратарэй камісій. Аднак 28.11.1967 г. старшыня Мінскага аблвыканкама Д. Цябут сваім распараджэннем за № 539р скасаваў у гаррайвыканкамах гэтыя пасады і ўсклаў гэтыя абавязкі на бухгалтараў мясцовых выканкамаў. Аналагічнае рашэнне прыняў 6.03.1968 г. старшыня Брэсцкага аблвыканкама К. Мацюшэўскі [19, арк. 63, 64]. Дакумент не дазваляе заключыць, было выпраўлена гэта становішча ці не.

Такім чынам, прыведзены факталагічны матэрыял дазваляе заключыць, што ў разглядаемы перыяд менавіта КПСС вызначала генеральную палітыку стратэгіі і тактыкі дзейнасці міліцыі СССР у цэлым, а гэта значыць, і міліцыі БССР як рэгіянальнай яе часткі па ахове грамадскага парадку і барацьбе са злачыннасцю, гарызантальную і вертыкальную структуру органаў унутраных спраў, сістэму кіравання ёю, кадравую палітыку. ЦК КПБ і мясцовыя партыйныя органы імкнуліся старанна выконваць палітыку КПСС адносна мясцовых умоў, вызначалі ў рэчышчы гэтай палітыкі свае формы і метады работы з міліцыяй, кантроль за яе дзейнасцю. На гэты час у партыйных органах Беларусі склалася добра адпрацаваная сістэма кіраўніцтва міліцыяй і яна, у цэлым, мела станоўчае

значэнне. Партыйныя камітэты служылі своеасаблівым стрымліваючым фактарам ад непамерна прадузятых, а часам і неправамерных дзеянняў асобных начальнікаў на ўсіх узроўнях. Партыйныя арганізацыі ў многім абаранялі інтарэсы радавых супрацоўнікаў міліцыі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Гоголь, В. А.* Руководство КПСС – основы научной организации управления в органах внутренних дел / В. А. Гоголь, В. Д. Мальков. – М.: Высш. шк. МВД СССР, 1972. – 41 с.; *Шамба, Т. М.* КПСС и органы охраны правопорядка / Т. М. Шамба. – М.: Мысль, 1979. – 181 с.; *Зыбин, С. Ф.* Партийное руководство деятельностью органами внутренних дел в условиях развитого социалистического общества. 1960–1980 гг.: автореф. дис…докт. ист. наук. / Зыбин С. Ф.– Л., 1984.

2. *Макаров, Л. Т.* Деятельность партийных организаций Белоруссии по идейно-политическому воспитанию работников органов милиции (1966–1970 гг.): дис. канд. ист. наук / Л. Т. Макаров. – Минск, 1982. – 187 с.

3. Очерки истории милиции Белорусской ССР. 1917–1987. – Минск: Беларусь, 1987. – 536 с.

4. *Борвинок, К. И.* Механизм партийного контроля за деятельностью органов внутренних дел Беларуси (середина 60-х – середина 80-х годов XX века) / К. И. Борвинок // Вестник Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2002. – № 1. – С. 80–81.

5. *Саракавік, І. А*. Міліцыя і Кампартыя Беларусі ў 1966–1991 гг. / І. А. Саракавік // Проблемы борьбы с преступностью и подготовка кадров для органов внутренних дел Республики Беларусь: сб. материалов науч.-практ. конф., посвящ. Дню белорус. науки (Минск, 30 января 2004 г.) – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2004. – С. 167–168.

6. История Советских Конституций (в документах). 1917–1956. – М.: Госюриздат, 1957. – 1046 с.

7. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. – М.: Политиздат, 1977. – 127 с.

8. Канстытуцыя (Асноўны Закон) Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі. – Мінск: Беларусь, 1978. – 61 с.

9. Конституция (Основной Закон) Белорусской ССР. – Минск: Тип. им. Сталина, 1937. – 27 с.

10. Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС. – М.: Политиздат, 1986. – 80 с.

11. XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. – М.: Политиздат, 1972. – 599 с.

12. *Ленин, В. И.,* КПСС о социалистической законности и правопорядке. – М.: Политиздат, 1981. – 671 с.

13. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). – Ф. 4. – Воп. 81. – Спр. 2384. – Арк. 8, 41.

14. Архіў МУС Рэспублікі Беларусь (далей – АМУСРБ). – Ф. 25 – Воп. 1. – Спр. 105. – Арк. 1– 229; – Спр. 124. – Арк. 1–207.

15. АМУСРБ. – Спр. 108. – Арк. 237, 238.

16. *Барвинок, К. И.* Кадровая политика в органах внутренних дел Беларуси в последней трети XX в.: моногр. / К. И. Барвинок. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2004. – 264 с.

17. АМУСРБ. – Ф. 25 – Воп. 1. – Спр. 125. – Арк. 78.

18. Падлічана аўтарам на аснове: АМУСРБ. – Ф. 25 – Воп. 1. – Спр. 105. – Арк. 1–229.

19. АМУСРБ. – Спр. 123. – Арк. 19.

(Дата падачы: 6.02.2018 г.)

Л. Н. Семенова
Белорусский национальный технический университет, Минск
L. Semenova
Belarusian National Technical University, Minsk

УДК (9)(410)329(091)

БРИТАНСКИЙ КОНГРЕСС ТРЕД-ЮНИОНОВ: НАЧАЛО ИСТОРИИ

BRITISH TRADE UNION CONGRESS: THE BEGINNING OF HISTORY

Тред-юнионистское движение Англии в середине XIX в. в силу ее монопольного положения в мировой промышленности и торговле обладало исключительными возможностями. Поэтому «рабочая аристократия», объединенная в цеховые союзы, смогла заняться совершенствованием профсоюзной организации и наращиванием финансов. Разветвленная организационная структура тред-юнионизма нуждалась в едином общенациональном органе. В 1868 г. был создан Британский конгресс тред-юнионов (БКТ), который вот уже 150 лет возглавляет и координирует тред-юнионистское движение.

Ключевые слова: рабочее движение; тред-юнионизм; цеховой юнионизм; организационная структура; общенациональный профсоюзный центр.

Trade unions movement at the XIX century in Great Britain as the monopoly in the world industry and commerce enjoyed exceptional possibilities. So «labor aristocracy», united in the shop unions, could be engaged in improving trade union organization and increasing finance. Trade unionism branching organizational structure was in needed of united all-national organ. In 1868 year British Trade Union Congress (TUC) was created. During 150 years TUC is at the head and coordinate of trade unions movement.

Key words: Labor movement; trade unionism; shop unionism; organizational structure; all-national trade unions centre.

Общенациональное объединение профсоюзов Великобритании Британский конгресс тред-юнионов (БКТ) – старейший центр профсоюзного движения в мире – в 2018 г. отмечает 150-летний юбилей. Тот факт, что структура, созданная для выполнения конкретных задач своего времени, просуществовала полтора века, свидетельствует об эффективности и устойчивости найденных организационных форм, их способности отвечать на новые вызовы времени. Долгий и славный путь известной и влиятельной профсоюзной организации является хорошим поводом вспомнить о начале ее истории, определить ее роль и значение в тред-юнионистском движении Великобритании.

БКТ в мировой капиталистической системе не просто одна из рядовых профсоюзных организаций. Родилась эта организация в стране, первой в мире пережившей Великую промышленную революцию и индустриальную модернизацию, переведшей мир в новый британский цикл капиталистического накопления и ставшей в XIX в. полновластным лидером мировой капиталистической системы – Pax Britannica. Именно в Англии, первой

«мастерской», впоследствии «фабрике мира», первой «парламентской демократии» мира и много еще в чем первой, рабочие которой, по словам К. Маркса, стали «первенцами современной промышленности», появились и первые профсоюзы. Да, эти тред-юнионы первыми прокладывали свою дорогу в деле защиты интересов труда, вольно или невольно становясь ориентиром для других, но это первенство было следствием лидирующей роли Англии в индустриальной капиталистической системе и Британской империи в мире, открывавшей перед страной исключительные возможности.

Первый начальный период профсоюзного движения в Великобритании приходится на конец XVIII в. – первую половину XIX в. Это был поистине революционный этап, который с легкой руки Ф. Энгельса принято называть «школой борьбы». Осознав преимущества снижения себестоимости хлопчатобумажной пряжи и ткани посредством паровой механизации (первая промышленная революция в легкой промышленности в 1780–1790-е гг.), начал формироваться индустриальный капитал, который в 1820–1830-е гг. освоил вторую промышленную транспортную революцию (железнодорожный транспорт и пароходство). Пробивая себе дорогу в борьбе с торгово-финансовым капиталом, индустриальный капитал создавал новую фабричную промышленность, расчищая себе поле для прибылей. Одновременно контрагент производительного капитала наемный труд вступил в революционную борьбу со своим визави капиталом для достижения собственных интересов, улучшения условий труда. Государство номинально пыталось дистанцироваться от обоих создателей промышленности, но фактически подыгрывало капиталу против труда. Так, например, законы против рабочих коалиций 1799–1800 гг. объявляли вне закона и профессиональные союзы и объединения хозяев, однако они ни разу не были применены против предпринимателей, а служили лишь основанием для заключения в тюрьмы тысяч рабочих. Время действия этих законов стало периодом настоящего рождения профсоюзных организаций. Это были цеховые и отраслевые организации, ковавшие себя в нелегальной борьбе вплоть до отмены антипрофсоюзных законов в 1824 г. В 1834 г. на волне политического чартистского движения был образован Великий национальный объединенный союз профессий.

К середине XIX в. погашенные расцветом промышленности и торговли, по выражению премьер-министра У. Гладстона, шагавших «семимильными шагами» и приносивших, благодаря монопольному положению в мире, не десятки и сотни, а тысячи процентов прибыли, революционные порывы улеглись. Уступки рабочим, от которых в не меньшей степени, чем от капиталистов, зависело «золотое процветание» викторианской Англии, ранее вырывавшиеся исключительно в классовой борьбе, теперь признавались возможными правящей верхушкой и с точки зрения экономической и политической целесообразности.

1850–1880-е гг. стали временем преимущественного развития так называемого «старого» цехового (объединение по профессии) юнионизма, вы-

бравшего своим девизом принцип «Оборона, а не вызов». Квалифицированные рабочие, ремесленники, получавшие приличную заработную плату, с головой ушли в организационную деятельность по строительству тред-юнионов и накоплению их фондов. Многое в цеховых союзах было сродни давно канувшим в лету ремесленным цехам: защита профессиональных привилегий, цеховое ученичество, цеховая казна с фондами на различные цели, внутрицеховые и межцеховые структуры и мн. др. Журнал «Эдинбургское обозрение» отмечал в 1867 г., что «почти каждая промышленность в королевстве имеет свой союз… Общее количество всех ассоциаций составляет не менее чем 2000» [1, p. 418]. Английский экономист В. Т. Торнтон писал: «… не менее 1/10 всех мастеровых Великобритании зачислены в рабочие союзы, из которых многие считают своих членов тысячами, а некоторые и десятками тысяч, располагая соответствующими доходами. Число же самих союзов – легион. Список их включает не только все известные отрасли ремесленной или мануфактурной промышленности, но и такие, названия которых слыхали разве немногие. Как Европа усеяна тайными политическими обществами, так и Великобритания покрыта рабочими союзами, приводящими в исполнение свои таинственные повеления руками неответственных агентов и таким образом созидающими тиранию, которая страшнее всякого королевского деспотизма, ибо уничтожает личную свободу английского рабочего и не дозволяет ему распоряжаться своим трудом» [2, с. 147, 178].

Выстраивая вертикальную структуру на местном городском (локалы), региональном и национальном (федерации, ассоциации, объединения) уровне, тред-юнионы общались между собой, учреждая для взаимодействия горизонтальные структуры, прежде всего городские советы тред-юнионов. Во время мощной стачки и локаута в строительной промышленности в 1859 г. было положено начало Лондонскому совету тред-юнионов, учрежденному в 1860 г. Вскоре были образованы подобные советы в Бирмингеме, Манчестере и многих других городах.

В 1860-е гг. в Лондоне помимо совета сложилась сплоченная группа руководителей влиятельных профсоюзов, вошедшая в историю под названием Хунта (Junta – Joint United National Trades Association, Объединенная ассоциация национальных профсоюзов). В нее входили механик железнодорожных мастерских, генеральный секретарь Объединенного общества механиков Уильям Аллен; краснодеревщик, генеральный секретарь Объединенного общества плотников и столяров Роберт Эплгарт; секретарь Национальной ассоциации литейщиков Даниэль Гайл; генеральный секретарь Общества лондонских каменщиков Эдвин Коулсон и руководитель маленького союза особо искусных специалистов по шитью дамских башмачков и по совместительству один из руководителей Лондонского профсоюзного совета и лидер всех лондонских рабочих Джордж Оджер. С одной стороны, эти незаурядные мастера были бессменными лидерами своих союзов, превратив-

шими их в крепкие финансовые учреждения, с другой стороны, они были зачинателями и активистами различных совместных тред-юнионистских акций и широких политических кампаний, державших руки на пульсе не только рабочего движения, но и городской жизни Лондона. Хунта была тому красноречивым подтверждением. Известные историки и теоретики тред-юнионистского движения С. и Б. Веббы назвали ее «министерством профдвижения» [3, с. 3, 10]. В. Т. Торнтон писал, что «повелительная Хунта, заседавшая во мраке, из тайного убежища издававшая деспотические указы, направлявшая ужасные удары мести на ослушников», играла в отношении тред-юнионов ту же роль, что некогда «священный орден Лойолы относительно римской церкви» [2, с. 177].

В силу «железного закона олигархии» как профсоюзное руководство отрывалось от рядовых членов, так и Хунта все более отделялась от тред-юнионистского движения. Недаром профсоюзную бюрократию уже красноречиво называли не иначе, как «рабочими королями». В конце концов, Р. Эплгарт из-за постоянных разногласий с противниками собственного понимания тред-юнионизма как пробуржуазного респектабельного движения оставил профсоюзную работу и обратился к журналистике. Вскоре он стал владельцем небольшой фабрики по производству машин и водолазных аппаратов. Дж. Оджер с головой ушел в политику, регулярно становясь кандидатом на парламентских выборах, правда, безуспешно. С Хунтой спорили и даже пытались действовать вопреки ее реформистскому курсу. Это позволял себе ее стойкий оппонент Джордж Поттер – член небольшого союза лондонских плотников, никак не желавших примкнуть к Объединенному обществу плотников и столяров Р. Эплгарта. Он снискал известность во время стачки лондонских строителей 1859 г., и впоследствии за ним закрепилась репутация «маклера по стачкам», «поставщика забастовок». В 1861 г. основал профсоюзный еженедельник «Бихайв» («Улей»), ставший ярким примером радикальной рабочей журналистики. Лондонский совет профсоюзов был ареной ожесточенной борьбы между Хунтой и Джорджем Поттером [4, с. 40–41].

Английские тред-юнионы явились базой созданного в 1864 г. в Лондоне под непосредственным руководством теоретика нового революционного социалистического учения К. Маркса Международного товарищества рабочих (МТР – I Интернационала). Членом Генерального Совета МТР был Р. Эплгарт, о котором уважительно отзывался К. Маркс, полагая, что «этот человек имеет для нас (Интернационала) большое значение» [5, с. 140]. Председателем I Интернационала с 1864 по 1867 гг. был Дж. Оджер. Не прошел мимо Интернационала и Дж. Поттер. Его газета «Бихайв» была печатным органом Международного товарищества до 1869 г., пока ее не купил крупный либеральный издатель. Английские тред-юнионисты умело использовали I Интернационал для своих прагматических целей, прежде всего для борьбы с ввозом в Британию иностранных рабочих из Европы.

Все эти структуры приняли активное участие в кампании за избирательную реформу, предоставившую право голоса верхушке рабочего класса в 1867 г., движениях за 9-часовой рабочий день и легализацию профсоюзов. Одним из основателей Национальной лиги реформы был Джордж Поттер, уже исключенный из Лондонского совета за излишне горячую поддержку одной из забастовок, и успевший создать новую организацию – Лондонскую ассоциацию рабочих. Действовавшие по всей стране профсоюзы как местного, так и национального масштаба, представляли собой значительную силу, которая уже реально осознавала необходимость для дальнейшего развития в едином руководящем общенациональном центре. Буржуазия и правительство также понимали важность подобной структуры в своих целях. Им было бы легче подчинять тред-юнионы своему влиянию через один центральный орган, нежели вести агитацию в многочисленных локалах и ветвях.

Позиция профсоюзов настолько усилилась, что послужила поводом к учреждению в 1867 г. Королевской комиссии по расследованию их деятельности. В английской политической системе уже давно сложилась практика, когда для исследования серьезных общественных вопросов создавались специальные королевские комиссии, рекомендации которых немедленно принимались к исполнению парламентом и правительством. Представителей тред-юнионов в комиссии не было. Опасаясь, что комиссия выступит за принятие сурового антипрофсоюзного законодательства, активисты лондонских рабочих структур созвали Совещание объединенных профсоюзов. В него, конечно же, вошли все вышеперечисленные «рабочие короли». Не вызывает сомнения, что они бы решили возникшую проблему, пользуясь своими связями в лондонской верхушке, угрожая стачкой или кампанией протеста, может быть, и проведя колонны рабочих по лондонским улицам и вручив соответствующую петицию ответственным лицам. Однако рядовые тред-юнионисты тоже хотели быть услышанными, а профсоюзное руководство в других городах жаждало самостоятельности. Совещания объединенных профсоюзов, подобные лондонскому, были созваны также в Глазго и Шеффилде [4, с. 41]. И вот тут на волне общих демократических настроений в профсоюзном движении инициативу у столичных профбюрократов перехватили тред-юнионы городов северного промышленного пояса Англии.

Советы тред-юнионов Манчестера и Солфорда созвали общенациональную конференцию всех профсоюзов и их городских советов. Конференция открылась 2 июня 1868 г. в Механическом институте Манчестера. В ней приняли участие 34 делегата, представлявших 118 367 членов тред-юнионистских организаций [6, p. 375]. В одной из принятых резолюций отмечалось: «Очень желательно, чтобы тред-юнионы Соединенного королевства проводили ежегодные конгрессы с целью их сплочения в тесный альянс и участия во всех парламентских слушаниях, представляя общие

интересы рабочего класса» [7]. Во исполнение этой резолюции конференция учредила общенациональную организацию – Британский конгресс тред-юнионов, а себя признала первым конгрессом. С тех пор ежегодно, кроме 1870 г., в разных городах Британии, с конца XX в. в курортном Брайтоне, проходят конгрессы, ставшие рупором английского тред-юнионизма. Первоначально для координации действий профсоюзного движения между конгрессами избирались такие руководящие органы, как: Парламентский комитет и Генеральный совет, и следующие должностные лица: президент конгресса, председатель и секретарь соответственно Парламентского комитета и Генерального совета. С созданием Лейбористской партии, ставшей политическим выражением тред-юнионизма, надобность в Парламентском комитете отпала, зато стал расширяться и обрастать структурами Генеральный совет. Первым президентом конгресса был избран по сути его создатель В. Вуд – председатель Манчестерского совета тред-юнионов. Первым председателем Парламентского комитета и Генерального совета два срока подряд с 1869 по 1871 г. был Дж. Поттер, в 1871 г. он одновременно был и президентом БКТ. Из других «рабочих королей» Лондона чести быть президентом конгресса удостоился только каменщик Э. Коулсон, больше никто [6, p. 377]. БКТ выводил на должности новых людей.

Ежегодные конгрессы становились большим событием в жизни тред-юнионистского движения и города, выбранного местом их проведения. Необходимую организационную работу осуществлял городской профсоюзный совет. Тред-юнионы, присоединившиеся к БКТ, избирали делегатов в зависимости от своей численности, готовили вопросы, проекты, требования. Всеми заинтересованными лицами города планировались и проводились встречи, банкеты, концерты. На конгрессах читались доклады, авторами которых были не только тред-юнионисты, но и известные ученые, политики, журналисты, заслушивались отчеты, обсуждались насущные вопросы, принимались резолюции, обязательные или рекомендованные к исполнению. В разветвленной организации тред-юнионистского движения, диктуемой, с одной стороны, особенностями профессиональной деятельности, с другой стороны, преодолением конкуренции среди рабочих и логикой классовой борьбы, БКТ стал необходимым общенациональным завершением. Конгрессы предоставляли трибуну каждому тред-юниону для освещения наболевших проблем и решения конкретных частных вопросов и вместе с тем, благодаря Парламентскому комитету и Генеральному совету формировали единый фронт для отстаивания общих интересов. Сочетание демократичности, управляемости, гибкости придали БКТ высокую степень устойчивости и эффективности, подтвержденные 150-летней историей.

Родившись в качестве центрального органа цеховых тред-юнионов, благодаря своей организационной целесообразности БКТ не был сметен поднявшейся в конце XIX в. революционной волной нового производственного юнионизма мало- и неквалифицированных рабочих, а, напротив, органично

включил ее в свои ряды. В пору становления коллективно-договорной модели трудовых отношений на рубеже XIX–XX вв. БКТ стал эффективным инструментом разработки модельных коллективных договоров и гарантом их выполнения отдельными профсоюзами. В эпоху существования государственно-монополистического капитализма (ГМК), социального государства «всеобщего благосостояния» в середине XX в., БКТ был надежным элементом в системе трипартийного сотрудничества государства, бизнеса и профсоюзов. Получив нокаутирующий удар во время тэтчеровского неолиберального реванша в 1980–90-е гг., тред-юнионы и их общенациональный центр едва удержались на ногах, но продолжали проводить ежегодные конгрессы, фиксируя невосполнимые потери. Сегодня в период буйства неконтролируемого государством финансового капитала, сокращения индустриального производства и перевода его на периферию мировой капиталистической системы, которая сама уже близка к собственной агонии, когда в условиях информационной революции и глобализации подвергнуты кардинальной деформации основы самого индустриального труда, профсоюзное движение все еще существует. И как подчеркнула Президент БКТ Мэри Бустед на конгрессе 2017 г., «еще сможет проявить себя в борьбе за достойные рабочие места и заработную плату, заявляя о необходимости лучшей жизни, отстаивая тред-юнионистские ценности и принципы. Только вместе мы сможем построить более справедливую экономику» [8]. На официальной странице БКТ в Интернете заявлено, что вот уже «150 лет с момента основания, несмотря на многочисленные изменения, миссия БКТ остается неизменной: защищать человека труда и обеспечивать, чтобы его голос был услышан» [7].

Список использованных источников

1. Edinburgh Review. – 1867. – Vol. 126 // Trade Unions in the Victorian Age. Debates on the issue from 19th century critical journals. 1865–1870. – L.: Oxford University Press, 1973. – Vol. IV.

2. *Торнтон, В. Т.* Труд. Его ложные требования и законные права, его настоящее положение и возможная будущность: пер. с англ. / В. Т. Торнтон. – СПб.: Тип. д-ра М. Хана, 1870. – 457 с.

3. *Вебб, С. и Б.* История тред-юнионизма: пер. с англ. / С. и Б. Вебб. – М.: Госиздат, 1922–1923. – Вып. 1–4. – Вып. 3.

4. *Хатт, А*. Британский тред-юнионизм. Краткая история: пер. с англ. / А. Хатт. – М.: Прогресс, 1981. – 269 с.

5. Базельский конгресс I Интернационала 6–11 сентября 1869 г. – М.: Парт. изд. тип. «Печатный двор», 1934. – 210 с.

6. *Roberts, B. C*. The Trades Union Congress. 1868–1921 / B. C. Roberts. – L.: TUC Publishers, 1958. – 383 p.

7. Our history // Trade Union Congress [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.tuc.org.uk/our-history. – Date of access: 11.01.2018.

8. President's address to TUC Congress 2017 // Trade Union Congress [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.tuc.org.uk/speeches. – Date of access: 11.01.2018.

(Дата подачи: 14.02.2018 г.)

Т. А. Спиридонова
Минская духовная семинария, а/г Жировичи
T. A. Spiridonova
Minsk theological seminary, Zhirovichi

УДК 261.7(091)«19»

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПРИ СОВЕТЕ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ БССР В ВОЕННЫЕ И ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

CREATION AND ACTIVITY OF THE COUNCIL ON AFFAIRS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AT THE COUNCIL OF PEOPLE'S COMMISSARS OF THE BSSR IN THE WAR-TIME AND FIRST POSTWAR YEARS

В статье рассмотрены проблемы создания института уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР в Советской Белоруссии в 1943–1947 гг. Значительное внимание уделяется вопросам взаимоотношений Совета по делам Русской церкви при СНК СССР с уполномоченными Совета в БССР. Выяснена ситуация, в которой находилась православная церковь после освобождения Советской Белоруссии от немецких оккупантов. Анализируются особенности формирования аппарата уполномоченных Совета в БССР и его функции, связанные с новой политикой Советского государства в отношении к православной церкви.

Ключевые слова: Совет по делам Русской православной церкви; Уполномоченный по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР.

In the article the problems of creation of the institute of the authorized Council for the affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars of the USSR in Soviet Belarus in 1943–1947 are considered. Much attention is paid to the relationship of the Council for the affairs of the Russian Church under the Council of People's Commissars of the USSR with the Council's authorized representatives in the BSSR. The situation in which the Orthodox Church was located after the liberation of Soviet Byelorussia from the German invaders was clarified. The article analyzes the features of the formation of the authorized Council in the BSSR and its functions related to the new policy of the Soviet state in relation to the Orthodox Church.

Key words: the Council for the Russian Orthodox Church; the Representative on affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars (the Council of Ministers) of the USSR.

В статье впервые предпринимается попытка исследования исторического опыта организации и функционирования особого правительственного органа, регулировавшего государственно-церковные отношения в Советской Белоруссии в 1944–1965 гг. В роли такого правительственного органа выступал Совет по делам Русской православной церкви при СНК БССР, созданный в годы Великой Отечественной войны по решению Совета по делам Русской церкви при СНК СССР.

Актуальность темы исследования вызвана необходимостью изучения опыта организации и функционирования Совета по делам Русской православной церкви в БССР.

В российской историографии по вопросу об образовании и функционировании Совета по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР создан ряд крупных исторических исследований, издано много научных статей таких авторов, как Т. А. Чумаченко, Д. Х. Шин, А. Б. Онищенко, Ю. В. Гераськин и др. [1–5].

Однако в белорусской историографии крупных работ в области истории создания и функционирования Совета по делам Русской церкви при СНК (СМ) БССР до сих пор еще не появилось. На сегодняшний день издано лишь несколько статей по данной тематике таких авторов, как Ю. В. Нихамкина, А. Г. Василицин, У. К. Кулажанка, С. В. Мандрик [6–9].

Поэтому недостаточная изученность научной проблемы обуславливает необходимость исследования истории создании Совета по делам Русской православной церкви при СНК в БССР и опыта его функционирования в 1943–1947 гг. В связи с этим следует изучить процесс организации особого правительственного органа в центре и на местах, рассмотреть содержание религиозной политики Советского государства, инструментом которой являлся Совет по делам Русской православной церкви.

Изменение мнения советского руководства о православной церкви во время Великой Отечественной войны актуализировало вопрос о создании правительственного органа, который бы контролировал и координировал государственно-церковные отношения на новом качественном уровне.

Данное обстоятельство было обусловлено также и тем, что с согласия советского руководства Архиерейский собор в сентябре 1943 г. восстановил патриаршество. Во главе Русской православной церкви стал Патриарх Сергий (Страгородский). После собора по инициативе И. В. Сталина постановлением СНК СССР № 993 от 14 сентября 1943 г. для осуществления «новой» церковной политики был создан особый правительственный орган – Совет по делам Русской православной церкви при Совете Народных Комиссаров, находящийся в Москве. Первым председателем Совета был назначен полковник госбезопасности Г. Г. Карпов [10, с. 121].

7 октября 1943 г. правительство СССР своим постановлением утвердило «Положение о Совете по делам Русской православной церкви при СНК СССР». Первый пункт Положения, определяющий главную задачу Совета, буквально повторял указание Сталина: «Совет по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР осуществляет связь между Правительством СССР и патриархом Московским и всея Руси по вопросам русской православной церкви, требующим разрешения Правительства СССР» [1, с. 93].

После организации союзного Совета по делам Русской церкви при СНК СССР возникла необходимость создания региональных Советов для

осуществления партийно-государственной церковной политики во всех республиках Советского Союза.

Новую церковную политику государства нужно было распространить по всей территории страны, особенно на территориях, освобожденных от нацистов. Для функционирования Совета в центре и на местах был образован институт уполномоченных и сформирована иерархическая система соподчинения и распределения функций Совета с его структурами, имевшая три уровня. Первый уровень – Совет при СНК СССР. Второй уровень – республиканский Уполномоченный (для БССР и УССР), третий – Уполномоченный по областям.

Процесс образования Совета по делам Русской православной церкви в БССР имел свою республиканскую специфику. Если во многих республиках и областях Советского Союза процесс организации советов начался в конце 1943 г., то в связи с немецкой оккупацией Совет по делам РПЦ при СНК БССР начал создаваться во второй половине 1944 г.

В письме председателя Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпова руководство Советской Белоруссии ставилось в известность о постановлении СНК СССР, касающемся создания аппарата уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при СНК БССР.

В нем говорилось: «Постановлением СНК СССР от 18 декабря 1943 г. за № 1392 и последующими решениями Государственной Штатной Комиссии при Совете Министров СССР были утверждены штаты и должностные оклады аппарата Уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Белорусской ССР и Уполномоченных Совета при Облисполкомах БССР.

Аппарат Уполномоченного Совета по БССР был установлен в составе Уполномоченного, его заместителя, секретаря и машинистки, а аппарат Уполномоченного Совета при каждом из Облисполкомов БССР – в составе 1 должности Уполномоченного» [11, с. 67].

Совет по делам Русской православной церкви при СНК в Белоруссии начал формироваться после постановления СНК БССР, который утвердил первого руководителя для этой новой для республики организации.

14 августа 1944 г. постановлением СНК БССР в должности Уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР по Белорусской ССР был утвержден А. Д. Лобанов. Что же касается назначения областных уполномоченных, то несмотря на ряд указаний со стороны руководства СНК БССР, областные исполнительные комитеты и обкомы Компартии назначение уполномоченных произвели с большим запозданием, однако к 1 июля 1945 г. уполномоченные имелись уже во всех областях республики [12, с. 1]. Следовательно, процесс формирования аппарата уполномоченных по делам Русской православной церкви в Советской Белоруссии продолжался с середины августа 1944 по июнь 1945 гг.

После освобождения территории Советской Белоруссии от нацистской оккупации православная церковь в административно-территориальном отношении представляла собой архиепископскую епархию с центром в Минске. В августе 1944 г. белорусскую кафедру возглавил архиепископ Василий (Ратмиров), который совмещал служение на Минской кафедре с управлением всей православной церковью Белорусси [13, с. 223–225].

Перед уполномоченными вновь образованного Совета по делам Русской церкви встала задача, предписанная в их должностных обязанностях.

В перечень задач белорусских уполномоченных входило:

• учет и регистрация действующих православных церквей, молитвенных домов и монастырей;

• регистрация религиозных обществ;

• учет недействующих культовых зданий православной церкви;

• рассмотрение ходатайств групп верующих об открытии церквей или молитвенных домов, подготовка, проверка и оформление документов, связанных с регистрацией религиозных общин [2, с. 35–36].

В задачи уполномоченных также входили:

• учет и регистрация приходов и духовенства;

• систематическое изучение положения и деятельности православной церкви в области, крае и республике [14, с. 9].

Однако при выполнении своих функций уполномоченные Совета в Белоруссии сталкивались со множеством проблем, с которыми они не могли справиться.

На проблемы, характерные для деятельности уполномоченных в БССР, обратил внимание председатель Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР Г. Г. Карпов.

В письме секретарю ЦК КП/б/Б Гусарову и председателю Совета Министров БССР Пономаренко от 2 августа 1947 г. Г. Г. Карпов отмечал, что плохое качество работы уполномоченных Совета при Облисполкомах БССР вызвано недостаточным вниманием к их бытовым нуждам со стороны областного руководства, которое в большинстве случаев не выполняло указания заместителя председателя СНК СССР В. М. Молотова. Эти указания были изложены в телеграмме от 29 марта 1945г. В них говорилось о необходимости приравнивания уполномоченных Совета по социальному быту к Заведующим Отделам Облисполкомов, о предоставлении им для работы отдельного помещения, о недопустимости направления их в длительные командировки, не связанные с их основной работой и т. д.

Однако, как выяснилось, во всех областях БССР, за исключением Брестской области, уполномоченные Совета не имели надлежаще оборудованных рабочих комнат и были размещены в общих комнатах с работниками отделов Облисполкомов или с уполномоченными Совета по делам религиозных культов (Минск, Могилев, Барановичи и др.), что противоречило указаниям СНК СССР.

Канцелярскими принадлежностями уполномоченные снабжались плохо, а транспортные средства в нужных случаях совершенно не предоставлялись.

Уполномоченные Совета ни в одной из областей БССР не получали продовольственных и промтоварных лимитов, и все обращения по этому вопросу Уполномоченного Совета по БССР со ссылкой на распоряжение В. М. Молотова о приравнивании уполномоченных по социальному быту к заведующим основными отделами оставались со стороны Облисполкома без удовлетворения [15, с. 186–188].

Кроме того, в республике существовали проблемы с финансированием сотрудников Совета.

По решению В. М. Молотова от 13 октября 1943 г. по заработной плате и «другим видам довольствия» должность уполномоченного приравнивалась к должностям начальника Управлений СНК республик и заведующего отделом обл(край)исполкомов. Финансирование должно было осуществляться из местного бюджета» [1, с. 103].

Этим решением В. М. Молотов поставил уполномоченных в сложную бюрократическую ситуацию на весь период существования Совета, так как должность уполномоченных финансировались из местного бюджета, назначались на должность они областными комитетами партии, а распоряжения, которые они должны были выполнять, исходили из Совета по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР.

Еще одной проблемой, связанной с трудностями исполнения своих функций областными Уполномоченными Совета в Белоруссии, было то, что облисполкомы и обкомы пытались использовать сотрудников Совета для контроля над всевозможными хозяйственными компаниями. Протесты Совета, указания заместителя СНК СССР В. М. Молотова, обращение председателя СНК БССР П. К. Пономаренко к областному руководству изменить сложившуюся ситуацию не смогли. Эта проблема подробно освещена в докладной записке Председателя Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР по БССР В.С. Менькова от 28 марта 1947 года.

В записке говорилось, что в течение 1946 г. и в первом квартале 1947 г. уполномоченные Совета по делам Русской православной церкви при областных исполнительных комитетах Белорусской ССР областными комитетами партии и областными исполкомами систематически посылались в длительные командировки по всевозможным проверкам и сельскохозяйственным компаниям. Как отмечал В. С. Меньков, указания В. М. Молотова и П. К. Пономаренко о запрещении направлять уполномоченных Совета в командировки, не связанные с их непосредственной работой, облисполкомами не выполнялись. Во всех областях БССР уполномоченных направляли в командировки на срок от 1 до 2-х месяцев. С мнениями и доводами уполномоченных руководители областных партийных и советских органов не считались.

Уполномоченный Совета по Гродненской области Макаренко в докладной от 14 сентября 1946 г. сообщал: «С 5 августа нахожусь в командировке в Лидском районе по хлебопоставкам, приезжаю в Гродно только на 2–3 дня посмотреть почту и переодеться, что касается отчета за 3 квартал, то, види-

мо, вышлю с большим опозданием. Абсолютно не имею времени заниматься своей непосредственной работой».

Тот же Макаренко в отчете за 4 квартал 1946 г. писал: «Считаю, что пора уже подумать об уполномоченных областей и дать им возможность нормально выполнять свою непосредственную работу, ибо до сих пор мы являемся уполномоченными обкома и облисполкома по всем хозяйственным и политическим кампаниям» [16, с. 331].

Уполномоченный Совета то делам Русской православной церкви при СМ СССР по Витебской области в квартальном отчете за 1946 год сообщал: «Я полагаю, что если радикально не изменить взгляд на Уполномоченного Совета, как на бездельника, которого можно использовать на любой случайной работе, не сломать того пренебрежительного отношения к нашему делу, которое проявляют даже ответственные работники областного масштаба, не говоря уже о районных руководителях, то получить положительные результаты от нашей работы будет трудно» [17, с. 244].

Следует отметить, что усилия Председателя Совета по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР Г. Г. Карпова, как и попытки других республиканских уполномоченных изменить сложившееся положение, в большинстве случаев оставались безрезультатными [18, с. 68–69; 19, с. 23–33].

Несмотря на имевшиеся серьезные трудности в организации работы Совета по делам Русской православной церкви в БССР в военные и первые послевоенные годы, достижением в его деятельности можно считать открытие в 1945 г. при Жировицком монастыре богословско-пастырских курсов, которые впоследствии были преобразованы в Минскую духовную семинарию [19, с. 47].

Республиканский и областные уполномоченные Совета по БССР часто оказывали конкретную помощь богословско-пастырским курсам по многим хозяйственным и организационным вопросам. Уполномоченные занимались такими вопросами, как выделение транспорта, дров, продовольственного обеспечения, строительных материалов для ремонта церковных зданий и других помещений, необходимых для полноценного функционирования этого учебного заведения [20, с. 96, 108; 21, с. 45].

Начиная со второй половины 1944 г. уполномоченные Совета по делам Русской православной церкви при СНК БССР провели большую работу по выявлению действующих церквей и молитвенных домов и взятию их на государственный учет; оформлению регистрации религиозных общин и передаче им церковных зданий по типовым договорам, а также регистрацию духовенства и органов церковного управления. В результате этой работы на 1 июля 1945 г. было выявлено и взято на учет 705 действующих церквей и молитвенных домов, а на 1 апреля 1947 г. – 906 [22, с. 137].

Образованный в период Великой Отечественной войны Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР был не только одним из инструментов организации идейного отпора врагу, но, вместе с тем, организация и деятельность Совета была рассчитана на долгосрочную перспективу

строительства стабильных государственно-церковных отношений. Поэтому процесс формирования Совета по делам Русской православной церкви при СНК БССР начался непосредственно после освобождения оккупированных территорий Советской Белоруссии, что свидетельствует о политическом значении этой структуры для нормализации церковной жизни республики. Несмотря на все трудности и проблемы с которыми сталкивались уполномоченные Совета в Белоруссии в военные и первые послевоенные годы, процесс формирования новых государственно-церковных отношений приобрел практические формы.

После образования Совета по делам Русской православной церкви при СНК БССР православная церковь не стала свободной от политического контроля со стороны государственных и партийных органов. Однако с этого времени православная церковь в БССР получила реальную возможность для решения своих организационных, материальных и правовых проблем при содействии органов государственной власти.

Список использованных источников

1. *Чумаченко, Т. А.* Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР, 1943–1965 гг.: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Т. А. Чумаченко. – М., 2011. – 535 л.

2. *Чумаченко, Т. А.* Государство, православная церковь, верующие, 1941–1961 гг. / Т. А. Чумаченко. – М.: Ассоц. исслед. рос. о-ва XX в., 1999. – 241 с.

3. *Шин, Д. Х.* Деятельность совета по делам русской Православной Церкви при Совете Министров СССР в первое десятилетие его существования, 1943–1953 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Д. Х. Шин. – М., 2002.

4. *Онищенко, А. Б.* Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК (СМ) СССР. Первые годы существования [Электронный ресурс] / А. Б. Онищенко. – URL: http://www.bogoslov.ru/text/1415465.thml. – Дата доступа: 07.02.2018.

5. *Гераськин, Ю. В.* Возникновение и становление института уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР / Ю. В. Гераськин // Известия Алтайского государственного университета. Серия История Политология. – 2008. – № 4/4. – С. 45–51.

6. *Нихамкина, Н. В.* Институт уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР по Белорусской ССР / Н. В. Нихамкина // Беларускі археаграфічны штогоднік / Дэпартамент па арх. і справаводству М-ва юстыцыі Рэсп. Беларусь, Археагр. каміс., Беларус. навук.-даслед. ін-т дакументазнаўства і арх. справы. – Мінск, 2004. – Вып. 5. – С. 213–217.

7. *Василицин, А. Г.* Становление и деятельность институту уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР в Белорусской ССР в 1944–1948 гг. / А. Г. Василицин // Известия Гомельского государственнного университета имени Ф. Скорины. – 2014. – № 4 (85). – С. 17–21.

8. *Кулажанка, У. К.* Дакументы ўпаўнаважаных Савета па справах Рускай праваслаўнай царквы пры Савеце Міністраў СССР як крыніца па гісторыі Праваслаўнай царквы ў Беларусі, 1944–1965 гг. / У. Г. Кулажанка // Беларускі археаграфічны штогоднік / Дэпартамент па арх. і справаводству М-ва юстыцыі Рэсп. Беларусь, Археагр. каміс., Беларус. навук.-даслед. ін-т дакументазнаўства і арх. справы. – Мінск, 2009. – Вып. 10. – С. 31–44.

9. *Мандрик, С. В.* Характеристика деятельности государственных органов БССР по осуществлению политики в отношении русской православной церкви (1944–1957 гг.) / С. В. Мандрик, А. О. Горанский // Христианство в Беларуси: история и современность:

сб. науч. ст. / НАН Беларуси, Ин-т истории; редкол.: А. А. Коваленя (пред.) [и др.]. – Минск, 2014. – С. 196–202.

10. *Цыпин, В.* История Русской православной церкви, 1917–1990: учебник / протоиер. В. Цыпин. – М.: Моск. Патриархия: Хроника, 1994. – 253 с.

11. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4п. – Оп. 29. – Д. 592.

12. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 2.

13. Канфесіі на Беларусі: канец XVIII–XX ст. / В. В. Грыгор'ева [і інш.]; навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 337 с.

14. Литовский центральный государственный архив. – Фонд R-238. – Оп. 2. – Д. 1.

15. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 11.

16. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 29. – Д. 590.

17. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 5.

18. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 29. – Д. 592.

19. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 1. – Д. 1.

20. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 1. – Д. 2.

21. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 1. – Д. 9.

22. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 62. – Д. 217.

(Дата подачи: 19.02.2018 г.).

В. В. Табунов
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, Могилев
V. Tabunov
Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev

УДК 94(476):2

ПОЗИЦИЯ ЕПИСКОПАТА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ О РЕФОРМИРОВАНИИ ИНСТИТУТА ЕПАРХИАЛЬНЫХ СЪЕЗДОВ В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

THE POSITION OF THE EPISCOPASY IN THE BELARUSIAN LANDS ABOUT THE REFORMING OF THE INSTITUTE OF EPARCHIAL CONGRESS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

В статье анализируется позиция православного духовенства белорусских земель по одному из актуальнейших вопросов жизнедеятельности православной церкви начала XX столетия – преобразовании епархиальных съездов как одного из основополагающих звеньев в системе функционирования «первенствующей и господствующей» конфессии. Несмотря на незначительные отличия в решении данного вопроса, представители клира были едины в одном – неотложном преобразовании епархиальных съездов с тем, чтобы они стали действенным механизмом при выработке решений по вопросам церковной жизни на местах. Власти Российской империи, во многом под влиянием социальных потрясений 1905–1907 гг., пошли навстречу требованиям православного духовенства, декларировав свое намерение пересмотреть вопрос о изменении системы проведения епархиальных съездов. Однако спад социальной напряженности и нежелание правящих кругов

страны менять сложившиеся отношения с православной церковью в конечном итоге обусловили отложение решения вопроса о его реформировании.

Ключевые слова: Беларусь; православная церковь; духовенство; епископ; Святейший синод; обер-прокурор; реформирование епархиальных съездов.

The article analyzes the position of the Orthodox clergy of the Belarusian lands on one of the most vital issues in the life of the Orthodox Church of the early XXth century – the transformation of eparchial congresses as one of the fundamental links in the system of functioning of the "primacy and dominant" confession. Despite insignificant differences in the solution on this issue, the clergy representatives were united in one – urgent transformation of the eparchial congresses so that they became an effective mechanism at working out solutions on matters of church life at the local level. The authorities of the Russian Empire, in many respects influenced by the social shocks of 1905-1907, met the requirements of the Orthodox clergy, declaring their intention to reconsider the question of changing the system of conducting eparchial congresses. However, decline in social tension and unwillingness of the ruling circles of the country to change their relations with the Orthodox Church finally led to adjournment of the solution on the issue of its reforming.

Key words: Belarus; the Orthodox Church; the clergy; the bishop; the Holy Synod; the chief prosecutor; the reform of the eparchial congress.

Актуальность данной статьи обусловлена тем, что белорусские земли как в конце XIX – начале XX веков, так и на современном этапе развития отличались и отличаются поликонфессиональностью. При этом ведущую роль в религиозной жизни Беларуси играло и продолжает играть православие. Изучение же положения и тем более попытки реформирования института православной церкви на белорусских землях в конце XIX – начале XX столетий позволяет систематизировать и расширить знания по истории основной христианской конфессии в нашей стране, а также правильно осмыслить сущность религиозных процессов современности.

Проблема реформирования института православной церкви в начале XX века нашла отражение в коллективной работе отечественных ученых В. В. Яновской (Григорьевой), В. В. Завальнюка, В. И. Новицкого, Е. Н. Филатовой [1] и Н. М. Кожич [2].

Изучению положения православной церкви в российском государстве начала XX века посвящены монографии историков С. Л. Фирсова [3], В. А. Федорова [4], Д. В. Поспеловского [5–6], а также работа английского исследователя Д. В. Канингема [7]. Приводимые авторами данные свидетельствуют о наличии вопросов, требовавших неотложного решения в жизни православной церкви – проведения реформ в области подготовки будущих пастырей, наделения прихода статусом юридического лица и других.

На рубеже XIX–XX вв. население белорусских земель являлось поликонфессиональным. Доминирующим вероисповеданием в данный период было православие. По данным переписи 1897 г. на территории Беларуси проживало 5 120 667 православных [8, с. 252].

Отличительной чертой законодательства Российской империи являлось то, что оно обеспечивало не свободу веры, а только веротерпимость. За-

кон разрешал исповедовать все религии, кроме «изуверческих» (скопцы, хлысты, духоборы, молокане), но при условии, что они «благословляют царствование Российских монархов» [9, с. 9–10]. В соответствии с законодательством Российской империи на все «места и лиц, имеющих начальство по части гражданской или военной», возлагалась обязанность предупреждать и пресекать всеми «зависящими от них средствами» различные действия, «клонящиеся к нарушению должного уважения к вере». Администрации на местах также вменялось в обязанность оказывать «нужную защиту и пособие» всем «свободно исповедуемым в империи религиям», а полиции – охранять «свободы иноверных, признанных правительством, исповеданий» [10, с. 50].

Официально провозглашенное равенство всех религий в империи на деле существовало лишь формально. Все конфессии, действующие в стране, делились на три группы: 1) государственная религия (православие); 2) покровительствуемые вероисповедания (католицизм, лютеранство, кальвинизм, ислам, иудаизм); 3) нетерпимые религиозные организации (духоборы, скопцы, хлысты, молокане и другие секты).

Правовое пространство в области религиозного законодательства определялось особым положением православной церкви. Статья 40 Основных законов гласила, что «первенствующая и господствующая в Российской империи вера есть христианская православная кафолическая восточного исповедания» [9, с. 9].

В конце XIX – начале XX века государство продолжало сохранять надежду на то, что церковь останется опорой существовавшего политического строя. Чиновники полагали, что интересы церкви и государства совпадали. Но многие церковные деятели видели, что они различны [11, с. 45]. Православное духовенство в своей большей части пришло к выводу о том, что положение церкви, опекаемой светской властью, является неканоничным

Противоречивость политики российского правительства в отношении к православной церкви во время обер-прокурорства К. П. Победоносцева заключалась в том, что она, с одной стороны, пыталась активизировать ее деятельность, а с другой, – усиленный контроль за этой деятельностью практически лишал церковь самостоятельности. Поэтому в конце XIX – начале XX века в среде православного духовенства был поставлен вопрос о необходимости предоставления церкви реальной самостоятельности. При этом главное средство оживления церковного института виделось в восстановлении принципа соборности. Как в церковной, так и в светской печати постоянно обращалось внимание на необходимость освобождения церкви от государственной опеки. Поднимались вопросы о проведении реформ, которые должны были поднять авторитет церкви, улучшить нравственный и материальный уровень духовенства.

Предложения о преобразовании православной церкви нашли отклик в среде православного духовенства как белорусских, так и внутрироссий-

ских земель. Они имели как общие черты, обусловленные социально-экономическими процессами российского общества рубежа XIX–XX вв., так и некоторые особенности, связанные со спецификой развития белорусской культуры, динамикой межконфессиональных отношений. Это проявилось в том, что православное духовенство в западных епархиях придерживалось в основном более умеренных взглядов относительно церковных реформ. Но, несмотря на это, православное духовенство объединяло стремление преобразовать церковь таким образом, чтобы она вновь стала эффективно воздействовать на сознание верующих [12, с. 5, 9].

Таким образом, в начале XX века большая часть православного духовенства осознавала необходимость реформирования церковного института. Такого рода намерения получили официальную поддержку на правительственном уровне.

Указом от 12 декабря 1904 г. правительство пообещало ввести закон о веротерпимости. Однако при этом не был учтен факт тесной взаимосвязи православной церкви и государственных структур. Данное обстоятельство вызвало обеспокоенность Петербургского митрополита Антония (Вадковского), выдвинувшего требование перед Комитетом министров о предоставлении церкви «большей свободы в управлении ее внутренними делами, где бы она могла руководствоваться церковными канонами и нравственно-религиозными потребностями своих членов» [12, с. 28]. Он также просил разрешения на созыв совещания духовенства и мирян для разработки системы автономного существования церкви и ее освобождения от «прямой государственной миссии» [12, с. 30–31]. На основании записки митрополита председателем Комитета министров С. Ю. Витте было созвано совещание по церковным вопросам, после которого появилась его записка, осуждавшая синодально-обер-прокурорскую систему и требовавшая созыва поместного собора из духовенства и мирян для обновления церковного организма. Обер-прокурор К. П. Победоносцев потребовал перевода церковного вопроса из Комитета министров в Синод. Возлагая надежду на консерватизм провинциальных архиереев, он от имени Синода рекомендовал Николаю II разослать всем епископам опросник о состоянии и необходимости преобразований православной церкви. Но его расчеты не оправдались. Большинство епископов, в том числе и те, кто возглавлял епархии, расположенные на белорусских землях (Полоцкая, Могилевская, Минская, Литовская и Гродненская), выступали за реформирование института православной церкви.

Так, они поддержали идею о реорганизации института епархиальных съездов, происходивших на основании семинарского устава 1867 г. Главная их задача заключалась в «попечении о материальных нуждах духовно-учебных заведений епархии». Также в круг их деятельности входили и другие вопросы: о материальном быте духовенства, нуждах приходов, церквей и другие.

За оставление в компетенции епархиальных съездов широкого круга вопросов ратовал епископ Минский Михаил, полагая, что только их депутаты являются «единственными выразителями действительного положения вещей» и советчиками нахождения «наилучших способов достижения желанных результатов применительно к местным условиям каждого прихода». Все постановления съездов подлежали утверждению со стороны епископа. В придании епархиальному съезду значения вспомогательного при епископе органа «по церковному управлению» и общению с паствой он видел полезный шаг. Для избежания принятия ошибочных решений на съездах поощрялось участие в них членов консистории, «компетентных в действующих церковных законах и постановлениях» [13, с. 81–83].

Епископ Могилевский Стефан счел возможным оставить за епархиальными съездами только чисто экономические функции. Принимая во внимание предполагающуюся коренную реформу всего церковного строя, он считал, что таковые вообще не могут быть признаны «подходящей нормой для соборного епархиального управления». Их место, по его мнению, должны были занять епархиальные соборы [13, с. 131].

Полезность епархиальных съездов признавал епископ Полоцкий Серафим. Вместе с тем он считал необходимым устранить ряд имевшихся недостатков, каковыми, на его взгляд, обладали епархиальные съезды: «незначительность круга их самостоятельности, ограниченность круга предметов их ведения и пределов деятельности и односторонность направления». Для улучшения положения следовало предпринять следующие действия: съезды должны были приобрести «характер постоянного совещательного начала в церковной жизни», для чего они должны собираться хотя бы раз в год, а в особых случаях – чаще, в виде экстренных съездов. Обязательное участие в них принимали по два депутата-священника от каждого благочиния «по предварительному уполномочию» такового. Функции председателя на съезде выполнял епископ, присутствующим на нем предоставлялось право «свободно, без опасений» высказывать свои взгляды по тому или иному вопросу. При принятии постановлений решающее слово принадлежало епископу. Съезды представляли собой совещательный орган при епископе, помогающий ему «получше узнать чаяния паствы», проводить в жизнь его распоряжения и так далее. В ведение епархиальных съездов передавался широкий круг вопросов, касающихся духовно-учебных заведений, епархиального управления, церковного хозяйства, духовного образования священников, церковной миссии, религиозно-нравственного состояния народа. Они же разбирали и жалобы на неправильные действия органов церковной администрации, неудовлетворительное состояние религиозно-образовательных учреждений. Все вопросы, за исключением баллотировки кадров, подлежали открытому обсуждении. В голосовании всем участникам при-

надлежало одинаковое право. В нем не принимал участия только епископ, высказывавший свою точку зрения на вопрос перед началом голосования. Весь ход заседания съездов подлежал тщательному стенографированию [13, с. 206–209].

Епископ Литовский Никандр предлагал епархиальным съездам «присвоить значение вспомогательного органа при епископе» как по экономическим, так и по религиозно-нравственным вопросам, что способствовало бы, согласно его точке зрения, более широкому осведомлению епископа о состоянии дел в епархии, а участие в них представителей от мирян, «при восстановлении в церкви соборного начала», способствовало бы росту их значения и послужило «существенным фактором обновления церковной жизни» [14, с. 336].

Таким образом, активизация религиозной жизни в Российской империи и на белорусских землях в начале XX столетия поставила на повестку дня вопрос о реформировании института православной церкви. Одной из главных составляющих данного вопроса являлась проблема реорганизации епархиальных съездов. Православное духовенство белорусских земель выступало за неотложное решение данной проблемы, предлагая комплекс мер, которые, по его мнению, должны были в конечном итоге способствовать укреплению позиций «первенствующей и господствующей» конфессии. Однако власти, заинтересованные в сохранении сложившегося статус-кво во взаимоотношениях с православной церковью, не посчитали необходимым изменять их. В результате предложения об изменении института епархиальных съездов остались невостребованными.

Список использованных источников

1. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.) / навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск: ВП «Экаперспектыва», 1998. – 340 с.

2. *Кожич, Н. М.* Православие в Беларуси конца XIX – начала XX вв.: идейные установки и формы деятельности: автореф. дис… канд. философ. наук: 09.00.03 / Н. М. Кожич; Гос. науч. учреждение «Ин-т философии Нац. акад. наук Беларуси». – Минск, 2007. – 20 с.

3. *Фирсов, С. Л.* Православная церковь накануне перемен (1890-е – 1918 г.) / С. Л. Фирсов. – М.: Культур. Центр «Духов. Б-ка», 2002. – 623 с.

4. *Федоров, В. А*. Русская православная церковь и государство: синодальный период. 1700–1917 гг. / В. А. Федоров. – М.: Русская панорама, 2003. – 480 с.

5. *Поспеловский, Д. В*. Русская православная церковь в XX веке / Д. В. Поспеловский. – М.: Республика, 1995. – 511 с.

6. *Поспеловский, Д. В*. Церковь в истории Руси, России и СССР / Д. В. Поспеловский. – М.: Библ.-богосл. Ин-т св. апостола Андрея, 1996. – 408 с.

7. *Канингем, Д. В*. С надеждой на собор. Русское религиозное пробуждение начала XX века / Д. В. Канингем; пер. с англ. Прот. Георгия Сидоренко. – London: Overseas publ. Interchange, 1990. – 353 с.

8. Общий свод по империи результатов данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб.: Паровая Тип.-Лит. Н.Л. Ныркина, 1905. – Т. 1. – 268 с.

9. Свод Законов Российской империи: в 13 т. – СПб.: Издание Кодификационного отдела при Государственном Совете, 1892 г. – Т. 1, ч. 1: Основные государственные законы. – С. 1–73.

10. *Клочков, В. В.* Закон и религия: от государственной религии в России к свободе совести в СССР / В. В. Клочков. – М.: Политиздат, 1982. – 160 с.

11. *Канингем, Д. В.* С надеждой на собор. Русское религиозное пробуждение начала XX века / Д. В. Канингем; пер. с англ. прот. Георгия Сидоренко. – London: Overseas publ. interchange, 1990. – 353 с.

12. Историческая переписка о судьбах православной церкви. – М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1912. – 64 с.

13. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: материалы по истории церкви. Кн. 33: в 2 ч. – М.: Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2004. – Ч. 1 / ист. введ. А. Ю. Полунова, И. В. Соловьева. – 1031 с.

14. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе материалы по истории церкви. Кн. 33: в 2 ч. – М.: Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2004. – Ч. 2. –1056 с.

(Дата подачи: 15.01.2018 г.)

Д. И. Теслюкевич
Республиканский институт высшей школы, Минск
D. Tesluykevich
National Institute of Higher Education, Minsk

УДК 94(476)

РОЛЬ БЕЛОРУССКИХ ПОСЛОВ ПОЛЬСКОГО СЕЙМА В ОСВЕЩЕНИИ ПРОБЛЕМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В 1922–1926 ГГ.

ROLE OF THE BELARUSIAN AMBASSADORS OF THE POLISH SEIM IN COVERING THE PROBLEMS OF THE NATIONAL SCHOOL IN 1922–1926.

В статье рассматривается деятельность белорусских депутатов по вопросам образования и развития белорусской школы в 1922–1926 гг. Описываются обращения депутатов в вышестоящие органы власти по вопросам функционирования белорусских школ.

Ключевые слова: закон; образование; школа; депутат; Западная Беларусь; Польша.

The article examines the activities of the Belarusian deputies on the issues of education and development of the Belarusian school in 1922–1626. It describes different deputies' appeals to the higher authorities on the functioning of the Belarusian schools.

Key words: law; education; school; deputy; Western Belarus; Poland.

18 марта 1921 года в Риге без официального участия представителей белорусской стороны был подписан Рижский мирный договор между РСФСР и Украиной с одной стороны, и Польшей – с другой. В результате подписания

Рижского мирного договора практически половина этнической территории Беларуси вместе с белорусским населением вошла в состав Польши. В составе Польши оказались следующие территории: Гродненская губерния, Новогрудский уезд, Пинский уезд, части Слуцкого, Мозырского, Минского уездов. Помимо вышеназванных земель, в состав Польши вошли: Ошмянский, Лидский, Виленский, Дисненский уезды. Все эти территории получили неофициальное название «Западная Беларусь», несмотря на то, что в официальных документах постоянно употреблялся термин «восточные окраины» («kresy wschodnie»). Фактически на территории «восточных окраин» проживало более 3 миллионов человек с 70%-ным белорусским населением [1].

Подписанный Рижский договор не отвечал интересам белорусов, хотя в нем содержались закрепленные юридические нормы, которые предоставляли местному населению определенные права для ведения и развития национально-культурной жизни, в том числе и развития национальной школы. Так, статья VII Рижского договора гласила следующее: «Польша предоставляет лицам русской, украинской и белорусской национальности, находящимися в Польше, на основе равноправия национальностей все права, обеспечивающие свободное развитие культуры, языка и выполнения религиозных обрядов. Взаимно Россия и Украина обеспечивают лицам польской национальности, находящимися в России, Украине и Белоруссии, все те же права. Лица русской, украинской и белорусской национальности в Польше имеют право, в пределах внутреннего законодательства, культивировать свой родной язык, организовывать и поддерживать свои школы, развивать свою культуру и образовывать с этой целью общества и союзы. Этими же правами, в пределах внутреннего законодательства, будут пользоваться лица польской национальности, находящиеся в России, Украине, Белоруссии». Но на практике деятельность польских властей на территории Западной Беларуси были совсем другими. Проводилась последовательная политика по наступлению на национальную школу. Зачастую нормы Рижского мирного договора, Конституции Польши, регламентирующие права национальных меньшинств, в том числе и белорусов, не соблюдались.

В предшествующий непростой период, завязанный с событиями Первой мировой войны, белорусскоязычное образование достигло определенного успеха. Белорусские учебные заведения активно открывались в 1915–1918 годах стараниями белорусских общественных активистов, причем как в зоне немецкой оккупации, так и по другую сторону линии фронта. Так, например, можно указать на работу белорусского детского приюта в Ратомке [4, с. 75–76]. С 1919 года количество белорусских школ в регионе с 359 уменьшилось до 37 в 1924 году. Количество гимназий с 5 уменьшилось до 4 «с ограниченными правами» [1].

Естественно, все эти негативные явления не могли не вызывать вопросов как у местных жителей, так и у представителей белорусов в сейме Польской Республики.

В 1922 году, 5 ноября, в сейм Польши прошли выборы, после которых в нем сформировалась национальная депутатская фракция, больше известная в отечественной историографии как Белорусский посольский клуб (БПК). Первоначально в БПК вошли следующие 11 послов: А. Овсяник, П. Метла, Б. Тарашкевич, Ф. Яремич, С. Баран, У. Калиновский, С. Яковюк, С. Рак-Михайловский, А. Станкевич, М. Коханович, В. Рогуля. Все эти послы были избраны от Западной Беларуси. Белорусский посольский клуб просуществовал с 1922 по 1928 гг. и с 1928 по 1930 гг. [1, с. 200]. Основной задачей БПК в сейме была защита и отстаивание социальных, культурных, экономических и национальных прав белорусского народа. Зачастую послы БПК выступали против проводимой государственной политики в отношении населения Западной Беларуси. Именно БПК являлся тем каналом информации, который мог донести эту информацию и проблемах белорусов в высшие органы власти непосредственно. Среди всех вопросов, которыми занимались представители Белорусского посольского клуба, вопросы, касающиеся образования и национальной школы стояли остро на протяжении всего времени существования БПК. Послы клуба регулярно составляли обращения в вышестоящие организации, министерства, в том числе обращения, касающиеся министерства по делам религий и образования. Стоит сказать, что обращения послов БПК всегда сопровождались фактами нарушений законодательства в области образования и приводились конкретные примеры нарушений. Одним из примеров служит обращение депутатов белорусского посольского клуба к министру по делам религий и образования о белорусской школе в м. Скидель Гродненского повета и финансовых санкциях, наложенных на белорусское население за отказ посылать детей в польские школы от 17 июля 1924 года: «…Грашовыя кары, якія накладаюцца на беларускае насельніцтва за тое, што не пасылае дзяцей у польскія школы, даходзяць часам да 25 злотых на аднаго бацьку. Калі мець на ўвазе, што беларускае сялянства вельмі абцяжана іншымі падаткамі, дык сума тая будзе вельмі высокай…». Кроме угрозы финансового наказания, в этом же обращении послы клуба приводят и другие факты сложного положения национальной школы: «Да прыкладу прыводзім такі факт: у пачатку 1923 году жыхары м. Скідзель Горадзенскага павету падалі праз пасла С. Барана школьнаму інспектару просьбу аб адчыненьні ў м. Скідэль беларускай пачатковай школ. Аднак беларуская школа ня была адчынена. Замест беларускае школы, якой дамагалася тутэйшае насельніцтва, пакінулі школу польскую, у якую зганялі белаурскіх дзяцей пры дапамозе грашовых кар» [1, с. 61]. Как правило, в конце каждого обращения послы БПК, на основании изложенных в обращениях фактах, формулировали вопросы, обращенные непосредственно министру: «…Дзеля вышэй апісанага інтэрпэлянты пытаюцца ў пана міністра:

1. Ці ён мае намер спыніць ужыванне грашовых кар для беларусаў, якія не пасылаюць сваіх дзяцей у польскія школы?

2. Ці ён мае намер адчыніць у м. Скідэль, паводле жадання тутэйшага насельніцтва, беларускую пачатковую школу?

3. Ці ён мае намер загадаць падпарадкаваным яму органам не накладаць грашовых кар на тых бацькоў, дзеці якіх ходзяць у беларускую школу?

4. Ці ён мае намер дзеля гэтага зьняць усе грашовыя кары, накладзеныя на жыхароў м. Скідэль і Скідэльскае гміны за тое, што не пасылаюць дзяцей у польскую школу? Інтэрпэлянты»[1, с. 62].

Интересным документом, речь в котором ведется в том числе и об образовании, является интервью представителей Белорусского и Украинского посольских клубов корреспонденту Российского телеграфного агентства о положении населения Западной Беларуси и Западной Украины. «Председатель белорусского клуба Рогуля заявил: …польские руководящие политики поставили себе за задание покончить с белорусами. Законы о языке в школе созданы специально на вывоз за границу… Как пример, закон в школах входит в силу с первого декабря, между тем в польском бюджете нет никаких ассигновок на белорусские школы. Чтобы открыть белорусскую школу, необходимо собрать подписи населения, которые должны быть заверены. Власти обыкновенно этих подписей не заверяют, требуют с каждой подписи два злотых, что совершенно непосильно белорусскому крестьянину» [3, с. 114–116]. Зачастую эти списки использовались польскими властями для того, чтобы вычислить наиболее активный «белорусский элемент».

Серьезную обеспокоенность послов Белорусского посольского клуба вызвали законы о языках, которые были утверждены Польским сеймом 31 июля 1924 года. Одним из них стал Закон об организации народного образования, согласно которому на всей территории Польши была введена единая система школьного образования, т. е. для всего государства. Но в гминах, где проживали национальные меньшинства (белорусы, украинцы, литовцы) в числе не менее 25 % от всего населения, образовательный процесс разрешалось вести на языке меньшинства, но с некоторыми условиями, которые было необходимо выполнить. Для открытия школы с белорусским, украинским или литовскими языками обучения необходимо было собрать подписи родителей не менее 40 детей [1, с. 203]. Но в том же законе шла речь и о другой его норме. Если собраны подписи родителей не менее чем 40 детей для открытия белорусской школы, но в то же время находились 20 родителей, которые желали, чтобы их дети обучались на польском языке, то школа объявлялась властями двуязычной. Это обозначало, что образовательный процесс велся на двух языках: языке меньшинства (белорусский, украинский, литовский) и польском. В учреждениях образования, где учебный процесс шел на польском языке, необходимое количество было и вовсе увеличено до 150 обращений родителей [2, с. 22–23]. Понятно, что в таких жестких условиях существовать и развиваться национальной школе стало еще сложнее. Одним из доказательств этому является обращение депутатов Белорусского посольского клуба к председателю совета министров Польской Республики от 4 декабря 1924 года, в котором содержатся новые факты давления на белорусскоязычные школы и учителей. В обращении послы приводят председателю совета министров факты

закрытия белорусских начальных школ перед началом 1924/1925 учебного года. Школьный инспектор Свентянского повета закрыл две существовавшие белорусские школы в деревнях Елажичи и Ковали. Причиной закрытия школы в Елажичах стало якобы отсутствие удовлетворительного уровня знаний польского языка у учителя [1, с. 66–67]. В деревне Ковали причиной закрытия стали действия школьного инспектора: «Беларуская школа ў вёсцы Кавалі была перайначана ў польску такім спосабам, што таленавітых і здольных беларускіх настаўнікаў – п. Сіняка і яго жонку – п. школьны іспектар перанес у школу польска-літоўскую, а на іх месца выпісаў з Галіччыны двух польскіх настаўнікаў, якія зусім не ведаюць роднае мовы дзяцей, якіх мусяць вучыць» [1, с. 66]. Подобным образом, переводя белорусских учителей в польские или двуязычные школы, местные власти закрыли не одну белорусскую школу, или, если закрыть ее не удавалось, то переводили в разряд двуязычных. Послы Белорусского посольского клуба в декабре 1924 года приводят следующую статистику: «…Урадам зьліквідаваны апошнія 27 беларускіх пачатковых школ, інсаваўшых у мінулым годзе. Калі ў сувязі з гэтым усвядомім сябе, што за ўвесь час існавання польскае ўлады зьліквідавана да 400 беларускіх народных школ, дык добра зразумеем, якімі зьяўляюцца адносіны польскага ўраду да беларусаў Польшчы» [1, с. 66].

После принятия Закона о языках и Закона об организации народного образования в 1924 году, положение белорусских школ стало регламентироваться законодательно более четко, население получило необходимый механизм и алгоритм для открытия белорусской школы. Но местные власти в Западной Беларуси на местах постоянно создавали искусственные преграды для развития национальных школ. Зачастую им в этом помогали сами учителя польской национальности, которых присылали с территории центральной Польши для ведения педагогической деятельности. Так, в обращении местных жителей д. Белявичи Косовского повета к депутатам Белорусского посольского клуба содержится жалоба на запрет открытия белорусской школы. Жителями было собрано необходимое количество заявлений, подготовлены все необходимые документы. Но в ситуацию вмешалась учитель польской школы: «Прыйшла вясна, а з ёю і работа для сялянскіх дзяцей. Навучыцелька наше польскае школы надумалася скорыстаць с гэтага наступнае. Склікала бацькоў склаўшых дэклярацыі на беларускую ўрадаваю школу і заявіла ім гэтакую прапанову. Калі падпішацяся за польскую школу, дык дзяцей вышых звольню ад школьных заняткаў на вашы гаспадарскія патрэбы, а калі не – дык буду за кожны дзень нязьяўлення ў школу надаваць штравы, і будзеце плаціць за кожны дзень па 5 злотых» [1, с 116–117]. Как видно, при исполнении всех норм законодательства со стороны белорусского населения польские власти на местах использовали любые способы, чтобы сорвать попытки крестьян открыть белорусскую школу, при этом используя различные методы давления и манипулирования на местное население.

В деятельности депутатов посольского клуба встречались обращения, в которых содержались факты не просто неисполнения законодательства в сфере

образования, но и факты преследования учащихся белорусских учебных заведений, давления на них и запугивания. В обращении послов Клуба Белорусской Крестьянско-Рабочей Громады от 8 февраля 1926 года к министру по делам религий и образования, министру внутренних дел в деле пыток политической полицией ученика белоруской гимназии в Вильне Ульяна Саковича для получения фальшивых показаний содержались факты о политических мотивах задержания учащегося 7 класса гимназии. Так, в обращении приведено письмо самого ученика, в котором он описывает давление со стороны полиции, пытки: «…агенты палітычнай паліцыі налюдзкім спосабам зьдзекаваліся нада мною ў памяшканьні экспозытуры пры палітычный паліцыі ў Вільні на Завальнай вул. Білі мяне па твары, потым знялі гамашы і гумовымі прутамі білі ў пяты». Также в письме арестованного содержатся данные о предложении полиции свидетельствовать против руководства учебного заведения: «Пасьля арыштаваньня мяне, відаць, на падставе якіхсці провокацыйных абвінавачваньняў, жадаючы змусіць мяне да фальшывых паказанняў проці маіх начальнікаў…» [2, с. 356]. При этом такие ситуации в обращениях к высшим властям депутаты описывали не один раз. В том же обращении депутаты клуба описывали случай, в котором политическая полиция в ходе допросов нанесла тяжелые увечья одному из учащихся все той же белорусской гимназии в Вильно: «Падкрэсліваем, шіто гэта паўтараецца ня першы раз. У мінулым годзе аднаму з вучняў гэтае гімназіі нейкаму Янэлю ў гэтай самой палітычнай паліцыі ў Вільні пры допыце прабілі бубенну балонку, што было сьцверджана доктарам, і бяскарна прайшло вінавайцам…» [2, с. 356]. Объяснить такое внимание к учащимся и руководству Виленской белорусской гимназии можно тем, что, фактически, она ставила своей целью сохранение белорусской национальной идеи, воспитание учащихся в духе патриотизма, сохранение белорусской культуры и языка на протяжении всего своего периода существования с 1919 по 1944 гг.

Помимо обращений в сейм Польши с конкретными фактами нарушения законодательства в области образования, депутаты Белорусского посольского клуба выступали и с конструктивными предложениями по развитию национального белорусского образования. В частности, подымался вопрос о подготовке учительских кадров для белорусских школ. В обращении посла БПК Рак-Михайловского к правительству и профильному министерству звучал призыв к открытию учительской семинарии в городе Молодечно: «Бяручы пад увагу арт. 109, 110, і 111 Канстытуцыі 17 сакавіка 1921 г., на падставе якіх беларускай людзнасці прыслугоўвае парва адчыненьня пачатковых школ у роднай мове з бясплатным навучаньнем, патрэбна зараз-жа адчыніць хоць бы адну беларускую настаўніцкую семінарыю, у якой-бы беларуская моладзь магла кваліфікавацца на настаўнікаў беларускіх пачатковых школ» [2, с. 31]. Помимо обоснования необходимости открытия семинарии с точки зрения законодательства, Рак-Михайловский приводит еще одну вескую причину, по которой учебное заведение необходимо открыть: «…беларусаў, якіх налічваецца на т. зв. «Усходніх крэсах» больш за 2 мільёны…» [2, с 31]. Очевидно, что для

такого количества белорусского населения было большой необходимостью открытие учебного заведения для подготовки белорусских учителей.

Если проанализировать деятельность депутатов БПК в 1922–1926 гг. в вопросах, касающихся национального образования, можно выделить ряд закономерностей:

1. В период с 1922 по 1926 гг. депутаты Белорусского посольского клуба направили в вышестоящие органы власти 56 обращений, в которых были изложены всевозможные факты нарушения законодательства в области образования, дискриминации белорусской школы, политического, экономического и других видов давления с целью не допустить развития национальной белорусской школы.

2. Если проследить динамику обращений депутатов БПК, то на протяжении 1922–1926 гг. можно увидеть рост количества обращений, что, несомненно, говорит об ухудшении положения национальной школы на территории Западной Беларуси. Так, в 1922 году зафиксировано 1 обращение, в 1923 году – 2 обращения депутатов БПК, в 1924 году – 11 обращений, в 1925–1926 гг. – 42 обращения депутатов по вопросам национального образования. Свою роль в росте проблем и обращений сыграли законы в области образования, принятые в 1924-1925 гг., а также их исполнение в отношении белорусской школы.

3. Подавляющее большинство обращений был связано с невыполнением закона от 31 июля 1924 года, который регламентировал процесс открытия школ для национальных меньшинств. Помимо этого, часть обращений связана с давлением на белорусских крестьян с целью недопущения открытия белорусских школ, физическим наказанием польскими учителями белорусских детей, преследование белорусских учителей и учащихся со стороны политической полиции [2].

Безусловно, в сложившейся ситуации в образовании Западной Беларуси депутаты БПК были единственным сколь-нибудь действенным инструментом, который хоть как-то мог повлиять на проблемы белорусского образования на уровне высших государственных органов Польши или хотя бы не дать польским властям этих проблем не замечать.

Список использованных источников

1. Польша – Беларусь (1921–1953). Сборник документов и материалов / под ред. А. А. Ковалени [и др.]: Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории, Департамент по архивам и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь. – Минск: Беларус. навука, 2012. – 420 с.

2. Інтэрпэляцыі беларускіх паслоў у Польскі сойм. 1922–1926 гг. зб. дакументаў аб панскіх гвалтах, катаваньнях над сялянаміі рабочымі ў Заходняй Беларусі. – Мінск, 1927. – 496 с.

3. Знешняя палітыка Беларусі: зб. дак. і матэрыялаў. Т. 2 (1923–1927 гг.) / М-ва замеж. спраў Рэсп. Беларусь. БДУ. БелНДІДАС; Склад.: У. М. Міхнюк, У. К. Ракашэвіч, Я. С. Фалей, А. В. Шарапа. – Мінск, 1999. – 461 с

4. *Шимукович, С. Ф.* Белорусский национальный вопрос в начале Первой мировой войны / С. Ф. Шимукович // Первая мировая война и национальный вопрос: сб. статей по материалам международной научной конференции (г. Пермь, Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 22–23 мая 2014 г.) / под общ. ред. Н. В. Подпрятова; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2014. – С. 70–77.

(Дата подачи: 28.02.2018 г.)

Д. У. Філіпчык
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск
D. Philipchik
Belarusian State University, Minsk

УДК 94

ІНТЭРПРЭТАЦЫЯ НЕМАТЭРЫЯЛЬНАЙ КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ МУЗЕЯМІ БРЭСЦКАЙ ВОБЛАСЦІ Ў 1991–2016 ГГ.

INTERPRETATION OF THE INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE OF BREST REGION MUSEUMS IN 1991–2016

У артыкуле разглядаецца дзейнасць музеяў Брэсцкай вобласці па дакументаванні, вывучэнні, выкарыстанні ў экспазіцыйна-выставачнай і культурна-адукацыйнай дзейнасці нематэрыяльнай культурнай спадчыны. Прадстаўлены статыстычныя дадзеныя, абазначаны праблемныя моманты ў дакументаванні НКС, прыведзены прыклады найбольш эфектыўнай інтэрпрэтацыі нематэрыяльнай спадчыны музеямі Брэсцкай вобласці.

Ключавыя словы: нематэрыяльная культурная спадчына; музей; музейная інтэрпрэтацыя; культурна-адукацыйная дзейнасць музея; экспазіцыйна-выставачная дзейнасць музея; Брэсцкая вобласць.

The article covers the Brest region museums' efforts in documenting, researching and using non-material cultural heritage in expositional, cultural and educational activity. Statistical data are presented, non-material cultural heritage documentation problems are proponed, the most effective non-material heritage interpretation examples by Brest region museums are given.

Key words: intangible heritage; museum; museum interpretation; cultural and educational activities of the museum; exposition and exhibition activities of the museum; Brest region.

Ва ўмовах вельмі дынамічных мадэрнізацыйных працэсаў у грамадстве (урбанізацыя, стандартызацыя побыту, шырокае тыражыраванне ўзораў масавай культуры) захаванне нематэрыяльнай культурнай спадчыны (далей НКС) становіцца надзвычай актуальнай задачай для ўсяго беларускага грамадства. Паводле дакументаў ЮНЭСКА да НКС адносяцца «звычаі, формы прадстаўлення і ўяўлення, веды і навыкі, а таксама звязаныя з імі інструменты, прадметы, артэфакты і культурныя прасторы, якія прызнаюцца супольнасцямі, групамі і, у некаторых выпадках, асобнымі людзьмі ў якасці часткі іх культурнай спадчыны» [1]. Зразумела, што зберагчы яе цалкам і ў нязменным «закансерваваным» выглядзе немагчыма (і ўвогуле, ці трэба), як немагчыма аднавіць умовы, у якіх гэта спадчына ствараласяі развівалася. Тым не менш, рэальна захаваць найбольш жыццяздольныя элементы НКС. На падставе гэтых элементаў магчыма фарміраваць у новых пакаленняў беларусаў культурную ідэнтычнасць, патрыятызм, адметны светапогляд.

Мэта дадзенага даследавання – вызначыць ролю музеяў Брэсцкай вобласці ў справе інтэрпрэтацыі і захавання НКС.

Адпаведна мэце пастаўлены наступныя задачы:

• прааналізаваць экспедыцыйную дзейнасць музеяў, скіраваную на дакументаванне НКС, збор артэфактаў, звязаных з нематэрыяльнай спадчынай;

• выявіць асаблівасці адлюстравання НКС у музейнай экспазіцыі і часовых выставах;

• вызначыць магчымасці выкарыстання НКС у культурна-адукацыйнай дзейнасці музеяў.

Дадзенае даследаванне абапіраецца на архіўныя матэрыялы і статыстычныя дадзеныя, што датычацца 13 музеяў[1]. Брэсцкай вобласці раённага падпарадкавання сістэмы Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь, якія актыўна ў перыяд з 1991 г. па 2016 г. займаліся інтэрпрэтацыяй НКС: Баранавіцкі краязнаўчы музей, Бярозаўскі гісторыка-краязнаўчы музей, Ганцавіцкі раённы краязнаўчы музей, Жабінкаўскі раённы гісторыка-краязнаўчы музей, Івацэвіцкі гісторыка-краязнаўчы музей, Кобрынскі ваенна-гістарычны музей імя А.В. Суворава, Лунінецкі раённы краязнаўчы музей, Мотальскі музей народнай творчасці, Музей народнай творчасці «Бездзежскі фартушок», Музей Беларускага Палесся, Музей-сядзіба «Пружанскі палацык», Раённы музейны комплекс Н. Орды, Столінскі раённы краязнаўчы музей [2, с. 110]. У даследаванні разглядаюцца раённыя музеі і іх філіялы. Міжнародны досвед сведчыць аб тым, што менавіта дадзеныя музеі валодаюць найбольшым патэнцыялам у захаванні і інтэрпрэтацыі НКС. Гэта, галоўным чынам, абумоўлена іх набліжанасцю да носьбітаў НКС, магчымасцю ўзаемадзейнічаць непасрэдна з носьбітамі спадчыны, спрыяць практыцы непарыўнай трансляцыі НКС [3]. Паколькі ў межах дадзенага даследавання немагчыма падрабязна адлюстраваць дзейнасць ножнага з разглядаемых музеяў, мы прывядзём найбольш удалыя і эфектыўныя прыклады працы з НКС і статыстычныя дадзеныя, атрыманыя ў выніку апрацоўкі матэрыялаў архіва ІМЭФ. У мэтах даследавання пад музейнай інтэрпрэтацыяй НКС будзем разумець дакументаванне, вывучэнне элементаў гэтай спадчыны, іх выкарыстанне ў экспазіцыйна-выставачнай і культурна-адукацыйнай дзейнасці музея [4, с. 52].

Дакументаванне НКС. Разглядаемымі ў дадзеным даследаванні музеямі ў 1991–2016 гг. сфарміраваны значныя этнаграфічныя калекцыі. У гэтых калекцыях захоўваюцца ў тым ліку і артэфакты, звязаныя з нематэрыяльнай спадчынай. Хаця такія артэфакты самі не з'яўляюцца НКС, але без іх наяўнасці ў музейнай прасторы надзвычай складана гэту спадчыну прадставіць.

Найбольш эфектыўна дакументаваннем НКС музейныя спецыялісты займаюцца падчас музейных экспедыцый. 38 % музейных устаноў (з разглядаемых намі) ажыццяўляла штогадовыя музейныя эспедыцыі з мэтай камплектавання фондаў, этнаграфічнага вывучэння рэгіёну, дакументавання НКС. Астатняя частка музеяў займаецца гэтай працай эпізадычна.

[1] Усяго ў вобласці дзейнічае 21 музей сістэмы Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь.

У большасці з музеяў створаны базы дадзеных, якія ўтрымліваюць фота-, аўдыё-, відэафіксацыю абрадаў, традыцыйных святаў, рамёстваў і промыслаў. Так у Ганцавіцкім раённым краязнаўчым музеі сфарміравана база дадзеный (аўдыё- і відэафайлы), якая ўтрымлівае запісы песень і абрадаў у выкананні фальклорна-этнаграфічных гуртоў «Завіца» і «Хатовічы» [5, с. 9]. У Івацэвіцкім гісторыка-краязнаўчым музеі акрамя фотафіксацыі прадметаў з этнаграфічнай калекцыі захоўваецца відэафільм «Намскі вялікдзень», які з'яўляецца фіксацыяй элемента НКС, унесенага ў Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь [6]. У Мотальскім музеі народнай творчасці захоўваецца фота- і відэафіксацыя абрадаў каляндарнага цыклу і сямейна-радзіннай абраднасці (Каляды, Купалле, Жніво, Вяселле – Каравай, Прыданы, Свахі і інш.) [5, л. 19]. Дзейнасць па дакументаванні НКС Мотальскага музея народнай творчасці асабліва вылучае той факт, што супрацоўнікамі дадзенай установы праведзена работа па падрыхтоўцы і прадстаўленні матэрыялаў на ўнясенне ў Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь элемента НКС «Вясельная каравайная традыцыя вескі Моталь Іванаўскага раёна Брэсцкай вобласці» [7, л. 3].

Экспазіцыйна-выставачная дзейнасць. Этнаграфічныя раздзелы ў экспазіцыі прысутнічаюць у 77 % музеяў. У экспазіцыях музеяў прасочваецца тэндэнцыя да паслядоўнага і часта тыпавога адлюстравання побыту і рамёстваў рэгіёну пры ігнараванні іншых абласцей НКС. Але прысутнічаюць і цікавыя экспазіцыйныя рашэнні з эфектыўным адлюстраваннем НКС у экспазіцыйнай прасторы.

Пастаянная экспазіцыя Мотальскага музея народнай творчасці размешчана ў 7 залах. Экспазіцыя музея адлюстроўвае матэрыяльную і духоўную культуру заходняга Палесся, мясцовыя яе асаблівасці. Кожная экспазіцыйная зала змяшчае элементы вуснай народнай творчасці: прыказкі, прымаўкі, вытрымкі з песень – адпаведна тэматычнай канцэпцыі. Прычым фальклорныя тэксты змешчаны пераважна на мясцовым дыялекце. Інтэр'ер сялянскай хаты і транспартныя сродкі прадстаўлены ў зале «Гісторыя і сялянскі побыт». У зале рамёстваў экспануюцца вырабы мясцовых майстроў па дрэве, кавалёў, рымараў і інш. Зала земляробства прадстаўляе сельскагаспадарчыя прылады працы, земляробчую абраднасць каляндарнага цыкла. Далей часткі экспазіцыі раскрываюць тэмы апрацоўкі лёну, ткацтва, мясцовага традыцыйнага строю. Важна адзначыць, што цэлая музейная зала прысвечана мясцовай абраднасці. У 2008 г. адкрылася экспазіцыя ў будынку ветранога млына, якая знаёміць з тэхналогіяй і асаблівасцямі памолу зерня.

Экспазіцыя музея народнай творчасці «Бездзежскі фартушок» размешчана ў 7 залах. У раздзеле «Лён – ткацтва» раскрываюцца падтэмы «Семя і гатункі лёну», «Асноўныя віды ткацтва», «Асноўныя арнаменты ручнікоў». Дэманструюцца прылады апрацоўкі лёну, прасніца з кудзеляй у інтэр'еры сялянскай хаты (дапаўняецца майстар-класам па прадзенні), ручнікі, з прыкладамі найбольш распаўсюджаных арнаментаў. Раздзел «Бездзежскі

фартушок – старонкі стварэння» знаёміць наведвальнікаў з характэрнымі прыкладамі распаўсюджаных у в. Бездзеж і наваколлі фартухоў. Дапаўняе экспазіцыю ткацкі станок, на якім дэманструецца працэс стварэння палатна. У раздзеле «Сучаснае ткацтва і вышыўка» прадстаўлены тканыя і вышытыя вырабы, якія былі зроблены майстрамі ў апошняе дзесяцігоддзе XX ст. Кожны з раздзелаў экспазіцыі дапаўняецца блокамі фотаздымкаў, а таксама прыладамі працы, што выкарыстоўваліся ў адпаведным працэсе. З 2012 г. пры музеі дзейнічае асобная экспазіцыя «Каля Плэса». Яна ўяўляе сабой сялянскі падворак, створаны ў межах абласной праграмы захавання і развіцця культуры Брэсцкай вобласці. Па сутнасці створана рэканструкцыя сялянскага двара пач. XX ст., якая знаёміць з інтэр'ерам хаты, асноўнымі сельскагаспадарчымі заняткамі, мясцовай культурай харчавання і традыцыйнымі стравамі [8].

Асноўная экспазіцыя Столінскага раённага краязнаўчага музея размешчана ў 6 залах. Зала «Этнаграфія Століншчыны» распавядае аб традыцыйных рамёствах: ганчарства, ткацтва, бандарства. Прадстаўлены прылады працы, кросны, ручнікі і традыцыйны строй Століншчыны сяр. XIX – пач. XX ст. [9, с. 517]. У 2008 г. на правах філіяла ў в. Гарадная адчынены музей-сядзіба ганчара. У экспазіцыі адноўлены інтэр'ер майстэрні ганчара, яго жылля. Прадстаўлены ганчарнае кола, месца захоўвання гатовых вырабаў, печ для абпальвання посуду, горн і інш. Музей-сядзіба па сваёй сутнасці з'яўляецца інтэрактыўнай экспазіцыяй, якая дазваляе наведвальнікам паўдзельнічаць ва ўсім тэхналагічным працэсе стварэння посуду з гліны [10].

У выставачнай дзейнасці назіраюцца тэндэнцыі да актыўнай прэзентацыі рамёстваў і промыслаў, побыту. Амаль усе музеі (92 %) арганізоўвалі часовыя выставы, прысвечаныя розным абласцям НКС. Размеркаваўшы выставы па тэматыцы атрымалася, што пераважная большасць з іх прысвечана традыцыйным рамёствам (78 %).

Музеем-сядзібай Пружанскі палацык неаднаразова арганізоўваліся выставы, прысвечаныя НКС і яе носьбітам. У 1999 г. праходзіла выстава работ М. В. Тарасюка і майстра-ганчара А. Р. Такарэўскага. Выставы прац майстра М. В. Тарасюка праходзілі ў 2001, 2005, 2007, 2012, 2016 гг. [5, л. 29].

Тэматычныя выставы («Палескі ручнік», «Вялікдзень»), прысвечаныя НКС палескага рэгіёну, арганізоўваліся Музеем Беларускага Палесся [5, л. 25].

Лунінецкім раённым краязнаўчым музеем ладзіліся выставы, прысвечаныя традыцыйным рамёствам: выстава саламяных вырабаў «Саламяная казка», выстава «Касцюмы Лунінеччыны» і інш. Адкрыццё выстаў часта суправаджалася майстар-класамі і сустрэчамі з народнымі майстрамі [11, с. 691].

Музеем народнай творчасці «Бездзежскі фартушок» быў арганізаваны цэлы шэраг выстаў, звязаных з НКС. Гэта «Багацце бездзежскага куфра» (ткацтва), «Цудоўныя ўзоры на бездзежскіх фартушках» (калекцыя фартухоў), «Матуліны ўзоры» (калекцыя ручнікоў), «Хата бездзежскай маладой» (інтэр'ер хаты, касцюм маладой, вясельныя традыцыі), выстава глінянага посуду к. XIX – пач. XX ст. [7, л. 23].

Розным бакам традыцыйнай культуры рэгіёна і НКС былі прысвечаны выставы Івацэвіцкага гісторыка-краязнаўчага музея. У 2011 г. прайшла выстава «Рамёствы прадзедаў» з экспанаваннем прадметаў этнаграфіі. Выстава «Лён, нейлон, капрон і зноў лён» з экспанаваннем адзення пінска-івацэвіцкага строю прайшла ў 2015 г. У 2016 г. экспанаваліся прадметы этнаграфічнай калекцыі на выставе «Бабін кут». Адкрыццё выстаў часта суправаджаецца майстар-класамі па традыцыйных рамёствах з удзелам носьбітаў НКС [12].

Культурна-адукацыйная дзейнасць раённых музеяў Брэсцкай вобласці характарызуецца актыўным выкарыстаннем разнастайных формаў узаемадзеяння з музейнай аўдыторыяй. Найчасцей музейныя ўстановы звяртаюцца да музейна-педагагічных заняткаў, якія распрацаваны і праводзяцца у 77% разглядаемых намі музеяў. Музейна-педагагічныя заняткі ахопліваюць усе вобласці НКС, але не ў аднолькавай ступені. Хаця найбольш часта сустракаецца тэматыка рамёстваў і промыслаў (36 %), але ў той жа час амаль столькі ж заняткаў (32 %) прысвечана традыцыйным цырымоніям (абрадам, святам). Падобныя суадносіны назіраюцца і ў тэматыцы музейных лекцый, музейных святаў. Музейныя святы для прэзентацыі і папулярызацыі элементаў НКС выкарыстоўваюць 69 % разглядаемых музеяў. Столькі ж музеяў супрацоўнічаюць з народнымі майстрамі, фальклорнымі калектывамі, цэнтрамі рамёстваў, школамі народнай творчасці і інш.

Да найбольш удалых прыкладаў культурна-адукацыйнай дзейнасці, скіраванай на зберажэнне і папулярызацыю НКС, можна аднесці тэматычныя экскурсіі, распрацаваныя Мотальскім музеем народнай творчасці. Тэматыка экскурсіі «Жывы гук» залежыць ад каляндарнага цыклу і праходзіць з агучванне экспазіцыйных залаў музея палескай мелодыяй, песняй, музыкай у жывым выкананні народнага фальклорна-этнаграфічнага тэатра «Мотальскія суседзі». Некалькі тэматычных экскурсій знаёмяць наведвальнікам з цэлым комплексам абрадаў і звычаяў, звязаных з традыцыйным вяселлем. Падчас тэматычнай экскурсіі «Вясельны каравай» наведвальнікі музея назіраюць за працэсам стварэння вясельнага каравая, абрадавымі дзеяннямі, якія яго суправаджалі [5, л. 20]. Удзельнікі тэматычнай экскурсіі з'яўляюцца не толькі пасіўнымі слухачамі, але і прымаюць удзел у самім працэсе стварэння вясельнага каравая, які ў дадатак да ўсяго суправаджаецца адпаведнымі спевамі.

У Мотальскім музеі народнай творчасці распрацаваны музейна-педагагічныя заняткі, якія ў інтэрактыўнай форме знаёмяць з НКС. З 1997 г. праводзіцца занятак «У гасцях у бабулі Алены». Падчас занятку дзеці знаёмяцца з інтэр'ерам сялянскай хаты, традыцыйным адзеннем, народнай педагогікай, казкамі, калыханкамі, гульнямі. Занятак дапаўняе дэгустацыя. З 2005 г. праводзіцца музейна-педагагічны занятак «Вячорачкі», які знаёміць з інтэр'ерам сялянскай хаты і рамёствамі, якімі займаліся ў зімовы перыяд. У 2015 г. з'явіўся музейна-педагагічны занятак пад назвай «Як кашуля ў полі выросла». Ён знаёміць з ільноапрацоўкай і асаблівасцямі ткацтва [5, л. 21].

У музеі народнай творчасці «Бездзежскі фартушок» праходзяць вячоркі па-бездзежскі з удзелам фальклорных калектываў, сустрэчы з народнымі майстрамі падчас правядзння экскурсій, майстар-класы па ткацтве, прадзенню, вышыўцы, лозапляценню. У музеі праходзяць тэматычныя экскурсіі з дэгустацыяй традыцыйнай бездзежскай кухні. Праводзіцца экскурсія на мясцовым дыялекце, падчас якой адбываецца знаёмства з асаблівасцямі бездзежскай гаворкі. Мясцовая песенная традыцыя становіцца аб'ектам увагі на тэматычнай экскурсіі пад назвай «Галасы Палесся», што праходзіць з удзелам фальклорных калектываў. Элементы народных гульняў выкарыстоўваюцца ў экскурсіі «Бездзежскі кірмаш», а працэс апрацоўкі лёну з дэманстрацыяй тэхналагічных прыёмаў раскрываецца на тэматычнай экскурсіі «Лён любіць паклон» [5, л. 24].

Музейна-педагагічныя заняткі, распрацаваныя ў музеі народнай творчасці «Бездзежскі фартушок», раскрываюць розныя аспекты традыцыйнай культуры і НКС. У 2000 г. распрацаваны занятак, прысвечаны апрацоўцы лёну, «Ад блакітных кветак да кашулі дзетак». З 2001 г. для вучняў старэйшых класаў праводзіцца занятак «Падарожжа ў вёску мінулага». Для навучэнцаў школы народнай творчасці праводзіцца занятак «Ад бабулі да матулі, ад матулі да мяне». Тэма веснавога абрадавага цыклу раскрываецца на занятку «Вясна-красна на ўвесь свет», які разлічаны на вучняў усіх узростаў [5, л. 24].

На базе музея штогод праходзяць музейныя святы. У 2012–2016 гг. падчас акцыі «Ноч музеяў» у Бездзежы праходзіла «Сустрэча са спадчынай», на якой адбываліся майстар-класы па ткацтве, прадзенню, народныя гульні, танцы, песні. Таксама ў музеі праводзяцца святы народнага календара «Масленіца» (з 2014 г.), «Купалле» (з 2014 г.), «Вадохрышча» (з 2014 г.), «Гуканне вясны» (з 2016 г.) [5, л. 25].

У культурна-адукацыйнай дзейнасці Столінскага раённага краязнаўчага музея для папулярызацыі НКС выкарыстоўваюцца такія формы працы, як віктарыны, квэсты, музейна-педагагічныя заняткі. Для наведвальнікаў 7–15 год распрацавана віктарына «Мазайка ручнікоў», падчас якой у інтэрактыўнай форме магчыма засвоіць значэнне ўзораў традыцыйнага арнаменту. Квэст пад назвай «Не шукаючы не знойдзеш» дазваляе пазнаёміцца з этнаграфічнай экспазіцыяй музея праз праходжанне нестандартных галаваломак, маршрутаў і пытанняў. Музейна-педагагічны занятак «Круціся, ганчарнае кола!» адбываецца з правядзеннем майстар-класу, які праводзіць ганчар з в. Гарадная Столінскага раёна. [13].

У разглядаемы перыяд раённыя музеі Брэсцкай вобласці дасягнулі значных поспехаў у дакументаванні НКС, аб чым сведчыць назапашаны імі фота-, аўдыё-, відэаматэрыял. У той жа час пошукавую дзейнасць некаторых музеяў неабходна актывізаваць, спрыяць сістэматычнаму, а не эпізадычнаму вывучэнню рэгіёна.

У экспазіцыях большасці музеяў назіраецца перакос у бок прэзентацыі рамёстваў, а такія важныя тэмы, як вусныя традыцыі і формы выражэння, выканальніцкія мастацтвы, светапогляд людзей, міфалогія, традыцыйная

культура харчавання, застаюцца па-за ўвагай. Такое становішча абумоўлена складанасцямі, што ўзнікаюць пры спробах прэзентацыі элементаў НКС, якія наўпрост не звязаны з музейнымі калекцыямі. У той жа час прыклады Мотальскага музея народнай творчасці, Музея народнай творчасці «Бездзежскі фартушок» і Столінскага раённага краязнаўчага музея сведчаць аб тым, што ў экспазіцыі магчыма і ажыццявіма на практыцы прэзентацыя розных абласцей НКС. У гэтых музеях былі створаны асобныя экспазіцыі: у будынку ветранога млына (2008 г., в. Моталь), сялянскі падворак «Каля плэса» (2012 г., в. Бездзеж), музей-сядзіба ганчара (2008 г., в. Гарадная). Яны дазваляюць прэзентаваць элементы НКС, выкарыстоўваючы інтэрактыўныя формы ўзаемадзення з наведвальнікамі. У дадзеным выпадку можа ісці гаворка аб стварэнні інтэрактыўных, «жывых» музейных экспазіцый.

У культурна-адукацыйная дзейнасці музеі выкарыстоўваюць разнастайныя формы ўзаемадзеяння з аўдыторыяй: экскурсіі, лекцыі, музейна-педагагічныя заняткі, віктарыны, сустрэчы з носьбітамі традыцыі, майстар-класы, рэканструкцыі абрадаў або іх частак, музейныя святы, гульні (на падставе народных), квэсты. Часта музейныя святы і рэканструкцыі абрадаў суправаджаюцца выкананнем традыцыйных спеваў, дэгустацыямі ўласцівых рэгіёну страў. Усё гэта прыводзіць да павышэння эфектыўнасці музейнай камунікацыі, запатрабаванасці музеяў грамадствам. Камунікацыя музея з аўдыторыяй і мясцовай супольнасцю найбольш эфектыўна там, дзе ў галіне захавання НКС назіраецца ўзаемадзеянне музейнай установы і іншых устаноў культуры, прадстаўнікоў мясцовай супольнасці, недзяржаўных грамадскіх арганізацый.

У разглядаемы перыяд адбылася пэўная трансфармацыя раённых музеяў. Частка ператварылася выключна ў інструмент захавання артэфактаў і назапашвання ведаў аб НКС, а другая іх частка стала эфектыўным інструментам актывізацыі лакальнай супольнасці, месцам зберажэння, папулярызацыі і актуалізацыі нематэрыяльнай спадчыны. Найбольш удалы досвед інтэрпрэтацыі НКС музеямі Брэсцкай вобласці можа быць выкарыстаны для актывізацыі дзейнасці ў гэтым накірунку іншых музейных устаноў Рэспублікі Беларусь.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Text of the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage // Official website of The United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.unesco.org/culture/ich/index.php?lg=en&pg=00006. – Date of access: 10.10.2017.

2. Культура Республики Беларусь = Culture of the Republic of Belarus / Статистический сборник. – 2017. – С. 110.

3. Main obstacles for implementing the ICH-paradigm in museum practice and policy // Official website of Intangible Cultural Heritage & Museums Project [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ichandmuseums.eu/en. – Date of access: 10.10.2017.

4. *Каулен, М. Е.* Музеефикация историко-культурного наследия России / М. Е. Каулен. – Москва: Этерна, 2012. – 430 с.

5. Матэрыялы анкетнага апытання па тэме «Дзейнасць музеяў Рэспублікі Беларусь па ахове і папулярызацыі нематэрыяльнай культурнай спадчыны ў 1991 – 2016 гг.» // Архіў ІМЭФ НАН Беларусі. – Фонд 6. – Воп. 14. – Спр. 234. – Л. 35.

6. Абрад «Намскі Вялікдзень» (в. Аброва, Івацэвіцкі р-н, Брэсцкая вобл.) // Сайт «Живая спадчына Беларусі» [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://livingheritage.by/nks/2089/. – Дата доступу: 14.10.2017.

7. Матэрыялы дасье на ўключэнне вясельнай каравайнай традыцыи вёскі Моталь Іванаўскага раёна Брэсцкай вобласці ў Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей // Архіў бягучага справаводства Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь. – 31 л.

8. Аб музеі // Афіцыйны сайт музея народнай творчасці «Бездзежскі фартушок» [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://www.fartushok.by/index.php#top. – Дата доступу: 15.10.2017.

9. Музеі Беларусі = Музеи Беларуси / [рэд. сав.: Г. П. Пашкоў, Л. В. Календа, М. Г. Нікіцін]. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2008. – 559 с.

10. О Столинском районном краеведческом музее // Афіцыйны сайт Столінскага раённага краязнаўчага музея [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://stolin.museum.by/node/41014. – Дата доступу: 20.10.2017.

11. Памяць. Лунінецкі раён: гіст.-дакум. хроніка / укл. Т. В. Канапацкая. – Мінск: Беларусь, 1995. – 716 с.

12. Дзяржаўная ўстанова культуры «Івацэвіцкі гісторыка-краязнаўчы музей» // Афіцыйны сайт Івацэвіцкага раённага выканаўчага камітэту [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://ivacevichi.brest-region.gov.by/index.php?option=comcontent&view=article&id=18882%3A2011-12-01-10-05-51&catid=524%3A2010-12-14-09-11-32&Itemid=1592&lang=ru. – Дата доступу: 12.10.2017.

13. Мультымедыйны інтэрактыўны занятак «Народныя касцюмы Століншчыны» // Афіцыйны сайт Столінскага раённага краязнаўчага музея [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://stolin.museum.by/node/41016. – Дата доступу: 20.10.2017.

(Дата падачы: 21.02.2018 г.)

С. К. Хибиев
Республиканский институт высшей школы, Минск
S. Hibiev
National Institute of Higher Education, Minsk

УДК 94(4)«18»

ПОЯВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЕВРОПЫ В XIX ВЕКЕ

THE EMERGENCE OF THE CONCEPT OF «STATE NEUTRALITY» IN THE POLITICAL LIFE OF EUROPE IN THE XIX CENTURY

В статье рассматривается вопрос появления термина «государственный нейтралитет» в политической жизни Европы, основные вехи истории государств, получивших статус нейтральных в XIX веке, а также политические условия, при которых эти страны получили свой статус.

Ключевые слова: нейтралитет; Венский конгресс; политическая история Европы в XIX веке; международные отношения.

The article examines the issue of the emergence of the concept «state neutrality» in the political life of Europe, main events of the history of states that have received the status of neutral in the XIX century, as well as the political conditions under which these countries received their status.

Key words: neutrality; the Vienna Congress; political history of Europe in the XIX century; international relations.

В современном международном праве есть строгое определение понятия «нейтралитет», а также указаны границы того, какую международную деятельность может осуществлять нейтральное государство в мирное и военное время, какими правами и обязанностями обладает государство, имеющее подобный статус. Так, постоянный нейтралитет обозначается как международно-правовой и (или) конституционно-правовой статус государства, в соответствии с которым оно обязуется в случае войны не вступать в нее на стороне какого-либо воюющего государства и не оказывать воюющим странам непосредственной военной помощи. На других государствах лежит обязанность уважать постоянный нейтралитет. В мирное время постоянно нейтральное государство не должно вступать в военные союзы и блоки [1, с. 414]. Однако очевидно, что понимание такого явления, как нейтралитет, прошло ряд трансформаций на пути своего становления, а первые нейтральные государства существенно отличались от современных. Важной представляется и проблема хронологии: в историографии традиционно считается, что государственный нейтралитет как политическое явление появился только в начале XIX века, хотя первые попытки объявления нейтралитета были предприняты еще в начале XVI века.

Целью данной статьи является исторический обзор появления и трансформация такого явления, как государственный нейтралитет.

Впервые термин «нейтральный» в правовом смысле встречается в испанском сборнике морских обычаев «Consolato Del Mare», созданном, вероятнее всего, на рубеже XIII–XIV веков, он касается нейтральных морских грузов [7, с. 334]. В этом сборнике глава 276 посвящена неприкосновенности нейтрального груза. Она декларирует следующие правила:

1) нейтральный флаг не покрывает неприятельского груза, который, следовательно, мог быть конфискован;

2) нейтральная собственность на неприятельском корабле не конфискуется;

3) нейтральный собственник мог выкупить захваченное воюющей стороной судно.

Хотя в сборнике не идет речь о нейтральном статусе государства, а только о таковом по отношению к морскому грузу, тем не менее, это создавало прецедент, дававший саму возможность воюющим странам относиться нейтрально к чему-либо. По сути «Consolato Del Mare» устанавливал принципы отношения к морской торговле в военное время.

В дальнейшем споры вокруг этих принципов возникали неоднократно и менялись в диаметрально противоположном направлении. Так, по французскому морскому ордонансу 1681 г. был установлен принцип, по которому в интересах воюющих сторон подвергалась конфискации не только неприятельская собственность на нейтральном корабле, но и нейтральная на неприятельском. В свою очередь правила, установленные испанским сборником морских обычаев, нашли отражение в британском «Правиле Семилетней войны» 1756 г. (Rule of the Seven Year's war).

В период наполеоновских войн именно вопрос об отношении Великобритании к морской торговле со стороны нейтральных государств послужил поводом к созданию так называемого «Союза вооруженного нейтралитета» между Россией, Данией и Швецией.

Однако все это имело косвенное отношение к нейтральному статусу отдельных государств. Первым же государством, попытавшимся объявить политический нейтралитет, была Швейцария. Еще в 1515 г. во время похода французского короля Франциска I на Италию состоялась битва у города Мариньяно между королем Франции и миланским герцогом Массимилиано Сфорца. Войска герцога состояли из швейцарских наемников. В результате поражения герцога в 1516 г. был подписан Фрибургский мир (или «Вечный мир») между Франциском I и Швейцарией, который заложил основу швейцарского нейтралитета. Формально с этого момента Швейцария старалась воздерживаться от участия в вооруженных конфликтах, но нейтралитетом в полной мере это назвать нельзя по нескольким причинам. Во-первых, по условиям «Вечного мира» швейцарцы обязывались поставлять наемников для французской армии, что само по себе идет в разрез с принципами нейтрального государства. Во-вторых, меньше чем через два десятилетия после подписания мирного договора в Швейцарии распространяются идеи Реформации, и она оказывается втянутой в европейские религиозные войны. В-третьих, для полноценного нейтралитета государство должно быть независимым, а полностью независимой Швейцария стала только после наполеоновских войн по результатам Венского конгресса 1815 г.

Хотя еще в 1648 г. одним из условий Вестфальского мирного договора было признание Швейцарской конфедерации, а также ее независимость от Священной Римской империи [3, с. 361], но условия Фрибургского мирного договора продолжали действовать, и тесные взаимоотношения с Францией, а также низкий уровень сплоченности кантонов фактически ставили Швейцарию в полузависимое от Франции положение. А в 1797–1798 гг. Франция и вовсе частично оккупировала Швейцарию в ответ на попытку немецкоязычных кантонов подавить революцию во франкоязычных кантонах. 12 апреля 1798 г. при поддержке Франции была создана Гельветическая республика – государство, фактически подчиненное Франции с конституцией, принятой по французскому образцу. Гельветическая республика вскоре после образования заключила военный союз с Францией, чем снова нарушила свой нейтральный

статус. В период между 1799 и 1802 гг. территория Швейцарии стала ареной боевых действий второй коалиционной войны Франции против Великобритании, России и Австрии. Однако как только в 1802 г. французские войска покинули территорию Швейцарии, там началась борьба за восстановление старого порядка. И в 1803 г. Наполеон утвердил в стране новую конституцию, получившую название «Акт посредничества», которая возвращала стране прежнее название и форму организации. Теперь Швейцария состояла не из 13, а из 19 кантонов, которые должны были оказывать содействие друг другу в случае внешней или внутренней опасности, они не имели права воевать друг с другом, а также заключать договоры между собой или с другими государствами. При этом в том же 1803 г. Швейцария заключила с Францией оборонительный и наступательный союзный договор, по которому обязалась поставлять Франции армию в 16 000 человек. Несмотря на то, что это условие было для Швейцарии тяжелым бременем, она пострадала от Наполеоновских войн меньше, чем другие оккупированные Францией страны.

После битвы под Лейпцигом 16–19 октября 1813 г. швейцарский союзный сейм в очередной раз решил соблюдать строгий нейтралитет, о чем было доложено воюющим странам [3, с. 473]. Российский император Александр I пообещал защищать нейтральный статус Швейцарии. Однако уже 21 декабря австрийские войска перешли Рейн, чтобы пройти через Швейцарию во Францию. С их вступлением в Швейцарию сторонники свергнутых ранее правительств во многих кантонах начали их восстанавливать, а 29 декабря федеральный сейм, собравшийся в Цюрихе, отменил и «Акт посредничества». Некоторые кантоны даже выдвинули требование возврата подчиненных Наполеоном областей, но это требование было отклонено сеймом, что вызвало некоторое напряжение в отношениях между кантонами. Однако под давлением со стороны держав и, прежде всего, императора Александра I недовольные кантоны вынуждены были также послать своих представителей на сейм в Цюрихе. По Парижскому мирному договору 30 мая 1814 г. Швейцария была признана независимой. К 7 сентября 1814 года сейм из представителей всех 19 кантонов выработал новый союзный договор, одобренный державами на Венском конгрессе.

В планы Венского конгресса изначально входило утверждение нейтрального статуса Швейцарии. С целью обсуждения деталей по этому вопросу была создана комиссия по Швейцарским делам. Очевидно, что основной целью всего конгресса был передел Европы по усмотрению держав-победителей, расширение сферы влияния, увеличение территории и препятствия к возвышению других государств. Так, главным интересом Англии было как ослабление Франции на западе, равно также и ослабление России на востоке континента. Достижение цели на западе Англия видела в расширении территории Нидерландов, на востоке в препятствии России в ее планах относительно Польши. Наибольшего сближения Англия достигла с Австрией, но и существенного возвышения последней тоже не приветствовала. Австрийская империя также была против присоединения герцогства Варшавского к России, а также всеми

силами противилась возвышению Пруссии. Российская империя, не безосновательно полагавшая, что внесла наиболее значимый вклад в победу над Наполеоном, требовала удовлетворения своих территориальных притязаний в виде присоединения Варшавского герцогства в качестве платы за понесенные Россией потери в войне. Помимо держав-победителей свои интересы пытались отстаивать Пруссия, Саксония и другие немецкие государства, а также сама Франция, которая пыталась сохранить свой статус великой державы и понести как можно меньшие территориальные потери. Таким образом, становится очевидным, что Венский конгресс был ареной дипломатических игр с целью перераспределения сфер влияния в Европе.

В этих условиях основным вопросом комиссии по Швейцарским делам было итоговое оформление территории страны. Наибольшие дискуссии разворачивались в вопросах принадлежности территорий на границе с Францией, Италией и Австрией. В результате конгресс уступал Швейцарии Базельское епископство, Вале и Женеву, что было изложено и закреплено в декларации конгресса 20 марта 1815 г [4. с. 46]. Таким образом, территория Швейцарии составляла уже не 19, а 22 кантона.

Однако возвращение Наполеона с острова Эльба в начале марта 1815 г. в очередной раз поставило под угрозу швейцарский нейтралитет. В этих условиях страны антинаполеоновской коалиции призвали Швейцарскую конфедерацию готовиться к борьбе с французским императором. В рамках этой подготовки швейцарцы в экстренном порядке должны были вступить во владение теми территориями, которые отходили к ним по решению Венского конгресса. Войска союзников снова проходили по швейцарской территории, а сама Швейцария снарядила на борьбу с Наполеоном армию в 40 000 человек и приняла участие в военной операции по осаде крепости Гюнинген.

Окончательно нейтралитет Швейцарии был признан по договору 20 ноября 1815 г. вслед за вторым Парижским мирным договором. Державы гарантировали новые территориальные приобретения Швейцарии, признали ее независимость, неприкосновенность и вечный нейтралитет с тем условием, что она должна, со своей стороны, принимать необходимые меры по защите этого нейтралитета. Чтобы облегчить ей эту задачу европейские государства снова пошли на уступки швейцарцам: северная часть Савойи была объявлена нейтральной, были разрушены укрепления Гюнингена и др. Швейцарский сейм, собравшийся в Цюрихе, 7 августа 1815 г. принял новый союзный договор, давший стране ее нынешние границы.

Кроме Швейцарии в XIX веке статус нейтральных государств получили также Бельгия и Люксембург. Однако, в отличие от Швейцарии, которая сохраняет свой нейтральный статус до настоящего времени, и Бельгия, и Люксембург смогли сохранять его относительно непродолжительный период времени. Связано это прежде всего с тем, что обеим странам нейтралитет был скорее навязан со стороны, нежели был результатом волеизъявления народов (как это было в Швейцарии).

По итогам Венского конгресса Бельгия была включена в состав Нидерландов. Однако это было сделано вопреки интересам бельгийского народа. Наибольшее опасение присоединение к Нидерландам вызывало у франкоязычной части населения и католического духовенства, которые боялись распространения соответственно нидерландского языка и протестантизма. Но для государств, решавших на Венском конгрессе судьбу Европы, это не имело большого значения – они не желали оставлять Бельгию французской, ведь ослабление Франции, как тогда казалось, было непременным условием политического равновесия, которого конгресс и добивался. Все это в итоге привело к тому, что в августе 1830 г. в Бельгии вспыхнуло восстание против нидерландского короля. Король был не в состоянии самостоятельно подавить восстание и обратился за помощью к четырем великим державам, обеспечившим ему в 1814 г. обладание этой страной. Однако из всех держав предоставить войска готова была только Пруссия, в ответ на что французский министр иностранных дел граф Моле ответил, что Франция немедленно введет свои войска в Бельгию, если это сделает Пруссия. Эта позиция Франции объяснялась довольно парадоксально – защитой принципа невмешательства, по которому Франция считала себя имеющей право на защиту интересов соседних с ней государств. Несмотря на заверения Талейрана о том, что французский король Луи-Филипп не намеревается присоединять Бельгию к своим владениям и даже возводить на ее престол одного из своих сыновей, очевидно, что такие идеи все же присутствовали [2, с. 305]. Это поставило Европу на порог новой войны.

Для решения бельгийского вопроса решено было созвать конференцию в Лондоне, на которой пять держав – Австрия, Россия, Англия, Франция и Пруссия – должны были определить дальнейшую судьбу Бельгии. Конференция приняла 20 января 1831 г. протокол, которым объявляла Бельгию нейтральным государством. Это стало большим ударом как для Франции, всерьез рассчитывавшей вернуть себе эти бельгийские земли, так и для самой Бельгии. Брюссельский конгресс поспешил 30 января заявить протест, ведь идеи возврата в состав Франции были широко распространены среди населения Бельгии. Однако великие державы стали грозить Бельгии насильственными мерами, если она не примет протокол в определенный срок [2, с. 312]. Так на карте Европы появилось второе нейтральное государство, что в ближайшие десятилетия не раз сыграет важную роль в политической жизни континента.

Что касается Люксембурга, то по итогам Венского конгресса он был объявлен Великим герцогством и также включен в состав Нидерландов, но вместе с тем еще и входил в Германский союз. Связь с Германским союзом выражалась в том, что город Люксембург – одна из сильнейших крепостей в Европе – был признан крепостью Союза и занят прусскими войсками. Бельгийская революция 1830 г. распространилась также и на территорию Люксембурга, но тем же протоколом лондонской конференции 20 января 1831 г. было закреплено, что Люксембург должен остаться владением нидерландского короля. Хотя Бельгия предъявляла притязания на Люксембург

как на одну из составных частей своей территории, но не смогла реализовать их. Как было сказано ранее, великие державы пригрозили Бельгии, Пруссия двинула свои войска к Маасу, а союзному сейму во Франкфурте было предложено объявить мобилизацию под предлогом защиты Люксембурга как части Германского союза.

После Австро-прусской войны 1866 г. Германский союз был распущен и вопрос о будущем Люксембурга снова стал открытым. Французский король Наполеон III начал переговоры с королем Пруссии Вильгельмом III о покупке Люксембурга и даже добился в этих переговорах успеха, но это вызвало негодование в Германии. В результате начавшихся дипломатических переговоров на конференции в Лондоне в 1867 г. Люксембург был признан «вечно нейтральным». Франция требовала, чтобы Пруссия вывела свой гарнизон из крепости, а сами укрепления города Люксембург были срыты до основания. Таким образом, Люксембург стал третьей европейской державой, получившей статус «вечно нейтральной». Но, как мы уже говорили, ни Бельгия, ни Люксембург не смогли сохранить нейтралитет.

Таким образом, несмотря на то, что первые попытки получения нейтрального статуса были предприняты Швейцарией еще в начале XVI века, говорить о нейтралитете как о правовом статусе или как о политическом явлении возможно только начиная с Венского конгресса 1815 г. Это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, только по итогам Венского конгресса статус «вечно нейтральный» был закреплен юридически. Во-вторых, Швейцария хоть и пыталась объявить себя нейтральной, но вплоть до начала XIX века так или иначе была вовлечена в различные военные конфликты. В-третьих, только в 1815 г. нейтральный статус Швейцарии был поддержан и гарантирован со стороны великих европейский держав. До этого момента таких гарантий Швейцария не получала.

Статус нейтрального государства на протяжении XIX века получили три государства: Швейцария, Бельгия и Люксембург. Однако только Швейцария смогла сохранить его в условиях военных конфликтов XX века и оставить за собой до настоящего момента. Бельгия и Люксембург – государства, которым в XIX веке насильственно навязали статус нейтральных, отказались от этого статуса во время Первой мировой и Второй мировой войн соответственно.

Список использованной литературы

1. Большой юридический словарь / редкол.: В. Н. Додонов [и др.]. – М.: Инфра-М, 2001. – 790 с.

2. *Дебидур, А.* Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса (1814–1878): в 2 т. / А. Дебидур; пер. с фр., вступ. ст. А. Л. Нарочницкого. – М.: Гос. изд-во иностр. лит-ры. – 1947 г. – Т. 1: Священный союз (1814–1847). – 482 с.

3. *Дэвис, Н.* История Европы / Н. Дэвис; пер. с англ. Т. Б. Менской. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 943 с.

4. История XIX в.: в 8 т. / под ред. Е. В. Тарле. – 2-е изд., доп. и испр. – М.: Гос. соц.-экон. изд., 1938–1939. – Т. 4: История XIX в. – 537 с.

5. *Колосов, Ю. М.* Европейское международное право / Ю. М. Колосов / Ю. М. Колосов, Е. С. Кривчикова, П. В. Саваскоv; под ред. Ю. М. Колосова. – М.: Междунар. отношения, 2010. – 408 с.

6. *Щербинин, П. В.* Роль нейтральных государств в формировании системы европейской безопасности: дис. … канд. полит. наук: 23.00.04 / П. В. Щербинин. – Москва, 2003. – 165 л.

7. *Hallam, H.* View of the State of Europe during the Middle Ages: in 3 vol. / H. Hallman. – London, 1860. – Vol. 3. – 527 p.

(Дата подачи: 16.02.2018 г.)

В. М. Хованский
Военная академия Республики Беларусь, Минск
V. M. Khavanski
The Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 355.1(476)

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПЕРИОД 1995–2000 ГОДОВ

FORMATION SYSTEM OF IDEOLOGICAL WORK IN BELARUSIAN ARMED FORCES (1995–2000)

В статье рассматривается становление системы идеологической работы в Вооруженных Силах Республики Беларусь в период 1995–2000 гг. в целях изучения, систематизации и использования опыта в указанной сфере.

Ключевые слова: система идеологической работы; Вооруженные Силы.

The article deals with formation system of ideological work in Belarusian Armed Forces (1995–2000), the main problems and achievements.

Key words: system of ideological work; the Armed Forces.

Значимое место в системе проблем военной теории и практики сегодня занимает постижение значения, сущности, закономерностей, принципов, методов и форм идеологической работы, ее организации и осуществления, так как в создании и укреплении белорусской армии, в выполнении задач по защите Отечества идеологическая работа занимает важное место.

Подобная позиция представляется вполне обоснованной, поскольку на современном этапе в рамках обеспечения надлежащего функционирования военной организации государства и в мирных, и в военных условиях исключительное значение придается учету такого важного фактора, как зависимость хода и результатов войны от соотношения духовных потенциалов воюющих государств. При этом значение духовной составляющей неуклонно возрастает, что обусловлено прежде всего изменением сущности современной войны (выход на первый план идеологических и психологических видов подавления и уничтожения противника).

На важность упомянутого аспекта указывает и содержание утвержденной Указом Главы государства № 575 в ноябре 2010 г. Концепции национальной безопасности страны, где сделан отдельный акцент на защиту традиций и аксиологических основ существования общества («утрата значительной частью граждан традиционных нравственных ценностей и ориентиров, попытки разрушения национальных духовно-нравственных традиций и необъективного пересмотра истории, затрагивающие данные ценности и традиции» определена в качестве одной из основных угроз национальной безопасности Республики Беларусь [1, с. 14]), что, в свою очередь, достигается посредством действенной идеологической работы как непременного условия роста боевой мощи белорусской армии, укрепления обороноспособности государства.

Актуальность темы обусловлена и необходимостью определения тенденций и специфики развития системы идеологической работы в Вооруженных Силах Республики Беларусь (далее – Вооруженные Силы) в целях защиты личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз в условиях меняющегося современного мира, становления системы национальной безопасности Республики Беларусь, изменения сущности войны, обострения информационно-психологического противоборства.

Одним из условий совершенствования системы идеологической работы в Вооруженных Силах Республики Беларусь является осмысление и извлечение уроков из опыта идеологической и организаторской деятельности органов военного управления по претворению в жизнь политики белорусского государства в области идеологии в Вооруженных Силах, среди населения республики и международной общественности.

В этой связи необходимость проведения исследования в данной области обусловлена целесообразностью рассмотрения идеологической работы в белорусской армии в историко-теоретическом плане, раскрытия практики деятельности руководства Республики Беларусь и Вооруженных Сил по созданию и развитию системы идеологической работы.

Анализ развития системы идеологической работы в Вооруженных Силах позволяет упорядочить сведения опыта прошлого в профильной сфере, глубже понять и представить современное состояние системы идеологической работы в армии и определить основные направления ее совершенствования.

Некоторые вопросы, касающиеся системы идеологической работы в Вооруженных Силах в период становления системы воспитания в процессе реформирования белорусской армии (1995–2000 гг.), рассматривались в научных трудах доктора политических наук Л. С. Мальцева [2; 3], доктора психологических наук В. И. Секуна [2; 4], кандидата психологических наук А. Н. Гуры [4], кандидата педагогических наук В. М. Макарова [5; 6]. При этом данные работы имели или общий для Вооруженных Сил характер, или касались отдельных компонентов системы воспитания. Вопросы же, связанные со становлением и модернизацией системы идеологической работы

в белорусской армии, в том числе в контексте общих процессов, свойственных развитию Вооруженных Сил в целом, практически не рассматривались.

Отметим, что период реформирования Вооруженных Сил в целом характерен коренными преобразованиями в военном деле, обусловленными вниманием Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко к вопросам обеспечения военной безопасности государства, достижениями нашей экономики, науки, культуры, системы образования. В этой связи А. Н. Гура справедливо отметил: «Только и избранием президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко начался процесс созидания» [7, с. 26].

Источниковую базу исследования составили опубликованные документы государственных органов Республики Беларусь и органов военного управления Вооруженных Сил, относящиеся к исследуемому периоду, выявленные автором архивные документы и материалы, материалы периодической печати, касающиеся исследуемого периода.

Исторически сложилось так, что работа по разработке нормативных правовых основ системы воспитательной работы в Вооруженных Силах завершилась в конце 1994 г. и была оформлена директивой Министра обороны Республики Беларусь № 29 «О воспитательной работе в Вооруженных Силах Республики Беларусь» [8].

С 1995 г. создание и развитие системы воспитательной работы осуществлялось в принципиально новых условиях. Специалисты аргументировано полагают: «Реальное реформирование военной организации государства началось лишь с середины 90-х годов. С избранием Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко была создана эффективно действующая система государственного управления… 27 марта 1995 года Советом безопасности Республики Беларусь была утверждена Концепция национальной безопасности государства. К 1996 году в рамках реформирования Вооруженных Сил удалось решить многие проблемы» [9, с. 94].

Придерживаясь хронологической последовательности происходящих событий в профильной области, охарактеризуем основные элементы системы воспитательной работы в Вооруженных Силах с начала 1995 г., прежде всего с точки зрения ее цели, задач и содержания.

Необходимо отметить, что к началу 1995 г. система воспитательной работы предстает в гораздо более широком измерении, чем ранее, и не только как исключительно воспитательная работа.

Во-первых, впервые предусматривалось проведение воспитательной работы не в одной, а в двух сферах: в системе воспитательной работы с личным составом Вооруженных Сил (как и ранее) и в информационной деятельности Вооруженных Сил [8, л. 168–169].

Во-вторых, помимо воспитательной работы, проводимой по государственно-правовому, воинскому, патриотическому и духовно-нравственному направлениям, предписывалось проводить информационную и культурно-досуговую работу [8, л. 168–173].

Отмеченные трансформации в системе воспитательной работы, с точки зрения целесообразности и функционального единства отмеченных содержательных компонентов позволяют рассматривать ее уже как воспитательную и идеологическую работу.

Важно, что представленный выше содержательный компонент рассматриваемой нами системы идеологической работы был сформулирован в соответствии с целевым компонентом системы. При этом впервые в новейшей истории Беларуси (ее Вооруженных Сил) директивой Министра обороны Республики Беларусь № 29 была определена ***цель*** воспитательной работы в Вооруженных Силах: «формирование у военнослужащих, рабочих и служащих чувства личной ответственности за безопасность страны, морально-психологической готовности к ее защите, верности конституционному долгу, добросовестного, творческого, активного отношения к военной службе, должностным обязанностям, дисциплинированности, гордости за принадлежность к Вооруженным Силам» [8, л.154].

В течение 1995 г. была проделана большая работа по реализации требований директивы Министра обороны Республики Беларусь № 29 «О воспитательной работе в Вооруженных Силах Республики Беларусь» на практике, в процессе чего проявилось противоречие между изменившимися задачами и функциями органов воспитательной работы Вооруженных Сил и возможностями существующей их структуры. Тем не менее, отметим, что в течение 1995 г. вопрос о создании новой структуры органов воспитательной работы в Вооруженных Силах не ставился. На наш взгляд, это было связано с сознательной политикой руководства военного ведомства: вначале решить сложную формальную сторону проблемы реализации требований к содержательной составляющей системы воспитательной работы в Вооруженных Силах, а затем вернуться к идее создания новой структуры органов воспитательной работы Вооруженных Сил, в том числе и на основе полученного практического опыта.

Характеристика рассматриваемого периода становления системы воспитания как компонента комплекса идеологических мероприятий в процессе реформирования белорусской армии (1995–2000 гг.) относительно структуры (организационно-штатного компонента) системы воспитательной работы связана с изданием в 1996 г. Положения об органах воспитательной работы Вооруженных Сил Республики Беларусь» [10].

Своевременное принятие данного документа сыграло важную и значимую роль в восстановлении и комплексном развитии организационно-штатного компонента системы идеологической работы. Согласно ему в органах воспитательной работы были сформированы социально-психологическая, информационная и культурно-досуговая структуры.

Принципиально важно, что должности заместителей командиров по воспитательной работе предписывалось иметь по штату не только до батальона (дивизиона), но и до роты (батареи) с учетом специфики и дислокации отдельных подразделений) [10, л. 6].

Одновременно конкретизировалось содержание работы созданных структур (определялись задачи Управлению воспитательной работы и информации Министерства обороны, отделу воспитательной работы вида Вооруженных Сил, отделению воспитательной работы бригады (базы) [10, л. 6–11]), без чего, собственно, рассуждать о системном характере воспитания было бы невозможно.

Отметим, что созданные в 1996 г. структуры в органах воспитательной работы Вооруженных Сил в последующем нашли свое завершенное выражение в создании целостной системы идеологической работы. В частности, подчеркивая значение принятых в рассматриваемой области решений, Л. С. Мальцев отмечал: «Республика Беларусь была первой среди государств СНГ, где введены должности войсковых психологов в подразделениях и начата подготовка специалистов с квалификацией социальный педагог-психолог» [9, с. 97].

Таким образом, уже в 1996 г. Вооруженные Силы имели в своем распоряжении нормативную правовую базу воспитательной работы, была сформирована новая, адекватная изменившимся задачам и функциям воспитательных органов Вооруженных Сил их организационно-штатная структура, способная при наличии необходимых политических и социально-правовых условий организовать эффективную воспитательную работу в армии.

Определяющее значение для совершенствования системы воспитательной работы в контексте разработки новой нормативной правовой базы, регламентирующей воспитательную работу в Вооруженных Силах, имел и изданный в 1996 г. приказ Министра обороны № 330 [11], который позволил оптимизировать систему воспитательной работы в сфере обеспечения укрепления и поддержания воинской дисциплины.

Этим приказом, по сути, была сформулирована новая юридическая база, регламентирующая деятельность органов военного управления по укреплению воинской дисциплины, которая стала фундаментом для последующего совершенствования организации и содержания работы в данной области. Речь, в частности, идет о требовании всемерно поощрять руководителей, вскрывающих негативные явления, их причины и принимающих адекватные меры по утверждению правопорядка [11, л. 45–46].

Отметим, что содержательное наполнение периода 1995–2000 гг. в развитии системы воспитания белорусских военнослужащих характеризовалось и достижениями в совершенствовании такого важного ее компонента, как методы и формы работы. В этих целях были изданы:

- 14 июня 1995 г. директива Министра обороны Республики Беларусь № 14 «О проведении эксперимента по введению в подразделениях Вооруженных Сил Республики Беларусь представителей воинских коллективов из числа сержантов и солдат срочной службы» [12] и 9 апреля 1996 г. директива Министра обороны Республики Беларусь № 11 «О проведении эксперимента по введению в подразделениях Вооруженных Сил Республики Беларусь представителей воинских коллективов из числа сержантов и солдат срочной службы» [13];

• 5 сентября 1995 г. директива Министра обороны Республики Беларусь № 19 «О введении в действие Положения о женских советах в Вооруженных Силах Республики Беларусь» [14];

• 10 апреля 1997 г. приказ Министра обороны Республики Беларусь № 189 «О мерах по совершенствованию работы войсковых психологов в Вооруженных Силах Республики Беларусь» [15];

• 12 августа 1996 г. директива Министра обороны Республики Беларусь № 21 «О создании экспозиции Государственного музея военной истории Республики Беларусь» [16] и 29 декабря 1997 г. приказ Министра обороны Республики Беларусь № 692 «Об утверждении Положения о Государственном музее военной истории Республики Беларусь» [17];

• 31 декабря 1997 г. приказ Министра обороны Республики Беларусь № 700 «О мерах по реализации распоряжения Президента Республики Беларусь по вопросам улучшения патриотического воспитания и допризывной подготовки учащейся молодежи» [18].

Отметим, что позитивные шаги по усилению государственно-патриотического воспитания в целях обеспечения военной безопасности государства были сделаны по поручению Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в соответствии с его распоряжениями [19, 20]. В частности, распоряжением Президента Республики Беларусь от 2 декабря 1997 г. № 365 «О некоторых мерах по патриотическому воспитанию молодежи» Министерству обороны предписывалось на безвозмездной основе предоставлять ОО БРСМ учебно-материальную базу воинских частей для реализации программ патриотической направленности [19, с. 1]. Согласно распоряжению Президента Республики Беларусь от 13 ноября 1997 г. № 342 рп «О допризывной подготовке учащейся молодежи в государственных общеобразовательтных, профессионально-технических и средних специальных учебных заведениях» Министерству обороны совместно с Министерством образования и Министерством спорта и туризма поручалось разработать и утвердить положение о спортивном комплексе «Защитник Отечества» для юношей допризывного и призывного возрата и внедрить его в общеобразовательных, профессионально-технических и специальных учебных заведениях с 1998/1999 учебного года [20, с. 1–2].

Следует отметить и значение принятых решений о создании Координационного совета офицерских собраний и Консультативного совета при Министре обороны и о совершенствовании работы офицерских собраний [21].

Повышению эффективности идеологической работы во всех сферах способствовало издание с 1996 г. периодичностью 1 раз в 2 месяца журнала Вооруженных Сил «Армия» (директива Министра обороны Республики Беларусь от 18 января 1996 г. № 2 «О формировании редакции журнала Министерства обороны Республики Беларусь») [22]. Данное событие стало очередным шагом на пути формирования военного информационного холдинга, способствовало формированию благоприятной информационной обстановки, высокого морального духа всех граждан страны.

В рассматриваемый период формируются и совершенствуются подсистемы управления системой воспитательной работы и научно-методического ее сопровождения.

Так, 19 сентября 1997 г. с изданием директивы Министра обороны Республики Беларусь № Д-24 «О содержании и порядке функционирования системы взаимного информирования в Вооруженных Силах Республики Беларусь» [23] получила развитие система управления воспитательной работой.

Также реализация данного документа обеспечила развитие системы информационной деятельности Вооруженных Сил. В частности, директивой был установлен порядок и содержание взаимного информирования органов воспитательной работы Вооруженных Сил, Министра обороны Республики Беларусь и его заместителей [23, л. 65–67].

Несомненно, эффективное функционирование системы воспитательной работы немыслимо без ее научного сопровождения. Очередной этап своего развития данный компонент получил в 1995 г. с созданием лаборатории общественного анализа и социологических исследований, которая была единственным научно-исследовательским подразделением, выполняющим обширный перечень военно-психологических и военно-социологических исследований [24, с. 158].

Подводя итоги, можно отметить, что в сложное время становления независимого суверенного белорусского государства вопросы военного строительства по формировании и развитию эффективной системы воспитания белорусских военнослужащих заняли важное место в общегосударственном и военном строительстве. Именно к этому непродолжительному по времени, но насыщенному историческими событиями периоду относятся первые теоретические и практические меры по созданию основ будущей системы идеологической работы в Вооруженных Силах.

Таким образом, принятые и реализованные в 1995–2000 гг. решения в области формирования и развития системы воспитательной работы в Вооруженных Силах повысили авторитет и влияние, эффективность и качество воспитательной работы, придали ей системный характер.

Последовательная работа по оптимизации системы воспитательной работы в 1995–2000 гг., своевременное принятие адекватных решений, дополненные несомненными успехами в социально-экономическом развитии страны, большим вниманием руководства страны к проблемам армии, способствовали укреплению морального духа военнослужащих, создали условия для дальнейших качественных преобразований исследуемой системы.

Список использованных источников

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 276. – 1/12080. – С. 5–25.

2. *Мальцев, Л. С.* Особенности понимания демократии офицерским корпусом / Л. С. Мальцев, В. И. Секун // Беларуская думка. – 2001. – № 10. – С. 74–84.

3. *Мальцев, Л. С.* Национальная безопасность. Из чего она складывается / Л. С. Мальцев // Беларуская думка. – 1996. – № 2. – С. 27–34.

4. *Гура, А. Н.* Понимание морально-психологического состояния офицерским составом Вооруженных Сил: в 2 ч. / А. Н. Гура, В. И. Секун. – Минск: ИМЦ ЦДО, 1999. – Ч.1. – 112 с.

5. *Макаров, В. М.* Военная тревога: под прицелом – душа / В. М. Макаров // Беларуская думка. – 1997. – № 6. – С. 103–108.

6. *Макаров, В. М.* Люди! Будьте бдительны! / В. М. Макаров / Беларуская думка. – 1998. – № 4. – С. 183–185.

7. *Гура, А. Н.* Штрихи к практике управления. В помощь руководителю стратегического уровня управления / А. Н. Гура. – Минск, 2016. – 204 с.

8. О воспитательной работе в Вооруженных Силах Республики Беларусь: директива Министра обороны Респ. Беларусь, 7 нояб. 1994 г., № 29 // Центральный архив Министерства обороны Респ. Беларусь (ЦАМОРБ). – Ф. 10-т. – Оп. 109568. – Д 5. – Л. 154–173.

9. *Мальцев, Л. С.* Вооруженные Силы Республики Беларусь: история и современность / Л. С. Мальцев. – Минск: Асобны Дах, 2003. – 245 с.

10. Об введении в действие Положения об органах воспитательной работы Вооруженных Сил Республики Беларусь: приказ Министра обороны Респ. Беларусь, 19 февр. 1996 г., № 93 // Центральный архив Министерства обороны Респ. Беларусь (ЦАМОРБ). – Ф. 10-т. – Оп. 109566. – Д 42. – Л. 2–12.

11. Об организаторской и воспитательной работе по укреплению воинской дисциплины, законности и правопорядка в Вооруженных Силах Республики Беларусь: приказ Министра обороны Респ. Беларусь, 10 июня 1996 г., № 330 // Центральный архив Министерства обороны Респ. Беларусь (ЦАМОРБ). – Ф. 10-т. – Оп. 109566. – Д 46. – Л. 41–121.

12. О проведении эксперимента по введению в подразделениях Вооруженных Сил Республики Беларусь представителей воинских коллективов из числа сержантов и солдат срочной службы: директива Министра обороны Респ. Беларусь, 14 июня 1995 г., № 14 // Центральный архив Министерства обороны Респ. Беларусь (ЦАМОРБ). – Ф. 10-т. – Оп. 109568. – Д 8. – Л. 32–35.

13. О проведении эксперимента по введению в подразделениях Вооруженных Сил Республики Беларусь представителей воинских коллективов из числа сержантов и солдат срочной службы: директива Министра обороны Респ. Беларусь, 9 апр. 1996 г., № 11 // Центральный архив Министерства обороны Респ. Беларусь (ЦАМОРБ). – Ф. 10-т. – Оп. 109568. – Д. 10. – Л. 31–32.

14. О введении в действие Положения о женских советах в Вооруженных Силах Республики Беларусь: директива Министра обороны Респ. Беларусь, 5 сент. 1995 г., № 19 // Центральный архив Министерства обороны Респ. Беларусь (ЦАМОРБ). – Ф. 10-т. – Оп. 109568.– Д. 8.– Л. 45–48.

15. О мерах по совершенствованию работы войсковых психологов в Вооруженных Силах Республики Беларусь: приказ Министра обороны Респ. Беларусь, 10 апр. 1997 г., № 189 // Центральный архив Министерства обороны Респ. Беларусь (ЦАМОРБ). – Ф. 10-т. – Оп. 109566. – Д 58. – Л. 87–92.

16. О создании экспозиции Государственного музея военной истории Республики Беларусь: директива Министра обороны Респ. Беларусь, 12 авг. 1996 г., № 21 // Центральный архив Министерства обороны Респ. Беларусь (ЦАМОРБ). – Ф. 10-т. – Оп. 109568. – Д 10. – Л. 87–88.

17. Об утверждении Положения о Государственном музее военной истории Республики Беларусь: приказ Министра обороны Респ. Беларусь, 29 дек. 1997 г., № 692 // Центральный архив Министерства обороны Респ. Беларусь (ЦАМОРБ). – Ф. 10-т. – Оп. 109566. – Д 67. – Л. 234–241.

18. О мерах по реализации распоряжения Президента Республики Беларусь по вопросам улучшения патриотического воспитания и допризывной подготовки учащейся молодежи: приказ Министра обороны Респ. Беларусь, 31 дек. 1997 г., № 700 // Центральный архив Министерства обороны Респ. Беларусь (ЦАМОРБ). – Ф. 10-т. – Оп. 109566. – Д 67. – Л. 300–303.

19. О некоторых мерах по патриотическому воспитанию молодежи: распоряжение Президента Респ. Беларусь, 2 дек. 1997 г., № 365 рп.

20. О допризывной подготовке учащейся молодежи в государственных общеобразовательтных, профессионально-технических и средних специальных учебных заведениях: распоряжение Президента Респ. Беларусь, 13 нояб.1997 г., № 342 рп.

21. О выборах представителей офицерского состава в Консультативный совет при Министре обороны Республики Беларусь: директива Министра обороны Респ. Беларусь, 18 июля 1995 г., № 17 // Центральный архив Министерства обороны Респ. Беларусь (ЦАМОРБ). – Ф. 10-т. – Оп. 109568. – Д. 8. – Л. 39–43.

22. О формировании редакции журнала Министерства обороны Республики Беларусь: директива Министра обороны Респ. Беларусь, 18 янв. 1996 г., № 2 // Центральный архив Министерства обороны Респ. Беларусь (ЦАМОРБ). – Ф. 10-т. – Оп. 109568. – Д. 10. – Л. 2.

23. О содержании и порядке функционирования системы взаимного информирования в Вооруженных Силах Республики Беларусь: директива Министра обороны Респ. Беларусь, 19 сент. 1997 г., № 24 // Центральный архив Министерства обороны Респ. Беларусь (ЦАМОРБ). – Ф. 10-т. – Оп. 109568. – Д 12. – Л. 65–67.

24. Вооруженные Силы Республики Беларусь: 90 лет на страже Отечества / А. Н. Гура [и др.]; под общ. ред. А. Н. Гуры. – Минск: Беларусь, 2008. – 247 с.

(Дата подачи: 20.02.2018 г.)

С. Ф. Шимукович
Республиканский институт высшей школы, Минск
S. Shymukovich
National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 930(47:316.344.42)«18/19»

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ОБ ЭЛИТАХ ДОЛГОГО XIX ВЕКА

CONTEMPORARY RUSSIAN HISTORICAL SCIENCE ON ELITES OF THE LONG 19TH CENTURY

В статье анализируются современные исследования по истории элит Российской империи периода XIX – начала XX века. Предметом анализа выступают авторефераты диссертаций по гуманитарным наукам, которые прошли защиту в 1990–2010-е гг. в Российской Федерации, авторефераты которых размещены в Едином электронном каталоге Российской государственной библиотеки. Автор анализирует динамику роста защит, изменения в тематике исследований. Отмечается рост интереса исследователей российской истории имперского периода к проблеме деятельности региональных элит и элит национальных регионов империи, увеличивается рост защит диссертаций по вопросам истории элит в региональных научных центрах современной России.

Ключевые слова: элиты; история элит; региональные элиты Российской империи; группы элит; элиты в XIX веке; российская историография об элитах.

The article analyzes modern research on the history of the elites of the Russian Empire of the period of the XIX – the beginning of the XX century. The subject of analysis is the author's abstracts of dissertations on the humanities, which were defended in the 1990 – 2010 in the Russian Federation, the abstracts of which are placed in the Electronic Catalog of the Russian

State Library. The author analyzes the dynamics of growth of defenses, changes in the subject of research. There is an increase in the interest of researchers of the Russian history of the imperial period to the problem of the activity of regional elites and elites of the national regions of the empire, the growth of defense of dissertations on the history of elites in regional scientific centers of modern Russia increases.

Key words: elite; history of elites; regional elites of the Russian Empire; groups of elites; elite in the XIX century; Russian historiography about the elites.

В современной исторической науке достаточно активно развивается направление, связанное с анализом деятельности самых разных групп элит по реализации проектов в политической, экономической, социальной и иных важных для общества сферах деятельности. При этом историческая наука вынуждена прибегать к практике междисциплинарного подхода в изучении данных вопросов, поскольку она должна решить для себя достаточно важные задачи, связанные с пониманием объекта и предмета исследования. Это требует от исследователя обращаться к наработкам социологии, политологии, непосредственно элитологии как самостоятельного направления научного знания. В рамках современной политологии и социологии в основном рассматриваются и анализируются проблемы развития современных элит и их влияние на соответствующие политические, экономические и прочие процессы в обществе. Историков в большей степени интересуют прошедшие процессы, имеющие большой срок давности, однако объясняющие многие современные проблемы в развитии того либо иного общества. В этой связи интерес к изучению элит на разных отрезках исторического развития представляет особый интерес и актуальность.

С нашей точки зрения, наиболее полноценно применить методы исследования групп элит можно в отношении хронологического периода, охватывающего временные рамки с конца XVIII и до начала XX века. Этот период в исторической науке получил название «долгий XIX век» и характеризуется масштабными трансформациями, которые привели к появлению современного мира. Именно в этот период формируются социальные группы, которые мы сегодня называем «элиты», появляются первые исследования по элитологии (Г. Моска, 1896; Р. Михельс, 1911; В. Парето, 1916 и др.), наконец, появляется сам термин и многочисленные попытки его объяснить. Все это дает историкам обоснование и создает благоприятную среду для проведения соответствующих исследований с учетом методологии исследований, основанной на междисциплинарности и понимании многоплановости определения понятия «элиты» [2].

С учетом данных требований к пониманию сущности элит нами были выявлены и описаны проведенные исследования в современной российской исторической науке и в смежных гуманитарных науках, касающиеся анализа деятельности разнообразных групп элит в период с конца XVIII и до начала XX века на территории, которая входила в состав Российской империи. Достаточно полное представление о направлениях исследовательской работы и количестве реализованных исследовательских проектов в виде защищенных диссертаций дает Единый электронный каталог Российской государственной библиотеки, где

аккумулируются авторефераты диссертаций на соискание соответствующих ученых степеней [1]. Поскольку авторефераты подлежат обязательной рассылке, а РГБ является учреждением, получающим экземпляр автореферата, можно полагать, что электронный каталог данной библиотеки представлен достаточно полной подборкой данных документов. Поиск по ключевым словам позволяет сформировать достаточно полную картину в отношении тематики защищенных научных работ и провести анализ по нескольким критериям, в частности хронологическому, территориальному (места защит) и тематическому. В данном случае ключевыми словами для поиска информации стали «элита», «XIX век», «XX век», «Российская империя», «Россия». Из огромного числа представленных электронным каталогом позиций автор вынужден был провести более детальную и кропотливую работу по отсеву позиций, не соответствовавших всем обозначенным критериям. По итогам отбора был сформирован список из полутора сотен позиций, соответствовавших требованиям к статусу работы (авторефераты диссертации), хронологическому периоду (конец XVIII – начало XX века) и тематике исследования (история элит на территории Российской империи). Большинство научных работ содержит указание на интересующий нас объект исследования – элиты уже в самом названии, часть исследований посвящена проблемам, непосредственно связанным с формированием элит, их деятельностью по реализации общественно-политических, социально-экономических, культурных и иных проектов.

Стоит сразу отметить, что данная методика не претендует на строгую научность с точки зрения правил и законов проведения социологического исследования, это скорее анализ, построенный на принципах неформального исследования с позиции «воспользоваться удобным случаем». Полученные результаты не претендуют на абсолютную точность, поскольку могут не учитывать абсолютно все исследования в данной сфере, однако, более-менее полную картину они позволяют сформировать, выявить основные тенденции и закономерности в формировании тематики исследований и ряда иных категорий.

Необходимо отметить, что интерес к исследованиям по истории элит в российской гуманитарной науке проявился только во второй половине 1990-х годов. Если в первые пять лет 1990-х годов были защищены две диссертации, причем одна по философским наукам и в большей степени современной проблематике элитологии (*Васканян, Саркис Суренович*. Бюрократия и правящая элита: сравнительный анализ: автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.10. – Ростов-на-Дону, 1995) и одна по истории русской высшей бюрократии (*Долгих, Елена Валерьевна.* Д. Н. Блудов, М. А. Корф. К проблеме менталитета российской бюрократии первой половины XIX века: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. – Москва, 1995), то уже во второй половине данного десятилетия количество защит достигло девяти, из них только две состоялись в Москве, и проблематика диссертаций стала более разнообразна, более того появился интерес к региональным аспектам развития элит. Здесь можно отметить работу по социологии (*Ибрагимов, Рустам Юрьевич*. Проблема изучения национальных

элит в современной социологии: автореф. дис. … канд. социол. наук: 22.00.04. – Волгоград, 2000), которая касается непосредственно интересующих нас вопросов методологии исследования национальных групп элит, применимых ко всем историческим периодам, а также несколько работ историков, в которых уже непосредственно анализируется деятельность разных групп элит Российской империи, в том числе региональных и национальных (*Катин-Ярцев, Михаил Юрьевич*. Балтийско-немецкое дворянство на российской службе. Конца XVIII – начала XX вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.00, 07.00.02. – Москва, 2000; *Матханова, Наталья Петровна.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Конец 1830-х – середина 1860-х годов: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02. – Новосибирск, 1999). Интерес представляет тот факт, что появились первые работы по истории такой интересной и незаслуженно забытой в советский период группе элит, как предприниматели (*Пушкина, Татьяна Леонидовна*. Представительные организации сибирских предпринимателей в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Иркутск. гос. ун-т. – Иркутск, 1998; *Реснянскин, Дмитрий Сергеевич*. Православные традиции российского предпринимательства и развитие культуры в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. – Москва, 1998).

В последующие пятилетки произошел значительный рост числа защит научных работ, посвященных исследованию по истории элит, также произошла дифференциация проблематики исследований в сторону усиления интереса к региональным аспектам истории элит. Так, в 2001–2005 годах по проблемам истории элит и близким вопросам элитологии было защищено 20 диссертаций (из них 8 – в Москве), в 2006–2010 годах число защит достигло 70, из которых 31 состоялась в московских научно-образовательных центрах. За последние годы, с 2011 по 2017 год, состоялось 59 защит диссертаций по проблемам исторической элитологии, однако здесь необходимо отметить рост защит в провинциальных научных центрах (Москве защитились 11 соискателей).

Если рассматривать содержательно-тематический аспект исследований, то можно выделить работы, посвященные общим вопросам истории формирования и трансформации элит в историческом контексте развития Российской империи (37 работ). Эти исследования представлены как работами историков, так и работами политологов, философов, социологов, они имеют ярко выраженную междисциплинарную составляющую (*Давыдов, Виктор Алексеевич*. Мировоззренческие манифестации элит в социальной истории: автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.11 / Кемер. гос. ун-т культуры и искусств. – Кемерово, 2007; *Степанов, Анатолий Иванович*. Структура российской политической элиты в ее исторической эволюции: автореф. дис. … канд. полит. наук: 23.00.02 / Кемеров. гос. ун-т. – Кемерово, 2004; *Ремнев, Павел Анатольевич*. Образ российской монархии в восприятии российской политической элиты первой четверти XIX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Ом. гос. пед. ун-т. – Омск, 2010; *Мусихин, Глеб Иванович*. Власть перед вызовом модернизации: сравнительный анализ российского и немецкого опыта конца XVIII – начала XX веков:

автореф. дис. … д-ра полит. наук: 23.00.01 / Ин-т философии РАН. – Москва, 2004; *Тюркер Ташансу.* Процесс модернизации в Османской Империи и России и его отражение в имперской и националистической идеологии: XIX – начало XX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.03 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2007 и др.). В работах, которые, по нашему мнению, можно отнести к данной группе, также анализируются разнообразные проекты развития и общественной трансформации, которые продвигались теми либо иными группами политических элит.

Тем не менее, можно отдельно выделить исследования, посвящённые центральным политическим элитам империи, их деятельности по реализации соответствующих политических, социальных и иных проектов развития (15 работ). Так, кроме упомянутой выше работы Е. В. Долгих, посвященной Д. Н. Блудову и М. А. Корфу, здесь можно отметить еще ряд работ, посвященных деятельности как отдельных представителей высшего чиновничества империи (*Голечкова, Ольга Юрьевна*. Высшая бюрократия Российской империи в конце XIX – начале XX века: А. А. Половцов и его окружение: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2013; *Мондэй Кристофер Дэниел*. Экономическое мировоззрение бюрократической элиты Российской империи Николаевской эпохи: На примере Е.Ф. Канкрина: автореф. дис. … канд. экон. наук: 08.00.01 / С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2004), так и посвященные групповому анализу служащих высших органов управления империи (*Варнакова, Галина Сергеевна*. Состав Совета Министров Российской империи 1905–1914 гг.: Опыт индивидуальной и коллективной характеристик на основе комплекса документов личного происхождения: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.00, 07.00.09 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2004; *Циунчук, Рустем Аркадьевич.* Государственная дума Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 23.00.01 / Казан. гос. ун-т. – Казань, 2004).

В связи с обозначенной группой, но отдельно можно выделить ряд исследований, посвященных военным элитам имперского периода (около 20 работ). Данные работы современных российских историков и гуманитариев более подробно проанализировал в своей статье молодой белорусский историк С. А. Гвардиян [3, с. 160–161].

Содержательную группу представляют исследования, посвященные предпринимательским элитам (около 20 работ), причем подавляющее число данных работ выполнено на региональном материале, культурным элитам их сферам деятельности и идеологическим установками (22 работы). Однако наиболее многочисленная группа исследований представлена работами, затрагивающими аспекты формирования и развития региональных и национальных элит империи, их деятельности по реализации проектов регионального и национального развития, мероприятиям центральных элит по унификации регионов и региональных элит соответственно. При этом достаточно четко выделяется

группа работ, посвященных национальным элитам империи (39 диссертаций), представляющим чаще всего окраины империи, и работы, затрагивающие прежде всего общественно-политические аспекты функционирования региональных политических элит исторически русских территорий (13 диссертаций). Необходимо уточнить, что данное деление по признаку региональной принадлежности элит достаточно условно, поскольку значительная часть исследований по истории предпринимательских, культурных, военных элит имеют ярко выраженный региональный аспект могут также рассматриваться в рамках данной группы исследований. Общая тенденция к росту числа исследований, посвященных разнообразным аспектам деятельности региональных элит Российской империи, представленных разными ее группами очевидна. Также очевидна тенденция к росту числа исследований по истории элит, проводимых в региональных научных и образовательных центрах современной Российской Федерации.

Если проанализировать проблематику научных исследований, посвященных истории национальных и региональных элит периода Российской империи, то необходимо разделить диссертации, посвященные национальным элитам, и работы по истории региональных элит русских губерний. Среди работ, посвященных национальным элитам, особо выделяются диссертации, выполненные на историческом материале кавказского региона и посвященные элитам народов данного региона (17 диссертаций). При этом в названии двух работ непосредственно присутствует термин «элиты» (*Марзоев, Ислам-Бек Темурканович*. Осетинская феодальная знать в системе взаимодействия этнических элит Северного Кавказа: XVIII – начало XX вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.07 / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – Москва, 2006; *Рясная, Юлия Олеговна*. Политика России и представители северокавказской горской элиты на службе российского государства в первой половине XIX века: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Пятигор. гос. технол. ун-т. – Пятигорск, 2010). Аспекты воздействия российских имперских структур в деле трансформации и имперской унификации национальных элит Кавказа нашло отражение во многих исследованиях (*Аджигова, Ая Магометовна*. Ингушетия в российском цивилизационном процессе во второй половине XIX – первой трети XX века: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х. М. Бербекова. – Нальчик, 2016; *Дзарасов, Аслан Олегович*. Российский имперский универсалистский вызов первой половины XIX века и реакция на него горцев Центрального и Северо-Восточного Кавказа: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2016; *Джемакулова, Бэла Мухамедовна*. Особенности этнокультурного развития абазин в контексте российского политического влияния в XVI – начале XX вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Пятигор. гос. технол. ун-т. – Пятигорск, 2009; *Жемухов, Сражудин Насабиевич*. Взаимоотношения Кабарды и России в начале XIX в.: автореф. дис. …

канд. ист. наук: 07.00.02 / Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х. М. Бербекова. – Нальчик, 2004; *Муратова, Елена Георгиевна*. Балкарские общества в контексте российской политики на Северном Кавказе: XVII – начало XX века: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х. М. Бербекова. – Нальчик, 2006; *Прокудин, Константин Александрович*. Горские народы Северного Кавказа на государственной службе в Российской Империи: XIX век: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Юж. федер. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2013; *Чегарнова, Вера Николаевна*. Становление института государственной службы на Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX века: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ. – Москва, 2015).

Необходимо отметить, что почти все данные работы были выполнены и защищены непосредственно в регионе, к истории которого обращались исследователи. Похожая зависимость наблюдается и в отношении исследований по элитам поволжских народов, прежде всего Татарстана (*Зябиров, Радик Мустафович*. Интеллектуальные поиски путей развития татарского общества конца XIX – начала XX вв. в контексте проблемы «Восток – Запад»: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Респ. Татарстан. – Казань, 2014; Кундакбаева, Жанат Бековна. Политика Российской Империи в отношении народов Северного Прикаспия в XVIII веке: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2005; Дорджиева, Елена Валериевна. Традиционная калмыцкая элита в пространстве Российской Империи в XVIII – начале XX века: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Моск. пед. гос. ун-т. – Москва, 2010; *Сайфуллина, Лейла Факиловна*. Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины XIX века: автореф. дис. … кандидата исторических наук: 07.00.02 / Сам. гос. ун-т. – Самара, 2009).

Необходимо отметить еще одну закономерность, которая проявляется достаточно очевидно. Современная российская историческая наука в большей мере интересуется теми регионами Российской империи, которые и на сегодняшний день входят в состав современного российского государства. Тем не менее, единичные исследования затрагивают вопросы развития региональных элит и реализации ими разных проектов и на территориях, представленных сегодня независимыми государствами, но ранее входивших в состав империи (*Рыбаков, Антон Львович*. Западная Грузия в составе Российской империи: трансформация традиционных институтов: первая половина XIX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.03 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ин-т стран Азии и Африки. – Москва, 2009; *Васильев, Дмитрий Валентинович*. Организация административного управления в Казахской степи: государственная политика и региональные практики: XVIII – первая половина XIX в.: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2017; *Мамадалиев, Иномжон Абдусатторович*. Присоединение Средней Азии к России и особенности ее административного управления: вторая половина XIX – на-

чало XX вв.: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ахмади Дониша АН Респ. Таджикистан. – Душанбе, 2013).

Также необходимо отметить, что исследований, непосредственно затрагивающих проблемы имперской трансформации и унификации региональных элит белорусского региона, в российской современной исторической науке не наблюдается. Тем не менее, среди защищенных диссертаций можно отметить несколько работ, посвященных близким к Беларуси регионам и этническим сообществам (*Бахтурина, Александра Юрьевна*. Государственное управление западными окраинами Российской империи: 1905 – февраль 1917 г.: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / РГГУ. – Москва, 2006; *Катин-Ярцев, Михаил Юрьевич.* Балтийско-немецкое дворянство на российской службе. Конца XVIII – начала XX вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.00, 07.00.02. – Москва, 2000; *Булахтин, Максим Анатольевич*. Идеология и политическая практика партии «краковских консерваторов» в 1907 – 1914 гг.: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.03 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак. – Москва, 2009; *Рыжакова, Светлана Игоревна*. Этнокультурные представления об основах латышской идентичности: исторический контекст, взаимосвязи, современные аспекты: середина XIX – начало XXI вв.: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.07 / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – Москва, 2011).

Таким образом, необходимо отметить значительный интерес в среде современных российских историков к самым разным вопросам развития и имперской трансформации элит, реализации ими проектов разного уровня и содержания, в том числе региональных и национальных, относящихся к хронологическому периоду конца XVIII – начала XX века, который в исторической науке получил название «долгий XIX век». Динамика защит исследований, связанных с проблемами истории элит, позволяет судить о росте интереса к проблемам исторической элитологии и о формировании соответствующих научных направлений в региональных научных и образовательных центрах российского государства.

Список использованных источников

1. Официальный сайт Российской государственной библиотеки: Единый электронный каталог [Электронный ресурс]. – М.: РГБ, 1999-2017. – Режим доступа: https://search.rsl.ru/ru/search. – Дата доступа: 15.12.2017.

2. *Шимукович, С. Ф.* Белорусские региональные элиты периода «Долгого XIX века» как предмет исторического исследования: обоснование понятия / С. Ф. Шимукович // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории: сб. науч. тр. Вып. 1 / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2017. – С. 3–12.

3. *Гвардиян, С. А.* Современные исследования по военной истории России XIX – начала XX веков: региональный аспект / С. А. Гвардиян // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории: сб. науч. тр. Вып. 1 / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2017. – С. 156–165.

(Дата подачи: 28.02.2018)

С. А. Шыдлоўскі
Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт, Наваполацк
S. A. Shydlouski
Polotsk State University, Novopolotsk

УДК 394(=411)«18»

РАЧНЫЯ КАМУНІКАЦЫІ Ў ТРАДЫЦЫЙНАЙ ТРАНСПАРТНАЙ СІСТЭМЕ БЕЛАРУСІ XIX СТ.

RIVER COMMUNICATION IN THE TRADITIONAL TRANSPORTATION SYSTEM OF BELARUS IN THE XIX CENTURY

У артыкуле разглядаецца значэнне водных шляхоў для эканамічнага развіцця Беларусі ў XIX ст. Вызначаюцца асноўныя водныя транспартныя артэрыі для розных беларускіх рэгіёнаў: Падзвіння, Падняпроўя, Цэнтральнай Беларусі, Палесся і Панямоння. Указваюцца асноўныя групы тавараў, якія перавозіліся воднымі шляхамі. Адзначаецца асаблівае значэнне рачных камунікацый для павелічэння экспарту драўніны і вырабаў з дрэва. Выяўляецца рост аб'ёмаў сплаву лесу на працягу XIX ст. у кірунку рыжскага порта. Называюцца асноўныя тыпы судоў, якія эксплуатаваліся на беларускіх рэках. Пералічваюцца праблемы, якія заміналі развіццю водных транспартных камунікацый.

Ключавыя словы: водныя шляхі; рачныя камунікацыі; транспартная культура; гандаль; рачное суднабудаванне.

The article discusses the importance of the waterways for economic development of Belarus in the XIX century Determined the major water transport artery for different Belarusian regions: Padzwinne, Padnyaproue, Central Belarus, Polesia and Panyamonne. The basic groups of goods which were transported by waterways are specified. The special importance of river communications for increase of export of wood and wood products is noted, – growth of volumes of an alloy of the wood during XIX century in the direction of the Riga port is shown. The main types of vessels that were used on the Belarusian rivers are called. The problems that prevented the development of water transport communications are listed.

Key words: waterways; river communications; transport culture; trade; river shipbuilding.

На працягу XIX ст. водныя шляхі захоўвалі істотнае значэнне для развіцця грузавых і пасажырскіх перавозак у краі. Асноўнымі рэкамі, праз якія ішоў транспартна-пасажырскі рух да марскіх партоў, былі Заходняя Дзвіна, Днепр, Нёман, Заходні Буг. Большасць дробных рэк выкарыстоўваліся для сплаву толькі ўвесну [1, s. 195]. Рэкі і ставы былі пакрытыя лёдом у сярэднім 130–140 дзён у год. Замярзалі яны ў канцы лістапада – на пачатку снежня, ускрываліся ў канцы сакавіка – на пачатку красавіка [2, с. 44]. Аднак і ў зімовы перыяд рэкі выкарыстоўваліся для наладжвання транспартных камунікацый, – служылі ў якасці санных шляхоў. Праблемай для развіцця суднаходства з'яўлялася адсутнасць сістэмных работ па ачыстцы фарватару беларускіх рэк. Напрыклад, у пэўных месцах Вілія была завалена карчамі, якія неслі небяспеку для сплаву, аднак ніхто не хацеў браць на сябе выдаткі, каб прыбраць іх [3, s. 23, 64, 76].

У Гродзенскай губерні галоўнымі гандлёвымі транспартнымі артэрыямі з'яўляліся рэкі Нёман і Заходні Буг. Кантынентальная блакада, якая была ўведзеная ў 1806—1814 гадах супраць Вялікабрытаніі большасцю еўрапейскіх краін на чале з Францыяй і да якой у выніку Тыльзіцкай дамовы 1807 года далучылася Расійская імперыя, з 1808 года пачала адмоўна адбівацца на эканоміцы краю, у прыватнасці на экспарце мясцовых прадуктаў сельскай гаспадаркі. Значна зменшыліся аб'ёмы перавозак па Віліі і Нёману, многія рачныя прыстані, якія належалі мясцовым памешчыкам, прыпынілі сваю работу. У выніку вываз сельскагаспадарчай сыравіны і сплаў дрэва быў пераарыентаваны на Дзвіну і Рыгу. Сплаў па Віліі так ужо больш і не аднавіўся ў былых маштабах, на Коўна сплаўлялі пераважна пяньку. Кароткае ажыўленне сплаву на Віліі і Нёмане прыходзілася на 1853–1854 гады, калі расійскія парты знаходзіліся пад блакадай пад час вайны [3, s. 59–60]. Паводле назіранняў К. К. Случэўскага, які вандраваў па заходнебеларускіх землях у 1887 годзе, сплаў тавараў на Нёмане кантраляваўся яўрэямі. Старэйшы і сярэдні персанал параходаў і берлінаў складалі немцы [4, с. 415]. Для Магілёўскай губерні найбольш важнымі воднымі артэрыямі былі Днепр і Сож. У 80-х гг. XIX ст. на Дняпры ў межах Магілёўскай губерні налічвалася каля сямнаццаці лесасплаўных прыстаняў, на Сожы – каля трыццаці чатырох лесасплаўных прыстаняў [5, с. 202, 205]. Для Віцебскай губерні адпаведна галоўнай воднай артэрыяй з'яўлялася Заходняя Дзвіна. З Рыгі ў Віцебскі павет прыбывалі «латышскія лайбы» (150–200 пудоў) з селядцом, чаем, кавай, лімонамі, апельсінамі, цукрам, соллю, вінамі. Найбольшы перыяд дзвінскай навігацыі складалі 244 дні [6, с. 97]. Гандлёвы рух праз Віцебск насіў транзітны характар. Напрыклад, праз Віцебск з Чарнігаўскай губерні везлі ў Рыгу сала, лес, льняное семя, пяньку, хлеб, тытунь [7, с. 367].

Для Палесся галоўным водным шляхам з'яўлялася Прыпяць. У якасці сплаўных выкарыстоўвалі 15–17 яе прытокаў, сярод якіх найбольш істотнымі былі Цна, Случ, Пціч, Гарынь. Піна злучалася Каралеўскім каналам (Дняпроўска-Бугскі канал, будаваўся цягам 1775–1783 гг., рэканструкцыя адбывалася з 1837 па 1867 гг.) з Мухаўцом, Ясельда праз Агінскі канал (Дняпроўска-Нёманскі канал, будаваўся цягам 1765–1783 гг., цалкам суднаходны з 1804 г.) – са Шчарай. Сплаў па Прыпяці адбываўся ў бок Агінскага канала і далей да Нёмана; Каралеўскага канала і далей да Мухаўца; на Бярэзіну і далей праз Бярэзінскі канал у Дзвіну; па Дняпру ўніз да Херсанеса [8, с. 72; 9, s. 12, 57–66].

Пераход з Пінска да Петрыкава займаў два тыдні, а з Петрыкава да Крамянчуга – тры, поўная ходка па гэтаму маршруту – 7–8 тыдняў. У добрае лета адна байда магла рабіць дзве ходкі. Сплаў тавараў абыходзіўся ўніз па Прыпяці да Крамянчуга каля 6 грошай на пуд, а назад – 15 грошай. Сплаў з Нёмана ўніз каштаваў з бочкі жыта (каля 20 пудоў) – 10 злотых [9, s. 36–40, 43]. Вышэй Мазыра байды не падымаліся, бо Каралеўскі і Агінскі каналы

знаходзіліся ў 30-х гг. XIX ст. у запушчаным стане. Вышэй часам маглі падымацца толькі баркі. Таму Пінск і Мазыр з'яўляліся перавалачнымі пунктамі, куды тавары (найперш соль, жалеза (напрыклад, цвікі, з Кіева і Крамянчуга), свечкі, мыла) дастаўляліся водным шляхам з Украіны, а далей развозіліся вазамі. На Украіну судны маглі ісці пустымі ці везлі авёс, дровы, гонту, камяні для бруку (у Кіеве) [9, s. 53].

Найбольш разгалінаваную сетку сплаўных рачных шляхоў мела Мінская губерня, што дазваляла мясцовым памешчыкам весці сплаў разнастайнай прадукцыі ў Мікалаеўскі і Рыжскі парты, а таксама ў меншым аб'ёме – у Клайпеду. У апошнім выпадку выкарыстоўвалася Вілія і яе прытокі – Дзвінаса, Сліжанка, Удранка і Уша [10, s. 22–23; 11, c. 13–16]. У 1799–1806 гг. пачаліся работы па стварэнню каналу, які злучаў Бярэзіну з Заходняй Дзвіной. Сплаў праз Бярэзінскую водную сістэму да Заходняй Дзвіны павялічыўся пасля рэканструкцыі Бярэзінскага канала ў 40-х гг. XIX ст. [10, s. 59].

Агульныя аб'ёмы сплаву лесу па Дзвіне асабліва шпарка пачалі павялічвацца з сярэдзіны XIX стагоддзя. Так, за 1855 год праз Віцебск па Дзвіне было сплаўлена 820 плытоў, у 1866 годзе – 5212, а ў 1890 годзе – 10 904. У кірунку Рыгі па Дзвіне вывозілася прадукцыя дрэваапрацоўкі не толькі з Віцебскай, але таксама з Мінскай і Магілёўскай губерняў. Напрыклад, у Сенненскім павеце Магілёўскай губерні сплаў дрэва адбываўся як праз Заходнюю Дзвіну ў Рыгу, так і на поўдзень па Дняпру [6, c. 98; 2, c. 44].

Аднак сплаў да Рыгі з Цэнтральнай Беларусі абыходзіўся больш дорага, чым сплаў па Дняпру. Найчасцей таварнае дрэва з дадзенага рэгіёну сплаўлялі па Віліі да Коўна, а драўніну на ацяпленне – да Вільні. Перавозілі па Віліі таксама пяньку і лой [10, s. 108; 3, s. 59, 156, 259]. Па Бярэзіне і яе прытоках вывозілася ў кірунку паўднёвых губерняў мачала для пляцення рагожы, камень, мясцовае дрэва на патрэбы ацяплення, а таксама смала ў бочках. Гэты тавар трапляў у Днепр, а далей сплаўляўся да Мікалаеўскага порту, або дастаўляўся на продаж у Кіеўскую, Палтаўскую, Чарнігаўскую і Херсонскую губерні. Па Бярэзіне да Барысава супраць рачной плыні з дапамогай мускульнай сілы дастаўляўся у сваю чаргу тавар з паўднёвых губерняў, а таксама з паветаў Ігуменскага, Бабруйскага і Рэчыцкага Мінскай губерні, губерняў Магілёўскай і Смаленскай: соль, у неўрадлівыя гады – збожжа, проса, грэчка, пшаніца, крупы ячменныя, гарох, гарэлка. У сярэднім за год з Украіны на Барысаў прыходзіла да 70 байдакоў (каля 250 000 ср. руб., збольшага – соль). У неўрадлівыя гады вываз тавараў з Украіны павялічваўся да 288 байдакоў на 329 810 ср. руб (у 1845 г.) [10, s. 109–110].

У першай чвэрці XIX стагоддзя адзначаюцца спробы арганізаваць параходны рух на беларускіх рэках. Адно з першых паравых судоў на беларускім Падняпроўі належала графу Варанцову і знаходзілася на 60 вёрстаў вышэй ад Чэрыкава. Другі параход на Дняпры належаў

Браніцкай. Іх збіраліся выкарыстоўваць як буксір для байдакоў. Аднак выпрабаванні ў гэтай якасці аказаліся няўдалымі і іх надалей актыўна не эксплуатавалі. Па палескіх рэках у канцы 30-х гг. XIX стагоддзя хадзіла адно судна на коннай цязе і два параплава з Дняпра [9, s. 41]. Выкарыстанне коней для транспарціроўкі судна было выпрабавана на Прыпяці ў 1825 годзе палкоўнікам Цудоўскім і прызнана занадта марудным [9, s. 41]. У 1855 годзе Рэйнальд Тызенгаўз набыў за мяжой два параходы – «Кейстут» для Нёмана і «Нярыс» для Віліі. Аднак на Віліі па тэхнічных прычынах параплаў функцыянаваць не змог і быў пераведзены да Вільні, дзе служыў для пасажырскіх перавозак паміж Вільняй і Коўнам, а таксама для водных шпацыроў па маршруту Вільня – Веркі і назад у святочныя дні. «Кейстут» жа перавозіў пасажыраў на Нёмане па маршруту Коўна – Тыльза [3, s. 62–63]. З 1855 года ковенскі памешчык Лассі арганізаваў пасажырскія перавозкі па маршрутам Гродна – Масты і Гродна – Друскенікі – Коўна на параходзе «Марыя-Антуанета». У сваім маёнтку Горны каля Гродна Лассі адкрыў машына-будаўнічы завод з верф'ю. Выкарыстаўшы ўзоры англійскіх судоў з мелкай асадкай, якія распрацоўваліся для эксплуатацыі на Ніле, Лассі намагаўся арганізаваў вытворчасць падобных судоў для выкарыстання на Нёмане [4, c. 415]. З 1881 года пасажырскія параходы пачалі курсіраваць паміж Магілёвам, Воршай і Рагачовам. Па Дняпры да Магілёва хадзілі таксама восенню і вясной буксірныя параходы, якія на адваротным шляху перавозілі пасажыраў. У 80-я гг. XIX ст. пасажырскі параход курсіраваў таксама штодня паміж Гомелем і Хальчам [5, c. 202–205].

Гандлёвыя судны, якія хадзілі па Нёману, называліся «віціны» і «паўвіціны». Віціны маглі браць на борт некалькі сот бочак, а паўвіціны – на палову менш. Па Бугу акрамя віцін і паўвіцін хадзілі лыжвы, якія бралі на борт да 200 бочак. Дубасы маглі перавезці да 500 бочак, галяры – бралі меншы аб'ём, самыя малыя – ліхтуны – некалькі бочак. Тавары перавозіліся таксама на плытах, на якіх звычайна транспарціравалі паташ, соль, збожжа [8, c. 72].

Паводле К. Кантрыма, у канцы 30-х гг. XIX ст. на палескіх рэках хадзілі мачтавыя судны: байдакі (сярэдняга памеру – 20 сажняў даўжыні, 12 аршынаў у самым шырокім месцы, глыбінёй – 6 чвэрцяў аршына), дубасы, баркі, лыжвы, а таксама бязмачтавыя: чайкі, шугалеі, дубовыя даўблёнкі [9, s. 28]. Грузы на Пінскім Палессі перавазілі баркамі (2000–5000 пудоў) і байдамі (3000–13000 пудоў) [12, s. 105]. На плытах везлі мачты, брусы, калоды, клёпку, смалу, паташ. Байдакі і лыжвы канструкцыйна прызначаліся для перавозкі сыпучых рэчаваў – солі і збожжа. Бочкі на іх перавозіць было складана. Баркі (каля 2000 пудоў) каштавалі каля 200 рублёў. Пераважна іх прымянялі для сплаву ад Пінска да Агінскга каналу і далей Шчарай да Нёману ці каралеўскім каналам па Мухаўцу да Буга і далей да Варшавы. На думку К. Кантрыма, баркі, байдакі і лыжвы атрымалі распаўсюджанне на Палессі пасля пачатку актыўнага гандлю соллю з Крамянчугом – з канца XVIII ст. [9, s. 52]. Акрамя таго, выкарыстоўваліся чайкі, шугалеі і дубы-

даўблёнкі. Чайкі маглі перавозіць да 500 пудоў, шугалеі – 200–300 пудоў. Апошнія выкарыстоўваліся найчасцей для перавозкі людзей у спецыяльных будках. З Пінска да Мазыра на шугалеі даплывалі за тры дні, а з Мазыра да Кіева – за два, калі ішлі на вёслах. Дубы-даўблёнкі былі падобныя на шугалеі, толькі меншых памераў і барты іх былі нарошчаныя дошкамі. Яны саступалі ў якасці віленскім і браслаўскім ботам, якія былі лепш прасмаленыя і старанна зробленых [9, s. 41–42]. Паны з Пінскага Палесся карысталіся ў сваіх падарожжах чаўнамі (100–300 пудоў), зробленымі з суцэльнага дубовага бервяна. На вялікіх чаўнах, якія называлі чарнобыльскімі дубамі (максімальна тры локця ў шырыню ў самым шырокім месцы), уладкоўваліся буды з драўлянага каркасу, які абшываліся палатном і скурай, і накрываліся рагожай з аеру [12, s. 105]. Па звестках К. Кантрыма, актыўна сплавам займаліся мяшчане Пінска, Барысава, Магілёва, Оршы і Мсціслава. У Пінску мяшчане валодалі 12 байдакамі і 20 баркамі [9, s. 52].

Збудаванне на носе байдака для адпачынку работнікаў і кухні называлася чардаком, на другім канцы месцілася каюта, дзе знаходзіўся дазорца. Паміж каютай і чардаком знаходзілася скрыня без века. Найбольш вядомым былі на Прыпяці байдакі Леона Семянкевіча, купца трэцяй гільдыі, галавы Мазыра. На Дняпры былі вядомыя байдакі, якія рабілі стараверы з Радуля (Чарнігаўскай губерні), Веткі, Гомеля. Дняпроўскія байдакі былі больш шырокія і мелі большую грузападзімнасць за прыпяцкія. Старыя байдакі набываліся ў міжсезонне, калі скачваўся восеньскі сплаў – да пачатку вясновага. Добра зробленая байда не патрабавала рамонту некалькі год у адрозненні ад віцін і стругаў, якія каштавалі амаль на палову меней, але штогод патрабавалі рамонту. Байдак мог эксплуатавацца каля дзесяці год і нават больш. Аднак байдакі яўрэяў і памешчыкаў былі як правіла няякаснымі і недаўгавечнымі ў адрозненні ад байдакоў беларускіх купцоў і мяшчан, бо апошнія мелі вопыт і асабіста наглядалі за пабудовай свайго судна [9, s. 29–34]. Да апошняй чвэрці XIX стагоддзя рыбацкія чаўны выраблялiся з цэльнай калоды (сасновай, тапалёвай або букавай). Аднак пазней з-за дарагавізны дрэва пачалі выраблящца толькі дашчаныя чаўны [13, s. 292].

У дарэформенны перыяд важнае значэнне для развіцця гандлю мелі кірмашы. Буйныя кірмашы былі звязаны з галоўнымі рачнымі артэрыямі. Як прыклад можна прывесці бешанковіцкі кірмаш, які дзейнічаў з 12 ліпеня на працягу двух тыдняў, або шклоўскія кірмашы, якія ладзіліся двойчы ў год па два тыдня кожны (на дзевятым тыдні пасля Уваскрэсення і на другім тыдні Вялікага паста). На бешанковіцкім кірмашы гандлявалі замежным таварам, галантарэяй, шаўковымі тканінамі, батыстам [14, с. 97]. У Шклоў з'язджаліся купцы з велікарускіх гарадоў. Мясцовыя яўрэі гандлявалі шаўковай матэрыяй, карункамі, тканінай, галантарэяй [14, с. 104]. На працягу канца 60-х – пачатку 70-х гадоў XIX стагоддзя рабіліся спробы арганізаваць у Віцебску альтэрнатыўны бешанковіцкаму

Успенскі кірмаш. Успенскі кірмаш пачынаў сваю дзейнасць 15 жніўня, на ім адбываўся оптава-рознічны гандль таварамі, якія прывозіліся з Масквы і Ніжняга Ноўгарада [6, с. 55]. Бешанковічы і Шклоў адначасова былі значнымі рэгіянальнымі прыстанямі (Бешанковічы – на Дзвіне, Шклоў – на Дняпры). Днепр станавіўся суднаходным менавіта пачынаючы ад Шклова, што спрыяла гандлёвай актыўнасці ў гэтым горадзе [15, с. 174].

Развіццё чыгуначнага транспарту не зніжала важнасць традыцыйных водных шляхоў. Іх супольнае выкарыстанне прыводзіла да эфекту сінергіі. Напрыклад, рамеснікі мястэчка Экімань сплаўлялі ўніз па Дзвіне да Рыгі сваю ганчарную прадукцыю на суднах уласнай вытворчасці «экіманках». Пасля рэалізацыі ў Рызе тавару і лодак-экіманак яны вярталіся назад ужо на чыгуначным транспарце [16, с. 298].

Такім чынам, на працягу ўсяго XIX ст. рэкі захоўвалі важнае гаспадарчае значэнне для краю. Рачная суднаходная сетка заставалася больш разгалінаванай і, адпаведна, больш даступнай, чым чыгуначная. Рачныя перавозкі заставаліся найбольш танным спосабам транспарціроўкі грузаў. Працягвалі распрацоўвацца праекты новых транспартных каналаў (напрыклад, праект канала Рыга – Херсон), старыя сістэмы рэканструяваліся і ўдасканальваліся. Чыгуначны транспарт выкарыстоўваўся часам у якасці факультатыўнай мадыфікацыі традыцыйных транспартных схем. Асабліва істотным фактар рачных транспартных камунікацый з'яўляўся ў галіне гандлю дрэвам. Аб'ёмы сплаву апошняга ў кірунку рыжскага порту павялічваліся на працягу XIX ст.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Gloger, Z.* Encyklopedja staropolska: w 4 t. / Z. Gloger. – Warszawa: Druk P. Laskauera i W. Babickiego, 1900—1903. – T. 3. – 1902. – 350 s.

2. *Аникиевич, К. Т.* Сенненский уезд Могилёвской губернии: опыт описания в географическом, историческом, этнографическом, бытовом, промышленном и статистическом отношениях, с картой уезда, схемой двух озёр и рисунками в тексте / К. Т. Аникиевич. – Могилёв: Губернская типография, 1907. – 149 с.

3. *Tyszkiewicz, K.* Wilija i jej brzegi: pod względem hydrograficznym, historycznym, archeologicznym i etnograficznym / K. Tyszkiewicz. – Drezno: , drukiem i nakładem Józefa I. Kraszewskiego, 1871. – XVI, 362 s.

4. *Случевский, К. К.* По Северо-Западу России: в 2 т. Т. 2. По западу России / К. К. Случевский. – СПб.: Типография А. Ф. Маркса, 1897. – [4], 456, [2], XX с.

5. Опыт описания Могилёвской Губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях: в 3 кн. / под ред. А. С. Дембовецкого. – Могилёв: Типография губернского правления, 1882. – Кн. 1. – [6], 782, [2] с.

6. *Никифоровский, Н. Я.* Странички из недавней старины города Витебска: Воспоминания старожила / Н. Я. Никифоровский; текст. подгот. А. М. Подлипского. – Минск: Полымя, 1995. – 149 с.

7. *Довнар-Запольский, М. В.* История Белоруссии / М. В. Довнар-Запольский. – Минск: Беларусь, 2003. – 680 с.

8. *Lachnicki, I. E.* Statystyka Gubernii Litewesko-Grodzienskiey / I. E. Lachnicki. – Wilno: Nakład i druk J. Zawadzki, 1817. – X, [2], 88 s.

9. *Kontrym, K.* Podróż Kontryma, urzędnika banku polskiego odbyta w roku 1829 po Polesiu / K. Kontrym; Wydana przez Edwarda Raczyńskiego. – Poznań: U Walentego Stefańskiego, 1839. – 72 s.

10. *Tyszkiewicz, E.* Opisanie powiatu borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim, z dodaniem wiadomości: o obyczajach, spiewach, przysłowiach i ubiorach ludu, gusłach, zabobonach itd. / E. Tyszkiewicz. – Wilno: Druk. A. Marcinowskiego, 1847. – 489, IV s.

11. *Бобровский, П. О.* Физические и нравственные элементы северо-западных губерний России / П. О. Бобровский // Вестник Западной России. – Вильно. – 1865. – Г. IV. – Кн. IV. – Ч. 3. – С. 1–17.

12. *Kraszewski, J. I.* Wspomnienia Polesia, Wołynia i Litwy / J. I. Kraszewski. – Paryż: Nakładem J. K. Wilczynskiego, 1860. – 144 s.

13. *Gloger, Z.* Encyklopedja staropolska: w 4 t. / Z. Gloger. – Warszawa: Druk Piotra Laskauera i S-ki, 1900—1903. – T. 1. – 1900.— 316 s.

14. *Севергин, В. М.* Продолжение записок путешествия по западным провинциям Российского государства, или Минералогические, технологіческіе и другие примечания, учинённые во время проезда через оные в 1803 году… / В. М. Севергин. – СПб.: Тип. Император. Акад. наук, 1804. – 168 с.

15. *Жданов, М. П.* Путевые записки по России в двадцати двух губерниях / М. П. Жданов. – Спб.: В. Поляков, 1843. – 220 с.

16. *Шидловский, С. О.* Экимань и экиманская усадьба: перспективы ревитализации в контексте этнокультурной традиции / С. О. Шидловский // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: зб. навук. арт. III міжнар. навук. канф., Полацк, 14–15 крас. 2016 г. / пад агул. рэд. Д. У. Дука, У. А. Лобача, А. І. Корсак. – Наваполацк: ПДУ, 2016. – Ч. 1. – С. 296–301.

(Дата подачи: 27.02.2018 г.)

В. И. Яковчук,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск
V. I. Yakauchuk,
Academy of Management under the President
of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 94(476)«1920/1930»

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОДГОТОВКИ РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ ДЛЯ ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ НКВД БССР

ORGANIZATION OF PREPARATION OF STEPS FOR FIRE PROTECTION OF THE NKVD BSSR

В статье рассматривается исторический опыт подготовки руководящих кадров для пожарной охраны НКВД БССР в 1920–1930-е годы. Исследуются процессы создания и развития сети учреждений образования для подготовки специалистов и руководителей органов и подразделений советской пожарной охраны. Раскрывается механизм организации учебного процесса, создания учебно-материальной базы, кадрового обеспечения учреждений образования. Особое внимание уделяется изучению развития сети учреждений образования в СССР в целом и в БССР в частности.

Ключевые слова: история; образование; управление; кадры; пожарная охрана.

The article examines the historical experience of training leading personnel for the fire protection of the NKVD BSSR in the 1920-1930s. The processes of creation and development of a network of educational institutions for training specialists and heads of bodies and divisions of the Soviet fire protection are investigated. The mechanism of the organization of the educational process, the creation of the educational and material base, the personnel support of educational institutions is disclosed. Particular attention is paid to the study of the development of a network of educational institutions in the USSR, in general, and in the BSSR, in particular.

Key words: history; education; control; frames; fire protection.

Деятельность пожарной службы Беларуси на разных этапах ее развития и связанное с этим расширение объема задач и функций, выполняемых пожарными подразделениями и аппаратами управления, требовали постоянного внимания к организации подготовки кадров. Каждый последующий этап подготовки в максимально возможной степени базировался на уже имеющемся практическом опыте и адаптации традиционных позитивных форм и методов работы в этой области к современным условиям. При этом главным ориентиром, а по существу, целью преобразований считалось достижение системности, непрерывности профессиональной подготовки в пожарной службе в целом и каждого работника в частности. Изучение исторических аспектов подготовки руководящих кадров будет способствовать повышению качества этой деятельности в современных условиях.

Необходимость совершенствования деятельности создаваемой советской пожарной охраны требовала комплектования ее квалифицированными специалистами, сочетающими в себе идейную, политическую и специальную подготовку. Декретом Совнаркома от 17.04.1918 г. «Об организации государственных мер борьбы с огнем» предписывалось создание в стране сети учебных заведений по подготовке пожарных специалистов.

Впервые идея создания курсов технических знаний пожарного дела в Беларуси прозвучала в докладе пожарного деятеля Либермана на 1 съезде пожарных деятелей Минской губернии 1 марта 1919 г. Делегатами съезда была принята резолюция об организации технической школы по подготовке пожарных работников в Белорусском Крае. Однако в условиях Гражданской войны и польской оккупации резолюция съезда осталась нереализованной. Поэтому в рассматриваемый период подготовка специалистов для пожарной службы была тесно связана с существовавшими российской, а затем союзной системами [1].

Неблагоприятные условия того времени (гражданская война, голод, разруха), а также отсутствие нормального финансового обеспечения, лабораторной базы, общежитий сильно отразились на работе образованных в Москве в 1918 и 1919 гг. пожарно-технических учебных заведений. Пожарно-технический институт в 1922 г. был закрыт, не сделав ни одного выпуска инженеров. Прекратил существование и Пожарный техникум, подготовка специалистов пожарного дела велась только на курсах.

1 декабря 1924 г. в Ленинграде был открыт трехгодичный пожарный техникум. По его окончании выпускникам присваивалась квалификация «пожарный техник». Содержание техникума осуществлялось за счет отчислений Госстраха и средств, собранных с заинтересованных ведомств и учреждений, студентам выплачивались стипендии за счет направляемых организаций. Так, правительство БССР выделило в 1925 г. 1500 руб. в качестве стипендий командируемым в Ленинградский пожарный техникум 3 представителям белорусской пожарной охраны. Количество студентов было определено по 50 человек на каждом курсе. Для преподавания в техникум были приглашены квалифицированные педагоги и практические работники, имевшие опыт работы в учебных заведениях. Так, курс общей и специальной химии вели профессор Б. Г. Тидеман и доцент Д. Б. Сциварский, гидравлики и противопожарного водоснабжения – профессор А. А. Сурин и доцент М. В. Позднеев, отопления и вентиляции – профессор М. Г. Мельников, пожарной сигнализации – доцент Г. Н. Макаревски, строительных конструкций – доцент И. И. Виллим и т. д. Преподавание пожарно-технических дисциплин вели Н. П. Требезов, В. А. Эллисон, М. Н. Вассерман – авторы первых советских пожарных учебников [2].

Желающих поступить в Пожарный техникум было большое количество из разных уголков СССР. В 1924 г. разнарядкой было предусмотрено выделение 15 мест РСФСР, 7 мест – УССР, по 5 мест – БССР и ЗСФСР, остальные места были распределены между союзными ведомствами и учреждениями, а с 1925 г. устанавливалась следующая разнарядка: РСФСР – 28 мест, УССР – 10, БССР – 7, ЗСФСР – 4, Туркменская и Узбекская республики – 1, промышленность страны – 4. Поступающие в техникум должны были иметь стаж работы в пожарных командах, принадлежность к профсоюзам или трудовому крестьянству и образовательный уровень не ниже второй ступени трудовой школы (9 классов). Ввиду того, что поступающие не отвечали требуемым знаниям в объеме девятилетней школы, в июле 1925 г. при техникуме были открыты 2,5-месячные подготовительные курсы на 30 человек, где осуществлялась подготовка абитуриентов по элементарной математике, физике и русскому языку. Был определен и порядок физического и медицинского отбора кандидатов, введены вступительные испытания по математике (алгебре, геометрии, тригонометрии), физике, химии и обществоведению.

Особенностью обучения в техникуме была его практическая направленность. Студенты несли боевое дежурство в лучших пожарных частях Ленинграда, а с 1927 года – в учебном отряде при техникуме. Завершался учебный год двухмесячной стажировкой в пожарных частях. На заключительном этапе обучения студенты готовили дипломные работы, в которых разрабатывали проекты пожарной охраны одного из окружных городов, включавшие предложения по реорганизации пожарных команд, обновлению пожарного обоза, капитальному переустройству существующих

пожарных зданий или строительству новых, совершенствованию противопожарного водоснабжения, устройству электрической пожарной сигнализации с составлением соответствующих смет. Необходимо отметить, что все выпускные работы выполнялись на высоком профессиональном уровне и впоследствии использовались управлениями пожарной охраны (УПО) в своей деятельности [3].

14 января 1928 г. в Ленинградском пожарном техникуме в торжественной обстановке состоялся первый выпуск специалистов. Впервые за 10 лет существования советского государства было подготовлено 27 пожарных специалистов высшей квалификации. Все окончившие техникум специалисты были назначены на руководящие должности в органах и подразделениях пожарной охраны. Это учебное заведение в разное время закончили многие будущие руководители органов и подразделений белорусской пожарной охраны, среди них были А. Д. Алешкевич, А. П. Уткин, А. Н. Шахворостов и др. [4].

В связи с бурным ростом экономики советской республике ежегодный выпуск 20–30 пожарных техников не мог обеспечить потребность страны в квалифицированных пожарных специалистах. Соседние республики опережали БССР в создании учебных заведений по подготовке пожарных кадров. В порядке реализации ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП (б) о подготовке кадров НКВД Украины принял ряд мер в области подготовки пожарных работников. Существовавшие в г. Харькове двухгодичные пожарно-технические курсы осенью 1930 г. были реорганизованы в Харьковский пожарный техникум с трехгодичным сроком обучения, рассчитанный на 120 обучаемых (по 40 человек на курсе). А во всех округах Украины были организованы 3-месячные курсы переквалификации пожарных руководителей с набором 35 человек. В общей сложности эти курсы переподготавливали до 1000 человек ежегодно. Кроме того, ВСНХ Украины организовал при крупных предприятиях целый ряд краткосрочных пожарных курсов повышения квалификации руководителей пожарной охраны заводов [5].

О необходимости организации подготовки пожарных специалистов для БССР в самой республике говорили давно. В 1925 г. И. Кунявский на страницах журнала «Пожарное дело» ставил вопрос о необходимости организации подготовки пожарных специалистов в БССР: «За последнее время мы имеем значительное увеличение количества пожаров в Мозырском округе, которые приносят колоссальнейший ущерб сельскому хозяйству. …Во многих селах имеются пождружины, снабженные соответствующим пожарным инвентарем, но они зачастую, оказываются беспомощными в борьбе с огненной стихией, поскольку нет подготовленных пожарных работников» [6, с. 31].

Решение данной проблемы началось с совещания, созванного НКВД БССР 30 октября 1929 г. в г. Минске с повесткой дня «Об организации

в г. Минске в 1929/30 году краткосрочных пожарных курсов». На совещании присутствовали представители Окружного комитета партии, Госстраха, ВСНХ и пожарной охраны. Председательствовал инспектор пожарной охраны НКВД Берасьневич. Совещание постановило создать краткосрочные пожарные курсы со сроком обучения 4 месяца для подготовки районных пожарных инструкторов и заведующих пожарной охраной предприятий. Состав курсантов был определен в количестве 40 человек, по 20 человек из числа фабрично-заводских пожарных дружин и сельских пожарных работников. Всебелорусские пожарные курсы при НКВД были открыты 1 декабря 1929 г. [7].

Для успешного освоения специальных дисциплин курсы прикреплялись к Минской ГПК, курсанты во время занятий пользовались ее техникой и вооружением. Для ознакомления курсантов с условиями пожарной службы и практикой пожаротушения были организованы дежурства курсантов в пожарной команде, при этом они в полном объеме выполняли обязанности пожарных. Курсы комплектовались лицами не моложе 18 лет, годными по состоянию здоровья, работающими в профессиональных или добровольных пожарных организациях, направляемыми окружными пожарными инспекциями и пожарной инспекцией СНХБ по представлению пожарных организаций. От поступающих на курсы требовались следующие знания: умение устно и письменно излагать свои мысли при сохранении элементарной грамотности, знание четырех действий арифметики над целыми числами, умение разбираться в основных моментах текущей политики. Курсантам представлялся интернат, стипендия или компенсация зарплаты, а также выдавались во временное пользование спецодежда, учебники и другие учебные материалы [8].

Учебный план курсов включал изучение общеобразовательных и специальных дисциплин. К общеобразовательным дисциплинам, на изучение которых отводилось 18 часов в неделю, относились: белорусский язык, политграмота и очередные задачи компартии и советской власти в сфере социалистического строительства, физика с основами механики, электротехники и элементарной химии, элементарная графика. На изучение специальных дисциплин учебным планом также отводилось 18 часов в неделю, в их числе были: оборудование пожарных организаций, пожарная тактика, противопожарные мероприятия, водоснабжение, огнестойкое строительство, уход за конем, первая медицинская помощь, организация пожарной охраны в СССР и страховое дело, практические занятия [9].

Занятия по специальным дисциплинам проводили практические работники пожарной охраны: оборудование пожарных организаций читал Минский окружной пожарный инспектор Баршай, пожарную тактику – старший брандмейстер Минской ГПК Гантман, противопожарные мероприятия – Минский городской пожарный инспектор Конрад, организацию пожарной охраны в СССР и страховое дело – пожарный техник НКВД Лившиц, прак-

тические занятия проводили начальники пожарной охраны г. Минска Козаченко и Гантман [10].

27 сентября 1933 г. на базе 2-й пожарной команды г. Минска по ул. Аранская, 1 была открыта Пожарно-техническая школа по подготовке командного состава пожарной охраны с годичным сроком обучения и численностью переменного состава 30 человек. Начальником школы был назначен А. З. Козаченко, его заместитетелем по организационной, воспитательной и учебной работе – А. И. Жигалов. Первоначально школе был выделен второй этаж здания пожарной команды. В 1934 г. состоялся первый выпуск 33 молодых специалистов. Среди них – первый в послевоенное время начальник школы А. Д. Алешкевич [11].

В процессе реорганизации пожарной охраны в БССР постановлением СНК от 28.05.1935 г. № 824 «О пожарной охране» было уделено должное внимание реорганизации и дальнейшему развитию школы. В частности, п. 7 постановления предписывалось: «Существующую Белорусскую одногодичную пожарно-техническую школу, которая находится в непосредственном подчинении ОПО НКВД и содержится за счет республиканского бюджета, с осени 1935 г. реорганизовать в 2-х годичную на 80 человек переменного состава, чтобы с 1936 г. ежегодно выпускать 40 человек начсостава пожарной охраны, используя школу для переподготовки и повышения квалификации младшего и среднего начсостава как профессиональной, так и ведомственной пожарной охраны» [12, л. 258].

Постановлением от 17.06.1939 г. № 403/рз «Об улучшении хозяйственного обслуживания городской пожарной охраны НКВД» СНК БССР потребовал обеспечивать пожарную школу вещевым довольствием в централизованном порядке, обязав Наркомторг выделить для этой цели фонд промтоваров согласно заявке ОПО НКВД. Спецторгу БССР было предложено организовать на договорных условиях при школе столовую для обслуживания курсантов и бойцов пожарной охраны. До начала Великой Отечественной войны в школе состоялось 7 выпусков, всего же за период с 1934 по 1941 годы профессиональную подготовку прошли 212 человек. В 1941 г. выпуск уже не состоялся, началась война. Кроме подготовки специалистов по основной программе обучения, школа решала оперативные задачи переподготовки и повышения квалификации различных категорий работников пожарной охраны (младшего начальствующего состава, должностных лиц противовоздушной обороны, районных пожарных инструкторов и инспекторов, начальников дежурных караулов пожарных команд западных областей, политруков городской пожарной охраны и т. д. [13].

В июне 1941 г., когда началась Великая Отечественная война, школа прекратила свою работу. Курсантский состав был призван в ряды Красной Армии. Из выпускников и работников школы в Москве был образован сводный белорусский отряд пожарной охраны, в рядах которого сражались ее со-

трудники: Е. С. Алейников, М. С. Грищенко, М. И. Плешанова, Л. К. Врублевская, В. И. Езерский, С. А. Рунец, Н. П. Логовик и др.

Выпускники и сотрудники учебного заведения героически сражались на фронтах Великой Отечественной войны, боролись с огнем в тылу. Так, выпускник школы 1936 г. Е. С. Алейников вместе со своими сослуживцами защищал от массированных налетов авиации Москву, героически сражались с врагом В. А. Мотуз, В. П. Грищенко, И. В. Ланденок, К. Е. Ланденок. Смертью героя пал в 1943 г. под Смоленском заместитель начальника Всебелорусской пожарно-технической школы майор А. И. Жигалов.

Таким образом, деятельность пожарной службы Беларуси на разных этапах ее становления и развития требовала постоянного внимания к организации подготовки кадров. В советский период пожарных техников для БССР готовил открытый в 1924 г. Ленинградский пожарный техникум. Это учебное заведение в разное время закончили многие будущие руководители органов и подразделений белорусской пожарной охраны. Решение проблемы организации подготовки пожарных специалистов для БССР в самой республике началось с открытия в 1929 г. в г. Минске Всебелорусских пожарных курсов, а затем, в 1933 г., Всебелорусской пожарно-технической школы, которая в 1934 г. осуществила первый выпуск молодых специалистов. Молодое белорусское советское государство понимало остроту решения проблемы борьбы с пожарами, организации пожарной службы, подготовки для неё руководящих кадров и, в силу имевшихся возможностей, решало эти задачи.

Список использованных источников

1. Материалы 1-го съезда пожарных деятелей Минской губернии с участием представителей соседних губерний, состоявшегося в г. Минске 27 и 28 февраля и 1 марта 1919 г. – Минск: Б.и., 1919. – 20 с.

2. *Кузнецов, Н.* Пожарный техникум в Ленинграде / Н. Кузнецов // Пожар. дело. – 1924. – № 1. – С. 6–8.

3. *Самарин, А.* Пожарный техникум в Ленинграде / А. Самарин // Пожар. дело. – 1925. – № 1. – С. 4.

4. *Бекташев, В.* Первый выпуск Пожарного техникума / В. Бекташев // Пожар. дело. – 1928. – № 3. – С. 6–8.

5. *Кочеров.* Пожарно-техническое образование на Украине / Кочеров // Пожар. дело. – 1930. – № 4. – С. 28–29.

6. *Кунявский, И.* Сельские дружины в Мозырском округе / И. Кунявский // Пожар. дело. – 1925. – № 4. – С. 31.

7. Пратакол нарады па пытаньню аб арганізацыі ў гор. Менску ў 1929/30 годзе кароткатэрміновых пажарных курсаў, якая склікана НКУС 30-га кастрычніка 1929 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 7. – Оп. 1. – Д. 772. – Л. 288–290.

8. Палажэнне пра кароткатэрміновыя ўсебеларускія пажарныя курсы пры Народным Камісарыяце ўнутранных спраў БССР // НАРБ. – Фонд 7. – Оп. 1. – Д. 772. – Л. 292.

9. Вучэбны плян кароткатэрміновых ўсебеларускіх пажарных курсаў // НАРБ. – Фонд 7. – Оп. 1. – Д. 772. – Л. 293–297.

10. Спіс выкладчыкаў на кароткатэрміновых пажарных курсах // НАРБ. – НАРБ. – Фонд 7. – Оп. 1. – Д. 772. – Л. 291.

11. О выпуске Пожарно-технической Школы НКВД БССР: приказ НКВД БССР, 8 авг. 1935 г., № 248 // Архив инф.-аналит. упр-ния М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Фонд. 50. – Оп. 3. – Д. 3. – Л. 133–134.

12. О пожарной охране в БССР: постановление СНК БССР, 28 мая 1935 г., № 824 // НАРБ. – Фонд 7. – Оп. 1. – Д. 880. – Л. 257–258.

13. О выпуске Курсов переподготовки инспекторов пожарной охраны РО НКВД БССР: приказ НКВД БССР, 28 март. 1939 г., № 162 // Архив инф.-аналит. упр-ния М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Фонд. 50. – Оп. 3. – Д. 7. – Л. 56.

(Дата подачи: 28.02. 2018 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Андрэйчык К. В. ЗАХАВАННЕ І АДРАДЖЭННЕ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ ГОРАДА ВІЦЕБСКА Ў 1991–2001 ГГ. 3

Атрушкевич М. М. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОРОДОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1892 Г. И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ 9

Аўласенка І. М. ДЫПЛАМАТЫЧНАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ М. Ц. ЛЫНЬКОВА НА СЕСІЯХ ГЕНЕРАЛЬНАЙ АСАМБЛЕІ ААН 17

Безмацерных Д. А. БРАСЛАЎСКІ ЗЕМСКІ СУД ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XVI–XVIII СТ. У ГІСТАРЫЯГРАФІІ ЦЭНТРАЛЬНАЙ І УСХОДНЯЙ ЕЎРОПЫ XIX – ПАЧАТКУ XXI СТ. 25

Булаты П. Ю. УЗНІКНЕННЕ І ЭТАПЫ ЭВАЛЮЦЫІ ТЭРМІНАЎ «ГРАФ» І «ГРАФСТВА» Ў ЗАХОДНЯЙ ЕЎРОПЕ 34

Бухал Е. Н. ХРИСТИАНЕ, МАВРЫ, ИУДЕИ, ИСПАНЦЫ: ПОЛЕМИКА КАСТРО И САНЧЕСА ВОКРУГ ГЕНЕЗИСА ИСПАНСКОЙ НАЦИИ 41

Бялы А. СОТРУДНИЧЕСТВО В ПОЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ МЕЖДУ ВКЛ И ПОЛЬСКИМ КОРОЛЕВСТВОМ ВО ВРЕМЕНА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ I, II ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДУМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 47

Василицына Л. А. ПОЛОЖЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ БССР В 1944–1958 ГГ. 53

Волкава В. В. АКУПАЦЫЯ БЕЛАРУСІ Ў ГАДЫ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ Ў ДАСЛЕДАВАННЯХ НЯМЕЦКІХ ГІСТОРЫКАЎ: ГІСТАРЫЯГРАФІЧНЫ АГЛЯД 61

Воронич Т. В. БЮДЖЕТЫ ГУБЕРНСКИХ ГОРОДОВ БЕЛАРУСИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. 70

Гавриловец Л. В. ПОЗИЦИЯ ПОЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ВОПРОСУ МИРНОГО ДОГОВОРА С ГЕРМАНИЕЙ В УСЛОВИЯХ ВТОРОГО БЕРЛИНСКОГО КРИЗИСА 78

Грачева И. М. ИСТОРИОГРАФИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОЙ ПРОКУРАТУРЫ 85

Денисевич А. А. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ИСТОРИКОВ ПО ИНТЕГРИРОВАННЫМ МАГИСТЕРСКИМ ПРОГРАММАМ В ШОТЛАНДСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА 92

Долгач Т. В. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГУБЕРНСКИХ ПО КРЕСТЬЯНСКИМ ДЕЛАМ ПРИСУТСТВИЙ ПО РЕАЛИЗАЦИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ (1861–1903 ГГ.) 100

Дулаў А. М. ВІЦЕБСК І ВАКОЛІЦЫ Ў ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XIX СТ.: ПА СТАРОНКАХ УСПАМІНАЎ М. МАРКСА 108

Елизаров С. А. РЕОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ССР (1930–1931 гг.) 115

Ерашэвіч А. У. ПРЫЧЫНЫ ГАСПАДАРЧАГА ЗАНЯПАДУ І СПОСАБЫ ПАЛЯПШЭННЯ САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНАГА СТАНУ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ У ТЛУМАЧЭННІ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТАРАЎ (30–50-Я ГГ. XIX СТ.) 123

Ермак Ю. Г. К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ЖЕНЩИН ИУДЕЙСКОГО ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА 130

Забельникова О. В. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В ДИСКУССИЯХ КРУПНЕЙШИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ И УЧЕНЫХ 138

Заблоцкая Т. М. ДА ГІСТОРЫІ ВЫВУЧЭННЯ АДУКАЦЫЙНАЙ І КУЛЬТУРНА-АСВЕТНІЦКАЙ ДЗЕЙНАСЦІ КАТАЛІЦКАГА ОРДЭНА ПІЯРАЎ ЛІТОЎСКАЙ ПРАВІНЦЫІ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ У КАНЦЫ XVII – ПАЧАТКУ XX СТ. 145

Зинченко А. Н. АЛЬТЕРНАТИВЫ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ СТРАНАМИ АКТ И ЕС ПОСЛЕ СОГЛАШЕНИЯ КОТОНУ 153

Зуев И. В. НЕЙТРАЛИТЕТ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ ШВЕЙЦАРИИ 160

Караленак У. У. ГІСТАРЫЯГРАФІЯ НЯСВІЖСКАЙ АРДЫНАЦЫІ РАДЗІВІЛАЎ 169

Кейко Ю. В. ПОДРЯДНЫЙ СПОСОБ КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ В ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА 179

Келлер О. Б. НАЛОГИ, ПОДАТИ, ПОВИННОСТИ, ПОШЛИНЫ, КНЯЖЕСКИЕ РЕГАЛИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ ДО И ПОСЛЕ ДАРОВАНИЯ НЕМЕЦКОГО ПРАВА 186

Киселев А. А. ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ БРЕСТСКОГО ГОРОДСКОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА 194

Ковяко И. И. ПРОБЛЕМА РЕМИЛИТАРИЗАЦИИ ФРГ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 201

Козлов А. А. ЧИСТКИ БИБЛИОТЕК МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1953–1966 ГГ. 209

Концевой П. А. ГЕРМАНСКИЕ РЕПАРАЦИИ В ВОССТАНОВЛЕНИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА БССР (1945–1948 гг.) 216

Космач П. Г. ФРАНЦУЗСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ А. ДЕ ТОКВИЛЬ О РОЛИ РЕЛИГИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ США 224

Косов А. П. ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА 230

Крапивин В. С. ДОХОДЫ ОРГАНОВ ГОСИМУЩЕСТВ ВИТЕБСКОЙ, МИНСКОЙ И МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИЙ В 1885–1913 ГГ. 237

Кулинок С. В. ВЫЯВЛЕНИЕ И РАЗОБЛАЧЕНИЕ БЕЛОРУССКИМИ ПАРТИЗАНАМИ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ АГЕНТУРЫ НЕМЦЕВ, ПОДГОТОВЛЕННОЙ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИБАЛТИКИ, УКРАИНЫ И РОССИИ В 1942–1944 ГГ. 245

Лубінскі І. І. ПРАВАВЫ АСПЕКТ ФАРМІРАВАННЯ ДАЧНЫХ ТАВАРЫСТВАЎ У БССР У 1944–1991 ГГ. 252

Лук'янчук В. Э. ГІСТАРЫЯГРАФІЯ РАМЕСНАЙ І ДРОБНАТАВАРНАЙ ВЫТВОРЧАСЦІ БЕЛАРУСІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX СТ. 258

Любая А. А. ТАТАРСКІ АДДЗЕЛ У СТРУКТУРЫ КАНЦЫЛЯРЫІ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў XV – XVI СТСТ. (некалькі заўваг да пастаноўкі праблемы) 265

Любы А. У. ЯГЕЛОНЫ І ІХ ЭПОХА Ў НАЦЫЯНАЛЬНАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ БЕЛАРУСІ І ЛІТВЫ XX – ПАЧАТКУ XXI СТ.: ЭВАЛЮЦЫЯ ПРАБЛЕМАТЫКІ 272

Ляпешкін Я. М. ЭВАЛЮЦЫЯ СЛУЖБОВЫХ ФУНКЦЫЙ І ПАЎНАМОЦТВАЎ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНАТАРАЎ У ЧАС РЭФОРМАЎ 1860–1870-Х ГГ. 278

Маслоўскі Я. В. СТАН МЕДЫЦЫНСКАЙ ДАПАМОГІ ФАБРЫЧНА-ЗАВОДСКІМ РАБОЧЫМ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ У 1907–1914 ГГ. 284

Мигун Д. А. ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ДОГОВОРЫ ЛЕТА 1918 Г. И СУДЬБЫ БЕЛАРУСИ 291

Мікалаева Л. В. КАТЭГОРЫЯ «ГІСТАРЫЯГРАФІЧНЫ ФАКТ» ЯК ТЭАРЭТЫЧНАЯ ПРАБЛЕМА ГІСТАРЫЯГРАФІІ 297

Моисеева Е. И. НАЧАЛО ПОЛИТИКИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ 302

Мосейчук Л. И. ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ УНИАТСКОГО ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В. В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 312

Никулина Ю. В. ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ В БССР В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА 318

Приборович А. А. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ОРГАНОВ СТАТИСТИКИ БССР В 1919–1939 ГГ. 325

Пятрова Т. В. НЕКРОПАЛІ БЕЛАРУСІ І ГРАМАДСТВА: ТЭОРЫЯ І ПРАКТЫКІ РЭВІТАЛІЗАЦЫІ 331

Рубо О. П. ОСОБЕННОСТИ ЭТАПОВ ПОЛИТИКИ ЕЭС/ЕС В ОТНОШЕНИИ КНР В 1975–2016 ГГ. 339

Самонова М. Н. ПОЛОЦК В СВЯЗЯХ ДРЕВНЕЙ РУСИ
И СКАНДИНАВИИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 347

Самусік А. Ф. ЗАМОЙСКАЯ АКАДЭМІЯ Ў АДУКАЦЫЙНАЙ СПРАВЕ
БЕЛАРУСІ Ў КАНЦЫ XVI – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XVII СТ 354

Саракавік І. А. НЕКАТОРЫЯ АСПЕКТЫ КІРАЎНІЦТВА МІЛІЦЫЯЙ
ПАРТЫЙНЫМІ ОРГАНАМІ БЕЛАРУСІ Ў 1966–1970 ГГ 361

Семенова Л. Н. БРИТАНСКИЙ КОНГРЕСС ТРЕД-ЮНИОНОВ:
НАЧАЛО ИСТОРИИ 369

Спиридонова Т. А. СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТА
ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ПРИ СОВЕТЕ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ БССР
В ВОЕННЫЕ И ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ 376

Табунов В. В. ПОЗИЦИЯ ЕПИСКОПАТА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ
О РЕФОРМИРОВАНИИ ИНСТИТУТА ЕПАРХИАЛЬНЫХ СЪЕЗДОВ
В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ 383

Теслюкевич Д. И. РОЛЬ БЕЛОРУССКИХ ПОСЛОВ ПОЛЬСКОГО СЕЙМА
В ОСВЕЩЕНИИ ПРОБЛЕМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ
В 1922–1926 ГГ. 389

Філіпчык Д. У. ІНТЭРПРЭТАЦЫЯ НЕМАТЭРЫЯЛЬНАЙ
КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ МУЗЕЯМІ БРЭСЦКАЙ ВОБЛАСЦІ
Ў 1991–2016 ГГ. 396

Хибиев С. К. ПОЯВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НЕЙТРАЛИТЕТ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЕВРОПЫ В XIX ВЕКЕ 403

Хованский В. М. ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ
РАБОТЫ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РЕСПУБЛИКИ
БЕЛАРУСЬ В ПЕРИОД 1995–2000 ГОДОВ 410

Шимукович С. Ф. СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ОБ ЭЛИТАХ ДОЛГОГО XIX ВЕКА 418

Шыдлоўскі С. А. РАЧНЫЯ КАМУНІКАЦЫІ Ў ТРАДЫЦЫЙНАЙ
ТРАНСПАРТНАЙ СІСТЭМЕ БЕЛАРУСІ XIX СТ. 426

Яковчук В. И. ОРГАНИЗАЦИЯ ПОДГОТОВКИ
РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ ДЛЯ ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ НКВД БССР 432

Научное издание

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
РЕСПУБЛИКАНСКОГО ИНСТИТУТА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.
ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 18

В трех частях
Часть 1

Ответственный за выпуск *Н. С. Клишевич*
Редактор *Н. В. Боярова*
Компьютерная верстка *Ю. Н. Морковко, А. Г. Седро*
Корректор *И. М. Подоматько*

Подписано в печать 30.07.2018. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 25,9. Уч.-изд. л. 34,1. Тираж 100 экз. Заказ 47.

Издатель и полиграфическое исполнение:
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/174 от 12.02.2014.
Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.